

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://royallib.ru)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

М. Д. Бухарин, И. А. Ладынин, Б. С. Ляпустин, А. А. Немировский **История Древнего Востока**

Предисловие

Учебное пособие «История Древнего Востока» предназначено для студентов исторических факультетов высших учебных заведений, углубленно изучающих историю Древнего мира. Однако оно будет интересно и всем тем, кто увлекается историей древних обществ, отделенных от нас тысячелетиями.

В учебном пособии изложены все этапы исторического развития древневосточного мира от его зарождения в конце IV – начале III тыс. до н. э. и до гибели в первые века нашей эры, когда на смену эпохе Древнего мира пришло Средневековье. Древневосточная история рассматривается преимущественно в русле цивилизационного подхода. Это позволяет по-иному расставить акценты в освещении целого ряда важнейших проблем истории древних обществ и более ярко представить культуру и создавшего ее человека. Вопросы экономики авторы рассматривали через категории способа производства, форм собственности и эксплуатации, характерные для формационного подхода. При изложении материала и датировке событий учитывались новейшие данные как отечественной, так и зарубежной науки.

Материал учебного пособия разделен на пять больших разделов, в каждом из которых содержится история либо одной цивилизации, либо группы однотипных цивилизаций. Первый раздел посвящен Древнему Египту. Во втором излагается история народов Месопотамии. В третьем описываются общества Леванта, Анатолии, Армянского и Иранского нагорий. В четвертом разделе рассматривается история народов Южной Азии, в пятом – цивилизация Древнего Китая.

Авторы учебного пособия не только специалисты по древней истории – они активно преподают в вузах. Поэтому изложение материала максимально приближено к требованиям учебного процесса. В каждом разделе, помимо описания конкретных исторических реалий, приводятся данные по основным источникам и историографии, а также список литературы по теме, в том числе публикаций источников. В текст включены отрывки из исторических источников, что дает возможность увидеть историю глазами современников и оценить своеобразие источниковедческой базы. Историографические обзоры отражают все многообразие подходов и оценок в исторической науке, это позволяет судить об исторической обоснованности авторской позиции.

Таким образом, в данном учебном пособии содержится не только традиционная трактовка событий, как это принято в любом учебнике, но и различные точки зрения. Сопоставляя их, студенты научатся мыслить критически, у них сформируются основы исторического мышления, необходимого для специалиста в области гуманитарных наук.

Авторы:

М. Д. Бухарин – Южная Азия в древности (главы 20–26), Южная Аравия в древности (глава 18);

И. А. Ладынин – Древний Египет (главы 1–7);
Б. С. Ляпустин – Введение и Заключение;
А. А. Немировский – древняя Месопотамия (главы 8–14), история стран Леванта, Анатолии, Армянского и Иранского нагорий (главы 15–17, 19), Древний Китай (главы 27–31).

Введение

Под Древним Востоком понимают страны, которые располагались на обширных территориях Северной Африки и Азии от Восточного Средиземноморья до побережья Тихого океана в зоне субтропического климата. В этом обширном географическом регионе многие народы благодаря теплому и влажному климату и плодородным почвам получили благоприятные возможности для более быстрого развития, однако их исторический путь не был простым. История Древнего Востока – это история зарождения, становления и длительного развития первых цивилизаций, для которых характерно определенное историко-культурное единство и которые возникли после распада первобытного общества. Цивилизация закономерно пришла на смену родовому строю и знаменовала собой новый этап истории человечества. Сама по себе она является сложным историческим феноменом.

Термин «*цивилизация*» имеет несколько значений. Одно из них обозначает качественно новый, более высокий и прогрессивный по сравнению с первобытной дикостью и варварством уровень развития общества. Основными признаками этой стадии считаются: 1) возникновение городов; 2) монументальное строительство; 3) появление письменности. Город как укрепленное поселение, служившее центром власти и культа для ближайшей округи, зародился еще на заключительном этапе первобытного строя. Но, превратившись в центр ремесла и товарного обмена, он стал средоточием цивилизационного развития. В городах разворачивалось монументальное строительство: сооружались дворцовые и храмовые комплексы, необходимые царской администрации и служителям культа для выполнения их функций. Новые условия и изменения в жизни общества привели к появлению письменности, которая не только позволяла фиксировать и передавать резко усложнившиеся формы социально-экономической, политической и духовной жизни, но и выступала новой формой коллективной памяти, запечатлевавшей все, что принесла в общество цивилизация. Связь города, олицетворявшего достигнутый цивилизационный прогресс, высокого уровня общественных работ, строительной техники и разделения труда с вызванной ими к жизни письменностью является закономерной и естественной. Именно ранние общества Древнего Востока были первым этапом цивилизационного развития человечества.

Зачастую термином «*цивилизация*» обозначают целую эпоху, подчеркивая стадиальное отличие одних обществ от других: современная цивилизация, средневековая цивилизация и т. д. В этом смысле современные индустриальные цивилизации противопоставляют доиндустриальным (древним и средневековым), основной отраслью хозяйства в которых было земледелие.

Эпоха древних цивилизаций, которые относятся к земледельческим, доиндустриальным цивилизациям, составляет предмет изучения особой исторической дисциплины – «Истории Древнего мира». Эта дисциплина состоит из двух больших разделов: история народов Древнего Востока и история Античности (Древняя Греция и Древний Рим). Такое разделение не случайно. С одной стороны, древние цивилизации типологически близки. Однако, с другой стороны, древневосточные общества имели ряд существенных отличий от обществ античных в путях и формах развития, а также в общественно-политических и культурных структурах. Главным из этих различий являлось то, что при складывании древневосточных обществ одновременно с формированием дробной иерархической социальной структуры шло создание независимого центра власти, поднявшегося над членами общества (в отличие от античных обществ).

Но в основном термин «цивилизация» в исторической науке обозначают *целостную социокультурную систему*, структура и формы развития которой обусловлены, с одной стороны, природными основами жизни, а с другой – объективно-историческими предпосылками. Одним из главных элементов цивилизации выступает общество (социум). Под социумом в исторической науке понимают продолжающий и воспроизводящий себя во времени коллектив людей, «своих» друг для друга, связанных наследственными обязательствами взаимопомощи и ненападения. Эти обязательства гарантирует и обеспечивает верховная власть социума, соподчиняющая всех его членов. Группа таких социумов создает материальную, поведенческую и духовную культуру. Таким образом складывается объективное социокультурное единство, которое и называют цивилизацией.

В центре цивилизации стоит *человек* – культурно-исторический тип, который представляет социум и созданные им общественные связи, а также выступает создателем культуры в своей цивилизации. Вне социальной структуры и культуры человек не существует.

Первой и важнейшей для культурно-исторического типа формой взаимосвязей в рамках цивилизации являются взаимоотношения с природой, которая в эпоху Древнего мира безгранично властвовала над человеком. Человек должен был, с одной стороны, преобразовывать природную среду, получая продукты для своего существования, а с другой – оптимально приспособиться к ее объективно заданным условиям. Он был вынужден совершенствовать социальную модель общества, оптимизируя общественные структуры и их функции. Наконец, чтобы творческая деятельность была успешной, человеку необходимо было создавать механизмы и способы осмысления окружающего мира (природного и социального) в формах духовной культуры. Во всех сферах общественной жизни (природной, социальной, духовной) каждый культурно-исторический тип отвечал на «вызовы» времени в соответствии со своими представлениями об окружающем мире. При этом в своей творческой деятельности человек в соответствии с присущим ему мировоззрением стремился максимально гармонизировать свои взаимоотношения с каждой из этих трех сфер. Таким образом, практическая деятельность человека с целью гармонизации условий своего существования является движущим началом истории, а своеобразие цивилизации отражается в его картине мира.

В ходе развития цивилизации от ее зарождения к расцвету человек создал определенный комплекс материальных и духовных объектов и ценностей. Как сложная социокультурная система цивилизация включает в себя всю совокупность создаваемых человеком политических институтов и элементов хозяйственной жизни, а также многообразные связи (внутри и вне их) с духовной культурой (повседневной, бытовой, художественной и элитарной). В сложной внутренней структуре, специфике ее элементов и многообразии связей, отличающих каждую цивилизацию, нашли выражение и воплощение и присущие определенному этапу исторического развития объективные закономерности, и человеческая субъективность, проявляющаяся в образе жизни индивидов, в способе их общения с природой и себе подобными.

Все эти цивилизационные структуры впервые сложились на Древнем Востоке. Период существования древневосточных цивилизаций, возникших в различных регионах и с большой разницей во времени, продолжался более трех тысячелетий. Он начался в эпоху бронзового века, а закончился уже в железном веке. Первые цивилизации, сложившиеся на ограниченных территориях в плодородных речных долинах Нила, Тигра и Евфрата, возникли в конце IV тыс. до н. э. Отделенные друг от друга обширными пространствами, они получили название «первичных» или «локальных». Впоследствии, благодаря внутренним факторам социально-экономического развития и внешнему влиянию «первичных» цивилизаций, переход к цивилизационному развитию произошел и у других народов Древнего Востока, находившихся в менее благоприятных условиях. Цивилизации, активно усвоившие достижения передовых обществ, получили название «вторичных».

Столь же разновременным был и конец существования древневосточных обществ. На

Ближнем Востоке и в Центральной Азии после завоеваний Александра Македонского древневосточные народы стали частью эллинистического мира. На остальных территориях древние восточные общества существовали до III–V вв. н. э.

Древневосточные цивилизации раскинулись на обширных территориях от Северной Африки на западе (Древний Египет и Карфаген) до побережья Восточной и Юго-Восточной Азии (Древний Китай) и от Кавказского хребта и Великой степи на севере до Эфиопии и побережья Индийского океана на юге. Общества Древнего Востока располагались в зоне субтропического климата в целом благоприятного для жизни человека. Здесь были бассейны рек с плодородными аллювиальными долинами и оазисы, окруженные безжизненными песками или труднопроходимыми горами, бескрайние степи, полупустыни и пустыни, пересекавшиеся караванными тропами, обширные плоскогорья и горные хребты с неприступными снежными вершинами, берега южных морей, изрезанные удобными для стоянки судов бухтами. Все это порождало многообразие путей развития древневосточных обществ.

Особую роль в исторических судьбах народов Древнего Востока сыграли великие реки: Нил, Евфрат, Тигр, Инд, Ганг, Хуанхэ и Янцзы. Плодородные почвы долин этих рек позволяли при налаживании системы искусственного орошения (ирригации) эффективно развивать хозяйство. В свою очередь, экономическое развитие, создавая возможности накопления и изъятия продуктов потребления, углубляло социальную дифференциацию, а необходимость централизованного коллективного труда для проведения ирригационных работ приводила к сосредоточению власти в руках «верхов» общества. Именно естественно-географическая среда и обусловила главным образом различия между древневосточными цивилизациями и пути их развития.

Древневосточные цивилизации характеризуются прежде всего возникновением и функционированием более сложной по сравнению с первобытной эпохой системой организации *социальной структуры*. На смену кровнородственной общине пришли новые социальные связи. Основными ячейками общества становятся семья и соседская община. Коллектив соседей представлял собой замкнутый мирок, все члены общины были тесно связаны правами и обязанностями по отношению друг к другу.

Хотя древневосточная община базировалась на коллективных формах жизни, в ней возникла имущественная и социальная дифференциация, равенства там не было. Внутри соседского коллектива произошло выделение знатных семей, возвысившихся над рядовыми общинниками. Их высокий статус и доминирующее положение в общине сложились еще в заключительный период существования первобытного строя. В свою очередь, среди простых общинников постепенно выделялись, с одной стороны, зажиточные крестьяне, а с другой – бедняки, искавшие приемлемые условия существования и социальную защиту у влиятельных и богатых семей. Все это привело к созданию сложной системы личностных форм связей и подчинения на Востоке, которые накладывали существенный отпечаток на социально-экономические отношения в ранних цивилизациях.

Неоднородность древневосточного общества проявилась в формировании различных *сословий* – больших групп людей, различающихся по своим правам и обязанностям и положению в обществе обычно закрепленных в законах и передающихся по наследству. В древнем обществе человека и его статус оценивали прежде всего по месту, которое он занимал в сложной сословной иерархии. На верху социальной лестницы стояла придворная и служилая знать. Отдельное сословие составляла, как правило, замкнутая и влиятельная каста жрецов. Ниже располагались свободные общинники. Далее шли многочисленные группы людей, находившихся в различной степени зависимости как от частных лиц, так и от государства. Самой бесправной группой были рабы, попадавшие в эту зависимость чаще всего либо через институт должничества, либо за преступления, или попав в плен.

Социальные связи в древневосточном обществе тесно переплетались с экономическими отношениями. Верхние слои использовали свои все возрастающие властные полномочия для отчуждения при помощи внеэкономического принуждения рабочего времени и продуктов

труда других членов общества. Такое отчуждение называется *эксплуатацией*. Когда экономические отношения между основными группами общества выстраиваются на принципах эксплуатации, последняя становится классообразующим фактором, а само общество в науке может именоваться классовым. Под *классами* подразумевают большие группы людей, различающиеся по своему месту в системе прежде всего материального воспроизводства. Господствующий класс организует систему производства и эксплуатации, а классы непосредственных производителей осуществляют трудовой процесс. Классовый статус человека определяется и по способу, которым он добывает себе основные материальные средства к жизни.

Однако надо отметить, что в доиндустриальных обществах, где межличностные связи были доминирующими, а политика господствовала над экономикой, классов в чистом виде не существовало. Да и само древнее общество их не выделяло, и никто себя по классовому признаку в реальной жизни не идентифицировал.

Исследователи, как правило, выделяют в древневосточном обществе следующие классы: господствующий, организующий производство и эксплуатацию; свободные мелкие производители, связанные с общинно-частным сектором; класс мелких зависимых производителей; рабы и подневольные работники рабского типа. Но следует отметить, что классовая принадлежность в древности никогда не была консолидирующим моментом, и не следует преувеличивать уровень социального противостояния между «верхами» и «низшими классами».

Сложным был и процесс образования на Древнем Востоке такого важнейшего экономического феномена, как *частная собственность*, которую трудно проследить (особенно на начальных этапах существования древневосточных цивилизаций). Основные социальные конфликты чаще всего происходили среди различных групп правящих «верхов» общества.

Эпоха бронзового века наложила свой отпечаток на социально-экономические и социально-политические отношения на Древнем Востоке. У человека был весьма небольшой набор орудий труда и инструментов, значительную их часть составляли каменные и деревянные орудия, которые люди научились делать еще в первобытную эпоху. Отдельные семьи не могли самостоятельно выжить и справиться со всеми возникавшими трудностями. Обществу необходимы были действенные механизмы регулирования повседневной деятельности людей и создания гарантий его существования. Это достигалось как установлением и поддержанием внутреннего мира, так и организацией защиты от вторжений извне.

В результате сложился своеобразный *политический строй*: политическая организация древневосточных обществ первоначально имела два основных уровня власти. Первый был связан с общиной и общинным самоуправлением. Каждая община имела самоуправление, которое организовывало и контролировало повседневную жизнь своих членов, а также регулировало свои отношения с другими общинами и государством. На втором высшем уровне политической организации древневосточных обществ стояло государство, т. е. верховная власть и аппарат управления. Первые государства на Востоке возникли в рамках территориального объединения нескольких общин. Они получили название «*номовые государства*» (от гр. ном – область). Поскольку центром нома был город, то номовые государства в науке еще именуют городами-государствами.

Потребность в государстве как регулирующей социально-политической организации, стоящей над обществом, особенно возросла в речных долинах, где одна семья не могла справиться со стихией великих рек. Занятие ирригационным земледелием требовало коллективных усилий и организации работ на территориях проживания многочисленных общин. Поэтому обширные государства в долинах великих рек сложились в особой форме, получившей название «*древневосточная деспотия*». Древневосточная деспотия, как правило, предстает абсолютной монархией, где вся высшая власть находится в руках царя, обычно обожествлявшегося или считавшегося главной фигурой культа, ответчиком перед

богами за всех своих подданных.

Такая система власти выросла прежде всего из специфики древневосточного государства, заключавшейся в осуществлении прямого хозяйственного руководства в пределах обширного сектора экономики, в том числе путем создания системы искусственного орошения. Деспотическое государство сохраняло за собой право верховной собственности на землю, которое практически не отделялось от государственного суверенитета. Правитель был хозяином и распорядителем всего, что находилось в его власти (земля, налоги, трудовые ресурсы, повинности и т. д.). Развитых форм частной собственности (по крайней мере на первых порах) не существовало. Имущественные права частных лиц законодательно не регулировались, и в любой момент правитель мог отобрать земельные владения подданных.

Социальной основой древневосточного деспотизма являлись низовые корпорации – сельские общины, касты и другие коллективы, как правило, религиозно-производственного характера. Условия существования этих объединений всецело зависели от государства, которое выступало столь же грозной силой, что и природная стихия. Замкнутый мирок этих производственных коллективов, ограниченный кругозор их членов были благодатной средой для мифологизации и обожествления государственных структур и верховного правителя.

Сила власти монарха в древневосточном обществе и активное вмешательство государственной власти в хозяйственную жизнь страны базировались на разветвленном бюрократическом аппарате. Опираясь на многочисленных чиновников, верховный правитель выполнял главную функцию – организации общественных работ для создания и поддержания развитой системы ирригации, которая была условием и гарантией существования и развития древневосточного общества.

Кроме того, как верховный собственник земли, государство создавало крупные царские и храмовые хозяйства, где трудились различные категории подневольных и зависимых работников. В эпоху бронзового века индивидуальным трудом было невозможно создать и накопить сколько-нибудь значительный прибавочный продукт, поэтому развитие производительных сил и создание общественного богатства шло в рамках крупных хозяйств, только так дворец и храм были в состоянии организовать производственный процесс на принципах кооперации и специализации организованных в трудовые отряды работников, что обеспечивало более высокую по сравнению с деятельностью индивида производительность труда и экономический прогресс.

Усложнившиеся социально-экономические связи и отношения способствовали проникновению государственных структур и чиновничьего аппарата во все сферы жизни и деятельности общества. Человек попадал в зависимое от государства положение, при котором формы хозяйственной, религиозной и политической жизни и даже отношение к другим людям определялись не им самим, а стоящей над ним властью. Однако, несмотря на абсолютное доминирование государства над обществом, древневосточную деспотию не следует представлять как систему необузданного проявления всевластия верховного правителя, который не считается ни с чем, кроме своих желаний. Деспотия базировалась на строгом и обязательном для всех всеобщем законе, который представлял собой совокупность социально-этических и религиозно-правовых норм, провозглашавших изначально ценностью абсолютную власть деспота.

Эти нормы и жесткая система организации жизни общества и контроля над ним оптимально соответствовали древневосточному типу человека и всецело поддерживались подданными. Древневосточная деспотия выступала стабильной и гарантированной моделью существования общества. В социально-психологическом плане она была приемлемой и привычной для населения, которое не мыслило себя без этого «извечного и справедливого порядка вещей». Наоборот, гибель структур деспотического государства влекла за собой развал ирригационной системы земледелия, всей экономической модели хозяйствования, неурожай, голод.

Кроме того, в силу специфики начального периода цивилизационного развития

Древнего Востока, когда еще не было четкого разграничения различных сфер жизни, государство возглавило и экономическую, и социально-культурную, и религиозную, и идеологическую сферы жизни древневосточного общества. Помимо деспотии, на Древнем Востоке существовали и другие формы политической власти – ограниченные монархии и олигархические (аристократические) республики.

Многообразию природных условий и неоднородность общества породили еще одну важную особенность Древнего Востока – многоукладность. В речных долинах с поливным земледелием были иные формы хозяйствования, нежели в зонах богарного земледелия, в степях, предгорьях, оазисах, приморских городах. Очень важную роль играла структура и размеры основной производственной ячейки (царское или храмовое хозяйство, поместье вельможи, хозяйство свободного общинника или различных типов подневольных работников).

При всем разнообразии и изменчивости культур Древнего Востока большинство из них имеет ряд общих черт, складывающихся в особую систему – так называемое *мировоззрение архаики*¹, а носителем этого мировоззрения выступает *архаический культурно-исторический тип* человека. Основные элементы этого мировоззрения – представления о духах и богах, способах общения с ними, магии, о существовании у человека души, переживающей тело, о загробном мире и т. д., изложенные в мифах, – казалось бы, хорошо известны науке. Тем не менее сами его основы толкуются специалистами по-разному. Разногласия между исследователями существуют прежде всего по вопросу о том, каково было соотношение *коллективного* (в том числе *государственного*) и *личностного* начал в менталитете архаики, *иррационального* и *рационального*, а также по вопросу о соотношении *дорационального* (т. е. религиозной веры и утверждений, основанных на кажущихся очевидными спонтанных ассоциациях) и *рационального* (т. е. логического анализа и осмысления объективного опыта) в архаическом мышлении.

На одном полюсе здесь оказываются концепции, согласно которым феномен *личности* во времена архаики еще не сложился, причем его появлению во многом препятствовала деспотическая государственность, рассматривавшаяся как самодовлеющая высшая ценность (именно такой смысл ученые XIX и XX вв. вкладывали в само понятие «восточная деспотия»), а представления о богах были основаны на иррациональной вере и благоговейном преклонении перед могуществом «сверхъестественных сил». Предполагается, что и само личное сознание толком еще не выделилось тогда из коллективного, так что люди преклонялись перед богами, обществом и властью как самодовлеющими началами, имеющими априорный, безусловный приоритет перед людьми как личностями, их жизнью и потребностями. На основе именно таких концепций до сих пор строятся расхожие представления о нравах и мировоззрениях Древнего Востока.

На другом полюсе стоят концепции, согласно которым личностное начало и рационализм мышления в эпоху архаики были, как это ни парадоксально звучит на первый взгляд, примерно такими же, как в современном мире, и лишь несравнимая с современностью скудость достоверных знаний о мире, а также специфические условия экономической жизни приводили к тому, что при примерно той же системе ценностей и тех же основах мышления, что и у нас, картина мира и социальные установления архаической древности в конечном итоге разительно отличались от современных. Авторы настоящего учебника в основном придерживаются именно этого взгляда. С нашей точки зрения, ошибочными или упрощенными являются распространенные утверждения о самодовлеющем восточном деспотизме; о том, что мышление древнего человека носило принципиально иной характер, чем у современного; о том, что государственность и богопочитание Древнего Востока подавляли человека и сама личность еще не выделилась из коллектива и не осознала

¹ Под архаикой в истории культуры подразумевается эпоха до появления догматических религий (иудаизм, христианство, ислам), возникновения философии, политического и научного теоретизирования как такового.

свою автономию и свободу воли. Представляется, что при выработке всех этих утверждений некоторые *внешние* отличия древневосточного менталитета от привычных нам норм и навыков современности принимаются за отличия *сущностные*. Сохраняющийся в науке принципиальный разброс мнений по этому поводу, а также сложность самих обсуждаемых феноменов заставляют нас осветить их более подробно.

Согласно распространенным сегодня *теориям о магико-мифологической картине мира* и ее основах, свои суждения о внешнем мире человек первобытности и древности получал не совсем так, как человек современный, пользуясь при этом так называемым мифологическим («магическим») мышлением, а не мышлением современного типа, присущим Новому и Новейшему времени (последнее обычно именуется логико-эмпирическим, или «научным»). У истоков этих теорий стоят прежде всего **Л. Леви-Брюль** и **К. Леви-Строс** (во многих других вопросах несогласные друг с другом). Л. Леви-Брюль противопоставляет мышление архаики современному как «дологическое» (эмоционально-ассоциативное) – «логическому», а К. Леви-Строс рассматривает их как два разных типа логического мышления.

Однако по существу реконструкция архаического мышления Леви-Стросом в основном совпадает с реконструкцией его Леви-Брюлем, и расхождения между ними касаются главным образом понимания самой категории логического. Оба исходят из того, что мы, современные люди, проверяем наши ощущения логическим анализом и опытом, а человек архаики априори доверялся эмоционально-ассоциативному импульсу, напрямую переводя его в итоговое суждение без всякой проверки разумом. К примеру, вредоносная магия объясняется так: раз изображение врага, как ему и положено, напоминает человеку самого врага (т. е. ассоциируется с ним), то человек автоматически ощущает их как нечто тождественное, автоматически, без всяких колебаний, осмысления и анализа доверяется этому ощущению и потому априори принимает за самоочевидность, что изображение врага органически связано с самим врагом, что это, по сути, две части одного физического объекта (как бы «разорванного» в пространстве). Но тогда манипуляция с изображением врага может нанести непосредственный ущерб самому врагу (ведь это части одного объекта, и удар по одной из них должен в принципе отозваться на другой!); разработкой таких манипуляций и занимается вредоносная магия. При этом в рамках рассматриваемой концепции считается, что все изложенное для описываемого человека было не умозаключением (которое он мог бы мысленно взвешивать, обдумывать и проверять), а самоочевидностью, в которой просто не могло возникнуть сомнений, точно так же, как, например, для нас самих реальность мира является плодом самоочевидности, а не умозаключений. Таким образом, человеку архаики приписывается априорная вера в то, что если некие объекты или начала оказываются взаимосвязаны в нашем эмоционально-ассоциативном восприятии (как изображение врага и сам враг), то это автоматически означает их прямую физическую взаимосвязь в реальном мире; на такой основе человек архаики и строил якобы свои суждения о мире².

Согласно этой же концепции, у архаического человека групповое самосознание доминировало над индивидуальным, которое делало лишь первые шаги. Наличие общины, к которой человек на Древнем Востоке был накрепко привязан и которая гарантировала своему члену стабильное и устойчивое существование, ставило коллектив над индивидом и его следствием было растворение личности в групповых структурах социума. Эта объективная потребность в коллективных формах труда и жизни на принципах взаимопомощи приводила к подчинению частных интересов коллективным, общинным. Интересы социальной группы выступали для архаического человека более значимой

² При этом школа Л. Леви-Брюля полагает, что сами ассоциации, служащие материалом для таких «суждений», люди архаики получали лишь путем непосредственного интуитивного переживания, а по К. Леви-Стросу – еще и путем осознанного выделения и сравнения признаков разных предметов. Второй путь уже требует неких способностей к анализу (хотя бы на уровне выделения и сравнения признаков), именно такие способности К. Леви-Строс называет логическими. Поэтому Л. Леви-Брюль и определяет мышление архаики как «дологическое», а К. Леви-Строс – как «логическое» (однако иного типа, нежели наше).

ценностью, чем личностное начало. Однако личные цели и желания при этом не исчезали, а сохраняли свое значение и играли заметную роль в формировании ценностных ориентиров. Мировоззрения Древнего Востока представляли собой синтез личных и общественных ценностей.

Другой важной отличительной особенностью древневосточного человека, согласно излагаемой концепции, было наличие мифологического мышления, которое характеризуется дорациональным восприятием действительности. *Мифологическое мышление* – это мышление на чувственном уровне, которое привело к созданию мифов, объясняющих происхождение космоса и его проявления, а также появление самого человека и его место в мире.

Однако обобщить отдельные мифологические сюжеты до единой непротиворечивой картины мира архаическому человеку было довольно сложно. Особенности его мышления были связаны с трудностями выражения абстрактных понятий. Обобщенные заключения в мифологическом повествовании создавались через чувственно-наглядные сопоставления. Это вело к попытке выразить более сложные явления посредством метафоры. В мифологическом повествовании повседневные бытовые предметы и явления рассматриваются как проявления, знаки или объекты приложения сакральных, «сверхъестественных» сил. Это, в свою очередь, обуславливало одну отличительную черту духовной культуры архаического человека: в его сознании не было четкой границы между материальным и духовным, вещественным и эмоционально-чувственным. Вокруг него реально существовал не только мир людей и предметов, который он видел сиюминутно, но и все то, что волновало и воспринималось через эмоции и ощущения: воспоминания, сны, видения. В мышлении человека ранних обществ не было грани между объективным и субъективным, материальным и чувственным.

Мифологическое мышление, которое через миф и обряд вело человека к истокам мироздания, порождало *циклическое восприятие времени*. В такой культуре движение вперед означало возвращение в далекое прошлое – к системе ценностей предков. Восприятие прошлого как идеального образца, которому необходимо подражать и к которому стремились вернуться, формировало традиционную культуру Востока. Это была культура, ориентированная на уже созданные и апробированные на протяжении жизни многих поколений и поэтому не подлежащие изменениям духовные ценности. В этой ситуации мифологическое сознание формировало у древнего человека целый мир абсолютных истин. Миф и выраженные в нем завещанные далекими предками ценности давали человеку единственные и окончательные ответы на все кардинальные вопросы бытия. Благодаря мифологическому мышлению духовное пространство общественного сознания оказывалось единым и нерасчлененным.

Ключевым при описании подобного мышления становится слово «вера» (подразумевается безосновательная и не нуждающаяся в обоснованиях вера, когда непосредственное ощущение автоматически переводится в суждение, рассматривающееся как безусловно истинное, без анализа, сомнений и допущения возможной ошибки). При этом никто не отрицает, что в сфере прикладных повседневных навыков (например, при производстве орудий труда) люди архаики сплошь и рядом оперировали обычным рациональным мышлением, логически интерпретируя опыт. Однако их базовые суждения о мире – о космосе, душах, богах и обрядах, как обычно считают, вырабатывались путем мифологического мышления, т. е. опирались на акты безусловной иррациональной веры и не подлежали сомнению (в противоположность суждениям «научного» мышления, которые опираются на очевидный опыт и доказательства и считаются лишь относительно истинными: всегда допускается, что в них содержится доля погрешности или ошибки, даже если такая возможность не принималась во внимание на практике).

Такова в общих чертах концепция мифологического мышления. Однако, несмотря на распространенность подобных взглядов, с ними трудно согласиться уже по той причине, что человек древности вынужденно наделяется двумя плохо совместимыми типами мышления,

при этом не объясняется, почему в одних сферах своей жизни он руководствовался одним из них, а в других – по существу противоположным. Кроме того, общеизвестно, что древности в течение тысячелетий было принципиально чуждо само понятие о догмах (абсолютных истинах) и понятие о вере как пути безусловного их принятия. «Много дней пройдет, и любое пророчество потеряет силу», – говорит древнееврейская языческая пословица, прямо выражая тот принцип, что ни одно суждение не может быть признанным свободным от ошибки, т. е. что абсолютно истинных суждений, принимаемых путем тотальной веры, быть не может³. Именно поэтому так называемые религиозные концепции древности характеризуются крайней текучестью, гибкостью и изменчивостью – никаких догм, ограничивающих и фиксирующих их развитие, не существует. Различные, противоречащие друг другу религиозно-мифологические концепции сосуществовали в пределах одной и той же древней культуры, пользуясь принципиальной взаимной терпимостью: на своей абсолютной правоте не настаивала ни одна из них, и ни одна не объявлялась ересью или ложной верой ни адептами других концепций, ни государством. Иными словами, сторонники всех этих концепций относились друг к другу точно так же, как в современном мире приверженцы конкурирующих друг с другом естественнонаучных теорий, а не так, как приверженцы различных религий.

В действительности при объяснении взглядов и представлений людей древности нет необходимости прибегать к теории о некоем *особом типе мышления*. Достаточно вспомнить, что и для нас основным критерием объективности и репрезентативности опыта является его независимость от усилий нашего воображения. Древние тоже вполне логичным и рациональным образом расценивали свои яркие эмоционально-ассоциативные впечатления как объективный опыт по главному критерию такового – независимости соответствующих впечатлений от сознательной воли воспринимающего субъекта. Человек древности создавал свою картину мира на интерпретации такого «опыта», причем изучал его точно таким же аналитически-сопоставительным, логико-эмпирическим путем, как современный физик – показания своих приборов. Основным отличием духовного мира древности от современного является то, что носители архаических культур воспринимали сильные эмоциональные импульсы, видения и интуитивные ассоциации (переживаемые, например, при исполнении магических обрядов) как некие «показания приборов», по которым можно с полным правом судить об окружающем мире.

Коренное отличие картины мира, разрабатываемой древним сознанием, от нашей состоит в том, что границы «объективного» опыта люди архаики проводили совсем не так, как мы. Сегодня эти границы кажутся самоочевидными; все ощущения принято делить на три группы: 1) так называемые объективные (проверяемые различными органами чувств, не зависящие от усилия нашей воли и подтверждаемые показаниями других носителей и фиксаторов ощущений, будь то люди или приборы); 2) «подсознательно-субъективные» (доступные только нам и неулавливаемые вовне, однако появляющиеся независимо от нашей воли, как бы сами по себе – например, сны); 3) «сознательно-субъективные» (субъективные и при этом измышленные нами сознательно – например, образ, который мы вспомнили, вообразили или представили себе, ощущая затраченное на это усилие разума и воли). При этом к «объективному» опыту сейчас относят исключительно первую категорию ощущений. Но человек первобытности и древности не подозревал о существовании субъективно-подсознательного мира и тем самым был вынужден относить к «объективному» опыту и первую, и вторую из только что названных категорий. Таким образом, люди архаики последовательно рассматривали свой подсознательный субъективный опыт как опыт объективный, эмпирический.

Итак, в качестве прямого источника достоверной информации о мире древние

³ Греки формулировали тот же тезис об относительной истинности любого суждения в знаменитой максиме: «Я [с абсолютной достоверностью] знаю только то, что ничего не знаю [с абсолютной достоверностью]».

использовали любые образы и ощущения, независимые от их разума и воли, т. е. все образы и ощущения, не «придуманные», не вызванные к жизни осознаваемым усилием воображения, а приходящие к наблюдателю как бы сами по себе, помимо сознательных усилий его разума.

Древний жрец, спонтанно испытывая сильнейшее эмоциональное потрясение при обряде вступления в контакт с божеством, считал само это потрясение верным знаком того, что он в самом деле вступил в контакт с божеством – иначе откуда явилось это потрясение (ведь он не вызывал его специально?). Если человек исполнял магический ритуал или обряд, в котором он поражал далекого врага или воплощал некоего бога, то в процессе этого обряда он мог на какое-то время устойчиво и ярко ощутить себя действительным победителем врага или воплощением бога, причем подобное ощущение приходило к нему «само», без усилий воображения. Это расценивалось им как надежное свидетельство того, что он действительно нанес в тот момент удар врагу или сливался с соответствующим богом – иначе как к нему пришло подобное ощущение, коль скоро он не вызывал его усилием собственной воли? На этом эффекте основаны все магические ритуалы: ведь их суть – имитируя какое-то действие, вызвать «сквозь время и пространство» его осуществление, а условием этого является *переживание* тем, кто совершает обряд, имитации как реального действия. Не случайно магическое действие стараются осуществлять в состоянии наивысшего эмоционального подъема или транса, т. е. отключая или ослабляя собственную волю и сознание: это помогает человеку бесконтрольно и полно пережить имитацию как реальность – и тем самым, по мнению древнего человека, действительно сделать ее реальностью.

Основные концепции так называемых *религий архаики* – магия, богообщение, представление о загробном мире – были созданы, по-видимому, именно таким путем. Например, яркое и четкое сновидение должно было рассматриваться как достоверное доказательство того, что увиденное во сне происходило с личностью спящего на самом деле (иначе откуда бы могло взяться само сновидение), но поскольку с его физически наблюдаемым телом, как легко было установить, ничего подобного в это время не происходило (оно спало), оставалось заключить, что носителем личности человека является особый компонент, способный незримо отделяться от его физического тела и странствовать по неким «измерениям» (наблюдаемым во сне, но недоступным для наблюдения третьих лиц), пока тело неподвижно и находится в состоянии сна (что как раз доступно наблюдению третьих лиц, но не спящего, т. е. разворачивается в ином «измерении», отличном от тех, по которым он странствует во сне!). Этот особый компонент и является тем, что с древнейших времен описывалось как отличная от тела «душа». Именно таким мог быть вполне «научный» – в точном смысле слова! – алгоритм «открытия» обособленного существования души и тела.

Естественно, созданная таким образом картина мира древнего человека по рисунку и деталям совершенно отлична от нашей, но носит такой же «стихийно-материалистический» и относительный характер и создавалась тем же рациональным способом и с теми же прикладными практическими целями, что и современная. Основные концепции древности остается признать явлениями той же природы, что и концепции современного «естественнонаучного/рационального» сознания⁴. Называть их, как это обычно делается,

⁴ Ученые XIX в., обратив внимание на существенное сходство магико-мифологического «знания» и науки (оба стремятся, используя некое профессиональное знание о взаимосвязях и устройстве мира, расширить это знание и применить его для решения людских проблем, опираясь на специально разработанные правила и приемы), часто определяли магию как псевдонауку. Эту оценку надо признать верной, добавив, что от современной науки магико-мифологическое знание отличается лишь границами выделения объективного опыта; критерии же этого выделения, т. е. саму суть опыта, они понимают совершенно одинаково: опыт не должен зависеть от индивидуального субъективного мира наблюдателя; тогда его можно интерпретировать как прямое отражение внешнего, наблюдаемого мира, который мы и стремимся постичь. Древность лишь приписала это важнейшее свойство настоящего опыта – относительную независимость от наблюдателя – тем ощущениям, которые его на деле не имеют.

«верованиями» и описывать эти системы как «религии» можно только по традиции, сознавая всю условность подобного словоупотребления.

Своеобразие древневосточных культур обусловлено также местом человеческой личности в культуре архаики. Неожиданным для многих свойством древневосточного менталитета было то, что он при всей роли коллектива в общественной жизни с самого начала оказывается сугубо личностным. Нередко считают, что личное сознание (в том числе этическое) стало выделяться из коллективного лишь в так называемое осевое время (сер. I тыс. до н. э. и далее). Согласиться с этим трудно. Достаточно вспомнить о том, какую экстраординарную роль для человека древности играло его *имя* – главный оплот личной идентификации вообще. В текстах самых разных эпох восточной древности – от «Эпоса о Гильгамеше», «Диалога господина и раба» и шумеро-аккадских пословиц в Вавилонии до важнейшего брахманского трактата «Законы Ману» в Индии и даже сочинений раннего конфуцианца Сюнь-цзы в Китае – человеческий мир рисуется в первую очередь как мир *отдельных людей*, делающих индивидуальный выбор (и по отношению к социуму, и по отношению к богам, и по отношению к другим личностям). Согласно представлениям, выраженным в этих текстах, люди стремятся к удовлетворению своих фундаментальных потребностей и именно в силу этого (учитывая исходную структуру этих потребностей) формируют общество, смысл и высочайший авторитет которого измеряется именно тем, что оно является важнейшим и незаменимым средством обеспечения и защиты этих потребностей. Подчинение социальной норме изображается в этих текстах делом осознанного, ответственного и трудного личного выбора (во многом подневольного!), а отнюдь не реализацией какого-то «естественного» или априорно обязательного растворения личности в коллективе. Характерно, что выбор людей в этих текстах мотивируется только их потребностями, включая, конечно, эмпатические и коллективистские потребности, осмыслившиеся, однако, именно как личные, свойственные человеку по природе. К их числу относились потребности в позитивных контактах с окружающими, в осознании причастности к своему обществу и в чувстве собственного достоинства и самоуважения, социальном по своей природе, так как оно порождается только определенным, осуществляемым по неким этическим правилам взаимодействием с обществом и его членами.

Как видно из письменных источников, общество на Древнем Востоке хотя и имеет высший авторитет по отношению к любой личности, обосновывает его только тем, что обеспечивает фундаментальные потребности своих членов. Целью человеческого общежития считается не совершенствование или преобразование людей, а их оптимальное выживание. Общество предпочитает так сказать «не лезть в душу» своих членов, интересуясь обычно лишь практически значимыми аспектами их поведения по отношению к окружающим. Поэтому поощряемая государством идеология играет важную интегрирующую роль, но не насаждается и не навязывается как требующая обязательного согласия индивида.

Разумеется, власть общества над личностью в древности была, как правило, на порядок большей, чем в современном мире, а на Востоке – существенно большей, чем в классической Античности; отсутствовала также и концепция особых «прав личности», противопоставляемых «интересам общества» и тем более приоритетных перед ними. (На древнем Ближнем Востоке общество представляло собой системную совокупность отдельных людей с разными статусами, и соответственно признавались только права отдельных лиц, частично различающиеся в зависимости от их статуса.) Гораздо более высокая, чем сегодня, степень принуждения и несвободы была нужна обществу древности, жившему в неизмеримо более тяжелых условиях, чем мы, и люди древних обществ это понимали. Поэтому, восставая против чрезмерно несправедливой или алчной властной верхушки, они практически никогда не стремились уничтожить саму иерархически-сословную систему власти.

Если говорить не о той или иной степени внешней (политической) свободы, но о санкционированной самим обществом духовной свободе личностной самоидентификации, индивидуальных суждений и оценок, привязанных к личным ценностям (а именно это

образует личность в точном смысле слова), то таковая, бесспорно, на Древнем Востоке существовала. Все наиндивидуальные ценности рассматривались как вторичные по отношению к потребностям самих людей – авторитет государства или культа устанавливался исключительно через привязку к личным ценностям: общество и власть открыто заявляли, что смысл их существования – обеспечение оптимального выживания членов данного общества, и авторитет царской власти мотивировался именно тем, насколько она необходима для решения этой задачи. Достаточно сказать, что, по египетской формулировке, царь существует, «чтобы поддержать спину слабого». Законы Хаммурапи провозглашают, что цель царского правления – «ублажения плоти людей», «Законы Ману» объявляют высшим благом человека «следование своей воле», а величайшим злом – подневолье как таковое (социальное принуждение тем самым рассматривается как наименьшее зло и единственное средство обеспечения людям наибольшего «блага» в приведенном понимании).

Первые примеры концепций, считающих самоподчинение и жертвенное служение человека некоему надличностному началу (полисному коллективу или богу, ради которых следует максимально подавлять свою «самость» и «своеволие») самодовлеющей ценностью, идеалом и высшим смыслом жизни личности (а не печальной, в общем-то, хотя и придающей людям славу, необходимостью) – это полисная этика греческой классики и иудаизм, знаменитые «Афины и Иерусалим», упоминавшиеся множеством мыслителей как исток позднейших евразийских цивилизаций, исповедующих мировые догматические религии.

Языческие религии древнего Ближнего Востока в некотором отношении более соответствуют не религии в средневековом и современном понимании, а современной прикладной науке. Таковы они и по своему назначению (обеспечение физических благ для общества и его членов), и по своей организации (особое профессиональное учреждение – храм), и по способу существования (множественность и изменчивость сосуществующих концепций; адогматизм, релятивизм, т. е. признание того, что общепринятые представления могут быть в чем-то ошибочны, и, следовательно, их допустимо корректировать; мирное сосуществование различных культов). Они не знают понятия «откровение», прагматичны и чужды всякому принципиальному иррационализму. «Do ut des» – латинская формула обращения к богам при жертвоприношении (дословно: «Даю тебе, чтобы ты в ответ дал мне») выражает магистральный принцип общения с богами в древности. В контакт с ними вступали никоим образом не ради самого по себе богообщения, благоговейного преклонения перед высшим, приближения к нему, этического очищения, совершенствования и т. п., а ради получения самых обычных и насущных житейских благ. Конечно, бог вызывал к себе и живое, бескорыстное человеческое отношение, но не в большей степени, чем другие живые существа.

Не было абсолютизации богов: они не всемогущи, не всезнающи и не всеблагы. В служении им люди видели не высший долг, а лишь средство обеспечения своих потребностей (правда, учитывая могущество богов, это являлось жизненной необходимостью). *Этика* существовала независимо от богов. Конечно, боги почти всегда следят за тем, чтобы люди соблюдали определенную норму, в том числе многие нормы человеческой этики; однако в глазах людей нравственный авторитет данной нормы не возрастал просто потому, что она вменялась богом (хотя это, конечно, повышало ее силовой авторитет). Достаточно вспомнить, как в Египте в общегосударственном порядке разрабатывались и распространялись заклинания, которыми люди могли бы обмануть богов на загробном суде, чтобы обеспечить себе посмертное благоденствие. Боги не являлись ни источником, ни даже примером этики для людей и не стояли выше человеческой этической оценки; они не обладали ни безусловным, ни даже более высоким, чем люди, этическим авторитетом, и только их могуществом и претензиями обуславливался контроль над соблюдением людьми различных норм.

Этика в древности не рассматривалась как внешний нравственный императив, самому человеку «по природе» чуждый и вмененный ему извне авторитетом абсолютного божества – носителя и источника нравственности – ради его собственных высших целей, лежащих вне

земных интересов и потребностей самого человека. С точки зрения древних, системы ценностей и моральные нормы вырабатывают для себя сами люди (как и боги) по своей воле и в своих интересах как средство оптимального обеспечения природных потребностей. Поскольку удовлетворять эти потребности можно было только в коллективе, правила коллективного общежития стали необходимыми и этически ценными. Боги могли следить за исполнением этих правил, но поступали в этом случае так же, как и любой другой начальник (от отца семейства до старосты или царя), не делаясь от этого ни источником, ни высшим воплощением этики.

Рассматриваемая этика рациональна, антропоцентрична и воспринималась как необходимое людям соглашение. Определение доброго и злого привязывалось исключительно к удовольствиям (жизни) и страданиям (смерти) людей. Первичным добром оказывался, таким образом, момент удовольствия, а первичным злом – момент страдания каждой отдельной личности; все более сложные и приоритетные в конечном счете этические оценки являются результатом перерасчетов этих первичных «добр» и «зол» между членами общества, предпринятых по обычным правилам человеческого общежития. В Древней Индии эту мысль даже выражали прямо: «Все, делающееся поневоле, – зло, все, делающееся по своему желанию – благо. Это кратчайшее [первичное] определение добра и зла» («Законы Ману»); под этим высказыванием подписались бы и на Ближнем Востоке. Независимо от этого существовало понятие ритуального греха (т. е. вины за нарушение воли богов, которую те определяли по своему усмотрению), но оно не носило этического характера.

Боги древнего Ближнего Востока неабсолютны (т. е. конечны, уязвимы и не менее «материальны», чем любой другой объект), неотделимы от мира и, наряду с людьми, подчиняются космической несвободе (хотя и в неизмеримо меньшей степени). Иными словами, ближневосточные культуры, в сущности говоря, не знают ничего «сверхъестественного». Не могло возникнуть и противопоставления «сакрального» и «профанного», «святого» и «грешного» в привычном для нас смысле, заданном мировыми религиями, т. е. как начал, соотнесенных с принципиально противоположными уровнями бытия. Можно говорить лишь о большей или меньшей ритуальной чистоте того или иного объекта и о большей или меньшей связи того или иного явления с наиболее могущественными существами – богами. Когда речь идет о высокой степени этих показателей, соответствующие явления и объекты, разумеется, рассматривались как из ряда вон выходящие и окруженные особо мощной защитой и запретами; такая окруженность и обозначалась терминами, которые современный переводчик вынужден переводить как «священный, святой». Заметим, что никакого этического смысла этим понятиям языческая древность не придает – они носят чисто «технический» характер; ритуально чистый, «сакральный» правитель или бог не делается от этого этически лучше, он всего лишь более защищен и менее уязвим.

Принципиально новые явления во всех этих областях возникли лишь во 2-й половине I тыс. до н. э., когда появились первые концепции, считавшие тотальное самоподчинение и жертвенное служение абсолютному внешнему началу – Богу – безусловным и первейшим долгом человека, возводившие авторитет этической нормы исключительно к тому, что ее вменил Бог; отождествлявшие Бога с абсолютным Благом, претендовавшие на подчинение всех сфер жизни общества и требовавшие последовательно теоцентрической мировоззренческой ориентации. Богообщение, ранее являвшееся делом государства и профессиональных жрецов, теперь вменялось в долг каждой отдельной личности.

Особая роль государства и территориальной общины в цивилизациях Древнего мира обусловила своеобразие путей их исторического развития. В целом в древности сложились *три пути развития общества*. Один из них наиболее полно реализовался в Месопотамии. Непредсказуемый ритм разлива Евфрата и Тигра, недостаток полезных ископаемых не позволяли центральной власти быстро и действенно защитить каждую общину от возможных катаклизмов и создать оптимальные условия для существования. А наличие многочисленных рукавов и протоков рек давало возможность создавать локальные

ирригационные системы. Поэтому в Месопотамии возрастала роль общины в обеспечении условий своего существования и в активной борьбе с неожиданными и разрушительными наводнениями, в строительстве защитных дамб и каналов. Роль общины и общинно-частного сектора в социально-политической и социально-экономической сфере жизни Междуречья была так велика, что объединение небольших номовых государств в одно целое здесь произошло значительно позже, нежели в других регионах Древнего Востока. А когда в Месопотамии сложилось единое государство, то общины и общинный сектор продолжали сохранять свое значение и активно сосуществовать с государством и государственным сектором экономики.

По другому пути развития древневосточных обществ пошел Египет. Разливы Нила происходили в одно и то же время, что позволяло центральной власти предусмотрительно принимать необходимые защитные меры. Отсутствие у общин, цепочкой расположившихся вдоль Нила, возможности создать независимую ирригационную систему способствовало быстрому формированию единого государства в его долине. Это привело к абсолютному доминированию государства в жизни египтян, а в итоге – к растворению общинных институтов в государственных структурах и ведущей роли крупных царских и храмовых хозяйств в экономике.

Третий путь развития избрала античная цивилизация – в Древней Греции и Древнем Риме государственные структуры власти были поглощены общиной, а в экономике преобладал частный сектор.

На обширных пространствах Древнего Востока существовали многочисленные *этнические группы*, представлявшие практически все языковые семьи, которые распались на различные ветви. Прежде всего следует назвать афразийскую (прежнее название – семито-хамитская) языковую семью, включавшую обширную хамитскую ветвь с многочисленными подгруппами: египетской, берберо-ливийской, кушитской и др. К семитским этносам относились восточные семиты (аккадцы – вавилоняне и ассирийцы), эблаиты, сутии-амореи и их ветви – древнееврейские племена, ханаанеи, арамеи, арабы и др. Семитоязычные племена, расселяясь из своей аравийской прародины, заняли территорию Плодородного Полумесяца (Восточное Средиземноморье и Месопотамия) и часть Северной Африки, а арамейский (сирийский) язык стал в I тыс. до н. э. настоящим койне (гр. *κοινη*; от *койнос* – общий, общенародный язык), для всего Ближнего и Среднего Востока.

Племена и народы индоевропейской языковой семьи в древневосточной истории представлены анатолийской (хетто-лувийской), фрако-фригийской и индоиранской ветвями. Они в разное время расселились в Малой Азии, Иране и Индии. На языках анатолийской ветви говорили хеттские племена, лувийцы и их потомки – лидийцы, ликийцы и др. К индоиранской группе относились индоарии (в том числе основатели государства Митанни в Передней Азии), западные иранцы, также называвшие себя ариями (персы, мидяне и так называемые авестийские арии и их потомки – ранние бактрийцы, ранние согдийцы и др.), а также кочевые восточные иранцы (киммерийцы, скифы-саки, массагеты, дахи-парфяне и др.). В общность фрако-фригийцев входили, в частности, фригийцы и армяне.

Особняком стояла северокавказская языковая семья, народы которой занимали когда-то все Армянское нагорье и сопредельные территории. К ней относились хатты, обитавшие на западе (родственны современным абхазам), хуррито-урарты (родственны современным вайнахам) – в центре и кутии (родственны современным дагестанцам) – на востоке. Ареал этой группы понемногу сузился до района Кавказского хребта, а прочие районы ее обитания оказались индоевропеизованы.

Население древнейшего Ирана и северо-запада Индии причисляется к дравидской языковой семье (собственно дравиды – носители индской цивилизации, эламиты, возможно, луллубеи и касситы – каспии). Впоследствии дравиды отступили на юг Индии, ассимилировав местных автохтонов – австралоидов. Наконец, Восточная и Юго-Восточная Азия была с древнейших времен заселена народами сино-тибетской, австронезийской и

австроазиатской языковых групп. Вместе с тем многое в древнейшей этнической истории Востока до сих пор не ясно. Так, остались неизвестными родственные связи народов, заселявших Плодородный Полумесяц в эпохи неолита – энеолита (субариев, шумеров и др.).

В истории Древнего Востока можно выделить *три большие эпохи*, различающиеся по социальному и экономическому облику:

1) эпоха формирования и доминирования крупных централизованных хозяйств (кон. IV–III тыс. до н. э.);

2) эпоха доминирования мелких хозяйств, подвергающихся государственной эксплуатации (II–I тыс. до н. э.);

3) эпоха роста товарно-денежных отношений и крупной частной собственности (I тыс. до н. э. – сер. I тыс. н. э.).

В конце IV–III тыс. до н. э. существовали *три первичные цивилизации*, возникшие в долинах великих рек, – *египетская*, *шумеро-аккадская* (с возникшей в тесной связи с ней, но глубоко чуждой ей эламской) и *древнеиндская*. Основные достижения этих обществ во многом предопределили дальнейший ход древневосточной истории. Во всех трех регионах складываются ранние номовые государства, а в Месопотамии и Египте за счет объединения номов формируются обширные деспотические монархии со сложным управленческим аппаратом и неограниченной властью царя, занимающего ключевое положение в культе. Основой экономики здесь стали крупные государственные хозяйства, а наиболее интенсивной эксплуатации подвергались подневольные работники, трудившиеся целыми бригадами и получавшие пайки. В конце III тыс. до н. э. сложилась единая система экономических и политических взаимоотношений, охватившая территорию от долины Инда до Месопотамии и Средиземного моря.

Одновременно в течение III тыс. до н. э. на периферии великих цивилизаций Древнего Востока (в Северной Месопотамии, Анатолии, Восточном Средиземноморье, Иране, Средней Азии) шло разложение первобытнообщинных отношений и складывались вторичные цивилизации. Этому в немалой степени способствовали прямые контакты с первичными цивилизациями.

Переселения народов (амореев и индоиранцев), опустошавшие обширные районы Ближнего и Среднего Востока, и глубокий внутренний кризис крупных централизованных хозяйств в конце III – начале II тыс. до н. э. ознаменовали собой переход к новому этапу исторического процесса на Ближнем Востоке. Громоздкая система контроля и надзора в хозяйствах, использующих труд подневольных работников, уступила место более гибким и менее обременительным как для «верхов», так и для «низов» общества формам эксплуатации. Древневосточные общества достигли нового расцвета. В эту эпоху (II тыс. до н. э. – нач. I тыс. до н. э.) картина исторического развития намного усложняется, уже целая группа высокоразвитых государств образует политическую карту Древнего Востока. Во II тыс. до н. э. в долине реки Хуанхэ возник первичный очаг древнекитайской цивилизации, пока еще оторванной от других древневосточных цивилизаций. В Индостане экологические изменения и переселения племен привели к полному упадку древнейшей цивилизации. С другой стороны, в Восточном Средиземноморье образовалось множество новых государств. В Малой Азии и Северной Месопотамии сформировались новые великие державы – Хеттское, Митаннийское, затем Фригийское и Урартское и, наконец, Ассирийское царства.

В начале II тыс. до н. э. вновь прокладывались международные торговые пути, увеличивалось количество торговых факторий, стали создаваться своего рода внегосударственные объединения торговцев. Все это отразилось и на международных отношениях – началась борьба за преобладание на торговых путях, особенно в Восточном Средиземноморье. Бурная международная жизнь, качественные перемены в ремесле резко увеличили важность и сложность военного дела. Государства стали прилагать огромные усилия к созданию и обеспечению полурегулярных и регулярных армий, специализированных воинских подразделений. В борьбе «всех против всех» возникали недолговечные надрегиональные империи, которые путем взимания дани с побежденных, а

также прямого ограбления покоренных стран производили своего рода насильственное перераспределение прибавочного продукта в огромном масштабе.

Складывались могучие союзы племен, перераставшие в ранние государства (гиксосское объединение, поздние древнееврейские и арамейские племенные союзы и государства) и начались новые переселения народов в конце II – начале I тыс. до н. э. (эгейцев, фрако-фригийцев, иранцев, арамейев). Все это изменило этнополитическую карту Востока.

В начале I тыс. до н. э. повсеместно завершилась эпоха бронзового века. Люди начали осваивать железо, что вызвало технологический, а вслед за тем и социально-экономический переворот, характеризовавшийся резким ростом частной эксплуатации, разложением общинной, а частично и государственной собственности. Прогресс наблюдался в это время в экономике, в том числе в сельском хозяйстве (за счет усовершенствования орудий труда и агротехники). Но особенно ярко он проявился в разного рода ремесленных производствах, число и масштабы которых увеличились. Тенденции их развития связаны с крупными автономными городами, особенно городами Плодородного Полумесяца. Здесь развивалась частная собственность, частное рабство, товарные отношения. Финикийская торговля охватила все Средиземноморье.

В Передней Азии новый передел мира завершился к рубежу VI–V вв. до н. э. созданием «царства стран» – мировой по тому времени державы Ахеменидов, простиравшейся от долины Инда до Балканского полуострова. Подчеркнем, что столь масштабная политическая интеграция была подготовлена предшествующими бурными столетиями взаимодействия древневосточных государств и племенных образований.

Новые масштабы приобрели и межцивилизационные отношения. Войны Ахеменидов, а затем завоевания Александра Македонского привели к интенсивному взаимодействию ближневосточной, средневосточной, индийской и эллинской цивилизаций; со II в. до н. э. устанавливаются связи западноевразийской ойкумены с китайской цивилизацией, до того времени развивавшейся относительно изолированно от прочих. На стыке цивилизаций возникали своеобразные общества Восточного Ирана и Северо-Западной Индии, объединенные в I в. н. э. Кушанской державой.

В итоге на обширной территории (от Атлантики до Тихого океана) сформировались классовые, высоко организованные с политической точки зрения, активно взаимодействующие общества. Ко II в. н. э. они вошли в состав четырех великих держав – Римской империи, Парфянского царства, Кушанской державы и ханьского Китая. В это время продолжали развиваться ремесла и торговля, росли города, повышалась товарность хозяйств, о чем свидетельствует развитие системы товарно-денежных отношений. Появились деньги в монетной форме, которые получили широкое распространение в державе Ахеменидов, циньском Китае, маурийской Индии.

После поражения Ахеменидов в войне с Александром Македонским древневосточные общества к западу от Инда развивались по пути своеобразного синтеза традиций двух цивилизаций. На Дальнем Востоке в это время формировалось крупное централизованное Китайское государство, имевшее все признаки деспотической монархии. В Индии специфической чертой исторического развития в этот период стало формирование варновой, а затем и общинно-кастовой системы.

Грань древности и Средневековья на Востоке проходит по эпохе Великого переселения народов III–VI вв. н. э. Сложные, противоречивые процессы, происходившие в это время в социально-экономической сфере, привели к созданию новых могущественных государств, на этот раз не противопоставлявших себя знати, а сросшихся с ней. Обеспечивая социальный компромисс «наверху», этот процесс оборачивался резким усилением гнета (в том числе податного) по отношению к основной массе населения.

Источники и литература

Геродот. История: В 9 кн. / Пер. Г. А. Стратановского. М.; Л., 1972.

Николай Дамаский . История / Пер. под ред. Е. В. Веселаго // Вестник древней истории. 1960. № 3–4.

Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. (Библиотека всемирной литературы).

Литература Древнего Востока: Иран, Индия, Китай. Тексты / Сост. Ю. М. Алиханова, В. Б. Никитина, Л. Е. Померанцева. М., 1984.

Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера. М., 1963.

Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузищина. М., 1980. Т. 1–2.

История Древнего Востока: Тексты и документы: Учеб. пособие / Под ред. В. И. Кузищина. М., 2002.

Страбон . География: В 17 кн. / Пер. Г. А. Стратоновского. М., 1964. (Памятники исторической мысли; репр. 1994).

Юстин . Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа» / Пер. А. А. Деконского, М. И. Рижского; Под ред. М. Е. Грабарь-Пассек // Вестник древней истории. 1954. № 2–4. 1955.

Археология Зарубежной Азии. М., 1985.

Археология Старого и Нового Света: [Сб. ст.]. [Вып. 1]. М., 1966. [Вып. 2]. М., 1982.

Бикерман Э. Хронология Древнего мира. Ближний Восток и Античность. М., 1975.

Всемирная история. М., 1955. Т. 1. М., 1956. Т. 2.

Горелик М. В. Оружие Древнего Востока: IV тысячелетие – IV в. до н. э. М., 1993.

Государство и социальные структуры на Древнем Востоке: [Сб. ст.]. М., 1989.

Древний Восток: этнокультурные связи: [Сб. ст.]. М., 1988.

Древние цивилизации / Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1989.

Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских языков // Вестник древней истории. 1973. № 4.

Дьяконов И. М. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей // Вестник древней истории. 1963. № 1.

Дьяконов И. М. Проблемы собственности: О структуре общества древнего Ближнего Востока до середины II тысячелетия до н. э. // Вестник древней истории. 1967. № 4.

Дьяконов И. М. Проблемы экономики: О структуре общества древнего Ближнего Востока до середины II тысячелетия до н. э. // Вестник древней истории. 1968. № 3.

Дьяконов И. М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности // Вестник древней истории. 1982. № 3–4.

Заблоцка Ю. История Ближнего Востока в древности (от первых поселений до персидского завоевания). М., 1989.

История всемирной литературы. М., 1983. Т. 1.

История Древнего Востока: Учеб. для вузов / Под ред. В. И. Кузищина. 3-е изд. М., 1999.

История Востока. М., 1997. Т. 1. Восток в древности.

История Древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М., 1983. Ч. 1: Месопотамия. М., 1988. Ч. 2: Передняя Азия, Египет.

История Древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004.

История Древнего мира. Т. 1: Ранняя древность. Т. 2: Расцвет древних обществ. Т. 3: Упадок древних обществ / Под ред. И. М. Дьяконова, И. С. Свенцицкой, В. Д. Нероновой. 3-е изд. М., 1989.

Источниковедение истории Древнего Востока / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1984.

Коростовцев М. А. О понятии «Древний Восток» // Вестник древней истории. 1970. № 1.

Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации: Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992.

Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М., 1987.

Меликишвили Г. А. Об основных этапах развития древнего ближневосточного общества // Вестник древней истории. 1985. № 4.

Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.

Мифологии Древнего мира /Пер. с англ.; Предисл. И. М. Дьяконова. М., 1977.

Пучков П. И. Некоторые вопросы протоэтногенеза // Исчезнувшие народы. М., 1988.

Сафронов В. А. Прародина индоевропейцев. Горький, 1989.

Титов В. С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.

Тураев Б. А. История Древнего Востока. М.; Л., 1935–1936. Т. 1–2 (а также современные переиздания).

Франкфорт Г., Франкфорт Г. -А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии: Духовные искания древнего человека. М., 1984.

Хук С. Г. Мифология Ближнего Востока. М., 1991.

Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.): [Сб. ст.] М., 1981.

The Cambridge Ancient History. 2nd revised ed. Vol. 1–3. Cambridge, 1980–1988; repr. 1989–1995 (также нерегулярные подготовительные выпуски по отдельным тематическим разделам с 1962 г.).

Burney Ch. From Village to Empire: An Introduction to Near Eastern Archaeology. Oxford, 1977.

Lexikon der Agyptologie. Hrsg. Von W. Helck, E. Otto und W. Westendorf. Bd 1–6. Wiesbaden, 1972–1986.

Margueron J.-Cl., Pfirsh L. Le Proche-Orient et l’Egypte Antiques. P., 2001.

Mellaart J. The Neolithic of the Near East. L., 1975.

Nissen H. J. The Early History of the Ancient Near East. Chicago-L., 1988.

Paulys Real-Enzyklopadie der klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Stuttgart, 1994.

Reallexikon der Assiriologie. Bd 1–2. Hrsg. E. Ebeling und B. Meissner. B.-Leipzig, 1928–1938. Bd 3. Hrsg. W. von Soden. B.-N. Y., 1958.

Раздел 1 Древний Египет

Глава 1 Источники и историография

Источники

Первые известия о египетской и других восточных цивилизациях появились у европейских народов (прежде всего мы имеем в виду жителей Балканской Греции, а спустя некоторое время и Италии – основоположников европейской цивилизации) еще до становления античной цивилизации, во II тыс. до н. э. Собственно говоря, культура Египта и других стран Востока была своего рода фоном и в то же время источником важных культурных достижений для развития античных государств Греции 1-й половины – середины

I тыс. до н. э. Неудивительно, что уже в эпоху греческой архаики в творчестве логографов⁵ Египет занимал важное место: о нем писали такие авторы VI–V вв. до н. э., как **Гекатей Милетский** и **Гелланик Лесбосский**.

В середине V в. до н. э. **Геродот Галикарнасский** создает свою «Историю» в девяти книгах, главной темой которой стало противостояние Азии и Европы в эпоху греко-персидских войн. **Геродот** описывает возвышение Персии до уровня державы, объединившей весь ближне- и средневосточный мир, в том числе последовательность завоеваний персидских царей. Доведя магистральную линию своего повествования до вступления на персидский престол царя Камбиса, завоевавшего Египет, он останавливается и делает обширный экскурс в египетскую географию, историю и культуру. Необходимость этого экскурса, известного как «египетский логос» Геродота (вся вторая книга его «Истории»), автор объясняет давним и глубоким родством греческой и египетской цивилизаций (тем самым выделяя последнюю среди других культур Востока). Основой для создания этого описания Египта стали собственные наблюдения Геродота и рассказы египтян, собранные им во время поездки в эту страну около 440-х гг. до н. э. Геродот старался передать эти рассказы максимально точно, но сам оговорил, что не может быть уверен в их полной достоверности. Так, зафиксированный им очерк египетской истории содержит очень характерные искажения: он изобилует ошибками, подчас грубыми, в том, что касается истории Египта до середины VII в. до н. э. (например, он помещает царствование Рампсинита – Рамсеса II – до строительства великих пирамид в Гизе). Однако начиная с событий и времени правления XXVI династии фараонов из города Саис, с прямыми «наследниками» которой Геродот и общался, факты египетской истории излагаются им довольно точно. Нет сомнения, что имеющиеся в труде Геродота искажения и ошибки исходят именно от его египетских информаторов.

Довольно много сведений по истории Египта (правда, скорее косвенных) содержится в произведениях греческих авторов IV в. до н. э. (например, афинских ораторов) – современников последнего этапа его независимости. В 332 г. до н. э. (после похода Александра Македонского) Египет стал частью античного культурно-исторического пространства эпохи эллинизма. В самом Египте, и прежде всего в его новой столице – Александрии, славившейся как культурный центр всего Средиземноморья, работали многие греческие писатели и историки, первым из которых был **Гекатей Абдерский** (кон. IV в. до н. э.), автор еще одного комплексного описания Египта. Считается, что именно оно легло в основу посвященной Египту первой книги «Исторической библиотеки» **Диодора Сицилийского** (I в. до н. э.) – своего рода сводного очерка истории практически всех известных к тому времени людям античности стран мира.

К I – началу II в. н. э. относятся трактат «Об Исиде и Осирисе» греческого автора **Плутарха Херонейского** и одиннадцатую книгу художественного произведения «Метаморфозы, или Золотой осел» римского писателя **Апулея из Мадавры**, в которых приводятся ценные сведения о религии Древнего Египта. Появление этих сведений в их трудах связано с возникновением интереса к египетской религии как основе культа благих богов Осириса и Исиды, распространившегося по всему Средиземноморью в эпоху эллинизма.

Трактат Плутарха «*Об Исиде и Осирисе*» содержит единственное в дошедших до нашего времени письменных источниках по истории Древнего Египта связное изложение мифа об этих ключевых египетских божествах I тыс. до н. э. Вероятно, источником для него стала «Священная книга» – по-видимому, очерк египетской мифологии, написанный в начале III в. до н. э. на греческом языке египетским жрецом **Манефоном Севеннитским**. (Отечественный египтолог В. В. Струве считал, что греческая форма имени Манефон

⁵ Логографы – авторы, ставившие перед собой задачу комплексного описания истории, географии и культуры отдельных регионов Эллады и Средиземноморья.

соответствует египетскому имени Мер-эн-Джехути – «Любимый Тотом», т.е. египетским богом мудрости.) Тогда же этот автор создал (также на греческом языке) сводный очерк истории Древнего Египта. За исключением отдельных фрагментов, сохраненных в точных цитатах (прежде всего писавшим по-гречески еврейским автором I в. н. э. **Иосифом Флавием**, которого интересовали «точки соприкосновения» истории Египта и истории еврейского народа), от этого труда остался только перечень египетских царей с указаниями продолжительности их правлений и скухими комментариями⁶. Именно это заставило некоторых исследователей считать, что труд Манефона сводился лишь к перечню египетских царей. Однако против этого говорят как цитаты Иосифа Флавия, так и стойкая репутация повествовательного исторического произведения, укрепившаяся за трудом Манефона в древности. Современные египтологи до сих пор используют введенную Манефоном систему деления правлений египетских царей на тридцать династий (I–XXX) и всей египетской истории – на несколько крупных периодов (три «томоса» его труда), что легло в основу современной периодизации истории Древнего Египта. Написанные уже после завоевания Египта Александром Македонским на греческом языке (к этому времени хорошо известном в среде местной египетской элиты), произведения Манефона были призваны показать новым хозяевам страны величие ее исконной истории и культуры и вместе с тем вписать правление Александра и новой македонской династии Птолемеев в единую последовательность царских домов, правивших Египтом с глубокой древности.

Сведения античных (прежде всего грекоязычных) авторов о Древнем Египте стали основой европейских представлений о нем вплоть до начала XIX в., когда была дешифрована египетская иероглифическая письменность. Ее памятники не изучали античные авторы (за исключением Манефона), а после утверждения в Египте христианства она была забыта и там, хотя в IV в. н. э., на закате собственно египетской культуры, появился трактат **Горуполлона** «*Иероглифика*», в котором произвольные толкования знаков египетской письменности соседствуют со вполне правильными. Отдельные, порой очень яркие, воспоминания о прошлом своей страны встречались также у египетских христианских (коптских) и арабских авторов.

Самыми значительными собственно египетскими историческими источниками можно назвать летопись на так называемом *Палермском камне* – описание важнейших событий истории Египта на протяжении 1-й половины III тыс. до н. э. (I–V династии), привязанное, как и в труде Манефона, к отдельным царствованиям с датировками их годами, и так называемый *Туринский царский список* – перечень практически всех правителей Египта с указанием продолжительности их пребывания у власти на протяжении III – 1-й половины II тыс. до н. э. (I–XVIII династии)⁷; *два царских списка из храма Осириса в Абидосе* и *список из частной гробницы в некрополе Саккара* близ Мемфиса, охватывающие примерно тот же временной промежуток, что и Туринский список. Стоит заметить, что все эти списки, за исключением Палермского камня, датирующегося серединой III тыс. до н. э. (кон. V династии), относятся ко времени начала XIX династии (Новое царство, рубеж XIV–XIII вв. до н. э.). Эти источники не только служат современным исследователям ценными дополнениями к труду Манефона при изучении истории и хронологии Древнего Египта, но вместе со свидетельствами Манефона доказывают, что египтяне, вероятнее всего жрецы, занимались специализированным изучением своего прошлого.

Письменность в Древнем Египте возникла во 2-й половине IV тыс. до н. э., как и повсюду на Древнем Востоке, на этапе образования государства из потребности общества

⁶ Этот перечень сохранили так называемые хронографы – раннехристианские авторы, собиравшие всевозможные сведения о продолжительности всемирной истории из более ранних произведений и сопоставлявшие их с библейской Священной историей.

⁷ Названия этим двум памятникам даны по месту их хранения в музеях Палермо и Турина.

фиксировать информацию, которая уже не умещалась просто в памяти людей, отвечавших за различные сферы хозяйства и администрации. При этом в течение длительного времени она существовала параллельно с пиктографией⁸.

Самым знаменитым примером ранних египетских пиктограмм является изображение на так называемой *палетке*⁹ *Нармера* — памятнике, прославляющем правителя эпохи объединения Египта. На ее лицевой стороне изображен царь, заносящий булаву над поверженным противником; выше него помещен сокол, сжимающий в лапе веревку с привязанной к ней головой врага и восседающий при этом на шести стеблях лотоса (или, может быть, папируса), произрастающих из земли. Смысл этой пиктограммы можно передать следующим образом: царь (изображенный в виде сокола) захватил 6 тыс. пленных (если растение, на котором восседает сокол, — лотос, побег которого передает число 1000) либо «Область Папируса» (если это растение — папирус). Как видно, пиктограмма Нармера не передает какой-либо конкретной фразы, которую на древнеегипетском языке можно было бы записать только с использованием знаков, передающих звуки. Но письмо, состоящее из таких знаков, зарождается уже в эпоху Нармера и окончательно оформляется в эпоху Древнего царства (1-я пол. III тыс. до н. э.). В своем развитом виде древнеегипетская письменность состояла из знаков, передающих от одного до четырех согласных звуков (гласные, как во многих других афразийских, или семито-хамитских, языках на письме не обозначались), и знаков, передающих различные понятия вне прямой зависимости от звучания связанных с ними слов, т. е. с помощью рисунка. Такие знаки могли употребляться либо как *детерминативы*, или *определители*, уточняющие чтение слов, написанных фонетическими знаками, либо самостоятельно, как *идеограммы* — смысловые знаки, передающие отдельное слово. Так, изображение солнечного диска с чертой под ним или рядом с ним — указанием, что данный знак является идеограммой, — читалось «ра», т. е. «солнце». Когда письменность, основанная на этом принципе, сложилась, в египетской культуре появилось само понятие текста, т. е. последовательности знаков, которая может быть прочитана определенным однозначным образом.

Палетка Нармера

Уже в III тыс. до н. э. сформировались два типа древнеегипетского письма: собственно *иероглифика* — система рисуночных знаков, которыми делались монументальные надписи на стенах построек и иных памятниках из камня, и *иератика* — система знаков, измененных по сравнению со своими рисуночными прототипами в связи с тем, что ими записывали тексты на иных материалах, пригодных для хранения в быту. Для этого использовали *папирус* (особые листы, изготовленные из стеблей одноименного нильского растения) или *остраконы* (глиняные черепки или осколки камня). Грамматика и отчасти лексика древнеегипетского языка с течением времени менялись: если язык Древнего царства и язык I Переходного периода — Среднего царства (так называемый *среднеегипетский язык*) достаточно близки, то новоегипетский язык, на котором стали говорить еще с середины II тыс. до н. э., а писать — с эпохи Эхнатона, сильно отличался от них по своему строю.

В I тыс. до н. э. на основе новоегипетского языка формируется *демотический язык*, для записи текстов на нем складывается и особое письмо — *демотика* (букв. «народное письмо»), состоящее из крайне модифицированных (и для современных исследователей трудночитаемых) знаков. При этом среднеегипетский язык (а вместе с ним иероглифика и

⁸ Пиктография — способ фиксации того или иного сообщения при помощи рисуночных изображений.

⁹ Палетки — большие художественно оформленные каменные пластины, служившие для растирания минеральной краски.

иератика как типы письма) ушел из живой речи, но сохранился (подобно латыни в эпоху европейского Средневековья) как язык классической литературы, некоторых официальных надписей и религиозных текстов в течение не только всего II, но и I тыс. до н. э. Наконец, когда в первые века новой эры в Египет проникало христианство, для записи его священных текстов на основе греческого алфавита было создано *коптское письмо*. Язык египетских христианских текстов – позднейшая фаза развития языка древних египтян.

Изучение Древнего Египта

Памятники древнеегипетской культуры привлекли внимание европейцев в эпоху Возрождения. В XVI в. вновь возник интерес к трактату Горуполлона. В XVII в. неудачную попытку дешифровки иероглифики на основе толкований этого трактата и собственного знания коптского языка предпринял иезуитский ученый **А. Кирхер**. В середине XVIII в. датский ученый и собиратель восточных древностей **К. Нибур** сделал верное наблюдение, что число египетских иероглифических знаков сравнительно невелико и, соответственно, они не могут истолковываться исходя из того, что каждый из них обозначает отдельное слово или понятие. Однако возможность для решающего шага в дешифровке египетской иероглифики появилась лишь в 1799 г., когда во время египетского похода Наполеона Бонапарта ученые, сопровождавшие французскую армию, обратили внимание на найденную в районе Розетта каменную плиту с надписями, выполненными египетской иероглификой, демотическим письмом и на древнегреческом языке. Сразу было установлено, что древнегреческая надпись представляла собой декрет особого съезда («синода») египетских жрецов в честь воцарения представителя македонской династии начала II в. до н. э. – Птолемея V Эпифана. Ее явное соответствие двум другим надписям дало надежную основу для их дешифровки. Существенные шаги в установлении значений фонетических знаков демотического текста Розеттского камня сделали на рубеже XVIII–XIX вв. шведский востоковед **Д. Окерبلاد** и британский ученый **Т. Юнг**, а с 1808 г. изучением Розеттского камня занимался французский исследователь **Ж.-Ф. Шампольон** (1790–1832), который установил соотношение между иероглификой и демотикой, сделал вывод о наличии между ними еще одной промежуточной формы письма – иератики. К 1822 г. ему удалось прочитать имена собственные, записанные всеми видами египетской письменности, представленными на Розеттском камне. К концу своей жизни Шампольон окончательно установил структуру древнеегипетской письменности, сумел определить на основе знания коптского языка огромное число переданных с ее помощью значений отдельных слов, составил грамматику древнеегипетского языка и фактически открыл возможность чтения любого написанного на нем текста.

Середина XIX в. отмечена повышенным интересом к истории Древнего Египта. Вслед за научной экспедицией, описавшей многие его памятники еще во время египетского похода Наполеона, важными этапами в изучении истории страны стали экспедиция в Египет и Судан немецкого египтолога **К.-Ф. Лепсиуса** (1840-е гг.), создание музея Булак (будущего Каирского музея) и Службы древностей Египта **О. Мариеттом** (1821–1881), многообразная деятельность археолога, исследователя политической истории, культуры и религии Египта **Г. Масперо** (1846–1916). Чуть раньше аналогичную комплексную работу, положившую начало немецкой египтологии, провел **Г. Бругш** (1827–1894). На рубеже XIX–XX вв. основы современного научного изучения древнеегипетского языка заложили ученые так называемой берлинской школы – **А. Эрман** (1854–1937), **К. Зетэ** (1869–1934), **Х. Грапов** (1885–1967) и **Г. Меллер** (1876–1921), создавшие фундаментальный многотомный «Словарь египетского языка». Большую роль в этой работе и в целом в изучении древнеегипетского языка и литературных текстов сыграл британский исследователь **А.-Х. Гардинер** (1879–1963). Важнейшими археологическими открытиями конца XIX – начала XX в. стали обнаруженные **Ж. де Морганом**, **Дж. Квибеллом** и **У.-М. Флиндерсом Питри** (крупнейший археолог этого этапа развития египтологии) памятники

додинастического этапа истории Египта (до рубежа IV–III тыс. до н. э.), а также гробница Тутанхамона – единственное царское погребение, дошедшее до современных исследователей неразграбленным, – найденная **Г. Каргером** в 1922 г.

С 1910-х гг. начинается археологическое изучение памятников на территории Судана – Древней Нубии, находившейся в эпоху фараонов под политическим и культурным влиянием Египта. В связи со строительством в 1960-е гг. на юге Египта высотной Асуанской плотины по инициативе ЮНЕСКО была предпринята масштабная международная кампания по исследованию и частичному спасению от затопления памятников египетской Нубии. Самым известным среди комплексов, перенесенных в ходе работ на новое место, был храм Рамсеса II в Абу-Симбеле.

В России интерес к Древнему Египту проявился сразу после открытия Шампольона. Так, в 1830-е гг. путешествовал по Египту и публиковал свои наблюдения, в том числе попытки чтения некоторых царских имен, описания и датировки памятников, **А. С. Норв**. Еще до этого, в 1826 г., закладывается основа египетской коллекции петербургского Эрмитажа. В начале 1830-х гг. приобретаются знаменитые сфинксы, установленные в Петербурге на набережной Невы перед Академией художеств.

Подлинным основоположником российской научной египтологии стал **В. С. Голенищев** (1856–1947). Он издал ряд папирусов Эрмитажа с литературными текстами, внес важный вклад в изучение древнеегипетского языка и в ходе многолетних частных поездок собрал большую коллекцию египетских памятников (в 1909 г. она положила начало собранию ГМИИ им. А. С. Пушкина). Будучи выдающимся ученым, Голенищев тем не менее вплоть до своего отъезда из России в 1915 г. (во Францию, а затем в Египет) не занимался преподаванием и не оставил в нашей стране своих прямых учеников. Создание российской школы египтологии стало делом **Б. А. Тураева** (1868–1920), работавшего в Санкт-Петербургском университете. Он автор двухтомной «Истории Древнего Востока» – первого в отечественной науке опыта обобщения материала по древним цивилизациям Египта, Передней Азии и Ирана, а также трудов по египетской религии, коптским и эфиопским христианским текстам. Кроме того, Тураев занимался изданием египетских памятников.

В советское время главным продолжателем его дела стал **В. В. Струве** (1889–1965), изучавший историю Египта Позднего времени (включая эллинистический период), труд Манефона и связанные с ним хронологические проблемы, социально-экономический строй Древнего Египта. В 1933 г. он сделал вывод о господстве в Египте и в целом на Древнем Востоке рабовладельческого способа производства. Работы по культуре Древнего Египта, значимые не только для российской, но и для мировой науки, принадлежат **Ю. Я. Перепелкину** (1903–1982), **Е. С. Богословскому** (1941–1990) и в особенности **О. Д. Берлеву** (1933–2000). Труды этих ученых были нацелены на то, чтобы путем исчерпывающего анализа всех доступных источников установить важнейшие черты египетского общества, представить, как видели мир древние египтяне и какими понятиями пользовались для его описания. В настоящее время данная работа продолжается применительно к религии и мировоззрению египтян III тыс. до н. э. **А. О. Большаковым**.

Периодизация истории и хронология Древнего Египта

Современные египтологи используют введенное Манефоном деление правлений египетских царей на тридцать династий. Первый царь этой последовательности – Менес – правил около XXXI в. до н. э. и, судя по всему, завершил объединение Египта, начатое его предшественниками. Манефон делил историю Египта на три больших периода, соответствующих трем частям («томосам») его труда: с I по XI династию (от Менеса до нового объединения Египта после I Переходного периода – нач. XX в. до н. э.), с XII по XIX династию (вплоть до вторжения в Египет «народов моря» и междоусобицы, финал которой, по Манефону, был синхронен с падением Трои – ок. 1200 г. до н. э.) и с XX по XXX

династию (до второго завоевания Египта персами и низложения ими последнего собственно египетского царя Нектанеба II – 343–341 гг. до н. э.). Каждая династия Манефона – это ряд царей, не обязательно связанных кровным родством, но, как правило, имевших резиденцию в одном и том же городе и, главное, передававших власть друг другу непрерывно, без продолжительных смут.

Деление истории Египта на более крупные периоды египтологи также взяли у Манефона, но с существенными поправками: в ней выделяются Раннее (XXXI–XXIX вв. до н. э. – I–II династии), Древнее (XXVIII – нач. XXII вв. до н.э. – III–VIII династии), Среднее (кон. XXI–XVIII вв. до н. э. – XI–XIII династии), Новое (XVI – нач. XI в. до н. э. – XVIII–XX династии) царства (каждое из них – это период правления ряда царских домов, не прерывавшийся распадом единого государства) и Позднее время (XXI–XXX династии, включая ряд владевших Египтом чужеземных царских домов). Между Древним и Средним и Средним и Новым царствами пролегают I и II переходные периоды (соответственно XXII–XXI вв. до н.э. – IX – нач. XI династии и кон. XVIII – нач. XVI в. до н. э. – XIV–XVII династии) – эпохи раздробленности, когда Египет не существовал как единое государство; на основании этого же критерия в III Переходный период выделяется время XXI–XXV династий (нач. XI – сер. VII в. до н. э.). История Египта до его объединения Менесом делится на ряд периодов по археологическим критериям. Кроме того, IV тыс. до н. э. (время зарождения и становления государств в долине Нила) в целом обозначается как додинастическое время. Оно делится на первый и второй додинастические периоды, а ряд правителей – предшественников Менеса объединены в так называемую «0-ю» династию.

На сегодняшний день датировки отдельных событий истории Египта династического времени установлены для III тыс. до н. э. с точностью примерно до 50 лет. Для последующего времени – с точностью, как правило, до одного-двух годов (применительно к событиям I тыс. до н.э., отразившимся, помимо египетских источников, также в клинописных текстах, Библии, античных источниках и др., эта точность часто бывает абсолютной). При этом в современной египтологии существуют три системы датировок событий 2-й половины II тыс. до н. э., имеющие каждая свои обоснования и отличающиеся одна от другой примерно на 20 лет каждая (например, согласно им, вступление на престол величайшего царя XIX династии Рамсеса II может датироваться 1304, 1290 либо 1279/76 гг.). В данном учебнике используется средняя из этих трех систем датировок¹⁰.

Глава 2 Страна и население

Географическое положение

Согласно древнегреческому историку Геродоту из Галикарнасса, посетившему Египет в середине V в. до н. э., «вся страна, наводняемая и орошаемая Нилом, принадлежит Египту, и все люди, живущие ниже Элефантины и пьющие нильскую воду, – египтяне». Иными словами, в древности Египтом называлась долина Нила – вытянутая с юга на север полоса земли на северо-востоке Африки, которую великая река во время своих ежегодных разливов затопляла, делая ее плодородной. Упомянутая Геродотом Элефантина – самый южный город Египта: выше по течению реки (т. е. южнее) от него находится 1-й порог Нила, являвшийся границей Египта и Нубии. К северу от Элефантины долина Нила на большем ее протяжении очень узка (от 4 до 20 км в ширину). Эта ее часть называлась *Верхний Египет*. Ниже по течению (т. е. севернее) от Мемфиса – древней столицы Египта – Нил разветвляется на

¹⁰ Ее состоятельность обоснована в работах А. А. Немировского (см., например: Вестник древней истории. 2001. № 2. С. 216–220).

несколько рукавов, образующих так называемую *Дельту*. Это название было дано древними греками, так как на карте эти рукава напоминали перевернутую греческую букву «дельта» (в форме треугольника). На плодородных землях Дельты в древности особенное развитие получило скотоводство. Долина Нила в районе Мемфиса и Дельта вместе назывались *Нижний Египет*.

Древний Египет

В наше время Дельта образована двумя рукавами (устьями) Нила – Розеттским (западным) и Дамизттским (восточным). В различные периоды древности их число колебалось от пяти до семи. Античные авторы приводят разное их число и названия. Устья Нила впадают в Средиземное море, побережье которого в те времена представляло собой болотистую область, малопригодную для жизни, поэтому и города, и сельские поселения начинались ближе к центру Дельты. С Красным морем Египет соединяла пересохшая речная долина Вади-Хаммамат, тянувшаяся от Коптоса в Верхнем Египте к району современного Косейра (егип. Гасуу) на морском побережье, где находилась важная морская гавань. Так как на побережье Средиземного моря не было поселений, не было здесь и гаваней. Морские порты египтян располагались в глубине Дельты. Именно таким образом в середине I тыс. до н. э. возникла важная древнегреческая торговая колония в Египте – Навкратис. Лишь в начале эпохи эллинизма, во время завоевания Египта Александром Македонским, непосредственно на морском побережье, недалеко от впадения в море Канопского устья Нила, был основан укрепленный пункт, ставший затем крупнейшим торговым центром и резиденцией царей эллинистического Египта, – Александрия Египетская. Характерно, что и древние египтяне, и люди Античности воспринимали этот город как своего рода «нарост» на территории Египта, а не органичную часть страны, именуя его «Александрия при Египте». С обеих сторон долину и Дельту Нила окаймляли пустыни – Ливийская на западе, Аравийская на востоке. Восточная часть Дельты граничила с Суэцким перешейком, соединяющим Африку с Азией, и, кроме того, от Восточной Дельты ответвлялась в направлении Синайского полуострова еще одна пересохшая долина – Вади-Тумилат. С запада к долине Нила, в ее средней части примыкает обширный Фаюмский оазис; еще несколько оазисов (Сива, Бахрия, Дахла, Харга) лежат значительно дальше в глубь Ливийской пустыни и соединяются с Египтом караванными путями.

Как видно, Египет – небольшая страна с четкими естественными границами, отделяющими ее от остального мира. Относительная изоляция Египта обеспечивалась не только и не столько ими (так, например, Восточная Дельта всегда была своего рода контактной зоной, обеспечивавшей взаимодействие Египта с его азиатскими соседями), а прежде всего тем, что соседние народы долгое время уступали египтянам по численности и уровню развития и поэтому не представляли для них угрозы. Вторжения в Египет были очень редки и ни разу не привели к смене преобладающего в его населении этноса – *египтян* – народа, образующего особую группу в составе афразийской, или семито-хамитской, языковой семьи.

Природные условия

В древности Египет был очень богатой страной. Основой его богатства были регулярные разливы Нила, обеспечивавшие высокое плодородие почвы. Египтяне поставили их себе на службу с помощью системы ирригации. Разливы Нила происходили ежегодно благодаря таянию снегов и весенним дождям у истоков Нила (рек Голубой Нил и Атбара) на Эфиопском нагорье. В Египте начало *Половодья* – особого сезона египетского календаря, связанного с циклом сельскохозяйственных работ, приходилось на середину июля. Нильская

вода заливала поля и удерживалась там при помощи системы дамб, причем в это время на почву оседал удобрявший ее ил (так называемый *аллювий*), состоявший прежде всего из минеральных частиц, принесенных течением от истоков Нила в Эфиопии. Интересно, что, по мнению некоторых исследователей, аллювий откладывался на почву не всегда или по крайней мере не на всем протяжении Нила. До VIII–VII тыс. до н. э. течение реки у ее устьев было быстрее, чем сейчас, и ил не успевал оседать на почву, поэтому Дельта была не плодородным пространством, а пустынным районом, покрытым дюнами. Лишь позднее, с изменением уровня моря и скорости речного течения, сформировалась плодородная почва, сделавшая Дельту важным сельскохозяйственным районом.

Дождей в Египте практически не бывает, поэтому единственным источником орошения были воды Нила, питавшие его земли в сезон Половодья. К ноябрю разлив спадал, речная вода спускалась с полей в реку, и начинались сельскохозяйственные работы – сезон *Всходов*. К марту начинался сезон *Сухости*, и с полей собирали богатый урожай, многократно превышавший по своему объему высеянное в землю зерно. Египтяне выращивали ячмень, пшеницу, эммер (или полбу), а также лен, разводили финиковые пальмы и сикоморы. Было развито скотоводство, особенно в Дельте, и разведение птицы. Большую роль в быте египтян играл обильно растущий по всей долине Нила папирус.

Именно к циклу разливов Нила была привязана египетская *календарная система*. По-видимому, продолжительность исчисляемого таким образом года существенно колебалась (от 350 до 415 дней), но на заре египетской истории это еще не имело большого значения. Позднее, когда возникла потребность в точном летосчислении, египтяне заметили, что время нильского разлива совпадает со временем появления на предзвездном горизонте Сириуса (егип. Сопдет, гр. Сотис) – звезды, связанной в представлениях египтян с богиней Исидой. Данное явление называется в астрономии *гелиакальный восход Сириуса*. Именно день, когда наблюдалось это явление, – 17 июля – считался египтянами идеальным Новым годом. В реальности, поскольку египтяне не знали високоса и каждый год у них состоял из 365 дней, календарный Новый год отставал за 4 года от «астрономического», определяемого по гелиакальному восходу Сириуса, на одни сутки. В результате этой ошибки за 1460 лет (так называемый цикл Сотиса) это отставание достигало целого года и календарный и астрономический Новый год вновь совпадали. По сведениям античных авторов, уже в эпоху, когда Египет был частью Римской империи, такое совпадение произошло в 139 г. н. э., причем известный и в то время цикл в 1460 лет получил название «эра Менофреса». Понятно, что при подобной системе летосчисления отсчет должен был вестись с момента одного из более ранних совпадений календарного Нового года с гелиакальным восходом Сириуса. Египтологи начала XX в., в том числе крупнейший исследователь древности Э. Мейер, считали, что эта система возникла в 4142 г. до н. э., однако в конце XX в. крупнейший отечественный египтолог О. Д. Берлев утвердительно доказал, что имя Менофрес (Меннеферец, т. е. Мемфисец) – это искаженное прозвище египетского царя, основателя III династии, Джосера, и, стало быть, введение календаря, связанного с Сириусом, вероятнее всего произошло при нем (ок. 2781 г. до н. э.).

Египет и сопредельные страны

Будучи богатным краем для сельского хозяйства, Египет был в то же время чрезвычайно беден месторождениями металла, крупными породами деревьев и даже камнем. Уже с древнейших времен за всеми этими материалами приходилось снаряжать специальные экспедиции, и, соответственно, сформировались определенные направления внешней экспансии Египта. Наименее важным из них было западное: за исключением районов, лежавших сравнительно недалеко от возделываемой территории и дававших Египту шкуры пустынных животных и минеральные соли (например, Вади-Натрун к юго-западу от Дельты), а также более отдаленных оазисов, являвшихся перевалочными пунктами на караванных путях (так, через оазис Харга проходил удобный путь в обход нильских порогов

в Нубию), в Ливийской пустыне для египтян не было ничего важного. Различные сырьевые (в особенности рудные) месторождения разрабатывались в Аравийской пустыне к востоку от долины Нила, на Синайском полуострове и в Нубии, которая была богата золотом. Важным материалом, который также надо было доставлять из Нубии и еще более отдаленной страны Пунт (вероятно, в районе современного Сомали, куда приходилось плыть по Красному морю), были ладан и иные виды благовоний, использовавшиеся в религиозных ритуалах. По этим причинам и Синайский полуостров, и Нубия с очень раннего времени стали «сырьевыми придатками» Египта. На протяжении всей истории Египет неизменно сохранял свое присутствие на Синае, даже когда терял все остальные азиатские владения.

Если Синайский полуостров был населен мобильными и сравнительно малочисленными кочевыми племенами, то у оседлых земледельцев Нубии в III тыс. до н. э. уже начала формироваться собственная государственность. Однако неравенство Египта и Нубии, предопределявшее подчиненное положение последней вплоть до рубежа II–I тыс. до н. э., состояло в разнице природных условий этих стран. В Нубии, отделенной от Египта порогами Нила, ввиду особенностей его течения, земли были менее плодородными. Поэтому государственность не только возникла там позднее, чем в Египте, но и была значительно слабее, и, что особенно важно, она не опиралась на развитую бюрократическую систему, обеспечивавшую функционирование ирригационной системы. Лишь в I тыс. до н. э., с переходом от бронзового к железному веку, отставание Нубии от Египта было в какой-то мере преодолено, и там возникло единое государство, сумевшее даже на некоторое время подчинить себе Египет (при этом оно опиралось на культурно-религиозную традицию, занесенную египтянами в Нубию во II тыс. до н. э.).

В Азии, помимо Синайского полуострова, зоной постоянного присутствия египтян, также испытывавшей их культурное влияние, был район города Библа в Финикии. Эта страна интересовала Египет прежде всего как источник ценной древесины – кедра, в изобилии росшего тогда на горных склонах Ливана.

С цветом аллювиальной почвы связано одно из названий Египта в древности – *Кемет* («Черная [земля]»), в отличие от *Дешерет* — «Красной [земли]» сопредельных пустынь). Другим распространенным названием страны было *Тауи* («Обе Земли» – Верхний и Нижний Египет; «парность» этих двух частей страны играла в представлениях египтян большую роль) или просто *Та* — «страна», часто *Та мери* — «Страна возлюбленная» (*та* — речная долина, в отличие от окаймляющих ее непригодных для земледелия «нагорий» – *хасут*)¹¹.

Уже по этим названиям видно, что древние египтяне считали свою страну единственным в мире местом, пригодным для нормальной оседлой и изобильной жизни, и резко отличали ее от «искаженного мира» сопредельных с ней земель, где мало воды и люди вынуждены охотиться и кочевать, а не заниматься земледелием, где «небо сумеречно даже днем» из-за скрывающих его деревьев, а реки текут в «неправильном» по сравнению с Нилом направлении.

В середине II тыс. до н. э. египтяне дошли в Азии до Евфрата и сразу назвали эту реку «Перевернутой водой» (егип. Му кед), поскольку, будучи не менее полноводной, чем Нил, она текла не с юга на север, а скорее в противоположном направлении. Сообразно этим представлениям, египтяне сделали вывод, что их благодатная страна специально создана богами (как «возлюбленная», т. е. избранная) для того, чтобы на ее территории совершалось служение им. У египтян существовало поверье о «наследии Геба», согласно которому этот бог в свое время составил завещание своим преемникам на египетском престоле, отказав «две трети» египетской земли (т. е., собственно, всю египетскую землю в сезоны Половодья и Сухости, когда она не дает плодов) царям Египта, чтобы они заботились о ней в этот

¹¹ Наше современное название Египет (гр. Айгюптос) восходит к одному из египетских названий Мемфиса – Хет-ка-Птах, т. е. «Подворье духа [бога] Птаха».

период, и «треть» земли (т. е. всю землю в плодоносную пору Восходов) его богам. Таким образом, боги в Древнем Египте воспринимались как создатели и хозяева всего мира, а служение им приобретало универсальное значение, как и власть египетских царей.

Представления египтян о мироздании

Стоит заметить, что в представлениях египтян *земля* в целом, включающая как «Страну возлюбленную», так и окружающие ее «нагорья», была одной из трех основных частей мироздания, на которые оно разделилось через некоторое время после его сотворения по воле бога солнца Ра. Две другие его части – служащее обиталищем богов *небо* (егип. пет) и *загробный мир* (егип. д[у]ат)¹², хотя и сообщались с земным миром, но все же были прочно от него отделены и существовали по совершенно особым законам.

Их обитатели – наделенные вечной жизнью *усопшие* (егип. аху, досл. «светлые», т. е. обладающие очень важной, по египетским представлениям, способностью видеть) и *боги* (егип. нечеру). Как и в любой архаической культуре, персонифицирующие действующие в мире силы, заведомо превышающие человеческие (от солнечного света и тепла до болезнетворной силы эпидемий, а также сил, применяющихся в магической практике), они были способны посещать земной мир, но при соблюдении определенных условий. Для божеств, существовавших на «небе» в некой особой, не доступной человеческому восприятию форме, этим условием было обретение в земном мире материальной формы – в живом существе или предмете, например статуе (егип. хем, досл. «слуга», т. е. совершенно зависимое от воли божества средство его проявления; традиционный египтологический перевод этого слова как «величество» обусловлен его частым употреблением по отношению к египетскому царю, личность которого также служила проявлением божественного начала, связанного с его уникальной во всем земном мире властью). Мир, по представлениям египтян, имел не только четко определенное начало – момент его сотворения, но и конец во времени.

Судя по одному фрагменту «Книги мертвых», сложившейся в эпоху Нового царства, к середине II тыс. до н. э., когда-нибудь все живые существа и предметы должны превратиться в мертвую однородную материю, единственными живыми существами в которой останутся принявшие обличье змей бог-творец Ра-Атум и Осирис. Это и будет конец мироздания. Трудно сказать, предстояло ли мирозданию, с точки зрения египтян, переживать новые циклы творения и существования, но, судя по тому, что этот вопрос не получил никакого развития в религиозных текстах, он их мало волновал, как неактуальный для земной и даже загробной жизни. Условия же заключительной и неизбежной фазы существования каждого из них, напротив, интересовали египтян настолько, что уже к концу III тыс. до н. э. появляются целые комплексы текстов, связанные с бытием человека в загробном мире. К середине II тыс. до н. э. изучение этого мира (в буквальном смысле этого слова) вступает в фазу тщательного вычерчивания его схем, дополняемых изображениями обитающих в нем существ.

Подводя итоги сказанному, можно выделить два фундаментальных фактора, оказавшие влияние на весь ход египетской истории. Прежде всего это территориальная компактность Египта и одновременно высокая степень его естественной централизации, связанная с наличием на большей части территории страны только одного русла реки, которая к тому же была единственным источником орошения. Необходимость создания на этой естественной базе единой ирригационной системы предопределяла раннее возникновение объединяющего всю страну государства, аппарат которого и возвышающаяся над ним фигура царя становятся самыми мощными из всех наличествующих в обществе сил. В соответствии со

¹² Позднее в представлениях, связанных с богом Осирисом, часть загробного мира, отведенная блаженным усопшим, именуется сехут иару – «поля тростника» или сехут хетеп – «поля довольства».

своей объективно высокой ролью это государство очень быстро (уже ко 2-й четверти III тыс. до н. э.) не только поставило в зависимость от себя, но и поглотило все исходно независимые от него объединения людей – унаследованные от поздней первобытности сельские общины, а также родовые и клановые структуры. При этом вследствие необходимости обеспечивать достаточное для общественной стабильности благополучие людей, государство взяло на себя попечение о них, ранее осуществлявшееся этими объединениями по отношению к своим членам. Однако само исчезновение этих объединений (в особенности сельской общины, способной в силу натурального характера своего хозяйства и жесткой солидарности ее членов пережить практически любой кризис) предопределило сравнительно высокую уязвимость египетского общества в целом к изменениям внутри государственной структуры, а также внешним ударам.

Второй фактор – это скудость сырьевых ресурсов Египта, не имеющих отношения к сельскому хозяйству, и его острая зависимость от их поступления извне. Соответственно, когда возможность такого поступления прекращалась либо появлялись государства, располагавшие значительно большими ресурсами, чем Египет, и способные перекрыть ему доступ к ним (прежде всего крупные межрегиональные державы Передней Азии I тыс. до н. э.), египетское государство начинало испытывать непреодолимые трудности в своей не только внешне-, но и внутривосточной деятельности.

Глава 3 **Возникновение государства. Раннее царство**

Египет доисторического времени

Земледелие и скотоводство появляются на территории Египта около X–IX тыс. до н. э. Возможно, эти занятия, а также некоторые виды сельскохозяйственных культур и животных проникают сюда из Восточного Средиземноморья: археологическая культура Хелуана – первая культура производящего хозяйства в Египте – считается ответвлением натуфийской культуры с центром в Сирии и на юго-востоке Малой Азии. В это время и позднее, вплоть до V тыс. до н. э., климат Египта был более влажным, чем в историческую эпоху: Нил имел притоки, в его долине водились крупные животные, росли деревья и выпадали осадки. Соответственно, хозяйство древних обитателей Египта еще не стало полностью зависимым от разливов Нила и не было ирригационным. Наряду с земледелием, сохраняли свою роль в качестве основных, а не вспомогательных занятий охота и рыбная ловля. Трудно сказать, к какой этнической группе принадлежали жители Египта того времени: носители натуфийской культуры с наибольшей вероятностью были частью так называемой *ностратической общности*, еще в XIV–XIII тыс. до н. э. находившейся в Центральной и Восточной Малой Азии (ее дальнейший распад породил общности, развившиеся далее в целый ряд языковых семей, включая индоевропейскую). Однако связь культуры Хелуана с натуфийской совершенно не обязательно означает миграцию носителей последней из Азии в Африку.

В VI–V тыс. до н. э. климат Египта и вообще Северной Африки становится суше (наступает первая за время существования у человечества производящего хозяйства эпоха *аридизации* – установления более засушливого климата): в частности, начинает превращаться из саванны в пустыню Сахара, где в IX–VIII тыс. до н. э. обитала общность людей, ставшая основой всех народов *афразийской (семито-хамитской) семьи*. Распад этой общности (из-за невозможности сохранения в условиях аридизации ее прежнего образа жизни – скотоводства с развитым подсобным земледелием) привел к появлению на территории Египта (вероятно, в V тыс. до н. э.) *предков египтян* исторического времени. Облик этого народа хорошо известен по многочисленным изображениям на памятниках Древнего Египта: это были люди стройных пропорций, со смуглым цветом кожи (более светлыми изображались женщины, возможно, избегавшие загара). В классификации

человеческих рас египтяне принадлежат к европеоидам. По-видимому, этот народ проник в Египет с запада, с территории будущей Ливийской пустыни (позднее сюда пришли племена собственно *ливийцев*, также принадлежавших к афразийской семье, причем они были еще ближе к исконному чисто европеоидному облику афразийцев, чем более смуглые египтяне). В V тыс. до н. э. неолитические поселения появляются сначала в Фаюмском оазисе, затем спускаются к долине Нила (в районах современного Меримде-Бени-Саламе на юге Дельты, а позднее Тасы и Бадари в Среднем Египте). В Египте, таким образом, с этого времени и вплоть до возникновения единого государства в конце IV тыс. до н. э. существует последовательность археологических культур, непрерывность и внутренняя взаимосвязь которой позволяет с уверенностью отождествить уже обитателей Фаюмского оазиса V тыс. до н. э. с афразийцами-египтянами. В то же время земли к югу от Египта заселялись *предками нубийцев* – народами *кушитской группы* афразийской семьи. Они принадлежали к другой части исходной афразийской общности, мигрировавшей сначала на юг (к озеру Чад, где осели и ассимилировали местных негроидов афразийцы-чадцы), а затем на восток. Здесь кушиты отделились от ушедших в Азию через Баб-эль-Мандебский пролив семитов и через Эфиопское нагорье спустились в долину Нила. Понятно, что за время этих миграций через Африку кушиты, в отличие от египтян и тем более ливийцев, восприняли целый ряд расовых черт негроидов, которые сохраняют до сих пор.

На рубеже V–IV тыс. до н. э. пересыхание притоков Нила заставило египтян окончательно спуститься в самую его долину, а сокращение осадков – начать создание системы речной ирригации. Полностью она сложилась в так называемый *первый додинастический период*¹³ (или время археологической культуры Амра / Нагада I; 1-я пол. IV тыс. до н. э.). На протяжении этого времени египтяне жили достаточно многочисленными сельскими общинами, которые, благодаря успехам в освоении ирригационной техники, становились все более зажиточными. В этих общинах уже имелись освобожденные от труда в полях профессиональные ремесленники, которые давно освоили производство керамической посуды и теперь изготавливали мелкие орудия (иглы, рыболовные снасти) из меди. Однако имущественного расслоения в обществе еще не было.

Возникновение ранних государств в долине Нила (2-я пол. IV тыс. до н. э.)

Мощный скачок в развитии древнеегипетского общества происходит с началом *второго додинастического периода* (ок. XXXVI–XXXI вв. до н. э.; время археологических культур Герзе / Нагада II и Семайна / Нагада III). Поселения людей этого времени укрупняются, достигая уже размеров ранних городов (городища Иераконполя, современный Ком эль-Ахмар; Нагады – древний Коптос и др.). Погребения начинают различаться по богатству помещаемого в них инвентаря, что указывает на выделение в обществе имущественной элиты. На некоторых предметах можно обнаружить отдельные знаки, известные по более поздней древнеегипетской иероглифике, следовательно, внутренняя жизнь общества стала настолько сложна, что возникла необходимость фиксировать события с помощью письма.

Многие находки этого периода (цилиндрические печати, керамические сосуды с волнистыми ручками, изображения особого типа ладей) имеют столь четкие аналогии в археологических комплексах Азии, что некоторые исследователи склонялись к мысли о завоевании Египта вторгнувшимся с Востока более развитым народом (так называемой *династической расой*, якобы создавшей Египетское государство). В действительности эти аналогии объясняются сходной (конвергентной) эволюцией материальной культуры различных регионов, а также интенсивными торговыми контактами и обменом опытом

¹³ Додинастический период охватывает время, предшествующее образованию в Египте централизованного государства под властью одной династии.

между Египтом и Восточным Средиземноморьем (а через него – и более отдаленными странами), вызванными нехваткой в долине Нила многих необходимых материалов. Особенно ярким примером того, насколько далеко могли простираться торговые связи, служат обнаруженные в Египте предметы из лазурита, месторождения которого находятся на юге Средней Азии.

Характерные особенности памятников второго додинастического периода (размеры поселений, различия в качестве погребений, вероятное зарождение письменности) указывают на то, что уже к его началу египетское общество достигло уровня ранней государственности. На этом этапе возникает потребность в особой обширной прослойке людей, профессионально занятой делами управления. Как известно по примерам многих ранних обществ, первые государства – *номы*¹⁴ были невелики по размерам и возникли из объединений общин, которые вели на компактной территории совместную хозяйственную деятельность и тяготели к общему культовому центру (одновременно – месту хранения общих запасов, размещения ремесленных мастерских, центру местной торговли). Такими центрами и стали крупные поселения второго додинастического периода. Потребность египетских общин в объединении (как и в других странах Востока с ирригационной экономикой) возникает особенно рано из-за необходимости совместной деятельности по созданию оросительных систем. Именно этой деятельностью начинает руководить возникающая государственная власть.

В историческое время Верхний Египет делился на 22, а Нижний – на 20 небольших провинций-номов (егип. сепат). Управителей таких провинций, нередко передававших свои полномочия по наследству, исследователи обозначают греческим термином «номарх». Каждый ном был самодостаточен в хозяйственном отношении, имел собственную систему культов и при ослаблении центральной власти мог стать самостоятельным. Считается, что номы исторического времени восходят к древнейшим государствам второго додинастического периода. Вряд ли это может быть иначе, тем более что священные символы номов («штандарты») встречаются в изображениях на памятниках конца этого периода. Однако из-за отсутствия современных ему или хотя бы поздних письменных источников или преданий никаких более подробных сведений о внутреннем устройстве и истории номовых государств Египта (в отличие, к примеру, от Месопотамии) у нас нет.

Долгое время считалось, что в результате войн между номовыми государствами долины и Дельты Нила на протяжении второго додинастического периода образовались два крупных государства – Верхнеегипетское, со столицей в Иераконполе (егип. Нехен), и Нижнеегипетское, со столицей в Буто (егип. Пе-Деп, вероятно, современный Телль эль-Фараин¹⁵).

Оба этих города уже в историческое время считались древнейшими религиозными центрами. Ранее предполагалось, что к концу IV тыс. до н. э. верхнеегипетские цари завоевали Дельту Нила и объединили страну. Однако новые археологические исследования показали, что путь к объединению Египта был более сложным.

По-видимому, ко 2-й половине IV тыс. до н. э. в Верхнем Египте было несколько сравнительно крупных, состоявших из более чем одного нома, государств. Примерно к XXXIII в. до н. э. сильнейшими из них и поглотившими остальные оказались царства с центрами в городах Тинис (центральная и средняя части Верхнего Египта), Иераконполь (юг Верхнего Египта) и Нагада (район будущих городов Коптос и Омбос). Правители Тиниса принимали имена, связывавшие их с почитавшимся в образе сокола и олицетворявшим небо

¹⁴ Это обозначение заимствовано современными исследователями из описаний Египта греческими авторами.

¹⁵ В большинстве случаев наиболее употребительны в современной науке названия египетских городов и населенных пунктов, данные им древними греками в I тыс. до н. э. Наряду с ними мы указываем в скобках древнеегипетские названия важнейших из этих поселений и их современные названия, данные им после арабского завоевания Египта в 642 г. н. э.

и солнечный диск богом Хором, и погребались вблизи будущего важного религиозного центра – города Абидос. В Иераконполе также был распространен культ Хора, а правители носили белую корону бутылкообразной формы и помещали рядом со своими изображениями знак розетки. В Нагаде чтился бог Сет – мифологический противник Хора, а в комплексах Нагады второго додинастического периода найдено древнейшее изображение красной короны в форме плетеной корзинки, в дальнейшем – парной белой короны.

Иераконпольское царство старалось подчинить себе граничившие с ним с юга области Нубии, а Тинисское – области Нижнего Египта. При этом они поддерживали между собой более тесные связи, чем с разделявшим их государством Нагада, по всей видимости, в обход него, по караванным путям за пределами долины Нила.

Какие государства существовали в это время в Нижнем Египте, трудно сказать из-за скудости археологических данных. Вероятно, интерес для верхнеегипетских правителей представляли прежде всего области вдоль двух основных русел Дельты, дававшие выход к морским торговым путям Средиземноморья (центром одной из этих областей на западе Дельты действительно мог быть Буто). Высказывалось предположение, что если условия Верхнего Египта, с узостью на всем его протяжении речной долины и высокой взаимозависимостью ирригационных систем отдельных номов, а затем и их союзов, с самого начала порождали авторитарную власть правителей и высокие темпы объединения всего региона, то в Нижнем Египте, децентрализованном благодаря наличию нескольких рукавов Нила, в додинастическое время так и не сложилось ни сильной царской власти, ни единого государства.

Правителей Тиниса и Иераконполя, известных по ряду памятников того времени, современные исследователи условно объединяют в «0-ю» *династию*. Имена этих правителей связаны с Хором и, судя по всему, означали, что цари – земные проявления этого бога, и при этом нередко представляли собой обозначение какого-нибудь свирепого животного или агрессивный эпитет. На памятниках их изображали одерживающими или празднующими военные победы либо совершающими важные ритуалы. Например, на навершии булавы иераконпольского царя по имени Скорпион он изображен прокладывающим первую борозду в начале сельскохозяйственных работ. Постепенно сцены военного триумфа правителей вытесняют распространенные ранее сюжеты коллективной охоты или сражений с участием целого войска.

По совокупности этих признаков можно судить, что цари конца второго додинастического периода в Египте – это правители-военачальники, не испытывающие никаких ограничений своей власти со стороны общинных и номовых органов управления – советов старейшин и собраний полноправных общинников-воинов. По общим закономерностям развития номовых государств на заре их существования власть в них должна была принадлежать как раз таким учреждениям. Однако в Верхнем Египте вследствие интенсивности его политического развития и объединения этот начальный этап очень быстро сменился единоличной властью подчинивших себе номовые органы власти военачальников. Эти правители приобрели, помимо военных полномочий, также и функции верховных жрецов – вершителей ритуала и руководителей государственно-храмовых хозяйств, управляющих экономической жизнью своих государств. Свою власть они передавали по наследству, а ее связь с ритуалом, посредством которого устанавливался жизненно необходимый контакт с богами (в рассматриваемую эпоху это качество правителей обозначалось их Хоровыми именами), привела к ее *сакрализации* и зарождению *царского культа*.

Именно отношение к культу, связанному с Хором, стало, похоже, важнейшим критерием для выделения в структуре общества объединяющегося Египта нескольких социальных слоев. В более позднее время в памятниках и текстах религиозного характера встречаются термины «*нат*» («знать» с оттенком привилегированного положения в религиозной сфере), «*рехит*» («народ» – слово, передававшееся на письме характерным изображением птицы с переломанными крыльями, что символизировало ущемленность этой

категории в культовом отношении) и «хенмет» («солнечный народ» – в мифологических текстах спутники бога солнца в его ладье, совершающей плавание по небу).

Слово «пат» является составной частью слова «репат» или «ирипат» (букв. «уста знати» либо «относящийся к знати») – по сути дела, единственного египетского термина власти, который предполагает, что она не принадлежит правителю неотъемлемо, а предоставлена ему какой-то группой людей. Возможно, первоначально термин «пат» должен был обозначать полноправное свободное население (по аналогии с другими ранними обществами, очевидно, общинников) государства, которое под знаменем своего исконного культа бога Хора вело успешные завоевания и в итоге объединило страну (т. е. Тинисского царства). Словом «рехит», вероятно, называли обитателей присоединяемых к нему областей, по крайней мере на первых порах не получавших равноправия с его первоначальными подданными (прежде всего доступа к чужим для них египетским культам).

Термин «хенмет», согласно истолкованию отечественного египтолога XX в. О. Д. Берлева, относился к дружинникам – реальному окружению царя, сопровождавшему его подобно мифологическим спутникам солнца (в IV – начале III тыс. до н. э. бога Хора, изображавшегося, кстати, и в виде плывущего в ладье по небу сокола), т. е. людям, которые были связаны с государством и его культами через правителя независимо от их исконной принадлежности к пат или рехит.

Заметим, что подобная структура общества, переживающего пору становления государственности, характерна не только для Египта – не случайно первые интерпретаторы терминов «пат» и «рехит» сразу вспомнили о терминах ранней Римской республики «патриции» и «плебеи».

Более поздняя мифологическая традиция о борьбе Хора и Сета и победе первого, совмещенная в символах власти царей единого Египта белой и красной корон, притом что «первенство» в этом едином венце явно отдавалось белой, наводят на мысль о противостоянии союза Тиниса и Иераконполя с Нагадой, окончившемся ее поражением. Уже в изображениях на навершии булавы царя Скорпиона присутствуют символы власти и Иераконполя, и Нагады. По-видимому, следующим этапом стало объединение Тиниса и Иераконполя и образование прочного единого государства в границах всего Верхнего Египта. Это должно было произойти около XXXI в. до н. э. при тинисском царе **Нармере** («Свирепый Сом»), который объединяет в изображениях на своих памятниках символы власти уже всех прежних верхнеегипетских государств. После этого Нармер мог с новыми силами приступить к завоеванию Дельты и лежащих к западу от нее ливийских областей. Об этом рассказывают триумфальные сцены и пиктографические записи его знаменитой монументальной палетки.

Объединение Египта (ок. XXXI в. до н. э.)

Победоносные войны в Нижнем Египте вел не только **Нармер**, но и некоторые его предшественники из «0-й» династии. Однако основателем I общеегипетской династии (и, стало быть, настоящим объединителем страны) сами египтяне считали сына Нармера **Менеса** (или Аха – егип. «Воитель»; ок. 2-й пол. XXXI в. до н. э.¹⁶, дополняя такую датировку указанием принадлежности того или иного царя к одной из тридцати династий в последовательности, зафиксированной Манефоном).

Именно Менес построил в стратегически важном пункте на границе Верхнего и Нижнего Египта укрепленный город Мемфис (егип. Инеб-хедж – «Белая стена», позднее Меннефер, досл. «Благое пребывание», в связи с сооружением рядом с этим городом

¹⁶ Датировка событий египетской истории конца IV–III тыс. до н. э. с точностью до года практически невозможна, поэтому мы приводим даты важнейших событий этого времени с точностью до половины или в лучшем случае четверти столетия.

пирамиды царя VI династии Пепи I). Сюда стало стекаться окрестное население. Хотя область Тиниса, откуда Менес был родом, сохраняла свое значение (там по традиции сооружали свои гробницы и его преемники), настоящий центр страны переместился именно в Мемфис. Согласно преданию, рассказанному египетским жрецом Манефоном, Менес много воевал за пределами Египта (памятники говорят о его войнах в Нубии), а в конце жизни был похищен богом, принявшим облик гиппопотама. Предания о Менесе очень похожи на эпическую традицию, обычно возникающую в общинной среде. Это служит важным показателем того, что в эпоху объединения Египта сельская община существовала, хотя, скорее всего, уже находилась под контролем государства.

Прочное объединение долины и Дельты Нила уже в конце IV тыс. до н. э. позволяет назвать Египет самым ранним государством, сложившимся в масштабах целого региона, на Древнем Востоке и в истории человечества в целом. Скоротечность войн между древнейшими государствами Египта и сравнительная легкость в установлении единой власти над всей его территорией были предопределены узостью его естественных границ и концентрацией населения вдоль единственного источника орошения – Нила.

Однако уже при Менесе военный, насильственный характер объединения страны, подчеркивавшийся «агрессивными» Хоровыми именами его предшественников, самого Менеса и некоторых его преемников, стал помехой прочности единого государства. Такую прочность можно было обеспечить только если перестать напоминать недавним побежденным об их ущемленном положении. Поэтому личное имя Менеса употреблялось вместе с новым царским титулом «*Обеих Владычиц*». Видимо, этот титул, как и Хорово имя, отождествлял царя с двумя богинями, чтившимися в культовых центрах Верхнего и Нижнего Египта, – *Нехбет*, почитавшейся в облике самки коршуна в Энхабе на противоположном от Иераконполя берегу Нила, и *Уаджит* в облике змеи-урей (особого оберега, помещавшегося над челом царя на его головных уборах) из Буто.

Раннее царство

Эпоха I–II династий, цари которых, как и Менес, происходили из области Тиниса, называется *Ранним царством* (сер. XXXI–XXIX в. до н. э.). В продолжение начатой Менесом линии, после одного из его преемников с Хоровым именем Джет – «Змея» (оно известно прежде всего по его начертанию на стеле, хранящейся сейчас в Лувре) цари I династии перестают принимать в связи с этим титулом «агрессивные» имена. Один из них, с Хоровым именем Ден, принимает имя «Обеих Владычиц» Хасти (досл. «Два нагорья»), символизирующее, вероятно, опять же единство Египта. При нем впервые засвидетельствован титул, традиционно переводящийся как «царь Верхнего и Нижнего Египта» и состоящий из производных от названий символов двух частей страны – долины и Дельты Нила (несу[т]-бити, досл. «принадлежащий тростнику и пчеле»). Кроме того, в египетской иероглифике слово «бог» часто пишется знаком сокола, т. е. Хора, восседающего на «штандарте», который входил в символику каждого нома. Номовые же боги нередко носили имя Хор в сочетании с тем или иным дополнительным эпитетом. По мнению немецкого египтолога Х. Кееса, эти черты могут указывать на прошедшую очень рано (вероятно, как раз при I династии) религиозную реформу, в ходе которой номовые боги были сопоставлены с богом правящей династии и единого государства Хором, что обеспечило централизацию всех местных культов под контролем царя.

Гребень времени царя Джета (I династия)

В летописи Палермского камня упоминается повторяющийся при царях I–II династий каждые два года церемониал «*следования Хора*» – судя по всему, регулярный объезд царем всей страны, связанный с недавней самостоятельностью ее частей. Как считают

исследователи, этот объезд сопровождался сбором дани (представляя собой, таким образом, что-то вроде древнерусского полюдья) и посещением царем особых «подворий богов», сооружавшихся как места почитания сразу целого ряда номовых божеств. Материал по государственному устройству Египта в это время дают также археологические находки из гробниц царей и вельмож в Абидосе и в Саккара (например, гробница «казначей царя Нижнего Египта» Хемака, жившего в середине правления I династии). Эти гробницы возводились из сырцового кирпича с использованием каменной облицовки и имели плоскую форму, напоминая типичную для арабского Египта глинобитную скамью – *мастабу* (под этим названием они и известны в науке).

На протяжении периода Раннего царства складывается единый в пределах всего Египта государственный аппарат с большим штатом чиновников (многочисленные оттиски их должностных печатей обнаружены при раскопках) и кормящее этот аппарат хозяйство (земли, принадлежащие непосредственно государству и обрабатываемые зависимыми от него работниками, – по-видимому, прежде всего из числа жителей областей, завоеванных в ходе объединения страны тинисским царским домом). Предания сообщают о масштабных ирригационных работах, предпринятых при Менесе в районе Мемфиса, а летопись Палермского камня (сер. III тыс. до н. э.) – о «копке прудов» в Нижнем Египте, на которую был мобилизован «народ всякий». Эффективность этих ирригационных работ возростала благодаря возможности централизованно руководить ими в масштабах всего Египта. При этом усиливалась зависимость общин от государства, поскольку они пользовались системой ирригации, созданной центральной властью. Нужно заметить, что, хотя египтяне уже в эпоху Раннего царства умели хорошо обрабатывать медь, изготовление из нее по-настоящему крупных предметов (например, отливка статуй) считалось исключительным делом, а каменные орудия труда (изготавливавшиеся поистине виртуозно) были распространены ничуть не меньше медных.

При I–II династиях египтяне поддерживали активные и разнообразные контакты с внешним миром. Египетские каменные сосуды этого времени обнаруживаются по всему Восточному Средиземноморью; египтяне ввозили из Финикии и Сирии крупные породы дерева (прежде всего знаменитый ливанский кедр), доставляли с Синайского полуострова (к юго-востоку от Дельты Нила и Суэцкого перешейка) медную руду, малахит и бирюзу (при царе I династии Семерхете в Вади-Магхара на Синае впервые появляется рельеф, прославляющий победу этого царя над местными племенами). Активно шло освоение торговых путей Ливийской и Аравийской пустынь (в том числе пути к Красному морю по долине Вади-Хаммамат, где обнаружено начертание имени царя I династии Джета). Египет сохранил контроль над Северной Нубией, установленный еще накануне I династии. Несколько царей I династии – Атотис, Ден, Каа – вели на азиатских рубежах, возможно непосредственно к востоку от Суэца или на Синае, войны, приносившие Египту пленников.

Около 2-й половины XXIX в. до н. э. I династия сменяется II династией. Первые ее цари, похоже, решили обосноваться в Мемфисе насовсем: теперь в Саккара переносится и царский некрополь, а Манефон связывал именно с Нижним Египтом религиозную деятельность основателя II династии **Богоса** (егип. Баунечер, или Хетепсехемуи), якобы установившего культы быков Аписа в Мемфисе и Мневиса в Гелиополе (на юго-востоке Дельты). Эти утвердившиеся в Нижнем Египте цари продолжали отождествлять себя с богом Хором, однако к середине правления II династии (ок. сер. XXVIII в. до н. э.) Египет постигли потрясения. Царь **Сехемиб** («Сильный сердцем»), носивший это имя в отождествлении с Хором, меняет его на Периибсен («Удалой сердцем их»), причем это имя он принимает, отождествляя себя с мифологическим врагом Хора богом Сетом. Памятники его царствования, включая гробницу, располагаются в Абидосе, очевидно, ставшем его основной резиденцией; следовательно, этот царь владел Верхним Египтом.

На севере, в Нижнем Египте, продолжала править ветвь II династии, вероятно по-прежнему чтившая Хора, в дальнейшем признанная законной в египетской исторической традиции. Именно при ее представителе Неферхересе, или Неферкара, согласно сведениям

Манефона, Нил 11 дней тек медом, т. е. боги явно благоволили его царствованию.

Таким образом, страна распалась на две части, видимо, по причине как борьбы властных амбиций внутри II династии, так и стремления обитателей Дельты Нила вернуть былую независимость. Возможно, именно в это время Нижний Египет стал восприниматься как политико-географическое единство, противостоящее Верхнему Египту (соответственно, дуальность территориальной структуры Египта, впервые намеченная еще в имени одного из царей I династии Хасти, была осмыслена в фундаментальном для египетской картины мира понятии «Обе Земли» – «тауи»).

В течение некоторого времени «цари-Хоры» и «цари-Сеты» мирились с самостоятельностью друг друга и поддерживали между собой сравнительно благожелательные отношения (некоторые предметы с Сетовыми именами царей Верхнего Египта были найдены в районе Саккара и, судя по всему, попали туда в результате торгового обмена между двумя частями страны). Восстановить единство страны военным путем решился царь Верхнего Египта, вновь принявший Хорово имя **Хасехем** («Воссиявший жезлом»). Запись на основании его статуи свидетельствует о войне в Нижнем Египте, в ходе которой было истреблено (или уведено в плен) 47 209 человек. Вскоре Хасехем изменил свое имя на **Хасехемуи** («Воссиявший обоими жезлами»), приняв его теперь в честь сразу двух богов – Хора и Сета. Хасехемуи считается последним царем II династии. После этой необычайно кровопролитной по тем временам войны за воссоединение страны Египет вступает в новый период – *Древнего царства* (XXVIII–XXIII вв. до н. э.; в отечественной литературе его называют также «Старым царством»).

Как уже говорилось, памятники додинастического времени в Египте были обнаружены археологами (в частности, **Ж. де Морганом**) в конце XIX в. Самым выдающимся их исследователем в начале XX в. был британский археолог **У.-М. Флиндерс Питри**. Изучив памятники додинастического времени, по сути дела, начиная с V тыс. до н. э., он разработал систему их относительной периодизации по так называемым последовательным датам: керамика додинастического времени была разделена на несколько десятков типов, сменявших один другой, и каждому из них был присвоен порядковый номер, в соответствии с которым датировались археологические комплексы, содержавшие фрагменты керамики данного типа. Любопытно, что, создав столь четкую систему относительной хронологии додинастики, Питри придерживался фантастических уже в его время взглядов на абсолютную хронологию египетской истории, относя царствование Менеса к V тыс. до н. э.

В 1940–1950-е гг. ряд археологов выдвинули упоминавшуюся выше теорию «династической расы», переставшую пользоваться авторитетом к 1970-м гг. Современное представление об истории Египта додинастического времени и Раннего царства сформировалось в результате исследований некрополя Абидоса (IV – нач. III тыс. до н. э.) немецкими археологами **В. Кайзером** и **Г. Дрейером**. Исследовав ряд царских комплексов додинастического времени, они уточнили археологическую периодизацию египетской истории IV тыс. до н. э., соотнесли ее с последовательностью правлений верхнеегипетских царей и ввели применительно к ним понятие «“0-я” династия». Итоговую схему объединения египетского государства, а также истории I–II династий очертил в своих работах 1990-х гг. британский исследователь **Т. Уилкинсон**.

Представления о ранней египетской государственности непрерывно дополняются как новым археологическим материалом (в частности, полученным при раскопках Дельты, которые, ввиду высокого уровня подпочвенных вод, оставались вплоть до недавнего времени очень сложными технически), так и новыми теориями. Среди последних можно назвать гипотезу **Д. Б. Прусакова** о том, что возникновение единого государства в Египте было стимулировано резким подъемом уровня Средиземного моря в конце IV тыс. до н. э., приведшим к затоплению Дельты, и бегством ее жителей на юг, а само это государство в период Раннего царства представляло собой союз нескольких несмежных центров в

пределах долины Нила, поддерживавших между собой контакт по реке.

Глава 4 Древнее царство

III и IV династии

Первым выдающимся правителем III династии, заложившим основы государственности Древнего царства – самой блестящей, по мнению самих египтян, эпохи их истории, – был **Джосер** (ок. нач. XXVIII в. до н. э.). При нем местопребывание двора и царский некрополь окончательно перемещаются в Мемфис. На усиление царской власти при Джосере указывает введенный им титул, свидетельствующий о том, что тело царя, подобно плоти богов, сотворено из золота (так называемое золотое имя: у Джосера – «Солнце в золоте»). Этот титул (как и Хорово имя Джосера Нечерихем – «Божественный плотью») означал, что царь уже не просто сопоставлялся с некоторыми богами, а признавался равным им.

Гробница Джосера была сооружена в районе Саккара его придворным архитектором и главным советником Имхотепом. Цари первых династий уже возводили в этом месте к западу от Мемфиса свои погребения, однако гробница Джосера превосходила любое из них. Она была возведена из известняка и представляла собой первую в истории Египта пирамиду, пока еще ступенчатой формы, состоявшую как бы из шести мастаб, поставленных одна на другую, и достигшую в высоту 60 м. Вокруг пирамиды Джосера был возведен целый комплекс культовых построек, редких по своей простоте и изяществу.

Имхотеп был не только талантливым архитектором, но и разносторонним ученым и опытным государственным деятелем. В частности, его усилия смягчили последствия семилетней засухи, постигшей Египет при Джосере, и, по-видимому, именно при его участии в царствование Джосера был введен календарь, основанный на отсчете нового года от дня появления на предрассветном горизонте звезды Сириус – 19 июля. Установив таким образом день нового года в восемнадцатый год царствования Джосера (ок. 2781 г. до н. э.), египтяне отсчитывали в дальнейшем от этого дня по 365 дней. Благодаря своей мудрости Имхотеп стал впоследствии одной из самых известных фигур египетской истории и даже был обожествлен (в I тыс. до н. э. древние греки сопоставляли с ним своего бога врачевания Асклепия).

Об истории Египта в период правления III династии после Джосера ввиду скудости письменных данных известно очень мало. Судя по всему, при преемниках Джосера завершилось формирование отлаженного и жестко подчиненного царской власти аппарата централизованного государства. Цари III династии, вслед за Джосером, воздвигают к западу от Мемфиса свои пирамиды, то ступенчатой, то почти правильной геометрической формы. Прекращаются церемонии «следования Хора», и ни о какой самостоятельности прежних государств додинастического периода – номов – речи уже не идет. Номархи превратились хотя и в высокопоставленных, но полностью зависимых от царя чиновников, которые могли на протяжении своей карьеры побывать наместниками нескольких номов в разных частях Египта.

Джосер

Пирамида Джосера в Саккара

Как показывает жизнеописание чиновника конца III – начала IV династии Мечена,

записанное на стенах его гробницы, важной частью обязанностей номарха было увеличение числа принадлежащих государству хозяйственных угодий (так называемых дворов и селений). Чтобы создавать новые угодья, Мечен, в частности, покупал землю у независимых от государства сельских общин. На Древнем Востоке главным условием существования общины было наличие у нее достаточного для пропитания своих членов массива земли в полной собственности. Поэтому, продавая участки своей земли, община подрывала, если не полностью разрушала, собственные устои. Членам общин, и так находившимся под государственным контролем (видимо, об этом говорит их обозначение в надписи Мечена термином «*несутиу*» – «царевы [люди]»), после утраты своих земельных участков оставалось только влиться в число полностью зависимых от государства работников его хозяйств. То, что общины в принципе шли на такие сделки, свидетельствует о давлении на них государства, по-видимому, целенаправленно стремившегося к их полной ликвидации.

Принадлежность к общине накладывала на человека ряд священных в понимании того времени обязательств перед ней, и для государства была крайне нежелательна ситуация, при которой эти обязанности могли бы вступить в противоречие с долгом этого человека как подданного. Наиболее радикальным способом устранения самой возможности таких противоречий была ликвидация общины. Тем самым работа человека в государственном хозяйстве (на поле или в мастерской) или чиновничья служба превращалась в единственный признак, определявший его положение в обществе. Прямых указаний на то, что египетское государство проводило в начале Древнего царства подобную политику, в источниках нет, однако такой вывод можно сделать, приняв во внимание всю совокупность имеющихся данных и по аналогиям из истории других стран Древнего Востока (например, Месопотамии эпохи Аккадской династии или Китая I тыс. до н. э.). При этом очень раннее объединение долины и Дельты Нила под властью государства, мощь которого усиливалась узостью его естественных границ, сделало возможной, по-видимому, полную ликвидацию в Египте сельской общины (кроме жизнеописания Мечена, у нас вообще нет сведений о ее существовании).

Период правления IV династии начинается с царствования **Снофру** (рубеж XXVII–XXVI вв. до н. э.). Он запомнился египтянам как мудрый и добрый правитель. Снофру воевал в Нубии и на Синайском полуострове, где в районе современного Вади-Магхара сохранились рельефные изображения, прославляющие его победы. При III–IV династиях египтяне вообще стремились прочно подчинить этот район, богатый месторождениями меди, причем позднее его местным божеством стал считаться как раз Снофру. На восточной границе Дельты он создал систему укреплений – «Дом Снофру». Снофру долго выбирал место своего погребения и построил целых три пирамиды: одну, возможно начатую еще его предшественником Хуни, в современном Медуме и две собственные пирамиды в современном Дахшуре (грани одной из них изломлены под углом посередине; вторая же имеет совершенно правильную геометрическую форму).

Существенно, что Хорово имя и имя «Обеих Владычиц» у Снофру звучат как «Небмаат» – «Владыка маат». *Маат* (досл. «правда, праведность») в противоположность «злу, лжи» – *исефет*) – это фундаментальное мировоззренческое понятие египтян, обозначающее состояние гармонии и равновесия природных сил и явлений и в отношениях между людьми. Важнейшим условием поддержания этой гармонии во всем мироздании египтяне считали служение богам на созданной ими якобы специально для этого земле Египта. Согласно их верованиям, при прекращении в египетских храмах ритуала боги не только перестают приходить на помощь людям в Египте и во всем мире, но и неупорядоченностью действия своих собственных космических сил начинают вредить самим себе и друг другу; Египет и мир впадают при этом в так называемое время болезни.

Ритуал в каждом египетском храме совершался от имени царя, а теоретически – им лично. На всех памятниках царь изображался приносящим жертвы и совершающим ритуальные действия перед богами. Эти действия приносили результат, поскольку царь, подобно богам, был наделен способностью адекватно постигать взаимосвязи явлений мира,

составляющие маат, и, стало быть, совершать соответствующие ей действия – «творить маат». Собственно говоря, благодаря этой способности власть царя и являлась божественной, а его особа была объектом культа.

Считалось, что максимальной эта способность царя была в момент вступления на престол, по мере его старения она ослабевала, а в мире накапливались явления, противоположные маат и соответствующие исефет. Однако восстановлению способности царя творить маат содействовал обряд *хеб-седа* (обычно 30-летний юбилей правления царя, хотя реально этот обряд мог совершаться и раньше). Понятно, что своего минимума данная способность достигала у царя в глубокой старости, и на этом этапе к торжеству маат мир должен был вернуться лишь благодаря вступлению на престол после его смерти нового царя.

Принятые Снофру титулы можно считать первым в египетской традиции четким свидетельством существования этих представлений о царе и его роли в мироздании. Не случайно в дальнейшем Снофру воспринимался как идеальный правитель, способность которого к творению маат была неоспорима.

Именно строительство грандиозных пирамид становится главным делом Египетского государства при нескольких преемниках Снофру. Первый из них, **Хуфу** (гр. Хеопс), возвел в районе современной Гизы (теперь западная часть Каира) самую грандиозную из египетских пирамид высотой около 147 м. Пирамида его сына **Хафра** (Хефрена), выстроенная там же, чуть ниже – 143 м, но зрительно кажется выше благодаря своему положению на возвышенном месте. Наконец, последняя из пирамид Гизы, возведенная сыном Хафра **Менкаура** (Микерином), достигает всего лишь 66 м. Эти пирамиды строились из известняка и облицовывались гранитными плитами, сохранившимися сейчас лишь на вершине пирамиды Хафра; вблизи них возводились малые пирамиды родичей царей и гробницы вельмож. Согласно Геродоту, к их строительству привлекалось в порядке повинности все население Египта; скорее всего подобным же образом возводились и погребения царей III династии, однако ясно, что именно строительство «великих пирамид» в Гизе потребовало особенной концентрации труда и напряжения ресурсов страны.

Правление IV династии было временем максимальной централизации Египетского государства под властью царя. По преданию, Хуфу и Хафра закрыли все египетские храмы и вели себя высокомерно по отношению к богам. Возможно, эти сведения косвенно отражают произошедшие при этих царях изменения в религиозной жизни – введение нового общегосударственного культа верховного бога солнца Ра. Похоже, что Хуфу отождествлял себя с этим богом; его преемники стали принимать особый титул «сын Ра» и имена, включавшие имя бога солнца (например, Хафра – «Воссиевает он, Ра»).

Царь Хуфу

Хафра

Вероятно, в это время сложилось представление об уникальном статусе «царя Верхнего и Нижнего Египта» и о его рождении от бога – высшего правителя мира, также наделенного царским статусом, и избранной богом смертной женщины – его матери. Эта идея стала главной в системе обоснования царской власти; представления о связи царя и бога Хора отошли на второй план. Именно титул «царь Верхнего и Нижнего Египта», употреблявшийся и по отношению к верховному божеству, стал основным обозначением власти египетского царя. Укоренившееся в нашей терминологии обозначение «фараон» (др.-евр., от егип. пер-аа – «Великий дом», т. е. дворец – иносказание, позволяющее обойтись без упоминания его имени и титулов) появляется только в середине II тыс. до н. э. и становится особенно употребительным в I тыс. до н. э.

V и VI династии

Согласно египетскому литературному произведению начала II тыс. до н. э. (так называемым сказкам папируса Весткар), уже при Хуфу бог Ра решил положить начало новой династии и удостоил близости с собой женщину не из царского рода – жену простого жреца Ра по имени Реджедет. Она родила троих сыновей бога Ра, имена которых близки к именам первых царей V династии. Конец этого текста не сохранился, однако, судя по всему, сыновья Реджедет спасаются от преследований Хуфу и его преемников и в итоге последовательно вступают на престол. Второй и третий цари V династии **Сахура** и **Нефериркара** (ок. 1-й пол. XXV в. до н. э.) действительно были братьями – сыновьями некоей Хенткаус, очевидно, состоявшей в родстве с царями IV династии. По-видимому, в этой смене царского дома сыграла свою роль и династическая борьба, и недовольство слишком деспотичным правлением строителей «великих пирамид», которому, согласно сказкам папируса Весткар, должны были окончательно положить конец новые цари V династии.

«И сказал его величество бог Ра, владыка Сахебу, богиням Исиде, Месхенит, Хекет и богу Хнуму: “Ступайте и облегчите Реджедет роды трех детей, пребывающих во чреве ее, которые будут выполнять эту благодетельную обязанность по всей стране. Воздвигнут они храмы вам, обеспечат алтари ваши приношениями, а жертвенные плиты – возлияниями и умножат дары вам”».

(Пер. М. А. Коростовцева)

То, что V династия по легенде происходит от семейства жреца бога Ра, во многом объясняет ее религиозную политику, направленную на возвышение культа именно этого бога. Центром почитания Ра и связанных с ним божеств (так называемой Эннеады – «Девятки») стал город Гелиополь (гр. «город солнца»; егип. Иуну, др.-евр. Он) на юго-востоке Дельты; его храмы получали при V династии особенно богатые пожалования всевозможных угодий. Цари V династии продолжали возводить пирамиды, хотя они и не идут ни в какое сравнение с великими пирамидами Гизы. Помимо этого, почти все цари сооружали особое святилище солнца. Последний царь V династии **Унас** впервые поместил внутри своей пирамиды запись обширного комплекса ритуальных формул, связанных с обретением царем посмертного существования, так называемые «*Тексты пирамид*».

V династия поддерживала довольно активные связи с внешним миром: египтяне сохраняли свое присутствие на Синае и в Нубии, воевали в Ливии, поддерживали торговые связи с Восточным Средиземноморьем. В конце ее правления, при царе **Исеси**, некий Баурджед совершил плавание в дальнюю страну Пунт (возможно, побережье Красного моря в районе современного Сомали), откуда вернулся с добычей. Однако особенно целеустремленной и агрессивной внешняя политика Египта становится при VI династии (XXIV–XXIII вв. до н. э.). Ее цари посылали своих военачальников сражаться не только в Ливию и на Синай, но и в Южную Палестину. В Финикии опорным пунктом Египта стал город Библ (егип. Кебен), правители которого принимали египетские титулы и чтили египетских богов. Была предпринята попытка (правда, похоже, не слишком успешная) заложить для плаваний в Пунт особую морскую базу на побережье Синайского полуострова. Оазисы Ливийской пустыни также использовались как опорные пункты, позволяющие египтянам поддерживать караванное сообщение в обход нильских порогов с Нубией. Особую роль в поддержании связей с Нубией играли номархи Элефантины на крайнем юге Египта: их надписи рассказывают об экспедициях, в ходе которых был подчинен ряд областей вплоть до 3-го нильского порога. Нубия служила для Египта источником многих ценных материалов, в том числе золота. Необходимо отметить, что подчинение чужеземных стран строилось не на основе насаждения там постоянной египетской администрации, а скорее на признании местными правителями вассальной зависимости от Египта.

Египетское государство и общество в середине III тыс. до н. э.

Основой египетского общества в пору расцвета Древнего царства была царская власть. Фигура царя стояла на недостижимой высоте не только для рядовых египтян, но и для его ближайшего окружения (надпись в гробнице одного из высокопоставленных сановников гласит, что ему было дозволено поцеловать не землю перед царским престолом, а ногу царя). Это было связано с сакрализацией царской власти и особой ролью царя в осуществлении религиозных ритуалов, т. е., по сути, в поддержании нормальных отношений Египта с миром богов.

Такое положение царя имело прочную основу и в материальной жизни египетского общества. С исчезновением общины (скорее всего, не позднее, чем с начала периода правления IV династии) в Египте не осталось земли, которая не принадлежала бы государству. Соответственно в личной зависимости от него, т. е. от царя, так или иначе находилось все население страны. Следствием этого стало своеобразное мировоззрение египтян Древнего царства: главным критерием их самооценки был успех в продвижении по службе и в особенности личная похвала царя за выполнение того или иного задания. Так, номархи Элефантины, описывая в надписях своих гробниц экспедиции в Нубию, ни разу не упоминают о проявленной ими храбрости, обходят стороной собственные яркие впечатления от далеких стран, единственное, на чем они делают акцент, – это практическая польза государству от их экспедиций (прежде всего привезенная добыча) и оценка царя. Сдержанность в проявлении чувств, повиновение вышестоящим (но вместе с тем терпимость и готовность прийти на помощь подчиненным и просителям) превозносились в особых трактатах-поучениях как лучшие качества чиновника.

Большинство населения Египта составляли работники крупных сельскохозяйственных угодий и ремесленных мастерских. Те из них, кто был занят в полеводстве, были объединены в рабочие отряды, выполнявшие те или иные виды работы (пахоту, сев, жатву, обмолот зерна) на больших участках земли. Собственной земли у них не было, за свой труд они получали натуральный паек (денежного обращения и соответствующей ему оплаты труда в Египте Древнего царства не существовало). Оставить работу по своей инициативе такие работники не могли, и, следовательно, с точки зрения формы эксплуатации, которой они подвергались, эти люди были рабами, хотя сам этот термин к ним не применялся. Настоящие рабы обозначались словом «бак»; они считались собственностью конкретных хозяев и были очень немногочисленны.

Натуральную оплату за свой труд получали и чиновники низшего и среднего уровня. Когда-то, в эпоху Раннего царства, такую оплату (причем не только «сухим пайком», но и в виде приготовленной пищи) получали даже высшие сановники. Однако к середине III тыс. до н. э. главным способом их обеспечения стало выделение из государственного земельного фонда крупных поместий (включавших по несколько угодий, обслуживавшие их ремесленные мастерские и даже обеспечивающий обмен между ними рынок) в постоянное держание. Такие поместья передавались по наследству, чаще всего вместе с должностью владельца, и считались столь важной частью быта вельмож, что подробно изображались на рельефах их гробниц¹⁷. Статус владений вельмож вместе с приданными им работниками обозначался термином «ниджет» («принадлежащий плоти» их владельца). В то же время должностное владение вельможи оставалось под высшим контролем государства и, вероятно, могло быть у него отобрано вместе с должностью. Помимо этого у вельмож могла быть некоторая личная собственность (в том числе и земля), однако основой их богатства было все же должностное держание. Подобные хозяйства находились также во владении храмов и в непосредственном распоряжении государства. Трудившиеся в них египтяне, независимо от того, кому непосредственно они служили, могли быть мобилизованы в

¹⁷ Именно по этим рельефам и пояснительным надписям к ним отечественный египтолог Ю. Я. Перепелкин исследовал устройство крупных хозяйств Древнего царства.

порядке повинности на работы, проводимые государством, например на строительство ирригационных сооружений.

Кай («луврский писец»)

Несмотря на, казалось бы, тотальный контроль над жизнью общества, египтяне не только не тяготились государством, но и связывали с ним (и прежде всего с фигурой царя) свое благополучие. Даже рядовые работники хозяйств вельмож на рельефах гробниц выглядят вполне довольными своей судьбой. Судя по пояснительным надписям, они поют во время работы и обмениваются шутками, когда встречаются на рынке. На протяжении всей эпохи Древнего царства египтяне не знали голода и войн и, несмотря на имущественные и иерархические различия, чувствовали себя равными перед колоссальной фигурой их сакрального правителя. Все это побуждало их вполне искренне считать свое общественное устройство идеальным и находящимся под прямой защитой богов.

Среди источников по истории и общественному строю Египта Древнего царства меньше всего *документальных*: единственным известным их крупным комплексом является хозяйственный архив заупокойного храма царя V династии Нефериркара в Абусире, исследованный французским египтологом П. Позенер-Криже. Взаимоотношения храмовых хозяйств (по сути дела, особой составляющей государственного хозяйства Египта этого времени) с царской властью в конце Древнего царства характеризуют так называемые *иммунитетные грамоты* царей V–VI династии.

Поучения, авторство которых (вероятно, на вполне реальных основаниях) приписывалось египтянами современникам Древнего царства, сохранились только в более поздних списках II тыс. до н. э.: помимо «Поучения Птаххотепа», это также известное практически только по названию «Поучение Имхотепа», «Поучение Джедефхора» (сына Хуфу) и «Поучение Кагемни» (вельможи, жившего, согласно данному тексту, на рубеже III–IV династий).

Среди *автобиографических надписей* Древнего царства особое значение имеет жизнеописание Мечена (кон. III династии). Как уже говорилось, именно в этом тексте встречается, вероятно, одно из самых поздних и единственное дошедшее до нас свидетельство существования в Египте независимой от государства сельской общины; его значение еще в конце 1940-х гг. подчеркнул отечественный египтолог Ю. Я. Перепелкин. Не менее важным является жизнеописание очень близкого ко двору вельможи Уны (нач. VI династии). Оно дает представление о структуре египетского государственного аппарата Древнего царства, в частности, о множественных пересечениях в нем придворных, гражданских, военных и жреческих должностей вельмож. Жизнеописания номархов Элефантины Хуэфхора и Пиопинахта служат важным источником по экспансии Египта в Нубию при VI династии.

Возможность привлекать *изображения в гробницах* вельмож Древнего царства для изучения функционирования принадлежавших им хозяйств превосходно показал **Ю. Я. Перепелкин**. Он же интерпретировал термин «ниджет», применявшийся для определения статуса крупного наследственного владения.

Политическая история и хронология Древнего царства реконструируются по совокупности всех имеющихся в нашем распоряжении весьма разнородных источников. Вплоть до настоящего времени в этой реконструкции имеются большие пробелы – например, как уже отмечалось, у нас нет сколько-нибудь подробных сведений об истории III династии.

Представления египтян III тыс. до н. э. о загробном мире

Снабжение погребений вещами, необходимыми усопшему после смерти, вошло в обиход у египтян, как и у всех народов мира, задолго до возникновения государства, еще в эпоху первобытности. Черты этого обычая, получившие развитие в дальнейшие эпохи, можно обнаружить уже в додинастическое время: прежде всего это особая консервация тела, в дальнейшем развившаяся в технологию мумификации (со временем персонификацией содействующих этому сил становится бог Анубис, чтившийся в облике шакала). Кроме того, петербургские исследователи Р. Б. Либина и А. О. Большаков предложили недавно новую интерпретацию обычая додинастического времени и начала Раннего царства помещать в погребения палетки. Как известно, растиравшаяся на них краска предназначалась для косметических целей (прежде всего, чтобы подводить глаза): ученые высказали предположение, что ее использование должно было обеспечить усопшему сохранение после смерти важнейшей способности живого человека – видеть.

Уже в эпоху Раннего царства в монументальных гробницах типа мастаб намечается дифференциация их помещений: погребальная камера, где находился саркофаг с телом покойного, размещалась в подземной части, наземные помещения были предназначены для хранения утвари и всевозможных припасов. На западной, а затем на восточной стороне мастабы существовало пространство для совершения жертвоприношений усопшему, позднее трансформировавшееся в особую часовню.

Жертвоприношения эти совершались перед заупокойной стелой с изображением покойного и с записью его имени и важнейших титулов, призванной сохранить после смерти то, что составляло его индивидуальность. Несколько позже той же цели стало служить размещение в особом, практически герметичном (за исключением прорези для глаз, через которую усопший мог «видеть») помещении гробницы – *сердабе* – статуи ее владельца. Он изображался в расцвете сил (не слишком молодым и не слишком старым, без признаков каких-либо увечий или болезней, если только они не были присущи ему с самого рождения).

Стены гробницы стали оформлять многочисленными рельефными (иногда раскрашенными) изображениями достояния, которое имел владелец гробницы при жизни. Прежде всего это были сцены работ в обеспечивавшем этот достаток обширном хозяйстве, которым покойный был наделен по воле царя. К ним примыкает изображение сидящего владельца гробницы, тут же подпись, поясняющая, что он «смотрит» на совершение для его «двойника» (*ка*) тех или иных работ. В самих этих работах действуют также «двойники» изображенных людей (так, в подписи к сцене наказания палками одного из работников подвергаемый избиению вопит: «Ведь мой *ка* хорош? Что я сделал?», – а наказывающий его приговаривает: «Добрая награда для твоего *ка*!»). Известно, что именно статуя «двойника» покойного помещалась в *сердабе* гробницы. При этом в гробницах никогда не изображались эпизоды реальной жизни ее владельца. Ее описанию придавалось большое значение, но оно фиксировалось исключительно посредством текста, в автобиографических надписях. Также нет изображений его взаимодействия после смерти с богами (в эпоху Древнего царства боги вообще не изображались в гробницах). Не оформляются изображениями и погребальные камеры – напротив, здесь изображений избегали до такой степени, что специально «увечили» – например, вырисовывали частично или с отсеченной головой – иероглифические знаки, изображающие живых существ.

Еще одним важным компонентом оформления гробницы была надпись, фиксирующая принесение царем (как главным вершителем ритуала, наделенным сакральностью) и богами Анубисом или Осирисом заупокойных жертв покойному, причем прочтение этой надписи вслух любым посетителем гробницы обеспечивало каким-то образом доступность «двойнику» покойного («выхождение в голосе») всех перечисленных в ней даров.

А. О. Большаков объяснил «функционирование» всего комплекса текстов и изображений египетских гробниц Древнего царства, по-видимому, оптимальным образом. Надземные помещения гробниц были предназначены для поддержания существования после смерти человека его «двойника». К выводу о том, что «двойник» сопутствует человеку (и,

видимо, вообще любому существу или предмету) с момента его появления на свет и при соблюдении некоторых условий может сохраниться и после смерти, египтяне пришли из наблюдений над свойствами собственного сознания. Они установили, что при воспоминании или во время сна, совершенно независимо от усилий человека, может возникнуть яркий зрительный образ. При этом если воспоминание или сон связаны с другим, уже умершим, человеком, то он появится перед внутренним взором вспоминающего не ребенком и не старцем, находящимся на пороге смерти, а скорее всего таким, каким он запомнился в середине его жизненного пути. Судя по всему, египтяне считали, что в таких воспоминаниях или сновидениях они и наблюдают пресловутого «двойника».

Они полагали, что обеспечить существование ка (и, стало быть, личное бессмертие усопшего даже при жизни отдаленных потомков, не знавших его лично) можно, максимально точно сохранив в гробнице облик человека (прежде всего с помощью статуи в сердабе), имя со всеми титулами и детали жизненного пути (в надписях). Оформленные таким образом наземные помещения гробницы превращались в место пребывания «двойника» умершего, причем изображения на стенах гробницы всевозможного достатка обретали для него реальное существование опять же при условии, что они представляли его взору. Сообразно этому «двойник» усопшего и изображался созерцающим совершение различных работ в своем хозяйстве (также «двойниками» работников), а особый бог Осирис (егип. Исет-ирет, досл. «Место глаза» т. е. зрение) делал это созерцание непрерывным, поддерживая для усопшего в гробнице постоянный свет. Исходя из этого, становится понятным и назначение косметических палеток в самых ранних египетских погребениях. Помимо зрения, «двойник» усопшего был наделен и способностью слышать и, соответственно, пользоваться всеми жертвенными дарами, приносимыми ему, согласно соответствующей формуле, царем и божеством.

Виньетка на папирусном свитке «Книги мертвых» (эпоха Нового царства)

Таким образом, в гробнице при помощи изображений и надписей, по большей части неразрывных с ними, конструировался особый «мир-двойник», не слишком большой (ограниченный рамками изображаемого рельефами вельможеского хозяйства), замкнутый на себя и целиком и полностью ориентированный на обеспечение стабильного и благополучного существования усопшего. Сцены реальной биографии усопшего отсутствовали и потому, что не имели отношения к реализации этой задачи, и потому, что, изобразив их, можно было заставить «двойника» постоянно переживать в своем посмертном существовании соответствующие эпизоды, а они, даже будучи необычайно приятными, едва ли принесли бы человеку радость. Изображения богов исключались из оформления гробницы, поскольку, займи они в ней некое место, им немедленно оказались бы переадресованы все заупокойные жертвоприношения усопшему, а также потому, что для поддержания существования «мира-двойника» они (за исключением Осириса и Анубиса на их очень четко определенных, конкретных местах) попросту были не нужны.

Современному человеку трудно представить себе, какое значение могло иметь осознание такой возможности победы над смертью (причем при чисто вспомогательном участии богов, прежде всего силами самих людей) для становления мировоззренческого оптимизма египтян в эпоху Древнего царства. Было ли, однако, посмертное существование совершенно недоступно для того большинства обитателей Египта, которые не имели средств для сооружения гробницы? По-видимому, нет, так как даже в вельможеской гробнице, помимо «двойника», пребывала еще одна сущность усопшего – так называемое *ба* (досл. «сила»). Ее местопребыванием была, очевидно, погребальная камера, и, соответственно, существование *ба* было тесно связано с сохранением тела при помощи мумификации. При этом посмертное бытие *ба* протекало в мире, где действовали силы богов и вторгаться куда людям было небезопасно (поэтому в погребальных камерах Древнего царства, как правило,

нет изображений). Обеспечив сохранение своего тела, а самые простые способы мумификации были по средствам практически любой египетской семье, человек, судя по всему, мог положиться на дальнейшую милость божества уже в рамках представлений, сформировавшихся к началу Древнего царства. Трудно сказать, каковы первоначально были эти представления, но в конце III тыс. до н. э. люди связывали свои посмертные упования с божеством, первым пережившим чудо воскрешения, – Осирисом.

Как уже отмечалось, в представлении египтян о возможности добиться продолжения жизни человека после смерти при помощи конструирования в его гробнице особого «мира-двойника» проявилась оптимистическая направленность их мировоззрения. Об этом же свидетельствуют и надежды египтян на обретение посмертного существования при содействии богов, причем не прозябания в мире вечной тьмы и лишений, а, судя по всему, уже в представлениях III тыс. до н. э. жизни, по крайней мере не худшей, чем земная. По существу, благое посмертное существование, каким бы способом оно ни было обеспечено человеку, являлось одной из наиболее важных черт мира, превосходно приспособленного богами к нуждам занятых служением им обитателей долины Нила. Подобная уверенность в благости богов по отношению к египтянам (а в принципе – и к остальным людям) резко отличала их религию и мировоззрение от систем представлений остальных народов ранней древности. Видимо, она была естественным следствием истории Древнего царства, не омраченной, как мы уже говорили, никакими потрясениями в течение примерно 500 лет.

«Тексты пирамид». Религиозные представления египтян III тыс. до н. э.

Посмертное бытие египетского царя вследствие сакрализации его власти и личности естественным образом отличалось от судьбы обычных смертных. Его гробница-пирамида считалась местом, с которого он (по-видимому, его ба, тесно связанное с его именем, принятым в честь бога солнца Ра) поднимался к небу, становился богом в полном смысле этого слова и занимал место среди себе подобных. До определенного времени набор обеспечивавших эту посмертную судьбу ритуальных формул, весьма разнородных и в ряде аспектов противоречащих одна другой, передавался изустно. При последнем царе V династии Унасе они впервые были записаны на внутренних стенах его пирамиды. К настоящему времени известно около десятка списков «Текстов пирамид» из гробниц царей, а также некоторых цариц конца III тыс. до н. э. Этот ритуальный комплекс является самым ранним из доступных нам древнеегипетских письменных источников религиозного содержания, хотя ко времени его кодификации египетская религия уже прошла длительную эволюцию.

Царь Менкаура с богиней Хатхор (слева) и богиней одного из номов («Триада Микерина», IV династия)

По-видимому, в начале III тыс. до н. э. религиозные представления и мифология древних египтян были еще чрезвычайно далеки от оформления в единую и последовательную систему. Вместе с тем уже в додинастическое время в Тинисском и Иераконпольском государствах возвысился государственный культ бога неба и пребывающего в нем солнечного диска Хора, который после объединения страны стал общеегипетским.

В ходе противостояния Нижнего и Верхнего Египта в конце правления II династии приобретает актуальность миф о борьбе двух олицетворяющих эти части страны богов – *Хора* и *Сета* – с последующим их примирением при участии гелиопольского бога *Геба*. При царе Хуфу вводится новый государственный общеегипетский культ бога солнца *Ра*. В связанной с ним системе представлений Хор занимает место сына Ра, сохраняя свой образ солнца, вознесенного на символизирующие небо распростертые крылья (впервые он был так

изображен на гребне царя I династии Джета). При этом он выступает защитником своего отца от всевозможных врагов, чему содействовала мифологема борьбы Хора со злым богом Сетом. Как защитник бога Ра, «крылатое солнце» Хор почитался, в частности, в верхнеегипетском городе Эдфу (егип. Бехдет) вплоть до греко-римского времени. После перехода власти от IV к V династии культ Ра, отождествленного с *Атумом*, чтимым в Гелиополе, приобрел в этом городе прочную опору.

Вокруг образа Ра-Атума сформировалась целая система связей между главными божествами египетского пантеона, реализовавшаяся в представлении об *Эннеаде* – «Девятке» богов. Упоминания Эннеады в контексте культа Ра в Гелиополе мы находим уже при V династии, в летописи Палермского камня. Эннеада включала в себя самого Ра – бога – творца мира и порожденные им поколения богов: Шу и Тефнут, их детей – Геба (исконного гелиопольского бога земли) и Нут (богиню неба, в первоначальных гелиопольских представлениях рождавшую каждый день солнце) и детей последних – Осириса и Исиду, Сета и Нефтиду.

Образ *Осириса* уже в «Текстах пирамид» вбирает в себя черты других богов, он сливается с одним из божеств Дельты Анджети (умершим и воскресшим во плоти), абидосским богом Хентииментиу («первым [среди] западных», т. е. правителем загробного мира) и, вероятно, богом мумификации Анубисом. Рядом с идеей посмертного обожествления царя в «Текстах пирамид» мы видим его сопоставление как усопшего, возрожденного к новой жизни, с Осирисом, а его сына, обеспечивающего совершение заупокойного ритуала, с Хором.

Представление о борьбе Хора и Сета трансформируется в миф о мести Хора – сына Осириса – Сету, его брату, убившему Осириса, растерзавшему его на части и захватившему доставшуюся Осирису, согласно воле его отца Геба, царскую власть. Физическое воскрешение Осириса оказывается делом рук его сестры и жены *Исиды* – первоначально богини чародейства, сумевшей соединить части его тела, воскресить его и зачать от него сына Хора. Воспитанный Исидой в топах Дельты, возмужавший Хор ниспроверг Сета с престола и вернул себе царскую власть, унаследованную им по праву от Осириса. Во время борьбы с Сетом Хор теряет глаз, но затем обретает его снова и отдает своему отцу Осирису. Так переосмысливается значение его имени – «место глаза», притом что само понятие «око Хора» закрепляется теперь за заупокойной жертвой, приносимой усопшему, отождествляемому с Осирисом.

В том, как формировались мифологические представления, отразившиеся в «Текстах пирамид», остается много неясного. Понятно лишь, что происходил синтез представлений, сформировавшихся в Верхнем Египте и Гелиополе, с теми, которые возникли в Дельте Нила, и что он осуществлялся при активном участии царской власти. Именно в результате этого появилась самая ранняя версия мифа об Осирисе – одного из центральных в египетской религии – и возникли предпосылки для его последующего перехода из ритуала, обеспечивающего посмертное существование царя, в массовые представления о загробной жизни. В то же время при формировании образа Эннеады и набора связанных с ее богами мифологических сюжетов происходила определенная систематизация египетских религиозных представлений, задавшая их структуру и в какой-то мере направление дальнейшей эволюции.

«Тексты пирамид» были обнаружены в царских гробницах еще в конце XIX в. Их первым исследователем стал преемник О. Мариетта на посту главы Службы древностей Египта **Г. Масперо**, а нормативное их издание, использующееся до сих пор, было подготовлено в первые десятилетия XX в. **К. Зете**. Неизвестные ранее списки этого комплекса, в частности в гробницах цариц, были обнаружены уже в XX в. **Г. Жекье**. Монографические исследования, отразившие религиозные представления древних египтян, принадлежат крупному немецкому египтологу-религиоведу **Х. Кеесу** (одно из них – «Заупокойные верования древних египтян» – переведено недавно на русский язык). Подготовка к новому

комплексному исследованию «Текстов пирамид» ведется с конца XX в. группой французских исследователей во главе с **Ж. Лекланом**. В отечественной историографии связь «Текстов пирамид» с царским заупокойным ритуалом была обоснована в конце 1940-х гг. **М. Э. Матье**.

Конец древнего царства (рубеж XXIII–XXII вв. до н. э.)

Уже в эпоху V и VI династий реальное могущество царской власти в Египте стало уменьшаться. Возрастало богатство и влияние знати, что наиболее явно проявилось в убранстве гробниц ее представителей: при V династии очень пышными становятся погребения столичных вельмож, при VI династии то же самое происходит с погребениями номархов и местной провинциальной знати. У номархов появилась возможность передавать свои полномочия по наследству. Цари V и VI династий раздают храмам особые (так называемые иммунитетные) грамоты, освобождающие их хозяйства от необходимости предоставлять государству работников в порядке повинности. Особенную щедрость в этом проявил вступивший на престол ребенком и проживший почти 100 лет царь VI династии **Пиопи II** (XXIII в. до н. э.). Все это привело к росту самостоятельности номов и ослаблению контроля за ними со стороны царской власти. Однако эти процессы нарастали постепенно и вряд ли могли стать единственной причиной распада государства.

В конце XXIII в. до н. э. очень недолго правила VII династия (Манефон говорит, что ее 70 царей правили всего 70 дней!) В начале XXII в. до н. э. одновременно с VIII династией на юге Верхнего Египта в Гераклеополе в средней части долины Нила начинает править новая IX династия. Вероятнее всего, конец Древнего царства был ускорен новым этапом аридизации (установления засушливого климата) на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Произошедшее при этом снижение уровня разливов Нила привело к уменьшению урожаев, голоду и социальным потрясениям, с которыми государство Древнего царства справиться не смогло.

Глава 5

I переходный период и Среднее царство

Экологический и социально-политический кризис в конце III тыс. до н. э.

Время, пришедшее на смену эпохе Древнего царства, принято обозначать как *I Переходный период* (нач. XXII – кон. XXI в. до н. э.). На его протяжении Египет не был единым государством, и страна переживала крайне тяжелые последствия резкого изменения природных условий. Наступление засушливого климатического периода (аридизации) и снижение уровня нильских разливов привели к сокращению площади орошаемых и возделываемых земель и, соответственно, урожаев. Описание этих бедствий и их последствий можно найти в двух литературных произведениях – «Речении Ипувера» (также известно как «Речение Ипусера») и «Пророчестве Неферти».

Действие «Пророчества Неферти» относится еще к эпохе царя Снофру, которому мудрец Неферти возвестил неизбежное вступление Египта в полосу бедствий и потрясений, но сам текст был записан уже по завершении I Переходного периода, в начале правления XII династии (сер. XX в. до н. э.). Согласно «Пророчеству Неферти», уровень Нила настолько снизился, что местами реку можно было перейти вброд, а речные суда перестали «находить путь» и садились на мель.

Вельможа Ипувер, современник этих событий, вероятно, подлинный автор Речения, говорит, что «страна [Египет] превратилась в пустыню», и эта его фраза особенно многозначна. С одной стороны, ее можно понять как указание на экологическое бедствие, в

результате которого Египет лишился обычных для него обильных урожаев, а с другой – она означает, что Египет перестал выполнять свою роль уникального во всем мире региона, где служат богам, и уравнился с остальными странами, обыкновенно именовавшимися словом «хасет» («нагорье, пустыня»). Нормальные контакты Египта с чужеземными странами, призванные обеспечивать ему недостающее сырье (в частности, доставка кедра через Библ), были прерваны.

В этих текстах есть упоминание о стремящемся к пастбищам Египта потоке кочевников, населявших его пустынную периферию, которая также сильно пострадала от аридизации. Впрочем, этот поток так и не превратился в сколько-нибудь организованное и массированное вторжение. Зато небывалые потрясения поколебали устои внутренней жизни Египта: по яркому выражению Ипувера, «земля перевернулась, подобно гончарному кругу». По мнению некоторых исследователей, он описывает совершенно конкретное событие – беспрецедентный мятеж, разразившийся в области Мемфиса из-за неспособности царя VIII династии **Нефериркара II** справиться с бедствиями. Отряды мятежников разгромили столичные учреждения, разграбили хранилища зерна, посягнули даже на царский дворец и пирамиды, в результате чего ритуал царского погребения перестал быть тайной.

Вслед за этим восстанием наступило полное разрушение общественной иерархии, существовавшей в эпоху Древнего царства. На какое-то время лидеры восставших сравнялись, благодаря награбленному добру, с представителями прежней элиты, а последние сплошь и рядом стали впадать в оскудение («Речение Ипувера» пестрит противопоставлениями наподобие: «Не имевший слуг обзавелся челядью; кто был начальником – выполняет теперь повеления... Владелец ложа спит на земле, проводивший ночи в убожестве – стелет себе кожаное ложе»).

В условиях разгрома столицы прежняя центральная царская власть утратила контроль за страной, и реальное влияние перешло к местным правителям. Уже в начале XXII в. до н. э. в Гераклеополе (егип. Хененсу, современный Ихнасья эль-Медина), на севере Верхнего Египта, сначала параллельно с последними царями VIII династии, исходно находившимися в Мемфисе, но к концу правления этой династии переместившимися на юг страны, стала править IX династия, которая через некоторое время смогла подчинить себе весь Египет.

Наиболее строго гераклеопольские цари контролировали север Верхнего Египта и Дельту, в частности, их усилиями ее границы защищались от проникновения обитателей кочевой периферии. В то же время во многих номах Верхнего Египта – Сиуте, Дендере, Гермополе – появились династии вполне самостоятельных правителей, связанных с гераклеопольскими царями лишь вассальными узами. Правители Гермополя даже претендовали, подобно настоящим царям, на статус сакральных правителей, принимая, в подражание царской титулатуре, эпитет «сын Гота» – местного бога их нома. Именно они предприняли в своих владениях основные усилия по смягчению последствий постигшего Египет природного бедствия: их надписи пестрят упоминаниями о множестве «голодных» и «нагих», которых было необходимо кормить и одевать, а также об ирригационных работах, при помощи которых они пытались хотя бы частично восстановить прежний уровень жизни.

Тем не менее в условиях экологического кризиса ни царская власть, ни местные правители не были способны защищать население и поддерживать его благосостояние с тем же успехом, что в эпоху Древнего царства. Характерно, что с упадком централизованного бюрократического аппарата положение человека в обществе стало определяться в большей степени его личным богатством, а не должностью, поэтому среди тех чиновников, которые находились в это время на государственной службе, расцвело взяточничество и иные злоупотребления.

По сути дела, именно этой напасти, постигшей египетскую государственность в I Переходный период, посвящено целое литературное произведение – «Повесть о красноречивом поселянине». Ее герой по имени Хунануп, живший в оазисе на границе пустыни, промышлявший доставкой в Египет его «даров» (минеральных солей, некоторых растений и шкур животных), был во время одного из своих торговых путешествий ограблен

и избит управляющим поместья столичного вельможи, который позарился на его добро. Менее безропотный, чем жители долины Нила, также знакомые с такого рода насилиями, Хунануп отправляется в столицу искать справедливости и добивается ее, произнеся девять цветистых речей с обличениями чиновников, да и простых людей, в условиях кризиса отступающих от своего долга перед ближними.

Вообще, отношения государства со своими подданными становятся гораздо более жесткими, чем прежде. В Поучении, адресованном гераклеопольским царем 2-й половины XXI в. до н. э. Хети III своему сыну и преемнику Мерикара, несмотря на несклонность его автора к бессмысленным жестокостям, рекомендуется смирять мятежи и тем более подстрекательство к ним самым бескомпромиссным насилием; а в «Пророчестве Неферти» с ужасом говорится о времени, когда «на речения уст ответят ударами палок». Похоже, что, когда на содействие государства рассчитывать практически не приходилось, а независимая сельская община, способная пережить едва ли не любые потрясения, давно ушла в прошлое, особенную роль в обществе стали играть незнатные, но образованные люди, обеспечивавшие свой достаток собственными усилиями. Не исключено, что именно таких людей обозначали термином «неджес» (досл. «маленький, убогий»).

Представители неджесов часто встречаются нам в литературных произведениях, восходящих к I Переходному периоду. Так, именно неджесом оказывается мудрец Неферти, возвестивший, как следует из Речения, ожидающие Египет бедствия царю Снофру, и Джеди, предсказавший царю Хуфу, согласно сказкам папируса Весткар, смену его династии на престоле сыновьями верховного жреца Ра. Скорее всего, выходцы из этого слоя принимали самое активное участие в создании этих произведений¹⁸.

Возможно именно по инициативе неджесов в них настойчиво обсуждается вопрос: кто виноват в том, что египетская государственность, созданная еще в начале времен богами и возглавляемая сакральным правителем – сыном бога солнца, переживает столь тяжелые потрясения? За многие века отсутствия в Египте института общины обитатели долины Нила привыкли связывать свое благополучие не столько с собственными усилиями, сколько с деятельностью государства, фактически отождествлявшегося с образом сакрального царя и в силу этого воспринимавшегося не как социальный институт, а скорее как важнейший компонент мироздания. Экологическое же бедствие, обрушившее стабильность государственности III тыс. до н. э., с которого начался I Переходный период, тем более побуждало египтян видеть в его наступлении не просто социальную, но космическую катастрофу.

Египтяне верили, что столь глобальные потрясения могли постигнуть Египет и весь мир только по воле богов. В некоторых текстах звучат сомнения в истинности давнего представления об их благодати. В своем Поучении отец гераклеопольского царя Мерикара говорит сыну о неких людях, которые считают наполнение жертвенников богов проявлением «слабости» (по-видимому, вследствие того, что эта практика никак не помогала ослабить исходящие от богов бедствия и, стало быть, ее сохранение бессмысленно). Возможно, они же имеются в виду, когда автор Поучения упоминает о пренебрежении некоторых людей существующими представлениями о загробном мире.

Причины подобного пренебрежения подробно излагаются в «Песни арфиста», восходящей ко времени правления Иниофета, одного из царей Фив I Переходного периода, и записанной на стенах ряда гробниц II тыс. до н. э. Автор говорит о том, что надежды на продолжение жизни после смерти при помощи гробниц (явно путем конструирования в них «миров-двойников») рухнули с исчезновением средств на их поддержание, а все, что известно об иных способах достижения загробного блаженства при содействии богов, не поддается проверке опытом и не должно внушать людям особых надежд. Следовательно,

¹⁸ Они составили своего рода канон классической египетской литературы. Среднеегипетский язык, на котором эти произведения написаны, в конце III тыс. – во 2-й четверти II тыс. до н. э. был живым разговорным языком.

необходимо наслаждаться каждым днем земной жизни с ее радостями, не тратя усилий на заботы о посмертном существовании. Характерно, однако, что одну из записей этого текста мы видим как раз в гробнице, сооруженной в соответствии со всеми требованиями египетской религии.

Сомнения в благости богов и, в частности, в исходящей от них возможности посмертного существования стали позицией меньшинства образованных египтян, рассматривавшейся скорее как проявление своего рода интеллектуального экстремизма и непредусмотрительности, а не как кощунство: «Глуп тот, кто пренебрегает этим [т. е. своей посмертной судьбой]», – говорит в своем Поучении отец царя Мерикара. Большая же часть египтян не сочла постигшую их страну катастрофу достаточным основанием, чтобы усомниться в представлениях о мире, выработанных долгим опытом Древнего царства.

Однако если бедствия, обрушенные на Египет богами, нельзя было объяснить их злой волей, оставалось считать, что они вызваны оплошностью того, кто является посредником в контакте между людьми и богами, т. е. царя. Вероятно, последние цари Древнего царства и в самом деле давали своим поведением основания для таких подозрений. Так, Ипувер прямо обращается с гневными словами к современному ему царю Нефериркара II: «Слово [способность претворять своей волей в жизнь маат], постижение [способность постигать маат] и маат – у тебя, царь. Но лишь смятение распространяешь ты в стране да гул неурядиц. Совершают люди насилие друг над другом, подражают тебе в беспорядке, тобой установленном... Ты говорил ложь».

По-видимому, та же проблема соответствия личности сакрального правителя его высокой миссии ставится и в сказках папируса Весткар. В этом произведении волшебник Джеди возвестил царю Хуфу грядущее отстранение его дома от власти после того, как тот приказал волшебнику показать свое умение соединять отсеченную голову с туловищем на обезглавленном преступнике, тем самым желая надругаться над непогребенным телом ради «эксперимента».

«Поучение царю Мерикара» четко формулирует обязанности царя перед богами (наполнение их жертвенников и поддержка храмов), усопшими (прежде всего сохранение в неприкосновенности их гробниц) и людьми (справедливое и нежестокое правление), которым его преемник должен строго следовать под страхом гнева божества. Верховный бог, именуемый не конкретным именем, а более расплывчатыми описательными эпитетами, признается не только отцом царя, но и благим «пастырем» человеческого «стада», пекущимся о нем. В случае если царь отступает от своего долга «творения маат», то бог перестает «отзываться» на просьбы о содействии, обращаемые к нему при совершении ритуалов.

Сомнения многих современников VIII и IX–X династий в том, что их цари являлись полноценными сакральными правителями, способными добиваться содействия богов посредством ритуала, проявились, по мнению отечественного египтолога О. Д. Берлева, в крайне неохотном упоминании их имен в биографических надписях египтян. Египет и мир в целом при подобных правителях вступал в так называемое время болезни, т. е. нарушения нормального взаимодействия с миром богов, а также обеспечиваемого ритуалом равновесия между персонифицированными в них силами. Все это порождало множественные отступления от воплощенной в маат нормы не только общественных отношений, но и природных законов (собственно говоря, именно это состояние мироздания и описывается в «Речении Ипувера» и «Пророчестве Неферти»). Крайнее выражение недовольства верховного божества земным царем могло, считали египтяне, проявиться в том, что оно перестанет порождать своих сыновей в пределах данного царского дома и возведет на престол новую династию.

Именно это и произошло, согласно сказкам папируса Весткар, когда бог Ра соединился, чтобы породить новых царей, не с женщиной, принадлежавшей к дому Хуфу, а с женой простого жреца Реджедет. Возможно, сама мысль о том, что находящийся на престоле царь может как личность не соответствовать своим задачам ритуального правителя и

пренебрегать своим долгом «творения маат», принадлежит выходцам из слоя неджесов, заложившим эту идею в ряд литературных произведений. В дальнейшем, в конце I Переходного периода (ко времени создания «Поучения царю Мерикара»), она была воспринята и официальной идеологией.

Изменения в египетской религии

Оскудение страны, ставшее естественным следствием экологического кризиса в начале I Переходного периода, привело к тому, что расходы на поддержание в порядке сооруженных на протяжении Древнего царства гробниц и на совершение в них жертвоприношений сократились, а потом и вовсе прекратились. «Я слышал слова Имхотепа и Джедефхора... А что с их гробницами? Стены обрушились, не сохранилось даже место, где они стояли», – говорит автор «Песни арфиста». Тем более непосильными даже для представителей египетской элиты этого времени были расходы на сооружение новых гробниц, сопоставимых по своему оформлению с памятниками середины III тыс. до н. э. В этих условиях акцент в обеспечении посмертного существования людей закономерно должен был сместиться с дорогостоящего конструирования и поддержания «мира-двойника» в гробницах на взаимодействие с божествами загробного мира, обеспечивающими продолжение жизни усопшего независимо от расходов, которые несли его родственники в земном мире.

Возможности для этого существенно расширились после того, как представления о царском заупокойном ритуале стали известны достаточно широко в результате вторжений в гробницы царей во время восстания в начале I Переходного периода. Именно тогда появились «Тексты саркофагов» – записи на деревянных гробах, связанные с загробной жизнью простых смертных. Эти записи касаются прежде всего различных ситуаций взаимодействия людей со сверхъестественными существами и богами загробного мира и достаточно часто восходят к фрагментам «Текстов пирамид».

Особо почитаемым богом стал Осирис, с которым теперь отождествлялся не только царь, но и любой умерший. Неустроенность жизни вызывала у людей естественное стремление получить компенсацию за переживаемые бедствия если не в земном, то в потустороннем мире. Именно поэтому в I Переходный период особое значение приобрел миф о безвинных страданиях Осириса. Его возрождение к жизни любящей женой воспринималось как воздаяние за благодеяния, оказанные людям во время пребывания на земле, и за смерть от руки собственного брата.

Мотив суда, подводящего итоги борьбы Хора и Сета за наследие Осириса (судя по «Текстам пирамид», исходно роль судьи в этой ситуации принадлежала гелиопольскому богу земли Гебу, но затем закрепилась за верховным солнечным божеством), подвергся основательному переосмыслению. Осирис выступал теперь царем загробного мира, в который после смерти попадал каждый усопший без исключения. Посмертная судьба человека связывалась с его ба, а единственным необходимым для ее достижения условием было, по-видимому, сохранение тела. Смысл и звучание формулы заупокойного культа, возникшей в эпоху Древнего царства, изменились: Осирис выступал в ней владыкой загробного мира, а земной царь – не равным ему подателем жертвы.

Оказавшись в загробном мире, усопший предстал перед судом Осириса и содействовавших ему божеств, которые оценивали все его прижизненные поступки с точки зрения их соответствия маат. С этой целью сердце умершего (по представлениям египтян, средоточие человеческих помыслов) помещалось на весы, на другой чаше которых находилось перо, символизировавшее маат. Чтобы дела человека соответствовали маат, среди них не должно было быть сознательного причинения вреда другим людям либо пренебрежения точным исполнением религиозных ритуалов, которое также могло принести людям вред, нарушив их нормальные отношения с богами.

В случае если чаши весов были равны, человек считался оправданным от подозрений в

нарушении маат («правым голосом») и занимал отведенное ему место в царстве Осириса. Если же чаша весов с сердцем перевешивала чашу с пером, считалось, что сердце усопшего свидетельствовало против него: при жизни его злые дела преобладали над добрыми, он не заслуживал посмертного существования, и его сердце пожирало сидящее рядом с весами чудовище Амаат.

Существенно, что по результатам такого суда перед лицом Осириса человек не попадал ни в «рай», ни в «ад». Благая посмертная судьба в царстве Осириса представляла собой не вечное блаженство и наслаждение близостью к богу, а продолжение земной жизни, включая и работу на царя загробного мира (подобно работе под властью царя земного) на так называемых полях тростника. В связи с этим во II тыс. до н. э. в погребения помещали *ушебти* (досл. «ответчик») – небольшие фигурки, которые, по верованиям египтян, отзываясь на призыв усопшего, оживали и исполняли за него назначенную ему работу. Воздаянием за несправедную жизнь были не вечные муки, а просто лишение возможности посмертного существования, его полное уничтожение. Характерно, что политические наставления, содержащиеся в «Поучении царю Мерикара», рассчитаны на то, чтобы обеспечить ему не только благополучное правление при жизни, но и оправдание на загробном суде как воздаяние за исполнение им своего долга перед богами и людьми. Судя по этому, в I Переходный период заимствования из ритуала погребения царя в заупокойный ритуал обычных людей привели к тому, что некоторое время их загробная участь воспринималась (в том числе и самими царями!) как совершенно одинаковая. После нового объединения Египта и стабилизации положения в стране царя стали вновь считать способным обрести бессмертие, вознесясь на небо и слившись со своим отцом Ра. Однако и отождествление усопшего царя с Осирисом также сохранило свое значение.

Тексты «Пророчества Неферти», «Поучения царю Мерикара» (а также, вероятно, более позднего литературного произведения – «Сказок о потерпевшем кораблекрушение»), хранящиеся в нашей стране, в Эрмитаже, были впервые исследованы и опубликованы в конце XIX – начале XX в. основоположником российской египтологии **В. С. Голенищевым**. Примерно тогда же британский египтолог **А.-Х. Гардинер** издал «Речение Ипувера». Вскоре после его публикации среди исследователей началась полемика по вопросу о том, к концу Древнего или Среднего царства относится описание бедствий и смут в «Речении Ипувера» и «Пророчестве Неферти». Первой точки зрения придерживался сам издатель Речения, а в отечественной историографии **Ю. Я. Перепелкин** и **О. Д. Берлев**, второй – **В. В. Струве** и, значительно позднее, такие западные египтологи, как **Дж. ван Зетерс** и **Р.-Б. Паркинсон**. Соотнесение сведений этих текстов с общим для Ближнего Востока этапом аридизации на исходе III тыс. до н. э. позволило считать первую точку зрения доказанной.

Многие египтологи изучали надписи правителей и чиновников I Переходного периода, в частности, выявив в них употребление термина «неджес» и соотнеся его с данными литературных текстов этого времени. Стоит заметить, что они так и не пришли к его единой трактовке (в настоящем учебнике мы приводим то значение, которое представляется нам наиболее вероятным), а крупнейший отечественный египтолог **О. Д. Берлев** допустил, что это слово и вовсе не употребляется как социальный термин.

Среди исследователей классической литературы Египта I Переходного периода – начала Среднего царства нужно назвать прежде всего французского египтолога **Ж. Позенера**. В отечественной египтологии это направление исследований развили **О. Д. Берлев**, а с начала 1990-х гг. – **А. Е. Демидчик**. Среди религиоведов, изучавших адаптацию царского погребального ритуала к погребению частных лиц на исходе III тыс. до н. э., следует отметить уже упоминавшегося **Х. Кееса**. Однако данные, полученные ими при изучении «Текстов пирамид» и ранних «Текстов саркофагов», и недавние выводы о феномене «мира-двойника» гробниц III тыс. до н. э. и его эволюции в представлениях египтян (**А. О. Большаков**) еще ждут своего синтеза.

XI династия. Объединение Египта под властью Фив

Около середины XXII в. до н. э. – спустя меньше полувека после воцарения в Гераклеополе IX династии – ее представители утратили контроль над ситуацией на крайнем юге Египта. Это видно по попыткам присвоить себе царский статус – неудачной у некоего «дома Хуу» в городе Эдфу и, несколько позже, успешной у правителей ранее малоизвестных Фив (егип. Уаст; к югу от этого древнего города находится современный Луксор) – центра почитания бога Амона. Для рода правителей этого города особое значение имело почитание бога-воителя Монту, из чего можно заключить, что они изначально были связаны не собственно с Фивами, а с находившимся в том же номе центром его культа Гермонтом.

Возвышение Фив, вероятно, во многом было обусловлено близостью фиванского нома к прилегающим к долине Нила пустынным районам, богатым природными ресурсами, а также с возможностью южных номов Египта контролировать не менее важные контакты с Нубией. Родоначальником династии фиванских правителей в начале XXII в. до н. э. был **Иниотеф** (так называемый Иниотеф Старший). Около 2119 г. до н. э. его внук, имя которого не сохранилось, принял царский титул. В Фивах, таким образом, начала править новая, XI царская династия.

Ко времени правления **Хети III** (ок. 2030–2010 гг. до н. э.; автора Поучения своему сыну Мерикара), царя X династии, перенесшего свою резиденцию из Гераклеополя в Мемфис, под властью фиванского дома уже находились земли от крайнего юга Египта до границ Тинисского, или Абидосского, нома. Непосредственно на его территории разворачивалась борьба между X и XI династиями, что воспринималось как большое бедствие, в том числе и по причине религиозного значения этого района – важного центра культа Осириса. Отношения между двумя домами были откровенно враждебными. Ни тот ни другой не признавали притязаний противоположной стороны на царский статус (так, Хети III в своем Поучении неопределенно называет владения Фив «Югом», не уточняя, как следует воспринимать стоящих над ними правителей). В то же время уже Хети III стало ясно, что Гераклеопольское государство проигрывает войну с Фивами и, чтобы удержаться у власти, его преемнику нужно пытаться выстроить с ними какие-то взаимоприемлемые отношения. Со своей стороны, фиванские цари не стремились к этому.

Сын Хети III **Мерикара** (ок. 3-й четв. XXI в. до н. э.) был последним видным представителем этого царского дома. Однако уже при нем фиванские правители заняли Абидосский ном и области к северу от него. К концу XXI в. до н. э. Египет был вновь объединен под властью царя XI династии **Ментухотепа I** по общеегипетскому счету царей¹⁹. Считается, что с этого времени Египет вступает в эпоху *Среднего царства* (2020 г. до н. э. – 1-я пол. XVII в. до н. э.).

Среднее царство

При правящих уже единым Египтом царях XI династии возобновилось масштабное строительство (заупокойный храм Ментухотепа II в Дейр эль-Бахри, близ Фив) и внешнеполитическая активность (войны в Азии, экспедиции в далекий Пунт), однако угроза междоусобиц еще сохранялась. По-настоящему прочно Египет был объединен под властью новой XII династии (1776–1794 гг. до н. э.). Основатель этого царского дома **Аменемхет I** (1776–1794 гг. до н. э.) происходил из Фив или, по крайней мере, был в этом городе верховным сановником (егип. чати) предыдущего царя. Став царем, он предпочел перенести

¹⁹ В последовательности локальных правителей Фив, включающей не только обладателей царского титула, это Ментухотеп II.

свою резиденцию в хорошо укрепленный город Иттауи («Схватывающий обе земли») на рубеже Верхнего и Нижнего Египта. Недалеко от новой столицы находился Фаюмский оазис (так называемая Земля озера), где цари XII династии вели обширные ирригационные работы. Аменемхет I осуществил реформы, связанные с уточнением границ номов и, по-видимому, созданием системы государственного распределения всей рабочей силы в стране. На восточной границе Дельты он возвел систему укреплений под названием «Стена правителя». При нем восстановилось влияние Египта в Азии, велись успешные войны в Нубии и Ливии. В этих войнах еще при жизни Аменемхета I отличился его сын и соправитель **Сенусерт I**.

Во время самостоятельного царствования Сенусерта I (1947–1911 гг. до н. э.) в Нубии была сооружена целая система египетских укрепленных пунктов вплоть до 2-го порога Нила. Внутренняя стабильность в Египте при этом царе еще более упрочилась благодаря тому, что со второй половины его царствования страна окончательно вышла из тяжелой поры аридизации. Один из выдающихся писателей того времени вельможа Хети воспевал возобновление по-настоящему полноводных речных разливов в «Гимне Нилу», а царь, уверившись в своей способности получить желаемое воздаяние от божества за совершенный ритуал, добавил в свою титулатуру особый эпитет – «Владыка жертвоприношений».

Белая часовня Сенусерта I в Карнаке

Пик внешнеполитических успехов царей XII династии приходится на правление **Сенусерта III** (1872–1853 гг. до н. э.), совершившего четыре похода в Нубию (система египетских крепостей продвинулась при нем вплоть до района современных Семны и Куммы между 2-м и 3-м порогами) и большой поход в Азию (вплоть до города Сихем в Палестине). Масштаб и результаты войн Сенусерта III были беспрецедентны в египетской истории, и воспоминания о них в I тыс. до н. э. стали основой поддерживавших египетский престиж легенд о великом царе-завоевателе Сесострисе (так имя Сенусерт трансформировалось в сочинениях древнегреческих авторов, которым египтяне поведали эти легенды).

В результате войн царей XII династии Нубия была прочно закреплена за Египтом, по сути, в качестве его владения (ее частым египетским названием становится «Куш»). В Азии египетское влияние опиралось на сложную систему вассальных связей, союзов и торговых контактов с местными независимыми государствами и племенами (в центре этой системы, как и в III тыс. до н. э., был Библ).

Немаловажной предпосылкой к тому, что египтяне уже в начале правления XII династии были неплохо осведомлены о политической ситуации в Азии, стало распространение в I Переходный период такого необычного для Египта явления, как своего рода политическая эмиграция. В «Рассказе Синухета» – литературном произведении, написанном в форме автобиографии и относящемся ко времени Аменемхета I и Сенусерта I, – повествуется о бегстве египетского вельможи в Азию на рубеже этих двух царствований из страха перед возможной междоусобицей, причем при дворе вождя полукочевого племени, давшего ему убежище, находились и другие египтяне и была возможность «слышать египетскую речь». Показательно, что среди иноземных богов, которых Синухет узнал на чужбине, упоминаются «боги... островов Великой Зелени [Средиземного моря]» – скорее всего, Крита. О контактах Египта Среднего царства с Критом говорит и ряд археологических находок.

Внутри Египта цари XII династии долго не могли сломить влияние династий номархов, сохранившееся со времен I Переходного периода. Свидетельство этого влияния, как и во второй половине Древнего царства, – их роскошные погребения (например, известные своей росписью скальные гробницы правителей Бени-Хасана в Среднем Египте). Более того, в росписях этих погребений вплоть до конца XX в. до н. э. встречаются сцены сражений между египтянами, подтверждающие, что возможность новых междоусобиц в Египте сохранялась. Волевая и целеустремленная деятельность Аменемхета I вызвала

сопротивление со стороны египетской знати, привыкшей к самостоятельности. В царской опочивальне на него было совершено покушение. По-видимому, от рук заговорщиков погиб и **Аменемхет II** (1911–1879 гг. до н. э.).

Показательно, что цари XII династии вводят в обычай соправительство со своими сыновьями (очевидно, чтобы еще при жизни обеспечить преемственность власти и предотвратить любые возможные при ее передаче потрясения). Отражающее положение царя в это время «Поучение Аменемхета I своему сыну Сенусерту» (возможно, написанное уже после его смерти царским сановником и придворным литератором, автором «Гимна Нилу» Хети) очень пессимистично. В нем молодому царю рекомендуется быть справедливым и благодетельным правителем, но не ждать за это благодарности и неустанно заботиться о своей безопасности («Сам оберегай жизнь свою даже в час сна, ибо нет преданного слуги в час несчастья»).

Власть XII династии упрочилась только при последнем ее крупном представителе **Аменемхете III** (1853–1806 гг. до н. э.). Еще при его предшественнике Сенусерте III ирригационные работы в Фаюмском оазисе приобрели такой размах, что вблизи него была основана новая столица – Хетепсенусерт (современный Кахун) и стали возводиться царские пирамиды.

При Аменемхете III работы по строительству пирамид завершились. В оазисе было вырыто огромное водохранилище, которое античные авторы называли «Меридово озеро». Оно соединялось с Нилом системой каналов, и благодаря ему большой массив земель мог орошаться совершенно независимо от нильских разливов. Урожай с этих земель был достаточен для пропитания около 50 тыс. человек и, что особенно важно, поступал непосредственно в распоряжение царя, минуя номархов. По-видимому, это позволило существенно расширить и усилить административный аппарат центральной власти Египта и сломить могущество номовой знати.

Гробницы номархов стали значительно скромнее. В то же время царь начал строительство своего великолепного заупокойного храма недалеко от Фаюмского оазиса, где имелось множество помещений, посвященных различным местным богам египетских номов. Сам его замысел предполагал определенную централизацию религиозной жизни Египта вокруг культа царя. Это обширное и сложное по планировке сооружение получило позднее у древнегреческих авторов название «Лабиринт» (созвучное тронному имени Аменемхета III в греческом произношении). Значение служилой знати, зависимой от царя в материальном отношении, по-видимому, возросло: как раз при Аменемхете III чиновник по имени Сехетепибра поместил на своем заупокойном памятнике текст, обращенный к детям, в котором восхваляет царя и призывает их верно служить ему, ибо «царь – это пища».

Аменемхет III

Древнеегипетское общество в эпоху Среднего Царства

Экологические проблемы I Переходного периода заставили египтян усовершенствовать технику обработки земли, а также шире использовать земли, лежащие вне зоны нильских разливов (так называемые высокие поля). Совершенствуются орудия труда. К концу Среднего царства для их изготовления, помимо чистой меди, стали использовать бронзу – прочный сплав меди с оловом. Однако из-за недостатка олова это новшество пришло в Египет позднее, чем в другие страны Переднего Востока, и получило меньшее распространение. Практически повсеместно изготавливались предметы из стекла.

Важнейшие особенности жизни египетского общества в начале II тыс. до н. э. стали известны благодаря исследованиям О. Д. Берлева. Он обратил внимание на то, что одним из самых широких по своему значению терминов, относящихся к социальным слоям того времени, было обозначение «царские люди» (егип. хемуу несу). Так называли всех, кто

трудился на полях и в мастерских. Это связано с тем, что на работу трудовое население распределялось по воле государства. Среди «царских людей» выделялось большое количество профессиональных разрядов: медники, резчики по камню, строители, огородники, землепашцы, рыболовы, прачечники и т. д.

Работники приписывались к какому-либо разряду на особых смотрах, проводившихся ежегодно в номах от имени царской администрации. На эти смотры были обязаны являться все совершеннолетние дети «царских людей», а также «царские люди», достигшие определенного возраста (для выяснения, способны ли они по-прежнему качественно исполнять свою работу). После отбора самых крепких юношей для службы в войске остальные распределялись по профессиональным разрядам в зависимости от способностей и умений.

Учитывая, что дети приобретали умения прежде всего в семьях, они чаще всего наследовали занятия родителей. Прикрепление к профессиональному разряду было, по сути дела, пожизненным, хотя случалось, что постаревший земледелец или ремесленник назначался на более легкую службу, к примеру привратником.

В начале правления XII династии видный сановник этого времени Хети создает Поучение, обращенное к сыну Пепи. Поучение представляло собой серию наставлений, якобы произнесенных Хети, когда он вез сына в столичную школу. Суть их сводилась к тому, чтобы мальчик старательно учился и стремился достичь наилучшего в египетском обществе положения *писца*, т. е. чиновника государственного аппарата. Говоря о преимуществах такого положения («нет писца, лишеного еды от вещей дома царева»), Хети в то же время подробно рассказывает о тяготах людей, распределенных по различным профессиональным разрядам.

Вероятно, подчеркивая и без того очевидные различия в положении чиновников и трудового населения, Хети стремился специально утратить сына тяготами жизни простолюдинов как вполне возможным вариантом его собственной судьбы, если тот не выучится «на писца». Из этого можно сделать вывод, что система смотров (по крайней мере, в начале ее существования, при первых царях XII династии) охватывала не только «царских людей», но вообще все население Египта, включая детей знати. Понятно, что они, скорее всего, имели возможность обеспечить своим детям благоприятное положение на царской службе: тем не менее, судя по Поучению Хети, ситуация, когда недоросль, откровенно пренебрегавший образованием и не получивший квалификации писца, мог быть приписан к одному из профессиональных разрядов, теоретически была возможна. Трудно сказать, насколько вероятно было обратное, когда писцом и чиновником по своим способностям, выявившимся при государственном распределении, стал бы выходец из «царских людей». Конкретные примеры такого рода, кажется, неизвестны; однако, зная, что в египетском обществе никогда не было пренебрежения к простолюдинам как к людям «нижнего сорта», вероятность таких случаев нельзя исключать.

Категория «царских людей» охватывала все трудовое население Египта, вне зависимости от того, трудился тот или иной работник в хозяйстве, непосредственно подконтрольном царю, принадлежавшем храму, номарху или переданном в качестве должностного владения какому-либо чиновнику. То, что в этих хозяйствах трудились работники, предоставленные им государством, ставило их под формальный контроль царской власти. В реальности проведение смотров должно было находиться в ведении властей номов, и царь просто не имел возможности обделить рабочей силой хозяйства номархов и местной знати. Несмотря на это крупные хозяйства эпохи Древнего царства не справились с тяжелым экологическим кризисом I Переходного периода и распались. Большинство хозяйств эпохи Среднего царства были более мелкими по размерам и несамодостаточными. Они нуждались в систематическом обмене своими продуктами, и это тоже способствовало экономическому единству Египта Среднего царства. Иной, чем в III тыс. до н. э., была организация труда сельскохозяйственных работников. Если раньше они трудились в составе больших рабочих отрядов на обширных земельных угодьях, то теперь

каждый из них получал в рамках хозяйства, к которому был приписан, участок земли. Он самостоятельно возделывал его и жил на нем со своей семьей. Таким образом, рабовладельческая по своей экономической сути эксплуатация государством зависимых от него людей сменилась эксплуатацией посредством изъятия у них *ренды* (части продукции, производимой на выделенных им участках земли, при том что остаток шел им на пропитание).

Как видно, египетское общество эпохи Среднего царства очень четко делилось на элиту, так или иначе связанную со службой в государственном аппарате (на общеегипетском уровне или на уровне отдельных номов), и трудовое население – «царских людей». Характерно, что в эпоху Среднего царства исчезают упоминания о неджесах – по-видимому, их самостоятельности уже не было места в структуре общества, устоявшегося после потрясений I Переходного периода. Как и в течение большей части III тыс. до н. э., не нашлось в ней места и независимой от государства сельской общине. Общественные отношения, сложившиеся в Египте Среднего царства, с некоторыми изменениями существовали вплоть до рубежа II и I тыс. до н. э.

Одной из главных сложностей в изучении общественных отношений в Египте на любом из этапов его истории является отсутствие законодательных сводов и тем более обществоведческих трактатов, по которым можно представить его социальную структуру в целом. Соответственно, ее исследование возможно прежде всего путем тщательного анализа терминов, обозначающих различные общественные слои и группы и рассеянных по множеству разнородных памятников.

Такой анализ провел **О. Д. Берлев**. Его огромная заслуга состоит в классификации терминов, использовавшихся египтянами в I-й половине II тыс. до н. э. для обозначения разных статусов зависимости, должностей и профессиональных разрядов и выявлении среди них термина «хемуу несу» как самого общего для обозначения зависимых от государства, хотя бы и переданных им в распоряжение отдельных лиц, работников. Им же была предложена интерпретация Поучения Хети как уникального описания системы распределения этих работников по профессиональным разрядам. К сожалению, работы О. Д. Берлева по общественным отношениям в Египте Среднего царства (две монографии и ряд статей), написанные на русском языке, почти неизвестны западной науке.

Отдельным комплексом источников, отражающих отношения в крупном хозяйстве эпохи Среднего царства, является так называемый *архив Хеканакhta*, найденный в 1920-е гг. в районе Фив. Значительный вклад в его исследование внесли западные египтологи, в особенности британский ученый **Т. Джеймс**.

Литература и религия Египта в эпоху Среднего царства

Стабилизация политического положения в стране в начале Среднего царства, и в особенности при первых царях XII династии, повлекла за собой определенную «перестановку акцентов» в идеологических и религиозных представлениях по сравнению с I Переходным периодом. С укреплением государственности восстановился в полном объеме престиж царской власти. Показательно, что если в начале I Переходного периода ответственность за постигшую страну катастрофу «Речение Ипувера» возлагало на пренебрегающего своим долгом царя, то «Пророчество Неферти» в начале правления XII династии благоразумно обходит эту острую проблему, зато связывает с восшествием на престол основателя этого дома прекращение всех бедствий.

Как уже отмечалось, важнейшим показателем наличия у царей XII династии способности к полноценному совершению ритуала было совпавшее с царствованием Сенусерта I окончание экологического кризиса и возобновление нормальных разливов Нила.

Представления о долге царя перед богами и людьми, сформировавшиеся в I Переходный период, не исчезли, однако отражающие их произведения не содержат и тени сомнения в том, что цари этого времени исполняют свой долг надлежащим образом.

По существу, именно с начала правления XII династии египетская *литература* утрачивает (или оказывается вынужденной утратить) интерес к теме царской власти, не оставлявший ее на протяжении всего I Переходного периода. Посвященные царям XIX в. до н. э. хвалебные тексты (в частности, надпись Схетепибра с характерной моралью: «царь – это пища») довольно невыразительны в литературном отношении.

Подлинные шедевры этого времени посвящены отвлеченным от проблем насущной жизни сюжетам: поведению рядового человека, не сведущего в тонкостях ритуала, при встрече с неведомым божеством («Сказка о пастухе и богине»); описанию необычайного, исполненного всяческого изобилия острова с единственным обитателем – змеем, которому были присущи качества бога, грозным на вид, но благожелательным к людям, независимо от совершения в его пользу ритуала («Сказка о потерпевшем кораблекрушение»); диалогу отчаявшегося человека, стоящего на грани самоубийства, с собственным разумом, персонифицированным в его ба («Беседа разочарованного со своей душой»). В этих произведениях, далеких от социально-политических проблем, но «обыгрывающих» фундаментальные мировоззренческие категории, египтяне пытались осмыслить свое место в мире и возможность взаимодействия с божествами. Даже произведение, в котором обсуждаются внутренние неурядицы Египетского государства в начале XIX в. до н. э., – «Беседа жреца Хахеперрасенеба Онху со своим сердцем» – построено в форме диалога человека с собственным разумом, воплощенным на этот раз в сердце.

Важнейшим памятником, раскрывающим сущность египетской *религии* Среднего царства, являются «Тексты саркофагов», традиция записи которых не прерывается с I Переходного периода. Хотя они связаны с загробной судьбой человека, но, по существу, отражают общие представления этого времени о божестве. Вместе с тем как только ситуация в Египте в начале Среднего царства стабилизировалась, а у представителей элиты (прежде всего правителей номов) появилось достаточно свободных средств, они возвращаются к попыткам обеспечить свое посмертное благополучие без обращения к божествам, путем конструирования в своих гробницах «миров-двойников».

Наиболее известный памятник эпохи Среднего царства – комплекс скальных гробниц правителей Бени-Хасана в Среднем Египте, строившийся с конца XXI по XIX в. до н. э. При этом изменились только художественные средства оформления таких гробниц: если в эпоху Древнего царства изображения, создающие «мир-двойник», представляли собой рельефы, лишь иногда раскрашенные, то теперь гробницы оформляются прежде всего росписями. В подборе сцен оформления гробниц Среднего царства сильно ощущается местная специфика. За очень незначительными исключениями при оформлении гробниц эпохи Среднего царства выдерживается сформировавшийся еще в III тыс. до н. э. принцип, согласно которому изображаются только сцены из реальной жизни и совершенно отсутствуют образы богов и сверхъестественных существ.

Вместе с тем возврат к обеспечению посмертного блаженства по модели «мира-двойника» для тех, кто был в состоянии позволить себе сооружение гробницы, не изменил оформившихся в I Переходный период представлений о загробном мире Осириса. На днищах саркофагов из некрополя правителей Гермополя (в районе современного эль-Берше), относящихся к XIX в. до н. э., изображены схемы загробного мира и его изобильные поля, для того чтобы помочь усопшим ориентироваться в новой для них посмертной реальности. Таким образом, в египетской традиции (пока сугубо локальной) впервые появляются изображения загробного мира и, главное, населяющих его сверхъестественных существ, в том числе богов, что свидетельствует об усилении их роли в обретении людьми загробной жизни.

литературы эпохи Среднего царства изучаются, как правило, в тесной связи с памятниками I Переходного периода. Здесь необходимо прежде всего вновь назвать имя французского исследователя XX в. **Ж. Позенера** .

«Тексты саркофагов», обнаруженные в египетских погребальных комплексах Среднего царства, были изданы в 1-й половине XX в. нидерландским ученым **А. де Буком** и исследовались целым рядом религиоведов. Комплекс «Книги двух путей» исследуется с середины XX в. (в частности, американским египтологом **Л. Леско**).

Эволюцию оформления египетских гробниц II тыс. до н. э. и связь этого процесса с развитием представлений о загробном мире Осириса отразил в своих недавних работах **А. О. Большаков** , но этой теме, несомненно, еще предстоит длительная разработка.

Завершение эпохи среднего царства (XVIII – нач. XVII в. до н. э.)

После недолгого правления царицы **Нефруссебек** , закончившегося около 1793 г. до н. э., XII династия уступает место XIII, также происходившей из Фив. Согласно сведениям Манефона и иероглифическим египетским царским спискам и памятникам того времени, на 150 лет правления этой династии пришлось свыше пятидесяти царей. В таком случае царствование каждого из них в среднем должно было составлять всего лишь около трех лет. Это могло бы навести на мысль о том, что в Египте нового периода наступила эпоха смут и внутренних неурядиц. Однако такое предположение идет вразрез с тем, что Египту в течение этого времени удавалось удерживать свои владения и сферу влияния в Нубии и Азии, вести торговлю с Восточным Средиземноморьем, а внутри страны – сдерживать рост влияния номархов и местной знати (гробницы которых становятся столь же роскошными, как в начале XII династии, очень нескоро). Более вероятно, что в некоторых центрах Египта стали одновременно править несколько ветвей XIII династии, родственных или, во всяком случае, признававших законность друг друга и поддерживавших между собой стабильные отношения.

Подобный раздел власти фактически между несколькими царскими домами ослаблял централизацию страны. Но первым симптомом ее настоящего распада стало воцарение в Западной Дельте, в городе Ксоис, XIV династии, по-видимому, одновременной с XIII, но уже не признававшей ее власти. Этим событием в конце XVIII или начале XVII в. до н. э. (точная датировка неизвестна) заканчивается история Среднего царства и начинается *II Переходный период* (XVII–XVI вв. до н. э.).

Глава 6

II Переходный период и Новое царство

Гиксосы в Египте (1-я пол. XVII – сер. XVI в. до н. э.)

Спустя примерно два десятилетия после раздела Египта между XIII и XIV династиями и начала II Переходного периода он был завоеван группой азиатских народов, известной как *гиксосы* . Присутствие гиксосов привело к большим изменениям в египетском обществе и во многом подготовило расцвет Египта в эпоху Нового царства.

Самые подробные сведения о завоевании Египта гиксосами содержатся во фрагменте труда **Манефона** , детально изложенном в I в. н. э. еврейским историком, писавшим на греческом языке, **Иосифом Флавием** . Согласно этим сведениям, гиксосы сначала укрепились в восточной части Дельты Нила, и их столицей стал город Аварис. Опираясь на этот район, они завоевали всю страну.

Результатом археологического изучения Восточной Дельты в XX в., а именно раскопок австрийского исследователя **М. Битака**, начавшихся в 1960-х гг., стало то, что с гиксосским Аварисом было отождествлено городище в районе современного Телль эль-Даба. Однако оно существовало еще с эпохи XII династии вплоть до Нового царства.

Ряд исследователей, опираясь на археологический материал, предложили отвергнуть сведения Манефона и считать, что имело место не завоевание, а постепенное, еще с эпохи Среднего царства, проникновение азиатов в Египет. На самом деле трудно представить себе, чтобы правители Среднего царства допустили настолько бесконтрольный приток азиатов в страну, что он обернулся ее покорением. Кроме того, само существование Авариса задолго до завоевания Египта гиксосами не только не противоречит сведениям Манефона, но, напротив, согласуется с ними.

Еще одно «недоразумение», возникшее среди египтологов по поводу сведений Манефона о гиксосах, связано с пониманием самого переданного им именованья этого народа. Манефон ясно говорит, что оно означает «цари-пастухи», и на основании этого первые исследователи еще в XIX в. соотнесли его с египетским словосочетанием «хекау шасу» («правители кочевников» или «правители-кочевники»). Позднее, однако, в науке укрепилось мнение, что в основе именованья «гиксосы» лежит словосочетание «хекау хасут» – «правители чужеземных стран». Вернуться к прежнему истолкованию этого слова помогли сведения средневековых арабских авторов о том, что в истории Египта был период владычества династии амалекитов. Этот народ, хорошо известный и по Библии, обитал в районе Синайского полуострова, где, согласно египетским источникам Нового царства, как раз и жили племена шасу. Таким образом, именованье «гиксосы», правильно истолкованное Манефоном, обозначает не просто «род занятий» этого покорившего Египет народа, но и его этническую принадлежность и место первоначального обитания.

Итак, *гиксосский союз племен* сформировался во главе с народом шасу, или амалекитами, на Синайском полуострове в конце XVIII в. до н. э. Основную его массу составляли кочевые племена западных семитов, однако в результате масштабных переселений народов, шедших по всему Ближнему Востоку в предшествующие десятилетия, в него вошли и хурриты, и, возможно, даже небольшие группы индоевропейцев (индоариев). Именно индоевропейцы принесли на Ближний Восток навыки конного дела – лошадь и боевые колесницы появились в Египте непосредственно с приходом гиксосов. В начале XVII в. до н. э. гиксосы подчинили себе земельные области Южной Палестины (там их оплотом стала крепость Шарухен) и затем уже заселенную родственными им азиатами область Авариса. Около 1680-х гг. до н. э. гиксосы установили свою власть над всем Египтом (Манефон сообщает, что это произошло при их царе **Салитисе**).

Верховная власть гиксосских правителей оформилась в полном соответствии с египетской традицией. Гиксосские цари, утвердившиеся в Аварисе, стали принимать египетскую титулатуру и в дальнейшем включались в XV царскую династию. Их власть была признана не только на всей территории долины Нила, но и южнее, в Нубии (Куше), где после падения Среднего царства сложилось самостоятельное, объединившее весь этот регион, государство с центром в районе Кермы (3-й порог Нила), которое признавало вассальную зависимость от гиксосов. Кроме того, на пике своего могущества во 2-й половине XVII в. до н. э., при царе **Хиане**, гиксосы поставили в зависимость от себя мелкие государства Восточного Средиземноморья. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные находки скарабеев с именами гиксосских правителей.

Судя по всему, северным пределом сферы их влияния в регионе была большая излучина Евфрата. Аварис, Восточная Дельта, район Синая и Южной Палестины, а также часть долины Нила в его среднем течении (до города Кус на юге) подчинялись гиксосским царям напрямую; остальные территории находились под властью местных правителей, считавших себя их вассалами. Из египетских богов гиксосы особенно почитали в своей

столице Аварисе Сета, считавшегося покровителем чужеземных стран. В какой-то мере почитание этого бога врагами-чужеземцами содействовало его превращению со временем в наиболее мрачную фигуру египетской религии.

В Западной Дельте при гиксосах какое-то время, по-видимому, продолжала править XIV династия. В Южном Египте на всем протяжении гиксосского владычества существовали другие самостоятельные образования. Центром самого сильного из них были Фивы, где правили потомки XIII династии. До некоторых пор все без исключения малые правители Египта признавали высшую сакральную царскую власть аварисских гиксосов – XV династии, по Манефону.

Усиление фиванского дома стало беспокоить гиксосских царей. Согласно легенде, записанной спустя несколько веков, один из них – **Апопи II Аакененра** – отправил к фиванскому царю **Секененра** посольство с причудливым требованием унять нильских гиппопотамов, которые своим шумом близ Авариса якобы не давали гиксосскому царю заснуть. Конец этой истории не сохранился: похоже, по общим закономерностям такого рода фольклорных историй Секененра придумал какой-то находчивый ответ Апопи, и тот был вынужден оставить Фивы в покое. Однако состояние найденной археологами мумии Секененра со следами тяжелых ранений свидетельствует, что он пал в бою, возможно, с преемником Апопи, царем **Апопи III Ааусерра**, правившим примерно с 1560-х гг. до н. э.

Преемник Секененра (его сын от брака с дочерью правителя Гермополя Яххотеп) **Камос** (ок. 1560 г. до н. э.) перестал признавать верховную власть гиксосского царя и сам принял царский титул. С него начинается XVII царская династия, хотя позднее Манефон причислил к ней предшественников Камоса начиная еще с XVII в. до н. э. При этом уже не признававшиеся сакральными царями правители Авариса были причислены к XVI династии. Камос продолжил войну с гиксосами, добившись немалых успехов (ему удалось даже осадить Аварис), хотя, согласно сведениям «таблички Карнарвона» (деревянной дощечки с записью текста, по-видимому, нанесенного также на несохранившуюся победную стелу), в начале войны ему пришлось выдержать дискуссию со своими вельможами, предпочитавшими поддерживать с гиксосскими владениями на севере Египта мирные взаимовыгодные отношения. Камосу удалось разрушить союз гиксосов с Кушем и переподчинить его себе.

После Камоса на престол вступил его младший брат **Яхмос I** (ок. нач. 1550-х – кон. 1520-х гг. до н. э.), который нанес гиксосам сокрушительное поражение, взял Аварис (во 2-й пол. 1530-х гг. до н. э.), изгнал их страны и овладел их оплотом в Азии – крепостью Шарухен в Южной Палестине. Изгнание гиксосов Яхмосом считается началом нового периода истории Египта – *Нового царства* (сер. XVI – нач. XI в. до н. э.), а сам Яхмос I – родоначальником вновь объединившей Египет XVIII царской династии.

Начало великих завоеваний Египта при XVIII династии

Успешные войны Яхмоса I с гиксосами привели к полному разгрому Гиксосского государства, его территории в Азии попали под египетское владычество. Яхмос I захватил Шарухен и провел успешную военную кампанию в Финикии. Его сын **Аменхотеп I** не воевал в Азии, однако уже в начале правления следующего царя, **Тутмоса I** (1506–1493 гг. до н. э.), египетское влияние распространилось на все Восточное Средиземноморье до реки Евфрат. Из этого можно сделать вывод, что уже в ходе войн Яхмоса I в Азии зависевшие ранее от гиксосов мелкие государства Палестины, Финикии и Сирии признали теперь верховенство Египта. Так, без особых усилий с его стороны и почти в одночасье Египет превратился из страны еще недавно раздробленной и ослабленной владычеством чужеземцев в одну из великих держав Передней Азии.

Немалых успехов Египет достиг и в Нубии: еще до изгнания гиксосов, при Камосе, его влияние там распространилось до крепости Бухен у 2-го порога Нила, а при Аменхотепе I – и дальше на юг. Нубия (или Куш) превратилась теперь во владение Египта, которое

находилось под его прямым управлением (в отличие от азиатских земель, где сохранялась автономия мелких государств, признавших свою зависимость от фараона и обязанность посылать ему дань).

Своим успехам египтяне в немалой степени были обязаны опыту борьбы с гиксосским владычеством. В это время они освоили конное дело, и в их армии появились отряды боевых колесниц – самый грозный из родов оружия, применявшихся тогда в войнах государств Передней Азии. Экипаж колесницы состоял из двух человек, один правил лошадьми, а другой осыпал противника стрелами из лука, причем была выработана тактика действия большого их количества в едином строю. Хотя основные военные действия происходили на суше, для борьбы с гиксосами правители Фив построили мощную речную флотилию на Ниле, а после победы в Дельте – и морской флот. Важную роль в качестве морской гавани сохранил Аварис, получивший теперь название Пер-Нефер («Прекрасный выход»). Наконец, продолжала совершенствоваться техника обработки бронзы и, соответственно, изготовления оружия.

У Аменхотепа I не было сына, которому он мог бы передать власть. Выдав свою дочь Яхмос за одного из полководцев, Тутмоса, он сделал его своим наследником. При **Тутмосе I** во внешней политике Египта в Азии наметились серьезные проблемы. К тому времени на северо-западе Месопотамии, в хурритском государстве Ханигальбат (позднее – Митанни) к власти пришла индоарийская династия. Правители Митанни вели активную внешнюю политику и стали основными соперниками фараонов XVIII династии в борьбе за контроль над территорией Сирии. Более того, местные правители Восточного Средиземноморья должны были предпочитать митаннийское господство египетскому: Египет с его огромным государственным аппаратом требовал от покоренных стран бо́льшую дань, чем Митанни, а через несколько веков – Хеттское царство, в социальной структуре которых преобладала самодостаточная община.

Тутмосу I пришлось около 1505 г. до н. э. вести войну против митаннийского царя Суттарны I за Северную Сирию, в результате которой Митанни на время отказалось от своих претензий. Боевые действия развернулись непосредственно на берегу Евфрата. В Нубии Египту удалось расширить свои владения вплоть до прежней столицы независимого кушитского царства Кермы у 3-го порога Нила. Характерно, что именно при Тутмосе I начинает по-настоящему расширяться и богатеть, получая постоянную долю в военной добыче, Карнакский храм в Фивах (егип. Ипетсут – «Избранное [из всех] мест») – центр почитания Амона-Ра, божественного «отца» и покровителя побед фараона.

Правление Хатшепсут (1490–1468 гг. до н. э.)

Преемник Тутмоса I, его сын от второстепенного брака с Мутнофрет **Тутмос II** (ок. 1503–1490 г. до н. э.) еще до начала царствования женился на своей сводной сестре Хатшепсут. При Тутмосе II продолжались войны за египетское господство в Азии, было потоплено в крови восстание в Нубии. Так как Хатшепсут не родила сына, преемником Тутмоса II был назначен его сын от второстепенного брака с некоей Исидой, тоже Тутмос (III). Возможно, со временем Тутмос II планировал женить его на своей дочери от Хатшепсут – Нефрура, которая на момент смерти своего отца была малолетним ребенком. Текст, датированный концом царствования Тутмоса III, рассказывает, как еще при жизни отца, в его бытность рядовым жрецом Амона-Ра в Карнакском храме в Фивах, на него как на будущего царя указала статуя бога во время праздничной процессии.

В 1490 г. до н. э. **Тутмос III** вступил на престол, однако уже через два-три года он был оттеснен на второй план царицей **Хатшепсут**. Сначала она провозгласила себя соправителем Тутмоса III, а со временем стала претендовать на статус самостоятельного фараона, причем именно фараона-мужчины (в ряде статуй она изображена в мужском облике с характерной приставной бородкой). Официальная легенда рассказывала, что Хатшепсут была рождена от близости ее матери Яхмос с богом Амоном и, соответственно, изначально

предопределена для царской власти.

Хатшепсут, конечно, не могла выступать в качестве фараона-воителя, поэтому главным деянием своего царствования, сопоставимым с войнами ее предшественников, она постаралась представить масштабную экспедицию в Пунт, рассказ о которой был запечатлен на стенах заупокойного храма царицы в Дейр эль-Бахри близ Фив. Хатшепсут много строила в различных храмах Египта. Самые приближенные вельможи ее царствования – верховный сановник Хапусенеб и архитектор и воспитатель царевны Нефрура Сенмут – были связаны со жречеством Карнакского храма Амона-Ра. Военными делами в это время занимался Тутмос III. Войны, которые он вел в Азии при жизни царицы, происходили совсем недалеко от границ Египта – в Палестине и даже на Синае, притом что остальное Восточное Средиземноморье попало под контроль Митанни при удачливом завоевателе царе Параттарне (ок. 1470-х гг. до н. э.).

Тутмос III

Существуют предположения, что Хатшепсут стремилась закрепить свой опыт женского правления и каким-то образом сохранить расстановку сил в Египте, сложившуюся при ней, на более долгую перспективу. Возможно, этому должна была послужить передача власти супругу ее дочери Нефрура, которая сохранила бы при нем выдающееся положение в государстве. Однако этим планам не суждено было сбыться: Нефрура умерла раньше матери, потерял свое бывшее влияние Сенмут, наследником Хатшепсут стал оттесненный более чем на двадцать лет на задний план Тутмос III.

Решающая фаза войн Египта с Митанни (1468 – ок. 1410 г. до н. э.)

Попытку восстановить господство Египта над всем Восточным Средиземноморьем предпринял Тутмос III, который после смерти Хатшепсут в 1468 г. до н. э. стал полновластным царем Египта. В первый же год своего единоличного правления он предпринял поход в Южную Сирию против коалиции «330 правителей» во главе с царем Кадеша, за которой стояло Митанни. Тутмос III со своим войском перешел через Кармельский хребет и вышел к крепости Мегиддо, где были сосредоточены основные силы коалиции. Египтяне планировали разгромить их в скоротечной битве, но увлеклись грабежом вражеского лагеря, и войску противника удалось укрыться в крепости. Последовала ее семимесячная осада, окончившаяся победой Египта, и войска Тутмоса III вернулись с большим количеством пленных и богатой добычей.

Однако главный соперник Египта в Азии – Митанни – остался несломленным и продолжал свою политику. В 1468–1448 гг. до н. э. Тутмос III, согласно летописи его царствования на стенах Карнакского храма, был вынужден совершить не меньше пятнадцати походов в Азию. К середине XV в. до н. э. ему удалось оттеснить митаннийцев за Евфрат, но вскоре они вернули свои позиции на севере Сирии. Более успешными были действия Тутмоса III в Нубии, где египтяне закрепили за собой земли выше 4-го порога Нила. Неподалеку от него их важным опорным пунктом становится Напата (современный Джебель-Баркал).

Борьбу с Митанни продолжил сын Тутмоса III **Аменхотеп II** (1438/36–1412 гг. до н. э.), совершивший два «победоносных похода» в Азию. Несмотря на то что второй из них (ок. 1429 г. до н. э.), как и первый, назвали «победоносным», это не соответствовало действительности. Египет вынужден был признать верховенство митаннийского царя Сауссадаттара над Сирией и Северной Финикией. Именно Тутмос III и Аменхотеп II более чем кто-либо из их предшественников и преемников в эпоху XVIII династии стремились изображать себя могучими воинами, самолично истребляющими врагов, умеющими одним движением натянуть тугой мощный лук и охотящимися на слонов, которые тогда водились в

степях к востоку от реки Оронт в Сирии.

Неудачи попыток Египта закрепить за собой все земли вплоть до Евфрата были предопределены не только упорством Митанни, но и вмешательством в их борьбу других крупных государств Передней Азии, и прежде всего Вавилонии, находившейся тогда под властью касситской династии. Постоянные войны в Восточном Средиземноморье были невыгодны другим государствам, так как мешали международной торговле в этом регионе.

Храм Тутмоса III в Карнаке

Окончательное урегулирование конфликта между Египтом и Митанни произошло при участии Касситской Вавилонии около 1410 г. до н. э. Фараон **Тутмос IV**, царь Митанни Артадама и касситский царь Караиндаш согласились на размежевание своих сфер влияния, при этом Египту доставались все земли вплоть до центральной части Сирии, Северная Сирия отходила Митанни, а Вавилония позднее контролировала территорию Сирийско-Месопотамской степи к востоку от владений Египта и Митанни. Три царя договорились поддерживать мирные, даже союзнические отношения, в знак которых Тутмос IV женился на дочери Артадамы. Это на долгое время позволило им решать все дела Восточного Средиземноморья на основе компромисса. Система равновесия сил между державами Передней Азии, просуществовавшая вплоть до середины XIV в. до н. э., получила название *«амарнский мировой порядок»*, по месту обнаружения крупнейшего дипломатического архива того времени. Археологам в районе современного Телль эль-Амарна удалось обнаружить около 400 писем, относящихся ко времени фараона Эхнатона и его отца Аменхотепа III.

Египет в годы «Амарнского мирового порядка»

При сыне Тутмоса IV **Аменхотепе III** (1402–1365 гг. до н. э.) в Египте начался период стабильности. Несмотря на отказ от Северной Сирии, Египет сохранил за собой огромные территории Восточного Средиземноморья, за лояльностью которых следили египетские резиденты, опиравшиеся на гарнизоны в важнейших пунктах. Одной из самых дальних стран, подвластных Египту на севере, была Алашия (о. Кипр), откуда Египет получал медь в виде дани. На юге египтяне продвинулись далеко в глубь Нубии. О ее богатствах переднеазиатские союзники египетского царя с завистью говорили: «В стране твоей больше золота, чем песка». Показателем прочности позиций Египта в Нубии стало строительство во всех ее важнейших пунктах храмов египетских богов, прежде всего Амона. В отличие от своих предшественников-воителей, Аменхотеп III самолично выступил в поход (к южным пределам Нубии), по-видимому, только один раз, около 1398 г. до н. э. После династических браков с дочерьми царей Митанни и Вавилонии его внешнеполитическое положение настолько упрочилось, что, ссылаясь на египетский обычай, он отказал касситскому царю Кадашман-Энлилю I в руке своей дочери. Таким образом, изнурительные войны ушли в прошлое, и у Египта практически не осталось врагов.

«Колоссы Мемнона» (культовые статуи Аменхотепа III)

В этой ситуации Аменхотеп III получил возможность заняться внутренними делами страны более основательно, чем его предшественники. Их могущество основывалось на поддержке двух влиятельных сил египетского общества – войска и жречества бога Амона-Ра, чтимого в столице страны – Фивах, где постоянно расширял и пополнял свое богатство за счет военной добычи Карнакский храм. Однако с прекращением масштабных войн в Азии значение войска, да и идеального образа стоящего во главе него фараона-военачальника,

должно было несколько понизиться, а чрезмерное укрепление позиций столичного жречества могло обернуться и против самого фараона. Надо было искать новые опоры, которые сделали бы царскую власть прочной. В это время серьезное влияние на государственную власть начинают оказывать служилые люди, материально зависимые от фараона и поэтому преданные ему. Главной женой Аменхотепа III была Тэйе – женщина незнатного происхождения, дочь рядового служащего хозяйства одного из местных храмов. Представителем этого социального слоя был и один из главных сановников Аменхотепа III, выдающийся архитектор Аменхотеп, сын Хапу.

Серьезные изменения произошли в религиозной жизни и идеологии Египта. Аменхотеп III продолжал строительство в Фивах. В то же время к югу от Карнака, близ современного Луксора, он возвел новый обширный храмовый комплекс – Ипет-ресит (досл. «Южный покой»), где образ царя чтился намного больше, чем в Карнаке. Изображениям фараона, как статуям истинных богов, стали поклоняться в египетских храмах в Нубии (в современном Солебе), а затем и в самом Египте (в Мемфисе и, по-видимому, в Фивах). Большое значение для укрепления царского культа имели *хепседы* – праздники в честь юбилея правления Аменхотепа III, которые он справил несколько раз в 1372–1365 гг. до н. э. Наконец, именно в его царствование, как бы в противовес столичному культу Амона-Ра, распространяется почитание бога солнца под его исконным древним именем Ра-Характе («Ра-Хор горизонтный», т. е. находящийся на линии небесного свода, соединяющей точки восхода и заката), а также под именем Атон (египетское обозначение видимого на небе солнечного диска).

Изменения в самосознании египтян в начале Нового царства

Большие изменения в жизни и самосознании древних египтян произошли уже в гиксосское время. Как уже указывалось, прежде всего это были перемены военно-технического характера (появление конного дела и флота), однако этим не ограничилось. Борьба с гиксосами и необходимость удерживать свою сферу влияния в Азии привели к серьезным изменениям в официальной идеологии Египта и общественном сознании египтян.

Именно при гиксосах Египет впервые в своей истории на опыте ощутил, что другие народы могут быть по меньшей мере не слабее, а то и сильнее, чем египтяне, а благодаря разветвленным связям гиксосской державы в Средиземноморье и Африке увидел себя частью необычайно многообразного мира. Победив гиксосов, Египет оказался в непрерывном военно-политическом противостоянии с великими державами Передней Азии.

Характерно, что, вопреки представлению о себе как о сакральных правителях не только Египта, но и мира, фараоны XVIII династии в переписке с государями Митанни и касситской Вавилонии, которая велась клинописью на аккадском языке, были вынуждены именовать их тем же титулом, что и самих себя, невольно признавая равенство с ними. Все это должно было привести к некоторому снижению в восприятии египтян роли их страны в мире – и это притом, что победы над чужеземными врагами стали занимать в обосновании власти фараонов несравненно большее место, чем прежде!

В III – 1-й половине II тыс. до н. э. египетские цари почти никогда не участвовали в войнах лично. Когда какие-либо тексты описывали войны Египта против своих соседей, победа в них обычно изображалась как дело нетрудное и заранее предопределенное, ввиду божественного происхождения и сакрального характера власти египетского царя. В текстах эпохи Нового царства Секененра и Камос предстают отнюдь не столь уверенными в победе. Секененра в упоминавшейся легенде о состязании в хитроумии с гиксосом Апопи II и вовсе стремится избежать военного столкновения с ним, прекрасно зная свою слабость. Камос же, доказывая собственным вельможам необходимость борьбы с гиксосами, говорит, что без этого не сможет стать подлинным сакральным царем, но вовсе не утверждает, что добьется в этой борьбе успеха. Далее мотив спора царя со своим окружением, которое исполняет при

нем роль своеобразного штаба, становится стандартным приемом военных текстов XVIII династии: вельможи в начале кампании или накануне решающего сражения призывают фараона к чрезмерной осмотрительности и осторожности, а он отвергает этот совет, исходя из того, что риск, при должном искусстве полководца, есть залог победы.

Сам этот прием не имел бы смысла без признания того, что царь на поле боя подвергается определенному риску и должен проявлять мастерство полководца и личную доблесть не в меньшей мере, чем другие начальники в его войске. Успех в войне служил фараону доказательством помощи «породившего» его божества (именно поэтому цари XVIII династии делятся плодами своих побед в первую очередь со своим «отцом» Амоном-Ра, чтимым в Карнаке). Однако теперь победы достаются фараону также и ценой огромных собственных усилий. Это становится теперь главным мотивом текстов и изображений на царских памятниках и, по сути дела, обоснованием права царя на сакральную власть.

В связи с этим для некоторых царей острым оказался вопрос: что делать, если сослаться на подобные военные успехи в обосновании собственного статуса не представляется возможным? Мы уже видели, как войны Аменхотепа II с Митанни и его союзниками именовались «победоносными походами» (и описывались в соответствующей тональности!) вопреки тому, что было на самом деле. Однако Хатшепсут – женщина на престоле – даже независимо от военных успехов ее времени заведомо не могла изобразить себя разящей врагов с боевой колесницы. С трудностями такого рода сталкивался и Аменхотеп III, при котором войны в Азии сходят на нет. По-видимому, как раз по этой причине в идеологии именно этих царей особое место занимает подробное «прописывание» легенды об их рождении от божества: Хатшепсут включала соответствующие тексты и изображения в оформление своего храма в Дейр эль-Бахри, а Аменхотеп III попросту копировал их в Луксорском храме. Другим пропагандистским приемом «мирной передышки» при Аменхотепе III становится, как мы видели, его самообожествление (некоторые современные египтологи считают, что тенденция к этому проявилась уже при Тутмосе IV, который был вынужден прекратить борьбу с Митанни в Азии).

Длительные войны в Азии и Нубии в эпоху XVIII династии привели к переменам не только в официальной идеологии. По-новому стали относиться к своему участию в них и рядовые воины, и младшие начальники. Об этом свидетельствуют автобиографические надписи. Если в эпоху Древнего царства в надписях частных гробниц походы в чужие страны оценивались исключительно с точки зрения пользы для государства, то теперь их составители не стесняются говорить о личной выгоде от участия в войне (о вознаграждении за это и о захвате пленных и добычи не для царя, а непосредственно для себя). Само вознаграждение воинов приобрело характерную форму «орденов», изготовленных из золота и присваиваемых за подвиги. Их материальная стоимость была, конечно, немалой, однако ценились они независимо от нее.

В надписи современника трех первых царей XVIII династии – Яхмоса I, Аменхотепа I и Тутмоса I – «начальника гребцов» нильской флотилии Яхмоса, сына Абен, мы встречаем следующую фразу: «Имя героя – в содеянном им, оно не исчезнет в этой стране вовеки». Египетские представления о значении увековечения имени для личного бессмертия человека позволяют понять ее чисто прагматически (герой будет жить, пока его имя помнят и произносят). Однако, кроме того, в этих словах явно чувствуется и признание психологической ценности собственных подвигов и похвалы за них.

Еще более развернуто этот мотив представлен в автобиографии современника Аменхотепа II Аменемхеба. Этот воин перечисляет подвиги, которые он неустанно совершал на глазах у царя, получая за них пресловутые «ордена». Самым курьезным из них был эпизод, когда Аменемхеб поймал и заколол кобылу, выпущенную коварным князем Кадеша перед египетскими колесницами, чтобы нарушить их строй. Курьезность этого «подвига» (вовсе не исключая риска при его совершении), похоже, не давала оснований даже для присвоения за него боевой награды; тем не менее Аменемхеб описывает, как он преподнес царю отрубленный им хвост вражеской кобылы и удостоился за это похвалы. Сам навык

преодоления риска при помощи сноровки выступает здесь основой для собственной положительной оценки в неменьшей степени, чем практическая польза от совершенного «подвига» в сочетании с царской похвалой.

Таким образом, современники царей-завоевателей XVIII династии начинают ценить собственные свершения и независимо от того, сколь значимы они были для государства. Этот факт свидетельствует об обретении египтянами большей независимости от государственной структуры, чем в предшествующие эпохи.

Сведения о завоеваниях египетских царей XVIII династии нам дают многочисленные *царские надписи*, помещавшиеся прежде всего в храмах (так, знаменитые анналы Тутмоса III, описывающие войны на протяжении его самостоятельного правления, обнаружены в Карнаке), а также *биографические надписи*, принадлежащие начальникам войска (о некоторых из них рассказывалось выше). Трудно перечислить всех исследователей, собиравших этот материал начиная с XIX в.; в XX в. его сводной публикацией занимались прежде всего немецкие ученые **К. Зетгэ** и **В. Хельк**.

Важным комплексом источников по связям Египта, Митанни и Касситской Вавилонии в эпоху «амарнского мирового порядка» послужил давший ему название *архив клинописной дипломатической переписки из Телль эль-Амарны*, обнаруженный на рубеже XIX–XX вв. Система отношений между этими государствами была реконструирована во 2-й половине XX в. прежде всего англо-американскими исследователями **К. Китченом**, **Д.-Б. Редфордом**, **У. Мёрнейном**; в отечественной историографии этой проблематикой, в частности ее хронологическими аспектами, занимается **А. А. Немировский**.

Египет в годы «Амарнской реформы»

Политику укрепления царской власти, опиравшейся на преданное ему незнатное чиновничество, и повышения роли царя в религиозной жизни Египта, начатую Аменхотепом III, продолжил его сын от брака с Тэе **Аменхотеп IV** (1365–1349 гг. до н. э.). Уже в первые годы его царствования особое значение приобретает культ Ра-Харахте, который с 1361 г. до н. э. отождествляется с богом – солнечным диском Атоном. Верховным жрецом этого нового культа становится лично царь. До некоторых пор центром почитания нового «царского» бога являлись Фивы, где недалеко от Карнака был возведен храм Атона. Однако около 1359 г. до н. э. Аменхотеп IV услышал в Фивах нечто «дурное», очевидно о созданном им культе, и решил покинуть столицу.

Новую столицу он построил в Среднем Египте, близ современного селения Телль эль-Амарна, в месте, которое до тех пор «не принадлежало ни богу, ни богине», т. е. за пределами территории какого-либо нома с его местными культами. Отсюда общее обозначение религиозно-политических преобразований Аменхотепа IV – «*амарнская реформа*», а связанного с ней периода египетской истории – «амарнский». Новая столица получила название Ахетатон («Горизонт Атона»), а фараон изменил свое имя на **Эхнатон** («Полезный для Атона»). Ахетатон стал главным для всего Египта центром почитания бога Атона. Сам этот бог, в отличие от традиционных египетских богов, не имел человеческого облика (либо облика человека с головой животного). Он изображался непосредственно как солнечный диск, лучи которого, устремленные к земле, оканчивались благословляющими кистями рук. В таком облике бог Атон получал почести от царя и его супруги Нефертити («Прекрасная пришла»).

Существенно, что Атон провозглашался теперь царем Египта, правящим наряду с его сыном Эхнатоном. Царский статус верховного бога признавался египтянами и раньше, но не подчеркивался в такой мере. Соответственно, особо выделялась и исключительная роль царя как сына и соправителя верховного божества. Принципиально новой была та сугубо личная и уникальная связь, в которой Эхнатон, согласно его собственной вере, находился с богом

Атоном. В титулатуре царя она подчеркивается характерным эпитетом «Уаенра» («Единственный для солнца»). Только Эхнатон, как единственный и любимый сын, мог получать непосредственно от солнечного бога сведения о его природе и об устройстве мира. Атон провозглашался вдохновителем политики Эхнатона, подсказывавшим необходимые действия в откровениях, доступных одному царю. Ориентируясь на такое откровение, фараон, в частности, избрал место для своей новой столицы.

Достоверность подобных откровений считалась несомненной, а всем подданным, не исключая и жрецов нового и прежних культов, оставалось лишь внимать тому, что им возвещал царь, ссылаясь на свое общение с божеством, и слепо следовать его указаниям. При этом воля солнечного божества могла служить единственным обоснованием и для невероятно жестоких действий. Так, ближе к концу царствования Эхнатона некоторые вельможи, сопротивлявшиеся его религиозной политике, были казнены, а их тела сожжены, что лишало возможности загробной жизни. Скажем для сравнения, что примерно полтора века спустя, после заговора против царя Рамсеса III, только главарей заговорщиков принудили к самоубийству, но их тела были похоронены.

В представлениях египтян царь всегда считался посредником между людьми и богами при совершении ритуала, однако никогда эта идея посредничества не абсолютизировалась настолько и с таким смыслом, как при Эхнатоне. В чисто материальном плане важным было создание огромных и богатых хозяйств храмов Атона, по существу, находившихся в полном распоряжении царя.

Эхнатон

Эхнатон с семьей поклоняется богу Атону. Рельеф

Надписи из гробниц вельмож, высеченных в скалах вблизи Ахетатона, показывают, что Эхнатон на протяжении своего царствования опирался на людей не просто незнатных, но порой вышедших из низов и обозначавших свое социальное происхождение характерным термином *немху* (досл. «сирота»). В них всячески подчеркиваются милости, которыми фараон осыпал своих приближенных, и сам тот факт, что исключительно его заботе последние обязаны своим положением в обществе и на государственной службе.

Первые признаки нетерпимости к старым культам появились около 1356 г. до н. э., когда на многих старых надписях стали стирать имя прежнего верховного бога Амона, а в Ахетатоне перестали возводиться новые памятники с именами традиционных богов. Около 1353 г. до н. э. нетерпимость перешла в преследование – последние следы этих имен исчезли из культа Атона; имена Амона и некоторых других старых богов стали истреблять во многих местах (особенно рьяно – в Фивах). Наконец, истребляется в старых и выходит из употребления в новых надписях само слово «бог» (егип. нечер). Теперь Атон и его сын и соправитель Эхнатон именуются только правителями.

Понятно, что на этом этапе не могло идти речи о том, чтобы царь, хотя бы чисто формально, продолжал возглавлять совершение каких-либо ритуалов за рамками культа Атона. Подобные действия никак не могут означать неверия Эхнатона в существование традиционных богов: в таком случае он должен был бы отнестись к сохранению их почитания с полным равнодушием. Напротив, они показывают, что царь всегда видел в богах вполне реальную силу, заведомо менее благоую, чем Атон, но на первых порах терпимую (прежде всего ради того, чтобы не обрушивать на себя их гнев). Лишь со временем ему стала ясна несовместимость старой религии с почитанием Атона и необходимость жесткой борьбы с ней, невзирая на связанную с этим угрозу гнева традиционных богов. Вряд ли к выводу о необходимости этого Эхнатон мог прийти чисто умозрительным путем, в ходе эволюции его представлений об Атоне, тогда бы он осознал это гораздо раньше. Более вероятно, что

причиной послужили какие-то реальные события, истолкованные как немилость Атона за компромисс со старыми культами и повеление порвать с ними полностью.

Именно в связи с этим стоит обратить внимание на ситуацию в азиатской сфере влияния Египта в конце 1360-х – 1350-е гг. до н. э., которая представляла собой настоящую внешнеполитическую катастрофу. В конце 1360-х гг. равнодушие Эхнатона к внешнеполитическим делам подорвало важнейший устой «амарнского мирового порядка» – согласие Египта и Митанни; около 1360 г. между ними началась война, и митаннийский царь Тушратта отобрал у Египта практически все его владения в Сирии. Около 1355 г. до н. э. эти территории перешли уже от Митанни к Хеттскому царству, правитель которого Суппилиум I нанес Тушратте тяжелейшее поражение, после чего тот потерял власть и был убит. Таким образом, соседом Египта в Азии становится новая и очень агрессивная держава.

Жертвами завоеваний или внутренних неурядиц стали многие мелкие правители Восточного Средиземноморья, еще признававшие свою зависимость от Египта. Наконец, несмотря на отсутствие поводов к прямым разногласиям, охладели прежние союзнические отношения Египта с Вавилоном. Вряд ли случайно, что важнейшей частью пышного празднования юбилея царствования Эхнатона примерно одновременно с полным разрывом со старыми культами был прием царской четой дани от представителей подвластных Египту стран Азии и Нубии. Видимо, эта церемония явно была призвана скомпенсировать в восприятии подданных Эхнатона бедственное реальное положение дел в Азии.

Характерно, что в так называемой Реставрационной стеле, составленной при втором преемнике Эхнатона Тутанхамоне и сообщающей о возрождении традиционных культов, главным следствием их забвения и последовавшего гнева богов признавалось именно падение египетского влияния в Азии. Аналогичным образом этот внешнеполитический кризис мог объяснять и Эхнатон – только он должен был, конечно, объяснять его гневом не старых богов, а как раз Атона. Самой главной причиной такого гнева вполне могло быть сочтено слишком длительное сохранение враждебных солнечному диску традиционных культов.

Разрыв с традиционными египетскими культами был далеко не столь полным и всеобщим, как этого хотелось Эхнатону. Хотя имена старых богов были преданы полному забвению в его столице, посвященные им памятники встречаются и после 1353 г. до н. э. даже в таком крупном центре, как Мемфис, и тем более в мелких городах. Запрет почитания старых богов был непонятен простым египтянам, привыкшим видеть в них залог стабильности страны, и должен был вызвать протест у значительной части элиты. Неудивительно, что религиозная реформа Эхнатона ненадолго пережила своего основателя, просуществовав лишь в течение двух лет правления его преемника **Сменхкара** (1349–1348 гг. до н. э.). Уже в конце его царствования культы Амона и других старых богов были восстановлены, а после вступления на престол следующего царя, **Тутанхатона** («Живой образ Атона»), царский двор покинул Ахетатон, и почитание Атона прекратилось. В связи с этим было, в частности, изменено имя царя, который стал называться Тутанхамон («Живой образ Амона»), а также его жены Анхесенпаатон («Живет она для Атона») – на Анхесенамон («Живет она для Амона»).

Постамарнское время (1348–1335 гг. до н. э.)

От брака с Нефертити у Эхнатона было пять дочерей и ни одного сына, поэтому оба следовавших за ним царя были его зятьями. Второй – **Тутанхамон** вступил на престол около 1348 г. до н. э., будучи примерно девяти лет от роду. Формальностью был даже его брак с дочерью Эхнатона и тем более его участие в государственных делах. На протяжении правления Тутанхамона реальными правителями Египта были прежний верховный жрец Атона Эйе и «великий военачальник» (командующий) Эхнатона Хоремхеб. Не разделяя религиозного пыла Эхнатона (осуждая, как показывает «Реставрационная стела», лишь

вредоносные последствия, а не религиозное содержание его реформы), он оставил в силе те преобразования, которые реально укрепляли Египетское государство. Чтобы прежнее влияние жречества Амона-Ра не было восстановлено, столицу Египта он перенес из Ахетатона не в Фивы, а в Мемфис. Сохранили свое положение при дворе выдвинувшиеся при Эхнатоне служилые люди, не исключая и выходцев из низов.

Тутанхамон с Анхесенамон. Рельефное изображение

Тутанхамон умер, едва ли достигнув двадцати лет, около 1339 г. до н. э. Именно его гробница – единственное царское погребение в Египте, найденное неразграбленным английским археологом Г. Картером в 1922 г., сделала имя этого фараона широко известным в наши дни, совершенно несообразно с истинным значением его царствования.

Его вдова Анхесенамон, брак с которой стал теперь самым верным путем к престолу, попыталась сохранить за собой реальное политическое влияние, предложив хеттскому царю Суппилулиуме I женить на ней одного из своих сыновей. По ее расчету, стоявшая за хеттским царевичем военная сила заставила бы считаться с ним представителей египетской элиты; вместе с тем ему, как чужаку в Египте, пришлось бы полагаться на советы и поддержку своей жены. Хеттский царевич Цаннанцас действительно отправился в Египет, где был убит, а Анхесенамон вступила в брак с **Эйе**, который стал последним царем XVIII династии (1339–1335 гг. до н. э.). Несмотря на то что в прошлом Эйе был верховным жрецом Атона, он постарался приписать и себе участие в свертывании амарнских религиозных преобразований, заявляя в одной из надписей: «Я уничтожил зло. Теперь каждый может молиться своему богу».

Убийство Цаннанцаса привело к обострению начавшегося еще раньше военного конфликта между Египтом и Хеттским царством. В результате Египет потерял все свои владения в Восточном Средиземноморье. Война с хеттами выдвинула на первый план командующего египетской армией Хоремхеба. Он сместил Эйе с престола и сам стал царем.

Важнейшим источником периода амарнской реформы является сам археологический комплекс Ахетатона в районе Телль эль-Амарны, открытый в конце XIX в. и изучавшийся в течение нескольких десятилетий такими египтологами, как **У.-М. Флиндерс Питри**, **Л. Борхардт** (именно он открыл знаменитый скульптурный портрет Нефертити), **С.-Л. Вулли**, **Дж. Д.-С. Пендлбери** и др. Изучение столицы Эхнатона важно не только потому, что в обнаруженных там текстах отражается ход религиозной реформы (надписи на стелах, размещенных на границе города, гимны Атону, приписываемые иногда самому царю-реформатору, и автобиографии вельмож в скальных гробницах вблизи города), но и потому, что это практически единственный египетский город XVIII династии, доступный целостному изучению (от царского дворца до жилых кварталов).

Памятники времени Эхнатона сохранились и в других районах Египетского государства (в Фивах, Гелиополе, Нубии – Гемпатоне). Самым ярким памятником постамарнского времени следует считать открытую **Г. Картером** гробницу Тутанхамона.

Внешнеполитическое положение Египта времени Эхнатона, как и в предшествующую ему эпоху, известно по данным архива дипломатической переписки из Телль эль-Амарны (собственно говоря, Эхнатон и перевез в свою новую столицу документы царствования своего отца Аменхотепа III, чтобы иметь их «под рукой» для текущей переписки с современными ему государями Передней Азии).

Религиозные представления Эхнатона изучались такими египтологами, как **Дж.-Г. Брестед**, **С. Олдред**, **Н. Ривз**. В отечественной науке эволюцию религиозных представлений Эхнатона и ряд памятников его времени (в том числе

отражающих отношения внутри его семьи и окружения) исследовал Ю. Я. Перепелкин .

Царствование Хоремхеба

Хоремхеб (ок. 1335–1306 г. до н. э.) происходил из знати небольшого городка Хутнисут в Среднем Египте. Его жизненный путь был типичен для служилых людей, роль которых усилилась накануне и во время амарнской эпохи (так, он издал указ о защите представителей этого слоя от злоупотреблений чиновников). Сознавая значение своего прошлого при дворе Эхнатона, Хоремхеб, судя по всему, не слишком рьяно сокрушал последствия его религиозных преобразований (в надписи, содержащей биографию Харемхеба и описание коронации, он не скрывает, что начал свою карьеру при дворе некоего «царя», которым мог быть только Эхнатон, и хотя не называет его по имени, отзывается о нем вполне лояльно). Как полководец, Харемхеб сразу обратился к самой насущной проблеме Египта этого времени – ослаблению его позиций в Азии.

В начале правления он совершил глубокий рейд по Восточному Средиземноморью, дойдя до Евфрата. Однако этот единовременный успех не вернул Египту его прежние владения. Хоремхебу пришлось заключить с хеттским царем Мурсили II мирный договор, по которому Египту в Азии оставался только Синайский полуостров, и обратиться к усилению своей армии, что позволило бы в дальнейшем возобновить борьбу с хеттами.

Во внутренней политике Хоремхеб постарался закрепить те последствия амарнской эпохи в расстановке социальных и политических сил, которые казались ему позитивными. Столицей Египта при нем остался Мемфис. Особым указом он оградил от злоупотреблений права выходцев из слоя немху, занимавших нижние должности в администрации и войске и призванных, по мысли царя, стать самой надежной его опорой.

Весьма ярко последствия эпохи Эхнатона проявились при Хоремхебе в сфере культуры. Еще в середине II тыс. до н. э. (вероятно, в течение II Переходного периода) в разговорной речи начинает употребляться *новоегипетский язык*, по своему строю сильно отличающийся от среднеегипетского, на котором в I Переходный период и эпоху Среднего царства были созданы классические литературные произведения. Тем не менее среднеегипетский язык безраздельно господствовал в письменной традиции вплоть до амарнской эпохи.

При Эхнатоне новоегипетский язык приобрел письменную форму, а после амарнского времени на нем записываются многие официальные тексты и создаются литературные произведения. Среди них мы находим несколько циклов любовной лирики, занимающей уникальное место в литературе Древнего Востока. Если, к примеру, лирика Месопотамии прочно привязана к религиозному ритуалу сакрального брака бога и богини, то египетская лирика носит сугубо светский характер и воспевает любовь обычных людей (пары, именуемой «брат и сестра»). Любовь эта совершенно необязательно вписана в брачные узы или ухаживание, исходом которого должен стать брак. Эмоциональные переживания влюбленных описываются в лирических произведениях столь же ярко, как и связывающее их сексуальное влечение; а инициатива в отношениях между ними, в особенности тех, которые не нацелены на создание семьи, сплошь и рядом принадлежит женщине (что указывает на бо#769;льшую ее эмансипацию в Египте, чем в других обществах Ближнего Востока). Поэтому неудивительно, что в этих лирических циклах заметное место принадлежит произведениям, написанным от лица женщины.

Еще одним следствием амарнской эпохи стало повышенное внимание в религиозных текстах времени Рамессидов (царей XIX–XX династий, большинство из которых носили личное имя Рамсес) к образу верховного бога – создателя и зиждителя всего мира. Собственно говоря, этот образ занял заметное место в религиозных текстах еще во II Переходный период и при XVIII династии, в создававшихся фиванскими жрецами гимнах

Амону-Ра. В рамессидское время появляется целый ряд пространных гимнов этому же богу, среди которых особенно известен так называемый *гимн Лейден I.350* (название дано по месту его хранения и номеру в собрании папирусов). В нем верховное божество Амон фиванский описывается как обладатель различных качеств и способностей (и, стало быть, как божество всемогущее) при помощи ряда эпитетов и сопоставлений с другими богами (гелиопольскими Ра и Атумом, мемфисскими Птахом и Татененом и др.). В то же время подчеркивается его нетварность (согласно гимну, он создал сам себя), «сокрытость» его природы, выраженная именем Амон (досл. «Сокрытый»), а описание его благодетельности по отношению к людям и всему живому вообще очень напоминает гимны Атону амарнской эпохи.

Хетто-египетское противостояние при Сети I

Царствование Хоремхеба выпадает из последовательности египетских династий: отсутствие родства с XVIII династией не позволяет его причислить к ней, а тяготение, в отличие от его преемников, к амарнской эпохе, отнести к следующей, XIX династии²⁰. Преемником Хоремхеба и первым царем XIX династии (1305–1197 гг. до н. э.) стал его верховный сановник **Рамсес I**, возведенный им в соправители (1306 г. до н. э.) и находившийся уже в преклонных летах.

Вскоре Рамсеса I сменил его сын **Сети I** (1304–1290 гг. до н. э.). При нем возобновилось противостояние Египта с хеттами. В 1303 до н. э. он вернул Египту Палестину, а в двух следующих походах захватил Финикию, а также Южную и Центральную Сирию. Одержав победу над хеттами к северу от Кадеша в долине Оронта, он, возможно, пошел на компромисс с ними, за Египтом закреплялись Палестина и Южная Сирия. Кроме того, Сети I воевал в Ливии и Нубии, действуя там с крайней жестокостью: в Карнакском храме он неоднократно изображен приносящим пленных в жертву богу Амону.

Сети I. Ростись из гробницы в Долине царей

При Сети I и его сыне и соправителе Рамсесе II окончательно подверглась проклятию амарнская эпоха. Имена царей от Эхнатона до Эйе были вычеркнуты из династических списков, а годы их правления причислены к царствованию Хоремхеба. Ахетатон был покинут, его постройки разобраны, а об Эхнатоне стали говорить не иначе как о «мятежнике» или «преступнике из Ахетатона».

Характерно, что именно в период правления этих двух царей необычайно усиливается интерес египтян к их династической истории: в храме Осириса в Абидосе при Сети I и Рамсесе II помещаются два перечня имен их предшественников – египетских царей, начиная с Менеса, которым следовало приносить жертвы. Аналогичный список обнаружен в погребении мемфисского жреца Чурои в Саккара. Составляется в папирусной записи так называемый *«Туринский царский список»* (по месту его нынешнего хранения в Туринском музее), еще более подробный и включающий имена некоторых нелегитимных правителей Египта. Наконец, появляется ряд *малых царских списков*, перечисляющих царей конца XVIII – начала XIX династии (с исключением Эхнатона и его преемников вплоть до Хоремхеба). Эти списки – чрезвычайно ценные источники по истории и хронологии Египта – явно свидетельствуют о

²⁰ Судя по некоторым признакам (появлению у двух царей династии имени Сети – производного от Сет; тяготению не просто к Нижнему Египту, как у их предшественников, а целенаправленно к Восточной Дельте; датировке одного из памятников Рамсеса II 400-м годом «эры Сета», отсчет которой должен был начаться с гиксосского времени), этот царский дом мог быть связан своими корнями с эпохой гиксосов.

стремлении царей начала XIX династии – первых за несколько десятилетий, чье возвышение никак не было связано с амарнской эпохой, «навести порядок» в истории своих предшественников, дав, в частности, времени Эхнатона надлежащую (резко негативную) оценку.

При Сети I и Рамсесе II систематизируются представления египтян о самом давнем их прошлом, воспринимавшемся как время царствования богов на земле: в гробницах этих царей (а позднее – Рамсеса III) появляется запись так называемой «Книги небесной коровы». Это повествование о попытке одряхлевшего бога Ра в конце его земного правления истребить людей, замысливших против него мятеж, с помощью свирепой богини Сохмет, а затем о его уходе с земли на небо, олицетворенное в его дочери Нут в образе коровы, на спине которой и располагается солнечный бог (попутно происходит и дифференциация мироздания на такие его части, как земной мир, мир богов – «небо» – и загробный мир, обозначенный в этом тексте как «Поля тростника»).

Рамсес II. Решающая фаза войн Египта с Хеттским царством

Первые пять лет своего единоличного правления **Рамсес II** (1290–1224 гг. до н. э.) посвятил подготовке Египта к большой войне в Азии (в частности, централизации под властью царя ресурсов храмовых хозяйств). В 1286 г. до н. э. он совершил поход в Финикию, обнаруживший, по его мнению, слабость хеттских позиций в Азии. На следующий 1285 г. до н. э. он наметил крупный поход, о котором подробно рассказывает поэтическое произведение, созданное писцом Пентауром.

Началом решающего столкновения с хеттами должен был стать захват крепости Кадеш. По сведениям, полученным Рамсесом II от местных азиатских правителей и перебежчиков из войска царя Муваталли II, хетты боялись этого столкновения и держали свои главные силы к северу от Кадеша. Фараон, поверив этому, рискнул переправиться на правый берег Оронта, где стояла крепость, и двинуться к ней лишь с одним из четырех соединений своей армии. Однако на самом деле основные силы хеттов были как раз в Кадеше, и когда через реку стало переправляться второе соединение армии Рамсеса, оно было неожиданно разгромлено. Сам фараон едва избежал сокрушительного разгрома и пленения. Царь, попав со своим отрядом в окружение, уцелел только благодаря своей воинской выучке и личной храбрости, а также своевременному появлению подкрепления, ударившего по хеттскому кольцу с внешней стороны. Окружившие фараона хеттские отряды – элита войска Муваталлиса II – понесли огромные потери, и в этом сражении египтяне одержали победу. Тем не менее у хеттов остались значительные силы, сосредоточенные в крепости Кадеш, так и не взятой египтянами. В итоге кампания 1285 г. окончилась перемирием и отступлением египтян, потерявших при этом Южную Сирию.

В 1283 г. до н. э. война возобновилась: вплоть до конца 1270-х гг. Рамсес II воевал в Палестине, Южной Сирии, Финикии и на территориях к востоку от Иордана. При этом главным соперником Египта оставалось Хеттское царство, центр которого в Малой Азии разгромить было, конечно, нереально. Однако затянувшаяся война начала тяготить и хеттов, у которых имелись и другие внешнеполитические проблемы – борьба за контроль над западной частью Малой Азии и соперничество на северо-западе Месопотамии с усиливающимся Ассирийским государством.

Рамсес II

Около 1270 г. до н. э. по инициативе хеттского царя Хаттусили III Египет и Хеттское царство заключили мирный договор, известный нам как в египетской иероглифической версии (из Карнакского храма и заупокойного храма Рамсеса II на западном берегу Нила в

районе Фив – Рамессеума), так и в клинописной версии (из хеттской столицы в районе современного Богазкёя). За Египтом признавались права на Палестину, большую часть Финикии и меньшую – Южной Сирии. Все территории к северу от этих стран считались сферой влияния хеттов.

Между Египтом и Хеттским царством был заключен не только мир, но и военный союз с обязательством о взаимопомощи. Такая помощь была оказана при преемнике Рамсеса II Мернептахе, когда египтяне отправляли хеттам хлеб во время голода. В 1256г. до н.э. союз был дополнительно подкреплён браком тогда уже немолодого Рамсеса II с дочерью хеттского царя (последний просил у него помощи даже в таком семейном деле, как исцеление его больной матери, – правда, безрезультатно, так как, по мнению Рамсеса, престарелой царице в ее возрасте не помогло бы даже известное на весь Ближний Восток искусство египетских врачей).

Благодаря прочному миру между двумя державами восточная часть Дельты Нила, где еще со времени Среднего царства селились выходцы из Восточного Средиземноморья, превращается в зону активной торговли и культурных контактов Египта с Азией. Здесь возводится новая столица Египта – Пер-Рамсес («Дом Рамсеса»²¹), в строительстве которого, согласно Библии, участвовали во времена египетского плена евреи. Там появились целые кварталы, населенные азиатами, и храмы их богов, которых теперь стали почитать и египтяне.

Помимо Пер-Рамсеса, Рамсес II много строил в Мемфисе, Фивах и других политических и религиозных центрах Египта и Нубии. Здесь самым известным его памятником стал пещерный храм в современном Абу-Симбеле – выдающийся архитектурный ансамбль²². Храм в Абу-Симбеле был посвящен культу не только целого ряда египетских богов, но и культу самого Рамсеса II.

Почитание изображений царя (под особыми именами, обозначающими присутствие божественной личности Рамсеса) утвердилось в ряде мест Нубии и в Египте (в частности, в Фивах и Пер-Рамсесе). Тем самым продолжается развитие царского культа, начатое при Аменхотепе III. Характерно, что колоссальные статуи царя помещались (очевидно, совершенно сознательно) с внешней стороны храмовых комплексов, где они были открыты абсолютно всем посетителям. На некоторых культовых стелах Рамсеса II рядом с его чтимыми статуями изображаются уши, показывающие, что божественная ипостась царя внимает просьбам подданных. Очевидно, культ царя был направлен на то, чтобы сделать его особенно «популярным» божеством – заступником тех, кто нуждался в поддержке.

Картуш с именем Рамсеса II

Правление Рамсеса II, который дожил примерно до 87 лет, было по египетским меркам очень долгим и запомнилось на многие века (так, Геродот передает в своем труде рассказы египтян о царе Рампсините, в которых к образу Рамсеса II примешались, похоже, воспоминания о Снофру). Известно семь главных жен Рамсеса, три из которых были его дочерьми, и не менее нескольких десятков детей. Долгое время наследником Рамсеса II был один из его старших сыновей, Хаэмуас – верховный жрец мемфисского бога Птаха, прославившийся как мудрец и искусный чародей (позднеегипетские «Сказания о Сатни-Хаэмуасе»). Однако он не пережил своего отца, и преемником Рамсеса II, вступившим на престол уже немолодым человеком, стал его тринадцатый сын **Мернептах** (1224–1214

²¹ В Библии – город Раамсес, современный Кантир.

²² При сооружении в 1960-е гг. высотной Асуанской плотины на Ниле его перенесли из зоны затопления на новое место объединенными усилиями многих стран мира.

гг. до н. э.).

Первая волна нашествия «народов моря». Конец XIX династии

Во 2-й половине XIII в. до н. э. в Европе происходили масштабные этнические процессы, вызвавшие миграцию жителей Балканского полуострова и бассейна Эгейского моря в Центральное Средиземноморье (Италия и сопредельные с ней острова), на запад и юг Малой Азии, на Кипр и в Африку, включая Египет. Воспоминанием об этих событиях в греческой мифопоэтической традиции стало предание о походе Геракла на Египет.

Около 1219 г. до н. э., при фараоне Мернептахе, в Египет вторгаются ливийцы, вместе с которыми шли обитатели Средиземноморья (так называемые *народы моря*). В их египетских обозначениях угадываются наименования ахейских греков (егип. акайваша), обитателей Западной Малой Азии – ликийцев (луку) и этрусков (турша), а также шардана и шакалуша (эти имена сходны с будущими названиями островов Сицилии и Сардинии, хотя первоначальное место обитания этих народов не вполне ясно²³). Не без труда это вторжение с запада было отражено. Возможно, с этими же переселениями народов связаны и войны, которые Мернептах был вынужден вести примерно в то же время в Южной Палестине.

Несмотря на успех Египта в борьбе с чужеземными нашествиями, они надломили его мощь. Характерно, что последствием нашествия «народов моря» стало проникновение некоторых их отрядов в Египет в качестве наемников фараонов конца XIII в. до н. э.

Вскоре после смерти Мернептаха в Египте появились сразу два царя – на севере **Сети II** (ок. 1214–1208 гг. до н. э.), а на юге **Аменмессу** (ок. 1214–1210 гг. до н. э.). Преемники Сети II – **Саптах** (вернее, по малолетству царя – его окружение) и царица **Таусерт** на некоторое время (ок. 1208–1200 гг. до н. э.) восстановили единство страны, но затем или даже еще при них возвысился некий чужеземец-сириец по имени Ирсу. По некоторым предположениям, им был Баи – вельможа, входивший в ту группировку египетской знати, с которой был первоначально связан Саптах (и которой фактически противостояла Таусерт, надолго запомнившаяся египтянам как одна из немногих женщин, достигших в их стране высшей власти).

«Большой папирус Харрис», составленный позднее, при втором фараоне следующей, XX династии Рамсесе III, сообщает, что из-за действий Ирсу был осквернен (очевидно, пребыванием у власти незаконных правителей) царский престол.

Прекратил смуту, «очистил» оскверненный египетский престол **Сетнахт** (1200 – ок. 1198 гг. до н. э.), ставший основателем последней для эпохи Нового царства XX династии.

Вторая волна нашествия «Народов моря». Рамсес III

Сыну Сетнахта **Рамсесу III** (ок. 1198–1167 гг. до н. э.) вновь пришлось отражать нападение на Дельту Нила «народов моря» (ок. 1193 г. до н. э., когда одновременно с ними в Египет пытались вторгнуться и ливийцы, и ок. 1190 г. до н. э.). Ранее, на рубеже XIII–XII вв. до н. э., на северо-западе Малой Азии происходило противостояние ахейских греков и местного политического образования с центром в городе Вилуса (гр. Илион), отразившееся в греческом эпосе как «Троянская война» (характерно специальное указание Манефона для его грекоязычных читателей, знавших Гомера с детства, что Таусерт была современницей падения Трои!).

После падения Вилусы (ок. 1195 г. до н. э.) началась мощная миграция населения Эгеиды по южному побережью Малой Азии и Восточному Средиземноморью, которая и достигла Египта. В числе ее участников – «народов моря», помимо некоторых племен,

²³ Шардана, возможно, исходно обитали на Балканском полуострове, но частично мигрировали в Восточное Средиземноморье еще в XIV – начале XIII в. до н. э. и смешались там с местным населением.

известных еще Мернептаху, тексты Рамсеса III упоминают *пеластов*, или филистимлян (егип. пелесет – возможно, исходно обитателей Балкан и Западной Малой Азии), которые позднее осели на побережье Южной Палестины, *текер* (вероятно, тевкров греческих текстов – обитателей района Вилусы), а также *данайцев* (дануна), т. е. собственно ахейских греков, и неких *уашашей*. Рамсесу III удалось справиться с этими нашествиями лишь ценой немалых усилий. Благоприятным для Египта следствием этой волны этнических миграций стало уничтожение в ходе них его главного, хотя к этому времени и ослабленного, соперника в Азии – Хеттского царства.

Описание войн и иных деяний Рамсеса III в «Большом папирусе Харрис», составленном уже после его смерти в форме автобиографии, очень примечательно тем, как в нем сформулирована общая цель правления Рамсеса: «Покрыл я всю землю... садами... и позволил народу отдыхать в их тени... Дал я пребывать в праздности войску и колесничным в мое время... не испытывали они страха, ибо не было мятежей в Сирии и схваток в Куше... Их луки и их оружие мирно покоились на складах, тогда как они насыщались и пили с радостью». Иными словами, правитель Египта (и это, несомненно, относится не только к Рамсесу III, но и к его предшественникам и преемникам) видел смысл своей деятельности прежде всего в обеспечении благополучия страны, т. е. мира и достатка ее обитателей. Цель всех войн – не подвиги и связанная с ними слава, а покорение чужих земель ради получения с них дани и предупреждения угрозы Египту с их территорий. При этом, несмотря на то что в эпоху Нового царства и царь и его воины гордились своими подвигами, они исходили из того, что обычный средний человек, даже сделавший военное ремесло своей профессией, испытывает естественный страх перед смертью. Таким образом, задача царя виделась в поддержании такого положения страны, при котором никто из подданных – в том числе и воинов – не будет обречен на преждевременную смерть.

Взаимоотношения между Египтом и Хеттским царством, помимо упомянутого договора между Рамсесом II и Хаттусили III, отразились также в переписке между государями этих двух стран, известной по клинописному архиву, найденному при раскопках хеттской столицы Хаттусы. Подробное издание этой переписки было подготовлено немецким египтологом Э. Эделем.

Самый значительный эпизод начала хетто-египетских войн при Рамсесе II описан в «Поэме о Кадеишской битве» – ритмизованном произведении, иногда приписываемом переписчику – писцу Пентауру (его кульминация – призыв царя к своему отцу Амону в самый опасный момент битвы, когда тот, казалось бы, покинул своего сына).

Источники по нашествиям на Египет «народов моря» весьма многообразны: среди египетских текстов следует назвать *надписи фараонов Мернептах и Рамсеса III* (из его заупокойного храма в Мединет Абу на западном берегу Фив), однако их интерпретация невозможна без учета как письменных, так и археологических источников из самых разных регионов, от Восточного Средиземноморья до Балканского полуострова. Именно решение этой комплексной задачи стоит на сегодняшний день в «повестке дня» исследователей, занимающихся этим этапом египетской (и в целом ближневосточной) истории.

«Большой папирус Харрис» включает в себя, помимо автобиографии Рамсеса III, также обширный перечень его дарений древнеегипетским храмам; именно поэтому он является самым длинным из известных египетских папирусов (более 40 м).

Древнеегипетское общество в эпоху нового царства

Общественные отношения в период Нового царства мало изменились по сравнению с эпохой Среднего царства. Как и прежде, в Египте не было сельской общины, и все трудовое население подвергалось эксплуатации со стороны государства. Сохранилась система

государственного распределения работников по профессиональным разрядам. В целом они делились на «людей семдет» – термин, равнозначный понятию «царские люди» в эпоху Среднего царства и обозначающий прежде всего наименее квалифицированную рабочую силу, и «мастеров» – квалифицированных ремесленников, обладавших большей самостоятельностью.

Государственное хозяйство Египта, раздробленное в эпоху Среднего царства и главным образом во II Переходный период, вновь стало единым. Конечно, обширные государственные угодья могли выделяться в бессрочное пользование вельможам и храмам, но все же контроль за этими условными владениями со стороны центральной администрации, особенно после амарнской эпохи, стал намного сильнее. Земледельцы в угодьях, принадлежавших государству или розданных им в условное владение, вели собственное хозяйство, уплачивая часть урожая в виде ренты.

Новым явлением стал приток в Египет *чужеземной рабочей силы* в большем количестве, чем когда бы то ни было ранее. Чужеземцы становились добычей либо в целом армии, ведущей войну (уведенные в Египет пленные попадали в число «людей семдет», составляя в рамках этого слоя особую группу чужеземцев), либо отдельных воинов; кроме того, пленные могли быть пожалованы воинам царем в качестве награды за их доблесть. В этом случае они становились рабами, трудящимися в их хозяйствах или обслуживающими их дома. По-видимому, именно возможность приобретения подобным образом рабов и побуждала многих рядовых египтян к участию в военных кампаниях. По общему мнению исследователей, в Новое царство в Египте очень широко распространилось рабовладение. Однако основной формой эксплуатации была все же рента, взимаемая с занятых в земледелии «людей семдет».

О значении в египетском обществе Нового царства зависимых от царя незнатных служилых людей, включая немху, слой которых стал расти со времени Аменхотепа III, уже говорилось. Кроме того, в отличие от предшествующих эпох влиятельным и многочисленным слоем общества становятся *военные*. При распределении работников по профессиональным разрядам на смотрах в армию отбиралось до 10% юношей, достигших зрелости. Разумеется, первостепенное значение придавалось их физическим данным. Вряд ли египетские юноши стремились избежать этой участи. Профессия воина сулила и материальные выгоды от добычи, и полную приключений жизнь за пределами раз и навсегда устоявшейся иерархии египетского общества.

Показательно, что в поучениях, которые адресуются юношам, получающим квалификацию писцов, появляется новый мотив – в них описывается не только непривлекательность трудовых занятий «людей семдет» (как в среднеегипетском «Пучении Хети своему сыну Пепи»), но и мнимая привлекательность жизни воина с тяготами военной подготовки и казарменного быта. Возможно, это связано с тем, что в эпоху Нового царства многие будущие писцы стремились оставить свою профессию, казавшуюся им (особенно на этапе обучения) слишком скучной, и стать воинами. Со времени XIX династии в египетской армии, помимо уроженцев страны, все большую роль играли иноземные наемники (ливийцы, так называемые шердены, и др.), очень часто жившие особыми поселениями на предоставленных для этого царем землях.

Огромным комплексом источников, отражающих деятельность и повседневную жизнь трудового населения Египта эпохи Нового царства, являются *документы (папирусы и остраконы – записи на глиняных черепках и осколках камня) из поселения ремесленников фиванского некрополя в Дейр эль-Медине*. Главным энтузиастом публикации и изучения этих документов был чешский исследователь, работавший с середины XX в. в западных странах и Египте, **Я. Черни**. При изучении материалов Дейр эль-Медины нужно учитывать, что они отражают жизнь своего рода «рабочей аристократии» – ремесленников, по роду своих занятий (оформление гробниц и изготовление их инвентаря) не только высокооплачиваемых, но и хорошо образованных.

Из отечественных египтологов изучением системы социальной терминологии Египта Нового царства на дейр-эль-мединском и ином материале занимался **Е. С. Богословский** : в частности, он дал исчерпывающую характеристику терминов «семдет» и «мастера». Другой отечественный египтолог, **И. А. Стучевский** , занимался изучением *папируса Вильбур* – опубликованного британским исследователем **А.-Х. Гардинером** документа, близкого к земельному кадастру и дающего представление о принципах эксплуатации работников (так называемых *ихуту*) в государственном хозяйстве: в результате исследования стало ясно, что их эксплуатация была основана на принципе ренты.

Хозяйство крупного египетского храма эпохи Нового царства отразилось в *указе царя Сети I из Наури* (Нубия), подробно описывавшем льготы, предоставленные храму Осириса в Абидосе и его владениям. *Школьные поучения эпохи Нового царства* сохранились в записи на множестве папирусов, хранящихся в настоящее время в основном в Британском музее.

Религия и культура в эпоху Нового царства

Начало Нового царства было ознаменовано очень существенными изменениями в представлениях египтян о загробном мире, подготовленными их развитием еще с I Переходного периода. Если в эпоху Древнего царства вельможи, строившие себе гробницы, связывали свои надежды на вечную жизнь прежде всего с конструируемыми в них «мирами-двойниками», а в эпоху Среднего царства к этому добавилось ожидание оправдания на суде Осириса и получения места в его загробном царстве, то теперь стали явно преобладать представления, связанные с *загробным миром Осириса* .

В оформлении гробниц частных лиц и царей это проявляется прежде всего в изображении богов в сценах, связанных с посмертным бытием усопшего. Ряд фрагментов «Текстов саркофагов» в результате переработки превращаются в так называемую «*Книгу мертвых*» – текст, фиксирующийся на папирусе и в ряде случаев на стенах гробниц, снабженный изображениями и содействующий усопшему в его странствованиях по загробному миру и прохождении суда Осириса. Из примерно 200 глав «Книги мертвых» особенно показательны 30 и 125 главы. Первая из них – это заклинание, призванное не позволить сердцу усопшего свидетельствовать о его злых делах во время процедуры взвешивания перед Осирисом; вторая – так называемая отрицательная исповедь, представляет собой перечень самооправданий усопшего по поводу того, что он не совершал при жизни ряд точно названных злых дел:

«Я не чинил зла людям. Я не нанес ущерба скоту. Я не совершил греха в месте Истины... Я не творил дурного... Имя мое не коснулось слуха кормчего священной ладьи. Я не кощунствовал. Я не поднимал руку на слабого. Я не делал мерзкого пред богами. Я не угнетал раба пред лицом его господина. Я не был причиной недуга. Я не был причиной слез. Я не убивал. Я не приказывал убивать. Я никому не причинял страданий. Я не истощал припасы в храмах. Я не портил хлебы богов. Я не присваивал хлебы умерших. Я не совершал прелюбодеяния. Я не сквернословил. Я не прибавлял к мере веса и не убавлял от нее. Я не убавлял от аруры [мера площади полей]. Я не обманывал и на пол-аруры. Я не давил на гирию. Я не плутовал с отвесом. Я не отнимал молока от уст детей. Я не сгонял овец и коз с пастбища их. Я не ловил в силки птицу богов. Я не ловил рыбу богов в прудах ее. Я не останавливал воду в пору ее. Я не преграждал путь бегущей воде. Я не гасил жертвенного огня в час его. Я не пропускал дней мясных жертвоприношений. Я не распугивал стада в имениях бога. Я не чинил препятствий богу в его выходе. Я чист, я чист, я чист, я чист!

Чистота моя – чистота великого феникса в Гераклеополе, ибо я нос Владыки дыхания, что дарует жизнь всем египтянам в сей день полноты ока Хора в Гелиополе – во второй месяц зимы, в день последний – в присутствии Владыки

этой земли».

(Пер. М. Коростовцева)

Перечисленные в этом фрагменте злые дела трудно назвать «грехами» в понимании монотеистических религий, они представляют собой не нарушение божьей заповеди, а либо конкретное зло, причиняемое своему ближнему, либо нарушения установленных норм ритуала (т. е., опосредованно, также зло ближнему, так как нарушение норм ритуала может обрушиться на всех, кто связан с этим ритуалом, гнев божества).

Хоремхеб приносит жертву Осирису. Роспись из гробницы в Долине царей

Особое внимание египтяне Нового царства уделяют изучению «топографии» загробного мира. Описания мест, которые предстоит миновать усопшему в ходе его странствований, есть и в «Книге мертвых». Но уже с эпохи Тутмоса I в царских гробницах появляются тексты и изображения так называемой «*Книги Амдуат*» (т. е. «того, что в Дуате», – загробном мире), описывающей повторяющееся каждые сутки ночное путешествие солнечного бога Ра в своей ладье по «Нилу», текущему в загробном мире (его «география» напоминает карту земной долины Нила, хотя различные его места оказываются населены чудовищами, с которыми Ра приходится порой сражаться). В царских гробницах XIX династии, помимо «Книги Амдуат», появляются сходные с ней по содержанию «Книга врат» и «Книга пещер». Если мы сопоставим это явление «специализации» религиозных источников, связанных с загробным миром, с тем, что уже было сказано о других религиозных текстах Нового царства (гимнах солнечному божеству, «Книге коровы»), то, пожалуй, сможем сделать вывод, что в это время происходит окончательное становление религиозного знания египтян как особой отрасли их знаний о мире в целом, со своими специфическими «исследовательскими методами».

Отношение к религии образованного слоя общества за пределами жречества (видимо, оно оформляется в особую категорию, уже четко обособленную от людей «мирских» занятий, именно в эту эпоху) меняется таким образом, что на основе мифологических сюжетов создаются *светские литературные произведения*. Прежде всего это относится к мифу об Осирисе: будучи основательно видоизменен, он становится основой притч о добре и зле – «Сказки о двух братьях» и «Сказки о Правде и Кривде» – и гротескного пародийного переосмысления истории борьбы за наследие Осириса – так называемой «Тяжбы Хора и Сета». В первых двух произведениях те роли, которые в мифе об Осирисе принадлежат богам, «переданы» людям, хотя и сталкивающимся с богами и различными магическими приемами. В «Тяжбе Хора и Сета» действуют именно боги, но наделенные чисто человеческими слабостями и эмоциями.

Подобное переосмысление мифологических сюжетов свидетельствует о появлении возможности их «небуквального» прочтения, как своего рода метафор «вечных вопросов», возникающих в отношениях между людьми. Вообще же становление художественной литературы на новоегипетском языке (помимо названных произведений, к ней принадлежит «Сказка об обреченном царевиче», тексты военно-исторической тематики и др.), не «зацикливающейся», в отличие от литературы среднеегипетской, на идеологических проблемах, а ставящей вопросы более широкого плана, а также берущей на себя чисто развлекательную функцию, – очень важный культурный феномен Нового царства.

Целый ряд папирусных свитков «*Книги мертвых*» был открыт уже на заре научной египтологии, в середине XIX в.: их первую сводную публикацию подготовил французский египтолог **Эд. Навилль**. Чуть позже началось изучение этого религиозного текста (использовался главным образом список в так называемом папирусе Ани). Работы британского египтолога **Э. Уоллиса Баджа**, в научном отношении очень специфичные уже во время их создания, а на

сегодняшний день безнадежно устаревшие, благодаря своему сравнительно популярному языку до сих пор переиздаются (в том числе и в русском переводе).

Изучение «Книги мертвых», а также других заупокойных текстов и изобразительных циклов Нового царства в XX в. продолжали такие египтологи, как **П. Барге**, **Дж. Манро** и в особенности выдающийся немецкий религиовед **Э. Хорнунг** г. Хорнунг, наряду с этим, занимался также фундаментальным исследованием понятия божества и других категорий египетской религиозной мысли.

Религии Нового царства посвящен ряд работ другого немецкого египтолога – **Я. Ассмана**. Среди них фундаментальные публикации и исследования конкретных текстов (в основном связанных с эволюцией на протяжении этой эпохи культа солнца), а также обзоры, построенные на основе схем, в которых видно слишком большое влияние категорий монотеистических религий (прежде всего, разумеется, христианства).

В отечественной египтологии одно из лучших религиоведческих исследований, посвященное истории фиванского культа Амона вплоть до начала Нового царства (с экскурсами и в более поздние этапы его развития), принадлежит **О. И. Павловой**. Немалое значение имеют перевод «Книги мертвых» и исследование изобразительного ряда ее папирусных свитков **М. А. Чегодаева**.

Конец нового царства

Рамсес III был последним по-настоящему выдающимся правителем эпохи Нового царства. Однако уже во время его правления началось колоссальное обогащение и, по-видимому, обретение самостоятельности египетскими храмами (отразившееся, как упоминалось выше, в перечне даров этого царя в «Большом папирусе Харрис»).

После Рамсеса III Египтом правили еще восемь фараонов, которые неизменно носили (возможно, как своего рода оберег) имя «Рамсес». На протяжении их правлений Египту пришлось не раз отбиваться от новых нападений ливийцев; он утратил свои внешние владения в Азии. Царская власть постепенно слабела, все большее влияние приобретало жречество и правители отдельных номов, которые опирались на ресурсы местных храмов, приобретших самостоятельность от центральной власти.

Причины подобного упадка централизованного государства, наступившего к тому же чрезвычайно быстро (по сути дела, менее чем за 100 лет, начиная со 2-й четв. – сер. XII в. до н. э.), не вполне изучены. Нашествия «народов моря», коль скоро они не только были отражены, но и привели к непродолжительному восстановлению египетского влияния в Восточном Средиземноморье, вряд ли могли стать прямой причиной надлома государственности Нового царства.

Стоит, однако, заметить, что при отражении этой угрозы египтяне впервые столкнулись с врагом, имевшим принципиально новое для них вооружение – металлический доспех, и, судя по ряду памятников, предприняли в связи с этим в период правления XX династии аналогичное масштабное перевооружение собственной армии. При традиционном для Египта дефиците металлургического сырья связанное с этим усилие могло оказаться чрезвычайно тяжелым для его экономики, а сам характер оружейного производства должен был привести к возрастанию в ней роли не крупных государственных хозяйств, а мелких и средних мастерских с большой самостоятельностью их владельцев. В итоге египетской экономике Нового царства (а вместе с ней и его обществу в целом) пришлось пережить ослабление и децентрализацию (хотя трудно настаивать на том, что описанные нами причины были единственным фактором этого процесса).

К началу XI в. до н. э. одной из самых влиятельных сил в стране стало жречество бога Амона в Фивах, сосредоточившее в своих руках контроль над южными областями Египта (притом что царский двор оставался в Нижнем Египте). Верховный жрец Амона в Фивах **Херихор**, присвоив себе ряд военных и административных функций на большей части

Верхнего Египта (а позднее и некоторые царские регалии), фактически отстранил от власти последнего фараона XX династии **Рамсеса XI**. В конце 1070-х гг. до н. э., после смерти этого царя, Египет распался на две части – Фиванскую область с большей частью Среднего Египта, где у власти остались представители фиванского жречества, и часть Среднего Египта и Нижний Египет с центром в Танисе (современный Сан-эль-Хагар, Восточная Дельта Нила), где воцарилась новая династия. Таким образом, единое государство эпохи Нового царства прекратило свое существование.

Глава 7 Египет Позднего времени

Начало III переходного периода

С распадом единого государства эпохи Нового царства Египет вступил в *III Переходный период* (1075–656 гг. до н. э.). В начале этого времени в Нижнем и Среднем Египте правила XXI династия (1075–945 гг. до н. э.), обосновавшаяся в Танисе. Ее первым царем был местный правитель Таниса **Несубанебджед**. Южная часть Египта оставалась под властью преемников Херихора – верховных жрецов Амона-Ра, причем все внутреннее устройство этой области оказалось под сильным влиянием религиозных установлений (например, судебные решения выносились, как правило, с помощью оракулов бога Амона).

Между Фивами и Танисом сложились хорошие отношения. Так, согласно отчету чиновника и жреца Унуамона, получившему известность как одно из произведений новоегипетской литературы, Несубанебджед оказывал содействие миссии, посланной Херихором в Библ за кедром для священной ладьи Амона, (эту миссию возглавлял Унуамон). В своем отчете Унуамон рассказывает, как, растеряв в ходе злоключений выданные ему на приобретение деревьев деньги, он попытался сослаться в разговоре с правителем Библа Чекер-Баалом на то, что предки последнего поставляли кедр в Египет в качестве дани. Чекер-Баал отвечал, что уже последние цари XX династии – предшественники Херихора и Несубанебджеда – не требовали дани, а покупали нужное им сырье. От прежнего влияния Египта в Азии осталась лишь слава его древней культуры, но этого было недостаточно, чтобы требовать дани у прежних вассалов.

В то же время при XXI династии постепенно усиливается влияние правителей отдельных номов, передающих свою власть по наследству. В ряде номов такие династии представляли собой роды так называемых великих вождей Ма и великих вождей Либу – предводителей ливийских наемников, осевших в Египте еще в эпоху Нового царства и теперь захвативших власть в областях поселения своих отрядов. В 945 г. до н. э. один из таких предводителей, Шешонк, правивший Бубастисским номом в Дельте Нила, захватил престол в Танисе и стал первым царем XXII династии.

Египет при ливийских царях (945 г. до н. э. – 2-я пол. VIII в. до н. э.)

Шешонку I (945–924 гг. до н. э.) удалось сосредоточить в руках своего дома власть над всей страной. В сложившейся ситуации он уже не пытался восстановить единую централизованную администрацию Египта эпохи Нового царства, а предпочитал ставить во главе важнейших номов – Фиванской области, Гераклеополя, Мемфиса – своих сыновей и родичей. Это закрепило децентрализацию Египта.

Шешонк I был младшим современником знаменитого израильского царя Соломона: после его смерти и распада единого Израильского государства Шешонк I совершил успешный поход в Палестину (925 г. до н. э.). Кроме того, ему удалось вновь заставить земли Нубии платить Египту дань. Таким образом, XXII династия пыталась возобновить активную внешнюю политику Египта. Однако вскоре эти попытки потерпели неудачу. Предпринятый

сыном Шешонка I **Осорконом I** новый поход в Палестину (очевидно, силами набранного в Нубии войска – поход «Зераха-кушита», упоминаемый в Библии) окончился поражением от царя Иудеи Асы (ок. 897 г. до н. э.).

При следующих царях XXII династии в Восточном Средиземноморье появилась угроза, общая и для государств этого региона, и для Египта, – Ассирийское государство, стремившееся подчинить себе страны Передней Азии. В 853 г. до н. э. в битве при Каркаре ассирийцы столкнулись с объединенными силами правителей Израиля и малых государств Сирии и Финикии, в поддержку которым ливийский фараон Осоркон II прислал «1000 египтян». Хотя эта коалиция и потерпела поражение, но задержала на некоторое время продвижение Ассирии в Восточном Средиземноморье. Однако уже к 830-м гг. до н. э. данниками Ассирии стали многие государства этого региона, и даже Египет однажды прислал в дар ее царю коллекцию экзотических африканских животных.

Между тем в Египте усилился процесс децентрализации. В середине и 2-й половине VIII в. до н. э. правители Фиванской области предпринимают попытки добиться самостоятельности от царей XXII династии. В конце IX в. до н. э. ливийский царский дом распался на две ветви: по мнению английского египтолога К. Китчена, XXIII династия со столицей в Леонтополе в южной части Дельты начала царствовать параллельно с XXII в Танисе; немецкий исследователь Ю. фон Бекерат считает, что XXIII династия сменяет XXII в Дельте, а в Верхнем Египте стал править еще один царский дом, не засвидетельствованный Манефоном. (Судя по всему, обе эти династии признавались законными, что напоминает параллельное правление в разных центрах Египта нескольких ветвей XIII династии в XVIII в. до н. э.). В итоге, когда в Египет во 2-й половине VIII в. до н. э. вторгся нубийский царь Пианхи, он застал здесь целую иерархию правителей, во главе которой стояли сразу четыре «царя» (танисский, леонтопольский, гераклеопольский и гермопольский), признававшие легитимность власти друг друга.

Таким образом, по меньшей мере с конца IX в. до н. э. Египет окончательно перестал быть единым государством. В это же время в городе Саис в Западной Дельте появилась ливийская по своему происхождению династия правителей, которая постепенно набирала силы и рассчитывала приобрести власть над всей страной.

Нубийское завоевание Египта. XXIV и XXV династии

Господство Египта в странах выше 1-го порога Нила прекратилось вскоре после падения Нового царства (попытка Шешонка I восстановить его была лишь кратким эпизодом). Середина XI – начало VIII в. до н. э. – это своего рода «темные века» в истории Нубии, события которых остаются неизвестными. Очевидно, на протяжении этого периода там продолжали существовать культовые центры, основанные египтянами, и сохранялись представления о египетской политической традиции. В начале VIII в. Нубия от 1-го до 4-го порога Нила была объединена под властью правителей из Напаты, которые стали принимать египетские царские титулы.

Постепенно цари Напаты приобрели влияние в примыкающих к Нубии номах Верхнего Египта. В 729–728 гг. до н. э. напатский царь **Пианхи** (или Пийе) совершил поход в глубь территории Египта, дойдя до Дельты Нила, и добился изъявления покорности от всех тогдашних правителей страны. Главной причиной этого похода стало то, что Пианхи боялся усиления правителя Саиса Тефнахта (примерно с 740 г. до н. э.), которое создавало угрозу его собственным позициям в Египте. Тем не менее вскоре после ухода Пианхи из Египта **Тефнахт** провозгласил себя фараоном (727–720 гг. до н. э.) и стал основателем XXIV династии. Ему удалось установить твердую власть над значительной частью Дельты Нила и районом Мемфиса.

Ливийские XXII и XXIII династии формально продолжали править, но владели лишь землями, прилегающими к их столицам. Преемник Тефнахта **Бокхорис** (720–715 гг. до н. э.) пытался справиться с внутренними проблемами подвластных ему территорий и, в

частности, издал законы, направленные против распространившегося в это время долгового рабства. Однако вскоре правители Напаты вновь стали вмешиваться в дела Египта.

В 715 г. до н. э. **Шабак** подчинил своей власти весь Египет, низложил Бокхориса (согласно Манефону, тот был сожжен заживо) и стал первым фараоном XXV династии (715–656 гг. до н. э.). Преемник Шабаки **Шабатака** (702–690 гг. до н. э.) попытался бросить вызов ассирийскому господству в Восточном Средиземноморье, но потерпел сокрушительное поражение в битве при Элтеке (701 г. до н. э.). Самым успешным из фараонов XXV династии, довольно прочно объединившим Нубию и Египет в единое государство, был **Тахарка** (690–664 гг. до н. э.).

Подчинение Египта Ассирией. «Додекархия»

После битвы при Элтеке цари Ассирии были по-прежнему обеспокоены положением в Египте. По-видимому, Тахарка, как и его предшественник, пытался соперничать с Ассирией. В итоге ассирийский царь Асархаддон решил подчинить Египет. В 674 г. до н. э. его вторжение было отбито Тахаркой, однако повторная попытка в 671 г. до н. э. оказалась успешной.

Ассирия хотела установить свою власть над Египтом и Нубией, но напатские цари Тахарка и **Танутамон** (с 664 г. до н. э.) с переменным успехом делали попытки вернуть Египет под свою власть. Кроме того, на территории Египта еще под властью XXV династии существовало множество полуавтономных образований, среди которых были владения прежней XXIV династии с центром в Саисе (после гибели Бокхориса его правители на некоторое время отказались от царского титула, но с 680-х гг. до н. э. снова стали его носить) и последышей XXII династии, сохранявших царский титул и по-прежнему владевших Танисом. Один из них – **Петубаст II** (ок. 660-х гг. до н. э.), подобно древнебританскому королю Артуру, был «первым среди равных» правителей Египта этого времени, арбитром в их междоусобных войнах и центральной фигурой сложившегося на основе этих событий героического эпоса.

Ассирийцы не стремились наладить в Египте собственную постоянную систему управления и удовлетворились лишь признанием зависимости со стороны местных правителей. Их полностью устраивала иерархичность сложившейся в стране политической структуры, слабость ее правителей, раздоры между ними и предопределенная этим недееспособность Египта в целом. В «Истории» Геродота этот период получил название «*додекархия*», т. е. правление «двенадцати царей», поделивших между собой Египет. Среди них, благодаря своей разумной и целеустремленной политике, постепенно выделяются правители Саиса Нехо I и Псамметих I.

В 663 г. до н. э. в Египте вновь разгорелась война между Ассирией и напатским царем Танутамоном, который потерпел в ней поражение. Одновременно Псамметих I начал умело расширять свои владения и вскоре стал контролировать всю Дельту Нила. Ассирийцы не мешали его действиям, решив, очевидно, что в Египте им проще будет иметь дело не с множеством вассалов, а с одним Псамметихом, который все равно еще долго не сможет угрожать позициям Ассирии в Восточном Средиземноморье, но зато не пустит в Египет царей Напаты. К 656 г. до н. э. под властью Псамметиха I был объединен весь Египет, включая уже с давних пор автономные Фивы, где одной из высших жриц бога Амона («супругой бога») стала дочь Псамметиха I Нейтикерт.

«Саисское возрождение»

Псамметих I (656–610 гг. до н. э.) стал первым царем XXVI династии (656–525 гг. до н. э.), время правления которой часто называется «саисское возрождение» (по ее «родовому гнезду» и столице Египта этого времени – Саис – и потому, что это был последний длительный период восстановления египетской государственности). Объединив Египет,

Псамметих I обнаружил, что реальная власть в стране (в том числе военная мощь) во многом оставалась в руках правителей отдельных номов.

Чтобы упрочить свое положение, царь начал активно привлекать к себе на службу иноземных наемников (жителей Восточного Средиземноморья, Карию – области на юго-западе Малой Азии, и в особенности греков)²⁴. В стратегических пунктах на границе Египта и в Дельте Нила появился целый ряд поселений этих наемников – Элефантина на юге Египта, Мареа на западе Дельты и Дафны – на ее востоке. В конце VII в. до н. э. среди них выделился Навкратис – важнейший опорный пункт греческих торговцев в Египте. Кроме того, около 655 г. до н. э. Псамметих I отложился от Ассирии и заключил союз с Гигесом – царем Лидии (государства на западе Малой Азии), который также опасался ассирийцев.

В 620-е гг. до н. э. все Восточное Средиземноморье подверглось нашествию кочевников-скифов. Псамметиху I удалось предотвратить их вторжение в Египет, однако появление скифов в Передней Азии нанесло тяжелый удар Ассирии. Она утратила свои владения в Восточном Средиземноморье, где немедленно постарался утвердиться Египет. Псамметих I и его преемник **Нехо II** (610–595 гг. до н. э.) стремились не только обеспечить себе источники поступления дани, но и предотвратить появление вблизи границ Египта новых мощных государств.

В 610–609 гг. до н. э., чтобы оказать помощь ослабленной и уже неопасной Ассирии в ее последних попытках противостоять Нововавилонскому государству, Нехо II занял всю территорию Восточного Средиземноморья вплоть до верхнего течения Евфрата, где в районе Харрана еще удерживали позиции ассирийцы. По пути туда он нанес тяжелое поражение Иудее близ Мегиддо (др.-евр. Армагеддон, досл. «Место у Мегиддо»), царь которой Иосия пытался противостоять фараону, уповав на помощь бога Яхве. Это поражение убедило преемников Иосии в том, что Египет являет собой несокрушимую силу, благодаря помощи то ли Яхве, то ли, наоборот, его злейшего врага. (Похоже, именно с этого времени в восходящей к Библии традиции за Армагеддоном и укрепилась репутация места, возле которого «в конце времен» силы зла попытаются одержать решающую победу.) После этого на несколько десятилетий Иудея стала верным союзником египтян.

Между тем в 605–600 гг. до н. э. вавилонский царь Навуходоносор II, вырезав египетский гарнизон, оставленный после падения Харрана (609 г. до н. э.) в крепости Каркемиш на Евфрате, вытеснил египтян из Восточного Средиземноморья. Нехо II и его преемники **Псамметих II** (595–589 гг. до н. э.) и **Уахибра** (гр. Априй; 589–570 гг. до н. э.) пытались вернуть свои позиции в этом регионе, побуждая местные государства – теперь вассалов Нового Вавилона – восставать против его господства. В 586 г. до н. э. очередная попытка Иудеи обрести свободу завершилась ее полным разгромом. Навуходоносор II разрушил в Иерусалиме храм бога Яхве и увел в плен царя, его двор и часть населения страны. В конце 570-х гг. до н. э. поражением закончилось и начатое тринадцатью годами ранее восстание Тира, Сидона и других городов Финикии, которое Априй пытался поддерживать с моря при помощи своего наемного флота.

В начале 560-х гг. до н. э. Вавилон, воспользовавшись междоусобной борьбой в Египте, решил устранить с престола Априя, опасного своими провокациями в Азии, и поддержать его соперника, военачальника Яхмоса (гр. Амасис). По-видимому, последний одержал окончательную победу над Априем в 567 г. в результате прямого вторжения Навуходоносора II в Египет и в качестве нового царя обязался сократить в своей армии число греческих и карийских наемников и уважать интересы Вавилона в Восточном Средиземноморье.

Более прочными оказались позиции Египта в Нубии, южная часть которой (прежде

²⁴ Особенную ценность для египтян, которые традиционно не были морским народом, представляли мореходные навыки греков и финикийцев. Около 600 г. до н. э. финикийские наемники на службе у преемника Псамметиха I Нехо II впервые в мировой истории совершили трехлетнее плавание вокруг Африки. Они вышли из Нила в Красное море по прорытому в это время каналу и вернулись через Гибралтарский пролив и Средиземное море.

всего район 4-го порога Нила с центром в Напате) осталась под властью царей – преемников XXV династии. Около 593 г. до н. э. Псамметих II совершил туда поход, прочно закрепив за собой области к северу от 2-го порога Нила. Эти рубежи египетских владений были не всегда спокойными. Следившим за ними правителям Элефантины приходилось то отражать нападения из Нубии, то пытаться возвращать бежавших в Напату мятежников или дезертиров-наемников. Однако в целом при царях XXVI династии серьезной угрозы Египту с юга не было.

Амасис (Яхмос II)

Преемник Априя **Амасис** (567–525 гг. до н. э.) к концу 560-х гг. до н. э. после смерти Навуходоносора II и начала внутренних неурядиц в Вавилоне перестал соблюдать договоренность с этим государством, при помощи которого он пришел к власти. Около 560 г. до н. э. Амасис захватил Кипр; еще раньше он возобновил тесные контакты с греками, чему способствовала его женитьба на Ладике – дочери царя греческой колонии Кирена в Ливии. Все это обеспечило ему славу филэллина («друга греков»).

При Амасисе Навкратис превратился в крупнейший торговый центр; Египет, как колыбель древнего знания, посещали греческие мыслители (например, афинянин Солон); и наконец, отряды греческих наемников вновь стали приглашать на службу фараону. Благодаря этим контактам греческие авторы, прежде всего Геродот, оставили нам множество сведений об Амасисе. У египетской элиты он пользовался репутацией добившегося успеха выходца из простонародья, хитроумного, с грубоватым юмором, не отличающегося благочестием и любящего простые удовольствия. Амасис относился к такой репутации чрезвычайно спокойно, требуя от приближенных и подданных почтения не к присущим ему личным качествам, а к своему царскому сану. При этом он был одним из немногих правителей Египта I тыс. до н. э., сделавших серьезную попытку восстановить централизацию египетского хозяйства под контролем государства. Это усилило неприязнь к Амасису со стороны номовой знати, не желавшей делиться своим богатством с царем. По-видимому, в течение всего царствования Амасиса в Египте существовала мощная оппозиция, считавшая царя узурпатором и ждавшая удобного случая, чтобы его низложить.

В середине 550-х гг. до н. э. Амасис восстановил старый военный союз Египта с Лидией, где в это время правил царь Крез. Вероятно, исходно этот союз должен был быть направлен против Вавилонии, однако в 549 г. до н. э. Лидию захватил новый глава Персидского государства Кир II. В 530-е гг. до н. э. под ударами персов пала Вавилония, и Персия стала главной внешней угрозой для Египта. Против нее Амасис пытался заключить союз с правителем острова Самос Поликратом, располагавшим сильным флотом в Эгейском море, однако в итоге, видимо, сам осознал его бесперспективность (по легенде, известной нам в передаче Геродота, Амасис порвал с Поликратом, славившимся своей удачливостью, полагая, что она в конце концов навлечет беду на него самого и на его друзей).

К середине 520-х гг. до н. э. Египет остался единственным государством Ближнего Востока, еще сохранившим независимость от Персии. Между тем стало ясно, что ее нападения следует ждать в ближайшее время, и в среде враждебной Амасису египетской элиты сложилась легенда о родстве низложенного Априя с персидской династией Ахеменидов, представитель которой, персидский царь Камбис (не то супруг, не то сын дочери Априя Нитетис, якобы отосланной Амасисом на чужбину), придет в Египет и покарает узурпатора.

Египетское общество и перемены в мировоззрении египтян в I тыс. до н. э.

Гибель Нового царства и распад Египта положили конец централизации египетской экономики под контролем царской власти, системе государственного распределения работников на смотрах и, по-видимому, определенной помощи трудовому населению со

стороны государства (например, зерном в годы неурожая, инвентарем и т. п.). Хозяйства отдельных храмов, правителей номов, предводителей наемных военных отрядов, вельмож и т. п., которые прежде входили в единое государственное хозяйство, охватывавшее всю возделываемую в Египте землю, теперь стали совершенно самостоятельными и перешли в собственность своих держателей. Более того, число таких *самостоятельных хозяйств* неуклонно росло, поскольку правители государственных образований, существовавших в условиях распада Египта, выделяли своим приближенным угодья из подвластных им земель, создавая таким образом себе вассалов. Многие из подобных мелких правителей происходили из ливийцев; их власть, приобретшая, как видно, иерархическую структуру, была неотделима от командования дружинами, и вместе с ними они образовали особое военное сословие египетского общества (позднее греческие авторы именовали его термином «*махимы*» – воины).

Лишившиеся государственной поддержки рядовые земледельцы оказались предоставленными сами себе: не имея возможности получать необходимые им товары напрямую от государства, они вынуждены были приобретать их на рынке. Вследствие этого в Египте по сравнению с предшествующими эпохами *усилилось денежное обращение*, средством которого служили весовые слитки серебра (собственная монета в Египте появилась не ранее IV в. до н. э.). Из-за ограниченного количества этих денежных единиц и сравнительной неразвитости внутренней торговли (по этой причине наличные деньги бывали у рядовых земледельцев и ремесленников не всегда) возникала необходимость покупать в кредит или обращаться к ростовщикам. Обеспечением кредита в древности при отсутствии у должника имущества или невозможности отдать его в залог почти повсеместно служила его личность. Поэтому к VIII в. до н. э. в Египте *распространилась долговая кабала*. Как уже говорилось, попытки ограничить ее предпринимал царь XXIV династии Бокхорис.

Отмена общегосударственных смотров привела к тому, что профессиональные навыки стали, как правило, передаваться по наследству, от отца к сыну, особенно в военной сфере, чему способствовала и изначальная обособленность от основной массы египтян наемников-чужеземцев, живших в особых поселениях. Таким образом, *профессиональные разряды трудового населения превратились в своего рода замкнутые «касты»*, которые описывали греческие авторы, наблюдавшие египетское общество.

Обозначилось отставание Египта от соседних стран Передней Азии в развитии производительных сил. Если там в начале I тыс. до н. э. уже наступает железный век, то в Египте, не располагавшем крупными месторождениями железа, намного дольше сохраняет значение бронза и даже камень.

По мере того как морские народы Средиземноморья (греки и финикийцы) налаживали систему торговых связей по всему этому региону, Египет стал ее частью. Присутствие греков в Египте в эпоху XXVI династии, и в частности основание колонии Навкратиса сразу двенадцатью ведущими торговыми городами греческого мира, было связано с их стремлением превратить Египет в один из рынков сбыта своей ремесленной продукции. Вместе с тем Навкратис и другие греческие колонии африканского побережья (Кирена и ее соседи) способствовали проникновению в греческий мир достижений египетской культуры: многие специалисты говорят об осязаемом влиянии Египта на искусство греческой архаики (прежде всего на скульптуру).

Геродот в своем труде прямо утверждает, что множество культурных достижений, вплоть до почитания богов, было заимствовано греками у египтян. В некоторых городах Балканской Греции, благодаря посредству Кирены, уже к началу V в. до н. э. появился египетский по своему происхождению культ Зевса-Аммона.

Греческие ученые и писатели, начиная с выдающегося афинского законодателя начала VI в. до н. э. Солона, считали «хорошим тоном» совершать своего рода ознакомительные поездки в Египет и общаться с носителями его культуры. Именно благодаря этому греческая письменная традиция играет столь важную роль в формировании наших представлений о Древнем Египте.

Что касается самого Египта, то существенные *изменения в мировоззрении* его населения, как и объективные экономические и социальные сдвиги, были связаны с упадком централизованного государства и царской власти. До гибели Нового царства сакральная царская власть в течение почти двух тысячелетий была в восприятии египтян главной опорой их страны как уникального места в структуре мироздания, исключительно важного для его стабильности. Поскольку именно в Египте отправлялся культ богов, он, как считали египтяне, находился под их прямым покровительством. Представление о том, что власть в Египте должна быть в руках рожденного божеством правителя, который один может совершать ритуальные действия полноценным образом, получая за это поддержку богов, сохранились и в I тыс. до н. э. Но вместе с тем у египтян появились сомнения, насколько данному представлению соответствуют правители этого времени, неспособные поддерживать стабильность в стране и ограниченные в своем внешнеполитическом могуществе.

Эти сомнения становились особенно серьезными в тех случаях, когда египетский престол занимал иноземец: мог ли человек, рожденный за пределами Египта, быть сыном верховного божества? Строго говоря, в догматике царского культа не было препятствий к тому, чтобы ответить на этот вопрос утвердительно; тем не менее чисто практические соображения (прежде всего понятное нежелание мириться с властью чужеземцев) мешали легко согласиться с этим. Вследствие этого египтяне пытались переложить ритуальные функции, которые подобали сакральному царю Египта, с реальных правителей Позднего времени на кого-нибудь еще. Очень часто царскими эпитетами стали именоваться местные боги тех или иных номов. В VIII–VII вв. до н. э., когда Фиванская область оказалась под контролем царей Напаты, носивших к тому же египетский царский титул, некоторые функции, связанные с отправлением культа в фиванских храмах, получили их высшие жрецы, в частности «супруги бога».

Коль скоро роль царя в поддержании контакта между Египтом и миром богов уменьшилась, с неизбежностью усилилась роль в этой жизненно важной для египтян деятельности земных облиций богов. Позднее время – эпоха небывалого расцвета почитания священных животных, считавшихся проявлениями на земле одной из сущностей богов (их «силы» ба). Так, бык Апис (егип. Хеп), которого искали по определенным внешним признакам (белым пятнам особой формы на черной шкуре), чтившийся в Мемфисе, считался на протяжении всей его жизни земным вместилищем ба бога Осириса-Хапи (своеобразного совмещения образов божеств загробного мира и Нила)²⁵. Египтяне верили, что после смерти этого быка (и его погребения в специальном комплексе – Серапеуме – в районе Саккара близ Мемфиса) его ба соединяется с пребывающим на небе божеством, чтобы затем воплотиться в новом священном быке.

Апис был не единственным священным животным, окруженным в позднем Египте особым почитанием: в городе Мендес в Дельте Нила сходным образом почитался священный баран, в Гелиополе – черный бык Мневис, в Гермонте к югу от Фив с IV в. до н. э. – бык Бухис и др. Даже домашние животные (в частности, любимые египтянами кошки) чтились по праздничным дням потому, что считались вместилищами ба божеств (в случае с кошками – богини Баст). В районе Саккара, помимо Серапеума, в I тыс. до н. э. появились огромные кладбища кошек, шакалов (воплощений бога Анубиса), ибисов и павианов (воплощений бога Тота), а также соколов (воплощений бога Хора).

Египтяне с особым трепетом стали относиться к изображениям богов и культовой утвари, обеспечивающим контакт с божеством. Жречество в большинстве номов окончательно превратилось в замкнутую корпорацию, которая сохраняет знание, связанное с осуществлением этого контакта независимо от того, насколько лоялен к религии Египта

²⁵ Позднее, после македонского завоевания Египта, этот культ стал основой эллинистического культа Сараписа, широко распространившегося в античном Средиземноморье.

правитель, находящийся на его престоле. В свете всего этого не вызывает удивления, что убийства священных животных, конфискация предметов культа, депортация жрецов, владеющих религиозным знанием, становятся самыми тяжкими обвинениями, предъявляемыми египтянами (порой, как мы еще увидим, безосновательно) чужеземным завоевателям.

Богиня Баст в облике кошки

Изменения в представлениях египтян о царской власти были связаны не только с ее ослаблением в I тыс. до н. э., но и с сомнениями в способности царей отправлять ритуалы и пользоваться взамен покровительством богов. Среди чужеземцев на египетском престоле на протяжении этого времени наименьшее отторжение у египтян должны были вызывать ливийцы, ставшие частью их общества еще при Рамессадах. Между тем, поселившись тогда в Египте, ливийские воины и их предводители сохранили свой уклад, отличный от жизни уроженцев страны, с которыми они, похоже, смешивались достаточно слабо.

Мы помним, что община и связанные с ней родовые и клановые структуры отмерли у египтян под нажимом централизованного государства еще в 1-й половине III тыс. до н. э.; ливийцы, напротив, принесли с собой в Египет вполне жизнеспособный родовой строй. В его рамках по наследству, внутри определенных родов и кланов, передавались, в частности, полномочия «великих вождей Ма» и «великих вождей Либу», а затем та же практика была, видимо, распространена и на доставшуюся роду Шешонка царскую власть. Когда в VIII в. до н. э., накануне вторжения Пианхи, в Египте оказалось одновременно четыре правящих и признающих легитимность друг друга царя, то вроде бы не было никаких оснований для того, чтобы и другие, ничуть не менее сильные местные правители (прежде всего владеющий Саисом Тефнахт) заявили свои претензии на такой же статус. Тем не менее Тефнахт провозгласил себя царем лишь после того, как прочие цари и другие правители Египта, не исключая и его самого, были приведены к покорности Пианхи.

Единственное объяснение этому состоит в том, что до завоевания Пианхи царская власть считалась монопольной принадлежностью ливийского дома, основанного Шешонком и к этому моменту давшего не менее четырех местных «ответвлений». Принадлежность к царской династии, таким образом, впервые, по крайней мере с начала III тыс. до н. э., стала восприниматься как более весомое обоснование царского статуса правителя, чем реальная мощь – свидетельство рождения от божества и покровительства с его стороны. Поэтому не случайно, что в тексте своей стелы, посвященной походу на Египет, Пианхи особенно подробно проводит ту идею, что он единственный из правителей этой страны рожден богом и благодаря этому одолевает своих врагов внушаемым им ужасом. Поход Пианхи сломил существовавшую в Египте уже примерно два века «монополию» ливийской династии на царскую власть, чем не преминул воспользоваться Тефнахт.

Тем не менее представление об этой «монополии» дало характерный «рецидив» в 670–660-е гг. до н. э. в эпоху «додекархии», описанную в эпических сказаниях, действие которых разворачивается вокруг царя Петубаста II. Впервые в истории египетской литературы носитель царского статуса играет в этих сказаниях второстепенную роль, не будучи самым сильным и величественным из действующих лиц. Когда же в одном из сказаний – о борьбе за наследственный удел верховного жреца Фив – он выходит на первый план, то проявляет не лучшие человеческие качества, претендуя без всяких оснований на чужое наследство. В своего рода судебном поединке за это наследство за царя Петубаста бьется герой Пему, сын другого доблестного воина – Инара. Именно эти персонажи нецарского статуса – наследственные правители города Пер-Соп, лежавшего к востоку от Дельты – являются главными героями эпоса. Причем Пему отстаивает интересы Петубаста исключительно из вассальных обязательств перед царем, а его сын открыто поносит Петубаста, именуя его «рыбодом из Таниса».

Понятно, что по законам подобных сказаний бой за неправое дело, даже при участии в нем доблестного воина, оканчивается неудачей. Этот, по сути, негативный образ обладателя царского статуса мог появиться в египетском тексте только исходя из представления о том, что у Петубаста нет иных прав на царский титул, кроме чисто династических: он один из отдаленных потомков Шешонка, к тому же сидящий в самой престижной из резиденций его дома – в Танисе. В то же время мотивы и приемы, характерные для персонажей эпоса о Петубасте (героические амбиции, уже совершенно независимые от практической выгоды и часто реализуемые в единоборствах; судебные поединки; соображения вассальной преданности, в том числе и недостойному правителю, и заботы о собственных вассалах; полное совпадение статуса местного правителя и воина – предводителя дружины), отражают очень своеобразную «феодално-рыцарскую» атмосферу, по-видимому, действительно сложившуюся в среде ливийской военной знати Египта I тыс. до н. э.

Объединившая Египет в середине VII в. до н. э. XXVI династия, связанная своим происхождением с XXIV, также восходила к ливийской военной знати. В то же время уже родоначальник этого дома Тефнахт, а затем и его потомки еще под властью напатских царей и ассирийцев стали принимать царские титулы, основываясь не на династическом родстве с домом Шешонка, а на своем реальном могуществе. Вряд ли мог обосновать иначе свои притязания объединитель Египта Псамметих I, навязавший свое верховенство прочим местным правителям, в том числе и танисским царям – пресловутому Петубасту II и его преемнику. Однако, когда не принадлежавший к XXVI династии (хотя и приписанный к ней Манефоном) Амасис поднял мятеж против Априя и в итоге захватил престол, мы вновь, как в эпоху Пианхи, видим конфликт между обоснованиями права на власть рождением от божества и принадлежностью к царскому дому.

В иероглифической надписи, описывавшей его борьбу с Априем, – так называемой Элефантинской стеле – Амасис подробно объясняет, что Априй хотя и был исходно полноправным сакральным царем, но из-за своих преступлений («мерзости перед богом») утратил расположение породившего его верховного божества, которое и облекло властью другого своего сына, рожденного вне царского дома. Геродот передает характерную легенду, согласно которой Амасис, уже придя к власти, изготавил из золотого умывальника статую бога и, когда она стала предметом поклонения, сообщил, как была изготовлена статуя, своим вельможам, не забывшим о низком происхождении самого царя и мало уважавшим его.

Обычно эта история трактуется как призыв Амасиса к своему окружению чтить не его лично, а принадлежащий ему наивысший статус. Однако для египтян (чего, кстати, не знал Геродот) золото было совершенно особым материалом, из которого состояла плоть богов. Поэтому смысл наставления Амасиса заключался, вероятнее всего, в том, что божество долгое время может пребывать на земле в самом неожиданном и неопознаваемом обличье, однако с того момента, как оно проявило себя явно, к нему следует относиться с надлежащим почитанием. Понятно, что сакральное начало в личности самого Амасиса проявилось в успехе его мятежа и вступлении на престол и определялось его рождением от божества. Враги Амасиса, создавшие легенду о браке дочери Априя Нитетис с кем-то из персидских царей, напротив, явно считали предпочтительным обоснование права на престол принадлежностью к царскому дому, согласно представлению, укоренившемуся в ливийское время. Подобным образом они пытались оправдать устранение персами от власти семьи Амасиса.

Еще одна перемена в мироощущении египтян I тыс. до н. э., объясняющаяся тем, что на милость божества они стали полагаться больше, чем на прочность собственного общества и помощь его властей, – это *появление не связанного с ритуалом понятия о благочестии*. Уже на рубеже Нового царства и III Переходного периода создается «Поучение Ани», содержащее, в отличие от более ранних прагматических текстов этого жанра, общемировоззренческие рекомендации, в том числе совет не докучать божеству бесконечными просьбами в рамках ритуального контакта с ним: бог и так знает нужды того, кто прилежит ему чистым сердцем.

Мысль о совершенстве бога и греховности по сравнению с ним человеческого естества появляется в чуть более позднем (вероятно, нач. I тыс. до н. э.) «Поучении Аменемопе». В посвященном семейным отношениям «Поучении Анх-Шешонки» (записанном в IV в. до н. э., но, очевидно, более раннем) развивается тема греховности женщины (ее несдержанности в словах и действиях, неспособности следовать разуму), побуждающей мужчину не воспринимать ее как полноценную личность и в браке постоянно смирять ее. Наконец, мотив знания богом праведного человека независимо от ритуального контакта с ним повторяется в самом позднем по записи (I в. до н. э.; вероятно, оно тоже создано много раньше) «Поучении папируса Инсингер». В этом Поучении мы видим и характеристику безбожия, непременно влекущего ко злу.

Подобные рассуждения о природном несовершенстве человека прямо противоположны оптимизму египтян, который был свойствен им в III–II тыс. до н. э. в пору стабильности их государственности и ее ориентации на заботу о людях. Скорее всего, появление таких взглядов следует связывать именно с нарастанием в I тыс. до н. э. неустойчивости египетского общества и отчуждением от него власти, часто принадлежавшей чужеземцам (или, как в ливийское время, охарактеризованное в «Эпосе о Петубасте», замкнутой на собственные интересы и ценности военной знати).

Усиливающееся разочарование в справедливости земного миропорядка привело к *трансформации идеи загробного суда*. Если прежде считалось, что после него человек либо попадает в царство Осириса, либо перестает существовать (его сердце, перевесившее на чаше весов перо маат, будет сожрано сидящим рядом чудовищем), то в I тыс. до н. э. появилось представление о стоящей перед ним альтернативе – обретении посмертного блаженства или вечных страданий в воздаяние за прижизненные дела.

Во втором цикле «Сказаний о Сатни-Хаэмуасе», записанных уже в начале новой эры, но, несомненно, созданных раньше, сын главного героя с характерным именем Са-Усир («Сын Осириса», т. е. воплощенный бог Хор) открывает своему отцу зрелище загробного мира, в котором богатый грешник подвергается мучениям, а праведный бедняк благоденствует в тонких одеждах.

В Позднем Египте самыми чтимыми становятся *благие боги Осирис и Исида* вместе с их сыном *Хором*, которые решительно оттеснили на второй план солнечных богов Ра и Амона, традиционно связанных с ослабевшей царской властью. Согласно мифологическим представлениям, при своей земной жизни эти боги радели об облегчении жизни людей при помощи различных культурных навыков (именно о них говорится как об изобретателях земледелия и ремесел). Далее Осирис претерпел зло от собственного брата Сета, а Исида, стремясь воскресить Осириса и растя рожденного от него сына Хора, продемонстрировала идеал супружеской и материнской любви. И наконец, именно Осирис своей смертью и воскрешением открыл всем людям возможность обрести вечную жизнь в загробном мире.

Говоря о египетских источниках I-й половины – середины I тыс. до н. э., нужно иметь в виду, что около VIII–VII в. до н. э. происходит смена и в устной и в письменной речи новоегипетского языка так называемым *демотическим* (в письменности она сопровождается возникновением нового, более «скоростного» по сравнению с иератикой, типа письма). При этом новоегипетский язык совершенно выходит из употребления, а среднеегипетский, уже давно существующий только в письменной речи, сохраняется в официальных царских надписях (текстах ливийских царей, Стеле Пианхи, а также других надписях напатских царей, найденных на территории их нубийской метрополии в районе современного Джебель-Баркала, Элефантинской стеле Амасиса и др.) и религиозных текстах.

Все новые литературные произведения (эпос о Петубасте, «Сказания о Сатни-Хаэмуасе», Поучения Анх-Шешонки и папируса Инсингер), а также многочисленные документы записываются теперь на демотическом языке. Для его изучения много сделали французский египтолог **Э. Ревийю** и немецкий – **В. Шпигельберг** на рубеже XIX–XX вв., а также ученик основателя российской

египтологии В. С. Голенищева **М. Малинин** – в 1-й половине XX в.

В отечественной египтологии эпосом о Петубасте и некоторыми другими демотическими текстами занимался **В. В. Струве** (изучавший труд Манефона). В наши дни эпос о Петубасте в связи с политической ситуацией эпохи «додекархии» изучает санкт-петербургский египтолог **А. Г. Сущевский**.

Самая полная реконструкция политической истории и географии Египта III Переходного периода, со времени гибели Нового царства до объединения страны саисским домом, принадлежит британскому египтологу **К. Китчену**. Отношениями Египта с великими державами Передней Азии (Ассирией и Новым Вавилоном) в середине I тыс. до н. э. занимается работающий в Новой Зеландии **Э. Спэлинджер**. Он и другие исследователи этой проблематики, помимо египетских источников, привлекают летописи месопотамских царей, Библию и сообщения греческих авторов (прежде всего Геродота – о времени саисских царей) и др.

Египет в составе державы Ахеменидов

В конце 526 г. до н. э. фараон Амасис умер. Вскоре после этого, в 525 г. до н. э., персидский царь Камбис начал войну против Египта. В решающем сражении при пограничной крепости Пелусий египтяне потерпели сокрушительное поражение из-за явного военного преимущества персов, а также измены предводителя греческих наемников Фанеса и египетских военачальников из числа номовой знати, не желавших поддерживать сына Амасиса Псамметиха III. Так, командующий египетским флотом Уджагорреснет перешел на сторону персов и сдал им Саис без боя. В итоге новым фараоном (основателем XXVII персидской династии) был провозглашен **Камбис**, египетскую титулатуру которого составил Уджагорреснет, торжественно принявший его в храме богини Нейт в Саисе. В истории Египта начался так называемый *период первого персидского владычества* (525–404 гг. до н. э.).

Рассказ Геродота о святотатствах Камбиса (в том числе об убийстве им в Мемфисе священного быка Аписа после неудачного похода в Эфиопию), опровергается египетскими текстами, сообщающими о внимании этого царя к египетским храмам (в частности, пресловутый Апис не только умер своей смертью, но и был погребен в предоставленном Камбисом саркофаге). Недовольны персидским правлением были прежде всего сторонники Амасиса, которые (на первых порах во главе с низложенным Псамметихом III) пытались выступить против персов во время эфиопского похода Камбиса в 524 г. до н. э. и потом, во время внутренних неурядиц в Персии – в 522–521 гг. до н. э.

В 518 г. до н. э. в Египет прибыл новый персидский царь **Дарий I**. Он пользовался редким расположением со стороны египтян, которые считали его не только истинным фараоном, но и одним из великих законодателей Египта, достойным культовых почестей. Один из папирусов действительно сообщает о записи при Дарии I египетских законов. Дарий I довольно много строил в египетских храмах и восстановил канал, соединяющий Нил и Красное море, прорытый еще при Нехо II.

Во время царствования Дария определилась структура персидской администрации в Египте. Во главе стоял сатрап, резиденция которого была в Мемфисе, ему подчинялись чиновники в отдельных номах. В важнейших пунктах Египта – Мемфисе, Дафнах, Элефантине – были размещены ахеменидские воинские контингенты: особой преданностью персидскому царю отличались наемники-евреи. В то же время важную роль в администрации играли египтяне, занимавшие ряд высших должностей (например, уже упоминавшийся Уджагорреснет). Египет считался одной из самых богатых сатрапий Ахеменидов, вместе с Ливией, Баркой и Киреной (т. е. областями средиземноморского побережья к западу от него), он платил ежегодную дань в размере 700 талантов (более 20 т) серебра.

При Камбисе и Дарии I Египет был вторым после Вавилонии государством, власть над которым персидского царя была облечена в форму принятия местного царского титула, т. е.

в современных понятиях – личной унии. Это изменилось при преемнике Дария **Ксерксе**, в начале правления которого (486–484 гг. до н. э.) в Египте из-за увеличения налогов и угона ремесленников в Персию вспыхнуло восстание. После его подавления Ксеркс не стал принимать титул фараона, тем самым упразднив «личную унию» с Египтом, и политика Ахеменидов по отношению к этой стране стала более жесткой. По-видимому, именно тогда персы вывезли из египетских храмов к себе большое количество культовой утвари и чтимых изображений богов (в том числе статую обожествленного Дария I из храма в Гелиополе, которую потом нашли археологи при раскопках персидской столицы Суз), с тем чтобы лишить египтян «посредников» в их контакте с богами, а может быть, отчасти и «переключить» этот контакт на себя.

Египет стал предпринимать попытки освобождения от власти персов. В 460 г. до н. э. в Дельте Нила началось восстание Инара, которое получило поддержку воевавших с персами Афин, но все же к 454 г. до н. э. окончилось неудачей. Вероятно, отряды Инара продержались в топях Западной Дельты до 404 г. до н. э., когда правитель Саиса Амиртей (возможно, потомок Инара) возглавил новое восстание и изгнал персов.

Египет в IV в. до н. э.

Амиртей (404–397 гг. до н. э.) считается единственным правителем XXVIII саисской династии. На седьмом году царствования он был низложен и убит, а к власти пришла основанная **Неферитом I** XXIX династия из Мендеса в Центральной Дельте Нила (397–380 гг. до н. э.). Ее первые цари сменялись у власти довольно быстро, и лишь фараон **Акорис** правил около 13 лет (392–379 гг. до н. э.). Он стремился упрочить царскую власть и создать систему союзов, выгодных для поддержания независимости Египта.

Характерный энтузиазм этого времени по поводу недавнего изгнания персов и восстановления независимости Египта нашел отражение в найденной на территории Карнакского храма стеле с записью текста, известного под названием *«Исцеление Бентреш»*. Согласно этому тексту, в свое время к Рамсесу II обратился породнившийся с ним царь азиатской страны Бахтан (в ее образе совмещаются как воспоминания о Хеттской державе уже далекого прошлого, так и восприятие главного противника Египта в то время – державы Ахеменидов) с просьбой помочь исцелить свою душевнобольную (обуянную злым духом) дочь Бентреш. Фараон отправляет правителю Бахтана целительную статую фиванского бога Хонсу, и тот после выздоровления Бентреш решает навсегда оставить себе столь ценного «посредника» в контакте с божеством. Через некоторое время правитель Бахтана, увидев во сне, как бог Хонсу в облики сокола покинул свою статую и устремился в Египет, возвратил ее Рамсесу II. В этом рассказе явно звучит воспоминание о недавнем похищении нечестивыми персами культовых статуй и утвари из египетских храмов, а также уверенность в том, что боги, настроенные благожелательно к избранной ими стране, покинут свои похищенные изображения и оставят врагам Египта лишь мертвый камень и металл.

Помимо отражения персидской угрозы, Акорис задумывался и о том, каким образом централизовать страну, в которой после изгнания персов большое влияние приобрели слабо зависящие от царя группировки номовой знати. Одним из средств к этому становится попытка централизации египетских культов под покровительством царской власти. Акорис развивает вслед за Неферитом целую программу строительства в древнем Карнакском храме в Фивах, в его время уже не самом значимом в Египте. По-видимому, не имея возможности напрямую восстановить здесь культ Амона-Ра как покровителя царской власти, он особенно заботится об оформлении путей праздничных процессий, связывающих Карнак с Луксором и Мединет Абу на западном берегу Нила и имеющих отношение к почитанию Амона как создателя мира и бога плодородия.

Вскоре после смерти Акориса в результате переворота к власти пришел уроженец соседнего с Мендесом города Севеннита **Нектанеб I** (380–361 гг. до н. э.), основавший XXX династию. При нем Египет в 373 г. до н. э. успешно отразил персидское вторжение, но

в дальнейшем, не рискуя полагаться только на собственные силы, вступил в союз с греческими государствами – Афинами и Спартой.

Нектанеб I продолжил начатую Акорисом строительную программу в Карнаке, но еще большее внимание он уделял местным культовым центрам. Он начал строительство храмовых комплексов богини Хатхор в Дендера и богини Исиды на острове Филэ на крайнем юге Египта. Существенно, что эти строительные программы, которые затем продолжались на протяжении всего эллинистического времени, связаны с популярными в Позднем Египте культурами богинь-матерей.

Новым и обязательным компонентом храмовых комплексов с этого времени становятся так называемые *маммизи*, или «дома рождения», – особые постройки, посвященные культу четы богов и их сына (т. е. существующего практически в каждом египетском номе аналога триады самых чтимых в это время божеств – Осириса, Исиды и Хора), оформленные сценами появления последнего на свет (очень отдаленной первоосновой этих сцен нужно, по-видимому, считать рельефы, изображающие рождение от божества Хатшепсут и Аменхотепа III в храмах Нового царства в Дейр эль-Бахри и Луксоре).

Реализуя эти строительные программы, царская власть, с одной стороны, стремилась установить контроль над местными культовыми центрами, а с другой – оказать им знаки внимания, неизбежные ввиду влияния связанных с ними группировок египетской элиты.

Воспользоваться благоприятной ситуацией, сложившейся в результате серии восстаний в западных сатрапиях Ахеменидской державы, и перейти при греческой поддержке в наступление против персов в Сирии и Палестине попытался фараон **Тахос** (егип. Джед-Хор; 361–359 гг. до н. э.). По совету афинского военачальника Хабрия он ввел чрезвычайные налоги и отчисления с храмовых доходов на военные нужды. Эта необходимая, но ущемлявшая интересы элиты мера вызвала, несмотря на военные успехи Тахоса, недовольство им, и в результате военного мятежа на египетский престол взошел племянник царя **Нектанеб II** (359–343 гг. до н. э.).

Его царствование прошло в постоянном ожидании персидского нападения на Египет (как раз в его начале, в 359 г. до н. э., на престол Ахеменидов восходит Артаксеркс III – целеустремленный правитель, поставивший перед собой задачу возродить военную мощь и прочность своей огромной державы). Ставленник египетской знати, Нектанеб II явно свернул централизаторские мероприятия Тахоса. Не случайно в позднейшем грекоязычном тексте отражение им угрозы персидского вторжения связывается с использованием магических средств, а не с созданием настоящей боеспособной армии.

Нектанеб II много строил в храмовых комплексах Дельты (в том числе и в «родовом гнезде» XXX династии – Севенните), в Мемфисе, в оазисах Харга и Сива в Ливийской пустыне, продолжил начатое его предшественниками строительство в Карнаке. Он также начал строительство в храмовом комплексе Хора (чтимого в образе крылатого солнечного диска) в городе Эдфу, которое продолжалось затем на всем протяжении эпохи эллинизма. Одной из немногих попыток централизовать культовую жизнь страны под контролем государства стало насаждение Нектанебом II во многих храмах страны своего собственного культа в отождествлении с богом Хором. Известно довольно много связанных с этим культом изображений царя, находившегося как бы под защитой стоящего позади него огромного сокола.

Царь Нектанеб II под защитой бога Хора. Культовое изображение

В конечном счете, когда в 343 г. до н. э. Египет столкнулся с массивным вторжением персов во главе с Артаксерксом III, он не смог оказать ему сопротивление, и Нектанеб II был вынужден бежать в Нубию. Позднее складывается легенда, согласно которой он отправился в Македонию и, обольстив там царицу Олимпиаду, стал отцом будущего освободителя Египта от персов Александра Великого.

Египетские религиозные концепции середины I тыс. до н. э.

Египетские жрецы позднего времени, ставшие, как уже говорилось, особой замкнутой корпорацией, были заняты не только сохранением необходимого для контакта с богами ритуала, но и систематизацией и развитием накопленных ими знаний о мироустройстве (т. е. о божественных силах, действующих в мироздании). Традиция гимнов Амону как верховному божеству, восходящая к эпохе Нового царства, продолжилась в текстах его храма начала первого периода персидского владычества в Хибисе (оазис Харга). Здесь Амон не просто описывается как универсальное божество путем сопоставления с различными богами, но проводится мысль о том, что мир состоит, по сути дела, из множества его проявлений, возникших благодаря его благодати.

В религиозных текстах IV в. до н. э., когда постоянными были опасения по поводу возможного нового нашествия персов, особое значение приобретает мотив борьбы благого бога с воплощением зла – Сетом или Апопом. В частности, борьба с Сетом бога Хора «мощного дланью», олицетворяющего царя, отражается в тексте так называемого наоса из Сафт эль-Хенне (егип. Пер-Сопд – город к востоку от Дельты Нила) времени Нектанеба I.

Однако особенно примечательна разработка с середины I тыс. до н. э. мифологических сюжетов, связанных с возникновением мироздания. Самой ранней из таких космогоний можно считать «камень Шабак» – датированную временем этого нубийского завоевателя Египта запись текста, который ранее содержался в древнем папирусе, начавшем разрушаться. В качестве создателя мира в этом тексте предстает мемфисский бог Птах: творение совершается им при помощи называния имен всех живых существ и предметов, образы которых (в качестве их «двойников» – ка) Птах до этого замыслил «в своем сердце». Трудно сказать, насколько достоверно сообщение о копировании на «камень Шабак» исходного более древнего текста: с одной стороны, язык его действительно очень архаичен, с другой – намеренная архаизация религиозных памятников, воспроизведение в них стиля и языка чрезвычайно древних образцов (вплоть до III тыс. до н. э.) – это общая тенденция середины I тыс. до н. э. (в какой-то мере именно она стала основанием для введения применительно ко времени XXVI династии термина «саисское возрождение»).

Таким образом, текст «камня Шабак», по крайней мере в его окончательном виде, вполне может соответствовать развитию египетской религии в позднее время. Существенно сопоставление в нем бога Птаха с другим демиургом – Атумом, т. е. проведение параллели между мемфисской космогонией «камня Шабак» и гелиопольской космогонией, известной нам в целостном виде по значительно более позднему, относящемуся к концу IV в. до н. э., папирусу *Бремнер-Ринд I*. Согласно этому тексту, бог Атум возник на холме, появившемся среди вод первобытного океана Нуна и, как и Птах, замыслил в себе образы всего, что должно было далее возникнуть. После этого он произвел из самого себя богов Шу и Тефнут (персонификации пронизанного светом воздуха и влаги), которые затем породили богов Геба и Нут (персонификации земли и неба). Обе космогонические системы сходны в том, что сводят процесс возникновения мира к некоему единому началу, воплощенному в боге-творце.

Значительно более сложная космогоническая доктрина возникла во 2-й половине I тыс. до н. э. в Фивах на основе взаимодействия местной религиозной традиции с традицией Гермополя (судя по всему, она существовала уже в IV в. до н. э., но отразилась в целом ряде текстов уже эллинистического времени). В этой концепции творение мира четко отделено от предшествовавшего ему времени, когда существовали четыре пары («восьмерка» – егип. хемуну, гр. Огдоада) первоначальных божеств, персонифицировавших первобытную материю (океан – боги Нун и Наунет), бесконечность пространства (Хух и Хаухет), мрак (Кук и Каукет) и нечто «невидимое» (Амон и Амаунет). В мире до начала творения, таким образом, уже существовала материя (идея творения из ничего была чужда египетским, как и любым архаичным представлениям) и пространство, однако не было важнейшего условия

дифференциации материи на конкретные, имеющие зримые очертания предметы – пронизанного светом воздуха. Подлинное творение начинается со смертью богов «восьмерки», а также Амона Кематефа («Завершившего время свое» – персонификации времени до творения; местом их погребения считался район Мединет Абу на западном берегу Нила напротив Фив) и выражается в творческой деятельности другой ипостаси Амона – Ир-та («Создавшего землю»).

Эта фиванская космогоническая концепция сложна не только персонификацией в ее образах довольно абстрактных онтологических категорий, но и переплетением в ней сразу нескольких других космогонических и мифологических систем (Кематеф и Ир-та в определенном контексте могут быть сопоставлены с Осирисом и Исидой, Ир-та – с мемфисским демиургом Птахом, «восьмерка» изначальных богов заимствована из Гермополя и т. д.).

Нет никакого сомнения, что отдельные составляющие этих космогонических систем восходят, как это и предполагается содержащейся в тексте «камня Шабаци» отсылкой, действительно к очень давнему времени. Однако той фазы, на которой стала возможна систематизация этих составляющих, их сведение в целостную и по возможности непротиворечивую систему (в том числе путем синтеза разных по своим местам возникновения представлений), египетская религиозная мысль достигла, по-видимому, лишь к середине I тыс. до н. э.

Персидское завоевание Египта при Камбисе и его канун (царствование Амасиса) подробно отразились в труде Геродота, посетившего Египет через несколько лет после подавления восстания Инара, когда воспоминания о последнем на тот момент периоде египетской независимости и о ее падении были для египетских информаторов Геродота особенно актуальны. Среди исследователей сведений Геродота об истории и культуре Египта (в том числе того, как египетские явления преломлялись в чужеродном восприятии греческого автора) нужно назвать бельгийского и британского египтологов **Х. де Мёльнера** и **А.-Б. Ллойда**, а также отечественного антиковеда **В. Г. Боруховича**.

Сведения о положении Египта в период первого персидского владычества, о царях IV в. до н. э. (в связи с их отношениями с греческими государствами) и о завоевании Египта при Артаксерксе III содержатся в труде **Диодора Сицилийского** и некоторых произведениях **Плутарха**. Собственно египетские тексты, в которых отразились бы события V–IV вв. до н. э., крайне немногочисленны (среди них, в частности, совсем нет царских надписей исторического содержания).

Экономическое развитие и социальные отношения в египетском обществе периода первого персидского владычества отразились в ряде демотических и арамейских (составленных на языке деловой переписки на всей территории державы Ахеменидов) папирусов; в частности, архив арамейских документов остался от колонии еврейских военных поселенцев в Элефантине, на юге Египта.

Египетские космогонические тексты I тыс. до н. э. изучал современный американский египтолог **Дж.-П. Аллен**. Фиванские представления о сотворении мира, связанные с богами «восьмерки» и разными ипостасями Амона, изучались еще в 1920-е гг. немецким египтологом **К. Зетгэ**, но его выводы на сегодняшний день во многом устарели. Также несколько устаревший, но до сих пор уникальный в отечественной историографии обзор египетских религиозных представлений позднего времени содержится в нескольких главах второго тома «Истории Древнего Востока» **Б. А. Тураева**.

Второе персидское владычество

Античные авторы сохранили крайне мрачные воспоминания египтян о завоевании Египта Артаксерксом III (343 г. до н. э.), в частности, сообщения об убийствах им священных

животных и иных святотатствах. Видимо, их реальной основой были посягательства персов на достояние египетских храмов, новая кампания по вывозу в Персию культовых изображений, утвари и священных текстов (помимо этого, подверглись депортации и некоторые категории жрецов, в частности, служители богини Сохмет, олицетворявшей губительную силу эпидемий. По «специфике» своего божества они владели врачебными знаниями; биографическая надпись одного из этих жрецов – знатного уроженца Гераклеополя Сематауитефнахта – дошла до нас уже от начала эллинистического времени). Однако похоже, что, несмотря на это, персы не смогли установить прочный контроль над всем Египтом. Около 337–335 гг. до н. э. борьбу с ними начал некий Хаббаш, – видимо, иноземец, принявший титул фараона и продержавшийся у власти, пока в Персии происходили внутренние неурядицы. Однако новый персидский царь Дарий III сумел нанести ему поражение и вернуть Египет.

С началом восточного похода Александра Македонского персы были вынуждены отозвать из Египта большие контингенты войск во главе с сатрапом Сабакком, который в 333 г. до н. э. погиб в битве при Иссе. Вскоре после этого в Египет, показавшийся в такой ситуации сравнительно легкой добычей, вторгнулся с небольшим войском македонский авантюрист Аминта, однако его предприятие окончилось неудачей. Столь бурное время, ознаменованное ко всему прочему полным прекращением храмового строительства и большими трудностями в отправлении ритуала (как по экономическим причинам, так и ввиду отсутствия в стране легитимного царя, от имени которого этот ритуал можно было бы совершать), надолго осталось в памяти египтян как настоящая катастрофа.

Второе персидское владычество окончательно подошло к концу со вступлением в Египет в ноябре 332 г. до н. э. войск Александра Македонского, который был встречен благожелательным отношением местного населения и полной пассивностью персидского сатрапа Мазака. Вскоре Александр принял статус фараона (античные авторы подробно описывают его путешествие в хорошо известный в греческом мире храм Амона в оазисе Сива в Ливийской пустыне, где, в полном соответствии с египетской традицией, он был провозглашен сыном божества). С этого момента Египет входит в состав говорящего на греческом языке античного мира и в новый – не древневосточный, а эллинистический период своей истории.

Источники и литература

Геродот . История в девяти книгах / Пер. Г. А. Стратановского. М.; Л., 1972. («Памятники исторической мысли»; репр. 1993).

Коростовцев М. А. Путешествие Ун-Амуна в Библ. М., 1960.

Плутарх . Об Исиде и Осирисе / Пер. Н. Н. Трухиной // Вестник древней истории. 1977. № 3–4.

Повесть о Петеисе III: Древнеегипетская проза / Пер. и комм. М. А. Коростовцева. М., 1978.

Сказки и повести Древнего Египта / Пер. и комм. И. Г. Лившица. Л., 1979. («Литературные памятники»; репр. 2004 г.).

Тексты Пирамид / Под ред. А. С. Четверухина. СПб., 2000.

Франк-Каменецкий И. Г. Памятники египетской религии в фиванский период. М., 1917–1918. Вып. 1–2. («Культурно-исторические памятники Древнего Востока». Вып. 5–6).

Ancient Records of Egypt / Ed. J. H. Breasted. Vol. 1. – s. 3rd ed. Chicago, 1927.

Diodorus Siculus. Library of History. Vol. 1: Books 1–2. With an English translation by C. H. Oldfather. Cambridge (Mass.)-L., 1934.

Manetho . Cambridge(Mass.)-L., 1980 (Loeb Classical Library, 350).

Ассман Я. Египет: Теология и благочестие ранней цивилизации. М., 1999.

Берлев О. Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978.

- Богословский Е. С.* О системе древнеегипетского общества второй половины II тысячелетия до н. э. // Восток (Oriens). 1991. № 6.
- Богословский Е. С.* Повседневная жизнь в Древнем Египте // Восток (Oriens). 1995. № 4.
- Большаков А. О.* Человек и его двойник: Изобразительность и мировоззрение в Египте Среднего царства. СПб., 2000.
- Большаков А. О., Суцневский А. Г.* Герой и общество в Древнем Египте // Вестник древней истории. 1991. № 3.
- Брэстед Д. Г.* История Египта с древнейших времен до персидского завоевания: В 2 т. М., 1915.
- Демидчик А. Е.* Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005.
- Кеес Г.* Заупокойные верования древних египтян/Пер. И.В.Богданова. СПб., 2005.
- Коростовцев М. А.* Религия Древнего Египта. М., 1976.
- Культура Древнего Египта.* М., 1976.
- Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X вв. до н. э. Л., 1960.
- Матье М. Э.* Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта. М., 1996.
- Матье М. Э.* Искусство Древнего Египта. СПб., 2001.
- Перепелкин Ю. Я.* История Древнего Египта. СПб., 2000.
- Перепелкин Ю. Я.* Кэйэ и Сенмехкерэ: К исходу солнцепоклоннического переворота в Древнем Египте. М., 1979.
- Перепелкин Ю. Я.* Переворот Аменхотепа IV. М., 1967. Ч. 1. М., 1984. Ч. 2.
- Перепелкин Ю. Я.* Хозяйство староегипетских вельмож. М., 1988.
- Стучевский И. А.* Земледельцы государственного хозяйства Древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1982.
- Стучевский И. А.* Рамсес II и Херихор: Из истории Древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1984.
- Тураев Б. А.* Египетская литература. СПб., 2000.
- Эмери У. Б.* Архаический Египет. СПб., 2001.
- Gardiner A. H.* Egypt of the Pharaohs. Oxford, 1961.
- Hornung E.* Conceptions of God in Ancient Egypt: The One and the Many. L., 1983.
- Kitchen K.-A.* The Third Intermediate Period in Egypt (1100–650 B. C.). Warminster, 1973; 1986.
- L'EEgypte et la Vallee du Nil.* T. 1: Vercoutter J. Des origines a la fin de l'Ancien Empire. 12000–2000 av. J.-C. P., 1992. T. 2: Vandersleyen Cl. De la fin de l'Ancien Empire a la fin du Nouvel Empire, Paris, Presses Universitaires de France, 1995.
- Lexikon der Agyptologie.* Hrsg. Von W. Helck, E. Otto u. W. Westendorf. Bd 1–6. Wiesbaden, 1972–1986.
- The Oxford Encyclopaedia of Ancient Egypt.* Oxford, 2000.
- Wilkinson T.A.* H. Early Dynastic Egypt. L., 1999.

Раздел 2

Древняя Месопотамия

Глава 8

Источники и историография

Источники

Источники по истории Месопотамии настолько многочисленны, что здесь им можно

дать лишь самую краткую характеристику. Основные элементы *материальной культуры* известны по раскопкам крупнейших городов – Эреду, Ура, Урука, Лагаша, Ниппура, Ларсы, Вавилона, Мари, ассирийских столиц, включая Ашшур и Ниневию. К их числу относятся прежде всего памятники монументального строительства – дворцы, храмы и городские стены. Так как они часто перестраивались, их исследование дает возможность уточнить стратиграфию (последовательность археологических слоев, отражающую хронологию соответствующих периодов). Изображения на цилиндрических печатях Месопотамии позволяют судить о мифологических и идеологических представлениях древних месопотамцев, об их иконографии, о торговых контактах. Находки месопотамских печатей в Египте, на Бахрейне и в Индии свидетельствуют о широте торговых связей Месопотамии и отражают их хронологию. Аналогичную роль играют иноземные предметы, найденные на ее территории, например попадавшие и туда, и на Бахрейн печати Индской цивилизации.

Еще больше информации дают *письменные источники*, подразделяющиеся на несколько групп. Особое значение имеют находки целых архивов (отметим хозяйственно-административные архивы из шумерских городов, из ассирийской торговой колонии XIX в. до н. э. в малоазиатском Канише, из Аррапхи и, наконец, вавилонских городов VI–V вв., а также относящийся к XVIII в. до н. э. громадный административно-дипломатический архив царя Зимрилима из Мари) и клинописных библиотек (наиболее замечательный пример – знаменитая Ниневийская библиотека Ашшурбанапала, VII в. до н. э.).

Основные письменные источники – это юридические и дипломатические документы, царские надписи и списки, хроники, ритуальные тексты и др. Перечислим наиболее важные из них.

Кодексы законов и другие юридические документы – это прежде всего судебники царя Шульги (XXI в. до н. э.), царства Эшнунны и Иссинского царя Липит-Иштара (XX в. до н. э.), Хаммурапи Вавилонского (XVIII в. до н. э.), судебник из Ашшура (среднеассирийские законы, 2-я пол. II тыс. до н. э.), фрагменты нововавилонских законов VI в. до н. э., огромное количество судебных протоколов и постановлений.

Дипломатические документы и царская корреспонденция представлены договором между шумерскими городами Лагашем и Уммой (XXIV в. до н. э.), договором Нарамсуэна Аккадского и правителя Элама (XXIII в. до н. э.), дипломатической перепиской месопотамцев XVIII в. до н. э., известной по архиву из Мари, и XIV в. до н. э., известной по архиву клинописных документов в Ахетатоне (современная Амарна, откуда название «Амарнский архив»), столице Египта при Эхнатоне; перепиской правителей Хеттского государства с Ассирией и Вавилонией (XIII в. до н. э.), известной по архиву из хеттской столицы Хаттусы, договорами ассирийского царя Асархаддона с мидийскими князьями (VII в. до н. э.); административной корреспонденцией новоассирийских царей VIII–VII вв. до н. э., найденной в их резиденциях – Ниневии, Кальху и др.

Из *царских надписей*, к которым относятся также развернутые подписи под рельефами, прославляющими деяния царей, исследователи черпают большую часть сведений о военно-политической истории Месопотамии. Особенно важны надписи аккадских царей XXIV–XXIII вв. до н. э. и ассирийских царей XIII и IX–VII вв. до н. э.; стоит отметить также надпись Уруинимгины из Лагаша (XXIV в. до н. э.) о произведенных им там социально-политических реформах и надпись Гудеа из того же Лагаша (XXII в. до н. э.), дающие ценные сведения о шумерской идеологии.

Дополняют царские надписи *списки лет*, служащие незаменимым пособием при реконструкции хронологии Месопотамии. Месопотамцы в течение многих веков давали каждому году название по какому-либо его важному событию и вели списки лет, приводя их под этими названиями – датировочными формулами. В других списках лет, применявшихся в Ассирии, каждый год назывался по имени лица, занимавшего тогда должность верховного сановника-лимму, кроме того, отмечалось какое-либо важное событие, произошедшее в этом году.

Запросы царей к богам, оракулы, покаянные молитвы царей особенно важны тем, что в них, в отличие от царских надписей, правители откровенно выражают собственные страхи и говорят о своих реальных проблемах.

Особая группа источников – *царские списки*. «Шумерский царский список», составленный в XXI в. до н. э., содержит перечень правителей ведущих шумерских городов с начала III тыс. до н. э. Кроме того, сохранился ассирийский царский список, начинающийся примерно с 2000 г. до н. э., синхронические списки вавилонских и ассирийских царей и др.

Значительный массив письменных источников составляют *хроники*. Всего их дошло несколько десятков, в том числе ассирийская «Синхроническая история», повествующая о вавилоно-ассирийских отношениях с XVI по IX в. до н. э. (причем отмечены в ней только ассирийские победы), вавилонская «Хроника Р», посвященная истории Вавилонии, начиная с утверждения касситской династии (в ней нередко отражены те же события, что и в ассирийской «Синхронической истории», однако под иным углом зрения); вавилонские хроники VI–V вв. до н. э., повествующие о крушении Ассирийского и Нововавилонского царств.

Собственно история Месопотамии («Вавилонская [или Халдейская] история» в трех книгах от допотопных времен до завоевания Вавилона Александром Македонским) написана на греческом языке вавилонским жрецом Беросом (ок. 300 г. до н. э.) на основе множества месопотамских надписей, хроник и литературных текстов. К сожалению, от труда Бероса уцелели только отдельные фрагменты.

Сохранились и *литературные тексты*. Шумерские эпические произведения, подобные былинам, повествуют главным образом о героических деяниях шумерских царей, в том числе фольклоризованных. Существуют «былины» мифологического содержания, сводные мифологические эпосы («Энума элиш» – эпос о сотворении мира, «Эпос об Атрахасисе», «Эпос об Эрре»); историко-литературные эпосы («Эпос о Гильгамеше», эпические композиции о великих царях прошлого, прежде всего царях Аккада).

К этой же группе источников относятся дидактические тексты так называемой литературы мудрости, повествующие о судьбе человека (поэмы о невинных страдальцах, «Диалог господина и раба», вавилонский политический трактат I тыс. до н. э. «Поучение царю»), сказки и пословицы.

Гимны богам и записи ритуальных текстов дают представление о картине мира и обрядовой практике.

К сожалению, очень многие письменные источники дошли с существенными повреждениями и не полностью. Огромное количество текстов найдено и сохранено в музейных коллекциях, но еще не введено в научный оборот; впрочем, особенно важных с точки зрения содержащейся исторической информации среди них немного.

Важные сведения о Месопотамии дают нам источники из других регионов Древнего Востока, особенно Ветхий Завет, надписи Ахеменидов и сохранившиеся исторические сочинения античных авторов – от «Истории» добросовестного Геродота (V в. до н. э.) и «Персидской истории» выдумщика, а порой и откровенного фальсификатора Ктесия (IV в. до н. э.) до эллинистических компиляций, таких как «Историческая библиотека» Диодора (I в. до н. э.) или мировая история Помпея Трога (I в. до н. э.). Отдельно надо отметить «Иудейские древности» Иосифа Флавия (I в. до н. э.).

История изучения

Историко-филологическую дисциплину, изучающую историю и культуру древней Месопотамии, называют ассириологией (в сферу внимания ассириологии входят также все те многочисленные общества и культуры древности, которые использовали шумеро-аккадскую клинопись, – страны Восточного Средиземноморья в III–II тыс. до н. э., хетто-хурритский мир, Урарту, Элам и Ахеменидская Персия).

Становление ассириологии связано с изучением клинописных надписей Персии,

особенно клинописной Бехистунской надписи Дария I в Западном Иране в трех параллельных версиях на разных языках (персидском, эламском и аккадском). Их сличение существенно продвинуло понимание клинописи, чему также способствовали находки в городах древней Ассирии. Первых непосредственных результатов в расшифровке персидской клинописи добился в 1802 г. немецкий филолог-классик **Г.-Ф. Гротенд**, а к середине 1830-х гг. англичанин **Г.-К. Роулинсон**, француз **Э. Бюрнуф**, норвежец **К. Лассен** полностью ее дешифровали.

Регулярное археологическое освоение Месопотамии началось несколько раньше, чем была дешифрована клинопись. В 1820 г. англичанин **К.-Дж. Рич** предпринял попытку провести раскопки в окрестностях Мосула, пытаясь обнаружить древнюю ассирийскую столицу – Ниневию, известную по античным историческим сочинениям, и отправил в Британский музей несколько десятков клинописных глиняных табличек. В 1842 г. французский консул **Э. Ботта** открыл Хорсабад, обнаружив там резиденцию ассирийского царя Саргона II Дур-Шаррукин. Ниневия, скрытая под холмом Куонджик, была раскопана в конце 1840-х – начале 1850-х гг. англичанином **О.-Г. Лэйярдом** и ассирийцем (айсором) **Х. Рассамом**. В Ниневии была найдена знаменитая библиотека царя Ашшурбанапала. Ранее, в 1845–1847 гг., Лэйярд также раскопал холм Нимруд – ассирийскую административную столицу Кальху. В это время раскопки шли еще варварским методом: древние города не столько раскапывались, сколько разрушались, о стратиграфии никто не заботился. Со временем положение дел менялось: раскопки приобретали все более научный характер, хотя в подлинную науку ближневосточная археология превратилась лишь в 1-й четверти XX в.

При раскопках ассирийских центров были найдены бесчисленные ассиро-вавилонские тексты; значение множества клинописных знаков, употреблявшихся в них, было уже установлено по персидским надписям. Зная по античным памятникам, что ассиро-вавилонский язык (в древности и в современной науке его называют аккадским) – семитский, ученые, владевшие семитскими языками, смогли дешифровать и прочие клинописные знаки и прочесть месопотамские тексты. Поскольку знаки месопотамской клинописи многозначны, вследствие чего отдельные слова и фразы можно было читать и переводить по-разному, ученая публика задавалась вопросом: читают ли действительно ассириологи свои тексты или толкуют их по ненадежным догадкам?

Чтобы развеять эти сомнения, в 1857 г. был проведен эксперимент. Четыре крупных специалиста по клинописи, оказавшиеся тогда в Лондоне, – англичане **Г.-К. Роулинсон** и **У. Фокс-Тальбот**, ирландец **Э. Хинкс** и француз **Ж. Опперт** – получили для перевода прорисовки одного и того же недавно обнаруженного текста, содержание которого никак не могло быть им известно заранее. Выполненные ими переводы почти полностью совпали. В 90-х гг. XIX в. немецкий ученый **Ф. Делич** создал фундаментальную грамматику и словарь аккадского языка.

С другой стороны, выяснилось, что часть ассиро-вавилонских текстов написана на несемитском языке. Так как среди ассиро-вавилонских текстов обнаружились словари с переводами слов этого языка на аккадский, а также многочисленные параллельные аккадоязычные документы на этом языке, его тоже смогли дешифровать. Так был открыт язык и народ шумеров.

К концу XIX в. появились ассириологические научные школы. Наиболее известное течение – «панвавилонизм», возникший в Германии на рубеже XIX–XX вв. и связанный с протестантской библеистикой. Характерная черта этого направления – преувеличение роли вавилонской цивилизации, в которой его сторонники видели колыбель мировой культуры. Виднейшими представителями этой школы были **Ф. Делич**, **Г. Винклер**, **П. Иензен**, **А. Иеремас**. Из католической среды вышли крупные ассириологи, опровергшие «панвавилонизм», – **Ф. Куглер**, **Л. Даймель** – создатель учебника шумерского языка и свода шумерских идеограмм в нескольких томах, который используется до сих пор. Даймель основал журнал «*Orientalia*» – одно из важнейших ассириологических изданий мира, дающее полную библиографию работ по ассириологии, включая российские.

Новый материал появился после раскопок, предпринятых европейскими учеными в конце XIX – начале XX в.: английские археологи, прежде всего **Л. Вулли**, копали шумерские города Ур, Урук, Эреду, Ларсу; французские – Лагаш; немецкая экспедиция **Р. Кольдевея** в 1899–1917 гг. раскопала Вавилон, немецкая экспедиция **В. Андре** в 1903–1914 гг. – ассирийскую священную столицу Ашшур. Наконец, в 1930-х гг. американская экспедиция открыла крупнейший аккадский центр на Дияле – Эшнунну, а французская экспедиция **А. Парро** – крупнейший центр аккадцев на Среднем Евфрате Мари. В Мари было обнаружено множество древних текстов. В результате во 2-й четверти – середине XX в. была реконструирована основная канва истории древней Месопотамии (отметим в первую очередь работы А. Л. Оппенгейма, Б. Ландсбергера, А. Фалькенштейна и А. Олмстэда).

Становление ассириологии в России произошло в середине XIX в., в немалой степени благодаря замечательному востоковеду и журналисту **О. И. Сенковскому** («Барону Брамбеусу»), по горячим следам знакомившему русскую читающую публику с достижениями ассириологов. Первыми русскими ассириологами по праву можно считать профессиональных египтологов – **В. С. Голенищева** (1856–1947) и **Б. А. Тураева** (1868–1920). В 1891 г. В. С. Голенищев издал так называемые каппадокийские таблички – документы ассирийской торговой колонии в малоазиатском городе Канише. Подлинным отцом русской ассириологии стал **М. В. Никольский** (1848–1917). Преподавать аккадский язык в России первым начал петербургский профессор-семитолог **П. К. Коковцов** (1861–1942).

Основоположником современной академической традиции отечественной ассириологии является **В. К. Шилейко** (1891–1930), знаток аккадского языка и литературы, шумеролог и поэт-переводчик. Его ученик **А. П. Рифтин** (1900–1944) восстановил преподавание ассириологии в Ленинграде в 1933 г. Он и его последователи создали научную базу современной отечественной ассириологии, подлинным корифеем которой стал **И. М. Дьяконов** (1915–1999), чьи работы имеют фундаментальное значение и для отечественной, и для мировой науки. Среди других крупных российских ассириологов последних десятилетий необходимо назвать прежде всего **В. К. Афанасьеву**, **М. А. Дандамаеву**, **И. С. Ключкову**, **Н. В. Козыреву**, **В. Я. Якобсона**, **Н. Т. Каневу**, **С. С. Соловьеву**. Важными открытиями обогатили науку экспедиции отечественных археологов **Н. Я. Мерперта** и **Р. М. Мунчаева** в Северной Месопотамии.

Ассириология, зародившись во Франции и Англии, ныне распространена во всех развитых странах мира и, естественно, в самом Ираке, где издается журнал «Sumer», который ведет своеобразную летопись всех археологических находок в Месопотамии. Сейчас в ассириологии ведущими являются германская и американская научные школы. Среди немецких ученых выделяется **В. фон Зоден**, составивший фундаментальные «Аккадский словарь» («Akkadisches Handwörterbuch», 1965–1981) и новую базовую грамматику аккадского языка, сохраняющую свое значение до сих пор («Grundriss der akkadischen Grammatik»). Однако главный центр ассириологии переместился в США. Большое влияние на развитие американской ассириологической школы оказал учитель фон Зодена – **Б. Ландсбергер**. Крупнейшими американскими ассириологами были и другие выходцы из Германии и Австрии – **А.-Л. Оппенгейм**, **А. Пибель**, **Т. Якобсен**, **И.-Е. Гельб**, **А. Гетце** и др. А.-Л. Оппенгейм и его ученики издали в Чикаго 30-томный словарь аккадского языка («The Chicago Assyrian Dictionary»); издается и многотомный Пенсильванский словарь шумерского языка. Центры изучения ассириологии существуют почти во всех университетах США. Менее крупные центры есть в Европе – в Англии, Франции, Италии, Чехии и др., а также в Израиле и Ираке.

Несмотря на то что в настоящее время ассириология представляет собой зрелую и динамично развивающуюся науку, она сталкивается со множеством проблем. Одной из практически непреодолимых «объективных» трудностей стал непомерный объем накопившихся данных. Специалисты зачастую не успевают обрабатывать новые материалы.

Это побуждает многих ученых сужать поле своих изысканий. В послевоенную эпоху преобладает тенденция к узкой специализации – шумерский эпос и поэзия, словарные тексты, вавилонская магия или фармакология, искусство. При этом, как правило, берется один конкретный период и регион. Следует отметить предпринятые в последние десятилетия переиздания ассирийских памятников, например многотомное издание «Царские надписи древней Месопотамии».

В методологической сфере среди западных ассириологов господствует филолого-фактологическое направление. В германской и современной российской школах ассириологии пока в общем сохраняет свои позиции позитивистская и традиционная историко-филологическая методология, с которой и связаны все важнейшие достижения ассириологов.

Характер дискуссий в ассириологии в некоторой мере отличается от тех, что ведутся в египтологии или антиковедении: ассириологи гораздо меньше занимаются общеконцептуальными или теоретическими вопросами (наподобие характера египетского «благочестия» или проблем становления и природы полиса). Это и придает ассириологии тот «сухофактографический» оттенок, о котором говорилось выше. В свою очередь, такое положение дел определяется спецификой источников по истории Месопотамии.

Периодизация

История Месопотамии делится на так называемые доисторические и исторические эпохи.

Доисторические эпохи : Убейд (VI–IV тыс. до н. э.), Урук (IV тыс. до н. э.), Джемдет-Наср (рубеж IV–III тыс. до н. э.). *Исторические эпохи* : Раннединастический период (XXX–XXIV вв. до н. э.); эпоха первых деспотий – Аккадской и Урской (XXIV–XXI вв. до н. э.); Старовавилонский – Староассирийский (XX–XVI вв. до н. э.), Средневавилонский – Среднеассирийский (XVI/XV–XII/XI вв. до н. э.) и Нововавилонский – Новоассирийский (XI/X–VII/VI вв. до н. э.) периоды, с некоторыми несовпадениями в границах периодов для Вавилонии и Ассирии; наконец, Младовавилонский период (VI/V в. до н. э. – рубеж эр), когда Месопотамия входила в состав иноземных империй.

Время от первого заселения Нижней Месопотамии и до начала IV тыс. до н. э. выделяется сейчас как период становления и развития *убейдской археологической культуры* (названа так она по поселению эль-Убейд в Ираке, где были когда-то раскопаны характерные для этой культуры памятники). Она охватывала и юг, и север Месопотамии, и ее восточные окраины. Носители убейдской культуры строили города и храмы, и единственное, чего им не хватило для того, чтобы современная наука признала убейдскую культуру первой месопотамской цивилизацией, – это создания письменности.

Большая часть IV тыс. до н. э. – эпоха *культуры Урук* (характерные для нее памятники были обнаружены в соответствующих слоях городища Урук), отличающейся от убейдской культуры и керамикой, и характером погребений. Кроме того, к этому времени относятся первые памятники месопотамской письменности – глиняные хозяйственные документы. Они дают представление о наиболее ранней, пиктографической (рисуночной) стадии развития шумерского языка. Архив этих документов найден на самом городище Урук.

Таким образом, носители культуры Урук были шумерами. Но кем были носители предшествующей, убейдской культуры? Многие авторы считают, что и это были шумеры. Однако, во-первых, появление новых керамических стилей, и особенно изменение характера погребений, обычно связано с приходом нового этноса. Во-вторых, в шумерском языке обнаружены заимствования из какого-то более древнего языка: это некоторые термины ремесла и некоторые имена (в том числе имена богов), получившие названия «банановых», так как по структуре они напоминают английское слово banana. Таковы, например, имена богов Алалу, Кубаба, Забаба и др. «Банановые» имена были распространены у людей, живших к северу от Шумера, в стране, именованной Субар (где тоже была распространена

убейдская культура), а богов с «банановыми» именами почитали потом во всей Передней Азии как самых древних. Наконец, сами шумеры считали, что их история началась некогда с двух общин – Эреду (город, который шумеры считали своим древнейшим поселением) и Субар.

Из всего этого следует, что убейдская культура принадлежала особому народу, который говорил на «банановом» языке и являлся предшественником шумеров в Нижней Месопотамии. Шумеры же появились здесь лишь в начале IV тыс. до н. э. и, смешавшись с местным населением, ассимилировали его. В результате в Нижней Месопотамии началась эпоха Урук – первая эпоха шумерской истории, а к северу от нее продолжали жить «банановые» племена. Шумеры называли их северный край Субар, а их самих – людьми субар. Поскольку шумеры сохранили память о том, что их история в Месопотамии началась со смешения с «банановым» народом, они и рисовали эту историю как плод симбиоза собственно шумерского Эреду и Субара.

После эпохи Урук археологи выделяют эпоху *Джемдет-Наср* – конец IV тыс. до н. э. (по названию городища, где обнаружен более поздний архив эпохи). Иногда эпохи Урук и Джемдет-Наср объединяют в «Протописьменный период».

С переходом от пиктографии к полноценной системе словесно-слоговой письменности начинается следующий, *Раннединастический период* истории Месопотамии (XXX–XXIV вв. до н. э.). Это было время существования шумерских городов-государств. Именно в Раннединастический период в Нижней Месопотамии появились восточные семиты – аккадцы. Как и когда они обосновались здесь, мы достоверно не знаем; по этому поводу существует множество гипотез. Археологи подразделяют Раннединастический период на три этапа (нач. III тыс. до н. э., 2-я четв. III тыс. до н. э. и сер. – 3-я четв. III тыс. до н. э.). На рубеже первого и второго этапов произошло грандиозное наводнение, навеки оставшееся в памяти месопотамцев как «великий потоп» (ок. 2900 г. до н. э.).

В конце XXIV в. до н. э. всю Нижнюю Месопотамию впервые удалось объединить в централизованную империю с неограниченной властью царя – *деспотию*. Эта империя была создана династией Аккада (XXIV–XXII вв. до н. э.) и восстановлена так называемой III династией Ура (кон. XXII–XXI в. до н. э.). Держава Ура пала около 2003 г. до н. э. под натиском новых семитских кочевников – амореев. Политику III династии Ура пыталась продолжать I династия Иссина (2017–1794 гг. до н. э.), однако большая часть страны вскоре вышла из-под ее контроля, и Месопотамия распалась на множество царств. Времена правления «имперских» династий Аккада и Ура исследователи объединяют в период первых централизованных деспотий в Двуречье (ок. 2316–2003 гг. до н. э.).

Новое объединение Месопотамии осуществил лишь к середине XVIII в. до н. э. знаменитый вавилонский царь Хаммурапи, происходивший из аморейской династии. Время правления этой династии в Вавилоне рассматривается как особый *Старовавилонский период* в истории Месопотамии (1895–1595 гг. до н. э.). Затем власть над Вавилонией перешла к династии из пришлого народа горцев-касситов. Время правления касситской династии образует следующий, *Средневавилонский период* (ок. 1595–1150 гг. до н. э.). Касситскую династию низвергло нашествие других горцев – эламитов, жителей Юго-Западного Ирана, и дальнейшие события с конца II тыс. до н. э. до персидской аннексии Вавилонии в 539 г. до н. э. ученые рассматривают как *Нововавилонский период*. Стоит отметить, что крайний юг Нижней Месопотамии, заселенный потомками аккадизированных шумеров, нередко обособлялся от властей, сидящих в Вавилоне (в частности, при так называемой династии Приморья, 1722 г. до н. э. – ок. 1460 г. до н. э.).

Во время правления касситской династии в Вавилоне в XIV в. до н. э. город-государство Ашшур, лежавшее на крайней северной периферии шумеро-аккадского ареала, подчинило себе обширные окрестные территории и превратилось в могущественную Ассирийскую державу. Дальнейшую историю этого царства, вплоть до его уничтожения Вавилоном и его союзниками в конце VII в. до н. э., делят на *Среднеассирийский* и *Новоассирийский периоды*, гранью между которыми служит нашествие на Месопотамию

очередной волны семитских кочевников – арамеев, состоявшееся на рубеже XI–X вв. до н. э. При этом Среднеассирийский период условно ведут с рубежа XVI–XV вв. до н. э., а предыдущие времена не менее условно объединяются в *Староассирийский период* (XX–XVI вв. до н. э.).

Глава 9 **Территория и население**

Географическое положение и природные условия

Словом «Месопотамия» (Междуречье) древние греки обозначали земли, лежавшие между Тигром и Евфратом. На деле, однако, Тигр и Евфрат являются не границами этого края в точном смысле слова, а скорее главными ориентирами, к которым тяготеют его настоящие границы. Используя наименование «Месопотамия», античные авторы хотели подчеркнуть то, что подавляющая часть этой территории лежит между двумя реками. Месопотамия – это плоская равнина в бассейне Тигра и Евфрата, раскинувшаяся на северо-запад от Персидского залива до Верхнего Евфрата и гор Восточной Анатолии. Сейчас территория Месопотамии в основном входит в состав Ирака. Весь этот обширный регион делился на Нижнюю и Верхнюю Месопотамию.

В Верхней (Северной) Месопотамии Тигр и Евфрат далеко отстоят друг от друга. Нижняя (Южная) Месопотамия лежала в нижнем течении Тигра и Евфрата, где эти реки текли близко друг к другу. Сейчас Тигр и Евфрат при впадении в Персидский залив сливаются в единую реку Шатт-эль-Араб; в древности они имели отдельные устья. Евфрат в пределах Нижней Месопотамии разделялся на несколько рукавов; их долины были полностью заселены.

Нижнюю Месопотамию в древности именовали Шумером и, в свою очередь, делили на южную и северную часть. Юг Нижней Месопотамии именовался Приморьем, или Шумером в узком смысле слова, а север первоначально называли Ки-Ури, а позднее – Аккад (по названию города Аккад, столицы Месопотамии в конце III тыс. до н. э.). Отсюда и название Нижней Месопотамии в целом, закрепившееся с конца III тыс. до н. э., – «Шумер и Аккад». Еще позже Нижнюю Месопотамию стали называть Вавилонией, по ее новому главному центру – Вавилону.

К середине I тыс. до н. э. Нижняя Месопотамия стала именоваться Вавилонией, а Верхняя – Ассирией. Оба этих названия употребляли и греческие ученые, но при этом Ассирией они часто называли и земли, лежащие к западу от Евфрата до Средиземного моря. Внутри территории этой «расширенной» Ассирии географам необходимо было различать часть, лежащую к западу от Евфрата, и часть, лежащую к востоку от него. Первую из указанных частей греческие географы стали называть Сирией (редуцированный вариант названия Ассирия), а вторую – Месопотамией.

Таким образом, первоначально название Месопотамия относилось только к Верхней Месопотамии. Кроме того, в древнееврейском языке существовало название Нахараим, дословно – «Страна двух рек» (русский синоним – Двуречье). Так древние евреи называли Верхнюю Месопотамию. Греческое «Месопотамия» (Междуречье) соответствовало библейскому «Нахараим» (Двуречье). Наконец, в начале нашей эры римские географы распространили название Месопотамия и на Вавилонию (Нижнюю Месопотамию). Так возникло современное географическое понятие «Месопотамия».

Двусмысленность названия Месопотамия и его аналогов сказывается иногда по сей день. Например, там, где в Библии встречается наименование Нахараим, на европейские языки его переводят как Месопотамия, хотя в Библии Нахараимом называется только Верхняя Месопотамия, а название Месопотамия в современных европейских языках означает и Верхнюю Месопотамию, и Нижнюю. Аналогично современное русское название Двуречье,

являясь калькой с древнееврейского «На-хараим», тоже относится ко всей Месопотамии, а не только к Верхней.

Ученые XIX–XX вв. считали, что Персидский залив в древности вдавался в береговую линию гораздо севернее, чем сейчас. Эту точку зрения отражает большинство карт и атласов Древнего Востока. Действительно, шумерские Ур и Эреду, сейчас далеко отстоящие от моря, в древности были портовыми городами, в которых разгружались морские суда. Однако геологи выяснили, что на деле границы самого залива с древности и по сей день практически не менялись, и только устье рек Тигра и Евфрата было весьма широким и проходило так, что до речных пристаней в Уре и Эреду могли легко подниматься корабли из Персидского залива. Кроме того, впадина, расположенная близ Эреду, по-видимому, являлась в древности озером, соединявшимся со старым руслом Евфрата системой каналов. Это же русло могло подходить и к Уру.

Район свободно сообщавшихся с Персидским заливом болотистых лиманов Тигра и Евфрата и соединявшихся с ними лагун назывался в древности «Горькое море». Сейчас после аридизации и подъема почвы, вызванного намыванием ила обеими реками, этот район и есть долина Шатт-эль-Араба.

Географически Месопотамия представляет собой широкую неглубокую впадину, ограниченную Аравийским плато, возвышенностями Сирии и горными хребтами – Армянским Тавром и Загросом. Основные очаги развития цивилизации располагались в Нижней Месопотамии, которая была самой благоприятной для земледелия частью всего Плодородного Полумесяца, но бедной минеральными ресурсами и древесиной. К тому же масштабная ирригация, которую месопотамцы стремились по возможности развивать и без которой земледелие здесь изначально было невозможным, приводила к быстрому засолению почв и падению урожайности. В конце концов засоление почв и аридизация климата привели к запустению Южной Месопотамии и ее крупнейшего центра – Вавилона.

Древняя Месопотамия

Территория Верхней Месопотамии представляла собой холмистую степь, местами переходящую в невысокие горы. На востоке Верхней Месопотамии была расположена Ассирия (это название употреблялось греческими авторами и принято в науке для обозначения области с центром в древнем городе Ашшур на Среднем Тигре).

Одна из главных особенностей геополитической карты Месопотамии – два ее постоянных «фронта»: на севере – северо-востоке – востоке от нее (где равнинные жители Месопотамии взаимодействовали с горцами – почти всегда враждебно) и на границе с Аравийским плато (откуда в Месопотамию волна за волной вторгались кочевники).

Крайняя бедность Месопотамии минеральными ресурсами, включая металлы, и деревом с ранних пор стимулировала развитие внешнеторговой и военной экспансии. Месопотамцы вывозили ткани, зерно и ремесленные изделия, а сами отправлялись торговые и военные экспедиции за лесом, металлами и рабами.

Необходимость компенсировать недостаток природных ресурсов вынуждала месопотамских владык получать соответствующее сырье и изделия в виде дани с горной периферии на севере и востоке, а также устанавливать контроль над основными торговыми путями, выводящими на запад, к Средиземному морю. С середины III тыс. до н. э. и до конца существования независимой месопотамской государственности правители Месопотамии систематически совершали с этими целями военные походы к Средиземному морю и в горные районы Западного Ирана.

Население

Древнейшим из обычно упоминающихся цивилизованных народов Месопотамии,

бесспорными создателями месопотамской письменности были *шумеры*, заселившие Нижнюю Месопотамию в начале IV тыс. до н. э. На исходе IV тыс. до н. э. в Месопотамию переселилась из Северной Аравии особая ветвь семитов – так называемые восточные семиты, получившие в науке название «*аккадцы*». Одна группа восточных семитов расселилась на севере территории, занятой шумерами (шумерское название этой области – Ки-Ури), а другая группа осела на Среднем Тигре. От первой группы восточных семитов, смешавшейся с шумерами и в конце концов ассимилировавшей их, происходит народ *вавилонян*, от второй – *ассирийцы*. Вавилонский и ассирийский языки – разные диалекты восточноеврейского (аккадского) языка, на рубеже III–II тыс. до н. э. обособившиеся друг от друга.

В конце III тыс. до н. э. в Нижней Месопотамии возникла великая держава, охватившая всю Месопотамию. Ее столицей был город Аккад, находившийся в области Ки-Ури. В этот период впервые в официальных надписях стал употребляться наряду с шумерским языком и восточноеврейский. В результате восточноеврейский язык в Месопотамии начали называть аккадским, а современные ученые именуют аккадцами его носителей.

Шумеро-аккадоязычное население Нижней Месопотамии (предки вавилонян) и аккадоязычное население Среднего Тигра (предки ассирийцев) осознавали себя как единый двуязычный суперэтнос. Люди этого суперэтнуса имели даже общее самоназвание: и на шумерском, и на аккадском языке они определяли себя как «*черноголовые*» (по-шумерски – санг-нгига, по-аккадски – цалмат каккади). Этот суперэтнос современные ученые и называют «древними месопотамцами», «носителями месопотамской цивилизации». Общность «черноголовых» выделяла себя не по политическому критерию (они не так уж часто объединялись в границах одной державы), а по цивилизационному. Члены общин и родов, поддерживавших культ шумеро-аккадских божеств и считавших своим главным общинным покровителем одно из них, говорившие на шумерском и аккадском языках и использовавшие шумеро-аккадскую клинопись, относились к «черноголовым». Таким образом, общность «черноголовых» была этнокультурной общностью в современном понимании этого слова.

О том, какую важность придавали месопотамцы своей идентификации «черноголовых», независимо от каких бы то ни было политических границ, ярко свидетельствует пример знаменитых Законов Хаммурапи, правившего всей Месопотамией. Во вступлении к этим Законам Хаммурапи объявляет себя правителем и заступником «черноголовых», после чего перечисляет множество подвластных ему городов. Однако, как выяснилось, этот перечень включает далеко не все города, в действительности входившие в его империю, а только те, которые населяли шумеро-аккадцы, поддерживавшие культы шумеро-аккадских богов, указанных в этом перечне рядом с каждым названным в нем городом. Таким образом, внутри всего круга подвластных ему земель Хаммурапи выделяет шумеро-аккадский этно-ритуальный ареал и только его рассматривает как «свой», а прочие свои владения даже не упоминает.

Общность «черноголовых» прошла долгий исторический путь. На рубеже III–II тыс. до н. э. аккадцы полностью ассимилировали шумеров. Однако бывшее разделение «черноголовых» на аккадцев и шумеров, как и разделение самой Нижней Месопотамии на шумерский юг и аккадский север, не прошли бесследно. Шумерский язык остался для всех «черноголовых» «мертвым» языком учености и ритуала. Нижняя Месопотамия сохранила название «Шумер и Аккад», а потомки жителей шумерского юга Нижней Месопотамии рассматривались теперь как особый народ «приморцев» в составе общности «черноголовых».

Примерно в то же время, как уже говорилось, аккадоязычное население Нижней Месопотамии обособилось по диалекту от аккадоязычных жителей долины Среднего Тигра с центром в Ашшуре. Вскоре это обособление было закреплено политически: Нижняя Месопотамия объединилась вокруг Вавилона, а Ашшур оставался независимым от него. В результате к середине II тыс. до н. э. сами «черноголовые» делили себя на три народа: ассирийцев, аккадцев (вавилонян) и приморцев – потомков шумеров крайнего юга Двуречья,

ассимилированных аккадцами. В следующие несколько веков приморцы полностью слились с вавилонянами, так что в I тыс. до н. э. речь шла уже просто об ассирийцах и вавилонянах. Последние следы былого этнотерриториального различия между шумерским югом и аккадским севером Нижней Месопотамии окончательно стерлись и забылись.

Хотя «черноголовые» выделяли себя в общность не по политическому, а по этнокультурному признаку, позднее они все же выработали особую концепцию, которая оформила их уже сложившееся единство политически и территориально. Окончательно эта концепция сформировалась на исходе III тыс. до н. э. при царях III династии Ура. С этого времени считалось, что шумеро-аккадский ареал образует прочное территориальное единство – страну «Шумер-и-Аккад», которой сами боги предназначили существовать под одной властью, в качестве особого царства.

Отныне, если в Месопотамии наступала политическая раздробленность, это воспринималось как временное бедствие; считалось, что как только боги вернут свою милость стране, она вновь объединится. Войны между разными царствами раздробленной Месопотамии и смена политических центров страны теперь понимались не как обычное противоборство разных государств, а как переход единой государственности царства «Шумер-и-Аккад» от одной династии к другой. С XVIII в. до н. э. и до заката месопотамской цивилизации столицей царства «Шумер-и-Аккад» практически неизменно был Вавилон, поэтому, говоря о событиях середины II–I тыс. до н. э., многие авторы называют это царство Вавилонией.

С XIV в. до н. э. восприятие месопотамцами своей истории было осложнено тем, что на северном рубеже «Шумера-и-Аккада» (Вавилонии) появилась Ассирийская держава: город-государство Ашшур объединил под своей властью обширные территории Верхней Месопотамии, превратившись таким образом в столицу нового могучего царства. Ассирия определяла себя как особое, отдельное от «Шумера-и-Аккада» геополитическое целое, но желала объединения с ним под эгидой ассирийских царей.

Не прекращавшиеся в течение многих столетий ассиро-вавилонские войны, вызванные этими претензиями, не привели к сколько-нибудь прочным результатам и закончились лишь с гибелью Ассирии. За это время ассирийцы перепробовали множество способов удержать Вавилонию под своей властью – от прямой аннексии до создания особого автономного Вавилонского царства в составе Ассирийской державы (престол его обычно предоставлялся одному из ассирийских царевичей), но так и не смогли добиться покорности вавилонян. В конце концов Вавилония, восстав против Ассирии, уничтожила ее (кон. VII в. до н. э.) и некоторое время была единственным государством «черноголовых». В 539 г. до н. э. в результате персидского завоевания Месопотамия стала частью Персидской империи.

Этнокультурная общность «черноголовых», утратив свою независимую государственность, продолжала существовать еще несколько веков. Ее история завершилась арамейской ассимиляцией «черноголовых». *Арамеи* (древние «сирийцы», как их называли греки; не путать с современными сирийцами-арабами) – один из крупнейших семитских народов античного Востока, расселившийся в Месопотамии еще в начале I тыс. до н. э. С гибелью Ассирии значительная часть общности ассирийцев была уничтожена, а оставшаяся стала стремительно арамеизироваться. После персидской аннексии Вавилонии ее аккадо-язычное население также довольно быстро ассимилировалось арамеями, утратив свой былой язык, письменность и многие культурные ценности. Уже к концу I тыс. до н. э. лишь часть населения крупнейших городов говорила по-аккадски и совершала шумеро-аккадские ритуалы. Около рубежа эр и она арамеизировалась. Оба ее языка, шумерский и аккадский, а также ее письменность (клинопись) окончательно вышли из употребления. Так завершилась история народа «черноголовых» и цивилизации древней Месопотамии.

Глава 10

Месопотамия общин и городов-государств

Источники по истории Месопотамии до XXIV в. до н. э. можно разделить на три категории:

1) *памятники материальной культуры*, открытые при раскопках;

2) *письменные источники*, составленные на исходе указанной эпохи или еще позже и *фиксирующие исторические, литературно-исторические и мифологические представления*, которые имели хождение у месопотамцев (например, «Шумерский царский список» XXI в. до н. э., предлагающий сводную схему династической истории всех предшествующих периодов; литературные шумероязычные композиции о полусказочных деяниях шумерских правителей III тыс. до н. э. – так называемые шумерские «былины», прежде всего о правителях Урука Эн-Меркаре и Гильгамеше; шумерские ритуальные тексты, записанные в основном на исходе III – в начале II тыс. до н. э.);

3) *письменные источники, непосредственно отражающие события рассматриваемого времени*, – хозяйственные архивы IV тыс. до н. э. из Урука и Джемдет-Насра, хозяйственно-административные архивы XXVI в. до н. э. из Шуруппака, более позднего времени из Лагаша и др., бесчисленные хозяйственно-административные документы III династии Ура, надписи шумерских, аккадских и урских царей. Среди них особо надо отметить «Стелу коршунов» царя Эаннатума из Лагаша (ок. 2450 г. до н. э.), сообщающую о войнах и договорах с соседним государством Уммой, надпись Уруинимгины из того же Лагаша (ок. 2320 г. до н. э.) о социальном кризисе и проведенных им реформах, письма последнего царя III династии Ура Ибби-Суэна, Судебник основателя той же династии Ур-Намму (ок. 2100 г. до н. э.) и др.

К сожалению, период до середины III тыс. до н. э. практически вовсе не освещен источниками третьей категории и очень скупо освещен источниками второй категории, так что реконструировать события этого периода приходится почти исключительно по археологическому и языковому материалу. Между тем именно в этот темный для нас период и зародилась шумеро-аккадская цивилизация! В частности, до сих пор нельзя с полной уверенностью судить ни о том, как и когда в Месопотамии появились шумеры, ни о том, как и когда в ней появились аккадцы (заведомо шумерской была культура Урук, а присутствие аккадцев в Месопотамии фиксируется по первым же сохранившимся архивам и царским надписям Раннединастического периода, т. е. в XXVI в. до н. э., но что было с шумерами и аккадцами еще ранее, точно неизвестно).

Заселение Месопотамии. Убейдцы-субареи

В низовья Тигра и Евфрата человек проник довольно поздно – в эпоху развитого неолита, в VI тыс. до н. э. Первым населением Южного Двуречья были, как мы уже видели, *субареи* – выходцы с северо-востока, от предгорьев Загросского хребта. К концу VI тыс. до н. э. они освоили болотистый край вплоть до «Горького моря» и построили здесь древнейшие известные нам огражденные поселения Месопотамии – протогорода.

Нижнемесопотамские субареи создали особую, так называемую убейдскую, археологическую культуру, существовавшую в V – начале IV тыс. до н. э. («убейдское тысячелетие»). Они знали металлургию меди, и соответствующие термины были позднее переняты у убейдцев шумерами. Убейдская культура распространилась, по мере расселения субареев, на огромном пространстве от Центрального Загроса через Верхнюю Месопотамию и Сирию к Средиземному морю, а также на СевероВосточную Аравию, включая Бахрейн. Вся эта территория вместе с Нижней Месопотамией составила относительно однородную этнокультурную ойкумену субареев – носителей убейдской культуры и «бананового языка», о котором говорилось выше.

Убейдцы изготавливали первые из известных нам, хотя еще очень примитивные,

доспехи (они представляли собой кожаные перевязи с нашитыми на них медными бляхами), а их вожди или жрецы носили странные островерхие шлемы или маски, закрывающие все лицо и имитирующие морды рептилий, с удлинненным, полого уходящим назад навершием. Несмотря на успехи в развитии ремесел и строительстве храмов, ни большого процветания, ни большого могущества убейдцы не добились, поскольку не умели проводить крупномасштабные ирригационные работы. Без ирригации в Месопотамии нельзя было получить большие урожаи, а без них – достичь такого уровня хозяйства и накопления запасов, который позволил бы ускоренно развивать культуру, содержать властную верхушку и требовал появления письма для хозяйственного учета. В результате убейдцы так и не вышли за рамки первобытно-общинного строя. В то же время убейдские представления о богах оказались очень авторитетными на Ближнем Востоке: божества с «банановыми» именами продолжали почитаться в Передней Азии вплоть до античных времен.

«Шумерская загадка» и ниппурский союз

С расселением в начале IV тыс. до н. э. на территории Нижней Месопотамии пришельцев-шумеров археологическая культура Убейд сменилась здесь культурой Урук. Судя по позднейшим воспоминаниям шумеров, первоначальным центром их поселения здесь был город Эреду, т. е. район в самом низовье Евфрата. Тогда это было далеко не самым выгодным из мест обитания на юге Двуречья.

Шумеры не вытеснили нижнемесопотамских убейдцев, а смешались с ними и ассимилировали их, переняв многие ремесла и искусства. Свидетельство тому – нешумерские термины соответствующего значения, перешедшие в шумерский язык. Городские поселения и храмовые здания периода Урук продолжают постройки предыдущей убейдской эпохи, так что приход шумеров был мирным.

Одна из традиционных загадок востоковедения – вопрос о прародине шумеров. Он не разрешен до сих пор, так как язык шумеров пока не удалось надежно связать ни с одной из известных ныне языковых групп. Параллели искали даже среди тибето-бирманских и полинезийских языков – причем при всей кажущейся фантастичности последней версии она лучше других подкреплена языковым материалом.

Существует шумерский миф о происхождении всего человечества с острова Дильмун (современный Бахрейн). Согласно этому мифу, здесь «в начале времен» было нечто вроде библейского рая и жили первопредки всех живых существ, включая людей. Одно время ученые хотели видеть в этом мифе след глухих воспоминаний шумеров о том, что они переселились в Месопотамию из региона Бахрейна. Однако более тщательный анализ показал, что оснований для такой интерпретации нет: шумерская мифология видит в Дильмуне прародину всех живых существ, а не только шумеров, и этот сюжет принадлежит к числу общих космогонических мифов о начале мира и времени, а не к собственно шумерским историческим воспоминаниям об их появлении в Месопотамии.

Более надежные сведения дают нам шумерские тексты III тыс. до н. э., повествующие о контактах Шумера с далекой центральноиранской страной Аратта (район современного города Йезда). Эти тексты свидетельствуют, что в Аратте почитали шумерских богов и носили шумерские имена, а может быть, и говорили по-шумерски. Не здесь ли нужно искать след переселения шумеров в Месопотамию с востока, через Иран? Тогда одним из районов оседания шумероязычного населения на этом пути и явилась бы Аратта. Это предположение возвращает нас к старым гипотезам ученых конца XIX в., которые считали версию об «иранском» маршруте шумеров наиболее вероятной.

Формирование шумерской общности на территории Нижней Месопотамии ограничило субарейскую ойкумену полосой земель вдоль Верхнего Тигра, Северного и Центрального

Загроса. Все это обширное пространство и именовалось впоследствии «страной Субар» (аккад. «Субарту», «Шубарту»). После бурных политических и военных потрясений на рубеже III–II тыс. до н. э. местных субареев ассимилировали их северо-восточные соседи, горцы-хурриты. На них с тех пор и перешло в месопотамских источниках название «субареи» или «шубареи».

Шумеры эпохи Урук объединялись в большой общинно-племенной союз, охватывавший почти всю Нижнюю Месопотамию. Центром союза был Ниппур (современная деревня Ниффер, Ирак) – протогород, лежавший как раз в срединной части Нижней Месопотамии. В Ниппуре поддерживался культ верховного общешумерского бога Энлиля («Владыка воздуха» или по-шумерски «дыхания») – главный культ всего союза, скреплявший его воедино.

Каждая отдельная община или группа общин, входившая в союз, занимала небольшой участок бассейна Южного Двуречья с центром в относительно более крупном городском поселении, к которому тяготели ближайшие мелкие пункты. Их жители входили в одно общинное образование с обитателями центрального поселения. Такие общинно-территориальные объединения в науке принято называть *номами* (гр. ном – область, административно-территориальная единица). Именно в центральном поселении располагалось главное «учреждение» всего нома – храм главного бога-покровителя. В каждом номе эту роль исполняло одно из божеств шумерского пантеона, включавшего и вошедших туда субарейских богов. При храме существовало хранилище номовых запасов зерна и ремесленных изделий. Здесь же собирались общинники и жили представители номовой верхушки – старейшины и вожди. Храмы отправляли особых торговых агентов общины – *тамкаров* – в чужеземные страны, вести внешнюю торговлю, обменивая часть общинных запасов на металлы и лес, а заодно и на рабов.

О единстве и могуществе шумерского союза можно судить по яркому факту так называемой *колониальной экспансии шумеров* в эпоху Урук. В середине – 2-й половине IV тыс. до н. э. однотипные шумерские колонии появились на территории чужеземных племен в долине Верхнего – Среднего Евфрата и в Юго-Западном Иране (в Сузах), на огромных по тому времени пространствах, и служили там военными и торговыми центрами шумеров. Как видно, по следам тамкаров приходили воины. Создание и защита таких колоний на дальних расстояниях от Шумера был бы совершенно непосильным делом для отдельных первобытных общин и даже для их примитивных союзов. Это требовало наличия всешумерского политического единства и самостоятельной политической верхушки, уже отделившейся от рядовых общинников и располагавшей немалой властной мощью.

И действительно, судя по погребениям, в эпоху Урук у шумеров уже выделилась властная и богатая правящая элита. Появились и рабы из числа военнопленных или купленных в чужеземных краях. Наконец, возникла развитая пиктографическая письменность, служившая прежде всего целям хозяйственного учета; ее документы обнаружены и в шумерских колониях. Все это стало возможным и необходимым только благодаря хозяйственному расцвету государства шумеров в эпоху Урук, основанному на впервые осуществленной тогда высокоразвитой ирригации.

Как видно, шумерское объединение этого времени представляло собой могучее образование, сравнимое по уровню государственного развития с ранними центральноамериканскими державами, основанными племенными союзами (ацтекская и др.). Внутренней эксплуатации в шумерских общинах практически не было. Ирригационными работами занимались по повинности свободные общинники; организовывала эти работы номовая верхушка, что, разумеется, укрепляло ее влияние и полномочия в той самой мере, в какой росли масштабы и значение ирригации. Верхушка номовой общины (главный судья, старшая жрица, старшина торговых агентов-тамкаров и особенно верховный жрец-прорицатель) наделялась куда большими участками земли, чем рядовые общинники, и была освобождена от любых общинных работ, так как ее работой считалось руководство общиной и осуществление ритуалов. Именно верховный жрец – *эн* (досл. «господин»)

руководил службой в храме, храмострои-тельством, считался главой общинного самоуправления в номе и совета старейшин общины. Храмовый персонал состоял не только из жрецов, но также из ремесленников и воинов. Всех их содержала община, а командовал ими эн. С течением времени эны стали наследственными правителями.

На пути к шумеро-аккадскому симбиозу

События, последовавшие за эпохой Урук, до сих пор не вполне ясны. В конце IV тыс. до н. э. шумерские колонии внезапно перестали функционировать – шумеры потеряли свои внешние владения, и наступила новая археологическая фаза – Джемдет-Наср. На ее исходе, т. е. около рубежа IV–III тыс. до н. э., шумеры научились выплавлять бронзу и перешли от пиктографии к полноценной словесно-слоговой письменности. С этого времени начинается *Раннединастический период*, первый этап которого завершился около 2900 г. до н. э. гигантским наводнением. Месопотамцы навсегда запомнили его как важнейшую веху своей древнейшей истории – «всемирный потоп».

Сводная версия истории Месопотамии, составленная почти тысячелетие спустя, так описывает возникновение государственности в этом регионе. Впервые государственность (шумер. *царственность*) была дана шумерам самими богами, которые для этого изначально избрали город Эреду. Позднее царственность перешла к другим центрам, в том числе Шуруппаку. Затем боги решили уничтожить всех людей, наслав на землю чудовищное наводнение – великий потоп. Характерная черта: согласно месопотамской традиции, это было не карой за какую-либо вину, а делом чистой прихоти – «богов великих потоп устроить побудило их сердце». Лишь добрый бог Энки – владыка пресных подземных вод, хранитель благодетельной мудрости и наставник людей – решил спасти хотя бы одного человека. Он избрал праведника Зиусудру, правителя Шуруппака, открыл ему будущее и посоветовал построить ковчег и спастись в нем. Шестидневное наводнение уничтожило всех людей, кроме Зиусудры, – «все человечество стало глиной». Зиусудра в своем ковчеге причалил к высокой горе, и от него пошел новый человеческий род. В конце концов благой Эа даровал Зиусудре – единственному среди всех людей мира – бессмертие во плоти. После потопа боги вновь вручили царственность людям Нижней Месопотамии. На этот раз ее первым центром стал Киш, а потом она переходила к другим шумерским городам.

Итак, шумерская традиция четко выделяет две фазы истории страны: до некоего потопа и после него, когда история Месопотамии как бы получает второе начало. Шумерские династийные списки отражают те же события: они включают как допотопные, так и послепотопные династии разных городов, отмечая потоп как рубеж между ними. При этом правление послепотопных династий доводится в списках до бесспорно исторических и надежно датированных событий, что позволяет исследователям рассчитать то время, на которое, по мнению шумеров, приходился потоп.

Правда, в шумерских списках десятки послепотопных царей получают, из уважения к их древности, фантастические сроки правления – по несколько тысяч лет. Но, пересчитывая их сообразно реальной продолжительности царских правлений и уточняя эти расчеты синхронизмами одних царей с другими, можно получить довольно точную датировку потопа как вехи месопотамской династийной истории – он произошел примерно в XXX в. до н. э. С другой стороны, приблизительно на это же время приходится грань первого и второго этапов Раннединастического периода, когда, как известно со времен раскопок Л. Вулли в Ираке (нач. XX в.), Нижнюю Месопотамию постигло невиданное наводнение.

Крупное наводнение археологически отражается в виде разделяющего жилые слои слоя глины, образовавшегося из отложенного водным разливом ила. Такие слои, достигающие особенной толщины, обнаружены сразу в нескольких месопотамских городах на глубине, соответствующей началу III тыс. до н. э. Речь идет, таким образом, об особенно мощном наводнении, затронувшем большую часть Нижней Месопотамии; это и есть «потоп», помещаемый примерно на то же время шумерскими списками царей. «Допотопная эпоха»

этих списков отвечает, таким образом, первому этапу Раннединастического периода, а послепотопная – следующим. При этом обе эпохи, согласно шумерской традиции, оказываются эпохами раздробленности, перехода гегемонии от одного центра к другому. Иными словами, о былом могуществе Ниппурского общинного союза шумеры ничего не помнили и начинали отсчет своей древнейшей, «допотопной» эпохи с более позднего времени, когда этот союз уже распался!

С другой стороны, первые же «послепотопные» письменные источники, доступные нам (2-я четв. III тыс. до н. э.), действительно рисуют Шумер раздробленным на множество независимых номовых государств и при этом свидетельствуют о повсеместном присутствии рядом с шумерами нового, восточноеврейского этноса. Его представители входили в те же общины и государства, что и шумеры, и вместе с ними поддерживали культы шумерских божеств, которых они отождествили с собственными, восточноеврейскими (так что многие из этих божеств получили в итоге двойное имя – шумерское и аккадское). Никакого противопоставления шумеров и аккадцев как одного, аборигенного, народа другому, пришлому, в этих письменных источниках уже нет – очевидно, аккадцы пришли в страну задолго до их составления.

Исходя из этого можно сделать вывод, что былой общинный союз шумеров эпохи Урук утратил свои внешние владения, а потом и вовсе распался под напором расселения восточных семитов – аккадцев из Северной Аравии. На поселениях эпохи Джемдет-Наср нередко встречаются следы военных разрушений. Наступившая фаза раздробленности соответствует первому этапу Раннединастического периода – «допотопному времени», самой древней эпохе, удержавшейся в исторической памяти шумеров; тогда-то и начал осуществляться *шумеро-аккадский симбиоз*. Этот этап подытожило великое наводнение – шумерский «потоп», после которого семиты и шумеры уже безоговорочно сосуществуют как симбиоты. В самом деле, поднимать после катастрофы страну им приходилось вместе. Восточные семиты усвоили более высокую шумерскую культуру, включая письменность, и к середине III тыс. до н. э. образовали с шумерами ту самую двуединую и двуязычную этническую общность «черноголовых», о которой говорилось выше. Почти все цари месопотамских городов-государств III тыс. до н. э. принадлежали к этнически шумерским династиям, а значительные и официальные тексты составлялись именно на шумерском языке.

Месопотамская письменность

В эпохи Урук и Джемдет-Наср основным способом письма месопотамцев была *пиктография*, созданная шумерами. Пиктография с помощью рисунков фиксировала информацию. Содержание таких рисунков можно было передавать различными речевыми конструкциями, пересказывать разными словами без изменения смысла, поскольку они отражали не конкретные слова, а определенный смысл. Шумерское рисуночное письмо было совершенно одинаковым в северных и южных районах Нижней Месопотамии. Это значит, что его разработали в одном центре, столь авторитетном, что разные месопотамские общины заимствовали его оттуда в неизменной форме. Этим центром был, разумеется, Ниппур – столица всешумерского общинно-культового союза эпохи Урук. Можно предположить, что шумерская пиктография была оформлена в ниппурском храме Энлиля в ходе целенаправленной работы по созданию новых методов хозяйственного учета и руководства.

Каждая пиктограмма обозначала предмет либо некое понятие: так, зачерненный небосвод мог обозначать и ночь, и темноту, и болезнь, а гора – и гору, и чужеземную страну, и раба, как выходца из чужеземной страны. Через некоторое время такие пиктограммы стали использовать для «ребусного» письма – например, изображение тростника (шумер. ги) стало обозначать слово «возвращать» (по-шумерски тоже ги, но с другой интонацией). Кроме того, любой знак, изображавший какой-то предмет, мог передавать слог или группу слогов, совпадающих по звучанию с названием этого предмета или хотя бы напоминавших это

звучание, т. е. приобретал фонетическое значение (и не одно). Так знаки рисуночного письма становились слоговыми знаками и могли поэтому применяться для передачи служебных частей речи, грамматических показателей и вообще любых звукосочетаний, т. е. для фиксации речи. В итоге тот или иной знак имел несколько словесных и звуковых (слоговых) значений, а также мог употребляться как детерминатив²⁶. Все это придавало письму громоздкий и сложный характер.

Постепенно система такого употребления знаков приняла устойчивый и всеобъемлющий характер, одновременно схематизировалось и упростилось их начертание (так что опознать в знаке какой-либо предмет было уже нельзя). Это и означало переход от пиктографии к письменности. Месопотамскую письменность называют *клинописью*, поскольку месопотамцы писали на сырой глине пером-палочкой из тростникового стебля с треугольным сечением: такие перья оставляли клинообразные отпечатки. Для сохранности глиняный документ могли обжигать.

С середины III тыс. до н. э. шумерское письмо стали все чаще применять для аккадоязычных текстов (хотя оно было не очень приспособлено к аккадской фонетике). В начале II тыс. до н. э. потомки шумеров полностью перешли на аккадский язык, шумерский же язык продолжал использоваться на протяжении всей истории Месопотамии прежде всего как «высокий» язык ритуала.

В письменности Месопотамии в каждый момент времени насчитывалось около 400 различных знаков, набор и начертание которых менялись от эпохи к эпохе. Однако для бытовых нужд было достаточно и 70–80, а такое количество знаков мог выучить почти каждый. Поэтому грамотность была распространена среди месопотамцев очень широко. Некоторые ученые считают, что в эпохи процветания страны большинство взрослых свободных месопотамцев были в какой-то мере грамотны, хотя писали с ошибками, да и прочитать могли далеко не всякий текст. Быть грамотным считалось очень почетным.

Номовые царства раннединастического периода

В Раннединастический период территория Шумера представляла собой конгломерат номов, которые уже к середине III тыс. до н. э. превратились в классовые общества с установившейся государственностью. Наиболее ярким внешним проявлением этого был рост монументального строительства: в первые века III тыс. до н. э. номовые центры были обнесены оборонительными стенами и приняли законченный вид «города». Разумеется, община сохраняла важное значение, но над ней выросла независимая от нее властная иерархия, т. е. собственно государство, своей властью налагавшее на нее повинности и выводившее на войну ее ополчение.

Номовое государство унаследовало многие черты первобытной общинной демократии, кроме главнейших из них – выборности и сменяемости «снизу» членов правящей верхушки, а также необходимой роли народного собрания в принятии важных решений. Регулярные налоги с общинников, однако, еще не собирались. В номах развивалась как государственная, так и частная эксплуатация, в результате чего сложилась общественная верхушка – знать, сосредоточившая в своих руках за счет этой эксплуатации большую часть богатств и влияния и подчинившая себе общество. Состояла эта верхушка прежде всего из обладателей высших властных должностей и их родов. К ней относился верховный правитель, «верхи» его административного, военного и храмового персонала и совет при правителе – наследник былых советов общинных старейшин, превратившийся теперь в главный оплот знати и существенно ограничивавший реальное могущество правителя.

²⁶ Детерминатив – нечитаемый знак, обозначающий смысловую категорию, к которой относится слово, передаваемое предшествующими или последующими знаками и тем облегчающее его чтение. Например, перед собственным именем месопотамцы ставили знак «мужчина» или «женщина», чтобы показать, чье далее следует имя.

Представители правящей верхушки по должности осуществляли государственную эксплуатацию, но они же, благодаря своему богатству и влиянию, имели наибольшие возможности и в сфере частной эксплуатации (осуществлявшейся прежде всего путем втягивания в долговую кабалу). Храмовое хозяйство, хозяйство правителя и хозяйства высших должностных лиц располагали наибольшим количеством земли, обрабатывавшейся рабами и зависимыми людьми.

В номах выделились три основные социальные группы: господствующий класс (правящая верхушка, в меньшей степени – частные лица, добившиеся богатства и влияния, но не причастные к высоким должностям), рядовые общинники, объединенные в территориальные общины, делившиеся на большесемейные ячейки, и, наконец, рабы и зависимые люди (военнопленные, а также изгои и обедневшие общинники, оторвавшиеся от своей земли и втянутые в зависимость от имущих и властных людей).

Эксплуатация осуществлялась в двух основных формах. В крупных хозяйствах, принадлежавших храму, правителю, членам правящей верхушки и богатым частным лицам, трудились работники различных сословий – как рабы, так и не рабы – но, как правило, не имевшие своего хозяйства, а трудившиеся бригадами за пайки; и отдававшие все произведенное собственникам хозяйства, в котором они работали. Рабы и большинство не рабов, трудившихся таким образом, свободно покинуть хозяйство не могли. Именно эта форма эксплуатации обеспечивала господствующий класс большей частью его богатств. Поэтому шумерское общество нередко определяется как рабовладельческое (ибо подневольный работник, получающий за свою работу паяк, но не имеющий в распоряжении или пользовании своего надела, по своему месту в производстве оказывается подобен классическому античному рабу, к какому бы сословию он ни принадлежал). Второй главной формой эксплуатации была выдача государством или частными лицами части своего земельного фонда в виде отдельных наделов мелким производителям – от зависимых и закабаленных людей или рабов до свободных арендаторов. Такие производители вели свое хозяйство на выделенных им наделах и часть урожая отдавали собственникам земли, а сами жили на остаток.

Земельную собственность и рабочую силу господствующий класс получал различным путем. Как указывалось ранее, высших функционеров общины изначально наделяли намного большими наделами, чем прочих; особый обширный земельный фонд выделялся храму как учреждению. Семьи могли покупать и продавать свою землю в пределах общины, что в условиях имущественной дифференциации создавало благоприятные возможности для концентрации земли богатыми и знатными людьми. Обезземеленная таким образом часть населения, а также просто бедняки, втянувшиеся в долговую зависимость, люди, разоренные войнами, изгои и пр. (не говоря о военнопленных-рабах) были вынуждены работать на других и в большинстве своем становились рабами или подневольными работниками, трудившимися в чужом хозяйстве за паяк, а некоторые обрабатывали чужую землю, выделенную им в надел.

Организационным центром государства первоначально был храм бога-покровителя соответствующей общины, а во главе государства стоял наследственный правитель – верховный жрец этого храма с титулом «эн». При нем был небольшой административный аппарат и вооруженная охрана (то и другое – из храмового персонала и личных слуг) – зачатки служилой знати и регулярной армии. Власть эна была существенно ограничена советом, а в меньшей степени – народным собранием свободных общинников, быстро терявшим в этот период свою силу, и осмыслялась как общинная: авторитет эна покоился на том, что он руководил общинным культом.

К середине III тыс. до н. э. титул «эн» выходит из употребления, заменяясь шумерскими титулами «энси» («жрец-строитель», «градоправитель») и «лугаль» (досл. «большой человек», «царь», аккадский эквивалент – «шарру»). Появление последнего титула отражало новый этап развития государственности – формальную утрату общиной контроля над правителем. Например, правители нарекали себя лугальями как военные предводители, с

некоторого времени командовавшие войсками помимо общинного контроля (порой этот титул присваивался военному вождю на сходке самих воинов); так же титуловали себя правители, сумевшие добиться формального признания своей гегемонии со стороны других номов. Таким образом, во всех случаях титул «лугаль» обозначал верховную единоличную власть правителя, основанную на военно-бюрократической силе, прямой командной иерархии помимо общинных структур, над кем бы такая власть ни осуществлялась – над своими войсками или над соседними номами. Во 2-й половине III тыс. до н. э. этот титул постепенно стал означать такую власть уже над всем населением страны и на протяжении всей месопотамской истории употребляется в значении «царь»²⁷.

Правители, не пытавшиеся демонстративно поставить себя над общиной и по-прежнему считавшиеся уполномоченными общинных структур, ограничивались титулом «энси» (аккадская форма – «ишшиаккум»). Однако уже в середине Раннединастического периода почти во всем Шумере нормативным и необходимым статусом номового правителя стало *лугальство*, царственность. Наиболее детально поэтапное превращение общинного верховного правителя энси в надобщинного царя шарру прослеживается на примере развития ассирийской государственности в XIV–XIII вв. до н. э.

Важность роли правителя месопотамцы видели не только, да и не столько, в выполнении им военных и административных функций, сколько в том, что он считался посредником между жителями нома и богами, от расположения которых полностью зависело процветание людей. Правитель представлял и отвечал перед богами за людей своего нома. Его главным делом было обеспечивать своему ному – и, конечно, себе самому – милость богов и отводить их гнев, в том числе изнурительными и искупительными обрядами. Именно царь мог и должен был разузнавать волю богов и отвечал перед ними за ее исполнение. Для месопотамского общества того времени это было исключительно важно, поскольку, по его представлениям, оказись воля богов не исполнена людьми, их гнев обрушился бы на все общество – а без царя эту волю нельзя было толком и узнать.

О великой важности царской власти месопотамский текст говорит так: «Боги еще не установили царя для народа, и тот словно шатался с затуманенным взором... Тогда царственность спустилась с неба». По-видимому, шумеры считали, что некоторые их династии происходили от богов.

К середине III тыс. до н. э. при правителе уже существует многочисленное (порядка 5 тыс. человек) постоянное войско, содержащееся за его счет и вооруженное гораздо лучше, чем общинное ополчение. Войско состояло из тяжеловооруженных пехотинцев и четырехколесных колесниц, запряженных ослами (лошадей тогда в Месопотамии еще не знали).

Отличительной чертой социально-политической истории Раннединастического периода было наличие двух одновременных процессов. С одной стороны, нарастала борьба между отдельными номовыми государствами за гегемонию, с другой – постепенно усиливалось социальное противостояние правящей верхушки, приобретающей устойчиво наследственный, аристократический характер, и основной массы общинников. Последние подвергались все более тяжелой эксплуатации со стороны государства в целом и в то же время находились под угрозой утраты собственной земли (из-за военного разорения, долгов и т. д.) и превращения в зависимых работников чужого хозяйства, храмово-государственного или частного. Эти два процесса переплетались и привели в конце концов к крушению «номового» аристократического строя в Шумере и формированию централизованной общемесопотамской деспотии, опиравшейся на военно-служилое сословие.

Города-гегемоны: Киш, Урук, Ур

²⁷ Практически полную аналогию составляет история европейского титулования «император».

Характерными чертами борьбы между номовыми государствами Раннединастического периода были, во-первых, отсутствие попыток аннексировать другие номы – война шла лишь за гегемонию, т. е. за установление верховного контроля правителя одного нома над другими (ни на что иное у немногочисленной аристократической верхушки сил все равно не хватило бы), и, во-вторых, желание царей-гегемонов добиваться официального признания за ними этой гегемонии и титула «лугаль страны» от Ниппурского храма Энлиля. В этом явлении нужно видеть последний знак того, что владыки Шумера еще сохраняли представление о всешумерском политическом авторитете Ниппурского храма, хотя этот авторитет восходил исключительно к общешумерскому единству эпохи Урук, о котором в Шумере, как уже говорилось, ничего не помнили. Как видно, представление о том, что Шумер предназначен представлять собой некое единство, существовало на протяжении всего III тыс. до н. э. независимо от исторических воспоминаний, и единственным институтом, способным по праву выражать это единство и удостоверить приобщение к нему, считался Ниппурский храм. Ни один центр не мог удержать гегемонию надолго. После потопа в Шумере существовало более десятка значительных городов-государств: Эреду, Ур, Урук, Лагаш, Умма, Ниппур, Киш и др.

Голова быка. Навершие арфы из Ура

В первые века после потопа (примерно совпадающие со вторым этапом Раннединастического периода) гегемонию в Шумере удерживал **Киш**, располагавшийся в северной части Нижней Месопотамии. В результате титул «лугаль Киша» даже приобрел смысл «гегемон всего Шумера» (тем более, что он случайно оказался близок по звучанию выражению «повелитель сил, воинств»); его часто принимали позднейшие цари-гегемоны, из какого бы города они ни были. Возможно, правители Киша первыми приняли титул лугалей. До нашего времени дошло эпическое предание о кишском царе **Этане** (XXVIII в. до н. э.), повествующее о том, как он на божественном орле поднялся на небеса к богам, чтобы добыть себе «траву рождения» и обзавестись наследником.

Царь Киша **Эн-Менбарагеси** – один из преемников Этаны, первый правитель, о котором мы знаем не только по позднейшим династическим спискам, но и по его собственным памятникам. Он контролировал Шумер, а кроме того, совершал походы в край горцев – эламитов, обитателей Юго-Западного Ирана и более или менее постоянных соперников и врагов Месопотамии. При его сыне **Агге**, однако, гегемония Киша закончилась (ок. 2600 г. до н. э.).

Как сообщает шумерский былинный эпос, Агга отправился покорять южношумерский город **Урук**, где недавно пришел к власти эн **Гильгамеш**, сын эна Лугальбанды. Гильгамеш отказал Агге в повиновении, а совет старейшин Урука готов был покориться, но народное собрание провозгласило Гильгамеша своим лугалем, т. е. признало над собой его личную власть помимо традиционных общинных институтов, и старейшины решились оказать сопротивление. В ходе неудачной осады Агга попал в плен к Гильгамешу, который стал гегемоном Шумера.

Гегемония Гильгамеша и его урукских преемников известна не только по эпосу, но и по документам архива, найденного в городе Шуруппаке (XXVI в. до н. э.). Как следует из этих документов, урукские цари призывали на службу контингенты из одних номовых царств, находившихся в зависимости от Урука, и размещали их в других зависимых номовых царствах, создавая тем самым остроумную систему перекрестного контроля всей подчиняющейся их влиянию территории.

Гильгамеш, по-видимому, был на редкость незаурядным человеком, талантливым правителем. Основатель урукской гегемонии и строитель новых стен Урука, он стал героем множества преданий. Согласно одному из них, Гильгамеш поднялся на высокие Кедровые горы к востоку от Месопотамии и убил там демона кедров Хумбабу, врага людей (через

несколько веков, в ходе развития традиции, место действия этого предания было перенесено в более знаменитые кедровые горы Ливана). По другим легендам, Гильгамеш открыто шел наперекор великим богам, добрался в поисках «травы бессмертия» до мира богов и заполучил ее – иными словами, он хотел стать равен богам и чуть не добился этого. Однако на обратном пути случайно «траву бессмертия» съела змея (считалось, что змеи, сбрасывая кожу, обновляют свою жизнь), и Гильгамеш так и не смог воспользоваться плодами своего подвига.

Легко заметить, что общим мотивом для всех этих преданий является представление о том, что Гильгамеш желал и мог уподобляться богам. Не прошло и века после смерти Гильгамеша, как его, а вместе с ним и его отца Лугальбанду, включили в список шумерских богов (об этом свидетельствуют документы из архива Шуруппака). Правда, богами они, как считалось, стали только после своей смерти. Впоследствии эти правители воспринимались полноправными богами подземного мира, причем Гильгамеш – как бог-судья в загробном мире, милостивый к людям. Само происхождение Гильгамеша тоже сочли божественным: его называли то сыном демона-инкуба и жрицы, то сыном Лугальбанды и богини Нинсун, причем заявлялось, что он был «на две трети бог, на одну человек», более великий, чем все люди.

Гильгамеш. Рельеф

Около 2550 г. до н. э. Урук уступил гегемонии династии **Ура**. Наиболее известным царем-гегемоном из Ура был **Месанепада**. Для Ура этого времени характерны шахтные гробницы. Интересно уникальное погребение верховной жрицы-правительницы Пуаби, вместе с которой были похоронены десятки людей и животных. В склепе находились повозки, запряженные быками, вооруженные воины, охранявшие вход изнутри, женщины-служанки – некоторые с музыкальными инструментами. Две необычайно роскошные арфы, вместе со многими другими сокровищами, находились рядом со смертным ложем самой Пуаби. Все оказавшиеся в гробнице люди были умерщвлены при похоронах Пуаби, однако без физического насилия; по-видимому, они приняли какой-то яд, чтобы служить своей госпоже в загробном мире.

Погребение Пуаби, как и вера в посмертную божественность Гильгамеша, показывает, что шумеры Раннединастического периода отделяли посмертную участь своих правителей (точнее, наиболее выдающихся из них) от участи всех прочих людей: первые могли после смерти приобщиться к богам, вторые – нет.

Вскоре Ур утратил преобладание над Шумером, однако позднее потомки Месанепады аннексировали Урук и перенесли туда свою столицу. Уро-Урукское царство (XXV–XXIV вв. до н. э.) было, пожалуй, самым богатым месопотамским царством своего времени, хотя гегемонии в Шумере оно смогло добиться лишь однажды, в конце XXV в. до н. э. и на короткий срок.

Мир шумеров. Лугальаннемунду

Шумеро-аккадская цивилизация Нижней Месопотамии не была изолированным островком высокой культуры, окруженным периферийными варварскими племенами. Напротив, многочисленными нитями торговых, дипломатических и культурных контактов она была связана с другими цивилизационными очагами в единую великую ойкумену, простиравшуюся от Кипра и Сирии до Амударьи и долины Инда, – первую ойкумену цивилизованных обществ в истории человечества. Почти все ее обширное пространство занимали ранние государства, поддерживавшие друг с другом довольно интенсивные связи, так что в любом крупном центре этой ойкумены имели вполне адекватное представление о ней целиком. Поэтому уже в середине III тыс. до н. э. шумеро-аккадцы разделяли

окружающий мир на обширные этнополитические регионы. Это деление накладывалось на другое, чисто географическое – на четыре стороны света (оси, которые задавали четыре стороны света, у месопотамцев проходили с северо-запада на юго-восток и с юго-запада на северо-восток).

К юго-западу от низовьев Тигра и Евфрата, на сопредельной территории Северо-Восточной Аравии у Персидского залива, выделялся край «Горы Эанны» (по-видимому, соответствующий ареалу былых поселений местных убейдцев). Затем на запад и северо-запад вдоль Евфрата вплоть до Центральной Сирии простирались края семитских племенных групп – сугиев – у западных границ Шумера и так называемых северных семитов, или эблаитов, к северо-западу от них (современные ученые называют этот этнос эблаитами по его крупнейшему центру – *Эбле* в Сирии). Край эблаитов именовался у шумеро-аккадцев *Марту* (шумер.) и *Амурру* (аккад.); оба эти слова также обозначали одну из сторон света – северо-запад, так как эблаиты расселялись именно в этой стороне от Нижней Месопотамии.

Полоса земель от гор Амана в Северной Сирии до Центрального Загроса, включавшая большую часть Верхней Месопотамии, составляла край субареев – *Субар*. Эблаиты и субареи, как и шумеро-аккадцы, создали множество номовых государств и пользовались месопотамской клинописью. Временами одному из их номовых центров удавалось подчинить обширные окружающие пространства. Так, в середине III тыс. до н. э. большая часть края Амурру, т. е. Сирии и сопредельных районов, была объединена под верховной властью государей Эблы.

За эблаитами, на берегах Средиземного моря, уже стояли города, где жили западносемитские предки финикийцев. За субарейми на севере и востоке обитали горные племена хурритов (между озерами Ван и Урмия) и кутиев (в современном Иранском Азербайджане и по северо-восточным отрогам Загроса). Они были родственны современным восточно-кавказским народам: хурриты – вайнахам, а кутии – дагестанцам.

К востоку от кутиев, субареев и шумеро-аккадцев, от Загроса до Гималаев, лежал огромный ареал расселения племен и народов, родственных дравидам – нынешним жителям Южной Индии. В него входила большая часть Ирана, юг Средней Азии и Северо-Западная Индия. Непосредственные предки современных дравидов жили тогда не на юге, а на северо-западе Индии, в бассейне Инда, и были создателями первой цивилизации на территории Индийского субконтинента – Индской, или Хараппской (так она названа по современному географическому пункту Хараппа, где раскопан один из крупнейших городов этой цивилизации). Ареал Индской цивилизации был хорошо известен месопотамцам под названием «Мелухха» или «Мелакха». Судя по тому, что столетия спустя индоарийские пришельцы именовали аборигенов Индии «млеччхами», это слово отражало самоназвание прадравидов-хараппанцев.

Народы, родственные хараппанцам, расселились с востока на запад вплоть до Загроса. Юго-Западный Иран, от рубежей Месопотамии до современного Фарса, занимали несколько племенных княжеств, чью совокупность месопотамцы именовали *Элам*, по-аккадски дословно «Высокая [т. е. горная] страна». Предполагают, что это слово является лишь удачным по смыслу аккадским звукоподражанием названию, которое давали своему краю сами жители Элама, – Хал-гэмпт (на эламском языке это значило «Страна бога»).

Элам то объединялся, то вновь распадался на части. Из какой бы области Элама ни выходила объединившая его династия, официальной столицей обычно были Сузы – город в долине рек Керхе и Каруна, контролировавший пути из Элама в Месопотамию. В периоды прочного объединения эламиты обычно были угрозой для месопотамцев, в периоды распада они часто становились их жертвами. В Месопотамии Элам считали страной демонов и злого колдовства, а его обитателей – жадными до месопотамских богатств грабителями-горцами.

Из других этнополитических образований Ирана той эпохи, помимо Элама, следует упомянуть *Арамту* – государство в Центральном Иране, известное своими контактами с Шумером; особую *этнокультурную общность на севере Ирана*, включавшую

археологические центры Силк и Гиссар и создавшую здесь большие протогорода с развитой металлургией так называемой астрабадской бронзы (предположительно это были племена каспиев, от которых еще в глубокой древности получило свое имя Каспийское море); могущественное царство *Варахше* с центром в современном Кермане, контролировавшее все территории между Эламом и Индской цивилизацией; и наконец, золотоносную страну *Харали* на северо-восточных рубежах Ирана (археологам эта страна известна как ареал культуры, памятниками которой являются Анау и Намазга-тепе на территории современной Туркмении). Земли, лежавшие далее на восток, входили в сферу культурных влияний прадравидов Индской цивилизации, порой простиравших свою власть до Амударьи. Район Загросских гор, где соприкасались Элам, Месопотамия и ареал обитания субареев и кутиев, именовался у шумеров «Горной страной кедра» (впоследствии он был известен как край горцев-луллубеев, народа, родственного эламитам).

О том, до какой степени широкими и устойчивыми были контакты Месопотамии со всеми перечисленными выше странами, свидетельствуют погребения Ура. Найденные там золото и сердоликовые бусы были привезены сюда из Индии, лазурит – из копий Бадахшана у истоков Амударьи. О морской торговле Месопотамии с Мелуххой по Персидскому заливу и Аравийскому морю нам хорошо известно по археологическим данным. Одним из важных центров на этом пути был очаг цивилизации на островах Дильмун (современный Бахрейн). Еще более тесные контакты Месопотамия поддерживала с Восточным Средиземноморьем.

С развитием внешних связей, укреплением царской власти и ростом номовых богатств войны внутри Шумера и на его границах происходили все чаще. Гегемонии утверждались и рушились с невиданной ранее быстротой. В середине III тыс. до н. э. власть над Месопотамией впервые стали захватывать, хоть и на короткое время, правители чужеземных городов, например загросских и эламских. В свою очередь, и Месопотамия стала порождать эфемерных «завоевателей мира».

Царь небольшого шумерского городка Адаба **Лугальаннемунду** (ок. 2400 г. до н. э.) известен нам прежде всего по шумерским династическим спискам как эфемерный гегемон Нижней Месопотамии, успевший за время своего правления и добиться контроля над ней, и навсегда утратить его. До нас дошла обширная литературная композиция, составленная в форме надписи Лугальаннемунду. Надпись эта, принадлежащая по всем признакам к Старовавилонскому периоду, а не ко времени правления Лугальаннемунду, прославляет этого царя. Если верить ей, он подчинил своей верховной власти чуть ли не весь известный шумерам мир. В тексте трижды повторяется перечень подвластных царю регионов, описывающий «против часовой стрелки» весь непосредственно окружающий Месопотамию мир от Кермана до Средиземного моря: «Горная страна кедра, Элам, Варахше, Гутиум, Субарту, Марту, Сутиум и Горная страна Эанны». Таким образом, получается, что Лугальаннемунду совершил почти такие же колоссальные завоевания (от Средиземного моря до Южного Ирана), какие совершил впоследствии Саргон Аккадский, основатель первой централизованной деспотии в Месопотамии.

Ученые подвергли сомнению достоверность этого текста. Поскольку он был составлен старовавилонскими писцами, его сочли историко-литературной фикцией, чем-то вроде попытки сочинить «альтернативную историю» своей страны, в которой малозначительный царь вознесен на мировой пьедестал. Выяснилось, однако, что географическое членение, приведенное в перечне, очень старое, современное эпохе исторического Лугальаннемунду, а вскоре после нее, за несколько веков до составления «надписи», это членение устарело и было напрочь забыто месопотамцами. Следовательно, «надпись» Лугальаннемунду хотя и является старовавилонской литературной композицией, однако была сочинена «по мотивам» подлинных, гораздо более древних сведений об этом царе. Таким образом, Лугальаннемунду – первый из известных нам «мировых» гегемонов Месопотамии. В следующий же век после Лугальаннемунду сопоставимых результатов добивались и другие месопотамские правители – Лугальзагеси и Саргон. «Мировое» могущество Лугальаннемунду бесследно кануло в прошлое так

же быстро и неожиданно, как возникло, еще при жизни самого завоевателя. Такие явления были вполне возможны в столь бурную и нестабильную эпоху «войны всех со всеми», какой были последние два века Раннединастического периода.

Глава 11 **Месопотамия в конце III тыс. до н. э.**

Накануне объединения

В последние века Раннединастического периода войны продолжались в возрастающем масштабе, но никому не удавалось добиться сколько-нибудь прочного успеха. Шумерская поговорка предостерегала: «Ты идешь, захватываешь землю врага; враг приходит – захватывает твою землю!» Военные потрясения разоряли народ и обостряли социальный кризис: каждая большая победа обогащала прежде всего номовую верхушку, каждое большое поражение ставило рядовых жителей на грань выживания, и они вынуждены были идти в кабалу к богатым и знатным представителям той же верхушки.

В *Лагаше*, одном из наиболее экономически развитых шумерских номов, дело дошло до переворота и уступок со стороны верхушки. Когда половина всей земли оказалась практически в полной собственности правителя Лагаша, он начал массовое перераспределение должностей в пользу своих личных слуг, увеличил поборы с зависимых людей и общинников. Одновременно апогея достигло долговое закабаление общинников со стороны знати. В результате вспыхнуло народное восстание, правитель был низложен (впрочем, свергнутого царя при этом оставили жить и позволили пользоваться правами свободного гражданина Лагаша), а народное собрание наделило титулом лугалья некоего **Урунимгину** (кон. XXIV в. до н. э.). Вновь, как и в случае с Гильгамешем, проявилась частая для раннеклассовых обществ расстановка сил: народ и выдвинутый народом надобщинный царь против общинной знати (так как народ надеется на то, что царь, стоящий над всеми, защитит его от «сильных людей» как от своих собственных ближайших соперников и недоброжелателей). Урунимгина упразднил чрезмерные поборы с населения, вновь отделил храмовое хозяйство от личного хозяйства правителя, отменил ряд долговых сделок. Такие реформы иногда проводили и в других номовых государствах Месопотамии. Это временно ослабляло остроту социального кризиса, но не его причины.

В конце XXIV в. до н. э. выдвинулся новый завоеватель – царь Уммы **Лугальзагеси**. Он был, по-видимому, типичным представителем «аристократических» номовых династий Шумера, с высокомерием относился к народу и опирался на тяжеловооруженную дружину. Как объединитель Месопотамии, Лугальзагеси использовал и принципиально новые и старые приемы. Он стал систематически устранять и истреблять правителей соседних номов и объединять их под своей властью – это было ново. Однако делал он это не за счет слияния этих номов в единую державу, а на основе личной унии, сохраняя традиционную структуру власти в номе и лишь возглавляя ее лично в каждом центре по отдельности; номового сепаратизма это, конечно, не изживало.

Лугальзагеси разгромил Урунимгину Лагашского, аннексировал Уро-Урукское царство и перенес свою столицу в Урук. На севере он разбил Киш, царь Киша погиб. В итоге владения Лугальзагеси простерлись от Средиземного моря до Персидского залива (по-шумерски – «от Верхнего до Нижнего моря»), но неожиданно этот носитель шумерской аристократической традиции столкнулся с политическим образованием принципиально нового типа.

Первая деспотия Месопотамии

На службе у царя Киша (убитого впоследствии в ходе завоеваний Лугальзагеси) находился мелкий придворный, по происхождению аккадец-простолюдин. Ему суждено было стать одним из величайших создателей империи на Древнем Востоке. По позднейшему преданию, он был подкидышем: мать пустила его, новорожденного, по Евфрату в тростниковой корзинке, младенца подобрали и воспитали при кишском дворе. После разгрома Киша войсками Лугальзагеси этот придворный возглавил часть кишцев и укрылся в лежащем в области Киша небольшом городке Аккаде. Здесь он объявил себя царем под именем **Шаррум-кен** (по-аккадски «Истинный царь», в традиционной современной передаче – **Саргон** ; 2316–2261 гг. до н. э.).

Саргон властвовал, опираясь на всех, кто готов был ему служить, и руководствовался принципом неограниченного командования, как почти все подобные предводители. К нему стекались рядовые жители Шумера, увидев перспективу быстрого возвышения, в которой им отказывало традиционное аристократическое общество. На службе нового царя они рассчитывали обогатиться, выдвинуться и свести счеты с обидчиками, прежде всего со старой знатью.

Саргон создал массовую легковооруженную «народную» армию, включавшую мобильные отряды лучников, которые имели большие преимущества перед немногочисленной и неповоротливой тяжелой пехотой шумерских правителей, состоявшей из их боевых слуг. Властная верхушка царства Саргона была построена как военно-служилая пирамида под единоличной неограниченной властью царя. Опираясь на эту массовую армию, Саргон и совершил свои завоевания.

Саргон Аккадский. Бронзовая маска

Ближний Восток в III тыс. до н. э.

Сначала он захватил Верхнюю Месопотамию, а потом предложил Лугальзагеси союз, скрепленный династическим браком. Получив отказ, Саргон стремительно разгромил армию Лугальзагеси, а его самого казнил и, по преданию, после 34 битв завоевал весь Шумер. Затем он достиг Малой Азии, Кипра, Сирии, Элама и даже еще более отдаленных стран Южного Ирана, где вел борьбу с царством Варахше.

Империя Саргона (так называемая *Аккадская держава* , по названию столицы) с зависимыми владениями простерлась от озера Туз и гор Тавра в Малой Азии до Белуджистана. Она поддерживала прямые связи с Южной Анатолией на западе и Мелуххой – долиной Инда – на востоке. По размерам эту державу никто не мог превзойти еще полторы тысячи лет, до создания империи Ахеменидов. Множество военнопленных пополняло число рабов и подневольных работников в государственном хозяйстве. В отличие от Лугальзагеси, Саргон не заставлял другие города признавать себя ни верховным сюзереном-гегемоном, ни их местным номовым владыкой, а просто присоединял покоренные земли, создавая, таким образом, первую в истории Междуречья централизованную державу.

Держава Саргона, в отличие от всех предыдущих месопотамских государств, была *централизованной деспотией* . Храмовые хозяйства стали частью государственного, а последнее находилось в полном неограниченном распоряжении царя. Номы были лишены каких бы то ни было традиционных автономий и превратились в обычные провинции, старый аппарат власти сохранился, но их правители (титуловавшиеся только «энси» – единственным лугалем теперь был Саргон) превратились фактически в чиновников, целиком ответственных перед царем.

Советы старейшин и народные собрания перестали существовать как органы власти, хотя со своими воинами Саргон совещался. Количество государственных работников,

которым предоставлялись наделы, было снижено, а тех, кто работал за паек, – увеличено. Это повышало норму государственной эксплуатации. Преемники Саргона даже скупали (в «добровольно-принудительном» порядке) землю у общин по сниженным ценам, расширяя тем самым государственное хозяйство. Государственным языком династии Саргона был не только шумерский, но и аккадский, что демонстрировало презрение династии к принципу «благородной традиции».

Население в целом (кроме тех, кто составлял военно-служилое сословие) почти ничего не выиграло от победы Саргона. Межэтнические войны и эксплуатация знати сменились не менее тяжелыми дальними походами и (впервые) массовой и масштабной повинностно-податной эксплуатацией всего населения (кроме служилой верхушки) со стороны огромного военно-бюрократического государства.

Уже в последние годы правления Саргона начались восстания знати, поддержанные народом (по преданию, Саргон был вынужден прятаться от бунтовщиков в сточной канаве). Преемник Саргона Римуш был убит собственными вельможами (поскольку при царе, вероятно, нельзя было находиться с оружием, они забили его насмерть тяжелыми каменными печатями, которые носили на поясе). Преемники Саргона подавляли восстания и в самом Шумере, вырезая целые города и тысячами казня сдавшихся, и в дальних зависимых странах, однако добиться стабильности им не удалось.

Нарамсуэн. Владычество кутиев

Внук Саргона **Нарамсуэн** (2236–2200 гг. до н. э.) поначалу столкнулся с массовыми восстаниями, охватившими всю империю. Подавив их, он совершил новые завоевания, а затем отказался от всех старых, традиционных титулов (и тем самым от подтверждения и утверждения их жрецами) и назвал себя «царем четырех сторон света» (т. е. всего мира). Впоследствии Нарамсуэн просто провозгласил себя при жизни богом – точнее говоря, организовал «народное волеизъявление»: жители столицы на своей сходке объявили царя богом, а он «прислушался к ним». Отныне его величали «Бог Нарамсуэн, бог Аккаде» как главного государственного бога-покровителя империи. Это не могло не вызвать конфронтацию с храмами, особенно с храмом Энлиля в Ниппуре.

Сначала, правда, казалось, что могуществу Нарамсуэна ничто не угрожает. Он добился никогда ранее не виданной власти над страной; в частности, на должности энси Нарамсуэн назначал рядовых чиновников или своих родственников. Однако вскоре на Аккад с севера обрушились неизвестные до того «варвары» (по-видимому, это были полукочевые индоевропейцы из-за Кавказа), известные впоследствии в месопотамской традиции под названием «умман-манда» (досл. «воинство манда»); смысл этого названия для нас пока темен.

Умман-манда сплотили вокруг себя население Армянского нагорья и Загроса, в частности кутиев и горцев-луллубеев. Нарамсуэн после нескольких тяжелых поражений все-таки сокрушил «варваров», и их объединение развалилось. Однако горцы-кутии (северо-восточные соседи месопотамцев), до того успевшие войти в это объединение, возобновили войну на свой страх и риск под предводительством выборных племенных вождей. Они захватили центральные районы Месопотамии, Нарамсуэн смог изгнать их, но вскоре погиб в войне с ними. Впоследствии его гибель, а также случившийся вскоре крах империи, рассматривались как кара богов за безумную гордыню – претензию на божественный статус и за дурное обращение с храмами.

Стелла Нарамсуэна

Преемник Нарамсуэна **Шаркалишарри** восстановил аккадскую власть в Верхней Месопотамии, но был в конце концов разбит кутиями. Аккадская держава распалась, и

племенной союз кутиев установил верховную власть над номами Нижней Месопотамии (ок. 2175 г. до н. э.).

Страна была разорена: к гнету местных элит прибавился гнет иноземцев-кутиев, которым местные правители Шумера отправляли дань. Только правители Лагаша, сделавшие ставку на кутиев, пользовались поддержкой кутиев и осуществляли от их имени верховное управление прочими номами. Этим Лагаш вызвал к себе в Нижней Месопотамии такую ненависть, что при освобождении от кутиев был жестоко разгромлен, а лагашские цари вычеркнуты из составленного впоследствии сводного списка шумерских правителей.

Из лагашских царей *кутийского времени* лучше всего нам известен по своим надписям и статуям **Гудеа** (2137–2117 гг. до н. э.).

Гудеа

При нем было создано единое храмовое хозяйство бога Нин-гирсу и построен грандиозный храм этого бога, ради чего даже был учрежден специальный налог и введена строительная повинность. Гудеа торговал с областями бассейна Инда и воевал с Эламом.

В кутийский период большие перемены произошли в Верхней Месопотамии, где после краха Аккадской державы под ударом кутиев образовался вакуум власти. В середине – 2-й половине XXII в. до н. э. этот вакуум был заполнен хурритами, проникшими сюда с севера, и сутиями, пришедшими с юга. С тех пор они составляли главное население Верхней Месопотамии. Хурриты, в частности, ассимилировали субареев и унаследовали их наименование в месопотамских источниках. Аналогичным образом сутии (среди которых выделялись племенные общности собственно сутиев, ханеев и др.) ассимилировали эблаитов (северных семитов). Месопотамцы перенесли на сутиев название, которое прежде применяли к северным семитам, – «амурру» (в современной терминологии – амореи). Поэтому сутиев исхода III и последующих тысячелетий в науке обычно называют амореями или сутиями-амореями.

III династия Ура и ее крах

Кутийское господство рухнуло под ударами всенародного восстания, поднятого рыбаком Утухенгалем, в 2109 г. до н. э. Восставшие свергли и местных правителей, восстановив централизованную державу под названием «*Царство Шумера и Аккада*»; государственным языком был только шумерский. Столицей Утухенгала стал Урук. Однако Утухенгаль неожиданно утонул при осмотре канала, и ему наследовал один из его соратников, Ур-Намму, наместник Ура, на чьей территории и совершался осмотр. По воцарении Ур-Намму не стал переезжать в Урук, а просто перевел столицу державы в «свой» Ур. Его династия известна как III династия Ура.

Ур-Намму (2106–2094 гг. до н. э.) и его сын **Шульги** (2093–2046 гг. до н. э.) создали общественно-экономический уклад, не имевший аналогов во всей истории Месопотамии. Почти вся земля перешла к государству и образовались огромные централизованные хозяйства. Большая часть населения была обращена в подневольников рабского типа («гурушей», досл. «молодцев», и «нгеме», досл. «рабынь»), прикрепленных к этим хозяйствам и работавших там за пайки бригадами. В государственном хозяйстве трудились и собственно рабы-военнопленные, и наемные работники.

Значительная часть всей этой рабочей силы жила в нечеловеческих даже по тому времени условиях – в особых лагерях. Трудились без выходных, получая в день 1,5 л ячменя на мужчину и 0,75 л на женщину. Выдавалось немного растительного масла и шерсти. Работали весь световой день. Смертность в таких лагерях достигала иногда 25% в месяц! Квалифицированные ремесленники, служащие, воины получали большие пайки, а представители чиновничества – наделы.

Небольшая часть земли составляла частно-общинный сектор, где шло массовое разорение и долговое закабаление (вплоть до рабства) общинников: богатые соседи, и особенно чиновники, концентрировали землю в своих руках и втягивали общинников в кабалу. Цари Ура пытались половинчатыми мерами остановить этот процесс, но безуспешно: он был неизбежной оборотной стороной их же собственной политики.

Правители Ура обожествляли себя и опирались на огромный бюрократический аппарат, необходимый для управления небывалым государственным хозяйством. Энци теперь свободно перебрасывались из нома в ном. О масштабах бюрократизации говорит тот факт, что менее чем за век существования этой державы чиновники III династии Ура обеспечили нас не меньшим количеством документации, чем вся остальная история Месопотамии. Такая централизация хозяйства была обречена на крайнюю неэффективность, в столице порой возникал дефицит зерна, в то время как в мелком городке скапливались его огромные запасы.

Шульги создал новую идеологию, закрепленную в знаменитом «Шумерском царском списке», сведенном при нем воедино. Царь сознательно фальсифицировал всю историю Шумера, представив его как неизменно единое государство под управлением череды последовательных династий, венчаемых его собственной. Централизовать и огосударствить правовые отношения были призваны судебники Ур-Намму и Шульги, а также введение последним царского суда с огромными полномочиями.

Шульги вел упорные завоевательные войны, прежде всего в горах на востоке (по-видимому, по инерции борьбы с кутиями). Войско Ура было не очень боеспособным, и победы Шульги одерживал главным образом на словах: много раз подряд в течение нескольких лет официально возвещали о полном разгроме такого-то горного города, который и после этого продолжал сопротивление. Даже над теми, кто признал власть Ура, она была не очень прочна, и ее приходилось подкреплять подарками, встречами «на высшем уровне», династическими браками и т. п.

Держава Ура включала (с разной степенью подчинения) Верхнюю и Нижнюю Месопотамию, Сирию и часть Финикии с Библом, горы Загроса, Элам и даже некоторые районы, лежавшие к востоку от Загроса по направлению к Каспийскому морю (здесь подданными Ура стали так называемые люди су). Верховную власть над царями и вождями на Востоке, особенно хурритскими и эламскими, приходилось поддерживать и новыми карательными походами, и браками с представителями местных династий.

Конец III династии Ура наступил внезапно. Сутии-амореи Сирийской степи, Среднего Евфрата и Верхней Месопотамии, и раньше иногда вступавшие в конфликт с властями державы, около 2025 г. до н. э. двинулись на ее центральные районы. Почти не обращая внимания на их наступление, последний царь Ура **Иббисуэн** бесконечными походами пытался привести к покорности Элам; амореев рассчитывали сдерживать укреплениями, но безуспешно. Управление разваливалось, работники государственных латифундий разбегались и делили землю на участки, амореи окружали города, отрезая их от внешнего мира. На юге Месопотамии начался голод. Иббисуэн пытался спасти от него столицу, послав в Иссин, где скопились запасы зерна, чиновника Ишби-Эрру, чтобы тот вывез его в Ур. **Ишби-Эрра**, взяв под контроль Иссин, рассудил, что у кого зерно, тот и царь, и объявил себя в Иссине царем (2017 г. до н. э.).

Начался хаос: Ишби-Эрра, Иббисуэн, эламиты с союзными им «людьми су» и, наконец, амореи сталкивались друг с другом в борьбе за Нижнюю Месопотамию. Около 2000 г. до н. э. все было кончено: амореи расселились до Персидского залива, признав номинальную власть Ишби-Эрры, эламиты и «люди су» пленили Иббисуэна и разгромили юг Месопотамии с Уром так, что появился жанр плачей о гибели страны, но не стали закрепляться здесь.

Ишби-Эрра объединил под своей верховной властью Нижнюю Месопотамию и пытался продолжать традицию III династии Ура, сохранив концепцию царской власти и название «Царство Шумера и Аккада». Но в общественном строе произошел переворот: крупные централизованные хозяйства, эксплуатирующие бригадный подневольный труд,

исчезли навсегда. Сектор царской и храмовой земли остался велик, однако теперь он был поделен на мелкие участки, на которых сидели отдельные малые семьи, несущие соответствующие обязательства перед государством. Отныне в Месопотамии эксплуатировались почти исключительно владельцы или пользователи земли, ведущие на ней свое хозяйство.

Глава 12 Нижняя Месопотамия во II тыс. до н. э.

Основные источники по этому периоду – *письменные*. Это датировочные формулы месопотамских царей, фиксирующие какое-либо событие каждого года, необычайно скупые сведения царских списков и хроник, *краткие надписи царей*, из которых надо отметить *надпись касситского царя Агума II* середины XVI в. о возвращении статуи бога Мардука.

Особо следует отметить огромные архивные комплексы: архив дипломатических и административных документов из Мари 1-й трети XVIII в. до н. э., с недавних пор вводящийся в научный оборот архив середины – 2-й половины XVIII в. до н. э. из Лейлана (Шубат-Эллиля) в бассейне Хабура и, наконец, египетский Амарнский архив середины XIV в. до н. э. и хеттский Богазкёйский архив XIV–XIII вв. до н. э. Эти архивы содержат обширную переписку царей и их вассалов и чиновников, позволяющую воссоздать довольно детальную реконструкцию политической истории Месопотамии начала XVIII в. до н. э. и середины XIV – конца XIII в. до н. э.

Источники по социальной и экономической истории этого периода очень обильны (в первую очередь судебники – Законы Эшнунны, Липит-Иштара и знаменитые Законы Хаммурапи; старовавилонский эдикт «справедливости» («мишарум») царя Аммицадуки в XVII в. до н. э., жалованные грамоты на межевых камнях «кудурру» средневилонских царей, административная переписка Хаммурапи, деловые и судебные документы, богатая хозяйственная вавилонская документация XIV–XIII вв. до н. э. и др.).

Во II тыс. до н. э. были созданы наиболее знаменитые из дошедших до нас литературных и литературно-мифологических композиций Месопотамии.

Археологические данные из Ирана и Средней Азии свидетельствуют о цепной миграции XVIII–XVII вв. до н. э., уничтожившей былую месопотамско-индийскую связь.

Старовавилонский период. Времена раздробленности

С падением III династии Ура в Месопотамии наступил новый, так называемый *Старовавилонский период* (ок. 2000–1595 гг. до н. э.). Цари Иссина по-прежнему считали себя продолжателями Урской империи: как и цари Ура, они обожествляли себя, сохраняли официальное именование государства «Шумер-и-Аккад», а само падение Ура считали великой трагедией. В храмах и дворцах составлялись пространные «Плачи о гибели Ура», в которых в самых ярких красках описывалось грандиозное избиение, учиненное захватчиками-иноземцами в разоренной столице Урской державы. Правители Иссина вели, подобно урским, официальную документацию на шумерском языке, однако именно при них шумеры были полностью ассимилированы аккадцами, а шумерский стал мертвым языком учености – школ, храмовых писцов и канцелярий.

Однако если для столичного населения и административного аппарата Урской империи ее падение было трагедией, то для огромной массы рядовых работников – скорее избавлением. Теперь они стали мелкими пользователями наделов, выделенных

государством, и хотя и управлялись чиновниками, но все же вели на этих наделах самостоятельное хозяйство. На многих землях восстановились самоуправляющиеся общины лично свободных людей. Наконец, ремесленные и торговые фонды, при III династии Ура принадлежавшие государству, тоже оказались в основном в руках частных лиц, обычно под бо́льшим или меньшим государственным контролем. Они обязаны были отдавать государству определенную часть прибыли, полученную от реализации этих фондов, а оставшееся использовали для собственных коммерческих операций.

Бок о бок с коренным населением Месопотамии на ее территории жили полукочевые скотоводческие племена пришельцев – сутиев (амореев). Вождей сутиев в Месопотамии прозвали «живущими в шатрах». Рядовые амореи практически не селились в городах (поэтому, в частности, в аккадском языке нет никаких следов аморейского влияния), а занимали пригодные для выпаса скота территории неподалеку от того или иного города. Само нашествие амореев, конечно, сопровождалось массовым разграблением страны, но, раз поселившись в ней, аморейские племена номинально признали себя подданными иссинских царей и мирно сосуществовали с местными жителями, поставляя им продукты скотоводства в обмен на зерно.

Каждое аморейское племя имело собственную автономную территорию. Постепенно вожди таких племен делали центрами своей власти близлежащие города и добивались фактического господства над различными месопотамскими областями. Как правило, они выбирали для этого мелкие города, ранее ничем не примечательные, поскольку в старых центрах оставалась слишком сильна их традиционная, коренная элита. В результате в Месопотамии появились новые крупные центры, где правили амореи: южномесопотамский город Ларса стал столицей племенного союза ямутбала, считавшегося старейшим из аморейских племен, Мари на Среднем Евфрате – столицей племенного союза ханеев, а Вавилон (аккад. «Баб-или», досл. «Ворота богов»), до того маленький город на Евфрате, – столицей племени амнану²⁸.

Амореи почитали, наряду со своими старинными богами, шумеро-аккадских божеств. Те амореи, которые заводили себе дополнительное или основное жилище в городах (в том числе верхушка большинства племен), присоединялись к соответствующей городской общине, поддерживали культ ее бога-покровителя и рассматривались как часть народа «черноголовых». В конце концов все амореи, поселившиеся в стране «черноголовых», стали причисляться к ним. Никаких признаков этнической вражды между амореями и потомками коренных жителей страны не прослеживается на протяжении почти пятисот лет.

В конце XX – начале XIX вв. до н. э. аморейские вожди один за другим объявляли себя царями контролируемых ими областей, уже и формально независимыми от Иссина. В этом им подражали и удачливые выходцы из коренного населения. В результате в начале XIX в. до н. э. Месопотамия распалась на более чем десятков независимых государств. В 1895 г. до н. э. такое царство с центром в Вавилоне основал **Сумуабум**, вождь племени амнану. Время правления его династии в Вавилоне (1895–1595 гг. до н. э.) включается в так называемый Старовавилонский период истории Месопотамии.

Между образовавшимися государствами и княжествами вспыхивали непрерывные ожесточенные войны; союзы то возникали, то распадались. В результате этих войн к 1800 г. до н. э. юг страны контролировало царство **Ларса**, которое уничтожило и аннексировало Иссин, претендовавший на все наследие III династии Ура. Царь Ларсы обожествил себя по образцу ниспровергнутой им династии Иссина. В центре Месопотамии доминировали Вавилон и Эшнунна, а всю Верхнюю Месопотамию, включая бывшее царство Мари и Ассирийское государство, занимала огромная держава ханейского вождя **Шамши-Адада** (ок. 1824–1777 гг. до н. э.). Он захватил в конце XIX в. до н. э. и Мари, и Ашшур и посадил

²⁸ Амнану выделились из аморейского племенного союза биньямина (досл. по-аморейски «Сыны Юга»), большая часть которого составила столетия спустя древнееврейское «колено» (племя) Беньямин (Вениамин), упоминающееся в Ветхом Завете.

править там своих сыновей. Сам он управлял из Шубат-Эллиля в Верхней Месопотамии. Держава Шамши-Адада, громко именовавшаяся старинным названием *Субарту*, была разбита на военные округа, наместники которых присматривали за множеством мелких традиционных правителей, чьи территории входили в соответствующий округ.

Множество мелких политических образований – царств, племен и племенных союзов – находилось в зависимости от перечисленных выше крупных государств. «Никто не силен сам по себе, – говорит один из царей этого времени, – за каждым сильным государем идет 10–15 зависимых». Отдаленным идеалом всех этих царей было царство III династии Ура, раз и навсегда поразившее их воображение своей небывалой мощью, и они охотно принимали громкую титулатуру урских царей. Однако большинство из них не осмеливались посягать на обожествление, так как семиты, в том числе амореи, в отличие от шумеров, проводили резкую непреодолимую грань между богами и людьми, не исключая царя.

Цари-боги Иссина

Царская династия Иссина (2017–1794 гг. до н. э.) была основана урским чиновником **Ишби-Эррой** в пору стремительного распада державы III династии Ура, когда та вела изнурительную борьбу с Эламом и амореями. Ишби-Эрра подчинил своей власти всю Нижнюю Месопотамию, добившись того, что эламиты вернулись в пределы своей исконной территории, а аморейские племена, расселившиеся в Южном Двуречье, номинально признали его власть.

С точки зрения Ишби-Эрры и его преемников, их государство было прямым продолжением державы «Шумер-и-Аккад», созданной III династией Ура – сменилась только династия. Перенос столицы из Ура в Иссин и падение III династии Ура при царях Иссина считались следствием решения богов (принятого теми из чистого каприза, просто для того, чтобы столица «Шумера-и-Аккада» не находилась всегда в одном и том же городе) и великой катастрофой. Именно при царях Иссина появился официальный жанр плачей о гибели Ура.

При самых могущественных иссинских царях **Иддин-Дагане** (1974–1954 гг. до н. э.) и **Ишме-Дагане** (1953–1935 гг. до н. э.), которым подчинялась вся Нижняя Месопотамия, династия Иссина действительно имела право претендовать на продолжение политико-идеологической традиции Ура. Однако ситуация в стране совершенно изменилась. Огромные площади были заняты старыми и новообразованными общинными коллективами, их земля считалась общинной, а не царской, и они пользовались самоуправлением, хотя и несли какие-то повинности по отношению к государству. Общинная администрация выбиралась самой общиной, а не назначалась свыше, общинники были вольны свободно покидать свою землю, большинство их судебных дел решал выбранный ими же суд своей общины, а не царский судья-чиновник и т. д. На аналогичных правах существовали аморейские племена, фактически полунезависимые, а иногда и прибиравшие постепенно к рукам центры, близ которых они жили. Царские и храмовые зависимые люди вели свои мелкие хозяйства на наделах, выделенных им из царской и храмовой земли.

Изменилось и понимание божественности царя. И при III династии Ура, и при династии Иссина основанием для обожествления царя считалось его участие в обряде «священного брака». Так назывался ежегодно проводившийся в Двуречье обряд ритуального соития жрицы, в теле которой якобы пребывала богиня плодородия, и правителя (причем месопотамцы верили, что и в его тело на это время вселялся бог). От успеха этого обряда зависели и урожаи, и плодovitость скота, и рождаемость, и здоровье потомства.

Это временное слияние с подлинным божеством и давало царю претендовать на обожествление. По мнению месопотамцев, с окончанием обряда божественность, принадлежавшая настоящему богу, оставалась в царе. Поэтому все цари Иссина также прижизненно обожествлялись «по должности» – их имена писались с детерминативом божества. Но, в отличие от царей Ура, иссинские владыки, как и все последующие цари

Месопотамии, не имели ни храмов, ни культов – главных атрибутов подлинной божественности! Тем самым их обожествление было неполным, являлось своего рода «почетным обожествлением».

При **Липит-Иштаре** (1934–1924 г. до н. э.), известном своими законами, в чем-то предвосхитившими позднейшие Законы Хаммурапи, династия Иссина начала стремительно утрачивать власть над большей частью Двуречья. Аморейские вожди и другие местные правители один за другим объявляли себя царями, а иногда и богами-царями по примеру царей Иссина. Иссин был теперь лишь одним из месопотамских государств, подобно царству Ларсы, которое его и уничтожило.

Захватив в 1826 г. до н. э. Нишпур, цари Ларсы получили там божеские почести по иссинской традиции, а с 1801 г. до н. э. царь Ларсы **Римсин** почитался как бог во всем своем царстве, претендуя на полную аннексию Иссина и продолжение его государственности. Он аннексировал Иссинское царство в 1794 г. до н. э., и царство Ларсы заняло весь былой шумерский юг Нижней Месопотамии. Однако 30 лет спустя Римсин был разгромлен знаменитым царем Вавилона Хаммурапи, захватившим и уничтожившим его царство. После царей Иссина и Ларсы месопотамские владыки, за редкими исключениями, уже не обожествлялись и не участвовали в обряде «священного брака».

Общественный строй старовавилонского периода

Как обычно, распад государства привел к резкому росту частной собственности, эксплуатации и торговли. Даже храмовые должности завещали и продавали как личную собственность. Бурно развивалось ростовщичество (под весьма высокий процент!) и долговая зависимость вплоть до долгового рабства. В уплату долга должник часто отдавал во временное рабство членов своей семьи или сам становился рабом. Более того, утвердилась свободная купля-продажа общинных наделов их пользователями, и начался обычный процесс концентрации земли у одних лиц и обезземеливания других. Многие общинники разорялись и продавали свою землю или передавали ее кредитору за долги. Тем самым они теряли место в общине и были вынуждены идти в рабскую или иную зависимость. Бурно развивалась частная торговля, прежде всего международная: корабли месопотамских купцов и собственников ремесленных мастерских вновь доходили до Дильмуна (Бахрейна), где возник главный перевалочный пункт для торговли со странами Аравии, Южного Ирана и долины Инда (старая ойкумена цивилизаций от Средиземного моря до Инда все еще существовала).

Ростовщичество и долговое рабство какое-то время процветали, но в конце XIX в. до н. э. начали встречать резкое сопротивление со стороны властей крупнейших месопотамских царств. Некоторые цари издавали каждые 5–7 лет так называемые эдикты *мишарум* (досл. «выравнивания» или «справедливости»), аннулировавшие кабальные соглашения, заключенные из-за долгов, в частности, освобождавшие долговых рабов и возвращавшие находящиеся в залоге у кредиторов земли их владельцам. В Эшнунне и Ларсе были проведены реформы, резко ограничившие частнособственническую деятельность и куплю-продажу. Так, государство устанавливало твердые тарифы на наем и различные услуги и даже твердые цены на зерно и другие основные товары. В результате в Ларсе, например, частную торговлю и ростовщичество постиг резкий упадок.

Иногда ученые высказывают мнение, что подобными мерами цари, хотя и облегчали положение основной части населения (не разоряя при этом и тех частных собственников, которым эти меры были невыгодны!), но препятствовали экономическому прогрессу, который мог якобы идти только за счет развития частнособственнических отношений. На деле это не так. В натуральной по своим основам месопотамской экономике технологические сдвиги вообще происходили очень редко и были никак не связаны с формами эксплуатации, а экономический рост зависел прежде всего от состояния ирригационной системы, которую развивало и налаживало именно государство.

В обществе старовавилонской Месопотамии различались три сословия: свободные общинники – *авилумы* (досл. «люди»), «царские люди» – *мушкенумы* (досл. «склоняющиеся под чье-то покровительство») и рабы по сословию – *вардумы*. Авилумы пользовались общинным самоуправлением, но в большинстве своем платили подати царю. Мушкенумы не входили в общины и не имели самоуправления. Они отдавали себя под покровительство царя, чтобы получить от него земельный надел, и «сидели» отдельными мелкими хозяйствами на царской земле (на них и лежало основное бремя податей; кроме того, особые группы мушкенумов несли воинскую повинность как военные колонисты или находились на иной царской службе). Их жизнь регламентировалась государством. Большинство мушкенумов, в отличие от авилумов, не могли покинуть свои наделы без разрешения государства. Вардумы были частными рабами, их покупали и продавали. Естественно, общинник-авилум, принимающий надел от царя, авилумом быть не переставал (если не выходил специально из общины, отказываясь от своего надела в ней), а мушкенум, которому удавалось стать членом общины, становился авилумом, но это не освобождало его от прежних обязательств по царской земле.

Жизнь людей различных сословий закон оценивал по-разному. За убийство авилума карали смертью, виновному в убийстве раба достаточно было возместить хозяину ущерб и т. д. Однако жестких границ, в том числе психологических, между сословиями не было. В Месопотамии всегда считали, что люди, при всем различии в их положении, по природе своей мало чем отличаются друг от друга, и царю присущи такие же желания, надежды и страхи, как и любому рабу. Раб мог иметь собственное имущество и семью. Он был человеком, а не вещью, господин распоряжался лишь его временем и трудом. Многие свободные сочувствовали рабам и зачастую помогали им бежать от хозяев, так что в Законах Хаммурапи пришлось включить специальную статью, предусматривающую суровые наказания за помощь беглому рабу.

В старовавилонском обществе существовали два основных класса: господствующий класс (царь, люди, состоящие на государственной службе или службе в храмах, и крупные частные собственники) и эксплуатируемые государством мелкие производители, ведущие свое хозяйство, будь они общинниками или «царскими людьми». Владельцы общинных наделов эксплуатировались меньше, лица, «сидевшие» на государственной земле под условием выплаты части урожая (в источниках они упоминаются под именем *наши бильтим* – «плательщики дохода»; в подавляющем своем большинстве они были мушкенумами), – интенсивнее. «Плательщики» и военные колонисты («царские люди», получавшие от государства небольшие наделы для обработки силами собственной семьи при условии военной службы) были прикреплены к своей службе и земле и не имели права искать себе заместителей.

Держава Хаммурапи

В 1-й половине XVIII в. до н. э. неожиданно произошла новая территориальная интеграция Месопотамии вокруг Вавилона. Осуществил ее знаменитый вавилонский царь **Хаммурапи** (1792–1750 гг. до н. э.). Казалось, ничто этого не предвещало – Вавилонское царство было далеко не самым сильным в Месопотамии и нередко попадало в зависимость от соседей (сам Хаммурапи большую часть своего правления признавал такую зависимость). Однако Хаммурапи оказался более дальновидным, целеустремленным и мудрым правителем, чем прочие. После первых попыток экспансии, немедленно отбитых, он до поры отказался от нее, подчинился верховной власти сильнейшего из месопотамских царей того времени, Шамши-Адада, и два с лишним десятилетия неустанно копил силы, укреплял армию и реформировал страну. Суть новых порядков заключалась в том, что государство прочно контролировало всю хозяйственную жизнь в стране и не позволяло «сильным притеснять слабых». В результате держава Хаммурапи стала, возможно, самым процветающим и сильным государством в Месопотамии.

Хаммурапи

Около 1780 г. до н. э. первенство в Двуречье, бесспорно, принадлежало верхнемесопотамской державе Шамши-Адада. Зависимость от него признавал и Хаммурапи, и Катна в Южной Сирии, и горные области Северо-Западного Ирана. Однако со смертью Шамши-Адада его держава почти мгновенно распалась на части. В Мари к власти пришел Зимрилим, представитель местной династии, изгнанной некогда Шамши-Ададом. Ситуацией воспользовались эламиты, к 1770 г. до н. э. поставившие под свой контроль большинство царей Месопотамии и даже делавшие вылазки в Сирию – Палестину. Хаммурапи перешел из подчинения Шамши-Ададу в подчинение правителю Элама²⁹.

Господство Элама, однако, оказалось эфемерным. В 1764 г. до н. э. Хаммурапи в союзе с Зимрилимом из Мари сверг власть эламитов. Началось десятилетие войн, в ходе которых он одолел и Элам, и прочие месопотамские царства, включая Ларсу, и остаток Субарту – царство Ишме-Дагана, сына Шамши-Адада, с центрами в Ашшуре и Шубат-Эллиле, а затем, наконец, и своего собственного недавнего союзника Зимрилима. Один за другим пали Ларса, Ашшур, Эшнунна, около 1755 г. до н. э. Хаммурапи оккупировал Сузиану. Образовалась единая всемесопотамская империя, причем строго централизованная. Сам Хаммурапи делил ее на две части: коренная территория (аккадо-язычные номы, поклоняющиеся шумеро-аккадским богам) и чужеродная периферия (эламитская Сузиана, хуррито-аморейские территории Верхней Месопотамии, входившие ранее во владения Мари и Субарту, а с падением последних доставшиеся Хаммурапи).

Ближний Восток во II тыс. до н. э.

Во вступлении к своим Законам (ок. 1755 г. до н. э.) Хаммурапи заявляет себя лишь как благодетель первой части державы, перечисляя все образующие эту часть номы, и вовсе не упоминает остальные свои владения. Объединение Месопотамии, которого он добился, оказалось необычайно прочным, хотя в полном масштабе оно сохранялось совсем недолго – не более 20 лет, – Нижняя Месопотамия никогда уже больше не распадалась на отдельные номовые государства (в крайнем случае иногда отделялся крайний юг, так называемое Приморье). Вавилон неизменно оставался столицей всего Южного Двуречья или большей его части на протяжении следующих 1200 лет. Поэтому вся Нижняя Месопотамия и получила наименование Вавилония. Сами вавилоняне обычно называли свою страну на старинный лад «Шумером и Аккадом», а позднее – просто Аккадом, а себя – аккадцами, но не включали в это понятие ассирийцев, которые для вавилонян практически всегда оставались полуварварами и полужезземцами.

Хаммурапи считал достигнутое им объединение страны началом принципиально новой страницы месопотамской истории. Ранее полагали, что власть в Месопотамии переходит от города к городу по произволу богов. В «Плаче о гибели Ура» сам верховный бог Энлиль объясняет, что его ниспровергли не за какую-либо вину, а просто потому, что таков уж порядок мира: «Уру в самом деле даровали царственность, но вечный срок ему не был дарован. С незапамятных дней, когда страна впервые возникла, и до нынешних дней видел

²⁹ В Ветхом Завете (Быт. 14) сохранился рассказ о том, как эламский предводитель Кедорлаомер (эламское имя Кутир-Лагамар) совершил поход в Заиорданье во главе коалиции месопотамских царей, включавшей, среди прочих, Амрафела из Сеннаара (так древние евреи именовали Вавилонию), т.е. Хаммурапи. Предание об этом создатели Ветхого Завета могли унаследовать разве что от своих отдаленных аморейских предков Старовавилонского периода.

ли кто-нибудь, чтобы божественное служение столицы досталось какому-либо городу навсегда?» Хаммурапи, напротив, провозгласил, что отныне боги «установили в Вавилоне вечную царственность, чьи основания прочны, как земля и небо». Соответственно, он, в отличие от многих других, не собирался подражать царям III династии Ура и избегал даже намека на самообожествление (хотя пышно величал себя «богом для местных царей», гордясь своим положением царя над царями). Никогда не претендовали на обожествление и другие цари его династии – как предки, так и потомки Хаммурапи.

В то же время Хаммурапи был достаточно прост в общении, что ярко показывает солдатская песенка. Возможно, ее распевали его воины в ту пору, когда он воздерживался от войн, поощряя к завоеваниям:

Хаммурапи, царь могучий, —
Что ж, чего ты ждешь?
Эллиль дал тебе величье —
Что ж, чего ты ждешь?
Син тебе дал превосходство —
Что ж, чего ты ждешь?
Нинурта дал оружие славы —
Что ж, чего ты ждешь?
Иштар дала силу битвы —
Что ж, чего ты ждешь?
Шамаш и Адад твоя заступа —
Что ж, чего ты ждешь?

(Пер. И. М. Дьяконова)

Свою концепцию правления Хаммурапи красноречиво изложил во введении к своим Законам: он, «заботливый правитель, боящийся богов», по их благоволению взошел на престол, чтобы «ублажить плоть народа», «чтобы справедливость воссияла в стране, чтобы уничтожить преступников и злых, чтобы сильный не притеснял слабого... чтобы с сиротой и вдовой обходились по справедливости, чтобы притесненному оказать справедливость». Здесь же он хвалится не столько завоеваниями, сколько украшением храмов, проведением каналов, милосердием к бывшим врагам. В заключении к Законам Хаммурапи подытоживает свои дела и заслуги так: «Врагов на севере и на юге я истребил, уничтожил раздоры, ублажил плоть страны... Пусть обиженный, который обретет в суде решение своего дела, успокоит свое сердце и с силой скажет: “Хаммурапи-владыка для людей словно родной отец, он склонился перед велением бога Мардука, своего владыки, и одержал победы Мардука на севере и на юге, он устроил людям удовольствие навеки, а страну управил по справедливости!”»

Это не были пустые слова: Хаммурапи действительно был ответственным и справедливым правителем, стремившимся защитить людей от насилия и разорения. Известна его обширная переписка с чиновниками: царь вникал во множество дел, в том числе в проблемы рядовых людей, стремясь разрешать их по справедливости и здравому смыслу. Люди не боялись обращаться к нему с многочисленными просьбами и жалобами, и он добросовестно их разбирал. Отвращение к преступному насилию было у него искренним и принципиальным: когда один из династов другого царства, убив своего родича-правителя, захватил престол и отправил к Хаммурапи посольство с выгодными предложениями, а заодно и с просьбой прислать танцовщиц, Хаммурапи закричал: «Танцовщиц ему не хватает! Он пролил родную кровь, его самого надо бы убить!» – и отказался от каких бы то ни было контактов с узурпатором, несмотря на все выгоды, которые они сулили. Об этом мы знаем из злорадного донесения очевидца – посла третьей страны, присутствовавшего при описанной сцене. Характер Хаммурапи отразился и на его внутренней политике, и в его знаменитых Законах.

Законы Хаммурапи и вавилонское общество

Держава Хаммурапи была *централизованной бюрократической империей*, все нити управления ею находились в руках царя. Храмовые хозяйства были слиты с государственным. Законы действовали на всей территории страны. Первостепенное значение приобрел царский суд – царь сам решал многие судебные дела, и во всех крупных центрах сидели назначенные им чиновники-судьи, в ведение которых перешли многие вопросы, решавшиеся ранее общинным и храмовым судом.

Внутриполитические мероприятия Хаммурапи действительно отвечали заявленным им целям – «чтобы сильный не притеснял слабого» и «ублажена была плоть люда». Элита и административный аппарат состояли в основном из авилумов, но частью и из мушкенумов, возвысившихся на службе царя, и находились на государственном обеспечении – от прямой выплаты жалованья до предоставления значительных земельных владений в условное держание или пожалование (обрабатывали их обычно арендаторы). От налогов они, естественно, освобождались. Однако такие крупные частные владения были очень редки.

Крупных и независимых частных фондов движимости тоже почти не было: купцы-тамкары были поголовно привлечены на государственную службу и стали правительственными торговыми агентами – через них государство вело внешнюю торговлю и устанавливало твердые, приемлемые для населения цены на внутреннем рынке. Месопотамская поговорка гласит: «Уехал из города тамкар, и цены снова стали свободными». Тамкары могли, помимо выполнения своих служебных обязанностей, заниматься коммерческими операциями для собственной пользы, но крупная свободная частная торговля была запрещена, как и купля-продажа земли (кроме городских участков). Существовало государственное кредитование частных лиц с твердой процентной ставкой, избавлявшее людей от необходимости обращаться к частным ростовщикам. Государство практиковало даже материальные выдачи неимущим или предоставляло им надел царской земли на условии выполнения различных обязанностей. Бедняков в державе Хаммурапи благодаря всем этим мерам было очень немного.

Законы Хаммурапи приобрели в Месопотамии невероятную славу: их переписывали как великий памятник мудрости следующие полторы тысячи лет! Это было связано не только с новизной содержания (некоторые законы сходной направленности, призванные ограничивать частную эксплуатацию, принимали и другие цари, хотя и не в таком масштабе), сколько с тем, что Хаммурапи имел силу и волю провести их в жизнь, да еще распространить на всю Месопотамию.

Общим духом этих законов является *ограничение и регламентирование частной эксплуатации и частнособственнических отношений* вообще, утверждение государственного контроля над всей хозяйственной жизнью. Законы твердо регулировали цены и тарифы, в том числе условия найма и аренды, правила земле- и водопользования и возмещения долга. Ростовщикам запрещалось взимать слишком высокий процент, а долговому рабству был установлен предельный срок в три года, по истечении которых долговые рабы получали свободу. Свободнорожденного человека вообще нельзя было сделать рабом по каким бы то ни было причинам больше, чем на 3 года. В покрытие долга запрещалось отбирать не только землю, но и урожай; вводилось право на отсрочку уплаты долга при определенных обстоятельствах. Вдобавок каждые 10–15 лет Хаммурапи и его преемники издавали так называемые указы справедливости (по ним аннулировались долговые обязательства, существовавшие на тот момент, и люди, очутившиеся в кабале, освобождались от нее, а недвижимость, отданная за долги или под залог, возвращалась к ним).

Законы Хаммурапи закрепили *сословную структуру* общества: ущерб, нанесенный личности мушкенума (тем более вардума), карался не так строго, как преступление против личности авилума, зато покушение на имущество мушкенумов каралось, наоборот, строже,

чем покушение на имущество авилума – ведь имущество мушкенума входило в государственный фонд. Разreshались межсословные браки, причем дети наследовали статус того из родителей, у которого он был выше (например, сын раба и женщины из сословия авилумов считался авилумом). За преступление, совершенное рабом против чужого человека (т. е. не его хозяина или члена хозяйской семьи), его нельзя было наказать без судебного разбирательства. Раб мог оспаривать в суде свою вину. Также он мог доказывать, что его поработили незаконно. Если купленный на чужбине раб был по происхождению жителем Вавилонии, то по прибытии в нее он отпускался на свободу без выкупа.

В основе системы наказаний, закрепленной в Законах, лежит древнее представление о справедливости как о воздаянии равным за равное по принципу *талиона* — «око за око, зуб за зуб». В Законах Хаммурапи даже есть статьи на эту тему: за повреждение чужого глаза виновный должен был лишиться собственного глаза, выбивший чужой зуб должен был потерять свой. Тот же принцип применялся при наказании за лживый донос: за необоснованное обвинение назначалась та кара, которая полагалась бы за преступление, ложно приписанное доносчиком оклеветанному³⁰.

Однако за многие преступления, включая различные виды воровства, карали смертью, и в этом отношении нравы Месопотамии были гораздо суровее, чем, например, в Египте, где обычно казнили только за покушение на царя или мятеж. В то же время Законы Хаммурапи учитывают наличие злой воли: так, устанавливается различие в наказании за преднамеренное и нечаянное убийство. В Законах практически нет наказаний денежными штрафами, широко применявшихся при III династии Ура. Очевидно, Хаммурапи и его подданные считали, что подобная практика несправедлива, так как фактически дает богачам возможность откупаться от наказания.

Интересно, что наиболее простые уголовные преступления, в частности обычное воровство и убийство, в Законах не упоминаются вовсе, поскольку такие дела решались по уже существующим обычаям, и Хаммурапи не собирался вносить здесь ничего нового. Зато исключительное внимание уделяется семейному праву. Здесь Хаммурапи тоже пытался проводить справедливую политику и ограждать законные интересы людей, как их тогда понимали, учитывая конкретные обстоятельства. Например, прелюбодеяние каралось в том случае, если в него была вовлечена замужняя женщина, однако приговор зависел от оскорбленного мужа, которому предоставлялось выбирать одно из двух решений: либо предать смерти и неверную жену, и ее соблазнителя, либо простить обоих. Иными словами, если потерпевший не хотел губить жену, он должен был отказаться и от мести обидчику, ведь они оба равно были виноваты в происшедшем. Отец не имел права лишать сыновей наследства, если те не совершили преступления.

С другой стороны, некоторыми своими законами Хаммурапи стремился не карать преступление, а хитроумно предотвращать его. Так, военным колонистам – «царским людям», получавшим от царя небольшие участки государственной земли на условии воинской службы, было запрещено продавать эти участки – ведь они принадлежали государству и лишь предоставлялись в пользование. Чтобы на деле добиться выполнения этого запрета, Законы Хаммурапи определяли: если кто-то купит надел такого воина, последнему достаточно заявить об этом, и земля вернется к нему, а деньги, полученные за нее, он может не возвращать. Казалось бы, закон нелогичен: виновный не только не наказан, но даже остался с прибылью. Но таким образом исключалась сама возможность подобного преступления, ведь никто не захочет покупать у военного колониста его служебный надел, зная, что на этом легко можно потерять собственные деньги, а землю так и не получить.

Хаммурапи необычайно гордился своими законами, считал их главным достижением своей жизни и призывал всех будущих царей следовать их духу и образцу, многозначительно

³⁰ Так, за злое колдовство полагалась смертная казнь. Тогда получалось, что тот, кто ложно обвинял соседа в колдовстве, покушался на саму его жизнь, и по принципу равного воздаяния его самого надлежало казнить.

прибавляя: «Мои законы отменны, мои установления не имеют равных! Только для неразумного они – пустое, но мудрому они созданы для соблюдения». Более того, он запретил преемникам уничтожать их или заменять там его имя их собственными именами под угрозой самых чудовищных проклятий такому правителю и всей его стране. Не следует думать, что Хаммурапи хотел таким образом навсегда обязать всех жить по созданным им законам: он требовал лишь, чтобы их текст не искажали и не приписывали другому правителю – т. е. не уничтожали память об этом труде Хаммурапи, – а не того, чтобы по ним вечно судили! Это требование царя месопотамцы, чрезвычайно уважительно относившиеся к его памяти, неукоснительно исполняли и много веков спустя, сохраняя и переписывая текст Законов Хаммурапи без всяких искажений. До нас дошло около 40 их поздних копий – это больше, чем количество копий любого другого клинописного текста, хотя позднее в стране судили, конечно, уже по совершенно иным законам.

Вавилония при наследниках Хаммурапи

Держава Хаммурапи в установленных им границах просуществовала недолго. Уже при его преемнике **Самсуилуне** (1749–1712 гг. до н. э.) страну постигло тяжелое потрясение. В 1742 г. до н. э. на Месопотамию с северо-востока обрушились неведомые ей ранее неиндоевропейские племена с этнонимом «касс-» (аккад. *кассу*, в современной науке *касситы*, самоназвание, по-видимому, «каспе» – каспии) под предводительством вождя Гандаша. По всей вероятности, это были аборигены Северного Ирана, снявшиеся с места под натиском переселения народов, проходившим как раз в то время по территории Ирана и вызванным миграцией сюда индоиранцев из-за Кавказа. Это переселение привело к гибели трансиранскую цивилизованную ойкумену – многие ее центры погибли, другие, включая знаменитую Индскую цивилизацию, деградировали и были заброшены. Восточной границей цивилизованного мира для Месопотамии на тысячу с лишним лет стали горы Загроса.

Касситы, под предводительством Гандаша, рассекли надвое Вавилонию, прошли ее насквозь и обосновались на Среднем Евфрате, где стали жить вместе с местными аморейскими племенами ханеев, создав здесь независимое кассито-аморейское государство **Хана** со столицей в городе Терка. Другая часть касситов осела в горах восточнее Диялы, в верховьях рек Керхе – Карун (сейчас эта территория именуется Лурестаном). Отрезанная этим движением от Вавилона Верхняя Месопотамия, включая Ашшур, отпала от него и вновь, как до Шамши-Адада, стала конгломератом мелких политических образований.

Вскоре после этого, в 1739 г. до н. э., против Вавилона восстал бывший шумерский юг Нижней Месопотамии. Самсуи-луна подверг этот регион сокрушительному разгрому, но в 1722 г. до н. э. и он все же отложился от Вавилонии, образовав особое царство **Приморья**. Его цари принимали искусственные шумерские имена, хотя на живом шумерском языке уже давно не говорили ни они сами, ни их подданные. Как видно, некоторое противостояние между бывшим шумерским югом и аккадским севером Нижней Месопотамии продолжало существовать и осознаваться даже после того, как все жители юга перешли на аккадский язык. Царство Приморья периодически вело с Вавилонией войны за пограничные земли и в XVII в. до н. э. заняло священный Ниппур. Государственным божеством Приморья был, по-видимому, Эа (аккадская форма имени шумерского бога Энки; в Приморье его именовали именно Эа, по-аккадски, несмотря на внешнюю приверженность к шумерским именам).

Активизировались и народы горной периферии. В конце XVIII в. до н. э. эламиты вернули себе Сузы и сами совершили опустошительный набег на Вавилонию. Затем в конце XVIII – начале XVII в. до н. э. большая часть Верхней Месопотамии (до того преимущественно аморейской) оказалась занятадвигающимися с ее северной и северо-восточной окраин хурритами. Хурриты образовали здесь обширное государство **Ханигальбат**, ядро которого составили территории, отвоеванные хурритами у амореев-ханеев. Само слово «Ханигальбат» по-аккадски означает «Отрезанное от ханеев». С XVI в. до н. э., когда в этом государстве воцарилась новая династия, оно получило

дополнительное официальное наименование *Митанни* .

Цари – потомки Хаммурапи сосредоточились на том, чтобы поддерживать введенные им порядки, по-прежнему издавая указы «справедливости» (примерно раз в 10 лет), занимаясь строительством и ирригацией. Периодически они без особого успеха вели войны с касситами или Приморьем.

Городским богом-покровителем Вавилона издавна был Мардук. Когда Вавилон объединил вокруг себя Месопотамию, Мардук выдвинулся на первое место в пантеоне, со временем оттеснив Эллиля.

К концу XVII в. до н. э. Вавилония начала постепенно восстанавливать свое могущество и около 1630 г. до н. э. аннексировала кассито-аморейское Ханейское царство, распространив свою власть на долину Среднего Евфрата. К этому времени вавилонская династия настолько отошла от аморейской племенной среды, из которой когда-то вышла, что самоуправляющиеся аморейские племена, по-прежнему жившие в Вавилонии под властью ее царей, стали теперь рассматриваться как особое сословие «амореев», отличное от прочего населения – «аккадцев».

Однако в 1595 г. до н. э. неожиданный поход хеттского царя Мурсили I из Анатолии покончил с домом Хаммурапи. Двинувшись вдоль Евфрата и пройдя через Хану, Мурсили разграбил Вавилон. Последний царь из династии Хаммурапи, **Самсудитана** (1625–1595 гг. до н. э.), при этом погиб. Хетты не пытались закрепиться в Месопотамии, а сразу повернули назад, вывозя с собой огромную добычу, прежде всего драгоценные статуи бога Мардука и его супруги, богини Царпанит, из храма Мардука в Вавилоне – главные государственные реликвии Вавилонии, без которых, по мнению вавилонян, было невозможно поддерживать нормальную связь с богами и добиваться их покровительства. Отсутствие статуи Мардука в стране воспринималось как знак гнева этого бога, который более не желает оставаться в Вавилонии – ведь если бы было иначе, то он своей божественной силой легко помешал бы любому правителю захватить и увезти свою статую!

После ухода хеттов в борьбу за контроль над оставшейся без власти страной вступили сразу две силы: **Гулькишар** , царь Приморья, и поселившиеся к тому времени в самой Вавилонии касситы, выходцы из кассито-аморейской Ханы, недавно обращенные в вавилонское подданство (их возглавлял князь из рода Гандаша). Сама Хана восстановилась как независимое аморейское царство, не связанное с этими касситами, а к концу XVI в. до н. э. она уже входила в состав хурритского Ханигальбата – Митанни.

Гулькишар на некоторое время занял Вавилон и, по-видимому, перенес туда свою столицу, но вскоре был вытеснен из города касситским предводителем, который объявил себя новым царем Вавилонии. Начался *Среднеавилонский период* (XVI–XII вв. до н. э.) – время правления касситской династии в Вавилоне.

Среднеавилонский период. Воссоединение Месопотамии касситами

Официальным самоназванием государства вавилонских касситов было *Кардуниаш* . Именно при касситской династии окончательно сложилась классическая социальная структура Вавилонии, да и ее территориальное единство. Пришельцы-касситы, опиравшиеся на боевые отряды своих кланов, восприняли вавилонскую культуру, отождествляли касситских богов с вавилонскими и покровительствовали традиционным культам и храмам. Однако они не собирались поддерживать то огосударствление социально-экономической жизни, которое осуществляла династия Хаммурапи.

Большинство населения составляло сектор «царских людей», сидящих на земле государства и его ведомств (в том числе храмов), они платили подати и несли повинности. При этом государственной стала почти вся земля в стране, а общинный сектор свелся к нескольким крупным автономным городам, включая столицу. Жители этих городов по-прежнему имели общинное самоуправление, в то время как потомки большинства бывших общинников сельской округи утратили его и слились с «царскими людьми».

За это количественное сокращение общинного сектора касситы заплатили его качественным развитием: автономные города – Вавилон, Ниппур, Сиппар – получили небывалую самостоятельность (в частности, они были полностью освобождены от налогов и повинностей, имели свои собственные воинские контингенты, а их храмы – а это были главные храмы страны – из государственных учреждений стали городскими), на них больше не распространялась государственная эксплуатация и регулирование. В результате там началось бурное развитие экономики, с одной стороны, и частно-эксплуатационных отношений – с другой. Вновь стало развиваться ростовщичество и долговая кабала, теперь уже никем не ограничиваемые, а долговое рабство сделалось пожизненным. Торговля также была разгосударствлена. В новом общинном секторе – автономных городах – начали быстро выделяться частные магнаты.

Кроме того, касситские цари охотно жаловали различным лицам, прежде всего вельможам, земли в пожизненное, а потом и наследственное владение, часто с одновременным освобождением от налогов и повинностей. Акт такого пожалования именовался *кудурру*, так же назывались и ограждавшие подобные владения межевые камни, на которых были начертаны эти акты, провозглашавшие их налоговый и административный иммунитет. Правители жаловали целые селения и храмам. Особую роль играли кланы касситов, в том числе обитавшие в предгорьях на северо-восточных рубежах Вавилонии. Из этих кланов происходила значительная часть вельмож, и нередко они получали в постоянное «кормление» (или в собственность по актам кудурру) целые округа, которые превращались тем самым в наследные автономные княжества соответствующих родов.

Ближний Восток в 3-й четверти II тыс. до н. э.

На условиях кудурру царь жаловал также мелкие наделы, собственники таких наделов часто объединялись в ассоциации. Имущество общинников-горожан и бывшие государственные земли, пожалованные царями частным лицам, составляли фонд частного имущества, которое далее переходило из рук в руки без всяких ограничений.

Больших централизованных имений, как правило, не существовало вовсе – и у царя, и у храмов, и у крупных землевладельцев практически вся земля была разделена на наделы, на которых вели свое хозяйство зависимые землепользователи, от крепостных до арендаторов. Получившаяся общественная модель – сочетание государственного сектора, охватывающего сельскую округу и большинство городов, и частно-общинного, включающего крупнейшие города и вотчины вельмож, где социальные отношения были основаны на частной собственности, – существовала в Вавилонии до ее краха.

Касситские цари почитали династических касситских богов – *Шумалию* и *Шукамуну* – и считали себя потомками бога Шукамуны. Многие из них обожествляли себя, утверждая, что получают божественность в дар от этих богов. Однако это была далеко не та божественность, что у коренных месопотамских царей-богов: речь шла всего лишь о том, что боги даровали царю почетный ранг «бога», ни в чем не меняя его человеческой природы. Такие цари не имели собственного культа, их имена и в частных документах подданных, и в официальных государственных документах встречаются то со знаком божественности, то без него. Эта своего рода «почетная божественность» была порождена собственно касситскими представлениями и не оказала влияния на политическую культуру Месопотамии.

Касситы проводили активную внешнюю политику. Около 1560 г. до н. э. касситский царь **Агум II** по прозвищу Меч милости добился возвращения величайших вавилонских святынь – статуй Мардука и Царпанит, которые вывезли при разгроме Вавилона хетты. Это было величайшим триумфом новой династии. Похваляясь своим свершением, Агум заявлял в своей надписи, что едва он потребовал от «дальней страны Хани» (т. е. верхнемесопотамского хурритского Ханигальбата, куда к тому времени попали от хеттов статуи Мардука и Царпанит) вернуть статуи, как та «обняла его ноги» и немедленно

исполнила требуемое. Кроме того, уже при Агуме Касситская Вавилония распространила свою власть к востоку, на обширное пространство гор Загроса (включая так называемую страну Кашшу, современный регион Лурестан, где обитала другая группа касситов).

Именно при касситах Вавилония была окончательно объединена территориально: при царе **Каштилиаше III** ей подчинились земли Приморья (сер. XV в. до н. э.). Последний царь Приморья Эгамиль был отвлечен войнами с Эламом, воспользовавшись этим, Каштилиаш III отправил в Приморье своего брата Улам-Буриаша. Тот уничтожил Эгамиля и принял титул «царь Приморья» в качестве фактического наместника своего брата. Со смертью Улам-Буриаша земли Приморья слились с Вавилонией. Приморцы было восстали, но новый царь Вавилона **Агум III** (сын Каштилиаша и племянник Улам-Буриаша) разгромил их и разрушил храм Эа, бога-покровителя Приморья. При тех же царях касситы захватили долину Среднего Евфрата, отобрав ее у Ханигальбата – Митанни, которое в это время увязло в войнах с египетским фараоном Тутмосом III. Характерно, что после касситской аннексии Приморья его жители еще до конца II тыс. до н. э. составляли в Месопотамии особый субэтнос «приморцев», отличный от собственно вавилонян – «аккадцев», но уже никогда не пытались отделиться от Вавилонии.

До касситов объединить регион удавалось только династиям Аккада и Ура – каждой на столетие – и дому Хаммурапи – всего на 30 лет, причем всем им приходилось подавлять сепаратизм крайнего Юга. После Улам-Буриаша Нижняя Месопотамия никогда уже не утрачивала политического единства. Собственно говоря, та страна, которую в древности называли Вавилонией, окончательно сформировалась как целое именно при касситах. Поэтому ассирийцы и 500 лет спустя после падения касситской династии продолжали именовать Вавилонию ее официальным названием при касситах – Кардуниаш.

Кроме того, касситские цари владели «страной Кашшу» (территорией, непосредственно заселенной касситскими племенами в горах южноцентрального Загроса), некоторыми областями Кутиума (страны кутиев) в североцентральном Загросе и даже районом современного Хамадана за Загросом, на Иранском плато (здесь ими была выстроена крепость, известная еще сотни лет спустя под названиями «Пристанище касситов» и «Крепость вавилонян»). Так далеко в восточные горы до них не проникал ни один вавилонский правитель.

В конце XV в. до н. э. касситский царь **Караиндаш** выступил против Египта, воевавшего тогда с Митанни, вынудил египетского фараона Тутмоса IV пойти на мир с митаннийцами и явился одним из учредителей так называемой Амарнской международной системы³¹. В результате начиная с правления Караиндаша между Египтом и Вавилонией установились стабильные дружественные отношения, заключались и возобновлялись договоры о «дружбе» и «братстве», касситские цари выдавали своих дочерей за египетских фараонов и получали в ответ богатые дары.

Касситская Вавилония в Амарнскую эпоху

Около 1400 г. до н. э. вспыхнул ожесточенный конфликт между касситским царем **Кадашман-Харбе** и все еще обитавшими в Вавилонии аморейскими племенами – они подняли мятеж и разгромили ряд храмовых центров. Одновременно против царя восстал столичный Вавилон. Кадашман-Харбе подавил восстание, залил город кровью, а затем изгнал из Вавилонии на запад, за Евфрат, «многочисленных сутиев [амореев] от восхода до заката солнца и привел их воинскую силу к небытию». Преследуя отступающих амореев, Кадашман-Харбе пересек Сирийскую степь и подчинил вавилонской власти ее обширные пространства с центром в Тадморе, установив общую границу с египетскими владениями в

³¹ «Амарнская международная система» – система постоянных мирных и дружественных дипломатических связей между царями Митанни, Египта и Вавилонии, действовавшая до середины XIV в. до н. э.

Южной Сирии и Заиорданье.

Оттесненные касситами к оазису Дамаска, сутии-амореи составили ядро древнееврейской этнической общности. Обширные земельные угодья, занимавшиеся ранее в Вавилонии скотоводами-амореями, теперь достались земледельцам и были частично вовлечены в куплю-продажу. Это было одним из источников экономического взлета и стремительного роста внутренней торговли, которые, как явствует из обилия деловой документации, произошли в Вавилонии в середине XIV в. до н. э. В 1-й половине XIV в. до н. э. вавилонским вассалом успел побывать, хотя и недолго, Ашшур.

Куригальзу I (ок. 1380 г. до н. э.) выстроил себе новую военно-служилую столицу – Дур-Куригальзу, где был полновластным хозяином. Вавилон остался священной столицей, имевшей самоуправление, а местопребыванием вавилонских царей, средоточием царской администрации стал Дур-Куригальзу. На востоке Куригальзу I громил эламитов, и однажды разграбил их столицу Сузы. На западе он прочно владел положением в Сирийской степи и на рубежах Сирии и был столь могущественным, что его власть едва не принял египетский Ханаан.

В письме более позднего вавилонского царя Бурна-Буриа-ша II египетскому царю сказано: «При Куригальзу, моем пращуре, ханаанеи, стакнувшись меж собой, написали ему: “На границу Египта мы пойдем с мятежом, и с тобой заключим союз”. Мой пращур написал им следующее: “Не ищите союза со мной! Если вы поведете вражду с царем Египта, моим братом, и захотите присоединиться к кому-либо другому, не приду ли я и не разорю вас, ибо он в союзе со мной?” Мой пращур ради твоего отца их не послушал!»

Правда, преемник Куригальзу **Кадашман-Эллиль I** (ок. 1370 г. до н. э.) занял довольно жалкую позицию в отношениях со своим египетским партнером Аменхотепом III. Его письма полны унылых попреков по поводу недостаточного уважения, оказываемого ему египтянами, вперемешку с униженными просьбами, прежде всего о подарках. Дошло до того, что вавилонянин попросил дочь фараона в жены, и, получив отказ на том основании, что «издревле дочь египетского царя не отдают замуж чужеземцам», не успокоился, а предложил иной выход: прислать ему любую египтянку, которую он мог бы выдать за египетскую царевну перед своими подданными! Фараон, разумеется, ответил отказом.

Однако уже его преемник **Бурна-Буриаш II** (ок. 1366–1340 гг. до н. э.) взял в обращении с фараонами совсем иной тон, твердо оградя свое достоинство от какого-либо неравенства в отношениях, и наглядно продемонстрировал, что позиция Кадашман-Эллиля была продиктована его личной слабостью, а не слабостью его страны. Ему, правда, не удалось вернуть контроль над Ашшуром, который сначала признал вавилонский сюзеренитет, но потом отложился и в качестве независимого государства отправил послов в Египет. Бурна-Буриаш с негодованием писал по этому поводу египетскому фараону: «Теперь, вот, ашшурцы – мои вассалы, разве я не сообщал тебе, чего они хотят? Почему они пришли в твою страну? Если ты любишь меня, пусть они не сделают никакого дела. Отправь их назад с пустыми руками!» Фараон не исполнил этой просьбы.

Тем не менее правление Бурна-Буриаша II было апогеем касситского могущества. Воспользовавшись поражением Митанни в борьбе с хеттами, он захватил зависевшую до того от Митанни Аррапху – важную область в бассейне Среднего Тигра, установил союз с хеттским Суппилулиумой, за которого выдал дочь, ставшую великой царицей Хатти. Позднее Бурна-Буриаш II примирился с Ашшуром (царь Ашшурубаллит даже выдал за него замуж свою дочь) и, наконец, с относительным успехом отразил первое нашествие арамейско-ахламейских племен – новой волны семитских кочевников, обрушившейся на Средний Евфрат из Северо-Восточной Аравии. Однако Сирийскую степь при этом заняли ахламеи, и она была потеряна для вавилонян. В следующие три столетия ахламеи Сирийской степи постоянно угрожали караванам, двигавшимся вдоль Евфрата. Арамеи же поселились в Южной Сирии³².

³² Арамеи и ахламеи были близкородственными ветвями одной кочевой этнолингвистической общности,

Ассиро-вавилонские войны. Падение касситской династии

При Бурна-Буриаше II город-государство Ашшур, который он поначалу тщетно пытался вернуть под свой контроль, захватил обширные окрестные земли и превратился в великую державу *Ассирию*. Как упоминалось, Бурна-Буриаш и сам вынужден был признать это, женившись на дочери основателя этого ассирийского великодержавия – Ашшурубаллита I. Впервые за всю историю Месопотамии в ней появились две соседствующие друг с другом великие державы, в которых говорили на одном и том же языке, поклонялись богам одного и того же пантеона и осуществляли одни и те же ритуалы. Борьба между ними была неизбежна.

После смерти Бурна-Буриаша началась череда войн Вавилона с усилившейся Ассирией, растянувшаяся в общей сложности на 150 лет. Проходя в целом с переменным успехом, эти войны иногда оборачивались катастрофами для вавилонян. Однако характерно, что на протяжении всего этого времени ассирийцы не получили прочного перевеса, несмотря на постоянный рост масштабов их экспансии.

Начал эти войны Ашшурубаллит, воспользовавшись переворотом в Вавилонии. После смерти Бурна-Буриаша его преемник, внук Ашшурубаллита по женской линии, был свергнут. Под лозунгом мести за внука Ашшурубаллит I вторгся в Вавилонию и посадил на ее престол другого сына Бурна-Буриаша II – **Куригальзу II**. Тот, однако, не пожелал подчиниться чьему бы то ни было влиянию, поскольку сам был великим воителем, беспощадным к врагам и милостивым к сдавшимся. О его походах на восток, в Элам, красочно сообщает более поздняя вавилонская летопись: «Он предал всех врагов мечу, не оставил ни единой живой души. Слово целое волнующееся море заполнили их кровью... Вражеские воины вновь сказали: “Мы не знали, Куригальзу, что ты одолел все народы. Нам не было равно среди народов. Теперь ты укротил нас! Двинемся, отыщем, где ты находишься, и принесем тебе дань! Поможем, чтобы твоя рука завоевала другие страны!”»

Подчинив эламского царя Хурбатулу, Куригальзу II титуловал себя в Эламе «покровитель Суз и Элама» и двинулся дальше на восток, разгромив могущественную страну *Варакше*, охватывавшую современные Керман и западный Белуджистан. Он столкнулся и с новым ассирийским царем; обе стороны потом хвалились победой в кровопролитном сражении (на деле, как видно, победителей не было). В этих и последующих столкновениях конца XIV – начала XIII в. до н. э. стороны оспаривали друг у друга только незначительные пограничные территории в Аррапхе.

Вследствие этих событий около 1275 г. до н. э. был заключен устойчивый союз Вавилонии малоазиатским с Хеттским царством – ему тоже угрожали ассирийцы. Правда, союз с хеттами не всегда был приятен касситам: «Ты пишешь нам не как брат, а командуешь нами, как своими рабами», – писали как-то из Вавилона хеттскому царю Хаттусили III, основателю союза. Первоначально союз пошел на пользу обеим сторонам. Резкие дипломатические демарши касситского царя Кадашман-Тургу, с которыми он выступил в пользу Хаттусили, воевавшего тогда с фараоном Рамсесом II (касситский царь изъявил готовность вступить в войну на хеттской стороне), были одним из важнейших факторов, побудивших Рамсеса II заключить свой знаменитый мирный договор с Хаттусили (1270 г. до н. э.).

Впоследствии Кадашман-Тургу в отместку за обиду, нанесенную Рамсесом хеттскому царю Хаттусили, разорвал с Египтом дипломатические связи. В обоих случаях Вавилония сыграла роль своего рода покровителя хеттов, что ярко свидетельствует о ее могуществе. Затем, однако, встревоженные хетто-вавилонским союзом ассирийцы отобрали у Кадашман-Тургу долину Среднего Евфрата, отрезав тем самым Хеттское царство от

которую древние называли то арамейской, то ахламейской; современная наука называет язык этой общности и ее саму арамейскими в широком смысле этого слова.

Вавилонии.

Подстрекая следующего касситского царя Кадашман-Эллиля II воевать против Ассирии, Хаттусили III писал ему: «Я слышал, что мой брат возмужал и ходит на охоту – мужчиной стал отпрыск моего брата Кадашман-Тур-гу! Так иди, разграбь враждебную страну [Ассирию] так, чтобы слава об этом достигла меня! Брату моему я скажу, что о нем говорят: он, мол, царь, который оружие изготовил к бою, а сам и сел сиднем. Разве не так о тебе говорят? И разве это не так на самом деле? На страну враждебную иди и врага уничтожь!»

В том же письме Хаттусили подвергает пассивность своего союзника еще более резким насмешкам. Тот писал, что не может присылать Хаттусили послов, так как их путь вдоль Среднего Евфрата проходит через ассирийскую территорию, и к тому же ему угрожают ахламеи. Хаттусили отвечал: «Теперь о том, что мой брат мне написал: “Что я послов моих задерживаю – это из-за враждебных ахламеев я задерживаю моих послов!” В чем дело? Как это, брат мой, ты задерживаешь своих послов из-за ахламеев? Или, брат мой, царственность твоего царствования маловата? В стране брата моего коней больше, чем соломы. Воистину, я, что ли, должен прислать твоему послу тысячу колесниц конвоя, чтобы она сопровождала его в Туттуль [на границу хеттских владений]? Действительно, вот тогда уж ахламеи придержат свои руки! А если мой брат говорит: “Царь-де Ассирии не дает моим послам проходить по его территории!” – так ведь царь Ассирии своей пехотой и колесницами твоей страны еще не завоевал! Твой посол пробьется и силой! Кто такой этот царь Ассирии, что он задерживает твоих послов? Мои послы проходят – а твоих послов задерживает царь Ассирии, так что ты не можешь пробиться в мою страну? Брат мой, ты великий царь, и в потомстве ты должен быть победителем».

Через некоторое время вавилоняне действительно провели успешную войну против ассирийцев и отобрали у Ассирии долину Среднего Евфрата, вновь установив прямой территориальный контакт с хеттами. Вскоре хеттская интервенция помогла другому касситскому царю, **Шагаракти-Шуриашу**, свергнутому было каким-то безродным узурпатором, вернуть себе престол (ок. 1240 г. до н. э.). К вавилонянам от Ассирии перешли также Аррапха и области Загроса.

Однако новый ассирийский царь Тукульти-Нинурта I (1233–1197 гг. до н. э.) наголову разгромил и пленил очередного касситского царя **Каштилиаша IV**. Победитель угнал его в железных цепях в Ассирию, взял Вавилон, вывез оттуда статую Мардука, вернул Ассирии недавние территориальные утраты, а всю оставшуюся Вавилонию превратил в оккупированную область. Это было небывалым успехом. Однако через 7 лет в Вавилонии вспыхнуло антиассирийское восстание, возглавляемое представителями касситской династии. Восставшим пришлось бороться на два фронта – против ассирийцев и набегов стремительно набирающего могущество Элама. В итоге ассирийцы еще при жизни Тукульти-Нинурты I были изгнаны из Вавилонии, и в начале XII в. до н. э. при касситском царе Вавилона **Ададшумуцуре** происходит кратковременное возрождение вавилонского могущества. Под влияние Вавилона подпала и сама Ассирия, на престол которой Ададшумуцур смог посадить своего ставленника из числа ассирийских царевичей.

Масштабы ассирийского натиска на Касситский Вавилон в XIV–XIII вв. до н. э. непрерывно возрастали, но никаких прочных приобретений на этом фронте ассирийцы сделать не могли, и «последнее слово» всякий раз оставалось за касситами. Положение дел изменилось только после внезапного уничтожения Кардуниаша Эламом. Во 2-й четверти XII в. до н. э. эламиты совершили несколько опустошительных походов на Месопотамию и около 1150 г. до н. э. полностью оккупировали Вавилонию. Ее города и храмы были разграблены, а последнего касситского царя вместе с его знатью победители угнали в плен в Элам.

И по размерам, и по внешнеполитическому могуществу Касситская Вавилония была

одной из крупнейших держав Древнего Востока II тыс. до н. э. Ни в одной из существовавших до нее держав Месопотамии не было столь значительной территории, находившейся под непосредственным управлением царя (без земель вассальных царьков). Однако она разделила участь всех прочих великих держав Месопотамии – все они внезапно гибли под ударами соседей после столетий могущества. Причины подобных катастроф, отстоящих от нас на тысячелетия, почти никогда не ясны.

Глава 13 **Мировоззрение и культура Древней Месопотамии**

Боги, судьба и люди в Древней Месопотамии

Мировоззрение месопотамцев было типичным порождением ближневосточной языческой древности. Абсолютных начал для месопотамцев не существовало, как и противопоставления разных уровней бытия: естественного – сверхъестественного, духовного – плотского и т. д. Используя современную терминологию, можно сказать, что все сущее было для них «материально», нецелостно, уязвимо и конечно во времени и пространстве. Они не знали ни догм, ни собственно религиозной веры, а свои суждения о мире строили, по-видимому, на основе разумной интерпретации того, что казалось им объективным опытом (как и современная естественная наука).

В месопотамской картине мира нет ни универсального промысла, ни благодати как руководящего начала. В конечном счете она оказывается такой же слепой и раздробленной, находящейся в рамках космической несвободы, какой ее видит атеистически настроенный физик нашего времени. Существование богов ничего здесь не меняло, так как они сами были не всемогущи, не всеблаг и не сверхъестественны. Как справедливо отмечал выдающийся историк культуры Г. Франкфорт, в Месопотамии боги не выделяются из «естественного» хода событий, а считаются его главной частью.

Людам, по их собственному мнению, оставалось в своих интересах распорядиться тем немногим, что им отпущено на этом и на том свете. Заранее заданного, «объективного» смысла в существовании они не усматривали вообще. Единственной здравой целью жизни, которую могло бы себе поставить живое существо, будь то бессмертный бог или смертный человек, считалось удовлетворение его основных потребностей (включая социальные и эмпатические, связывающие его с другими личностями). Смысл и высший авторитет общей поведенческой нормы и всего основанного на ней социального порядка видели именно в том, что вне них достижение указанной выше цели было для людей совершенно невозможно. Следует подчеркнуть, что этика никоим образом не считалась порождением богов, спущенным людям «сверху». Этические нормы вырабатывали сами разумные существа для защиты и осуществления своих природных потребностей, так как те были необходимы для их наилучшего выживания.

Наблюдения над окружающим миром не оставляли у месопотамцев сомнений в том, что во Вселенной действуют силы двух совершенно разных порядков: 1) рутинные, достаточно хорошо известные; 2) неизмеримо более таинственные и непредсказуемые «высшие» силы, невероятные по мощи и масштабам действия на людей и мир. Главными носителями «высших» сил в Месопотамии, как и в других странах древности, считались особые существа (боги или духи), наделенные разумом, волей и рядом уникальных характеристик, отличающих их от всех остальных объектов мира. Это и фактическое бессмертие, и способность принимать вещественные воплощения или обходиться без них, и способность одновременно пребывать в наблюдаемом временно-пространственном «измерении» и вне его, находиться и действовать сразу во многих точках пространственно-временного континуума, и невероятное могущество и осведомленность. Любое соприкосновение с силами такого рода, учитывая их непредсказуемость и мощь, было

для людей необычайно рискованным. Поэтому все ситуации, чреватые подобным соприкосновением, необходимо было окружать множеством ритуальных запретов и предписаний.

Мир богов моделировался по образу и подобию мира людей: в нем были свои владыки и подданные, движимые примерно теми же мотивами и ценностями, что и люди. В частности, шумеро-аккадский пантеон возглавлялся (как почти по всей Западной Евразии) двумя богами: высший небесный космовладыка *Ан* («Небо»), пребывающий в вечном покое вдали от мира, и его сын/наместник *Энлиль* («Господин дыхания/воздуха»), космостроитель, который и осуществляет собственно управление делами Вселенной (аналогичные роли играли Ил Отцовский и Ил у западных семитов, бог неба и бог грома у ранних индоевропейцев). Нельзя не угадать здесь отражение распространенной в первобытности практики раздела полномочий между сакральным и военным вождями человеческого сообщества.

Важнейшим понятием месопотамской картины мира была «судьба» (аккад. *шимту*, досл. «нечто установленное, определенное извне»). *Шимту* каждого объекта – это совокупность всего, что происходит с ним по чьей-то чужой воле, независимо от его собственной. В частности, все, что кто-то вменяет кому-то (например, царское пожалование или имущество, завещанное частным лицом в чью-то пользу), считалось *шимту*.

Представления о *шимту* были сложными. Месопотамцы полагали, что какая-то часть всей совокупности *шимту* предустановлена изначально сама собой, раз и навсегда, и неизменяема даже усилиями богов. Все остальное в *шимту* в разное время предустанавливается, устанавливается и переустанавливается богами и людьми в меру их влиятельности и желания вмешиваться в чужие судьбы. В частности, боги на своей ежегодной ассамблее утверждали судьбы мира, в том числе людей, на ближайший год, а потом любой из них мог определять и изменять *шимту* данного лица «в текущем режиме», в ответ на те или иные его действия, наказывая и награждая его за них или исполняя его молитвы. Тем самым любое существо в принципе могло влиять на свое *шимту*, в том числе играя на противоречиях между различными силами.

Наконец, не все, что происходит с кем-либо, считалось его *шимту*, т. е. чем-то установленным для него извне. Всегда оставался некий, хотя и небольшой, простор для реализации свободной воли и для «воли случая». А поскольку все существа месопотамской Вселенной, включая богов, «конечны» и не всемогущи, то у всякого из них был некий, пусть и ничтожно малый шанс пересилить внешние установления, включая даже намерения богов. Так, любимый эпический герой месопотамцев Гильгамеш идет наперекор воле одних богов при невмешательстве других и остается победителем. О том, что надежды на такой оборот были достаточно распространены, свидетельствуют «богоборческие» личные имена некоторых месопотамцев (например, «Не боящийся бога»). В итоге фактически состоявшееся *шимту* оказывается ближе к результатам броуновского движения, чем к осуществлению какого-то заранее предначертанного плана.

Более могущественные и стоящие выше в естественной космической иерархии существа определяли *шимту* для нижестоящих, и львиная доля того, что происходило в жизни людей, как и подавляющая часть их свойств, устанавливалась для них богами, т. е. была *шимту*. Во-первых, боги некогда создали людей, наделив их общей природой; во-вторых, они определяли некое первичное *шимту* каждого человека (как его качества, так и основную канву жизни) при его рождении и, в-третьих, меняли ее впоследствии, в том числе в ответе на те или иные дела самого человека.

По месопотамским представлениям боги сотворили людей, чтобы избавиться от утомительных трудов по самообеспечению. До этого они должны были сами заниматься тяжелым трудом, добывая себе пропитание, жили в скверных жилищах и т. п. Теперь люди кормили богов жертвами, чествовали и обеспечивали их обиталищами-храмами и всевозможными драгоценными предметами, а боги могли проводить время в неведомой им ранее роскоши и почете. При этом люди служили богам не из приверженности к ним и не

ради приобщения к их замыслам, а исключительно в собственных интересах, чтобы добиться покровительства богов и избежать губительных последствий их гнева в обычных житейских делах. Учитывая могущество и активность богов, обеспечить себе сколько-нибудь сносное существование вне постоянного поклонения им считалось совершенно невозможным. Для того чтобы жить в довольстве и стабильности, такое поклонение оказывалось необходимым, и в этом смысле оно само являлось установленной богами для людей долей – шимту.

Правда, в рамках нормативной месопотамской культуры находил себе место и прямо противоположный взгляд, согласно которому боги настолько капризны и непредсказуемы, что почитать их бессмысленно, а сильный человек проживет и не добиваясь их благоволения. «Бога все равно не приучишь ходить за тобой, как собаку» – гласит месопотамская пословица. Это воззрение не вызывало в Месопотамии каких-либо принципиальных теоретических возражений. Однако его считали недостаточно основательным и неоправданно рискованным на практике. В итоге такое отношение к богам оставалось индивидуальным и довольно редким выбором отдельных людей, а корпорации и сообщества никогда не шли на подобный риск. Никому не запрещали брать «богоборческое» имя, но едва ли это считалось благоразумным. В одном из текстов прямо сказано, что без повиновения богам люди могли бы существовать лишь так, как живут дикие звери и разбойники.

Многообразные взаимоотношения, в которые в результате вступали друг с другом боги и люди Месопотамии, можно свести к следующим основным аспектам:

1) люди регулярно приносят богам жертвы, строят для них храмы, совершают ритуалы чествования;

2) боги оказывают людям покровительство и поддержку в житейских делах (как по собственной инициативе, так и по человеческим молитвам). В частности, боги помогают поддерживать социальный порядок (прежде всего мерами «точечного воздействия», наказывая нарушителей этого порядка и награждая его приверженцев и защитников);

3) боги принимают участие в ритуалах, обеспечивающих жизнь людей (новогодние обряды, обряд «священного брака» и др.), что придает этим ритуалам действенность;

4) боги, по собственной инициативе или по запросам людей, посылают им различные извещения (требования, предупреждения, изъявления недовольства). Это позволяет людям, учитывая полученные сведения, избегать опасности, а также дает им время на то, чтобы попытаться упросить богов переменить их судьбу к лучшему, или на то, чтобы предупредить наказание, исправив или искупив те свои действия, которые его навлекли;

5) упущения в осуществлении культа, вольное или невольное нарушение требований богов или просто каприз последних грозят людям самыми губительными последствиями. Предупреждать, предотвращать и смягчать эти последствия (прежде всего выяснением божественной воли, соблюдением ритуальных запретов и умиловительными ритуалами) было одной из важнейших задач людей в их общении с богами.

Центрами столь многообразного общения с богами были храмы городских богов-покровителей (многие из них одновременно играли важную специфическую роль в общемесопотамском пантеоне). На загробный мир месопотамцы смотрели без всяких надежд: что бы они ни делали, там всех ожидала одна, и очень плохая, судьба – по выражению И. С. Ключкова, «жалкое прозябание», принципиально лишённое каких бы то ни было радостей. За пределами земной жизни заботиться людям было не о чем.

Богообщение являлось прежде всего делом государства и привлеченных им для этой цели профессионалов-жрецов; частный человек был вовлечен в него гораздо меньше. По выражению выдающегося ассириолога Л. Оппенгейма, Месопотамия была страной с «редкостно умеренным религиозным климатом». Рядовые люди практически не общались с великими богами. У каждого человека были личные покровители – бог и богиня, предстательствовавшие за него перед остальными богами и приглядывавшие за всеми его делами. Месопотамцы ощущали себя и рабами, и детьми своих личных божеств-покровителей, часто величая их своими родителями. От них, в отличие от великих

богов, ждали справедливости и попечительности по отношению к своим питомцам: таковы были их обязанности. Личным богам писали письма, как близким родственникам. Один месопотамец, попав в беду, обратился к своему личному богу с упреком: «Что же ты мною пренебрегаешь? Кто тебе даст другого такого, как я?» У царей личных богов-покровителей могло быть множество, ими выступали великие боги пантеона.

При выборе отношения к богам в целом месопотамец колебался между тактикой «богобоязненного человека» (аккад. *палих-или*) и горьким осознанием того, что боги ведут себя слишком произвольно и непонятно, чтобы на них можно было полагаться. Цели общения с богами в любом случае были одни и те же – обеспечение житейских благ тех, кто в это общение вступает. От богов хотели прежде всего удачи, богатства, здоровья – в обмен на молитвы и жертвоприношения. В то же время люди не ждали от них особенной справедливости, заботливости, великодушия или последовательности. Они считали богов довольно капризными и непредсказуемыми существами (как мы помним, некоторые и вовсе не желали поэтому поклоняться богам, и остальные их за это не осуждали, хотя сами считали такой выбор слишком рискованным). Характерно, что, по представлениям месопотамцев, боги губят царства по одному капризу, а однажды по такому же капризу (а не из гнева, не в наказание за какую-либо вину и т. д.) погубили почти все живое на земле «потопом». В гимне величайшей из месопотамских богинь, Иштар, месопотамцы величали ее так:

Иштар, ты царишь полновластно, ты заступница людская!
Ты – воплей звезда, ты раздор среди братьев дружных!
Ты – предавшая друга, владычица распри!
Ты в судебных делах безупречна, ты завет земли и неба!
Имя твое внушает ужас, его хранят племена и народы!
Своих подданных ты судишь по справедливости и правде!

(Пер. В. К. Афанасьевой)

То, что Иштар здесь приписываются этически противоположные качества и поступки, никого не удивляло. Богиню почитали пышными ритуалами и богатыми жертвами и в то же время с восторгом слушали и воспроизводили предания о том, как великий герой Гильгамеш обличил ее предательство и злонравие и посмеялся над ней.

Иногда, однако, в Месопотамии приходили к выводу, что боги справедливы и попечительны, и тогда вставал вопрос: почему страдают невинные люди, которые, казалось бы, ничем не могли вызвать их гнев?

Месопотамский взгляд на жизнь

Этика – совокупность представлений о том, как члены общества должны обращаться друг с другом, и практическое воплощение этих представлений, это ключевая составляющая жизни всякого сообщества. (Имеется в виду не какая-либо отвлеченная теория, а взгляды на жизнь, присущие всему обществу и определяющие его быт и нравы.) Отличительной чертой месопотамской этики было полное отсутствие того, что сегодня мы назвали бы «идеологическими» или «абсолютными» ценностями (исключая само физическое благополучие общества и его членов). Иными словами, общество не устанавливало ценности, которые считались бы нужными всем вместе, но при этом никому в отдельности. Признанные же ценности определялись именно тем, насколько они нужны были отдельным людям, составляющим общество.

Первичные ключевые понятия месопотамской этики – *индивидуальная радость* и *страдание* (физическое и эмоциональное). «Иерархии радостей», т. е. деления их «по природе» на пристойные и непристойные, низменные и высокие, не существовало, поскольку они рассматривались прежде всего на индивидуальном уровне. Цель человеческой жизни усматривалась в достижении тех или иных личных радостей.

Не следует, однако, представлять себе месопотамское общество скопищем алчных эгоцентриков. В таком случае оно просто не могло бы существовать. Еще одним центральным понятием месопотамской этики являлось взаимное обязательство, которое люди выполняли затем, чтобы совместными усилиями обеспечивать радости и уменьшать страдания. Само общество воспринималось именно как наследственный и нерасторжимый союз, заключенный людьми с этой целью. Понятие «страна» существовало только как совокупное обозначение людей, составлявших ее. Именно взаимные обязательства людей делали их коллектив верховным авторитетом, во имя которого оправданы и необходимы самые тяжелые личные жертвы.

На деле жители Месопотамии проявляли не меньше самопожертвования, чем другие народы. Граждане Вавилона, отстаивая независимость своего города от иноземных завоевателей, будь то ассирийцы или персы, в течение VIII–V вв. до н. э. раз за разом поднимали восстания против них, обороняясь с исключительным упорством, и шли на любые жертвы. У царей Месопотамии, когда они терпели окончательное поражение и им грозил неизбежный плен, было в обычае запирались в своих дворцах и сжигать там себя вместе со своими приверженцами. Такое самосожжение могло быть только добровольным. Массовые самосожжения из нежелания сдать врагу и готовности принять смерть вслед за своим царем (хотя на загробную награду месопотамцам рассчитывать не приходилось!) совершались в Месопотамии неоднократно. Однако, во-первых, у месопотамцев постоянно присутствовало ощущение, что стране, т. е. другим членам коллектива, следует служить потому, что они состоят с тобой в необходимых тебе же самому обязательствах ненападения и взаимопомощи. Во-вторых, к жертвам во имя коллектива относились без всякого энтузиазма, да общество его и не требовало.

Таким образом, сущностью месопотамской этики была ориентация на потребности отдельного человека, хотя применительно к Древнему Востоку это может выглядеть несколько неожиданно. Отсюда вытекают и остальные ее особенности. Так, мы практически не сталкиваемся с противопоставлением общественной и личной этики, поскольку в обоих случаях речь идет только о взаимоотношениях людей и их групп, и долг по отношению к обществу мыслится как личное обязательство перед соотечественниками. Социальный ранг человека не считался чем-то принципиально значимым при определении его личного достоинства. Поэтому Месопотамия не знала каст и кастового духа, и для нее, как мы видели на примере старовавилонского общества, были совершенно не характерны жесткие психологические и социальные перегородки между «верхами» и «низами» общества.

Любое общество определенным образом отвечает своим членам на вопрос, почему именно надо поступать «хорошо»; месопотамцы апеллировали при этом прежде всего к жизненным интересам самого человека. Лояльность по отношению к богам обосновывали тем, что человеку, который их не почитает, придется от них плохо. Необходимость соблюдать нормы поведения по отношению к людям мотивировалась, в частности, тем, что, как гласит месопотамская пословица, «кто на людей пойдет, на того люди поднимутся».

Всякое общество накладывает на своих членов различные ограничения, не позволяющие им причинять ущерб друг другу. Месопотамская культура отличалась тем, что в качестве этого ущерба рассматривался только очевидный физический или материальный вред, нанесенный человеку, его власти и имуществу; категорий «морального» или «духовного» вреда в современном понимании не существовало (т. е. общество в подобных случаях не вмешивалось). Люди сознательно стремились не налагать друг на друга стеснений и ограничений без прямой необходимости. Поэтому Месопотамия не знала ни законов против роскоши, ни ее осуждения, характерных для античных и средневековых европейских обществ; достаточно, чтобы она была достигнута честным путем. Иными словами, считалось, что чем полнее человек удовлетворяет свои собственные желания без прямого ущерба для других людей, тем лучше.

Таким образом, месопотамское общество санкционировало для своих членов весьма высокую степень свободы следовать собственным потребностям. Неудивительно, что у

сторонников более требовательных этических систем, например ветхозаветной, месопотамская этика вызывала резкое неприятие, как поощряющая «низменные» стороны человеческой природы (прежде всего стремление к удовольствиям), и не случайно именно Вавилон в устах ветхозаветных пророков на тысячи лет превратился в символ всяческого разврата и торжества «материальных начал», а образ «Вавилонской Блудницы» использовался в Ветхом Завете как символ гедонистической, антропоцентрической цивилизации вообще.

Основной целью наказания было возмещение ущерба и возмездие; ни воспитывать преступника, ни применять «в пример другим» демонстративные наказания, превышающие вину, никто не собирался. Карался не порок, а поступок. Не было и превентивных и групповых репрессий (по социальным, профессиональным или этническим признакам).

Наконец, понимая общество как некое соглашение, месопотамская этика в любых общественных делах избегала идеологизации и тяготела к конкретным решениям, диктуемым обычными житейскими ценностями. Когда цари Старовавилонского периода столкнулись с неконтролируемым ростом частной эксплуатации, приводящим к разорению множества людей, они не стали тратить время на то, чтобы выяснять, противоречит ли частная собственность социальной справедливости «вообще». И они, и их подданные исходили из того, что если человек дает в долг собственное добро, а потом взыскивает проценты, то само по себе это естественный и нормальный способ распоряжения своим имуществом; если же в итоге множество людей разоряются и закабаляются – это уже дело нетерпимое.

В результате в Месопотамии без всяких колебаний выбирали «средний» выход: никто не посягал на имущество ростовщика или само ростовщичество, но долговое рабство ограничивали, а долговую кабалу периодически аннулировали царскими указами. Подобный релятивизм освобождал от идеологических страстей любые социальные конфликты. Враждующие стороны не надеялись переделать человека и всю его жизнь, а хотели лишь несколько улучшить свое положение в рамках неизменных общественных установлений, без которых, по их мнению, обойтись в любом случае было бы нельзя. Иными словами, в Месопотамии исходили из *представления о неизменной природе человека*, определяющей столь же неизменные принципы общественного устройства. Поэтому там не было социально-политических революций. Открытые внутренние конфликты (не считая мятежей присоединенных областей) случались исключительно редко, их целью было избавление от злоупотреблений, происходящих в рамках существующей системы, – чрезмерных поборов, скверного царя и т. д., а не изменение самой системы.

В целом неидеологический, рациональный гедонизм месопотамской этики приводил, с одной стороны, к довольно высокой социальной стабильности и консерватизму, не исключавшему при необходимости политической и социальной гибкости; с другой – создавал относительно мягкий, ненапряженный и благожелательный психологический климат внутри страны. Кроме того, месопотамцы почти не знали этнокультурной вражды (поскольку считалось, что все люди более или менее похожи друг на друга, а коллективные ценности рассматривались скорее как дело данного коллектива, не касающееся прочих).

Особенности месопотамской этики ярко отразились в великих литературных произведениях, однако не менее образно выражены они и в месопотамских пословицах – творчестве самого народа. Пословицы передают рациональный релятивизм, прагматизм и гедонизм их создателей, но равным образом и приверженность их к осмысленному и высоко оцененному с точки зрения отдельных людей обычному социальному порядку. Приведем некоторые из них, дающие достаточно яркое представление о вавилонском взгляде на жизнь и о том, почему Ветхий Завет откликнулся на эти взгляды пресловутым образом «Вавилонской Блудницы».

Ничто не дорого, кроме сладостной жизни.

С хорошо устроенным имуществом, сынок, ничего не

сравнится.

Небо далеко, а земля драгоценна.

Не знать пива – не знать радости.

Не выделяйся среди других – плохо будет.

Не воруй – себя не губи. Вор-то лев, а поймали его – раб.

Сладкий тростник в чужом саду не ломай – возмещать

придется.

Не убивай, первым топор не подымай!

Проклятие ранит только внешне, подаяние убивает насмерть.

Ни добро, ни зло не освобождают сердца.

Плакался волк богу: «Я так одинок!»

Идешь на битву – не размахивай руками.

Герой – один-единственный, а обычных людей тьма.

Желанья-то как у бога, да сил нет у человека.

(Пер. Н. Б. Янковской)

Социально-политические концепции месопотамцев

Именно в Старо– и Среднеавилонский периоды окончательно сформировались основные социально-политические концепции Месопотамии. Ключевым понятием их еще с III тыс. до н. э. была *царственность* (шумер. нам-лугаль, аккад. шарруту), т. е. сам институт царской власти. Важность этого института в Месопотамии обусловлена прежде всего положением царя в системе взаимоотношений богов и людей. Именно царь, как уже отмечалось, был посредником между ними, доверенным лицом богов, предстоятелем и ответчиком за свой народ перед богами и, наконец, уполномоченным, ответственным перед богами и своим народом за связь между ними.

Царская власть не считалась чем-то изначально присущим человеческому обществу. В глубокой древности, по мнению месопотамцев, связи богов и людей поддерживались без царя. Лишь позднее боги «изобрели» царскую власть как средство наиболее эффективного осуществления этих связей и дали ее людям. Тем самым боги упростили и централизовали свое взаимодействие с людьми, сосредоточив его отныне вокруг фигуры царя, и снабдили людей лучшим средством обеспечения социального порядка, поддержания культа и храмового строительства.

В одном из ритуальных текстов верховный бог Ан так описывает обязанности царя: «Пусть царь исполняет безупречно для меня, Ана, обряды, установленные [для] его царственности, пусть он соблюдает установления богов для меня, пусть дарит мне подношения в день новолуния и в праздник Нового года; пусть доставляет мне хвалы, обращения и жалобы». В других текстах подчеркивается возложенная богами на царя задача по обеспечению социального порядка – а сам этот порядок мыслился прежде всего как система, позволяющая наиболее полно удовлетворять основные человеческие желания, обеспечивать довольство людям.

По заявлению царя Иссина Липит-Иштара, «меня, Липит-Иштара, для устроения справедливости в стране, для отвращения оружием вражды и насилия, для ублажения плоти Шумера и Аккада Ан и Энлиль избрали возглавлять страну»; по заявлению Хаммурапи, «меня, Хаммурапи, для того, чтобы дать сиять справедливости в стране, чтобы погубить незаконных и злодеев, чтобы сильный не притеснял слабого, призвали Ану и Энлиль для ублажения плоти людей... Мардук послал меня для управления людьми и установления благополучия страны». В вавилонских царских надписях акцент часто делается на том, как усердно они служат богам, в надписях куда более могущественных царей Ассирии – на том, как щедро боги изливают на них свое покровительство.

Шумеры допускали, что некоторые цари происходили от богов или сами становились

богами – в частности, после того как несколько раз «сливались» с настоящим богом, воплощая его в каком-либо ритуале. При III династии Ура и нескольких царских домах XX–XVIII вв. до н. э., пытавшихся продолжать ее традицию, на этом основании обожествлялись все цари, так как они участвовали в обряде «священного брака», воплощая бога – носителя плодородия. Однако с полной ассимиляцией шумеров восточными семитами (аккадцами) эти представления отошли в прошлое, так как у самых разных групп семитов существовала жесткая, непроницаемая грань между людьми и богами.

Случаи обожествления семитских правителей (не считая тех, кто подражал шумерской III династии Ура) наблюдались крайне редко и осуждались (достаточно вспомнить Нарамсуэна). Поэтому и в Вавилонии, и в Ассирии царь – только человек, хотя и не просто человек. Он не является ни воплощением, ни родичем, ни потомком богов (его происхождение вообще не играет особой роли), а лишь их ставленником, помощником в управлении людьми, избранным слугой, облеченным соответствующими полномочиями и ответственностью.

Династия Хаммурапи никогда не практиковала обожествления царей. После долгого перерыва эта традиция внешне возродилась при касситской династии Вавилона: имена многих царей этой династии пишутся с детерминативами божества (характерно, что касситские цари иногда проходили и обряд «священного брака»). Однако обращают на себя внимание три обстоятельства: 1) это относится не ко всем касситским царям; 2) основные мотивы для своего обожествления касситские цари черпали в своих исконных племенных месопотамских верованиях; 3) имена обожествленных касситских царей и в их собственных памятниках, и в памятниках их ближайших преемников пишутся то с детерминативом божества, то без него (а в позднейших хрониках – всегда без него). Таким образом, сами касситские государи не видели в своем обожествлении ничего существенного и принципиального! Это было своего рода «почетное обожествление»: по существу, оно ничего не меняло в положении царя ни по отношению к людям, ни по отношению к богам, оно являлось только знаком индивидуальной претензии царя на высшую степень близости к богам, возможную для человека-правителя. Прочие вавилонские цари, как и все цари Ассирии, не обожествляли себя вовсе, считая и такую претензию недопустимо самонадеянной.

Сходные изменения претерпели *представления о богосыновстве*. Шумеры в III тыс. до н. э. вполне допускали, что тот или иной царь может быть истинным сыном бога или богини. С начала же II тыс. до н. э. управителя подчас упоминалось по несколько таких божественных «отцов» и «матерей» (в том числе в пределах одного текста!); причем рядом с этими божественными «родителями», в тех же предложениях и пассажах, цари называли своих подлинных отца и мать. Иными словами, соответствующие эпитеты у царя (как и у его подданных) теперь стали лишь метафорой, передающей особую близость и крепость благой, как бы «сыновней», связи царя с его богами-покровителями, – метафоры, чуждой всяким представлениям о реальном богосыновстве.

Почетом окружалась не сама личность царя, а именно царственность (царская власть), которая была создана богами как нечто независимое от людей, вручалась ими царю как особый дар и могла быть в любой момент отнята у него. Кого именно выбирали боги для того, чтобы вручить ему царственность, оставалось делом их чистого произвола. С большей вероятностью выбор богов падал на сыновей, родичей и сообщников правителя, чем на иных лиц, однако и последнее происходило достаточно часто: смена династий в Месопотамии никакого удивления не вызывала.

Даже великие завоеватели, подобные ассирийскому Ашшурнацирапалу II (IX в. до н. э.), подчеркивали, что на момент божественного избрания они были совершенно безвестны и ничем не прославились, и все их свершения – целиком дары божества, избравшего их на царство. Точно так же в сказании о Саргоне Аккадском – самом успешном царе-основателе династии за всю историю Месопотамии – начало его биографии излагается самым приземленным образом, без упоминаний каких бы то ни было заслуг. Затем, как говорится в

сказании от лица Саргона, «когда садовником был я – Иштар меня полюбила» (никаких объяснений этому не приводится), и после этого, как из рога изобилия, хлынули и свершения, и доблести. Дальше других продвинулся Хаммурапи, из очень осторожных в этом случае формулировок его Законов можно понять, что боги избрали его на царство за «заботливость» и «богобоязненность», т. е. за стремление печься о подданных и богах – но именно за намерения, а не за заслуги или способности! Таким образом, избрание царя месопотамцы обычно представляли себе как акт божественного произвола, не связанный с реальными достижениями и качествами избранника. Эти достижения считались следствием выбора богов, а не основанием для него.

Как и других правителей Ближнего Востока, месопотамского царя можно назвать рабом непрерывного ряда детально расписанных по дням *ритуалов*. Основные жизнеобеспечивающие ритуалы Месопотамии были, однако, куда древнее царской власти и исконно носили общинный характер. Действительным протагонистом этих ритуалов и позднее оставалось, как правило, все сообщество, и в той мере, в какой царь играл в них стержневую роль, он делал это только вместе с сообществом как его верховный представитель.

К числу таких обрядов относился прежде всего описанный выше «*священный брак*». Владыки Ура пытались сделать его собственно царским ритуалом, не вовлекающим население, однако в конце концов, наоборот, цари перестали участвовать в нем. Другой важный обряд – *праздничный «прием» богов* людьми (когда их статуи ввозились в дома людей и «принимались» там как почетные гости на пиру в их честь). Порой и в этом обряде ключевую роль пытались играть цари: при III династии Ура и в Ассирии, начиная с Ададнерари I (XIII в. до н. э.), цари принимали богов в виде их главных статуй сами, в своих дворцах, независимо от подданных. Однако и в этом случае обряд параллельно осуществлялся в частных домах (туда вносились второстепенные изображения богов).

В *храмостроительных ритуалах* – а они имели первостепенное значение, так как от них зависела сама возможность связываться с богами, – царь, напротив, играл ведущую роль: он возглавлял и ритуальное очищение строительной площадки, и введение статуй богов во храм. Изготавливая собственными руками первый кирпич, царь единолично осуществлял наиболее важный шаг во всем процессе храмостроительства (храм можно было строить, только если кирпич выходил удачным, что считалось знаком одобрения всего строительного проекта со стороны богов). Храмовое строительство занимало (наряду с войной) первое место и в надписях царя, и в его реальной деятельности.

Киспу – экстраординарный обряд поминания и привлечения на сторону сообщества мертвых предков всех его членов – когда-то был чисто общинным, однако уже при династии Хаммурапи он фиксируется как царский ритуал, проводящийся от имени и во имя царя, без участия сообщества. Обряд «киспу» состоял в том, что «есть и пить» жертвенную трапезу за правящего царя последовательно призывались духи мертвых – сначала, по именам, все предки самого царя, затем суммарно все воины, павшие за бывших царей, все родичи бывших царей и, наконец, «все человечество от восхода до заката, те, кто не имеет молящегося за себя и чтущего себя».

Величайшим празднеством Месопотамии был многодневный Новогодний праздник («*акиту*»), когда и у людей, и у богов обновлялась благая энергия космоустройства, упорядочивания мира в свою пользу и одновременно обновлялась связь богов с почитающими их людьми. Во II–I тыс. до н. э. «акиту» так и остался действием всего сообщества: в праздновании участвовали все жители, а начинали и вели его жрецы (возглавляемые верховным жрецом верховного бога-покровителя страны), а не царь. Последний, однако, играл ключевую роль во всем комплексе обрядов: у него обновлялась и заново подтверждалась на следующий год его собственная связь с богами. Царь отдавал знаки своей царственности верховному жрецу, тот помещал их перед статуей верховного бога, «царя богов», в его святая-святых. Перед статуей царь подвергался ритуальному избиению жрецом и заявлял о своей ритуальной чистоте, после чего жрец снова вручал ему

от имени бога знаки царственности. В следующие дни царь во главе праздничной процессии сопровождал верховного бога на пир в особый дом «акиту», по которому и назывался весь праздник, и «брал его [правую] руку» (как и все прочие боги в ходе этого празднества; тем самым окончательно скреплялись на следующий год власть и покровительство «царя богов» и применительно к его подданным – богам, и применительно к его рабу – человеческому царю). Здесь царь, как обычно, оказывался главной точкой сосредоточения связей людей и богов.

Поскольку в ходе обряда новогоднего обновления сил цари должны были подвергаться довольно неприятным испытаниям, вплоть до побоев и таскания за бороду, они часто предпочитали на время ставить вместо себя заместителя – «подменного царя». Он проходил унижительный обряд, а сила считалась обновившейся у истинного царя. Иногда этот обычай приводил к неожиданным результатам. В XIX в. до н. э. царь Иссина Эрраи-митти поставил в качестве «подменного царя» собственного слугу-садовника Эллильбани, однако не успел тот пройти необходимых испытаний, говорится в тексте, как настоящий царь, «подавившись горячей кашей, умер», а садовник так и остался царем и правил не хуже своего предшественника.

Культура Месопотамии всегда предусматривала *возможность оправданного свержения и замены «плохого» царя*. Принципиальных идейных затруднений в этом вопросе не было. Считалось, однако, что соответствующая ситуация носит чрезвычайный характер и ни ее, ни механизмы ее разрешения нельзя формализовать и описать заранее. Право царя на власть непосредственно определялось тем, что боги доверяли ему царственность как своему избраннику. Пока правитель оставался таким избранником, выступать против него было не просто преступным, но и безнадежным делом. Однако боги, в наказание за определенные проступки и непокорность правителя или по своему произволу, могли вообще отвернуться от него и лишиться избранничества, т. е. отобрать у него царственность и сакральность. В этом случае занимавший престол человек оставался царем только по титулу, а страна оказывалась лишенной настоящего царя и, соответственно, столь необходимой связи с богами. Оставалось как можно скорее отнять у правителя власть, на которую он отныне не имел никакого права, и воцарить нового человека, получившего божественную санкцию на престол или способного ее добиться. Таким образом, месопотамцы при определенных обстоятельствах признавали даже не «право на мятеж», а «обязанность мятежа».

Признаками утраты царем благословения богов могли выступать любые знаки их гнева на него (потеря царем физической и психической дееспособности, особенно тяжелые поражения, бедствия страны) и сами по себе тяжкие нарушения правителем общественных норм и долга перед страной. Например, только безответственностью и проступками царя против общественных норм и интересов своей страны нововавилонская традиция обосновывает низвержение Набонида (VI в. до н. э.). Более раннее вавилонское «Поучение царю» (VIII в. до н. э.) перечисляло многочисленные беды, грозившие правителю за нарушение городских прав. Многие правители Месопотамии призывали богов свергнуть с престола того из их преемников, который посмеет изменить и присвоить их надписи (здесь речь идет именно о низвержении царя за нарушение нормы поведения). Описывая свержение царей, месопотамцы зачастую подчеркивали то, за какие скверные дела по отношению к стране и ее нормам они этого царя низвергли (с санкции богов). Таким образом, считалось, что царь отвечает за свои дела и перед страной, и перед богами, а люди взыскивают с него за неисполнение им своих обязанностей.

В результате в Ассирийской державе, например, узурпация престола и гражданские войны, в которых различные царевичи и сановники оспаривали престол у своих более удачливых соперников, стали (еще с кон. XIII в. до н. э., а особенно – с сер. VIII в. до н. э.) настоящим проклятием и сыграли решающую роль в ее страшной гибели на исходе VII в. до н. э. В Вавилонии было несколько спокойнее; на протяжении большей части своей истории она знала узурпации (правда, более редкие, чем в Ассирии), но почти не знала междоусобиц. В отличие от насильственного свержения в Месопотамии не практиковалось добровольного

или «добровольно-принудительного» отречения от престола. Низвергнутого царя почти всегда убивали; исключения были очень редки.

Хотя выбор богов в принципе мог пасть на любого человека, считалось, что они предпочитают передавать царственность одному из сыновей или ближайших родичей правящего царя, либо, в крайнем случае, члену той же городской общины. В итоге сложилось представление о так называемых *династиях* (шумер. *бала*, аккад. *палу* – «правление, срок правления, эпоха»), т. е. последовательности правления царей – выходцев из одной и той же территориальной общины или одного рода, непрерывно продолжающих одну и ту же линию властной преемственности. Считалось, что власть передается богами от одного города и одной династии к другим либо в наказание за проступки очередного правителя, либо по чистому произволу, просто для того, чтобы что-то изменить. Хаммурапи, однако, объявил, что по воле богов Вавилон, раз получив царственность (т. е. став столицей Месопотамии), никогда уже не утратит ее, и этот взгляд стал официальной позицией всех последующих вавилонских царей.

Удивительно, но и в шумерском царском списке времен III династии Ура, и в вавилонских списках некоторые династии, правившие параллельно, представлены как правившие последовательно, в порядке перехода владычества от одной к другой. Например, после последнего царя дома Хаммурапи в Вавилоне утвердился Гулькишар, шестой царь династии Приморья, а затем – касситская династия (в лице своего седьмого или восьмого царя). В итоге в вавилонском царском списке *все* цари Приморья идут после *всех* царей дома Хаммурапи и до *всех* царей касситской династии. Создавали ли таким образом составители списков сознательную фикцию ради конструирования непрерывной линии династической преемственности? Вряд ли: ведь одновременно они вели и синхронические списки царей, согласно которым правители этих «последовательных» династий являлись современниками друг друга! Скорее мы имеем дело с уникальной концепцией, согласно которой считалось, что переход царственности осуществляется в несколько ином временно-м измерении, чем ощущаемое людьми. В этом измерении, к примеру, царственность в Вавилоне успевала осуществить вся династия Приморья после всего дома Хаммурапи и до всей касситской династии, и только в проекции на ощущаемое людьми земное время правления этих династий оказываются частично параллельными.

Литература, наука и искусство древней Месопотамии

Важнейшим культурным достижением шумеров была *словесно-слоговая клинопись*, основанная на «ребусном» принципе (знак, обозначающий односложное слово, использовался также для обозначения соответствующего слога в составе любого слова). Как уже упоминалось, грамотность в Месопотамии была распространена довольно широко и очень уважалась.

В клинописном наследии выделяются тексты различных жанров: произведения мифологического содержания, повествующие о делах богов, в том числе об их борьбе с чудовищами хаоса и нисхождении в преисподнюю; эпические легенды о героях и царях; плачи о великих исторических катастрофах; надписи царей, прославляющие их деяния; хроники и царские списки, в которых месопотамцы стремились зафиксировать для себя самих историю страны и представить ее преемственность; «научные» тексты по всем отраслям знания – от многоязычных словарей и гадательных книг до медицинских инструкций и арифметических задачник; тексты ритуального содержания – заклинания, записи ритуалов, гимны, молитвы, плачи; любовная лирика; дидактические и философские произведения – так называемая литература мудрости, говорящая о судьбе и выборе человека в мире и необыкновенно популярная; сочинения с политической тенденцией, например поучения царю; сказки, в том числе бытовые (самый яркий пример – сказка о хитром ниппурском бедняке, который трижды смог безнаказанно исколотить обидевшего его градоправителя), басни, пословицы и поговорки.

Главными центрами грамотности были школы при дворцах и храмах. Они назывались «*дома табличек*», их руководители – «отцы домов табличек», а ученики – «сыновья домов табличек». Кроме простых учителей, в школах были преподаватели рисования и «воспитатель с розгами», который следил за посещаемостью и дисциплиной. В высшие специальные училища принимали только грамотных молодых людей. Здесь изучали ритуал, астрономию, природоведение, медицину. В школах обучали счету и измерениям.

При дворцах, храмах, школах и училищах были *библиотеки* «глиняных книг на разных языках». Сохранились библиотечные каталоги. Особое значение имела громадная библиотека, собранная по приказу Ашшурбанапала в Ниневии (по-видимому, там собирались полностью скопировать все произведения клинописной книжности), которая послужила для ассириологов важнейшим источником знаний о Месопотамии.

Вавилонская наука была, наряду с египетской, наиболее развитой на Ближнем Востоке. Эта слава сохранилась за ней и в последующие века: греки и римляне даже называли любого ученого, наделенного необычайными, колдовскими познаниями, словом «халдей», которое означало «житель Вавилонии» (по названию племени халдеев).

Вавилонская *астрономия и астрология* достигли особенных успехов и легли в основу многих позднейших представлений о небе. Основной задачей астрономии было, конечно, не простое исчисление времени (для этого достаточно было делать зарубки на дереве) и не ориентация в пространстве (месопотамская география никогда не использовала астрономических данных). Истинной целью астрономии древности являлось максимально точное установление «ритма жизни» небесных светил (которые, напомним, считались великими божествами). А это, в свою очередь, давало людям возможность синхронизировать ритм своей жизни с ритмом жизни богов и таким образом, во-первых, в какой-то мере приобщиться к их могуществу, а во-вторых, обратить на себя их благосклонное внимание.

Точность наблюдений вавилонских астрономов была весьма высока, и нам остается только удивляться тому, как они могли добиваться ее, не имея современных оптических приборов. Сейчас мы пользуемся месопотамскими названиями планет в античном переводе: например, вторая планета Солнца именуется Венерой (Венера – римская богиня любви) только потому, что римляне перевели таким образом вавилонское название этой планеты – Иштар (богиня любви в Вавилонии). Месопотамцы ввели также деление неба на 12 зодиакальных созвездий и их названия (Овен, Телец, Близнецы и т. д.). Счет времени по шестидесятиричной системе (секунды, минуты, часы) тоже заимствован у шумеров.

Еще в начале III тыс. до н. э. вся Месопотамия перешла на лунные календари с годом в 12 месяцев по 29 и 30 дней. К лунному году в 354 дня периодически в середине или конце добавлялся (совершенно произвольно и бессистемно) «високосный месяц», чтобы в итоге границы календарных лет не слишком расходились с границами солнечного, сельскохозяйственного года. Вариант лунного календаря, разработанный в священном шумерском городе Ниппуре, во II тыс. до н. э. утвердился во всей Вавилонии и существует до наших дней у арабов и евреев.

Математическая астрономия развилась в основном из наблюдений за жизнью обожествленных светил – Солнца, Луны и Венеры. Кроме того, очень рано месопотамцы пришли к выводу, что по положению этих светил и других звезд и планет можно судить о будущих событиях. Так зародилась знаменитая месопотамская астрология, использовавшая астрономические данные как предзнаменования. Звездное небо было поделено на несколько секторов; считалось, что светила расположены на восьми концентрических небесных сферах, отстоящих друг от друга примерно на 10 километров. Решающих успехов вавилонские астрономы достигли довольно поздно – в V–IV вв. до н. э. Именно тогда была разработана упорядоченная система согласования лунного года с солнечным, выделено 12 равных участков эклиптики – «Знаков зодиака», установлены основные параметры обращения Луны и планет. Вскоре вавилоняне научились даже довольно точно рассчитывать движение Луны и предсказывать ее затмение.

Математика носила сугубо прикладной характер. Поэтому составлялось огромное

количество вычислительных таблиц (наподобие нашей таблицы умножения) на все случаи жизни, которые заучивались наизусть. Большое внимание уделялось геометрическим задачам; они находили практическое применение при выполнении землемерных и ирригационных работ. Вавилоняне умели решать задачи на определение всевозможных параметров круга, трапеции и треугольника и довольно точно определяли число «пи». В области алгебры все внимание было сосредоточено на решении систем уравнений с несколькими неизвестными (до четырех!), а также квадратных уравнений. Только при решении таких задач вавилонская математика и переходила на «теоретический» уровень, так как в практической жизни месопотамцы с необходимостью решать квадратные уравнения не сталкивались.

Вавилонская математика во многом была не «абстрактно-логической» (как нынешняя), а «опытной» наукой: если на практике было известно, что такой-то способ вычислений дает приблизительно правильный результат, то его логическое обоснование никого не интересовало (что, естественно, зачастую приводило к математическим ошибкам). Это проводит резкую грань между прикладной математикой Месопотамии и позднейшей математикой как наукой.

Медицина в Вавилонии развивалась в двух основных направлениях – разработка целительной магии и диагностических гаданий и развитие настоящих, практических фармацевтических знаний и врачебных приемов. Характерной особенностью Месопотамии было то, что эти сферы оказались обособленными: в первой действовали заклинатели-*ашипу*, во второй – лекари-*асу*. Последние, конечно, тоже пользовались ритуалами, но нечасто и только как вспомогательными средствами, а лечили в основном травами и различными лекарствами.

Ашипу в конце концов одержали верх в конкурентной борьбе с асу, так как «ритуальное» лечение оказывало хотя бы психологическое воздействие, часто необычайно сильное, а лекари-асу во II тыс. до н. э. перешли к механическому заучиванию и применению рецептов, отказавшись от обследования больных и проверки старых и новых лекарств. Эффективность их лечения снижалась, и в целом месопотамская медицина сильно отставала от египетской (относительно высокого уровня достигала только хирургия – были разработаны специальные инструменты и еще в начале II тыс. до н. э. производились операции на глазах). Частично все это было вызвано чрезмерно развитым представлением о врачебной этике и ответственности врача. Например, по Законам Хаммурапи смерть или увечье больного при хирургической операции считалось невольным преступлением врача и карались отсечением руки. Именно поэтому наибольшее распространение получило лечение заговорами и заклинаниями, т. е. лечение ашипу, – за него такой ответственности не несли.

Постепенно настоящее лекарское искусство исчезло, уступив место знахарству, использовавшему заклинания. В результате в I тыс. до н. э. престиж врачей стоял так невысоко, что, по обычаю, больного выносили на площадь, чтобы проходящие могли поделиться с ним опытом и дать ему медицинский совет – от врачей более полезного совета все равно не ждали.

Искусство Месопотамии наиболее знаменито скульптурой (статуи царей и быкоподобных добрых демонов-защитников, крылатых шеду, рельефы), фресками из Мари и других столиц и архитектурой. Особенную известность приобрели сооружения Вавилона времени Навуходоносора II: отстроенная им Вавилонская башня – храм Мардука Этеменанки, висячие сады на искусственных «горах» (приписанные в итоге Семирамиде, но на деле построенные Навуходоносором для своей мидянки-жены, тосковавшей по родным горам), Дорога Процессий и Ворота Иштар с изразцовыми изображениями реальных и фантастических животных.

Основные мифы. «Энума Элиш»

Шумеро-аккадская «религия» отличалась устойчивостью основных концепций и

ритуалов. У шумеров, первых создателей цивилизации в Двуречье, было множество богов, их стали почитать и поселившиеся в Месопотамии аккадцы. Как и во многих других мифологиях Западной Евразии, предусматривались два «царя богов» – почти безвластный старший и властительный младший.

Первое место по старшинству занимал бог неба, «царь богов» *Ан* (аккад. Ану), но реальной властью пользовался не он (Ану был слишком высок, чтобы заниматься земными делами, и царствовал, но не управлял), а его сын, тоже звавшийся «царь богов», бог воздуха, ветра, дыхания и жизни *Энлиль* (по-шумерски это значит «Господин воздуха / дыхания»; аккадцы звали его Эллил и Бел – последнее слово значит по-аккадски «господин»; вероятно, это был эпитет изначального верховного бога аккадцев до того, как они поселились среди шумеров и отождествили его с Энлилем). Он осуществлял верховное управление миром. Энлилю поклонялись в главном культовом центре Шумера – городе Ниппуре.

Столицы крупных государств выдвигали на престол «царя богов» собственного бога-покровителя. По вавилонскому мифу, собрание богов вынуждено было провозгласить своим царем *Мардука*, чтобы тот избавил мир от хаоса, исходящего от чудовища Тиамат. Аналогично в Ассирии «царем всех богов» был *Ашшур*.

За Энлилем по старшинству следовал *Энки* (аккад. Эа) – владыка пресных вод, хранитель высшей мудрости и полезных житейских знаний, особенно благосклонный к человеку; затем *Инанна* (аккад. Иштар) – богиня плодородия, любви и войны, круговорота жизни и смерти; бог солнца и социального порядка, хранитель справедливости *Уту* (аккад. Шамаш, досл. «солнце»), бог луны *Нанна* (аккад. Син) и др. Существенную роль в мифологии играла *Нинхурсаг* – «мать всего живого». Выделялись также две большие группы богов: небесные *Игиги* (или «великие князья») и подземные и земные *Ануннаки* («семья князя», т. е. младшие потомки Ану). Семью великими игигами в Вавилонии считались Ан, Энлиль, Эа, Син, Шамаш, Мардук (бог – покровитель Вавилона, выдвинувшийся затем на первое место в пантеоне) и Иштар.

У аккадцев большим почитанием пользовался бог луны *Син* и бог писцового искусства и ученых знаний *Набу*. Типично сельскохозяйственный характер носил культ бога растительности – умирающего и воскресающего *Думузи* (аккад. Таммуз). Подземным миром правили богиня *Эрешкигаль* и ее супруг бог смерти *Нергал*. Их страшились все божества. Близок к ним по функциям был бог чумы *Эрра*. Боги-воители – бог бури, грома и молний *Адад* и бог войны и охоты *Нинурта* – выдвинулись в связи с появлением военных держав, их особенно почитали воинственные цари.

Месопотамские боги отождествлялись с небесными светилами, но, в отличие от египетских, обычно имели человеческий облик. Иные черты встречались редко: например, Энки изображали с рыбьим хвостом. Атрибутами богов были рогатые тиары и устрашающий смертоносный блеск, исходивший от них.

К числу наиболее ярких мифов Месопотамии принадлежат рассказы о потопе, о Мардуке – боге-покровителе города Вавилона, о богине Инанне и ее возлюбленном – боге Думузи.

Миф о потопе повествует о том, как боги из одного каприза решили уничтожить всех людей, наслав на землю чудовищное наводнение – великий потоп. По милости доброго Эа спасся один только праведный Зиусудра (у аккадцев он звался Утнапиштим). В этом предании отразились воспоминания о реальном событии – о гигантском наводнении, затопившем всю Нижнюю Месопотамию около 2900 г. до н. э. Впоследствии этот месопотамский миф лег в основу библейского предания о Всемирном потопе.

Миф об Инанне и Думузи куда более древний. Согласно ему, две сестры-богини разделили власть: Инанна, богиня любви, правила на небесах, а Эрешкигаль, мрачная богиня смерти, – в подземном царстве мертвых, «Стране без возврата». Инанна отважно спустилась во владения Эрешкигаль, чтобы сокрушить ее владычество, воскресить мертвых и избавить весь мир от смерти. Однако Эрешкигаль в своих владениях оказалась гораздо сильнее Инанны и взяла ее в плен. Она была готова отпустить сестру на небо, если найдется тот, кто

вместо нее спустится в подземное царство и согласится терпеть мучения преисподней. Выкупом за Инанну стал ее возлюбленный, юный пастух Думузи. Ценой этой жертвы Инанна вернулась на небо. Думузи же каждые полгода вынужден был опускаться в преисподнюю, т. е. умирать, а на другие полгода он возвращался на землю. Это предание об умирающем и воскресающем боге призвано было объяснить круговорот жизни и смерти и смену времен года – весны, поры рождения, и осени, времени увядания растительности.

Крупнейшим из месопотамских мифологических эпосов была вавилонская «поэма» о сотворении мира, или «Энума элиш» (аккад. «когда вверху» – первые слова текста, по которым месопотамцы называли свои литературные произведения), рассказывающая о происхождении Вселенной и устройстве мира богов. В поэме два содержательных слоя: первый – это миф о победе богов над хаосом, восходящий к древнейшим временам, а второй – вавилонская редакция этого мифа, которая, в угодном вавилонянам духе, выдвигает на первое место среди этих богов Мардука – бога – покровителя Вавилона. Характерно, что в некоторых ассирийских вариантах Мардук, в свою очередь, заменен на Ашшура!

Согласно «Энума элиш», изначально верховными властителями мира были старейшие боги – чудовищные демоны, прежде всего морские чудища, которых возглавляла Тиамат – богиня, имевшая облик крылатого чешуйчатого дракона с львиной мордой, львиными передними лапами и птичьими ногами. Сам мир представлял собой водный хаос, где пресные подземные воды (их бог – Апсу) были смешаны с горько-солеными морскими (их богиней и являлась Тиамат, супруга Апсу). Бог Эа, сын Ану, – один из младших богов, главный носитель представлений о благе и мудрости, разграничении правого и неправого, необходимости космического порядка, решил породить бога солнца (который являлся хранителем справедливости, т. е. порядка уже собственно человеческого) и начал борьбу со своими предками – владыками хаоса, убив одного из них – Апсу.

Тиамат возненавидела всех добрых младших богов и замыслила уничтожить их. Боги, устранившись чудовища, отказались биться с ним. Только молодой Мардук, сын Эа, согласился выйти на битву с Тиамат с тем условием, что остальные боги признают за ним верховную власть. В отчаянии боги приняли это условие. Тем самым Мардук получал право сам возносить и низвергать богов, миловать или убивать сдавшихся, и все обязаны были ему безоговорочно подчиняться.

Мардук, с луком и булавой в правой руке и ураганными ветрами в левой, взошел на боевую колесницу-бурю, перед которой летели молнии, вступил в бой с Тиамат и ее воинством. Возглавлял старейших богов подручный Тиамат – демон Кингу, державший в руках таблички с решениями богов (т. е. регалии высшей власти). Заткнув пасть Тиамат, чтобы та не могла проглотить его, Мардук прострелил ей сердце, а потом изловил в сеть все ее воинство. Тело Тиамат он разрубил на две части, из одной создал небо, а из другой землю. Над головой Тиамат Мардук насыпал гору, а ее глаза стали источниками Тигра и Евфрата. Другие реки и горы он создал на теле богини, а ее хвост превратил в Млечный Путь.

Мардук убил Кингу, отобрал у него таблички с решениями богов и передал их своему деду Ану (этим хитроумным способом эпос примиряет традиционные представления об Ану как главе пантеона и о Мардуке как безусловном повелителе богов). Так Мардук по праву, по выбору и признанию самих богов стал вечным царем богов, неба и земли. В знак почтения и благодарности другие боги построили ему собственный город – Вавилон и храм в нем.

Чтобы облегчить бремя богов, избавив их от необходимости добывать жилье и пропитание собственным трудом, Мардук решил сотворить людей. По его распоряжению и его силой Эа создал людей из крови Кингу. Отныне богам не надо было трудиться – люди приносили им жертвы. Мардук определил обязанности богов, одна часть которых была назначена помощниками бога Ану на небе (Игиги), другая – внизу (Ануннаки). Семерых игигов, включая самого себя, Мардук наделил титулом «великий» и создал из них постоянное собрание «богов судеб», устроив таким образом управление космосом. Все боги переселились в город Мардука Вавилон, где получили от него в дар созданных для их обслуживания людей. Затем Мардук окончательно утвердился на престоле, и боги принесли

ему клятвы верности.

Вся эта история должна была объяснить и обосновать желание вавилонян видеть своего бога-покровителя Мардука устройтеlem мира и главой всех богов, а Вавилон – столицей мира. Кроме того, она объясняла на примере богов природу и смысл социального порядка и власти царя: общинное собрание богов само поставило над собой царя в собственных интересах, и правит он ради всеобщего порядка, мира и процветания, считаясь с существующим при нем советом.

Эпическая литература. «Эпос о Гильгамеше»

Из литературных произведений эпического характера надо отметить шумерские «былины» о правителях, прежде всего о правителях Урука, которым приписывались славные деяния в полусказочных странах Востока: Эн-меркар смог превзойти хитростью царя экзотической центральноиранской страны Аратта, Лугальбанда путешествовал в мрачных восточных горах, Гильгамеш поднимался на Кедровые горы в Загросе и сражался с местным демоном (позднее, когда главным источником кедра для Месопотамии стали горы Амана, этот подвиг Гильгамеша был перенесен туда). Еще одна шумерская «былина» посвящена богатырю Адапе, который за то, что сломал крылья южному ветру, перевернувшему его лодку во время рыбной ловли, был вызван на небесный суд перед богом Аном и оправдан им.

На базе ранних эпических преданий в конце III – начале II тыс. до н. э. был создан знаменитый аккадоязычный «Эпос о Гильгамеше». Эпос обрел невероятную славу на всем Ближнем Востоке: месопотамцы воспроизводили его в десятках копий на протяжении полутора тысяч лет, с конца III до середины I тыс. до н. э.; фрагменты его текста обнаружены в Палестине и Анатолии II тыс. до н. э.; хетты и хурриты тогда же переводили его на свои языки. Реминисценции этого эпоса встречаются в эллинистической и даже средневековой сирийской литературе.

Сам сюжет эпоса несложен и сводит воедино старые «былины» о Гильгамеше, дополняя их. Сначала полубожественный царь Урука Гильгамеш угнетал свой народ и кичился лишь собственной силой. Затем, найдя в лице богатыря Энкиду друга и узнав, что такое настоящая дружба, он раскаялся и пожелал сражаться во имя блага людей, убивая демонов и чудовищ. При этом он вовсе не считался с гневом великих богов, отвергал их требования и горько упрекал их в несправедливости и вероломстве. Наконец, увидев своими глазами смерть Энкиду, Гильгамеш впервые задумался о собственной смерти и захотел освободиться от смертного страха, добыв бессмертие – великий дар, который принадлежит богам, но недоступен людям.

После множества приключений Гильгамеш, наконец, овладел травой бессмертия. Но пока он омылся в море, оставив траву на берегу, ее съела змея, завладев бессмертием вместо Гильгамеша. В печали Гильгамеш вернулся домой, и все, что ему осталось, – с гордостью смотреть на стены родного города, возведенные по его приказу; им суждено еще много веков защищать жителей Урука. Исключительная слава эпоса была связана не столько с этими перипетиями, сколько с тем, что он затрагивал и сталкивал практически все системы ценностей и жизненного выбора, существовавшие в Месопотамии.

Борьба Гильгамеша с небесным быком. Рельеф

С точки зрения месопотамца, конечные, разумные существа этой Вселенной (будь то люди или боги), обуруемые желаниями, боящиеся боли, тянущиеся к радостям и обреченные на множество страданий, предоставлены сами себе в не особенно благоприятном окружении и совершенно одиноки. Над ними нет ни абсолюта, ни промысла, ни благодати; в мире, где они живут, все относительно, уязвимо и конечно во времени и пространстве.

Загробная жизнь одинаково безрадостна и постыла для всех.

Человеку в таком мире остается в собственных интересах распорядиться тем, что ему отпущено, пока его не настигла неизбежная и не зависящая от его поведения гибель.

Человек Средневековья и постсредневековья пытался искать или осуществлять некий заранее заложенный в его жизни смысл – способ служения внешнему надчеловеческому началу, будь то абсолютный Бог или что иное; человек Древнего Востока сам наделял свое существование тем или иным смыслом по своей собственной воле, ради своего блага и на свой собственный страх и риск. Поэтому проблема выбора системы ценностей и поведения стояла перед людьми Древнего Востока особенно остро. Как с наибольшим толком воспользоваться оказавшимся в твоих руках достоянием – собственным телом и душой, долей времени и пространства? И решение, и результат, и оценка этого результата – все зависело здесь только от самого человека.

Постановке, обсуждению и решению этих важнейших вопросов в Месопотамии был посвящен особый жанр литературы – так называемая *литература мудрости*, включающая назидательные рассказы, поучения, диалоги «о жизни», т. е. социальную и политическую публицистику. Она была настолько популярна, что ее задачам иногда подчиняли и большие произведения других жанров. Именно таким был «Эпос о Гильгамеше». Формально он повествует о легендарных свершениях царя Урука, в нем использован ряд эпических и мифологических сюжетов (прежде всего о неудачном походе Гильгамеша за бессмертием), но на деле этот эпос посвящен не событиям народной истории, а судьбе человека в мире.

В месопотамских представлениях можно, в общем, выделить несколько традиционных вариантов *выбора «смысла жизни»*, т. е. наилучшего для человека жизненного пути. Всех их так или иначе представляет и сталкивает друг с другом «Эпос о Гильгамеше». Согласно первой точке зрения, человеку следует сосредоточиться на своих отношениях с богами: упорное и непрерывное исполнение их предписаний должно обеспечить «богобоязненному» человеку (аккад. палих-или) всевозможные житейские блага как награду богов. Напротив, уклонение от их воли рано или поздно непременно повлечет тяжкую кару от этих мстительных, могущественных и не терпящих непокорности существ. Отвлекаться от выполнения божественной воли, таким образом, чрезвычайно опасно и безрассудно, даже если оно на первый взгляд остается без ожидаемой награды (напомним, что никакого этического пафоса в подобное отношение к богам не вкладывается: их надо слушаться не потому, что они добры или являются источником нравственности – это заведомо не всегда так, а потому, что они могучи; их предписания надо выполнять не потому, что они направлены на благо человека – некоторые из них действительно таковы, зато другие неудобны и обременительны, – а потому, что на их нарушителей обрушивается гибельная месть богов).

Эта концепция представлена во многих произведениях «литературы мудрости», но в «Эпосе о Гильгамеше» последовательно отрицается: Гильгамеш периодически вступает в конфликт с богами и демонами, не боится их гнева и в итоге выходит победителем. Он безнаказанно наносит смертельные оскорбления богине Иштар, убивает демона Кедровых гор Хумбабу и быка, насланного на Урук богом Ану – верховным богом Месопотамии; от гнева Ану его защищает произвольное сочувствие других богов, хотя никакого ревностного служения им Гильгамеш не проявлял. Между прочим, на обращение богини Иштар, обещающей ему свое покровительство в обмен на любовь, Гильгамеш прямо отвечает отказом, объясняя его тем, что на Иштар невозможно положиться. Именно в «Эпосе о Гильгамеше» подробно описывается, как боги погубили человечество Всемирным потопом просто каприза ради: «богов великих потоп устроить склонило их сердце». Итак, на вознаграждение богов нет смысла полагаться, а их гневу можно с успехом противостоять. Путь «богобоязненного» человека сочинители эпоса отвергают.

Другая точка зрения в какой-то мере восходит к шумерской аристократии и выражена в прославляющих ее былинах. Согласно ей, смысл жизни заключается в совершении героических подвигов, установлении своего рода спортивных рекордов и завоевании славы.

Логика здесь примерно такова: если все равно неизбежна смерть, то мерилом достоинства человека надо считать не результат – успех и благополучие (все равно они эфемерны и обречены на распад), а степень проявленной им доблести, не зависящей от его удач и неудач. Именно поэтому в центре шумерской былины оказывается герой-сверхчеловек, резко выделяющийся на фоне толпы; сам смертный, он совершает бессмертные подвиги. Люди, не желающие или не способные так жить, рассматриваются как фон, как восхищенная аудитория и слуги героев, обеспечивающие их.

Эта концепция также отрицается в «Эпосе о Гильгамеше». В начале поэмы Гильгамеш и впрямь идет на подвиг – убийство демона Хумба-бы – главным образом для того, чтобы создать себе «вечное имя», невзирая на смерть: «Только боги с Солнцем пребудут вечно, а человек – сочтены его годы, что б он ни делал – все ветер!... Если паду я – оставлю имя... вечное имя себе создам я!» В этом монологе точно выражена парадоксальная логика героического идеала. Однако позднее, увидев собственными глазами смерть друга, Гильгамеш думает только об избавлении от собственной гибели (этот кризис и овладевший Гильгамешем всеподавляющий страх смерти описан чрезвычайно подробно и ярко), и второй свой главный подвиг – поход за бессмертием – он совершает уже исключительно из-за этого страха. Соответственно от начала до конца Гильгамеша волнует только практический результат его небывалого предприятия, а вовсе не героический масштаб последнего. Причем эта эволюция героя – путь не деградации, а постижения и очеловечивания.

«Герой-сверхчеловек», узнав истинную цену жизни и смерти и осознав, что никакое «вечное имя» не способно утешить смертного, перестает быть прежним «героем», но превращается в нечто большее – человека, который, раз и навсегда познав смертный страх, продолжает жить несмотря на него. Вообще, согласно эпосу, любой силач в сущности достаточно слаб, и даже мужественный и сильный Гильгамеш добывает цветок бессмертия не благодаря этим качествам, а только по совету сжалившегося над его трудами бессмертного Утнапиштира (который тоже не добывал своего бессмертия сам, а получил его произвольной милостью богов).

Третий (и пожалуй, основной) выбор месопотамца – это собственно гедонистический выбор, в рамках которого смыслом всякого индивидуального существования является достижение обычных личных житейских радостей. В наиболее яркой форме эта концепция выражена в словах Сидури, доброй демоницы, держащей за краем света трактир для богов. Обращаясь к Гильгамешу, она говорит:

«Гильгамеш! Куда ты стремишься? Вечной жизни, что ищешь, не найдешь ты! Боги, когда создавали человека, смерть они определили человеку, вечную жизнь в своих руках удержали. Ты ж, Гильгамеш, насыщай желудок, днем и ночью да будешь ты весел; праздник справляй ежедневно; днем и ночью играй и пляши ты! Светлы да будут твои одежды, волосы чисты, водой омойвайся, гляди, как дитя твою руку держит, своими объятьями радуй подругу – только в этом дело человека!»

Этот монолог можно считать кульминацией «Эпоса о Гильгамеше», все содержание которого подтверждает правоту Сидури (ведь бессмертие, даже попав в руки Гильгамешу, действительно не досталось ему). Ее словам можно найти множество параллелей в месопотамской и всей переднеазиатской литературе – от месопотамских пословиц до «Книги Екклесиаст», почти тождественной им.

Однако у гедонистического идеала есть два естественно выделяющихся варианта, полярно противоположных по своему значению для окружающих. Первый из них, грубо-эгоистический, ограничивает круг рекомендуемых радостей только теми, что не связаны с соучастием других людей как личностей. Санкционируются только радости, связанные с личным потреблением; добиваться же этих радостей при любом удобном случае рекомендуется за счет окружающих (путем использования других людей как вещей, агрессии против них и утверждения своей власти над ними).

В рамках второго варианта высшими (или, по крайней мере, очень важными) считаются те радости, что заданы благим свободным соприкосновением с личностью другого человека – будь то любовь, дружба или чувство своей правоты и заслуг перед окружающими. Разумеется, при достижении таких радостей приходится выполнять нормы этики, как раз и оформляющие благие межчеловеческие отношения.

При общей конечной цели – проживании «сладостной жизни» – эти два варианта дают диаметрально противоположные ответы на вопрос: следует ли проживать такую жизнь вместе, в дружественном общении и верном союзе с окружающими или сугубо одиночно и за их счет? В Месопотамии к этому вопросу подходили весьма серьезно; сравнение двух вариантов ответа на него составляет, например, основное содержание знаменитого «Диалога господина и раба» (см. ниже; скептический и преисполненный горечи герой этого текста заключает, что оба пути являются равно тщетными и сколько-нибудь прочных благ нельзя обрести ни на одном).

«Эпос о Гильгамеше» делает решительный выбор в пользу второго, «товарищеского» гедонизма. Если в начале эпоса Гильгамеш – эгоцентрик, думающий только о своих развлечениях и власти, то, найдя себе равного и узнав дружбу, он решает поставить свою силу на службу людям и прежде всего своей славе. Пережив друга, он узнает страх смерти и думает лишь об избавлении от него, а коль скоро это, как выясняется, невозможно, остается одно: жить вопреки смертному страху, не питая надежд и гордясь делами, совершенными им для людей. Суть «Эпоса о Гильгамеше», обеспечившая ему славу у месопотамцев, оказывается проста: человеку не стоит чересчур бояться богов и склоняться перед их властью; лучший удел – беречь и охранять свою и чужую жизнь; единственное доступное человеку благо заключено в собственных радостях и добрых делах, совершенных для других людей.

Вавилонские «теодицеи»

В начале II тыс. до н. э. в Месопотамии появилась и стала распространяться концепция, согласно которой боги попечительны и справедливы по отношению к людям (хотя и не вполне всемогущи), искренне и ответственно заботятся о благе людей. В Старовавилонский период эта концепция преобладала среди ученых людей и даже была принята месопотамскими государствами как официальная. Именно из нее исходил Хаммурапи, возвещая в Законах, что боги поставили его царем для того, чтобы он утвердил в обществе человеческую справедливость, милосердие, защиту права и помощь слабым.

В рамках этой концепции автоматически возникала следующая проблема (используя христианскую терминологию, ее называют проблемой *теодицеи*, т. е. «богооправдания»): если боги и могущественны, и благи, то почему же в мире происходит столько несправедливости и зла, и те праведники, что истово и верно исполняют их требования, зачастую бедствуют, а злодеи преуспевают? Чем можно оправдать богов, коль скоро они допускают подобное? В пределах исконного месопотамского мировосприятия такой вопрос не мог бы и возникнуть: от богов по самой их природе никто не ожидал особенной справедливости. При новом взгляде на богов, однако, обойтись без ответа на него было невозможно, и он стал постоянной темой месопотамской «литературы мудрости» во II тыс. до н. э.

В этом ключе написаны поэмы о невинных страдальцах: старовавилонские – «Муж со стенанием...» и «Человек и его бог», средневавилонская – «Владыку мудрости хочу восславить...», аналогичная поэма исхода II тыс. до н. э. «Мудрый муж, постой, я хочу сказать тебе...» (так называемая «Вавилонская теодицея»). Общий сюжет их таков: бедствующий праведник жалуется, что вел себя как должно, исполнял все обязательства перед богами и людьми, но судьба его плачевна, в то время как многие злодеи блаженствуют; в чем же, вопрошает он, воля богов и где их справедливость?!

В поэме «Владыку мудрости хочу восславить...» герой вопрошает:

Хотел бы я знать – что богу приятно?!
Что хорошо человеку – преступление пред богом,
что ему отвратно – для его бога хорошо!
Кто волю богов в небесах узнает?

(Пер. В. К. Афанасьевой)

Невинному страдальцу отвечает искренний друг, увещевая его не хулить богов зря и не навлекать на себя этой хулой действительно заслуженную кару. Боги все же справедливы, а наблюдаемое зло может объясняться одной из нескольких причин. Быть может, страдалец все же нарушил требования богов, не заметив этого сам, и они покарали его именно за это нарушение, т. е. вполне заслуженно (так что страдальцу следует не жаловаться на них, а как можно скорее узнать, чем же именно он преступил их волю, и искупить или исправить содеянное – тогда и прекратятся его беды). Справедливость будет еще восстановлена, невинный страдалец обязательно получит от богов награду, а злодей, сегодня преуспевающий, непременно будет ими ниспровергнут – это всего лишь дело времени, а пока у богов просто «не дошли руки» до данных конкретных случаев (напомним, что месопотамские боги не всемогущи, так что подобные ситуации их не дискредитируют). Наконец, быть может, наблюдаемая несправедливость объясняется важными причинами, которые и сам человек счел бы уважительными, если бы о них знал; но знают их только боги, не сообщаящие свои мотивы и решения смертным.

При всей изощренности таких ответов (позже они окажутся воспроизведены и подвергнуты уничтожающей критике в библейской «Книге Иова») особой популярностью они не приобрели. Судя по всему, уже с середины II тыс. до н. э. в Месопотамии вновь преобладают старые представления о богах (в том числе на официальном уровне), в рамках которых проблемы теодицеи не возникает, и спекуляции на эту тему остаются уделом меньшинства ученых людей, все еще считающих богов глубоко и принципиально справедливыми. Что точка зрения большинства была иной, видно из популярности проводящего прямо противоположную идею «Эпоса о Гильгамеше» и еще одного замечательного произведения – так называемого «Диалога господина и раба».

«Диалог господина и раба»

Это вершинное произведение «литературы мудрости», очень распространенное и бережно переписывавшееся в конце II–I тыс. до н. э., представляет собой цепочку коротких диалогов господина и его раба, разбитых на несколько перекликающихся по содержанию пар. Вот одна из них.

- Раб, соглашайся со мной! – Да, господин мой, да!
- Учиню-ка я преступление! – Учини, господин мой, учини! Коль не учинишь ты злодейства, где возьмешь ты одежду, кто поможет тебе наполнить брюхо?
- Нет, раб, не учиню я злодейства! – Не учиняй, господин мой, не учиняй! Кто учиняет злодейство, того убьют или сдерут с него живьем кожу, либо его ослепят, либо схватят и бросят в темницу. <...>
- Раб, соглашайся со мной! – Да, господин мой, да!
- Совершу-ка я благодеяние для своей страны! – Соверши, господин мой, соверши! Кто совершает благодеяние для своей страны, деянья того у Мардука в перстне.
- Нет, раб, не совершу я благодеяния для своей страны! – Не совершай, господин мой, не совершай! Поднимись и пройди по древним развалинам, взгляни на черепа тех, кто жил раньше и позже – кто из них был злодей, кто благодетель?

(Пер. по В. А. Якобсону)

По тому же принципу построены и остальные тематические пары. Господин в начале каждого короткого диалога требует, чтобы раб соглашался с ним; тот изъявляет полную готовность. Господин заявляет о некоем своем намерении – раб приводит рациональные доводы в пользу этого намерения. Затем господин говорит об отказе от своего намерения – раб находит не менее разумные доводы и в пользу отказа. В итоге получается, что любое действие есть одинаковые резоны совершить и не совершить, равно как и противоположное.

Характерно, что все доводы раба сводятся исключительно к личным житейским выгодам и убыткам господина, которыми чреват тот или иной выбор. Так, намерение господина принести жертву раб одобряет («кто свершает жертву своему богу, у того хорошо на сердце, заем за займом дает он»), отказ от такого намерения – тоже («бога не приучишь ходить за тобой, как собаку», его ответную благосклонность надежно не приобретешь даже жертвами).

Точно так же на равных основаниях принимается и отвергается намерение возвыситься на общественном поприще, поступив на царскую службу, – и противоположное ему намерение вовсе оставить общество и жить отшельником-бродягой в степи; намерение завести семью и вырастить детей – и противоположное ему намерение предаться свободной любви с женщиной, не обременяя себя потомством; намерение безропотно уступать обидчику, не противясь злу силой, – и противоположное намерение занять самую социально-агрессивную (в рамках закона) позицию, занимаясь ростовщичеством. В каждой тематической паре одно действие социально благотельно, другое, противоположное ему, – асоциально или антисоциально (совершить преступление / оказать благо стране; завести семью / ограничиться свободными любовными связями, не обзаводясь семьей, и т. д.). Это и есть те самые две разновидности месопотамского гедонизма («товарищеского» и «агрессивного»), о которых говорилось выше.

В общем, оказывается, что ни одно действие не приводит к определенному, верному выигрышу или проигрышу; каждое из них имеет свои возможные выгоды и издержки, уравнивающие друг друга. Построить какую-либо выигрышную, приоритетную стратегию поведения в этих условиях оказывается принципиально невозможным: все пути по-своему хороши и плохи, каждый из них с одинаково разумными основаниями можно выбирать или отвергать. Добравшись до закономерно венчающей всю эту систему оценок констатации, что и финал у всех путей одинаков и вполне безотраден и безнадежен – это смерть, стирающая человека и всякую память о нем, добрую или дурную («Взгляни на черепа живших раньше и позже, кто из них был злодей, кто – благодетель?»), – собеседники резко меняют характер диалога. Заключительные строки гласят:

- Если так, в чем же тогда благо?
- Шею мою и шею твою сломать бы, в реку бы тела зашвырнуть – вот что благо! Кто столь высок, чтоб достать до неба? Кто столь широк, чтоб объять всю землю?
- Нет, раб, я тебя убью, отправлю первым!
- А господин мой меня хоть на три дня переживет ли?

До недавних пор этот финал трактовали как выражение крайнего пессимизма автора «Диалога господина и раба»: коль скоро однозначно выигрышной жизненной стратегии нет, лучше не жить вовсе! Недавно, однако, выяснилось, что персонажи этого произведения – не две личности (глупый господин и умудренный раб, чьи суждения тем самым имеют приоритет), а аллегории разных составляющих одной и той же человеческой души – воли и рассудка (господин вовсе не размышляет, но активно желает, причем всего, чего вообще может желать человек, а раб только мыслит и рассуждает, но сам не желает ничего)! То, что воля здесь – господин, а рассудок – раб, передает лишь тот реальный (и всегда признававшийся месопотамцами) факт, что разум в целом играет роль технического инструмента, решающего задачи, которые ставят перед ним желания (определяющиеся в конечном счете отнюдь не рациональными построениями, а самой природой человека) и

опосредующая их воля «Я» – желающего субъекта.

«Диалог господина и раба» оказывается внутренним диалогом, разворачивающимся внутри человеческой личности, и приоритет в нем по праву имеет действительно «господин» – «Я». Идентифицировать себя читатель должен был в первую очередь именно с ним. Таким образом, возглас «Шею твою и шею мою сломать бы – вот что благо!» – это не реакция экзистенциального отчаяния человека как такового, выражающая авторский взгляд, а всего лишь бунт подчиненного разума, впадающего в отчаяние при виде того, что нельзя выработать однозначно разумной стратегии жизни, что реальность не поддается тотальному рациональному упорядочиванию. Самоубийством готов покончить отнюдь не сам человек, а лишь его слуга-разум. Сам же человек – господин, «Желающее Я» – самоубийственных призывов своего раба-рассудка отнюдь не разделяет.

Финал «Диалога господина и раба» таков: раб-рассудок, доведенный до отчаяния неразрешимыми противоречиями мира, советует покончить с собой, господин-воля категорически не желает следовать этому совету и уже готов уничтожить рассудок, чтобы тот не мешал ему жить своим отчаянием, т. е. впасть в радостное безумие, коль скоро разум несет такую скорбь («раб, я тебя убью, отправлю первым!»), – но тут же выясняется, что без рассудка тоже не выживешь («а господин мой меня хоть на три дня переживет ли?»). В итоге следует простое и предельно ясное заключение: «Во многих мудрости впрямь много печали, головой весь мир не охватишь, но жить-то надо, а значит, надо жить с головой».

Глава 14

Ассирия и Халдейский Вавилон³³

«Мировыми державами» («империями») Древнего Востока называют государства, в состав которых помимо исконной территории входили обширные покоренные пространства, чужеродные этнически. Эти государства вели систематическую упорную борьбу за новые территории, так что в итоге присоединенные земли чужих народов намного превышали по площади их коренную территорию (большинством населения такой державы становились тем самым покоренные инородцы). Другим признаком таких империй было то, что подавляющую часть покоренных областей они не превращали в вассальные образования, а полностью аннексировали, включая в свою «провинциальную» административную структуру, т. е. управляли ими через обычных наместников-областена начальников, а не через вассальных царьков.

До конца II тыс. до н. э. уровень развития военной техники и экономики был недостаточно высок, чтобы даже самые могучие цари могли создавать подобные надрегиональные империи. В самом начале такого пути находилась разве что египетская «империя» Нового царства, но и в ней присоединенные и подчиненные контролю наместников области (Сирия – Палестина и Нубия) намного уступали по численности населения коренной территории страны. Все прочие государства в III – середине II тыс. до н. э. (т. е. на протяжении подавляющей части бронзового века) либо почти не выходили за рамки своего этнокультурного региона (державы Хаммурапи), либо располагали за его границами почти исключительно вассальными владениями, не пытаясь аннексировать их (державы Аккада и Ура).

Железный век на Древнем Востоке (XII–XI вв. до н. э. и далее) ознаменовался созданием целого ряда «мировых держав». Первая из них – Ассирия – родилась еще в конце бронзового века, в XIV–XIII вв. до н. э., и продержалась, чередуя взлеты и падения, около 700 лет. Ее сменила так называемая Халдейская Вавилония (VII–VI вв. до н. э.) и, наконец,

³³ При написании главы были использованы материалы А. Д. Никитиной, за что автор приносит ей благодарность.

великие державы иранцев – Мидийская (VII–VI вв. до н. э.) и Персидская (VI–IV вв. до н. э.), продолжением которой стали, в свою очередь, империи македонян – Александра и Селевкидов (IV–II вв. до н. э.). В геополитическом отношении эти державы продолжали друг друга, объединяя в одних руках весь Плодородный Полумесяц, т. е. Месопотамию и Левант (Восточное Средиземноморье). Только с крахом могущества Селевкидов (II в. до н. э.) и разделом Ближнего Востока между Парфией и Римом (I в. до н. э.) традиция великих империй, занимавших почти всю Переднюю Азию, пресеклась. Возникла новая геополитическая ситуация, когда запад Плодородного Полумесяца (Левант) входил в средиземноморскую политическую орбиту, а его восток (Месопотамия) – в иранскую (такое положение сохранялось вплоть до арабских завоеваний VII в. н. э.).

Источники по истории Ассирии и Халдейской Вавилонии в конце II–I тыс. до н. э. чрезвычайно обильны. Это прежде всего *царские надписи* — именно теперь они становятся пространными, а в Ассирии превращаются в настоящие «анналы», в хронологически-географическом порядке перечисляющие достижения царей-составителей. Отличительной особенностью месопотамских царских надписей было то, что они чаще предназначались не для людей, а для богов, и в этом случае их закладывали в виде покрытых клинописью призм в фундаменты храмов и других сооружений. Обманывать богов было бессмысленно, поэтому в них нет прямого дословного вымысла; однако все прочие способы тенденциозного искажения информации в этих надписях применяются. В частности, практически всегда неудачи ассирийцев опускаются, а описываются победы (в том числе и реальные поражения, которые с натяжкой можно было описать как победы). Аналогичный подход проводится в ассирийской так называемой «*Синхронической истории*» — обзоре ассиро-вавилонских войн.

Царская корреспонденция и царские запросы оракулов богов из Ассирии отражают реальность более достоверно. Дошло много *месопотамских хроник*, отражающих рассматриваемый период; из них вавилонские отличаются наиболее верным изложением событий.

Огромный интерес для ученых представляют *ассирийские списки лет* (с X в. до н. э.), где отмечались важные события, происходящие в эти годы. Одна из таких записей упоминает затмение, которое, согласно астрономическим расчетам, должно было иметь место в 763 г. до н. э., и именно через эту дату ассирийские списки лет, а вместе с ними и вся история I тыс. до н. э., подверстывается к нашему (непрерывному) летосчислению.

Законы ашшурской гражданской общины 2-й половины II тыс. до н. э. и обилие хозяйственной и судебной документации из Вавилона и других городов Нижней Месопотамии VII–VI вв. до н. э. дают представление о жизни автономных общин с низким уровнем внутренней частной эксплуатации и предпринимательства (в первом случае) и об их высочайшем уровне (во втором).

Сведения Ветхого Завета и Геродота существенно дополняют данные месопотамских источников по переломной эпохе крушения Ассирии и становления Халдейской Вавилонии.

Город-государство Ашшур: предыстория империи

С III тыс. до н. э. на Среднем Тигре существовало номовое государство *Ашшур* с центром в одноименном городе на правом берегу реки. Оно было основано особой, отделившейся от основной массы аккадоязычных племен группой аккадоязычного населения (в науке их называют «ассирийцы»), поселившейся на Тигре еще около 3000 г. до н. э. Они поклонялись племенному или местному богу Ашшуру. Сам город Ашшур, возможно, был основан еще аборигенным населением в 1-й половине III тыс. до н. э., к середине того же тысячелетия его заняли аккадоязычные пришельцы.

В XXIII–XXI вв. Ашшур входил в державы Аккада и Ура в качестве одного из их

административных центров. При падении державы III династии Ура Ашшур заняли хурритские князья из соседних хурритских племен. Они обосновались в городе и отстроили его, возведя новые городские стены и новый храм бога Ашшура. С этого момента ассирийцы впоследствии отсчитывали начало своей государственности; в самом деле, именно тогда Ашшур из провинциального центра великих держав вновь стал суверенным государством.

Около 1970 г. до н. э. власть в Ашшуре перешла в руки династии из коренных аккадоязычных ашшурцев (ассирийцев). Последующие шесть веков Ашшур был центром их самоуправляющейся номовой общины (Ассирии в современном словоупотреблении), большую часть времени сохранявшей политический суверенитет. Лишь в XIX и XVIII вв. до н. э. ее дважды ненадолго аннексировали другие государства – царства Шамши-Адада и Хаммурапи. В остальное время Ашшурский «ном» то был совершенно независим, то признавал данническую зависимость от соседних великих держав.

Верховная власть принадлежала совету старейшин (со сменяющимся составом), представлявшему общинную верхушку, и наследственному князю-градоправителю, который председательствовал в нем. Князь еще не встал над общиной, а был лишь ее верховным представителем, и потому титуловался исключительно *ишшиаккумом* (аккадская форма шумерского энси – градоправитель), а не царем. Ишшиаккум возглавлял исполнительную власть и имел право созывать совет, но не мог без его санкции принимать важные решения.

В науке условно выделяются Староассирийский (XX–XVI вв. до н. э.), Среднеассирийский (XV–XI вв. до н. э.) и Новоассирийский (X–VII вв. до н. э.) периоды. Это деление в основном соответствует этапам развития ассирийского диалекта.

Ашшур находился на самой окраине месопотамского мира, в окружении враждебных и чуждых народов. Плодородной земли здесь было мало, зато недалеко лежали горы, богатые лесом и металлами. В то же время город стоял на перекрестке важнейших торговых путей, пересекавших весь Ближний Восток – от Эгейского и Средиземного морей до Персидского залива и Ирана. По ним в Месопотамию из окрестных горных стран шли металлы, а в противоположную сторону – продукты сельского хозяйства и ремесел. Благодаря такому выгодному географическому положению, Ашшур стал необычайно богатым торгово-перевалочным центром и мог организовать и снабжать большую и отлично вооруженную армию.

Ашшур стремился поддержать свою торговлю и силой оружия: в XX в. до н. э. его правители проложили военно-торговыми экспедициями путь на запад, к побережью Сирии и рубежам Анатолии. В результате в XIX в. до н. э. в Восточной Малой Азии расцвела основанная ашшурцами сеть самоуправляющихся торговых колоний с центром в Канише (современный Кюль-Тепе в Турции). Ашшурские купцы доставляли в Малую Азию крашенные шерстяные ткани, а взамен отправляли в родной город сырье – металлы, шерсть и кожу. Находившиеся на территории различных малоазиатских царств колонии пользовались в них внутренней автономией. Поскольку управлявшая ими выборная верхушка состояла из ассирийцев – членов ашшурской номовой общины, – в своих внутренних делах сеть колоний дополнительно подчинялась Ашшуру, облагавшему ее торговлю большим налогом.

Богатство и местоположение Ашшура привлекали к нему внимание завоевателей. В конце XIX в. до н. э. верхнемесопотамские земли к западу от Ашшура неожиданно были объединены удачливым завоевателем, выходцем из племенной общности амореев-ханеев **Шамши-Ададом**, сыном мелкого племенного предводителя Илакаббабу, правившего в одном из городков Северной Месопотамии. Их имена свидетельствуют, что и отец, и сын были до крайности честолюбивыми, самонадеянными и гордыми людьми: Илакаббабу дословно значит «Мой бог – звезда», Шамши-Адад – «Мое Солнце-Шамаш – бог грома Адад», т. е. «вместо бога солнца я чту бога грома». В обоих случаях подчеркивается нетрадиционный, сугубо индивидуальный и дерзкий выбор бога-покровителя.

Столица державы Шамши-Адада располагалась в Шубат-Эллиле (современный Лейлан). Шамши-Адад провел длительную войну с Ашшурским номом и в 1810 г. до н. э. полностью аннексировал его. Поначалу он присвоил себе титул ашшурского ишшиаккума.

Затем, около 1798 г. до н. э., Шамши-Адад передал область Ашшура своему старшему сыну Ишме-Дагану в качестве особого «вице-царства» с центром в Экаллате (первый крупный город Ашшурского нома, захваченный Шамши-Ададом в ходе войны с ашшурцами). В 1795 г. до н. э. Шамши-Адад захватил ханейско-аккадское царство Мари на Среднем Евфрате и передал его в качестве аналогичного «вице-царства» своему второму сыну Ясмах-Ададу.

Держава Шамши-Адада (в науке она долгое время была известна как Староассирийская, а современники обычно именовали ее Субарту) непосредственно охватила всю Верхнюю Месопотамию и бассейн Среднего Тигра, включая его левобережье с Арбелой, Аррапхой и предгорьями Загроса. Вся эта огромная территория была разбита на 14 единообразно организованных военных округов. Глав этих округов назначал Шамши-Адад. Общинная администрация сохранялась, но теперь уже утверждалась на своих местах царем при условии ее полной лояльности (в том числе поднесения даров и клятвы беспрекословно подчиняться требованиям царских чиновников). Фактически общинное самоуправление было парализовано.

Кроме того, вассальную зависимость от Шамши-Адада признавали Хаммурапи Вавилонский, царство Катна в Южной Сирии с окрестными областями вплоть до гор Ливана и Средиземного моря и, наконец, области Приурмийского региона и смежных территорий Северо-Западного Ирана. Каркемиш (один из крупнейших торговых и стратегических центров Северной Сирии, где была главная переправа через Евфрат) стал союзником Шамши-Адада. Основными противниками Шамши-Адада были аморейское царство Ямхад в Северной Сирии (именно из страха перед ним к Шамши-Ададу обратились правители Катны и Каркемиша) и аккадское царство Эшнунна на Дияле вместе с примыкающими к нему племенами Северного Загроса. Ни там, ни там Шамши-Адад так и не добился победы.

Войско Шамши-Адада состояло из гвардии – постоянного царского полка – и ополченцев, выставлявшихся общинами и племенами (чаще прочих призывали ханеев, из среды которых вышел сам царь). Личная охрана царя поручалась евреям храма богини Иштар. Доверенных царских людей высоких рангов перемещали из одного города в другой, пресекая таким образом возможность злоупотребления властью. Царские служащие почти не получали от государства землю – подавляющему большинству служилых людей, включая высших чиновников, государство платило лишь жалованье натурой.

Военнопленных и чужеземное население массами обращали в государственных невольников, после чего сажали на царскую землю или посылали в царские мастерские. Используя их труд и опираясь на служилую верхушку, не связанную с определенными общинными структурами, Шамши-Адад мог чувствовать себя полным властелином и не считаться ни с общинами крупных центров своей державы, ни с их главными оплотами – городскими храмами, которые были переданы в ведение царского двора.

В 1777 г. до н. э. Шамши-Адад умер, и престол перешел к **Ишме-Дагану**, который фактически давно уже являлся соправителем отца. Держава стремительно развалилась: Ясмах-Адада тут же выгнал из Мари Зимрилим, представитель старой династии Мари (изгнанной когда-то Шамши-Ададом), большая часть прочих областей приобрела независимость. Ишме-Дагана пытались сместить оставшиеся было в его подчинении местные правители. Он сохранил престол в Экаллате, признал зависимость сначала от Элама, а потом от Хаммурапи Вавилонского и с переменным успехом пытался удерживать верховную власть хотя бы над соседними областями востока Верхней Месопотамии (в том числе над Ашшуром и бывшей столичной областью своего отца – Шубат-Эллилем).

Ашшур при Ишме-Дагане пользовался самоуправлением, но не выходил из-под его власти и признавал его своим ишшиаккумом (как ранее – Шамши-Адада). После смерти Ишме-Дагана все его владения, включая Ашшур, были немедленно аннексированы его сюзереном Хаммурапи (1757 г. до н. э.). Однако в 1742 г. до н. э., в связи со вторжением касситов в Верхнюю Месопотамию, Ашшур восстановил свою независимость под властью сына Ишме-Дагана **Мут-Ашкура**, ставшего новым ишшиаккумом. Его потомки еще некоторое время правили в Ашшуре, но около 1700 г. до н. э. эта династия была свергнута, и

после многолетней смуты ишшиаккумом стал некий **Адаси**, потомки которого и правили в Ашшуре в последующие века.

Великодержавие Шамши-Адада произвело на ассирийцев огромное впечатление. Пользуясь тем, что он присвоил себе титул ашшурского ишшиаккума, а несколько его потомков побывали таковыми и на деле, ашшурцы вписали не только дом Шамши-Адада, но и всех его кочевых предков в свой царский список. Время его правления они считали блестящей страницей своей истории. Поэтому ученые поначалу и назвали его державу Староассирийской, хотя в действительности Шамши-Адад был иноземным покорителем Ашшура.

В конце XVI в. до н. э. ашшурскому ишшиаккуму **Пузур-Ашшур III** удалось отбить натиск Касситской Вавилонии и заключить с ее царем Бурна-Буриашем I договор о границе. Этим событием ассирийцы столетием позднее начали официальный перечень своих внешнеполитических триумфов на южном направлении. Как уже говорилось, еще в XVII в. до н. э. в Верхней Месопотамии на смену ханейским племенным княжествам явилась хурритская держава Ханигальбат. В XVI в. до н. э. власть в ней перешла к пришлой династии индоарийского происхождения (вопрос о том, как эти индоарии попали в Переднюю Азию, до сих пор является предметом споров), которая дала Ханигальбату новое официальное название – Митанни. В 1467 г. до н. э., опасаясь Митанни, Ашшур даже установил дружественные связи с египетским фараоном Тутмосом III, который вел с Митанни ожесточенную войну. В ответ в середине XV в. до н. э. митаннийский царь Сауссадаттар разграбил Ашшур (вывезя, в частности, драгоценные декоративные врата Ашшура, выполненные из золота и серебра) и принудил его признать зависимость от Митанни. Лишь около 1400 г. до н. э. ишшиаккум **Ашшурбелнишешу** сделал робкий шаг к восстановлению ашшурских сил, построив новые стены города.

В 1-й половине XIV в. до н. э. Ашшур смог восстановить независимость благодаря дипломатическим талантам ишшиаккума **Эриба-Адада I** (1380–1354 гг. до н. э.). Начиная свое правление как вассал Митанни, но, воспользовавшись династическими смутами, вскоре разразившимися там, избавился от митаннийского верховенства ценой признания вавилонского, а потом освободился и от него. Преемник Эриба-Адада, **Ашшурбаллит I** (1353–1318 гг. до н. э.), в переписке с Эхнатомом – первым из правителей Ашшура стал именовать себя «царем» – *шарру* (правда, внутри страны он так себя не титуловал, используя по-прежнему титул ишшиаккума). Известно письмо царя Вавилонии Бурна-Буриаша II в Египет (к Эхнату или Тутанхамону), в котором он пытался протестовать против приема фараоном ашшурских послов (речь, по-видимому, шла либо о посольстве Ашшурбаллита, либо, возможно, о каком-то более раннем посольстве Эриба-Адада). Однако фараон принял ашшурских послов.

Становление империи: от Ашшурбаллита до Ададнерари

Именно Ашшурбаллиту суждено было превратить город-государство Ашшур в великую державу Ассирию. Произошло это неожиданно для самих ашшурцев и только благодаря тому, что в середине XIV в. до н. э. Ближний Восток пережил настоящий политический переворот.

Усилиями одного из наиболее замечательных исторических деятелей Востока – хеттского царя Суппилулиумы (ок. 1380–1335 гг. до н. э.) рухнул привычный трехвековой международный порядок, центральным элементом которого являлось государство верхнемесопотамских хурритов – Ханигальбат (Митанни). Суппилулиума наголову разгромил его в трех войнах, низведя до положения второстепенной державы, а образовавшийся политический вакуум заполнили две силы: сами хетты, на короткое время превратившиеся в ведущую силу Ближнего Востока, и номовое государство Ашшур, унаследовавшее львиную долю бывшего митаннийского могущества. Впоследствии именно от XIV в. до н. э. стало отсчитываться время существования Ассирийской «империи» в Азии.

Переворот занял несколько десятилетий (ок. 1355–1335 гг. до н. э.). Сначала, воспользовавшись резким ослаблением Митанни из-за двух неудачных войн с Суппилиумой и династических смут, Ашшурбаллит вмешался в дела митаннийцев и стал их старшим союзником. Через некоторое время Митанни развязало против хеттов войну реванша – едва ли без ведома и санкции Ашшурбаллита. В ходе этой третьей войны с митаннийцами Суппилиума послал в Митанни хеттские войска, и Ашшурбаллит выступил против них. В течение некоторого времени в Верхней Месопотамии шли военные действия, в которых каждая сторона поддерживала своего марионеточного кандидата на митаннийский престол. Несмотря на временные успехи хеттов, оттеснивших было Ашшурбаллита и его митаннийских союзников на восток, после смерти Суппилиумы ему удалось изгнать хеттов из всей Верхней Месопотамии и выйти к Евфрату.

Восточные, притигрские области Митанни, включая крупнейший культовый центр Ниневию (здесь почиталась Иштар), Ашшурбаллит удержал за собой и аннексировал (остальное Митанни одно время контролировалось его войсками). Одновременно Ашшурбаллит совершил успешную интервенцию в Вавилонию и возвел на вавилонский престол своего ставленника (ок. 1337 г. до н. э.).

Так были заложены два главных направления ассирийской внешней политики на следующие сотни лет: южное, вавилонское, и западное, верхнемесопотамско-сирийское, где ассирийцев в перспективе ожидал выход к Средиземному морю. Ассирия превратилась из города-государства в великую военную державу, которой было суждено просуществовать около 700 лет, наводя ужас на всех своих соседей.

Формирование этой державы было завершено при **Ададнерари I** (1295–1264 гг. до н. э.), окончательно превратившем власть ассирийского правителя в царскую, стоящую над ашшурской гражданской общиной. Ададнерари первым стал официально титуловать себя в самом Ашшуре «царем», а кроме этого, еще и «царем множеств» (титул, претендующий на мировое владычество). Он установил царский контроль над ашшурским общинным самоуправлением: при нем царя впервые стали назначать на должность высшего по званию городского магистрата. Начиная с Ададнерари, ассирийские цари переносят один из важнейших государственных обрядов – обряд приема богов (в виде статуй) на пиру – в собственные царские дворцы, в то время как ранее он совершался в общественных зданиях.

Ададнерари отнял у Касситской Вавилонии обширные области на Среднем Тигре и Среднем Евфрате и совершил два успешных похода против Ханигальбата-Митанни. В результате первого похода он сделал Ханигальбат своим вассалом, а когда тот отложился, Ададнерари полностью аннексировал его, выйдя к большой излучине Евфрата. По международным представлениям эпохи, это давало ему своего рода мандат на «великоцарский» статус, поскольку, поглотив предыдущее «великое царство» – Митанни, он наследовал его былой ранг. Поэтому Ададнерари в переписке с другими странами претендует уже не просто на титул «царя» (как в свое время Ашшурбаллит), а на титул «великого царя», равного правителям остальных великих держав, – и добивается успеха.

Хаттусили III, «великий царь» хеттов, союзник повергнутого Митанни и неизменный противник Ададнерари, был вынужден признать в своем исполненном гнева ответе ему: «Да, уничтожив моего союзника, ты стал великим царем!» На востоке Ададнерари покорил земли вплоть до Приурмийского региона. Сохранилась пышная придворная поэма о деяниях Ададнерари, сложенная при нем. Однако значительную часть своих завоеваний Ададнерари утратил еще при жизни.

Первое великодержавие Ассирии и его крах. Месопотамия в XII в. до н. э.

Если Ададнерари добился ранга «великого царя», равного остальным «великим царям», то его преемники **Шульманашаред (Салманасар) I** (1263–1234 гг. до н. э.) и особенно **Тукульти-Нинурга I** (1233–1197 гг. до н. э.) пытались добиться уже фактического первенства среди всех великих держав. История Ассирии первого периода ее

великодержавия (XIII в. до н. э.) – это время войн против хеттов и их союзников на западе и против вавилонян на юге. Войны шли с переменным успехом. Ассирийцы раз от раза наращивали мощь ударов, но и сами терпели иногда все более жестокие поражения.

За 150 лет (1300–1150 гг. до н. э.) ассирийцы успели пять раз покорить и пять раз потерять западную часть Верхней Месопотамии. Так, верхнемесопотамские завоевания Ададнерари еще при его жизни смог отнять у него Хаттусили III, восстановивший здесь Митаннийское государство (ок. 1265 г. до н. э.). Салманасар I вскоре после воцарения попытался уничтожить Митанни и союзные ему хеттские войска. Ассирийская армия попала в окружение и была отрезана от воды, но сумела вырваться и разбить врага. 14 400 воинов, попавших в ассирийский плен, были ослеплены по приказу Салманасара, который аннексировал все земли Митанни до Евфрата (ок. 1260 г. до н. э.). Митанни было уничтожено, теперь уже навсегда.

Некоторое время спустя Салманасар разгромил нового хеттского царя Тудхалию IV у города Нихрия и отнял у хеттов еще и территории в бассейне Верхнего Тигра. Тем не менее вскоре тот же Тудхалия IV смог отобрать у Салманасара и верхнетигрские области, и территорию погибшего Митанни (ок. 1240 г. до н. э.). К тому времени подстрекаемая хеттами Вавилония успела отнять у ассирийцев земли по Среднему Евфрату, завоеванные когда-то Ададнерари, а также Аррапху и области Загроса (между 1270 и 1240 гг. до н. э.).

И на западе, и на юге добился больших успехов и довел до апогея мощь Ассирии следующий царь Тукульти-Нинурта I. Великий воитель (само имя его означает «Оплот мой – Нинурта», бог войны, в то время как его предшественник Салманасар был назван в честь бога умиротворения), он почти ежегодно предпринимал дальние военные походы. На западе Тукульти-Нинурта покорил страны Верхнего Тигра и Армянского нагорья, вновь занял Верхнюю Месопотамию и совершил набег на хеттскую Сирию, угнав оттуда пленных. На юге он совершил небывалое деяние, завоевав и аннексировав Вавилонию и все ее владения (ок. 1228 г. до н. э.). Об этом подвиге при его дворе была сложена эпическая поэма. Из главного храма Вавилона в Ашшур вывезли статую верховного бога вавилонян Мардука.

В знак своих побед царь принял новый титул, звучавший отныне так: «Могучий царь, царь Ассирии, царь Кардуниаша [Касситской Вавилонии], царь Шумера и Аккада, царь Сипшара [древний город в Вавилонии] и Вавилона, царь Дильмуна и Мелаххи [современный остров Бахрейн и бассейн Персидского залива и Аравийского моря вплоть до Инда], царь Верхнего [Средиземного] и Нижнего моря [Персидский залив], царь гор и широких степей, царь субареев [жителей Верхней Месопотамии], кутиев [горцев Загроса] и стран Наири [Армянское нагорье], царь, слушающий своих богов и принимающий знатную дань четырех стран света в городе Ашшуре».

На гребне своих успехов Тукульти-Нинурта решил полностью освободиться от необходимости считаться с верхами городской общины Ашшура. Он выстроил себе новую, военно-служилую столицу Кар-Тукульти-Нинурта, объявив, что сделать это ему повелел бог Ашшур, и переехал туда. В столице был сооружен грандиозный дворец. Соответственно новому титулу царя особыми царскими указами до тонкостей был разработан дворцовый церемониал.

Однако к концу правления Тукульти-Нинурты хетты и восставшие вавилоняне вновь лишили Ассирию большей части завоеванных земель (включая все тот же запад Верхней Месопотамии). Поражения подорвали престиж царя, а его попытка встать над Ашшуром, т. е. над столичной общиной и ее храмом, вызвала прилив ненависти, тем более опасной, что к этой общине принадлежало большинство царских вельмож. Тукульти-Нинурта был объявлен сумасшедшим, низложен, заперт в собственном дворце и вскоре убит.

Ближний Восток в конце II тыс. до н. э.

На престол взошел его сын **Ашшурнадинапли**. Ассирия вступила в полосу

длительного упадка. Вавилонский царь Ададшумуцур, недавний освободитель всей Вавилонии от Тукульти-Нинурты, безнаказанно направлял ассирийским царям письма, полные насмешек и тяжелых оскорблений. Царский дом Ассирии потрясли внутренние династические конфликты и смуты. Вмешавшись в них, Ададшумуцур смог в 1182 г. до н. э. посадить одного из членов ассирийского царского рода на престол Ассирии в качестве своего вассала.

Одновременно, около 1190-х г. до н. э., под ударами выходцев из Балканско-Эгейского региона погиб старый враг Ассирии – Хеттское царство, но самой Ассирии это не помогло. Напротив, около 1165 г. до н. э. пришельцы с Балкан, так называемые восточные мушки, предки армян, продвинувшись через территорию разрушенного ими Хеттского царства, поселились на Верхнем Евфрате, и в течение следующих 50 лет Ассирии приходилось отражать их набеги на свои северо-западные границы в Верхней Месопотамии.

При **Ашшурдане I** (1168–1134 гг. до н. э.) в истории Месопотамии произошел резкий перелом. Ассирия освободилась от вавилонского влияния, даже совершила набег на вавилонские пограничные области (ок. 1160 г. до н. э.), а затем Вавилония подверглась полному разгрому со стороны эламитов, оккупировавших ее (сер. XII в. до н. э.). Династия касситов погибла, однако вавилонянин Мардуккабиттаххешу, укрепившись в Иссине, выступил против эламского господства и основал новую династию. Она упорно боролась с эламитами и постепенно вытеснила их из страны, восстановив Вавилонское царство (столицей его оставался Иссин). Не прекращая воевать с ним, эламитами около 1135 г. до н. э. обрушились на Ассирию, захватив Аррапху и долину Нижнего Заба. Ашшурдан I был низвергнут, а его преемник попытался примириться с Вавилонией и немедленно вернул ей статую Мардука (ок. 1133 г. до н. э.), почти за век до того вывезенную в Ассирию Тукульти-Нинуртой.

Вскоре после этого новый вавилонский царь из Иссина, **Навуходоносор I** (1125–1104 гг. до н. э.) смог наголову разгромить эламского царя у его столицы на реке Улай так, что Элам вскоре распался и три с лишним века месопотамские источники его не упоминали. После этого Навуходоносор вернул столицу из Иссина в Вавилон и принял новый титул «царь Вавилонии, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран света», который носили и последующие цари Вавилонии. Вторгнулся он и в Ассирию. В возрожденном Вавилонском государстве царская власть с течением времени существенно ослабела. В I тыс. до н. э. царь превратился скорее в верховного магистрата при автономной граждански-храмовой общине Вавилона.

В итоге бурных событий XII в. до н. э. в Передней Азии не осталось ни одной великой державы, а оба царства Месопотамии – Ассирия и Вавилония – были существенно ослаблены смутами и борьбой с набегами соседей, прежде всего Эламом. В этой обстановке в Ассирии воцарился Тукультиапалэшарра (Тиглатпаласар I).

Второе возвышение среднеассирийской державы и ее крах

При **Тиглатпаласаре I** (1114–1076 гг. до н. э.) Ассирия пережила небывалый взлет. По его надписям можно сделать вывод, что это был гениальный полководец и стратег, целиком сосредоточившийся на непрерывных завоеваниях. Начал он с того, что разбил 20-тысячное войско восточных мушков, вторгшихся в пределы Ассирии, и вновь восстановил ее власть над Верхней Месопотамией до большой излучины Евфрата. Затем он покорил горные области в бассейне Верхнего Тигра и двинулся дальше на север с целью захватить торговый путь, который вел к Черному морю и служил одним из главных каналов перевозки медной, свинцовой и железной руды, месторождения которых располагались в его полосе. Разгромив войска нескольких десятков вождей и князей «стран Наири» (Армянского нагорья), Тиглатпаласар «прогнал их своим дротиком до Верхнего [Черного] моря», выйдя к нему в районе современного Батуми. Побежденные владетели «стран Наири» признали зависимость от Ассирии и обязались платить дань конями и рогатым скотом, а их сыновья

были взяты заложниками.

На исходе XII в. до н. э. Тиглатпаласар I покорил позднешеттские царства в Сирии и Юго-Восточной Малой Азии (осколки былой Хеттской державы), достиг гор Ливана и финикийского побережья, где ему изъявили покорность приморские города от Арвада до Сидона. Проник он и далеко на восток, в долину Верхнего Заба и Загрос. Позднее Тиглатпаласар обратился против Вавилонии и захватил ее крупнейшие города – Опис, Сиппар и сам Вавилон, где сжег царский дворец (ок. 1090 г. до н. э.; правда, из Вавилонии ассирийцы были вытеснены уже в следующем году). В это время его власти подчинялись огромные территории от Чороха и истоков Куры до Загроса, Финикии и позднешеттских царств в Юго-Восточной Малой Азии (включительно). Ассирия была теперь не просто первой, а единственной великой державой Ближнего Востока.

При всех его победах нерешенной проблемой для Тиглатпаласара I были войны с арамеязычными кочевниками-ахламеями, которые населяли Сирийскую степь и продвигались все с большим напором на Средний Евфрат. Против них Тиглатпаласар совершил 28 походов, захватив даже Тадмор (современная Пальмира) в сердце ахламейской территории, однако победить их так и не смог. Кочевые племена рассыпались, отступали, но оказывались в итоге непокоренными и неуловимыми. Тем не менее до конца правления Тиглатпаласара I угрозы для Ассирии они не представляли.

В анналах царь давал себе такие характеристики: «Тиглатпаласар – отважный муж, отворяющий горные пути, повергающий непокорных, низвергающий всех гордецов! Тиглатпаласар – царь сильный, сеть для непокорных, низвергающий оборону злодеев! Тиглатпаласар – царь сильный, покоряющий вражьи страны, побеждающий всех царей! Тиглатпаласар – горящее пламя, грозный, потоп сражения! Тиглатпаласар – попирающий кичливых, поражающий непокорных, заставляющий содрогаться всех смельчаков!»

При преемниках Тиглатпаласара I Ассирия утратила могущество под натиском арамейско-ахламейских племен. В середине XI в. до н. э. началось грандиозное переселение арамеев из Южной Сирии. Двигаясь на север, они проникли вверх по течению Евфрата вплоть до верхнего Тигра, и ассирийцы были вынуждены с переменным успехом контратаковать их здесь, на северо-западе.

В Сирии в результате этих событий возник ряд арамейских царств. В то же время одно из крупнейших арамейских племен Сирии – *халдеи* (самоназвание *касад*), оторвавшись от своих родичей, двинулось прямо на восток, разорило юг Вавилонии и осело там, образовав несколько племенных княжеств в болотистых низовьях Тигра и Евфрата. Вскоре они признали власть вавилонских царей. В итоге халдеи, по-прежнему жившие родами под управлением своих наследственных вождей, усвоили вавилонскую культуру и составили значительную часть населения страны. С конца IX в. до н. э. халдейские правители фактически владели большей частью территории Ассирии, а в VIII–VI вв. до н. э. неоднократно давали ей правителей.

Около 1000 г. до н. э. арамейско-ахламейские племена прорвали на западе ассирийскую оборону по Евфрату и захватили практически всю Верхнюю Месопотамию, поставив Ассирию на грань гибели. Под властью ассирийских царей X в. до н. э. (нам известны только их имена) остались лишь бассейн Среднего Тигра и Харран. В течение недолгого времени арамеи Верхней Месопотамии образовывали обширный племенной союз – Арам Нахараим (Арамейское Двуречье), но уже во 2-й половине X в. до н. э. он распался на множество племенных княжений. Это дало Ассирии передышку, позволившую ей постепенно накопить силы для реванша.

От катастрофы, которую претерпела Ассирия под ударом арамеев, ученые отсчитывают новый, так называемый *новоассирийский период* ее истории (X–VII вв. до н. э.). В результате переселений XI–X вв. до н. э. подавляющее большинство населения Плодородного Полумесяца было арамеизировано. Уже к середине I тыс. до н. э. на аккадском, ханаанейском и древнееврейском языках говорили главным образом в городах. Вплоть до арабского завоевания в VII в. н. э. арамеи («сирийцы» античных источников) были

одним из главных этносов Передней Азии.

Ассирийское общество и государство

Общественный быт коренных городов Ассирии лучше всего характеризует дошедший до нас текст так называемых *среднеассирийских законов* (2-я пол. II тыс. до н. э.), регулировавших жизнь ашшурской городской общины. Законы отражают архаичный общинный уклад и суровый нрав своих создателей. Это самый жестокий из всех древневосточных кодексов: он очень часто предусматривает тяжелые наказания (в том числе фактически равносильное порой смертной казни наказание сотней ударов палкой) и устанавливает крайнее бесправие женщин.

Основной ячейкой общины являлась патриархальная семья с полной властью мужчины над женщиной; в частности, мужу разрешалось по своему произволу подвергать жену калечащим наказаниям. На жену распространялась ответственность за долги и преступления мужа. Измена жены почти всегда каралась смертной казнью.

Община являлась реальным собственником земли. Она периодически производила ее переделы между общинниками и жестко контролировала дозволенную куплю-продажу земли внутри общины. Существовало весьма тяжелое долговое рабство и изъятие земель за долги (ссуду выдавали под залог поля, дома или членов семьи, и если долг не возвращали в срок, заложник переходил в полную собственность кредитора, который мог поступать с ним по своему произволу – «бить, выщипывать волосы, бить по ушам и просверлить их» и даже продать за пределы Ассирии). Таким образом, ашшурские законы, в отличие от Законов Хаммурапи, не пытались ограничить деятельность ростовщиков, а, наоборот, поддерживали их. В новоассирийский период общинный контроль над куплей-продажей земли исчез, так что возможности частной эксплуатации, отчуждения и концентрации земли резко возросли.

Общинная ашшурская элита состояла из функционеров общинных органов управления и владельцев больших торговых предприятий (которые часто и занимали должности в этих органах). Все они были обычно крупными землевладельцами. В хозяйствах элиты эксплуатировались в основном рабы. Особняком стоял градоправитель-ишшиаккум (позднее царь) с собственным бюрократическим аппаратом и воинством, а также столичный храм Ашшура. Они существовали на налоги, в том числе взимаемые со столичной общины. Значительная часть жречества и служилых и, разумеется, правитель сами были членами столичной общины и имели в ней соответствующие земельные наделы. При этом высшее жречество Ашшура было особенно тесно связано со столичной общиной и фактически представляло собой продолжение ее верхушки.

Когда же Ашшур в XIV в. до н. э. превратился в крупную державу, почти все присоединенные к нему области составили фонд государственной (царской) земли. Их обитатели не имели общинной самостоятельности, управлялись чиновниками, находились в неограниченной власти правителя и платили ему подати. Таким образом, для автономных городов Ассирии (а в их число, кроме Ашшура, входили некоторые присоединенные города) царь был весьма ограниченным по своей компетенции правителем, зато для составивших сектор «царских людей» жителей завоеванных стран – абсолютным владыкой. На подати, вносимые ими, царь мог содержать огромную военно-административную верхушку, верхние эшелоны которой по-прежнему комплектовались выходцами из коренных автономных ассирийских городов.

Таким образом, в Ассирии действовала социально-экономическая модель, близкая к той, что существовала в Касситской Вавилонии. При этом никаких пожалований ассирийские цари не выдавали (служилые люди независимо от должности почти всегда сидели на прямом государственном обеспечении), так что частновладельческие отношения свободно развивались только в автономных городах. Если в царском секторе почти безраздельно доминировала «долевая» эксплуатация мелких земледельцев (которые вели свое хозяйство, отдавали государству часть произведенной продукции и жили на ее

остаток), то в крупных частных владениях применялся рабский труд (наряду с трудом арендаторов).

Взаимоотношения государства и коренных автономных городов были непростыми. В отличие от Вавилонии, в Ассирии с них в течение долгого времени взимался налог, и цари по возможности стремились подчинить их самоуправление своей власти. Однако государство интересовала только налогово-административная сфера автономных городов. На развитие там частной эксплуатации цари внимания не обращали, так что в Ассирии еще под контролем царей в общинно-городском секторе развивалась самая безудержная частная эксплуатация, и множество рядовых членов общин, разорившись, превращалось в рабов или зависимых людей.

В Среднеассирийский период сформировались основные *особенности Ассирийской державы*, главная из них – двойственность в положении царей. Достаточно ограниченная власть царя над коренными ассирийскими городами при полновласти над завоеванными территориями побуждала царей строить себе новые военно-служилые столицы, отрываясь от ашшурской общины (впрочем, Ашшур всегда сохранял значение священной столицы державы). Между царями и гражданскими общинами автономных городов, прежде всего столичной, нередко возникали конфликты, вплоть до мятежей общин и низвержения царей. Впоследствии, в VIII в. до н. э., все это побудило царей сделать главной опорой своей власти не коренные города, а оторвавшуюся от общинных традиций служилую массу, в основном из покоренных народов. Это укрепляло царскую власть, но в итоге приводило к формированию «денационализованного» самодовлеющего государства, оторванного от своей базы и этим слабого.

Ассирийская держава в первые века своего существования являлась плодом попытки ашшурской гражданской общины и сформировавшегося при ней царского военно-служилого двора захватить власть над большей частью Передней Азии. Непомерность этой задачи по сравнению с ограниченными ресурсами коренной Ассирии заставляла царей компенсировать эту слабость крайне напряженной военной деятельностью и устрашением соседей, но часто не позволяла им стабильно и прочно властвовать над завоеванными областями. Поэтому для Ассирии типична непрерывная военная экспансия и постоянная борьба с восстаниями покоренных народов.

Этим объясняется и беспрецедентная жестокость ассирийцев при завоеваниях и карательных походах (в частности, применялись массовые пытки и казни, полное разрушение городов и селений, а с VIII в. до н. э. и политика «вырывания с корнем» – депортации огромных масс населения в другие районы страны). Война в древности вообще была куда более жестокой, чем в последующие эпохи, но ассирийцы в этом отношении резко превосходили общий уровень жестокости своего времени: людей тысячами сажали на кол и ослепляли, с них заживо сдирали кожу, отрубали руки и ноги. Вот примеры обычных победных формул ассирийских царей: «Я окружил, я завоевал, я сокрушил, я разрушил, я снес, я сжег огнем и превратил в пустыри и развалины».

Ассирийские цари вели войны с небывалой энергией, упорством и неукротимостью. Они проводили в походах больше времени, чем любые другие правители Ближнего Востока, и нередко старались каждый год начинать новую военную кампанию, причем считали своим долгом лично командовать войском. В результате Ассирийская империя существовала в характерном «пульсирующем» ритме: правление каждого царя обычно начиналось с подавления мятежей, вызванных смертью его предшественника. Затем царь пытался совершить новые завоевания. С его смертью часть присоединенных им земель тут же отпадала, и все повторялось снова, так что одни и те же территории ассирийцам приходилось покорять по многу раз. В целом масштаб ассирийских завоеваний медленно, но неуклонно расширялся, и росла площадь окончательно покоренной территории. С начала IX в. до н. э. из ассирийского подчинения уже никогда не выходила Верхняя Месопотамия, с конца VIII в. до н. э. (и до времен крушения Ассирии) – Сирия. Прочно покорить Вавилонию ассирийцам так и не удалось, и именно это стало в итоге причиной гибели их державы.

История Ассирии изобиловала узурпациями. Немало удачливых администраторов и военачальников – отдаленных потомков давно умерших царей – захватывали престол, свергая и убивая своих предшественников. Однако это не мешало официальной ассирийской традиции относиться к ним с величайшим почтением, если их правления были успешными.

В Ассирийской державе сложилась особая идеология «священной войны», согласно которой войны предпринимались по приказу и во славу Ашшура, бога-покровителя города и царства, что отражало исключительную роль храма Ашшура в функционировании ассирийской государственности. Не считая библейских войн, это единственный пример «священной войны» на всем древнем Ближнем Востоке.

В итоге история Ассирии представляет собой циклы военного подъема и упадка. Трижды (в нач. XII в. до н. э., в нач. X в. до н. э., в 1-й пол. VIII в. до н. э.) Ассирия теряла большую часть захваченных территорий и вновь возвращала их, каждый раз наращивая масштабы экспансии.

Первое возвышение новоассирийской державы. Салманасар III и Саммурамат

Из упадка, в который Ассирию ввергли арамеи, ее вывел **Ададнерари II** (911–891 гг. до н. э.), сломивший и покоривший княжества верхнемесопотамских арамеев. Вся область реки Хабур и ее притоков перешла под контроль Ассирии. Ададнерари нанес поражение и вавилонянам.

В течение нескольких последующих десятилетий Ассирия практически не знала поражений. Стратегическая цель, которую поставили перед собой цари этого времени, заключалась в том, чтобы, держа в страхе и зависимости горцев на севере и востоке при помощи периодических вторжений и не допуская ответных рейдов, неуклонно продвигаться на юг и запад с целью взять под свой контроль основные источники сырья, центры производства и торговые пути от Персидского залива до Армянского нагорья и от Ирана до Средиземного моря и Малой Азии.

Ашшурнацирапал II (883–859 гг. до н. э.), самый свирепый из великих ассирийских завоевателей, завершил аннексию Верхней Месопотамии и неоднократно вторгнулся в Западный Иран и Сирию. Стратегия царя заключалась в нанесении молниеносных ударов и в создании опорных пунктов на присоединенных территориях. Любая попытка мятежа или сопротивления беспощадно подавлялась. Население массово истребляли, а территория подвергалась полному опустошению. Те же, кто сдался без боя, облагались данью. Присоединенные области либо переводились на положение вассалов, либо, во всевозрастающей мере, передавались непосредственно под власть ассирийских чиновников.

Даже по ассирийским меркам Ашшурнацирапал II воевал необычайно жестоко; типичной похвальбой его было: «Я взял город, перебил множество воинов, захватил все, что можно было захватить, отрубил головы бойцам, сложил напротив города башню из голов и тел, сложил башню из живых людей, посадил людей живьем на колья вокруг города, юношей и девушек его сжег на кострах».

Переправив свое войско через Евфрат на плотках из надувных мехов, Ашшурнацирапал II вошел в Каркемиш. Город покорился без боя и уплатил огромную дань изделиями из золота и серебра, не считая десятка тонн меди и железа. В 876 г. до н. э. Ашшурнацирапал добрался до Средиземноморского побережья, где зависимость от него признала Финикия. Согласно древнему обычаю, царь омыл свое оружие в водах Средиземного моря и поставил стелу. Основав ассирийскую колонию на Оронте, он вернулся в Ассирию с огромной добычей и кедрами, нарубленными в горах Ливана для строительства своей новой резиденции, которую он перенес из Ашшура в военно-служилую столицу Кальху (современный Нимруд).

Его сын **Салманасар III** (858–824 гг. до н. э.) вновь воевал за Евфратом, встречая там ожесточенное сопротивление местных князей, сплотившихся в две мощные коалиции. В 853 г. до н. э. он вывел против вражеской сиро-палестинской коалиции (в которой участвовали

почти все цари Леванта, включая израильского Ахава) на битву при Каркаре 120 тыс. воинов – невиданную по тому времени армию, но потерпел поражение. В своих надписях он, разумеется, объявил себя победителем, но в течение нескольких следующих лет не рисковал вновь вторгаться за Евфрат.

В 840 г. до н. э. Салманасар III осадил Дамаск – столицу крупнейшего из царств Сирии – и покорил и его, а также всю остальную Сирию, Израиль и Финикию. В общем, за свое правление он трижды подчинял страны Леванта и Юго-Восточной Малой Азии и трижды терял их.

Ближний Восток в начале I тыс. до н. э.

Кроме этого, Салманасар III регулярно совершал военные походы то на север – на Армянское нагорье, против недавно сформировавшегося царства Урарту, то на восток – в Западный Иран, где обитали ираноязычные племена мидян, то на юг – против халдейских княжеств Вавилонии. Тем не менее закончилось его правление многолетним мятежом коренных ассирийских городов и потерей большей части завоеваний вне Верхней Месопотамии, которую ассирийцы уже никогда не выпускали из рук.

Новый взлет Ассирии испытала при **Ададнерари III** (810–783 гг. до н. э.), который поначалу многие годы правил под опекой своей матери, знаменитой царицы **Саммурамат** – Семирамиды. В результате походов, снаряженных ими, Вавилония стала младшим союзником (а фактически вассалом) Ассирии; впервые в истории Ассирии был покорен весь Левант от гор Амана до Синая, а также халдейские княжества на Нижнем Тигре и огромные пространства Северо-Западного Ирана. В 788 г. до н. э. ассирийские войска в первый и последний раз за свою историю вышли к Каспийскому морю и на некоторое время расширили до него пределы подчиненных Ассирии земель. Воспоминания об этом успехе послужили основой для позднейших легенд о том, что Семирамида якобы покорила весь Иран, включая Бактрию, до границ Индии.

Тем не менее в 1-й половине VIII в. до н. э. Ассирия вновь потеряла все свои владения, кроме Верхней Месопотамии, – прежде всего под ударами Урарту. Урартского царя Аргишти ассирийцы боялись так, что не скрывали этого. В ассирийских надписях Аргишти был назван «урартом, чье именование страшно, как тяжелая буря». Страна находилась в глубоком упадке. Многие начальники областей, стоявшие во главе огромных провинций, сделались фактически наследственными князьями и мало считались с царской властью. В 760-х гг. до н. э. в Ассирии разразилась новая гражданская война.

Последний взлет Ассирии. Тиглатпаласар III и Саргон II

Начало новому возвышению Ассирии положил узурпатор-военачальник **Тиглатпаласар III** (745/744–727 гг. до н. э.). Он пришел к власти в результате восстания в Кальху и провел ряд важнейших реформ, которые преобразили государство и превратили его в машину, жившую войной и для войны. Прежде всего Тиглатпаласар завершил разукрупнение наместничеств, одновременно уменьшив полномочия наместников, а на эти посты стали обычно назначать евнухов (для предотвращения создания новых местных династий). Отныне местные власти беспрекословно подчинялись царю.

Тиглатпаласар III создал *армию нового типа*, далеко опередившую по своим боевым качествам, вооружению и организации все прочие армии той эпохи. Это была огромная постоянная армия, находившаяся на полном содержании казны и всегда готовая к бою (ранее большая часть войск представляла собой ополчение, как и в других государствах). Такой характер армии позволил перейти к непрерывному военному обучению и резко повысил ее боевые качества. Была введена унификация вооружения, экипировки и боевой подготовки по

всей империи, что делало ассирийские войска на редкость слаженными в бою. Ядром новых вооруженных сил был особый «царский полк» (гвардия). Он включал все рода войск и представлял собой армию в миниатюре. К этому добавлялись провинциальные ополчения и вспомогательные войска вассальных царьков (характерно, что ассирийцы старались обучить и вооружить их так же, как регулярное войско).

Ассирийская армия имела новую, продуманную систему родов войск, состоявших из пехоты, колесничных частей и особо мощной конницы, оттеснившей колесницы на вторые роли; появились особые службы – саперная (инженерная) и разведывательная. Инженерные подразделения помогали армии вести военное строительство и осаду крепостей. В войнах того времени противники обычно надеялись в крайнем случае отсидеться в крепостях, рассчитывая на то, что враг сам не выдержит долгой осады (а они могли тянуться и по 15, и по 20 лет). Эта оборонительная тактика оправдывала себя почти во всех войнах, кроме войн с Ассирией, располагавшей высокоразвитой осадной техникой, прежде всего огромными таранами.

Ассирийская служба разведки была многочисленна, разветвлена и включала постоянных шпионов и тайных агентов, пребывающих в чужих странах. Они не только извещали царя о положении дел в этих странах, но и сеяли там по его приказу смуты и заговоры.

Тиглатпаласар и его преемники вооружили всех своих воинов железным оружием и доспехами. В ту эпоху, когда простые пешие воины большинства армий почти не имели защитного вооружения, ассирийские пехотинцы были снабжены огромными щитами, панцирями, остроконечными шлемами. Особые части оружейников, сопровождавшие армию, чинили и заново делали оружие.

Все эти вспомогательные службы, а также массовое применение кавалерийских, особенно конно-стрелковых, частей были до сих пор совершенно неизвестны на Востоке и давали ассирийцам неоспоримое преимущество над соседями. В отличие от предшествующих времен, ассирийские военачальники перестали быть политическими фигурами и полностью подчинялись царю.

Своей военной реформой Тиглатпаласар III решал еще одну старую проблему ассирийской монархии – проблему взаимоотношений царя с коренными автономными городами. Создав свою армию, он, как уже отмечалось, стал опираться не на них, а на военно-служилую массу (в основном арамеязычную).

Ассирийская армия нового типа в течение столетия наводила страх на весь Ближний Восток. Именно она впервые за всю историю месопотамских держав в середине VII в. до н. э. раздвинула пределы ассирийского владычества (по крайней мере верховного) от Эгейского моря до Южного Ирана и от Севана до Синая. Но в причинах ее успеха крылся также залог ее гибели. Ополченцы, как и военные колонисты, сохраняли живую связь со своей областью и народом, с национальной традицией. Регулярная армия (притом, что служба навсегда, до конца жизни вырывала воина из его среды) разрывала эту связь, тем более что подавляющее большинство воинов постоянной армии набирались из покоренных народов, а коренные ассирийцы (которых вообще было очень мало) пополняли лишь командный состав и гвардию.

Это была денационализированная профессиональная армия, «государство в государстве», оторванное от каких бы то ни было общественных структур и традиций. Рано или поздно такая армия всегда обречена на гибель: со временем она фактически выходит из подчинения власти, пытается вершить собственную политику, в ней зреют смуты и военные перевороты. Все это и произошло с ассирийской армией во 2-й половине VII в. до н. э. Ставя и смещая царей, она фактически уничтожила сама себя в гражданской войне – а с ней погибла и Ассирийская держава.

Сначала, однако, новая армия обеспечила ассирийским царям небывалое могущество, позволив приступить к *новому витку экспансии*. Вместо обложения покоренных стран данью Тиглатпаласар III стал систематически «причислять их к Ассирии», т. е. прямо

аннексировать с включением в систему ассирийских наместничеств. До него ассирийцы осуществляли такие меры почти исключительно в Верхней Месопотамии, потому она и осталась в их руках, несмотря на кризис 1-й половины VIII в. до н. э. Тиглатпаласар III и его преемники аннексировали даже наиболее отдаленные регионы, хотя обращение в вассальную зависимость также не применялось. По отношению к покоренному или мятежному населению они применили еще одно новое средство – политику «нацаху» («вырывание с корнем»), которая состояла в том, что население вместе с его имуществом в массовом порядке депортировали в другие концы империи, а оттуда ему на смену пригоняли тамошних обитателей. Переселенцам выделяли земли как можно дальше от их родины, в результате они, оказавшись в чужом окружении, не могли договориться с соседями и поднять мятеж, и оставались покорными подданными Ассирии.

В 743–735 гг. до н. э. Тиглатпаласар III разгромил некогда страшное для ассирийцев Урарту и его союзников в Сирии и Юго-Восточной Малой Азии, подчинив Ассирии эти регионы и отторгнув от Урарту полосу земель на юге Армянского нагорья. В 735 г. до н. э. ассирийцы пересекли территорию Урарту и дошли до ее столицы – Тушпы, но взять ее не смогли. Затем в 734–732 гг. до н. э. они покорили все Восточное Средиземноморье, достигнув границы Египта на Синае (большая часть Сирии при этом была аннексирована). Крупные завоевания совершил Тиглатпаласар III в Мидии и в Западном Иране (744, 737 гг. до н. э.), где были созданы две новые провинции.

Тем временем в Вавилонии начались внутренние смуты, и в 729 г. до н. э. Тиглатпаласар III вторгся туда под предлогом восстановления порядка и спокойствия. Взяв Вавилон и подвергнув главных ассирийских врагов в Вавилонии – халдейские племена – полному разгрому (120 тыс. человек были угнаны в плен), он завоевал всю страну. Однако престиж Вавилонии в глазах самих же ассирийцев был столь велик, что Тиглатпаласар III не решился превращать ее в провинцию, а присоединил к Ассирии на правах личной унии. Он оставил за ней статус особого царства и сам занял его престол под именем Пулу, пройдя традиционные обряды вавилонской коронации.

Впервые со времен Хаммурапи вся Месопотамия была объединена под одной властью, и впервые со времен Аккада и Ура месопотамская империя охватила, как гласят надписи Тиглатпаласара III, все страны «от Верхнего моря, где закат солнца, до Нижнего моря, где восход солнца» (т. е. от Средиземного моря до Персидского залива), включив весь Плодородный Полумесяц.

Первые преемники Тиглатпаласара III пытались удержать отпадающие области, расширять державу. Они то теснили привилегированные коренные города (где главной силой были храмы), то примирялись с ними. **Салманасар V** (727–722 гг. до н. э.) столкнулся с мятежами Финикии и Израильского царства. Осадив столицу последнего, Самарию, и заняв все земли Израильского царства, Салманасар объявил о его аннексии. Осада Самарии, однако, затянулась на три года. Еще ранее, стремясь покончить с привилегиями старой родовой знати, Салманасар отменил налоговые льготы, которые имели древние города Ассирии и Вавилонии: Ашшур, Вавилон, Сиппар.

Эта реформа вызвала заговор, и на третий год осады Самарии царь был убит. Власть захватил младший царевич, родоначальник новой ветви династии **Саргон II** (722/721–705 гг. до н. э.). Немедленно отложились Вавилония, где престол захватил халдейский вождь Мардукапалиддин II, поддерживаемый соседним Эламом. Некоторые вассальные царства Сирии и Юго-Восточной Малой Азии взбунтовались против Ассирии, опираясь на поддержку новой великой державы Малой Азии – недавно возвысившейся Фригии, где правил царь Мита (Мидас греческих преданий).

В 722 г. до н. э. Саргон II взял Самарию, окончательно уничтожив Израильское царство (большинство его жителей были депортированы на восток державы и ассимилированы местным населением), и специальным декретом торжественно подтвердил и умножил древние привилегии городов и храмов, чем привлек на свою сторону коренные города. Вскоре он вернул под власть Ассирии и Финикию, примирившись с ее мятежным царем.

Затем, попытавшись вернуть Вавилонию, Саргон II понес тяжелое поражение от вавилоно-эламской армии при Дера (720 г. до н. э.); по ассирийскому обыкновению он объявил это поражение победой, но Вавилония осталась за Мардукапалиддином II. В 717–715 гг. до н. э. Саргон II отразил попытки фригийской экспансии, принудил Мидаса к миру и в течение 717–708 гг. до н. э. превратил все вассальные позднешеттские царства Сирии и Юго-Восточной Малой Азии в провинции из-за частых проявлений их непокорства.

Около 720 г. до н. э. на северных рубежах Урарту появились ираноязычные кочевники-киммерийцы, вытесненные из причерноморских степей за Кавказ скифами. В течение следующих десятилетий они наводили страх на Закавказье и Анатолию. Особенно тяжелый удар был нанесен Урарту. Воспользовавшись этим, Саргон II значительно расширил владения Ассирии в Приурмийском районе (подчинив местное царство Манну) и Мидии, а в 714 г. до н. э. внезапно вторгся в Урарту, разгромил его и разграбил святилище верховного урартского бога Халди в Муцацуре на Верхнем Забе. Урартский царь Руса I едва успел спастись бегством и вскоре покончил с собой. В руки ассирийцев попали несметные богатства, а Урарту никогда уже не смогло оправиться от этого разгрома и навсегда перестало быть угрозой для Ассирии.

После этого, в 710 г. до н. э., Саргон II захватил Вавилонию, изгнав Мардукапалиддина. Вступив в Вавилон, где его встречали как освободителя, Саргон короновался здесь в качестве царя. Своего наследника Синаххериба он женил на знатной вавилонянке. Дильмун (Бахрейн) и даже царства Кипра признали себя вассалами Саргона.

В 707 г. до н. э. Саргон II выстроил себе новую военно-служилую столицу – Дур-Шаррукин («Крепость Саргона», современный Хорсабад) с огромным дворцом. Он был убит во время своего очередного похода в 705 г. до н. э., в битве с фригийцами и киммерийцами в горах Тавра. К этому времени Саргон II вернул все земли, утраченные было после смерти Тиглатпаласара III и Салманасара V, и прибавил к ним новые завоевания.

На 745–705 гг. до н. э. приходится основная наступательная фаза новоассирийской экспансии VIII–VII вв. до н. э. На следующем этапе (704 – ок. 640 г. до н. э.) уже шла борьба за удержание и частичное расширение совершенных ранее ассирийских завоеваний. При Тиглатпаласаре III – Саргоне II определились и основные направления ассирийской внешней политики (южное – вавилоно-эламское, западноиранское – мидийское, северное – урартско-маннейское, северо-западное – сирийско-фригийское, западное – левантийско-египетское) и основной соперник – Вавилон.

Отношения ассирийцев и Вавилонии были очень напряженными. Автономные самоуправляющиеся города Вавилонии, прежде всего сам Вавилон, категорически не желали терпеть иноземное господство и раз за разом свергали ассирийскую власть. Ассирийцы могли бы уничтожить Вавилонию, но не решались на это. Их держава выросла из города-государства на периферии Вавилонии, и они привыкли видеть в ней свою культурную метрополию, так что стремились всеми способами добиться от Вавилона признания, а не уничтожать его. За 100 лет ассирийцы перепробовали все мыслимые способы обращения с Вавилонией – от номинально равноправной личной унии (VIII в. до н. э.) до попытки полной аннексии (при Синаххерибе), но так и не решили этой задачи, что в конце концов стало одной из главных причин гибели Ассирии.

Саргониды. Апогей ассирийского великодержавия

Потомки Саргона II – Саргониды – правили Ассирией вплоть до ее гибели. Его сын **Синаххериб** (705/704–681 гг. до н. э.), свирепый царь-солдат, так ненавидел Вавилонию, что, даже унаследовав от Саргона престол Вавилона, не захотел пройти там обряд коронации, а потом подчеркнуто избегал вавилонского трона. Практически все свое правление Синаххериб пытался вернуть земли, вышедшие из-под власти Ассирии при его воцарении. С гибелью Саргона II в горах Тавра почти вся Юго-Восточная Малая Азия немедленно отложила от Ассирии (кроме прибрежных областей, известных позднее как

географическая Киликия). Одновременно отпала Вавилония при поддержке Элама (почти немедленно в ней снова воцарился Мардукапалиддин II) и некоторые области Леванта – Финикия, Филистия и Иудея (при поддержке Египта). Синаххериб смирился с утратой Юго-Восточной Анатолии и все свое внимание сосредоточил на западном и южном фронтах.

В 703 г. до н. э. он двинул войска на Вавилонию, разбил Мардукапалиддина при Кише, опустошил всю страну (особенно халдейские княжества) и посадил на вавилонский престол ассирийского чиновника, восстановив режим личной вавилоно-ассирийской унии, но принизив ранг Вавилонии. В 701 г. до н. э.

Синаххериб двинулся в Палестину. Разбив египетское войско при Элтеке, он занял всю территорию Иудеи и осадил ее столицу – Иерусалим. Мятежный царь Финикии бежал за море, хотя его столица – Тир – продолжала сопротивляться ассирийцам. Синаххериб занял остальную территорию Финикии и раздробил ее на отдельные города-государства (сам Тир признал ассирийскую власть лишь около 696 г. до н. э.). Осада почти неприступного Иерусалима завершилась компромиссом. Осаждающих постигла какая-то эпидемия, и Синаххериб предпочел снять осаду, добившись от царя Иудеи признания ассирийского владычества, выплаты колоссальной дани и выдачи заложников. В Вавилонию тем временем вновь вторгся Мардукапалиддин, поддерживавший дружественные контакты не только с Эламом, но и Египтом.

В 700 г. до н. э. Синаххериб снова разбил халдейское войско и посадил на вавилонский трон своего старшего сына. Мардукапалиддин опять бежал, на этот раз он укрылся на одном из островков в Персидском заливе, принадлежавших Эламу. Для его преследования «за морем» Синаххериб выстроил на двух специально устроенных верфях (одна на Евфрате, где использовали лес из Ливана, другая на Тигре – для леса с севера) две эскадры. Строительство вели мобилизованные Синаххерибом финикийские, прежде всего сидонские, мастера. Эти эскадры спустились вниз по рекам и совершили карательную экспедицию на эламские острова и к берегу Персидского залива (Мардукапалиддин II к приходу ассирийского царя уже умер), опустошив прилежащие области Южного Элама. Тем не менее в 693 г. до н. э. Вавилония вновь отложила от Ассирии при эламской поддержке.

Кульминацией этой ожесточенной войны стала грандиозная битва при Халуле (на Тигре, севернее Вавилона) в 691 г. до н. э. Синаххериб в своей надписи объявил себя победителем, а для врагов не пожалел самой площадной брани, однако в Вавилонии эту битву тоже считали своей победой. В действительности ее результат не был однозначным. Однако в 689 г. до н. э., воспользовавшись смутами в Эламе, Синаххериб вновь двинулся на Вавилон и взял город штурмом. На этот раз он решил раз и навсегда ликвидировать «вавилонский вопрос» вместе с самим Вавилоном. Он отправил в Ассирию всех уцелевших жителей и статуи вавилонских богов, а город разрушил до основания, сбросил обломки в Евфрат и пустил на то место, где стоял Вавилон, речные воды по специально проложенному каналу. Официально Синаххериб объявил, что великие боги прогневались на Вавилон за грехи его обитателей и решили покинуть город. Вавилония была полностью аннексирована. Последние годы Синаххериб провел в Ниневии, которую превратил в свою новую административную столицу (ее сохраняли в качестве своего престольного города и последующие цари Ассирии вплоть до конца ее истории).

По-видимому, уничтожение Вавилона ужаснуло даже значительную часть ассирийской знати, прежде всего верхушку автономных коренных городов и жречество, включая Ашшур. Ради примирения с ними Синаххериб назначил наследником своего младшего сына (от жены-вавилонянки) Асархаддона, близкого к этим кругам. Сам Синаххериб был убит в храме его старшими сыновьями в 681 г. до н. э.

Его преемник **Асархаддон** (681/680–669 гг. до н. э.) прослыл у современных ученых из-за его приниженных и исполненных страха обращений к богам человеком суеверным и трусоватым, однако впечатление это обманчиво. Асархаддон был правителем решительным и амбициозным. Он не ограничивался удержанием достигнутого, а отвечал на вызовы своего времени смелыми новаторскими шагами.

Асархаддон стремительно утвердил за собой власть, совершив поход на Ниневию, а его старшие братья, убийцы Синаххериба, бежали на Армянское нагорье. При нем Ассирия столкнулась с ростом угрозы со стороны кочевых ираноязычных племен. Около 680 г. до н. э. скифы, когда-то вытеснившие киммерийцев из Предкавказья в Переднюю Азию, сами перешли Кавказ и обрушились на горные территории, лежавшие к северо-востоку от Ассирии, прежде всего на Восточное Закавказье и Северо-Западный Иран, где даже возникло особое Скифское царство, угрожавшее урартам, ассирийцам и мидянам. Под напором скифов киммерийцы отступили еще дальше на юго-запад, попав в бассейн Галиса, и отсюда совершали набеги на сопредельные области Анатолии, в том числе на ассирийские владения в Киликии.

В 679 г. до н. э. Асархаддон отразил нашествие киммерийцев на этой границе, а в 679–678 гг. до н. э. восстановил Вавилон и Вавилонию как особое царство, находящееся в унии с Ассирией, и сам занял вавилонский престол. Уцелевшие жители Вавилонии вернулись на родину. Привилегии ассирийских и вавилонских городов были также восстановлены и расширены, а подати в пользу храмов увеличены. Все это было резким отказом от курса Синаххериба в «вавилонском вопросе», хотя официально, разумеется, Асархаддон не осудил своего отца, а объявил, что бог Мардук, недавно разгневавшийся на Вавилон и пожелавший его покинуть, теперь вернул городу свою милость, захотел вернуться туда и поручил Асархаддону восстановить город.

В 675 г. до н. э. Асархаддон совершил дальний восточный поход, расширив границы Ассирии вплоть до соляной пустыни Дешт-и-Кевир, но тут ситуация на этом фронте резко осложнилась. Скифы напали на ассирийские владения в Северо-Западном Иране. Вся система ассирийской власти в этом регионе рухнула: при поддержке скифов мидяне – местные ираноязычные племена, покоренные Тиглатпаласаром III, восстали против Ассирии под предводительством некоего Хшатриты (сына западноиранского князька Дейока, когда-то смещенного и сосланного Саргоном II) и создали собственное Мидийское царство, царем которого и стал Хшатрита (673–672 гг. до н. э.). В 672 г. до н. э. Асархаддон справился с этим кризисом, переманив скифов на свою сторону и отдал свою дочь в жены их предводителю Партауга (в такой форме его имя отражено в ассирийских источниках; у греческих историков – Прототий). Ассиро-скифский союз стал отныне главным фактором в охране ассирийских границ на всем севере, но Мидия так и осталась независимой.

В то время как в Иране разворачивались эти события, Асархаддон разгромил и аннексировал стратегически важное хурритское царство Шубрия в Сасунских горах (между Ассирией и Урарту), обвинив его в укрывательстве беглецов из Ассирии. Царь Шубрии в конце концов признал свою вину и униженно просил пощады, но это ему уже не помогло: и он, и его царство были уничтожены (673 г. до н. э.).

Другим важнейшим направлением политики Асархаддона было левантийско-египетское. В 677 г. до н. э. он подавил восстание в Финикии, до основания разрушил Сидон, казнил его царя, построил на месте бывшего города крепость. Эти земли стали новой ассирийской провинцией. Затем Асархаддон впервые в истории Ассирии выдвинул и осуществил проект завоевания Египта, совершил туда два похода (674 и 671 гг. до н. э.). Во втором из них он подчинил североарабские племена, взял Мемфис и прогнал эфиопского фараона Египта Тахарку в Фивы, захватив большую часть страны. Оставив в завоеванных областях местных правителей, но посадив над ними ассирийских областеначальников, Асархаддон включил в свою титулатуру упоминание о власти над Египтом и Эфиопией (на деле последняя оставалась независимой под властью Тахарки и сама продолжала контролировать юг Египта) и вернулся домой. В 669 г. до н. э. Асархаддон вновь выступил против Тахарки, но умер в походе.

Согласно завещанию Асархаддона, ему наследовали два сына: **Ашшурбанапал** (669/668–627 гг. до н. э.), царь Ассирии и сюзерен Вавилонии, и его брат Шамашшумукин, удельный младший царь автономной Вавилонии. Ашшурбанапал был хорошо образован, упорен, интересовался ученым знанием. Он знал три языка, математику, был знаком с

астрологией и астрономией и сочинял стихотворные молитвы. Именно по его приказу в Ниневии была собрана знаменитая библиотека, состоявшая из десятков тысяч глиняных табличек, включавшая все сколько-нибудь значимые тексты месопотамской традиции (этому собранию историческая наука обязана важнейшей частью знаний о Месопотамии).

Ашшурбанапал

Несмотря на множество рельефов из Ниневии, изображающих этого царя могучим богатырем, лично поражающим львов, из царской переписки мы знаем, что Ашшурбанапал был слаб здоровьем и почти не принимал участия в военных походах и был больше администратором и дипломатом, чем полководцем. В результате в греческой традиции он предстает как царь Сарданапал, безответственный и беззаботный любитель дворцовой роскоши и наслаждений. По-видимому, это в какой-то мере отражало впечатление самих ассирийцев от царя-грамотея, который предпочитал управлять из дворца, а не водить на битву воинов. Нрав ассирийца ярко отразился на одном из рельефов Ашшурбанапала: он пирует со своей супругой в роскошном саду, а рядом, для услаждения царского взора, на дерево водружена отрубленная голова царя Элама.

Киммерийцы, сокрушившие в 676–675 гг. до н. э. Фригийское царство, совершали набеги на юг и запад Анатолии, и Ашшурбанапал воспользовался этим. В 660-х гг. до н. э. он добился распространения верховной власти Ассирии на юге и западе Малой Азии – в позднихеттских царствах вплоть до Тавра. Фригийцы (ассир. *мушки*) и даже Гуг (Гигес), царь далекой Лидии, ранее неизвестной ассирийцам, признали ассирийскую власть из страха перед киммерийцами. В те же 660-е гг. до н. э. Ашшурбанапал добился признания ассирийского сюзеренитета от Мидии и приурмийской Манны, а в 663 г. до н. э. окончательно изгнал эфиопов из Египта, разгромив Фивы. Во всем этом, однако, была заметна одна новая черта: речь теперь почти всегда шла о дипломатических успехах и номинальном признании зависимости, а не о реальных завоеваниях и создании новых провинций. Одновременно нарастало напряжение в отношениях между Ашшурбанапалом и Шамашшумукином – неизбежный результат завещания Асархаддона. На Шамашшумукина сделали ставку сепаратисты-вавилоняне, надеясь, что смогут с ним обрести вождеденную независимость.

Для Ассирии наступила полоса неудач. Около 655 г. до н. э. от нее отпали Египет и все недавние приобретения в Малой Азии (Лидия даже заключила с Египтом союз); ассирийцы и не пытались восстановить там свои позиции, примирившись с утратой. В 653 г. до н. э. восстали и напали на Ниневию мидяне Хшатриты, от которых Ассирия спаслась только призвав на помощь скифов (те разбили мидян, причем Хшатрита был убит и Мидия почти на три десятилетия попала под скифский контроль). В том же 653 г. до н. э. сами ассирийцы отразили нашествие эламитов и в битве при Сузах убили эламского царя, однако Элам остался независимым. Наконец, в 652–648 гг. до н. э. Ашшурбанапал вынужден был бороться с восставшим против него Шамашшумукином и его союзниками – Эламом, арабскими царьками и отложившимися правителями Палестины и Финикии. Лишь с величайшим напряжением сил Ассирия одержала победу над своими врагами. В 648 г. до н. э. после трехлетней осады и страшного голода пал Вавилон. Шамашшумукин, по месопотамскому обычаю, сжег себя в своем дворце. Ашшурбанапал сам занял вавилонский престол под именем Кандалану и подверг вавилонян страшным репрессиям.

Несколько следующих лет были посвящены походам против североарабских племен и Элама (в 646 г. до н. э. Ашшурбанапал лично вступил в эламскую столицу Сузы и разрушил ее до основания), однако, несмотря на неоднократные разгромы, они так и оставались независимыми – даже в ходе успешных кампаний ассирийцы не могли ни закрепиться в этих областях, ни привести там к власти своих ставленников. Элам им все же удалось взять измором: в 644 г. до н. э. он, совершенно опустошенный походами предыдущих лет, сдался и был захвачен ассирийцами без боя.

В 643 г. до н. э. зависимость от Ассирии по собственной инициативе признал былой

вассал Элама, вождь персидских племен Кир I из рода Ахеменидов. В то же время активность ираноязычных кочевников на севере Передней Азии заставила их соседей искать помощи у Ассирии и признать ее верховную власть. В середине 640-х гг. до н. э. киммерийцы обрушились на Лидию и разорили Сарды (644 г. до н. э.). Гигес погиб, и новый лидийский царь в том же году признал зависимость от Ассирии, надеясь на ее помощь в борьбе против киммерийцев (и действительно, союзники ассирийцев скифы тут же двинулись в Малую Азию и полностью уничтожили там киммерийское объединение в конце 640-х гг. до н. э.). Одновременно киммерийцы и скифы опустошали пределы Урарту. Чтобы найти заступника, Урарту также признало зависимость от Ашшурбанапала (643 г. до н. э.).

Таким образом, к 640 г. до н. э. Ассирия достигла наибольших территориальных успехов за всю свою историю (с зависимыми владениями – от Эгеиды до Персидского залива и от озера Севан до Синая, включая Кипр, Лидию, Урарту, Манну и Персиду), но все это могущество держалось в значительной степени на союзе со скифами. Тревожным симптомом было падение боеспособности ассирийской армии. Раз за разом грома одни и те же области, она оказывалась не в силах покорить их. Однако внешне Ассирия стояла в конце 640-х гг. до н. э. на вершине «мирового» владычества. Царские дворцы напоминали города-крепости. Рядовых пленников было так много, что иной раз воины расплачивались ими за услуги. Пленных царей сажали в клетки у ворот Ниневии, и иногда Ашшурбанапал запрягал их в свою колесницу вместо упряжных животных.

Культура Ассирии была по преимуществу заимствованной (в основном из Вавилонии). Только в громогласных восхвалениях своих побед и изображении войн на рельефах, а также в идеологическом обосновании своей экспансии ассирийцы оказались непревзойденными мастерами и новаторами. Так называемые царские анналы ассирийцев – это яркие и пространные литературные композиции, подробно перечисляющие и воспевающие успехи царя, а также помощь, оказываемую ему богами. Другим характерным достижением ассирийцев является строительство царских дворцов по хеттскому образцу (*бит-хилани*). Строили они их из глины и камня. Главное украшение этих дворцов – рельефы на внутренних стенах. Это многофигурные композиции с изображением мифологических, жанровых и батальных сцен, выполненные на плитах из известняка и частично раскрашенные. Иногда их сопровождают пространные подписи исторического содержания. Излюбленные темы таких рельефов – битвы, приношение дани, царская охота, казни и пытки пленных.

Политическая концепция Ассирии приближалась к идее божьего правления страной, считалось, что царил над Ассирией, по сути, бог Ашшур, а царь был просто следующим звеном прямой вертикали власти, соединявшей бога с его подданными на земле. При коронации правителя возглашали: «Ашшур – царь!», а завоевания понимались как превращение покоренных в «подданных бога Ашшура». Свою страну ассирийцы считали вечной обладательницей миродержавия, которое никогда не будет у нее отнято. В стремлении изобразить всю политическую историю страны как единую линию преемственности этого миродержавия ассирийцы зашли еще дальше вавилонян: их царский список, в отличие от вавилонского, не делится на «династии»-палу, т. е. выражает ту идею, что все ассирийские правители принадлежат к одной непрерывной «династии» (в самом деле, царственность их всех была или считалась связанной с одним и тем же ашшурским храмом бога Ашшура).

Падение Ассирии и переднеазиатский геополитический переворот в конце VII в. до н. э.

Крушение семивековой Ассирийской империи заняло около 20 лет. Ход событий остается во многом неясным для исследователей, так как ассирийские источники того времени не дошли до нас, и на долю ученых остается только

комбинировать не полностью сохранившиеся данные знаменитой вавилонской хроники, охватывающей события конца VII–VI в. до н. э., сведения из надписей Набонида, вызывающие множество вопросов, рассказы Геродота и, наконец, документы из вавилонских городов, датированные по разным правителям последней четверти VII в. до н. э.

Существует множество реконструкций этого периода, различающихся по пониманию роли скифов, хода ассирийских смут 620-х гг. до н. э., истории Мидии и, наконец, ситуации на Армянском нагорье. Наиболее достоверную реконструкцию создал **И. М. Дьяконов** в своих работах 50–80-х гг. XX в.; более поздние попытки провести альтернативные реконструкции, с нашей точки зрения, основную схему Дьяконова не поколебали.

В 630-х гг. до н. э. переднеазиатские скифы, возглавляемые Мадием, недавним победителем киммерийцев, разорвали союз с Ассирийской державой и обрушились опустошительными набегами на ее северные и западные границы вплоть до Палестины и Египта. Ассирия не смогла им противостоять, и ее власть рухнула на всех территориях к западу от Евфрата. Эти события произвели на Ближнем Востоке столь сильное впечатление, что до греческих историков дошло предание о 28-летнем скифском владычестве в Азии, сменившем ассирийское, хотя на самом деле эти 28 лет отсчитывались от победы скифов над мидянами в 653 г. до н. э. до поражения, нанесенного им мидянами в 625 г. до н. э. (см. ниже). Эта внезапная катастрофа надломила силы Ассирии и вызвала там смуту: дискредитированный поражением Ашшурбанапал был отстранен войсками от верховного ассирийского трона, и ему был оставлен лишь младший, вавилонский, престол (занятый им в 648 г. до н. э.), а царем Ассирии стал его сын **Ашшурэтилилани** (ок. 630 г. до н. э.).

В 627 г. до н. э. Ашшурбанапал умер в Вавилоне, и в державе немедленно разгорелась новая, двух– или трехсторонняя гражданская война за ассирийский и вавилонский престолы, в которой Ашшурэтилилани столкнулся с другим сыном Ашшурбанапала – Синшаришкуном и военачальником Синшумлиширом. Начался стремительный развал державы.

Ближний Восток в VII в. до н. э.

В 626 г. до н. э. халдейский вождь Набупалуцур (Набопаласар; до этого он, возможно, состоял на службе одного из ассирийских претендентов в Вавилонии) возглавил вавилонян и восстал против ассирийской власти. Он занял Вавилон и короновался там, провозгласив Вавилонию независимым царством под своей властью. В надписях он откровенно признавал, что был прежде «маленьким человеком, неизвестным народу». Первоначально ему подчинялась только северная часть страны; Ниппур на юге был опорой ассирийской власти, и Набопаласар осаждал его. В течение трех лет в Вавилонии шли трехсторонние военные действия между Набопаласаром, Ашшурэтилилани и Синшаришкуном (Синшумлишир уже сошел со сцены).

В 625 г. до н. э. мидяне хитростью уничтожили скифскую племенную верхушку; сфера скифского влияния распалась, и Мидия вновь стала независимым царством под властью Хувахштры (гр. Киаксар, 625–585 гг. до н. э.). В 624 г. до н. э. ассирийское господство сверг Элам. Набопаласар вступил с ним в союз и вернул статуи эламских богов, вывезенные ассирийцами в 640-х гг. до н. э. В 623 г. до н. э. ассирийская армия низвергла Ашшурэтилилани и признала царем Синшаришкуна. Ассирийские силы были объединены, и война с Вавилоном продолжилась. В 619 г. до н. э. Набопаласар взял Урук и Ниппур (который до сих пор выдерживал осаду, сохраняя верность Ассирии) и тем самым полностью очистил Вавилонию от ассирийцев.

Тем временем Египет захватил большую часть Леванта, оставшегося независимым после скифского погрома (рубежом египетских владений стала большая излучина Евфрата), а Мидия прибрала к рукам значительную часть Иранского нагорья. В этих условиях

Синшаришкун обратился за помощью ни к кому иному, как Египту, и около 617 г. до н. э. оформился антивавилонский союз Ассирии, Манны, Урарту и Египта. В 616 г. до н. э. Набопаласар двинулся на север и столкнулся с египетскими, ассирийскими и маннейскими войсками в Верхней Месопотамии, а в 615 г. до н. э. на Ассирию с востока напала Мидия. Так началась первая в истории Ближнего Востока «мировая» война.

В 614 г. до н. э. Хувахштра и Набопаласар с разных сторон устремились к Ашшуру. Мидяне, попытавшись по пути осадить Ниневию и не преуспев в этом, прибыли к Ашшуру первыми, взяли его и полностью разрушили. Подоспевший вскоре Набопаласар заключил на развалинах Ашшура союз с Мидией, закрепленный династическим браком между дочерью Хувахштры Амитидой и сыном-престолонаследником Набопаласара – Набукудурруцуром (Навуходоносором). В 612 г. до н. э. союзники вновь осадили Ниневию и после трехмесячной осады, взяли и до основания разрушили город. Синшаришкун сжег себя вместе со своим дворцом.

Остатки ассирийских войск с помощью Египта еще держались в Харране, где один из старших членов династии объявил себя царем под именем **Ашшурбаллит II** (612–609 гг. до н. э.).

Возможно, он претендовал на то, чтобы повторить деяния Ашшурбаллита I, т. е. вновь воскресить Ассирию как великую державу. Однако в 610 г. до н. э. вавилоняне при помощи мидийского союзного контингента взяли Харран, изгнав последние ассирийские войска и их египетских союзников за Евфрат. В 609 г. до н. э. Ашшурбаллит II вместе с египетским отрядом попытался вернуть Харран, но Набопаласар разбил его, прогнал и окончательно уничтожил последние остатки ассирийских владений, закрепив границу по Евфрату. Тем временем мидяне подчинили своей верховной власти Скифское царство и Манну и двинулись на Урарту (613–609 гг. до н. э.).

Ассирийское государство исчезло. Его коренное аккадоязычное население было почти полностью истреблено, а остатки смешались с арамеями, на которых перешло самое имя «ассирийцы» (откуда гр. «сирийцы» как обозначение арамеев и современные «айсоры» как самоназвание их существующего по сей день этноса). Ни один век на месте ассирийских столиц не было ничего, кроме развалин и маленьких непостоянных поселений. О том, как Ассирия озлобила своей жестокостью население Ближнего Востока, свидетельствует описание гибели Ниневии в Ветхом Завете:

«Горе городу крови, что весь полон обмана и грабежа, где не прекращается хищничество! Шум бича и шум крутящихся колес, и скачущих коней, и несущихся колесниц; всадники заносят пламенеющий меч и блещущее копьё – и вот, множество сраженных, трупам нет конца, спотыкаются они о тела убитых! Всякий, посмотрев на тебя, скажет: “Разгромлена Ниневия! Кто пожалует о ней? Откуда я найду тебе утешителя? Все, кто слышат весть о тебе, рукоплещут, ибо на кого не простиралась беспрестанно злоба твоя?”»

Внезапное падение Ассирии было вызвано двумя факторами. Во-первых, оторванная от любых социальных традиций военно-служилая масса, на которую опирались Саргониды, в итоге превратилась в самодовлеющую силу, что и было главной причиной смут и падения ее военной эффективности. Во-вторых, объединяя Переднюю Азию и втягивая все больше и больше сопредельных стран в орбиту единой политики, Ассирия сама спланировала их вокруг общей цели – уничтожить ее и навлекла на себя удары таких широких коалиций, которым не могла противостоять.

Увеличивая территорию державы, ассирийцы лишь умножали число своих врагов. До поры до времени Ассирию выручало то, что она занимала центральное географическое положение в Передней Азии, а ее противники были разъединены. В результате она могла, перебрасывая силы с одной границы на другую, уничтожать своих врагов поодиночке. Однако интеграция, которой ассирийцы насильственно подвергли Переднюю Азию, привела к тому, что даже страны, совершенно чуждые друг другу, вступали в антиассирийские союзы

(лидийско-египетский союз, коалиция Шамашшумукина, вавилоно-мидийский союз). А долго сопротивляться одновременным ударам с разных сторон не могли даже ассирийцы.

Набопаласар попытался вторгнуться в урартские пределы на Армянское нагорье, но столкнулся здесь с новым претендентом на урартское наследие – Мелидским царством на Верхнем Евфрате³⁴.

Не в силах вести войну на два фронта – против Египта и Армины, Набопаласар в 607 г. до н. э. пошел на территориальный передел ассирийского наследства (т. е. Верхней Месопотамии) с Мидией. Полоса верхнемесопотамских земель, выводящая на Армянское нагорье, была передана мидянам, включая Харран; полоса, выводящая в Сирию, на «египетский фронт», осталась за Вавилонией.

В 605 г. до н. э. царевич Навуходоносор наголову разгромил египетскую армию при Каркемише (возможно, в этой битве еще участвовал вспомогательный контингент мидян) и вторгся в Сирию. В это время умер Набопаласар, и Навуходоносор должен был вернуться в Вавилон, чтобы пройти коронацию. Став царем, Навуходоносор вернулся в Восточное Средиземноморье и в 604 г. до н. э. целиком покорил его (вместе с большей частью Киликии), вплоть до рубежей Синая на юге. Однако Египет не желал примириться с утратой Леванта. В 601 г. до н. э. Навуходоносор выступил против Египта, но после тяжелой битвы под Аскалоном обе стороны временно прекратили активные действия, а Левант остался за Вавилонией.

События последней четверти VII в. до н. э. кардинально изменили карту Ближнего Востока, они породили две новые великие державы – Мидию и Вавилонию (в литературе ее часто именуют Халдейской Вавилонией, по происхождению ее основателя Набопаласара) и положили начало ожесточенному конфликту Вавилонии и Египта из-за Леванта. По сути дела, это была борьба за ассирийское наследство в Восточном Средиземноморье.

Халдейская Вавилония (Нововавилонское царство)

Большую часть своего правления **Навуходоносор II** (605–562 гг. до н. э.) провел в борьбе против Египта за власть над Левантом. Систематические попытки Иудеи перейти под покровительство Египта привели к тому, что в 597 г. до н. э. он взял Иерусалим и депортировал значительную часть населения.

В середине 590-х гг. до н. э. Навуходоносор столкнулся с серьезным кризисом в отношениях с Мидией: в 596 г. до н. э. на Вавилонию напал мидийский вассал – царь Элама, но был отбит. В ответ на это Навуходоносор около 594 г. до н. э. разгромил Элам и захватил Сузиану, причем, судя по Ветхому Завету, погиб мидийский царевич Артахшатра (библейский Арфаксад). Тогда же в Нижней Месопотамии были выстроены грандиозные защитные стены и крепости, предназначенные для обороны от мидян. В ходе этих событий в 595 г. до н. э. Навуходоносору пришлось жестоко подавить бунт в собственной армии.

Отвлечение сил Мидии на войну с лидийцами в 590 г. до н. э. разрядило ситуацию, но уже в 589 г. до н. э. Тир, Иудея и города филистимлян перешли под власть нового египетского фараона Априя. Навуходоносор устремился в Палестину, разгромил Филистию, занял Иудею и осадил Иерусалим. Летом 587 г. до н. э., после 18-месячной осады, он штурмом взял Иерусалим, разрушил его, угнал почти все население в Вавилонию и аннексировал Иудею. По приказу Навуходоносора на глазах иудейского царя-мятежника закололи его сыновей и всех пленных иудейских князей, а самого его отправили в медных цепях в Вавилон. В то же время Навуходоносор приказал разыскать и наградить иудейского пророка Иеремию, который отговаривал иудеев от союза с Египтом против вавилонян и

³⁴ В пору скифских нашествий 630-х гг. до н. э. здесь рухнула верховная власть Ассирии, а престол заняла этнически армянская династия, так что это царство превратилось в первое в истории Армянское государство, известное современникам под названиями «Армина» и «Дом Тогармы» (Тогарма – древнее название области Мелида).

предсказывал им в противном случае Божью кару. Оценив эту проповедь как важную заслугу перед Вавилонией, Навуходоносор велел не только снять с пророка цепи и отпустить, но и богато одарил его и снабдил продовольствием.

Тир признал зависимость от Вавилонии лишь около 575 г. до н. э., после 13 лет изнурительной для вавилонян осады, в результате которой город так и не был взят. Ветхий Завет злорадно сообщает, что Навуходоносор и его войско облысели и стерли плечи от тяжести осадных работ. В 563 г. до н. э., после смерти царя Тира, Навуходоносор полностью аннексировал эту страну.

В 567 г. до н. э., воспользовавшись борьбой за власть в Египте между Априем и поднявшим против него мятеж военачальником Амасисом, Навуходоносор вторгся в Египет, разгромил силы Априя, страшно разорил страну и способствовал приходу к власти Амасиса, поддерживавшего с тех пор с Вавилонией дружбу. Таким образом, противоборство с Египтом закончилось победой Вавилона.

Несмотря на то что Навуходоносор провел всю жизнь в войсках, в своих надписях он хвалился почти исключительно мирными достижениями – строительством храмов и каналов. В вавилонских дворцах того периода не найдено ни одного рельефа с военными сценами (этим же отличались надписи и рельефы преемников Навуходоносора, среди которых тоже были вполне удачливые полководцы – такова была официальная идеология Халдейской Вавилонии).

Применяя ассирийскую практику депортаций, царь пригнал в Вавилонию десятки тысяч работников из иных земель. Система ирригации была расширена и развита им до совершенства и подарила Вавилонии несколько веков небывалого изобилия. Около Сиппара было создано озеро с отводными каналами, с помощью которых регулировалось распределение воды во время засухи. Вавилон был перестроен, окружен почти неприступными стенами и стал самым большим и многолюдным городом Ближнего Востока. Два сооружения Навуходоносора – знаменитая Вавилонская башня (Этеменанки, зиккурат бога Мардука в Вавилоне) и висячие сады прославились как чудеса света.

О себе Навуходоносор писал так: «С помощью богов от края до края морей трудными путями я прошел, непокорных перебил, пленил врагов. В стране я навел порядок и сделал, чтобы люди жили изобильно. Плохих и злых из среды народа я удалил».

Но прочно укрепить положение своей династии ему не удалось. После смерти Навуходоносора в 562 г. до н. э. его сын был вскоре свергнут и убит, престол захватил халдей-военачальник **Нериглиссар** (560–556 гг. до н. э.), успешным военным походом расширивший вавилонские владения на побережье Киликии. Однако и его сын-преемник был убит через несколько недель после воцарения, и трон достался сановнику **Набунаиду** (Набониду, 556–539 гг. до н. э.), арамею по происхождению.

Он попытался постепенно создать на базе Вавилонии новую державу, где главной опорой царя были бы арамеи, а главным государственным богом – уже не вавилонский Мардук, а особо почитаемый арамеями бог луны Син. С этой целью Набонид пошел на фактический разрыв с Вавилоном. В 553 г. до н. э., воспользовавшись мятежом персидского вождя Кира в Мидии, он занял Харран, который 54 года был в руках мидян, и начал отстраивать находившийся там храм Сина. Затем Набонид покинул Вавилон, завоевал обширные пространства Северной Аравии, включая город Тейму. Он убил царя Теймы и в 549 г. до н. э. перенес туда свою резиденцию.

В Вавилоне Набонид не появлялся 10 лет, а управлять им посадил своего сына Белшаруцура (Валтасара). Под лозунгом восстановления находящихся в небрежении древних храмов Набонид «отстраивал» их якобы по древним образцам. Так он «восстановил» храмы в Сиппаре, Уре, Борсиппе и в других городах. Действительной причиной этой политики было то, что в ходе перестройки храма царь полностью брал его под контроль, заново назначал жречество и менял ритуал. Все это вызвало острейший конфликт между Набонидом и жречеством главных автономных городов Вавилонии, и прежде всего самого Вавилона.

Между тем Кир Персидский, захватив власть над землями Мидийской державы и завоевав много других стран, с середины 540-х гг. до н. э. начал готовить поход на Вавилонию. Перед лицом этой угрозы Набонид вернулся в Вавилон и попытался было организовать оборону, причем хотел использовать и эту ситуацию для проведения своей политической линии. Он предписал вывезти в Вавилон статуи богов из большинства вавилонских городов, якобы для того, чтобы избавить их от опасности быть захваченными врагом, а на деле – чтобы лишить местные храмы главных реликвий и собрать эти реликвии под контроль царя. Несколько крупных городов Вавилонии отказались выполнять этот приказ.

Режим Набонида вызывал такую ненависть у гражданско-храмовых общин автономных городов, что вторжение персидских войск в Вавилонию было воспринято как освобождение, и Кир без особенного труда овладел страной (539 г. до н. э.). Персы обошли мощные укрепления Вавилонии, переправились через реку Тигр и при Описе наголову разгромили Набонида, который выступил было им навстречу, оставив в Вавилоне Валтасара. Персы взяли Сиппар. Отсюда Набонид бежал в Вавилон, но и он был уже в руках персов, которые проникли туда по руслу канала, отведя из него воду в озеро.

В Вавилоне Кира встретили торжественно, как нового царя – освободителя от тирании Набонида. Сам Набонид был сослан на восток, в Иран, а Валтасара после попытки поднять мятеж казнили. Большая часть Нововавилонской державы была обращена в провинции империи Кира, а коренная Вавилония номинально составила особое царство, находившееся с персами в личной унии. Статуи богов, свезенные в Вавилон, Кир вернул городам, а всем депортированным в Вавилонию и их потомкам (в том числе угнанным иудеям) предоставил возможность вернуться в родные края.

Вавилония пала так быстро, что в Ветхом Завете держава Навуходоносора названа «колоссом на глиняных ногах». По другой знаменитой ветхозаветной легенде, накануне входа персов в Вавилон Валтасар, беззаботно пируя, увидел на стене загадочное светящееся пророчество – «мене, мене, текел, упарсин», которое ему растолковал древнееврейский мудрец Даниил: «мене» значило, что исчислено богом царство Вавилона и положен ему конец; «текел» – что царевич взвешен на весах бога и оказался очень легким (т. е. пустым, ничтожным); «упарсин» – что царственность Вавилона будет отдана мидянам и персам.

После смерти Кира персидское господство показалось вавилонянам тяжким. С неслыханным упорством и ожесточением они раз за разом восставали против него, пока Ксеркс в 482 г. до н. э., подавив последнее из восстаний, не упразднил Вавилонское царство и не ликвидировал главное ритуальное воплощение его государственности – святилище бога Мардука и его статую. После этого вавилоняне перестали бунтовать против персов, так как без статуи Мардука было невозможно ни короновать по должному обряду нового царя, ни обеспечить ему тем самым усиленную поддержку богов, а без такой поддержки свергнуть персидскую власть вавилоняне не надеялись.

Вавилонское общество VII–VI вв. до н. э., как и ранее, состояло из свободных полноправных граждан, «царских людей» и рабов. К числу первых относились почти исключительно члены нескольких крупных городских гражданско-храмовых общин. Городское самоуправление было почти независимо, по отношению к нему царь играл скорее роль протектора и верховного главнокомандующего (в меньшей степени – верховного судьи). В Вавилоне, как и в других таких общинах, все граждане входили в народное собрание, однако оно, за редкими исключениями наиболее критических ситуаций (мятежи, оборона города от врагов), не пользовалось особенной властью. Реально делами заправлял совет старейшин и выборные общинные должностные лица – представители наиболее богатых семей, из поколения в поколение получавшие доступ к членству в совете и магистратурах. Административной единицей в городе был квартал, имевший собственное общинное самоуправление низшего уровня. Частные граждане формировали ремесленные и торговые корпорации. Зажиточные семьи превращались в огромные «банкирские» дома, собиравшие земельные владения, предоставлявшие займы и аренды и ведущие любые

финансово-торговые операции (особенно хорошо известны, по своим архивам, такие «концерны» семей Мурашу и Эгиби, процветавшие в VI–V вв. до н. э.).

В автономных городах бурно развивались отношения частной эксплуатации и рабства, прежде всего долгового; храмы, богатые чиновники и купцы имели сотни рабов, отдельные имущие граждане – по несколько человек. Еще в конце II тыс. до н. э. число частных магнатов угрожающе выросло, а государственный сектор сократился количественно и качественно. Вельможи и цари этого времени, кроме служебных, имели собственные частные владения. В конце VII–VI в. до н. э. при Халдейской династии снова появилась могущественная военно-служилая верхушка, опирающаяся на эксплуатацию огромного массива государственных земель и не связанная с частными владениями (хотя и торопящаяся их приобрести). Никаких пожалований земли в собственность нововавилонские цари, по-видимому, не давали, и все крупные частные владения могли возникать только в рамках автономных городов. Это и привело к бурному развитию свободного найма, ростовщичества и долгового рабства в крупнейших городах Халдейской Вавилонии и разорению значительной части их рядового населения.

В литературных текстах VI в. до н. э. и надписях Набонида говорится, что в автономных вавилонских городах «люди пожирали друг друга как собаки, сильный грабил слабого». При этом вавилонские рабы не были абсолютно бесправны: они могли брать землю в условное держание у частных лиц – своих и чужих хозяев, заключать с ними взаимнообязывающие контракты, гарантированные государством, имели свое имущество (в том числе собственных рабов), семьи и даже занимались субарендой. Крупнейшими хозяйствами в городах были храмовые, в них использовался труд как рабов, в том числе посаженных на землю, так и свободных арендаторов.

От этого времени дошло много судебных приговоров по искам рабов, заявлявших, что они были поработены незаконно, силой, и должны быть признаны свободными людьми. В дошедших документах приговор выносится против раба, и суд возвращает его хозяину. На этом основании нередко полагают, что суды в Вавилонии неизменно держали сторону рабовладельцев, невзирая на закон. Однако если бы это было так, то на что же надеялись рабы, вновь и вновь подавая такие иски? Скорее всего, дело просто в том, что рабы, получившие по суду свободу, не оставляли после себя документов, а их бывшим рабовладельцам и вовсе незачем было хранить соответствующие приговоры (между тем судебные документы доходят до нас обычно в составе архивов, которые вели крупные рабовладельцы).

Как говорилось выше, Навуходоносор II невиданно украсил и расширил Вавилон (население которого составило около полумиллиона человек), возведя там несколько сооружений, считающихся сегодня вершинами древневосточного градостроительного искусства. Прежде всего это главный храм Вавилона и всей страны – храм Мардука (точнее Бела-Мардука, «Господа Мардука» по-аккадски), известный также под названием Эсагила (шумер. «Дом, в котором поднимают голову»). Там обитал не только Мардук, но и его обширное божественное семейство: супруга Иштар, сын Набу и др. Храм имел при себе храмовую башню-зиккурат Этеменанки (шумер. «Дом краеугольного камня неба и земли») – знаменитую Вавилонскую башню ветхозаветных преданий. Храм и зиккурат находились в самом центре Вавилона. Территория храма представляла собой прямоугольник, ориентированный по сторонам света. В храмовом святилище стояла главная реликвия Вавилона – массивная золотая статуя Мардука.

Вавилон. Реконструкция

Ступенчатая храмовая башня (зиккурат) являлась непременным дополнением главного

храма каждого крупного месопотамского города. Шумеры строили их трехступенчатыми в честь верховной троицы своего пантеона – бога воздуха Энлиля, бога вод Эа и бога неба Ану. У вавилонян и ассирийцев зиккураты имели по семь ступеней, в честь коллегии семи великих богов-игигов. Такова и была Вавилонская башня, напоминавшая ступенчатую пирамиду с основанием 185 м и высотой 90 м. Семь этажей башни были выкрашены каждый в свой цвет – черный, белый, пурпурный, синий, ярко-красный, серебряный и золотой. На вершине находилось святилище Мардука с большим, прекрасно убраным ложем и золотым столом для трапезы бога. Иноземцам, которые видели башню, казалось, что ее строители замыслили добраться до самого неба. Отсюда и ветхозаветное предание о том, что башню строили в незапамятные времена именно как лестницу в небеса и уже приближались к цели, когда напуганные этим дерзким замыслом боги смешали языки строителей, и те, больше не понимая друг друга, разошлись по земле, дав начало всем народам и племенам с их различными языками, а Вавилонская башня навеки осталась недостроенной.

Другой достопримечательностью Вавилона при Навуходоносоре являлись городские стены – внутренняя «Великая стена», называвшаяся «Услышал бог Эллиль», и внешняя, более низкая – «Место жительства бога Эллиля». Вавилонские стены получили название в честь верховного божества города Ниппура, а в этом городе, также имевшем две стены, по своего рода «обмену почестями» они назывались в честь вавилонского Мардука. В стенах имелось восемь ворот, которым придавалось священное значение. От каждого ворот внутрь города шел прямой широкий проспект – он вел к одному из храмов города, а за воротами начиналась дорога в тот город, где почитался бог, в честь которого были названы соответствующие вавилонские ворота, проспект и храм. Так, ворота богини Иштар – дорога в город Агаде (Аккад), ворота бога Нинурты – дорога в Киш, ворота бога Эллиля – дорога в Ниппур, а ворота бога Шамаша – дорога в Ларсу.

Главным парадным входом Вавилона служили ворота Иштар, облицованные глазурированным кирпичом: по синему фону чередовались друг с другом золотистые изображения могучих быков и драконов. Перед воротами, по обеим сторонам от них, были возведены два высоких дворца, между которыми проходила так называемая дорога процессий. Стены дворцов, выходявшие на нее, тоже были облицованы глазурированным кирпичом: по бирюзовому фону золотистые и серебристые изображения львов, пальмообразных колонн и других украшений. Сама дорога, по которой статую Иштар в праздники переносили из ее храма в гости к супругу, в его храм, и являвшийся ее продолжением в черте города главный проспект достигали 10–20 м ширины. Мостовая была вымощена плитами из розового известняка, а обочины – из белого (ныне экспонируется в Переднеазиатском музее Берлина).

Чудом света считались в древности вавилонские висячие сады, по ошибке приписанные царице Семирамиде. В действительности висячие сады, как уже упоминалось, были сооружены Навуходоносором для его жены – мидянки Амитиды, которая, живя в равнинной Месопотамии, тосковала по родным горам. Навуходоносор построил искусственные горы, на насыпях и террасах, поднятых на большую высоту, были разбиты роскошные сады. Царь приказал посадить там такие же растения, какие его жена в юности видела на родине. При раскопках был обнаружен ряд сводчатых помещений с водопроводными устройствами. При Навуходоносоре, если верить древним описаниям, они представляли собой искусственные террасы на массивных каменных столбах, возвышавшиеся одна над другой на высоте до 25 м. Под террасами помещались беседки и гроты. Один из столбов был полым – в нем находились трубы, по которым с помощью насосов подавалась наверх вода, орошавшая сады. Сами насосы, качавшие воду из реки, были спрятаны в основании садов и приводились в движение рабами.

Источники и литература

Дьяконов И. М. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // Вестник древней истории. 1952. № 3–4.

От начала начал: Антология шумерской поэзии / Пер. и комм. В. К. Афанасьевой. СПб., 1997.

Шумерский героический эпос / Транскрипция, пер., комм. и ввод. статья И. Т. Каневой // Вестник древней истории. 1964. № 3–4.

Эпос о Гильгамеше: (О все видавшем) / Пер. и комм. И. М. Дьяконова. М.; Л., 1961. (Литературные памятники).

Я открою тебе сокровенное слово...: Литература древней Месопотамии / Сост. И. М. Дьяконов и В. К. Афанасьева. М., 1981.

Ancient Records of Assyria and Babylonia. Vol. 1–2/ Ed. D. D. Luckenbill. Chicago, 1926–1927.

Letters from Mesopotamia: Official, Business and Private Letters on Clay Tablets from Two Millennia. Transl. And with an Introduction by A. Leo Oppenheim. Chicago-L., 1967.

Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971.

Бибби Дж. В поисках Дильмуна. М., 1984.

Дандамаев М. А. Вавилонские писцы. М., 1983.

Дандамаев М. А. Рабство в Вавилонии VII–IV вв. до н. э. М., 1974.

Дьяконов И. М. Люди города Ура. М., 1990.

Емельянов В. В. Древний Шумер: Очерки культуры. СПб., 2003.

Иванчик А. И. Киммерийцы: Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–IV вв. до н. э. М., 1996.

Клима И. Общество и культура древнего Двуречья. Прага, 1947.

Клочков И. С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время: Очерки. М., 1983.

Козырева Н. В. Древняя Ларса: Очерки хозяйственной жизни. М., 1988.

Крамер С. Н. История начинается в Шумере. 2-е изд. М., 1992.

Ллойд С. Археология Месопотамии. 2-е изд. М., 1984.

Оппенгейм А. -Л. Древняя Месопотамия: Портрет погибшей цивилизации. М., 1990.

Тюменев А. И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.; Л., 1956.

Флиттнер Н. Д. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. М.; Л., 1958.

Якобсен Т. Сокровища тьмы: История месопотамской религии. М., 1995.

Ancient Mesopotamia: Socio-Economic History. Ed. I. M. Diakonoff. Moscow, 1969.

Beaulieu P.-A. The Reign of Nabonidus, King of Babylon. New Haven L., 1989.

Bottero J. Mesopotamie: L'écriture, la raison et les dieux. P., 1987.

Brinkman J. A. Materials and Studies for Kassite History. Chicago, 1976.

Crawford H. Sumer and the Sumerians. Cambridge, 1991.

Klengel H. Hammurapi von Babylon und seine Zeit. B., 1976.

Kramer S. N. Sumerian Mythology. N. Y., 1961.

Olmstead A. T. History of Assyria. Chicago, 1951.

Postgate J. N. Early Mesopotamia: Society and Economy at the Dawn of History. L.-N. Y., 1992.

Stolper M. W. Entrepreneurs and Empire: The Murasu Archive, the Murasu Firm and Persian Rule in Babylonia. Istanbul, 1985.

Раздел 3 От Анатолии до Ирана

Настоящий раздел посвящен обзору древней истории стран Леванта (с Аравией),

Анатолии, Армянского и Иранского нагорий. Все эти регионы объединяет то, что в геополитическом смысле они словно образовывали нагорную периферию Месопотамской цивилизации, окружавшую ее по дуге, и служили ареной культурной, а частично и военной экспансии месопотамцев, существенно подтолкнувшей становление государственности в этих регионах.

Далеко не случайно сложившиеся здесь государства – от Арцавы на Эгейском море или Урарту на Армянском нагорье до Персии и городов-государств Сирии – Палестины – использовали шумеро-аккадскую клинопись и месопотамские культурные достижения. О них можно говорить, таким образом, как о «клинописных» обществах, образующих вместе большую периферию месопотамской цивилизации. С другой стороны, при очевидной вторичности вхождения этих регионов в цивилизацию сравнительно с Месопотамией, в каждом из них существовали свои богатые этнокультурные и политические традиции. И по временному протяжению и насыщенности своей древней истории эти регионы не уступают или мало уступают главным цивилизационным очагам Ближнего и Среднего Востока – Месопотамии и Египту.

Глава 15 **Анатолия и Армянское нагорье в древности**

Источники и историография

Источники

Древняя история Анатолии и Армянского нагорья освещена источниками крайне неравномерно. Об исторических процессах в регионах до начала II тыс. до н. э. мы можем судить почти исключительно по памятникам материальной культуры, найденным при раскопках, и по языковым данным, дошедшим от более поздних эпох. Источники II тыс. до н. э. чрезвычайно многообразны. Это прежде всего документы ассирийской купеческой колонии в Канише, относящиеся к XIX в. до н. э., таблички огромного столичного архива крупнейшего анатолийского государства этого времени – Хеттского царства. Его архив оказался доступен исследователям в результате открытия хеттской столицы Хаттусы (современный Богазкёй) в 1906 г. Документы богазкёйского архива касаются всех сфер жизни Анатолии II тыс. до н. э.: это и царские анналы, и эдикты, и дипломатическая корреспонденция, и законодательные памятники, и тексты ритуального и литературного содержания на нескольких древних языках. Другой значительный корпус хеттских документов – архив в хеттском провинциальном центре Тапикка (современный Масат) – был открыт и введен в научный оборот лишь в последние десятилетия.

Древнеегипетские источники дают некоторые дополнительные сведения по внешнеполитической истории Хеттского царства, более того, только они указывают причину его гибели (нашествие «народов моря») и позволяют понять суть крупномасштабных потрясений, охвативших весь регион в конце XIII – начале XII в. до н. э.

Сведения греческого эпоса и античной традиции о походах и переселениях ахейских греков и балканских племен в Малую Азию, включая Троянскую войну, также играют большую роль при реконструкции событий этого времени и так называемых Темных веков (кон. II – нач. I тыс. до н. э.), хотя вопрос о том, насколько эти сведения достоверны, является одной из важнейших проблем в изучении указанных эпох.

Об истории Анатолии в I тыс. до н. э. судить можно прежде всего по чужеземным письменным источникам – ассирийским и античным. Дополнительные сведения предоставляют иероглифические надписи Юго-Восточной Анатолии на лувийском языке (так называемые позднехеттские надписи: государства, где были оставлены эти надписи, претендовали на продолжение государственной традиции Хеттского царства), старофригийские и лидийские надписи, греческие надписи в Малой Азии, памятники

материальной культуры крупнейших центров, прежде всего фригийской столицы Гордиона и лидийской столицы Сард.

История Армянского нагорья восстанавливается по данным археологии, хеттским, месопотамским и античным письменным источникам и, наконец, многочисленным урартским надписям I тыс. до н. э. Бурные события конца VII – начала VI в. до н. э., покончившие с Урарту и открывшие новую, собственно армянскую эпоху истории Армянского нагорья, реконструируются почти исключительно по данным месопотамской традиции и ветхозаветным пророчествам.

История изучения

«Открытие» подлинной древней истории Анатолии и Армянского нагорья современной наукой началось с изучения сведений античной традиции, а позднее египетских и месопотамских источников. Сенсацией стало открытие и раскопки **Г. Шлиманом** в XIX в. городища Гиссарлык – знаменитой Трои (Илиона). В 1-й половине XX в. эти раскопки были продолжены прежде всего **К. Блегеном**, а с 1990 г. **М. Корфманном**.

В 1906 г. при раскопках в Богазкёе (Турция) была открыта Хаттуса – столица Хеттского царства и найден ее архив. В следующее десятилетие XX в. в научный оборот был введен огромный материал текстов этого архива. В частности, в 1915 г. **Б. Грозный** определил по этим текстам государственный язык Хеттского царства как индоевропейский (это древнейший из известных по письменным памятникам индоевропейских языков). В XX в. были предприняты серии раскопок столиц крупнейших анатолийских царств I тыс. до н. э. – Гордиона и Сард – и других центров этого времени. К числу крупнейших анатолистов относились **Э. Форрер**, **Э. Вайднер**, **А. Гетце** (1-я пол. – сер. XX в.), **Х. Оттен**, **О. Герни**, **Х. Гютербок**, **П. Мериджи** (2-я пол. XX в.).

Урартские надписи – важнейший источник по истории Армянского нагорья – стали известны в 1828–1829 гг., но расшифровали их только к концу XIX в. Важнейшее значение имели раскопки урартских центров Тейшебаини (Кармир-Блур), Аргиштихинили и Эребуни, предпринятые отечественными специалистами в XX в. Ведущее место в изучении истории Урарту принадлежит российским ученым (**М. В. Никольский** в кон. XIX в., **Б. Б. Пиотровский**, **Г. А. Меликишвили** в сер. – 2-й пол. XX в.), важнейшую роль в общей реконструкции древней истории Армянского нагорья сыграли работы **И. М. Дьяконова**.

К числу наиболее спорных и важных вопросов истории рассматриваемых регионов относятся: время и место формирования так называемой анатолийской подобности индоевропейцев (хетты, лувийцы и др.) и ход и маршруты их проникновения в Малую Азию; характер геополитического переворота, охватившего Анатолию в конце II тыс. до н. э. (мнения здесь варьируются от признания ведущей роли ахейских греков в этом процессе до практически полного отрицания их участия в нем); степень применимости данных греческого эпоса и античной учености при реконструкции событий этого переворота (дискуссия на эту тему была начата еще в 20–30-е гг. XX в. **Э. Форрером**, доказывавшим высокую степень сходства хеттских данных и греческого эпоса, и **Ф. Зоммером**, отрицавшим такое сходство); ход событий в начавшиеся в результате этого переворота «темные века»; ход и характер смены «урартской» эпохи на Армянском нагорье «армянской» (кон. VII – нач. VI в.), в том числе характер и временные рамки присутствия ираноязычных кочевников из-за Кавказа – киммерийцев и скифов – на Армянском нагорье в этот бурный период и роль, которую они тогда сыграли; вопрос о происхождении и времени появления на Армянском нагорье самих армян.

В отечественной историографии принята обоснованная **И. М. Дьяконовым** точка зрения, по которой древние армяне представляли собой ветвь фрако-фригийской общности, переселившуюся в места своего нынешнего обитания с Балканского полуострова в XII в. до н. э. Это переселение исследователь соотнес со сведениями ассирийских источников XII в. до н. э. о вторжении на Верхний Евфрат неких пришельцев-«мушков»; мушками позднее

ассирийцы именовали еще и фригийцев.

Территория, древнейшая история и население региона

С севера к Плодородному Полумесяцу примыкает обширный, в основном горный, регион, ограниченный Средиземным, Эгейским и Черным морями, Кавказским хребтом и Каспием и обнимающий Анатолию, Армянское нагорье и продолжающее его Закавказье. Сложный рельеф делит этот регион на множество относительно изолированных друг от друга частей, что привело в свое время к исключительной пестроте и сложности его этнополитической истории. Особенно пригодные для земледелия обширные районы низменных речных долин находились на западе Малой Азии (бассейн Меандра и других золотоносных местных рек), в Киликии и по течению Аракса и Куры. Горы были богаты металлами и минералами (в частности, Понтийские горы – месторождение железной руды), во многих озерах добывали соль.

Черноморские проливы и перевалы в горах Кавказа были своеобразными воротами для миграций, обрушивавшихся на регион из стран северной дуги циркумпонтийской зоны³⁵. Пришельцы, как правило, оседали в регионе и уже не покидали его, так что эта территория стала настоящим «заповедником» этносов, проникавших сюда с разных сторон в течение тысячелетий. История Анатолии и Армянского нагорья – во многом история миграций. Именно в этом регионе развернулись раньше других процессы неолитической революции. Уже VIII–VII тыс. до н. э. датируется знаменитая *протоцивилизация Чатал-Хююка*. Создавшие ее племена широко освоили плато Конья, основав там несколько десятков небольших поселений, тяготевших к центральному, в Чатал-Хююке. Жители Чатал-Хююка уже занимались земледелием и скотоводством. Судя по скульптуре, поддерживались культы быка и Великой Матери – последний в разных вариантах оставался одним из важнейших культов в Малой Азии вплоть до христианской эпохи. Как и остальные известные протоцивилизации – островки в первобытном море, Чатал-Хююк, по-видимому, пал под ударами более примитивных соседей, польстившихся на значительные (по сравнению с уровнем жизни окружающих племен) богатства. В V тыс. до н. э. в Малой Азии началась обработка металла.

Примерная этническая карта этого региона в VI–V тыс. до н. э. выглядела следующим образом: большая его часть, от центра Малой Азии до Каспийского моря, была заселена племенами *северокавказской этнической общности*, причем Армянское нагорье занимали племена, относившиеся к восточной ветви указанной общности (сейчас эта ветвь представлена нахско-дагестанскими народами), а восток Малой Азии – племенами, относившимися к западной ветви той же общности (сейчас представлена абхазо-адыгами). На западе Малой Азии некоторые исследователи помещают *индоевропейцев* или родственные им племена. Неизвестно, когда и откуда в верховья Куры проникли *карвелы* (протогрузинские племена), но, во всяком случае, они не являлись здесь автохтонами.

В IV–III тыс. до н. э. на территории Малой Азии насчитывалось более десятка этноархеологических областей. Крупнейшим аборигенным ее народом были *хатты*, обитатели бассейна Галиса (современный Кызыл-Ырмак). Весь этот край получил название «Хатти». Армянское нагорье, Закавказье и некоторые другие районы были ареалом относительно однородной Куро-Араксской энеолитической культуры. Как установлено, ее носителями были племена – предки ряда позднейших восточнокавказских народов этого региона, в том числе хурритов и урартов. В течение 1-й половины – середины III тыс. до н. э. внутри Куро-Араксского ареала произошло обособление локальных вариантов, как раз и соответствующее формированию этих народов как отдельных общностей. Малая Азия тем

³⁵ Циркумпонтийская зона – совокупность областей по берегам Черного моря.

временем подвергалась периодическим нашествиям со стороны индоевропейцев, обитавших к северу от Черного моря. В середине III тыс. до н. э. одна из групп таких индоевропейцев прорвалась в страну Хатти и доминировала некоторое время в ее южной части, оставив богатые курганные захоронения своей знати в Дораке и Аладжа-Хююке (3-я четв. III тыс. до н. э.).

Анатолия и Армянское нагорье в древности

Среди причерноморских индоевропейцев были племена, говорившие на языках так называемой анатолийской ветви индоевропейской языковой семьи. Им суждено было стать главной частью населения Малой Азии в последующие века. Некогда эта ветвь составляла этническое единство на территории Балкано-Дунайского региона или Северного Причерноморья, но к середине III тыс. до н. э. разделилась: одна ее часть (*лувийцы*) осела на Балканах, а другая продвинулась далеко на восток, к Кавказскому хребту.

XXV–XXIII вв. до н. э. – время бурных событий на территории региона. Во-первых, лувийцы вторглись в Малую Азию с Балкан, подвергли местные поселения опустошительному разгрому и заселили весь запад и юг полуострова. Во-вторых, в центре и на востоке Малой Азии образовался целый ряд номовых государств хаттов, в том числе крупнейшие из них – собственно Хатти в излучине Галиса и Каниш к югу от него. Около 2300 г. до н. э. часть этих государств ненадолго вошла в орбиту политического влияния Аккадской державы Саргона. На юге Армянского нагорья к этому времени обособились две племенные группы, которым суждено было сыграть великую историческую роль: *хурриты*, населявшие глухие горные области между озерами Ван и Урмия и Тигром, и *урарты*, их ближайшие родственники, расселившиеся у берегов Вана и к востоку от него. В-третьих, в конце XXIII в. до н. э. на Армянском нагорье оказываются загадочные варвары, обрушившиеся на северные пределы Аккадской державы, едва сумевшей отразить их походы. По-видимому, это были индоевропейские пришельцы из-за Кавказских гор. Вероятно, в ходе той же миграции на Армянское нагорье попала и восточная, прикавказская группа анатолийцев. Отсюда они постепенно расселились на запад, в бассейн Галиса, вступая в симбиоз с местными *хаттами* (XXII–XXI вв. до н. э.). Как они сами себя называли, неизвестно. В науке их общепринято называют *хеттами*.

На те же XXII–XXI вв. до н. э. приходится первое расселение хурритов по плодородным землям Верхней Месопотамии, Сирии и Юго-Восточной Малой Азии. Они заняли полосу земель, изгибавшуюся огромной дугой от Среднего Тигра через север Верхней Месопотамии до Сирии и гор Тавра, и здесь возникло множество хурритских номовых государств. Хурритские цари этого времени обожествляли себя, возможно, в подражание своим могущественным южным соседям – царям III династии Ура. Царь Ура Шульги с невероятным упорством воевал с хурритскими царями, правившими в горах к северо-востоку от Тигра, несколько раз разрушал их города, но так и не смог добиться от них ничего, кроме временного признания зависимости от Ура. В конце XXI в. до н. э., с крушением Урской державы, одна из хурритских династий даже заняла Ашшур и отстроила его стены и храм. Впрочем, уже в XX в. до н. э. власть хурритов в Ашшуре была свергнута коренными ашшурцами.

Начало II тыс. до н. э. принесло в регион новые перемены. Около 1800 г. до н. э. балканцы, на этот раз *иллиро-фракийские племена* (в том числе известные по гомеровскому эпосу дарданы), двинулись на лувийский запад Малой Азии и заняли его наиболее плодородные центральные области. Дарданы, в частности, взяли важный центр – Илион (гомеровская Троя) и, опираясь на него, основали на северо-западе Малой Азии свое царство, известное в источниках как Дарданское царство и Вилуса (т. е. Илионское царство). В целом пришельцы создали на захваченных ими землях конфедерацию царств, известную под

названием наиболее могущественного из них – *Арцава* (со столицей в Апасе, современный Эфес). Одним из царств этой конфедерации была и Вилуса. На востоке Малой Азии в это время важную роль играли существовавшие там в XX–XVIII вв. до н. э. ассирийские торговые колонии с центром в Канише (Канес, современный Кюльтепе).

Хеттское царство

Хетты: имя и народ. На пути в Анатолию

Народ, который современные ученые благодаря целой череде недоразумений называют хеттами, принадлежал к так называемой анатолийской языковой семье – одной из наиболее древних ветвей индоевропейской общности. Языки этой семьи называются анатолийскими потому, что впоследствии на них говорили в Анатолии (Малая Азия, современная Турция). Однако сформировались эти языки далеко от Анатолии, а их носители попали туда разными путями. От остальных индоевропейцев носители анатолийских языков обособились уже к концу IV тыс. до н. э. В то время «анатолийцы» обитали где-то на северных или северо-западных берегах Черного моря, возможно, у Нижнего Дуная. Потом они разделились: часть переселилась на запад и юг, на Балканский полуостров и позднее вместе с греческими и родственными им племенами пришла к рубежам Малой Азии с запада, а другая часть оказалась далеко на востоке, у Кавказских гор и на Армянском нагорье.

В конце III тыс. до н. э. Кавказ и Передняя Азия переживали бурные времена. Во 2-й половине XXIII в. до н. э. на Армянском нагорье появились загадочные варвары, известные в месопотамских источниках как *умман-манда* – воинство манда. Так жители Месопотамии называли варваров, пришедших из-за северных окраин известного им мира, т. е. из-за Кавказа (коренных обитателей Армянского нагорья, о котором месопотамцы имели некоторое, хотя и самое общее представление, они уже так не называли). Возглавив многие горные племена севера Передней Азии, умман-манда обрушились на Месопотамию, где тогда правил Нарамсуэн, царь аккадской династии. Едва не уничтожив Аккадскую державу, умман-манда все же отошли обратно на север.

Кем были эти варвары? Неожиданный свет на это проливают знаменитые майкопские курганы, сооруженные в последние века III тыс. до н. э. В результате раскопок было обнаружено множество драгоценных вещей, сделанных ремесленниками Передней Азии и Месопотамии в XXV–XXIV вв. до н. э., и подражаний им. Откуда они могли появиться здесь? Очевидно, возвращаясь к себе, в предгорья Кавказа, умман-манда вывезли с собой добытые там в богатых странах сокровища, в том числе эти драгоценные вещи. Быть может, и майкопские курганы принадлежали вождям умман-манда?

Во время этих потрясений немало северных племен вслед за умман-манда могли перейти Кавказский хребет и обосноваться на Армянском нагорье. К таким племенам, по-видимому, принадлежали и очутившиеся еще раньше у Кавказских гор *индоевропейцы-«анатолийцы»*. Сдвинутые с мест своего обитания тем же миграционным потоком, в котором передвигались и умман-манда, эти «анатолийцы» постепенно расселились в бассейне Галиса – крупнейшей реки Малой Азии. Здесь они появились на исходе III тыс. до н. э. Это и были так называемые хетты; как они именовали себя до поселения в Малой Азии, науке неизвестно.

Страна Хатти и царство Канеса

Люди заселяли Малую Азию с незапамятных времен, и к тому времени как на Галисе появились пришельцы-индоевропейцы с востока, здесь уже находилось около десятка государств, созданных аборигенами хаттами (хатти) – народом, родственным современным абхазцам. Крупнейшим их центром был одноименный город – Хатти (на языке пришлых индоевропейцев – Хаттуса), раскопанный археологами в начале XX в. в местечке Богазкёй.

По имени хаттов весь бассейн Галиса, где они преобладали, со всеми его государствами получил географическое название *Хатти*.

Пришельцы-индоевропейцы широко расселились в стране Хатти, то соперничая, то вступая в симбиоз с местными хаттами. Переняли они у хаттов очень многое, начиная от культа верховного Солнечного божества – Солнечной Богини хаттского города Аринна – и кончая представлением о важной роли женщин, будь то роли богинь в пантеоне или цариц – в управлении страной. Главным центром пришельцев стал город, лежавший к югу от Среднего Галиса и именовавшийся Кнеса (Неса, Каниш). В итоге собственный язык пришельцы стали называть к(а)несийским; так же они определяли своих старых индоевропейских богов, а жрецы, обращавшиеся к ним со старинными гимнами, именовались к(а)несийскими певцами.

В первые века после поселения пришельцев на востоке Малой Азии важную роль играли существовавшие здесь в XX–XVIII вв. до н. э. *торговые колонии ассирийцев* (выходцев из Ашшура). Главное место среди них занимала международная торговая колония в Канише, контролировавшая целую сеть зависящих от нее факторий. Все эти колонии, организованные по общинному принципу, размещались на территории различных местных государств и формально подчинялись их правителям; при этом они пользовались полным самоуправлением во всех внутренних делах. Такой экстерриториальный союз автономных торговых общин, все члены которых одновременно были гражданами своих родных городов, был уникальным явлением в истории Ближнего Востока. Через систему этих колоний шла международная торговля, полюсами которой были Ашшур – с одной стороны, бассейн Галиса и озеро Туз – с другой. Предметами этой торговли были прежде всего металлы с малоазиатской стороны и высококачественные ткани – с месопотамской. Существование колоний способствовало втягиванию населения Малой Азии в международную торговлю, развитию местного производства (особенно металлургии), экономической интеграции и ускоренному формированию властной и богатой классовой верхушки. Именно в эпоху ассирийских торговых колоний индоевропейские пришельцы добились доминирования в некоторых из аборигенных номовых государств, ассимилировав их население.

Накопление богатств, ускоренное деятельностью торговых колоний, обостряло соперничество из-за них и из-за возможности контролировать те или иные участки торговых путей, охвативших восток Малой Азии. Все чаще происходили военные столкновения местных государств. От царства *Каниш* отделился город Куссар, в котором династия родом из самого Каниша основала особое царство. Один из представителей этой династии – **Питхана** в начале XVIII в. до н. э. захватил Каниш и перенес туда престол, поскольку это был город, родной для его семьи и главный для всего его народа – пришлых индоевропейцев. Как говорит древний текст, Питхана «не причинил зла никому из граждан Каниша и обошелся с ними будто с собственными родителями».

Его сын и преемник **Анитта** в результате нескольких ожесточенных военных кампаний, сопровождавшихся порой тотальным разрушением вражеских городов, завоевал земли от Черного моря до бассейна озера Туз включительно. Тем самым на смену маленьким номовым княжествам северо-востока Малой Азии пришло обширное территориальное государство, которое и известно в современной науке как *Хеттское царство*. Его подлинным основателем был, таким образом, Анитта. В этом качестве его почитали и позднейшие хеттские цари, приказывая бережно сохранять и переписывать его торжественные надписи.

Среди наиболее опасных врагов, сокрушенных Аниттой, было и княжество со столицей в городе Хатти (Хаттуса) – главный оплот аборигенов-хаттов. Хаттуса была разрушена до основания, Анитта посеял на ее месте сорную траву и предал его заклятию: «Если кто после меня станет царем и снова заселит город Хаттусу, то пусть его поразит бог грома!»

Верховными богами Канеситского (Канишского) царства были старинные верховные божества индоевропейцев, принесенные народом Анитты в Малую Азию: бог неба, именовавшийся уважительно *Диу-Суммис* («Наш бог»), и бог грома *Пэрва* (то же имя, что

в славянском варианте звучит как Перун). Канеситская держава была, таким образом, прежде всего царством индоевропейских пришельцев, и в ее рамках проходила довольно быстрая ассимиляция ими аборигенов-хаттов. Официальные документы державы тоже составлялись на индоевропейском языке пришельцев (для письменной передачи которого здесь приспособили месопотамскую клинопись).

Характерно, что могущество Каниша возросло прежде всего на богатствах, поступающих в город вследствие того, что в нем находилась столица упомянутой выше автономной сети международных торговых колоний. Однако в новой Канеситской державе для подобной экстерриториальной автономии места не было – и эта сеть прекратила свою деятельность уже к середине XVIII в. до н. э.

Страна Хатти и «люди Хатти»

На исходе XVIII в. до н. э. династия Анитты прервалась, и власть над Канеситским царством перешла к другому (так называемому древнехеттскому) царскому роду, также вышедшему из среды пришлых индоевропейцев. Один из его царей, **Лабарна I** (ок. 1675–1650 гг. до н. э.), оказался великим завоевателем и реформатором. При нем было окончательно завершено формирование институтов государства. Лабарна раздвинул границы своего царства «от моря до моря» (как с восхищением писали его преемники, для которых это выражение стало чем-то вроде внешнеполитического лозунга), т. е. от устья Галиса до Киликии, и совершил поход на запад Малой Азии. Внутригосударственная деятельность этого царя произвела такое впечатление, что имена его самого и его супруги Таваннанны стали титулами всех позднейших хеттских великих царей и цариц (подобно тому, как в титулы верховных правителей Рима превратились имена Цезаря и Августа).

Его преемник – племянник Лабарна II (ок. 1650–1625 гг. до н. э.) перенес столицу в некогда главный центр хаттов Хаттусу и принял имя **Хаттусили (I)**. Проклятия Анитты он не побоялся по той простой причине, что Хаттуса уже была отстроена местными жителями, а проклятие Анитты адресовалось только царю, пожелавшему восстановить город. С этого времени все царство стало официально именоваться страна Хатти (модификацией этого выражения и является современное название Хеттское царство), а все подданные его царей – «люди Хатти». Как видим, это был не этнический термин, а политический, обозначавший подданных определенного государства независимо от этноса.

Древние евреи, соприкасавшиеся с воинами и наместниками страны Хатти в Палестине в XIV в. до н. э. и рядом царств – осколков этой страны – в последующие века называли «людей Хатти» *хитти* (*хеттеи*). В таком виде это слово встречается в Библии. Современная наука сначала нашла упоминания о стране Хатти в египетских памятниках, и только в начале XX в. после раскопок в Богазкёе и других центрах узнала историю этого государства из его собственных источников. Словом «хетты» (форма библейского *хитти*) позже стали называть тот самый пришлый индоевропейский народ, который доминировал в царстве Анитты и Лабарны (т. е. людей «канесийского языка»), а индоевропейский язык этого народа – *хеттским*. Еще позже выяснилось, что термин «люди Хатти», производным от которого является название «хетты», никогда не обозначал какого-либо конкретного народа или языка, а относился ко всем подданным хеттских царей. Однако слова «хетты», «хеттский язык» и «Хеттское царство» прочно вошли в науку в описанных выше значениях.

Соседи хеттов на западе и востоке

Важнейшую роль в истории хеттской Малой Азии сыграли западные и восточные соседи хеттов – лувийцы и хурриты. *Лувийцы* были потомками той самой части древнейших причерноморских «анатолийцев», которые появились на рубежах Анатолии не с востока, а с запада, через Балканский полуостров. Около XXIV в. до н. э. они вторглись в Малую Азию через проливы и, подвергнув ее страшному опустошению, заняли весь запад и

юг полуострова.

Одним из лувийских центров на крайнем северо-западе Малой Азии был город Вилиос, в более позднем греческом произношении – Илион. Это и был знаменитый Илион греческого эпоса. Неподалеку от исторического Вилиоса – Илиона лежал городок Труиса, его название было позднее перенесено греческими сказителями на Илион (принять эти города за один было легко, поскольку они к тому времени были разрушены и запустели). Так в греческой традиции появился образ Трои-Илиона³⁶.

Около 1900 г. до н. э. новое переселение народов сформировало этническую и политическую карту Древней Эгеиды. Именно тогда греки-ахейцы, двигаясь с Балкан, заселили Грецию, а другие балканские племена, в том числе дарданы, вторглись на запад Малой Азии, возглавили местных лувийцев и создали на их территориях *конфедерацию царств Арцава*. Одним из царств Арцавы стала область Вилиоса – Вилуса. Именно здесь осели дарданы, из среды которых вышли династы, правившие Вилиосом большую часть II тыс. до н. э., включая и легендарного гомеровского царя Приама. В знаменитом египетском источнике XIII в. до н. э. «Песне о битве при Кадеше» Вилуса упоминается под названием «Дардания».

Конфедерация царств Арцава была постоянным соперником хеттов на западе. В середине II тыс. до н. э. хетты хорошо представляли себе и еще более далекий, отделенный от них морем народ греков-ахейцев. Их край именовался у хеттов Аххия и Аххиява («Ахейская земля»).

На юго-востоке и востоке хетты активно взаимодействовали с государствами хурритов, расселявшихся от Сирии, Тавра и Верхнего Евфрата до озера Урмия в полосе пограничья Армянского нагорья и Месопотамии. Хуррито-урарты принадлежали к обширной восточнокавказской языковой общности, в древности занимавшей весь восток Кавказских гор, большую часть Армянского нагорья и Северо-Западного Ирана. Из существующих сейчас народов этой общности к хуррито-урартам по языку ближе всего стоят чеченцы и ингуши.

В 1-й половине II тыс. до н. э. хурриты создали крупные государства и высокоразвитую культуру и применяли клинопись. В XVII в. до н. э. сложилось крупнейшее Хурритское государство, занимавшее почти всю Верхнюю Месопотамию – *Хурри-Ханигальбат*. В XVI в. до н. э. здесь воцарилась индоарийская по происхождению династия. Незадолго до этого в ходе миграций, приведших большинство индоариев к рубежам Индии, отдельные индоарийские группы появились и осели на Армянском нагорье и в сопредельных областях. К одной из них и принадлежал новый царский род, утвердившийся в Хурри-Ханигальбате. После этого Ханигальбат получил другое название – «Митанни», связанное с новой династией. Именно Хурри-Ханигальбат был главным врагом Хеттского царства в течение нескольких веков, и в то же время именно хурритская культура в наибольшей степени воздействовала на хеттскую.

Древнехеттская держава

Правление так называемой *древнехеттской династии* выделяется в особый период истории Хеттского царства (ок. 1700–1450 гг. до н. э.). В это время еще оставались сильны традиции родового строя, и древнехеттские цари правили, опираясь на народное ополчение, включавшее всех боеспособных полноправных членов столичной общины, составлявших в то же время войсковое народное собрание столицы – *панкус*. Деятельностью панкуса в значительной степени руководил совет (*тулия* – верхушка панкуса, подобие старшей

³⁶ Раскопанная Шлиманом «Троя» на холме Гиссарлык – это именно Илион, и столкновения, послужившие исторической основой для преданий о Троянской войне, происходили именно вокруг Илиона. Где находилась историческая Труиса-Троя, чье имя позже перенесли на Илион и связанные с ним события, в точности неизвестно.

дружины), служивший главным оплотом могущественной родовой аристократии. Важное место в тулии занимали члены царского рода: братья царя, его сыновья, зятья и прочие свойственники. По древней традиции преемником царя, как правило, становился его племянник – сын сестры. Панкус и тулия существенно ограничивали власть царей, и те по мере роста своих успехов пытались избавиться от опеки этих традиционных институтов.

Другой характерной особенностью хеттской государственности было своеобразное представление о том, что страной правит, собственно, не один ряд правителей, а два параллельных ряда – женский, состоящий из великих цариц-*таваннанн*, и мужской, состоящий из царей-*табарн* (*лабарн*). Преемственность в каждом из этих рядов шла независимо, без синхронизации: если царь умирал, а царица переживала его, то она сохраняла за собой титул царицы – женского воплощения царственности – в правление нового царя, а супруга последнего титуловалась лишь «женой царя» и должна была ждать смерти вдовствующей царицы, чтобы приобрести ее статус. По-видимому, этот совершенно неожиданный для индоевропейцев обычай был введен под влиянием хаттского культурного наследия (у доиндоевропейских аборигенов Малой Азии женщины и женские божества, как мы знаем на примере Великой Матери, играли исключительную роль). Именно в древнехеттский период окончательно завершилась ассимиляция аборигенов-хаттов индоевропейцами – носителями «канесийского» языка (хеттами в современной терминологии).

История Древнехеттского царства хорошо известна с момента переноса столицы в Хаттусу при **Хаттусили I**. Этот необычайно энергичный, властный и готовый на резкие перемены правитель посвятил большую часть своего правления централизации страны и внешним завоеваниям. Об этом ярко говорят его манифесты, содержащие обращения к подданным: «Ваш род да будет единым, как волчий! Подданные [нашего государства будто] от одной матери рождены! Вам предназначена одна печень, единое дыхание, единый слух! <...> Среди вас никто не должен враждовать с другими!»

Во внешней политике Хаттусили I сознательно подражал Саргону Аккадскому, желая не только сравняться с ним, но и превзойти его. Для хетто-хурритского мира Саргон и его династия были не имеющими соперников образцами строителей великой империи. Разрушив один из городов на Евфрате и перейдя реку, Хаттусили с торжеством отметил в своей надписи, что в ходе войны с тем же городом ее перешел здесь некогда и Саргон, но «городу он ничего не сделал, и не сжег его в огне», а вот он, Хаттусили, смог его и взять, и сжечь. Хаттусили I раздвинул границы, установленные Лабарной, утвердив хеттское владычество в Юго-Восточной Малой Азии (в горах Тавра) и Сирии.

Желая укрепить царскую власть, Хаттусили, вопреки традиции (по которой когда-то взойшел на престол сам), отстранил от наследования своего племянника. Любопытно, что предлогом послужило равнодушие наследника к болезни царя: наследник был смещен за то, что оказался «холодным и неласковым: не плакал, не выказывал сочувствия». Этот шаг вызвал продолжительные смуты, в ходе которых против царя выступили многие члены его рода, даже собственные дети, а только что покоренная Сирия отложилась.

Новым престолонаследником стал в конце концов усыновленный внук царя Мурсили, вскоре ставший соправителем деда. Вдвоем они подавили последние вспышки междоусобицы и заново приступили к завоеваниям на юге, которые завершил уже в свое единоличное правление **Мурсили I** (ок. 1625–1590 г. до н. э.). Этот могущественный правитель аннексировал Халпу в Северной Сирии, разгромил хурритов Верхней Месопотамии, а в 1595 г. до н. э. совершил поход на отдаленный Вавилон – богатейший центр Передней Азии. Низвергнув династию Хаммурапи, он возвратился домой с огромной добычей.

Хеттская знать, однако, не желала подобного роста царского могущества. Мурсили I был убит мужем своей сестры, а тот, в свою очередь, погиб от руки собственного зятя. В течение нескольких десятилетий не прекращались дворцовые смуты. А тем временем с севера на Хатти напали абхазо-адыгские племена касков (родичей касогов русских

летописей), навсегда отрезавшие хеттов от Черного моря и разрушившие некоторые важнейшие культовые центры, лежавшие в северной части страны. Отложились и земли по берегам Средиземного моря. Учитывая, что концепция государства «от моря до моря» диктовалась космологическими и ритуальными соображениями, это был очень тяжелый удар для хеттов.

По мере нарастания кризиса знать захватывала все больше власти. Апогеем явился знаменитый декрет царя **Телепину** (правил ок. 1530–1500 гг. до н. э.), предоставлявший совету знати (тулии) право судить и казнить царей, а заодно установивший жесткий порядок престолонаследия, лишавший царя возможности выбирать преемника по своей воле. Отныне преимущественное право на наследование престола принадлежало родному сыну царя; за отсутствием таковых воцарялся сын его сестры, и только в крайнем случае свои права предъявляли царские зятья. Наконец, без согласия тулии царь не мог казнить ее членов и ни при каких обстоятельствах не имел права конфискации их имущества. Правда, впоследствии тот же Телепину несколько укрепил царскую власть (нарушив, между прочим, собственный декрет) и даже предпринял некоторые завоевания в горах Тавра. Однако прочных успехов он не добился. Через полвека, около 1450 г. до н. э., удачливый сановник хурритского происхождения захватил трон и основал новую хеттскую династию. Время ее правления – так называемый *Новохеттский период* (ок. 1450–1180 гг. до н. э.).

Новохеттский период

Претендуя на древнехеттскую славу и сознательно равняясь на ее традиции, новохеттские цари создали на деле типичную *наднациональную военно-бюрократическую монархию* Ближнего Востока. Царь стал сакрализованным абсолютным правителем и сам назначал себе преемника (статус которого превратился в особую должность *тухканти*; носителя такой должности можно было свободно сменять), так что отныне дворцовые перевороты не перерастали в смуту. Панкуса больше не существовало. Все это имело мало общего с действительными традициями хеттской старины, зато позволяло новым правителям достичь неслыханной до сих пор концентрации власти.

Члены нового, хурритского по этнической принадлежности, царского дома принимали хеттские тронные имена и считали государства хурритов своими злейшими врагами, однако именно в период их правления хеттская культура все больше поглощалась хурритской. В XIII в. до н. э. даже государственный пантеон был почти целиком заимствован у хурритов, а сами хетты оказались частично ассимилированными своими ближайшими родичами – лувийцами, населявшими южную часть страны (что не помешало новохеттским царям именно в это время применять в официальных надписях нарочито архаизированный хеттский язык).

Главное богатство – земля принадлежала у хеттов либо государству, либо общинным коллективам городов и сел. Государственные земли находились в непосредственном или верховном распоряжении царя. На этих землях размещались прикрепленные к выделенным для них участкам мелкие производители – землепользователи, подобные спартанским илотам или феодальным крепостным Европы (в том числе военнопленные и депортированные арнувала, которых хеттские цари пригоняли из походов десятками тысяч и сажали на землю). Значительную долю государственной земли составляли крупные хозяйства, обеспечивавшие лично царя и членов его рода («дом царя», «дом царицы» и т. д.), центральную администрацию («дом дворца»), различные государственные учреждения и храмы, а также условные держания должностных лиц. Храмовые земли контролировались царем, но на деле представляли собой автономные корпоративные хозяйства.

Основными видами государственной эксплуатации (не считая храмовую) были *саххан* – обязательная служба царю, в том числе уплата ему натурального налога, и *луци* – трудовая повинность. По-видимому, они распространялись на подавляющую часть населения страны, включая большинство общинников. Государство же контролировало

внешнеторговые операции. Впрочем, по специальному царскому указу те или иные лица и учреждения могли получать иммунитет от общегосударственных податей и повинностей, и особенно часто этим пользовались храмы.

Положение дел в общинном секторе известно значительно хуже. Здесь, в отличие от государственного сектора, свободно осуществлялась купля-продажа земли. Общины были территориальными, а их старейшины наделялись судебной и административной властью. И в частно-общинном, и в государственном секторе широко применялся также труд рабов (хотя их использовали в большей степени в обслуживании, чем в производстве), наемников и др.

Хеттское сословное деление не совпадало с классовым. С точки зрения хеттских законов все население страны делилось на две группы, различавшиеся по свободному или принудительному характеру труда. В первую из этих групп – сословие *свободных* – входили лица, освобожденные от повинностей в пользу государства и храма. К ним относились в первую очередь члены общин коренных хеттских городов. Именно из их представителей выходила в основном хеттская правящая верхушка (особенно ее высшие слои).

Второе сословие – *несвободные* – включало всех лиц, на которых распространялась государственная и храмовая эксплуатация. В это сословие входило прежде всего большинство непосредственных производителей, сидящих как на государственной, так и на общинной земле или занятых в ремесле. В то же время к нему относилось множество должностных лиц (вплоть до высших), для которых сахханом считалась сама служба дворцу или храму. Соответственно, они, как и все несвободные, могли именоваться «рабами» («рабы/слуги царя», «божьи рабы и рабыни»), хотя на деле, конечно, не являлись таковыми. Среди «несвободных» непосредственных производителей, стоящих вне общин, были и рабы в прямом смысле слова, и кабальные должники, и наемники, и крепостные землепользователи, и, наконец, крепостные земельные собственники, которые оказывались иногда достаточно богатыми, чтобы иметь собственных рабов. Независимо от сословия, лица, стоявшие вне общин, часто стремились приобрести членство в одной из них, купив участок общинной земли.

Люди самого низкого по сословию разряда жителей Хеттского царства – *рабы* – могли располагать неприкосновенной для хозяина собственностью и вступать по своей воле в браки со свободными; однако хозяин сохранял право калечить и убивать раба и членов его семьи (если они тоже были рабами) по своему произволу. По хеттскому тексту известно: если рабу случалось разгневать хозяина слишком сильно, в обычае хозяев было расправляться в ответ не только с провинившимся, но и с его родственниками-рабами, вплоть до породнившихся по браку. С другой стороны, если раб успевал сам принести повинную и попросить пощады, отдаваясь на милость хозяина, общественная норма ожидала от хозяина должного милосердия.

Государственный строй хеттов отличался известной рыхлостью, некоторыми чертами конфедеративности. Кроме территорий, непосредственно управлявшихся государством, в него входили удельные царства, выкраиваемые для тех или иных царевичей или обособившихся ветвей династии, схожие с ними временные административные образования (также именовавшиеся «царствами»), переданные под чрезвычайное управление крупных сановников, множество вассальных государств, автономных общин и крупных наследственных владений. Система вассально-союзных договоров привязывала все эти образования к хеттской короне. Такое положение дел (сопоставляемое некоторыми исследователями с эпохой феодальной раздробленности) привело к бурному развитию хеттской дипломатии, но не могло обеспечить царям Хатти прочной власти над полузависимыми территориями. Так, желая добиться от всех своих вассалов действительного прибытия на театр войны с Египтом, царь Муваталли II перед Кадешской битвой был вынужден раздать им большую часть государственной казны. Верховную власть представлял «великий царь» (табарна). В Новохеттский период в связи с общим укреплением царской власти он стал наделяться особой солярной божественностью и титуловался «Солнце».

Наряду с землями, которыми табарна управлял через наместников, ему подчинялись на правах вассалов и многие обычные *цари* (*хассу*; однако так могли называть и верховного царя).

Новохеттская династия немедленно возобновила походы в Сирию, что привело к ожесточенному противоборству с хурритской державой Митанни (Ханигальбатом). На исходе XV в. до н. э. эта борьба, в сочетании с неожиданным нашествием касков, разгромивших Хаттусу, и вторжениями царей Арцавы с запада, поставила Хеттское царство на грань катастрофы и фактически свела его территорию к части бассейна Верхнего и Среднего Галиса. Хеттскому государству угрожала гибель. Однако в начале XIV в. до н. э. в Хатти приходит к власти узурпатор **Суппилулиума I** (ок. 1380–1335 гг. до н. э.) – блестящий политик и полководец, чье долгое правление стало важной вехой в жизни Передней Азии.

Зарекомендовав себя как победоносный воин еще до воцарения, он захватил власть, уничтожив законного царя, и смог полностью восстановить силы Хеттского царства, покорить почти всю Малую Азию (от Арцавы на юго-западе до Хайасы в богатых ценными металлами Понтийских горах на северо-востоке). В итоге трех больших войн он победил Митанни и Египет и завоевал все Восточное Средиземноморье вплоть до южных рубежей Палестины; египетские войска были им разбиты, а в Митанни Суппилулиума посадил царем своего ставленника. В Сирии он основал удельные хеттские царства с центрами в Каркемише и Халпе, посадив править там своих сыновей. При этом Каркемиш, заселенный хеттскими колонистами и заново укрепленный, превратился в крупнейший опорный пункт Хеттской державы на юге.

В итоге Хеттское царство с зависимыми территориями простерлось от бассейна Чороха до Южной Палестины и от Эгейского моря и Кипра до ассирийских и вавилонских границ. Вавилония и Ахейская держава (Микенская Греция, *Аххиява* хеттских источников) считали необходимым поддерживать дружбу с Суппилулиумой, женившись на вавилонской царевне. Вассальный царек со льстивым восторгом писал о Суппилулиуме I, оказавшем ему помощь: «А Солнце Суппилулиуму... боги знают: слово, что изо рта его вышло, назад не вернется (т. е. даром слов на ветер он не бросает. – *А. Н.*!)!» Неуважения он не спускал: Эхнатону, который написал ему без соблюдения норм вежливости, Суппилулиума немедленно ответил: «Разве я повержен, как мертвое тело [что ты так обращаешься со мной]?» В договоре с иноземным царем Суппилулиума приводил в пример суровый и скорый приговор своего отца: «Кто был тот, погибший из-за следующего дела: проходила мимо дворцовая гаремная женщина, а он на нее загляделся, Отец же Моего Солнца выглянул как раз из окна, увидел это и схватил его, говоря: “Почему ты на нее уставился”? И тот погиб из-за этого дела!”» (поднимать взор на дворцовых женщин было строжайше запрещено).

При этом властном и амбициозном правителе произошел один из самых драматичных эпизодов истории Древнего Востока. Во время его войны с Египтом неожиданно умер правивший там Тутанхамон, и его вдова, юная Анхесенамон, прислала к своему врагу Суппилулиуме отчаянное послание: «Мой муж умер, сына у меня нет, а у тебя, говорят, много сыновей. Если бы ты дал из них одного твоего сына, он стал бы моим мужем. А своего подданного я никогда не возьму в мужья, я страшусь такого позора!»

Суппилулиума был так поражен, что сказал совету: «Прежде со мной ничего подобного не бывало!» – и отправил в Египет посла, выяснить, уж не обманывают ли его? В ответ Анхесенамон повторила свою просьбу в еще более ярких выражениях, впервые прибавив, что ее муж, хеттский царевич, будет разом и царем Египта. Суппилулиума послал ей своего сына Цаннанцу, но египетские сановники убили его и насильно выдали Анхесенамон замуж за военачальника Эйе, которого и возвели на престол. Тогда Суппилулиума обрушился на египтян и отобрал у них всю Палестину, но возможность объединить Египет и Хатти под одной короной никогда больше не возникала.

Суппилулиума I умер от мора, занесенного к хеттам пленными египтянами, в апогее своих успехов, но не завершив войны ни на одном из «фронтов». Его достижения, однако,

грозили хеттам роковыми последствиями. Государственные таланты Суппилулиумы поставили под власть хеттов огромные пространства, контроль над которыми намного превышал естественные политические возможности Хеттского царства. Поэтому существование огромной державы, основанной Суппилулиумой I, его преемникам приходилось поддерживать почти непрерывными походами против мятежных окраин и готовых посягнуть на владения Хатти других великих держав. Бушевавшие от Эгейды до Хабура и Палестины войны медленно, но верно истощали силы Хеттского царства.

Мурсили II (ок. 1335–1305 гг. до н. э.), доблестный воин и великодушный правитель, еще мог непрерывными походами сохранять наследство отца в полном объеме. Прежде всего он разгромил отложившуюся было Арцаву в Западной Малой Азии и ее союзников (царь Арцавы бежал за море, в Ахейскую Грецию, а Мурсили вышел к Эгейскому морю, захватив столицу главного царства Арцавы – Апасу, греческий Эфес). Затем Мурсили довел до благополучного конца начатую при его отце войну с Египтом, заключив выгодный для хеттов мир с фараоном Хоремхебом. Наконец, на востоке он отбросил Ассирию, претендовавшую на захват Митанни, а на севере систематически громил области касков. Вторую половину XIV в. до н. э. можно считать апогеем хеттского могущества.

Однако при преемниках Мурсили II ситуация стала стремительно меняться к худшему. Во-первых, воинственный фараон Сети I начал широкомасштабное контрнаступление в Сирии и Палестине, продолженное затем Рамсесом II. В целом это контрнаступление оказалось для египтян достаточно успешным, несмотря на поражение Рамсеса II в грандиозной битве при Кадеше (1286 г. до н. э.). Палестина, большая часть Финикии и Дамаск перешли под прочную власть египтян. Во-вторых, на протяжении всего XIII в. до н. э. западные области Малой Азии стремились отложиться от хеттов при помощи правителей Ахейской Греции, а то и просто удачливых авантюристов, сколачивавших на суше и на море эфемерные союзы, подрывавшие хеттскую власть; в свою очередь, сами авантюристы легко шли на союз с ахейцами. Одна из хетто-ахейских войн велась как раз из-за влияния в Вилусе (Илионском царстве). В-третьих, в то же самое время Ассирия неоднократно вторгалась в Верхнюю Месопотамию и пыталась овладеть долинами Верхнего Тигра и Верхнего Евфрата; хетто-ассирийское противоборство из-за контроля над этими регионами продолжалось вплоть до падения Хеттского царства.

В начале XIII в. до н. э. при царе **Муваталли II** напряженная обстановка, сложившаяся на всех трех упомянутых выше «фронтах», которая осложнилась новым нашествием касков на центральные районы страны, поставила Хеттское царство в очень тяжелую ситуацию. Положение спас очередной узурпатор, **Хаттусили III** (2-я четв. – сер. XIII в. до н. э.), известный, между прочим, подробным официальным оправданием предпринятого им переворота против собственного племянника **Урхитессоба**, сына и законного преемника Муваталли. Свое оправдание он видел, в частности, в том, что не сделал ничего низкого и не устроил против племянника предательского заговора, а выступил открыто, в стиле «Иду на вы!»: «Но когда я с ним стал воевать, я не сделал ничего, что оскверняет [честь]. Разве я восстал на него [находясь рядом с ним как доверенное лицо] в колеснице, или во дворце восстал против него? Я объявил ему войну [открыто], как подобает врагу: “Ты со мной враждовал. Теперь ты великий царь, а я царь одной крепости, что ты мне оставил. Иди! Боги рассудят нас по суду!”»

Царь Тудхалия IV ребенком на коленях у матери. Рельеф

Как царь Хаттусили III проявил себя прежде всего незаурядным дипломатом. В 1270 г. до н. э. он заключил с Египтом договор о мире и союзе, навсегда прекративший хетто-египетские войны и подкрепленный впоследствии династическим браком (его дочь стала женой Рамсеса II). Договор закрепил сложившееся территориальное разделение Восточного Средиземноморья, обязал стороны поддерживать друг друга военными силами

против внутренних и внешних врагов и выдавать перебежчиков. Египтяне стали снабжать Хеттское царство хлебом, а хетты – ввозить в Египет металлы. В то же время Хаттусили добился мира с владыками Ахейской Греции; те признали за хеттами запад Малой Азии и выдали им пирата Пиямарату, уже несколько десятилетий опустошавшего этот регион с ахейской помощью. Обезопасив себя таким образом с юга и запада, Хаттусили III обратился против Ассирии, но так и не смог вытеснить ее из Верхней Месопотамии.

При последних хеттских царях, **Тудхалии IV** и двух его сыновьях, Хеттское царство вело борьбу на два «фронта»: в Верхней Месопотамии и Западной Малой Азии (где, помимо ахейцев, сталкивалось с вторгшимися сюда с Балкан фригийцами, а также с местными правителями, с невиданным до сих пор упорством раз за разом свергавших хеттскую власть). Тудхалия IV смог в конце концов восстановить положение на западе: отбросил ахейцев и разгромил Илион и союзное ему фригийское образование Ассуву, располагавшееся около реки Сангарий. Этот разгром был широко известен: еще Гомер в «Илиаде» упоминает неудачную войну Илиона и союзных ему сангарийских фригийцев против амазонок в дни молодости Приама (малоазиатские амазонки были в греческих преданиях о героическом веке стандартным замещением хеттов). С Ассирией Тудхалия воевал с переменным успехом и даже потерпел от Салманасара I жестокое поражение при Нихрии, к северу от Тигра, однако потом добился реванша на востоке. При его преемниках запад Малой Азии отпал вновь, теперь уже навсегда: ахейцы совершали походы на юго-запад полуострова и на Кипр. Последний хеттский царь, по иронии судьбы носивший имя **Суппилулиумы II**, снова захватил Кипр, но дни хеттов были сочтены.

Переселение балканско-эгейских народов на восток и крушение Хеттского царства

К западу от Хатти. Хетты-«амазонки»

Илионское царство **Вилуса**, веками входившее в конфедерацию царств Арцавы, около 1350 г. до н. э. добровольно подчинилась Суппилулиуме I. Это было процветающее полиэтничное царство, контролировавшее главный путь из Анатолии на Балканы (о связи с последними, кстати, свидетельствует балканская, так называемая серая минийская, керамика, типичная для ахейцев и найденная в Илионе-«Трое» сер. II тыс. до н. э.). В военном деле применялись колесницы, и Гомер не случайно именуется илионцев укротителями коней.

В самом начале XIII в. до н. э. князь-пират Пиямарату при поддержке Ахейской державы пытался захватить Вилусу и поставить ее под ахейский контроль, но хеттская интервенция покончила с этими планами. Хеттский царь Муваталли II утвердил в Вилусе местного царевича Алаксанду в качестве своего вассала (отголоском этого является греческое предание о дружбе малоазиатского царя «Мотила» с троянским царевичем «Александром»-Парисом), но мирную черту под хетто-ахейским конфликтом из-за Вилусы подвел только **Хаттусили III** (ок. 1270 г. до н. э.). Вскоре после этого Илион был разрушен землетрясением. Строительство нового города (археологическая «Троя VII-а», она же «город Приама», ок. 1250–1195 гг. до н. э.) греческая традиция приписывает царю Лаомедону. Приблизительно в то же время Вилуса освободилась от хеттского контроля.

Кризисом хеттской власти на западе Малой Азии вновь воспользовались ахейцы, начав цикл вторжений. Здесь им приходилось сталкиваться с хеттами и их союзниками. Греческие предания запомнили хеттов в очень неожиданном виде – как женское царство малоазиатских «амазонок»! И по месту жительства, и по времени существования, и по отношениям с ахейцами эти амазонки в греческом эпосе – прямая замена хеттов. Греческие легенды сообщают, что держава амазонок в течение века до гибели Илиона простиралась от их коренной области в Северо-Восточной Малой Азии до Эгеиды, Киликии и Сирии и периодически противостояла ахейским героям и их колонизационным попыткам на западе

Анатолии, а сразу после Троянской войны погибла. В реальной истории все это находит себе точные и систематические соответствия в подлинных границах Новохеттской державы, характере ее взаимоотношений с ахейцами и конечной судьбе.

Что побудило греков запомнить Хатти как царство амазонок, т. е. смешать воспоминания о нем с общеиндоевропейским фольклорным сюжетом о сгинувшем Женском царстве, пропустив отголоски подлинной истории хеттов сквозь призму этого сюжета, не вполне ясно. Возможно, на такое восприятие повлиял тот факт, что и роль главного военного божества, и роль величайшей хранительницы государства у хеттов играли женские божества – Сауска-Иштар и Солнечная Богиня Города Аринна. Кроме того, с точки зрения хеттов, сама их государственность была представлена парой великого царя – табарны и великой царицы – таваннанны, т. е. мужского и женского воплощений власти, а их владычество мыслилось как соправление параллельных последовательностей табарн и таваннанн. Наконец, хеттские воины носили длинные, подобные женским, косы (возможно, накладные). Все это должно было поражать эллинов с их сугубо патриархальным менталитетом.

Мощное нашествие ахейцев на запад Малой Азии в середине XIII в. до н. э. (греческие легенды помнят его как войну Геракла с амазонками) с трудом отразил хеттский царь Тудхалия IV. Одним из эпизодов этого нашествия был первый ахейский набег на Илион (ок. 1240 г. до н. э.; греческий эпос приписывает его Гераклу); Лаомедон погиб и был смещен своим малолетним сыном Приамом. Вскоре Вилуса, в союзе с государством только что переселившихся в Анатолию сангарийских фригийцев (Ассувой хеттских источников), должна была отражать контрнаступление Тудхалии IV, закончившееся восстановлением хеттского владычества над всем западом Анатолии (ок. 1230 г. до н. э.). Как уже говорилось, Гомер упоминает в «Илиаде» эту неудачную для Приама войну с обычной заменой хеттов на амазонок.

Хеттское торжество оказалось недолговечным. Новый ахейский натиск на юго-запад и юг Малой Азии (отголоском его в греческом эпосе является предание о походах Беллерофонта против амазонок в Ликию, т. е. на юго-запад Малой Азии, незадолго до Троянской войны) привел к полной утрате хеттами запада Анатолии в конце XIII в. до н. э. Перед Вилусой неожиданно открылись возможности собственной экспансии. Воспользовавшись ими, Приам около 1200 г. до н. э. подчинил себе ряд областей по обе стороны Мраморного моря. Хетты, сангарийские фригийцы и некоторые окраинные племена поддерживали с новообразованной державой (Троянский союз в «Илиаде») дружественные отношения.

«Троя»-Илион этого времени была процветающим городом с могучей цитаделью и обширным посадом. Гомер называет ее «крепкостенной», «широкоулочной», «пышно устроенной». О походах войск Приама на Балканах помнили столетия спустя. Внезапный конец этого великодержавия – Троянская война – стал одним из самых знаменитых культурно-исторических сюжетов мировой истории.

Падение Илиона и гибель Хеттского царства

Во 2-й половине XIII в. до н. э. в Балканско-Эгейском регионе начала нарастать нестабильность: балканские племена сдвинулись на юг, вторгаясь в Грецию и Малую Азию. Как видно из сравнения греческих исторических преданий с хеттскими и египетскими данными, а также с археологическими материалами (доказывающими, кстати, высокую достоверность общих сюжетов этих преданий), в конце XIII в. до н. э. Пелопоннес был опустошен нашествием с севера («первое вторжение Гераклидов» в эпосе, первое падение «микенских дворцов» в археологии), после чего (ок. 1200 г. до н. э.) микенский царь Агамемнон заново сплотил вокруг себя ахейских царей. Около 1195 г. до н. э. ахейская конфедерация двинула флот на запад Малой Азии и напала на Илион. Началась «Троянская война» греческих эпических преданий. Она охватила все западное и южное побережье Малой Азии и дала начало грандиозному переселению народов (так называемых народов

моря), в котором приняла участие и часть победоносных ахейцев, и население только что разбитых ими государств, и соседи последних.

Судя по греческому эпосу, на помощь Илиону какой-то контингент, возможно, прислали и хетты («кетейцы» в «Одиссее», «амазонки» в основной греческой традиции). Приблизительно в то же время (по преданию, на исходе Троянской войны) южнобалканские племена пеластов и связанных с ними фрако-фригийских мясов-мушков (этот этноним передавался в разных традициях как «мис», «мёс», «мюс»; в Передней Азии эти племена именовали мушками) устремились в Северо-Западную Малую Азию и оказались недалеко от Илиона.

В результате столкновений этих сил на северо-западе полуострова произошло следующее. Ахейцы разгромили Илион (археологически это гибель «Трои VII-а»), но бо́льшая их часть после этого вернулась в Грецию, не пытаясь закрепиться в Малой Азии. Племена «мюс» (в науке их принято именовать восточными мушками, с использованием переднеазиатского написания этнонима этих «мясов») двинулись опустошительным нашествием в глубь Анатолии на восток, в коренные области Хеттского царства. На северо-западе Малой Азии сформировалась коалиция, куда вошли и какие-то ахейские контингенты победителей Илиона, и побежденные жители Троады, и пеласты, и представители других балканско-эгейских народов (греческая историческая традиция называет этот конгломерат «смесью» и считает, что возглавляли его ахейские вожди Калхант и Амфилох) – как воины, так и гражданское население. В египетских надписях это коалиция «северян со своих островов» (среди них упоминаются «денены», т. е. данайцы – ахейские греки, «пелесеты», т. е. пеласты, «теккеры», т. е. тевкры, известное племя в области Илиона, и др.), а современные ученые именуют ее «народами моря». Вся эта «смесь» двинулась на восток, по западному и южному берегу Малой Азии, опустошая их так же, как мушки опустошали внутренние районы полуострова, и частично оседающая по дороге.

Вскоре наступающие вошли в хеттские пределы на юге Анатолии. Хеттское царство не пережило этого двойного удара, тем более что в то же время каски в последний раз опустошили центральные районы страны. Как и где погибли последние силы хеттского двора, неизвестно. Мушки разгромили Хаттусу и коренные земли хеттов и заняли их, истребив значительную часть населения. Этнос хеттов перестал существовать (остатки его были ассимилированы мушками и лувийцами Тавра и Киликии).

«Народы моря» захватили Киликию и Кипр, после чего повернули вдоль берега на юг, разгромили Сирию и побережье Финикии и, наконец, обрушились на Египет, где были отражены Рамсесом III (ок. 1190 г. до н. э.) и осели на берегу моря у рубежей Египта; область их оседания получила в конце концов название Палестины по пеластам-«пелесет» (библейским филистимлянам). Численно среди этих «пелесет» преобладали, однако, не пеласты, давшие им имя (т. е. доминировавшие у них политически), а группа ахейцев с Крита, влившаяся в массу «народов моря»: древнееврейская традиция определяет филистимлян в Ветхом Завете как «критян».

Последствия этого переселения народов многообразны. Восточная Малая Азия была занята племенами мушков, продолжавшими распространяться на восток и около 1165 г. до н. э. захватившими бассейн Верхнего Евфрата. В следующие столетия мушки, оставшиеся в бассейне Галиса, обособились от мушков бассейна Верхнего Евфрата. Потомками первых стали каппадокийцы, вторых – армяне (происхождение армян от волны восточных мушков было всесторонне обосновано И. М. Дьяконовым).

«Народы моря» осели несколькими анклавами на разных отрезках своего маршрута: ахейцы в Памфилии, на Кипре и в Киликии (восточноахейский мир), пеласты, выходцы с Крита и тевкры – в Палестине, слившись в общность филистимлян. Филистимляне быстро усвоили местную западносемитскую культуру, а вот восточноахейский мир сохранил микенскую письменность (позднее она сменилась другим типом письма) и культуру, а впоследствии слился с общегреческим.

Новохеттская государственность погибла навсегда. Лишь каркемишская ветвь хеттской

династии, также пострадавшая от нашествия «народов моря», смогла оправиться и распространить свою власть на хеттские области Сирии и Тавра (ок. 1175 г. до н. э.). Новообразованное государство, с центрами в Каркемише и Мелиде, считалось восстановленным Хеттским царством, однако говорили и писали в нем уже только по-лувийски. К тому же оно вскоре распалось на множество так называемых поздних хеттских царств; в конце VIII в. до н. э. все они были аннексированы Ассирией.

Что касается Илиона, то он как раз был отстроен (археологический слой «Троя VII-б», ок. 1195–1125 гг. до н. э.), и Илионское царство продолжало существовать, хотя никогда уже не достигало прежнего могущества. Часть населения Трояды и окрестных земель отправилась на запад, на Адриатику, в Сицилию и Италию (в том числе, возможно, и этруски), а остальные принуждены были терпеть последствия всех балкано-анатолийских миграций бурного XII в. до н. э. В конце этого столетия новая волна фригийцев с Балкан окончательно разгромила Илион и захватила Трояду. Город запустел, и лишь около VIII в. до н. э. был заново заселен греческими колонистами. Однако память об Илионском («Троянском») царстве пережила века. Ее сохранили как греки, наследники ахейских разрушителей Илиона, так и обитатели Италии, принявшей малоазиатских колонистов конца II тыс. до н. э.

Мировоззрение и культура хеттов

Хеттская мифология

Культура хеттов представляла собой синтез всевозможных индоевропейских (хеттских и лувийских), хаттских, хурритских и месопотамских элементов. Верховным богом, покровителем государственности считался по индоевропейской традиции *бог грозы*, отождествлявшийся с богами-громовниками многих традиций – от индоевропейского Первы до хурритского Тессоба (с которым в конце концов и слился). Не меньше почиталась *Солнечная Богиня Города Аринна*, по происхождению хаттская, ее считали супругой бога грозы. Популярны были боги и богини плодородия, к числу которых относился и хаттский *Телепину* – умирающее и воскресающее божество, связанное со сменой времен года. Исключительным влиянием пользовалась хурритская богиня любви, разрушения и войны *Сауска*, отождествленная с месопотамской Иштар; вполне возможно, что именно благодаря ее культуре хетты превратились в греческих воспоминаниях в полусказочных малоазиатских амазонок. Незначительный хеттский бог ворот *Апуллуна* стал, по-видимому, прообразом греческого Аполлона.

В результате постепенной систематизации культов в XV в. до н. э. был создан единый общегосударственный пантеон, состоявший преимущественно из хурритских богов. Его представляют скальные рельефы Язылыкая близ Хаттусы (XIII в. до н. э., время Тудхалии IV), изображающие две встречные процессии мужских и женских божеств, стоящих на зверях и птицах; по-видимому, они участвуют в обряде священного брака возглавляющих их бога и богини.

Наиболее яркий и значительный памятник хеттской мифологии – цикл преданий о борьбе богов за престол верховного божества. Он является плодом сложного взаимодействия хурритской и хеттской культур. Изначально верховными богами хурритов были *бог неба*, высший по рангу, но почти безвластный, и бог, реально управляющий космосом (это место занимал то *бог солнца*, то бог производительной силы *Кумарве*); они управляли миром вдвоем, подобно сакральному и военному вождям. Под влиянием хеттов, у которых верховным богом был *бог грома*, хурриты стали почитать в качестве реального космостроителя своего бога грома *Тессоба*. Сами хурриты осмыслили случившийся у них перенос представления о главном правителе богов с Кумарве на Тессоба как отражение реального переворота на небе, где Тессоб сверг Кумарве с престола богов. Тогда, задним

числом, и отношения бога неба и Кумарве были переосмыслены по тому же образцу, как результат более раннего переворота Кумарве против бога неба. В свою очередь, тот, как стало считаться, узурпировал трон у древнейшего субарейского божества Алалу (обратим внимание на «банановое» имя).

Бог грозы. Рельеф

Эта схема была усвоена хеттами и составила основной сюжет новохеттской мифологии, известный по нескольким разрозненным композициям (так что восстановление связной последовательности событий, изложенной ниже, оказывается гипотетичным). Согласно ему, когда Кумарве занял престол, изгнав своего предшественника на небеса (отчего тот и стал богом неба), он в поединке откусил богу неба мужскую силу и оттого забеременел своим будущим соперником, богом грома Тессобом. Бог подземных вод *Эа* (само имя этого бога хетты и хурриты заимствовали у месопотамцев) помог Тессобу родиться из тела Кумарве так, чтобы тот не убил новорожденного. Для этого *Эа*, угощая Кумарве обедом, подсунил ему в еду волшебный камень *Кункунуцци*; попав Кумарве в рот, тот пробил его череп, и в образовавшееся отверстие выскользнул наружу бог грома, а камень в благодарность был сам сделан богом.

Эа некоторое время пытался поддерживать мир между Кумарве и Тессобом, однако Кумарве все-таки напал на Тессоба. *Эа* в итоге перешел на его сторону (*Эа* вообще выступает здесь распорядителем престола богов в периоды затянувшегося соперничества, если одним ударом судьба этого престола не решалась), и ополчение богов, вдохновляемое ими (в нем участвовал почему-то и божественный камень *Кункунуцци*), разгромило Тессоба. Но и Кумарве не удержал престола: вместе с *Эа* он предпочел поставить в новые номинальные цари богов некоего совершенно мирного и безвластного бога-защитника (в правление которого даже волки не были опасны овцам, желая направлять его действия).

Оказавшиеся в полной безопасности люди перестали приносить жертвы богам, а бог-защитник стал строптив и не собирался подчиняться советам *Эа*. В результате *Эа* порвал с Кумарве и передал престол Тессобу, который, наконец, низверг бога-защитника. Кумарве бежал к Холодному озеру и там у него от божественной Скалы родился мститель Тессобу – чудовищный *Улликумме*, к плоти которого Кумарве потом примешал еще и камень *Кункунуцци* (уже помогавший ему недавно в борьбе с Тессобом). Этот камень стал телом чудовища *Улликумме* и одновременно каким-то образом закрывал ему глаза.

Кумарве прикрепил своего сына к плечу гиганта *Упеллури*, держащего свод мира. *Улликумме*-камень стремительно вырос и закрыл своей тенью царство богов, нависая над столицей Тессоба. Тессоб бросил против него ополчение богов, но то потерпело полное поражение. В отчаянии Тессоб обратился за помощью к *Эа*, и тот подсказал способ борьбы со слепым чудовищем: незаметно отпилить его от *Упеллури*! После этого вторая атака Тессоба на *Улликумме* увенчалась успехом.

Не успокоившись на этом, Кумарве попытался вступить в союз против Тессоба с *Океаном* – божеством водного хаоса. Порождение океанских вод, змееподобное чудовище *Хедамму*, способное проглотить все живое на земле, угрожало теперь царству богов, но *Сауска-Иштар* зачаровала его своей красотой. После этого Тессоб осилил *Океан* (на стороне которого против Тессоба опять выступали горы – обычные союзники Кумарве) каким-то магическим оружием. На этом войны богов кончились – все, включая Кумарве, подчинились Тессобу.

Эта запутанная и сложная история, много раз пересказанная, попала к грекам и была ими воспринята. Греческая мифология, как известно из «Теогонии» Гесиода, также выделяла три поколения богов, свергающих друг друга в борьбе за небеса, причем первый из них – бог неба *Уран*, а последний – бог-громовник *Зевс*.

Хеттская литература и этика

Среди сохранившихся произведений хеттской *литературы* весьма интересны назидательные рассказы, а также подробные царские анналы и автобиографии, составлявшиеся, вероятно, писцами, но несущие на себе явный отпечаток личности заказчика-царя. Интересно, что хеттская литература практически не занимается человеком самим по себе, его внутренним миром. Отдельный человек интересует ее почти исключительно как субъект межчеловеческих коммуникаций, своего рода мельчайшая суверенная держава, определенным образом выстраивающая свои взаимоотношения с другими такими же «державами». Здесь хеттов занимает прежде всего направленный поступок, т. е. добро и зло, которое один человек может сознательно причинить другому, и проблема ответа, воздаяния за них со стороны этого другого. От того, какое место занимает человек в этом так сказать «взаимообмене» добра и зла, и зависят его восприятие и оценка.

Эта тема поднимается в самых различных текстах хеттов – от назидательных рассказов и авантюрных повестей до царских анналов и переписки. В совокупности эти тексты исследуют практически все варианты отношений людей в рамках системы «поступок – воздаяние». Особый интерес у хеттов вызывало причинение неспровоцированного зла и ответ на него. Они выработали специфическую этическую концепцию: делом особой доблести, возвышающим человека, считался в этом случае отказ от мести.

Хаттусили I писал о своей мятежной дочери, схваченной и помилованной им: «Пусть она ест и пьет! Вы же ей зла не делайте! Она делала зло. Я же в ответ ей зла не делаю! Но она меня не назвала отцом, и я ее не называю дочерью своей». Царь Телепину заявлял о своих врагах, покушавшихся его убить: «Пусть идут они себе, и да будут они жить, и пусть едят и пьют. Зла же им никакого не причиняет Телепину. И так я постоянно говорю: мне сделали зло, я же тем зла не делаю!» Хаттусили III, свергнув своего племянника Урхитессоба, пощадил его и сделал удельным царьком; даже в ответ на новый акт враждебности Урхитессоба – попытку бежать за границу – Хаттусили ограничился ссылкой.

Если в конце концов обиженный все же предпринимал справедливую расправу над обидчиком, считалось хорошим тоном подчеркивать свое долготерпение, выразившееся в том, что он долго сносил обиды, не желая воздавать злом за зло, но поневоле исчерпал все пределы миролюбия. Хаттусили III пишет об Урхитессобе: «Он мне позавидовал и стал чинить мне зло. ...Семь лет я все терпел. Но он всячески стремился меня погубить. И он отнял у меня Хакписсу и Нерик (последние владения Хаттусили. – *А. Н.*). Тогда я уже больше не стерпел и стал с ним воевать». Эта концепция не имеет ничего общего с более привычным для нас христианским «всепрощением». У хеттов великодушие к поверженному врагу диктовалось не столько состраданием к нему, сколько стремлением превознестись над ним в доблести; из трех корней знакомого нам христианского прощения – обычного человеческого милосердия, смирения и общности с ближним («братством во Христе») хеттское прощение имеет только первый, а два других его корня христианским прямо противоположны: это гордость и индивидуализм. Это хорошо видно из текста об осаде вражеского города:

«Царь тогда сказал: "...будьте осмотрительны! Не то [вражеский] город будет полностью разрушен, и произойдет грех и [неоправданное] опустошение. Если же будешь осмотрителен, город не будет разрушен..."» Они отвечали царю: «Мы будем внимательны и избежим греха опустошения города». Тогда царь сказал им: «Если город совсем погибнет, это будет грех, будет преступление!» И тогда они отвечали так: «Восемь раз мы шли на штурм, и теперь город хотя и будет разрушен [в ходе столь ожесточенной осады], но греха мы не совершим [так как ожесточенность сопротивления делает разрушение оправданным]». И царь был доволен их ответами».

(Пер. В. В. Иванова)

Итак, великодушие царя диктовалось вовсе не жалостью к жителям города (он доволен тем, что ему удастся истребить их как можно больше без ущерба для своей чести!), а стремлением не осквернить себя самого, свою честь неоправданной жестокостью. Поэтому прощение ни в какой степени не считалось обязательным: оно было доблестью сверх нормы, а нормально достойным ответом на зло была как раз полномасштабная месть (тот же Хаттусили I заявлял: «На вражду я отвечаю враждой!»). Правда, если обидчик успевал сам отдаться в руки обиженного, признать свою вину и просить о милости, прощение считалось почти обязательным. Такого прощения просит – собственно, почти требует, Мурсили II у богов в своей «Молитве во время чумы»:

«Этот грех я признал воистину перед богом грозы города Хаттусаса, моим господином, и перед богами, моими господами: это именно так, мы это совершили. Но после того, как я признал грех... да смягчится душа бога грозы, моего господина, и богов, моих господ. <...> Птица возвращается в клетку, и клетка спасает ей жизнь. Или если рабу почему-либо становится тяжело, он к хозяину своему обращается с мольбой. И хозяин его услышит его и будет к нему благосклонен: то, что было ему тяжело, хозяин делает легким. Или же если раб совершит какой-либо проступок, но проступок этот перед хозяином своим признает, то тогда что с ним хочет хозяин сделать, то пусть и сделает. Но после того, как он перед хозяином проступок свой признает, душа хозяина его смягчится, и хозяин этого раба не накажет».

(Пер. В. В. Иванова)

По смыслу этот пассаж близок русской пословице «Повинную голову меч не сечет». Сам Мурсили II не только просил, но и с охотой давал такого рода прощение капитулирующим врагам, всячески подчеркивая это в своих летописях и договорах.

С этой же концепцией связано типичное для хеттов противопоставление «плохих» и «хороших» людей, причем первые при прочих равных оказываются сильнее: «Если хорошие люди одни не живут, а плохие люди с ними вместе оказываются, то плохие люди начинают нападать на тех, кто понимает добро, и те погибают». Это и понятно: «хорошие» люди, никогда не нападающие первыми, долготерпеливые, соблюдающие обычаи «правой вражды», склонные к прощению врага и считающие такое прощение почти обязательным в случае признания им своей вины (пусть даже вынужденного), окажутся в неизбежном и систематическом проигрыше перед «плохими» людьми, никакими правилами себя не сговывающими.

Компенсировать открывающуюся «разность потенциалов» у хеттов должна была власть бога и царя. Характерно, что именно такую задачу возлагают подданные на Тудхалию IV, упрекая его – как повествует он сам – в следующих выражениях: «Солнце, наш господин! Ты истинный воин! Но по суду ты ничего рассудить не успел. Смотри, из-за этого плохие люди хороших людей совсем уже прикончили!»

Царь и подданные у хеттов

Новохеттская держава – типичная *абсолютная монархия* Ближнего Востока – дает возможность понять, что же на самом деле кроется за расхожим выражением «восточная деспотия». Царь Хатти – абсолютный правитель в том смысле, что его деятельность не могла быть обжалована ни в какой «земной» инстанции, а его компетенция никаких конкретных ограничений со стороны какой-либо формальной нормы не получала. Однако, в отличие от позднейших теоретиков персидской и эллинистических империй, хетты не считали, что «все, что идет от царя, должно почитаться справедливым». Царь – высший исполнитель нормы, но никоим образом не ее источник. Поэтому хеттский подданный (независимо от ранга) мог не соглашаться с царем, осуждать его решение, предлагать свои поправки или высказывать претензии. Это считалось естественным и не ставило такого подданного в антагонистическое

положение по отношению к царю и возглавляемому им режиму, не делало его «отщепенцем».

Подобные эпизоды включаются даже в царские анналы: Мурсили II сообщает, как военачальники отговорили его от похода, затеянного им в неподходящее для военных действий время, к Тудхалии IV подданные обращаются с претензией по поводу его недостаточного внимания к судебным делам – и он исправляет положение, не видя ничего странного в том, что подданные указывают ему, что делать.

В подлинной, хотя бы той же эллинистической, деспотии царь стоит выше любой этической оценки (не он должен пребывать «в страхе перед людскими законами и укорами, а ему подобает стать для людей законом и мерилom справедливого», как передает этот принцип Плутарх). У хеттов, напротив, царей постоянно и нормативно оценивают, и сами они считают нужным оправдывать свои действия перед лицом подданных, доказывая, что те соответствуют принципам обычной морали. Обширное самооправдание узурпатора Хаттусили III было рассчитано именно на условия этической, хотя и не политической подотчетности царя подданным. Характерно, что хеттские цари пространно разъясняли народу те или иные предпринятые ими реформы, рационально оправдывая их интересами всего общества.

Еще более существенное отличие новохеттской державы от восточной деспотии – возможность настоящего антагонистического, мятежного выступления против царя. В настоящей деспотии такое выступление заведомо стоит за пределами любой нормы. Напротив, в Хатти есть четкое представление о «плохих царях», прямое выступление против которых вполне оправданно. Разумеется, речь идет о чрезвычайной ситуации, которая не может быть заранее формально описана и для разрешения которой нет регулярных механизмов. Однако само ее появление вполне предусмотрено, и хеттские цари-узурпаторы (Телепину и Хаттусили III) официально оправдывают свою узурпацию тем, что свергнутые ими предшественники собирались несправедливо и безвинно их погубить – это считалось достаточным основанием для мятежа, иными словами, речь идет фактически о концепции необходимой самообороны против царя при определенных условиях! Еще ярче сказано в указе Телепину: «Какой царь будет делать зло своим братьям и сестрам, тот отвечает своей царской головой. Тогда созовите совет, пусть он своей головой искупит зло. Тайно же его пусть не убивают!» Этот пример – уникальный; в Новохеттский период подобный закон не действовал и был бы даже немислим, но сам указ по-прежнему старательно копировался в царских архивах, иными словами, если не данный конкретный закон, то общий подход к царской власти, выраженный в нем, вполне отвечал новохеттским представлениям.

Итак, мы имеем дело с *особой моделью монархии*, при которой, с одной стороны, царь наделяется властью, не ограниченной никакими заранее определенными, заранее предусмотренными по формальным признакам нормами, но тот факт, что сами эти нормы есть, признается всеми (их только нельзя формально и заранее определить). При этом царская власть считается вторичной, функциональной, оправданной тем, что она необходима самим людям, образующим управляемую им страну.

Норма общежития, носителем которой является все общество, рассматривается как стоящая над царем. Он подлежит сознательной оценке подданных относительно этой нормы и может оказаться преступным. В этом случае оправданы действия против него (обличение, низвержение). Царь и сам признает высший авторитет этой нормы, он стремится доказать обществу, что остается ей верен, и оправдать свои действия перед подданными.

Для подобной власти есть точная и последовательная аналогия: это власть главнокомандующего на войне (он также наделен неограниченными полномочиями, но и он, и его подчиненные твердо знают, что сделано это исключительно ради самих подчиненных и их дела – не армия для командующего, а он для армии), но это никоим образом не власть «деспота». Именно такая модель монархии действовала в древности почти на всем Ближнем Востоке.

Глава 16 Хурритский мир и Малая Азия во II–I тыс. до н. э.

Митанни

В XVIII–XVII вв. до н. э. Армянское нагорье стало ареной миграций, вызванных движением индоарийских племен из-за Кавказа. Часть из них двинулась на Армянское нагорье; одна из групп таких индоариев была известна в Передней Азии как умман-манда (воины-манда; это была вторая волна северных прикавказских насельников, именуемая так в Месопотамии; первая, как мы помним, имела место в XXIII в. до н. э., во времена Нарам-суэна, а в последний, третий раз месопотамские источники называли так ираноязычных кочевников – скифов в VII в. до н. э.). Переднеазиатские умман-манда XVII–XVIII вв. до н. э. осели на Верхнем Евфрате.

Движение индоариев вызвало цепные смещения, распространившиеся в общем направлении с северо-востока на юго-запад и затронувшие хурритов, живших у южного предела Армянского нагорья. Вместе с индоариями, попавшими в их среду (и, возможно, передавшими им навыки коневодства и колесничного дела), хурриты двинулись в страны Плодородного Полумесяца. Их племенные группы и династии расселились и пришли к власти на большей части территории Сирии – Палестины, Верхней Месопотамии, Северного Загроса и Юго-Восточной Малой Азии (2-я пол. XVIII – нач. XVII в. до н. э.). В Палестину, в частности, вместе с хурритами добрались какие-то индоарийские группы, и еще в амарнской переписке упоминаются южнопалестинские князья с индоарийскими именами. В течение четырех столетий в границах этого огромного пространства развивалась особая цивилизация хурритов, в рамках которой происходил синтез и опосредованное взаимовлияние самых разнообразных культур Ближнего Востока (особенно месопотамской). Колесничные соединения, введенные в употребление хурритами, давали им бесспорное преимущество над соседями.

Среди хурритов была широко распространена *концепция теоретического хурритского всеединства*, и их крупнейшие государства принимали название «Хурри» в знак претензий на практическое осуществление такого единства. Крупнейшим хурритским государством этого времени стал верхнемесопотамский Хурри-Ханигальбат, основанный на территориях, отторгнутых у амореев. Ожесточенная борьба этого политического образования с Древнехеттским царством (сер. XVII – нач. XVI в. до н. э.) истощила силы обеих сторон, и этим воспользовались индоарийские группы «манда». Они захватили власть в Хурри-Ханигальбате, основав таким образом государство Митанни (Майттанне, ок. 1560–1260 г. до н. э.), сохранившее, впрочем, и старые наименования – Хурри и Ханигальбат.

Столица Митанни располагалась в Вассокканне – городе в верховьях Хабура, до сих пор не найденном археологами. Хотя индоарии Митанни, включая царский род, были в основном ассимилированы местным населением уже в середине II тыс. до н. э., митаннийские цари вплоть до конца своей истории продолжали принимать тронные индоарийские имена и поклоняться индоарийским богам – покровителям династии (Индре, Митре-Варуне и Насатьям). Верховным богом – покровителем государства в целом был, однако, хурритский бог грома Тессоб. Наряду с ним исключительным почитанием пользовалась Сауска-Иштар. Центры их культа – соответственно, Кумме на Верхнем Забе и Ниневия (тогда еще хурритский город) – располагались на востоке, в коренных областях хурритов.

Общество Митанни, по-видимому, делилось на военно-бюрократическую верхушку, или двор (вельможи, т. е. старшая дружина, основная служилая масса воинов-«марйанне», представители царя в других государствах и условно относившиеся сюда же по признаку

личной зависимости от царя вассальные владетели), и землю, т. е. совокупность обложенных податью *самоуправляющихся общин*. Последние имели единое представительство в масштабах всей страны, частично разделявшее с царями властные полномочия. Этой уникальной для Древнего Востока чертой политического строя Митанни было обязано, вероятно, пришлому характеру правящей верхушки, обусловившему ее относительную изоляцию.

Известны территориальные сельские общины *алу* и большесемейные домовые общины *димту* (досл. «башни», названные так по типичному обиталищу каждой большой семьи). Общинная земля рассматривалась, по общим правилам, как неотчуждаемая собственность общины в целом, и получить к ней доступ можно было только путем «усыновления» реального покупателя земли одним из общинников. В 3-й четверти II тыс. до н. э. имущественная дифференциация, ростовщичество и долговая кабала привели к значительному разложению общин при внешнем сохранении их структуры. Богатые и знатные люди в форме «усыновления» (некоторые «усыновлялись» в сотнях разных семей одновременно) проникали в общины, отделяли купленную или полученную за долги землю от основного общинного фонда, эксплуатировали членов «усыновившей» их домовой общины. Относительная слабость государства у хурритов и государственного хозяйства способствовала бурному развитию частной эксплуатации в пределах общинного сектора экономики.

В хурритских государствах существовали крупные дворцовые и храмовые хозяйства. Характерно отсутствие значительного слоя «царских людей» (илотов, крепостных): работниками царского хозяйства оказываются либо дворцовые рабы (как правило, из числа пленников), либо привлеченные в порядке выполнения повинности свободные.

В Митанни верховная власть осуществлялась царем и так называемым *синагилой* – «вторым после царя» (должность престолонаследника-главнокомандующего, замещавшаяся одним из царевичей). Такая конструкция власти отражала, с одной стороны, военный, а с другой – архаический родовой характер митаннийской государственности. Основой могущества Митанни было колесничное войско, укомплектованное служилыми воинами – марьянне.

В конце XVI в. до н. э., при царе **Суттарне I**, Митанни превратилось во *всехурритскую империю*, чье владычество простиралось от Загроса и Ниневии до Северной Сирии. С этого момента на протяжении полутора столетий оно являлось сильнейшей военной державой Передней Азии. Проникновение в Сирию привело Митанни к столкновению с Египтом, стремившимся к безраздельному господству над Восточным Средиземноморьем.

Три четверти века почти непрерывных войн с Египтом (кон. XVI – кон. XV в. до н. э.) составляют наиболее яркий этап митаннийской истории. Уже Тутмос I напал на сирийские владения Митанни и отодвинул его границу за Евфрат. Правда, при царе **Парраттарне** (ок. 1475 г. до н. э.) Митанни, воспользовавшись временной слабостью Египта, покорило все Восточное Средиземноморье от Киликии до Центральной Палестины, но Тутмос III в серии кровопролитных кампаний отгеснил его далеко на север. Одно время войска фараона достигали Евфрата и даже разорили его митаннийский берег, однако закрепиться здесь им так и не удалось. К концу правления Тутмоса III, в середине XV в. до н. э., египто-митаннийский рубеж пролегал в районе Кадеша. В то же время митаннийский царь **Сауссадаттар** разгромил Ашшур (пытавшийся незадолго перед тем связаться с египтянами) и превратил его в своего вассала. Аменхотеп II возобновил борьбу с Митанни, но после первых успехов был отброшен на юг, в Палестину, и ему пришлось заключить невыгодный для себя мир (ок. 1430 г. до н. э.). Хотя надписи фараона, по своему обыкновению, преподносят это событие как изъявление покорности со стороны Митанни, они подчеркивают исключительность мирного соглашения Египта с этой страной – «происшествия, неслыханного со времени богов». Не смирившись с поражением, Аменхотеп II к концу своего правления вновь двинулся против Митанни и захватил Халпу в Северной Сирии, однако его преемник Тутмос IV должен был закончить эту войну компромиссным

миром с митаннийским царем **Ардадамой I** (ок. 1410 г. до н. э.). Южная Сирия осталась за Египтом, Северная отошла к Митанни. Заключенный вскоре митаннийско-египетский союз, к которому присоединилась Вавилония, навсегда подвел черту под эпохой египто-митаннийского противоборства и заложил основы так называемого Амарнского международного порядка в Передней Азии (1-я пол. XIV в. до н. э.).

Между тем еще в середине XV в. до н. э. начались хетто-митаннийские войны в Сирии, проходившие, по-видимому, в промежутках между египетскими вторжениями в этот регион. Их привел к временному завершению тот же Ардадама I, нанеся хеттам катастрофическое поражение и отодвинув границы Митанни в Малой Азии вплоть до Тавра и Верхнего Галиса (кон. XV в. до н. э.). Рубеж XV–XIV вв. до н. э. был, таким образом, временем наивысшего расцвета Митанни.

Союз с Египтом скреплялся династическими браками. Тутмос IV и Аменхотеп III женятся на митаннийских царевнах, а сами отправляют в Митанни богатые дары золотом. Однако династический кризис и дворцовые смуты начала XIV в. до н. э., а затем и ухудшение отношений с Египтом существенно ослабили Митанни (в это время, например, от него навсегда отложился Ашшур) и позволили хеттскому Суппилулиуме вновь выступить против него. В итоге Суппилулиума отобрал у Митанни Сирию и организовал интервенцию в само Митанни, а то призвало на помощь ассирийского царя Ашшурбаллита I. Так началось полуторавековое хетто-ассирийское противоборство за контроль над Верхней Месопотамией. Суппилулиума смог было возвести на митаннийский престол своего ставленника митаннийского царевича **Сатгивасу**, оттеснив антихеттскую партию и ее ассирийских союзников на восток страны, но вскоре Митанни вновь перешло под власть антихеттской партии, опиравшейся на союз с Ашшурбаллитом.

В ходе этих событий великая Митаннийская держава перестала существовать. Ашшурбаллит удержал и аннексировал восточные районы страны, включая Ниневию (именно тогда номовое государство Ашшур превратилось в территориальное царство Ассирию), а окраинные владения были утрачены. Отныне Митанни было незначительным северо-месопотамским царством, контроль над которым оспаривали друг у друга ассирийцы и хетты. Безуспешно пытаясь лавировать между ними (но тяготея преимущественно к хеттам), Митанни было уничтожено ассирийским царем Салманасаром I около 1260 г. до н. э. Хетты, впрочем, не оставили попыток отбить у ассирийцев хурритскую Верхнюю Месопотамию, окончательно эти области перешли к Ассирии только в XII в. до н. э., уже после падения Хеттской державы.

Переселения балканцев-мушков на восток (1-я пол. XII в. до н. э.) и арамеев на север (2-я пол. XI в. до н. э.) резко сократили этнический ареал хурритов, сведя его к долинам Чороха и Верхнего – Среднего Тигра. Последнее независимое государство хурритов – верхнетигрская **Шубрия** (хурр. самоназвание – «Хурри»; маленькая Шубрия пыталась воплощать единство погибшей хурритской ойкумены) было уничтожено ассирийцами в 673 г. до н. э. Хурриты, однако, оставались одним из крупнейших этносов Армянского нагорья и в середине – 2-й половине I тыс. до н. э. были известны своим соседям как *матиены*, т. е. «митаннийцы», – свидетельство памяти об их блестящем прошлом.

Реликтовые хурритские государства продолжали существовать и в последующие века (приурмийская Манна с хурритской династией – до аннексии мидянами ок. 590 г. до н. э., княжество Кордуэна на исконной горной прародине хурритов при Верхнем Забе – до армянской ассимиляции уже в раннесредневековые времена), но лишь в качестве вассалов или автономных провинций других держав. Этнос хурритов был ассимилирован ираноязычным населением на протяжении 2-й половины I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.

Крупнейшим памятником хурритской культуры является мифологический эпос о смене царствований на небесах, крайне близкий по ряду сюжетов «Теогонии» Гесиода. По-видимому, именно хурриты впервые создали этот миф, и от них он попал, через посредничество финикийцев или анатолийцев, к грекам.

Малая Азия в I тыс. до н. э. Фригия и Лидия

Балканские племена, именовавшие себя *фригийцами* (мигдоны, аскании, берекинты), переселились в Малую Азию в середине XIII в. до н. э. В середине XII в. до н. э. другое балканское племя – *причерноморские бриги* – переправилось в Малую Азию и частично вытеснило, частично ассимилировало фригийцев первой волны. Новая общность сохранила название «фригийцы» и создала раннее царство, окончательно разрушившее Илион (гибель археологической «Трои VII-62», ок. 1120 г. до н. э.) и захватившее Троаду; в конце XII–XI в. до н. э. это царство, вероятно, занимало гористую полосу от Дарданелл до бассейна озера Туз.

К концу IX в. до н. э. **Фригия**, по-видимому, подчинила восточное побережье Эгейского моря, а в 1-й половине – середине VIII в. до н. э. достигла наивысшего расцвета, завоевав сопредельные земли юга (Лидия) и востока (плато Конья и бассейн Галиса, заселенные предками каппадокийцев). В итоге фригийским царям подчинялась практически вся Малая Азия до гор Тавра (кроме южного побережья и Понта).

Согласно позднему преданию, основателем этого великодержавия был некий **Гордий** (ок. 750 г. до н. э., в действительности это имя, как и имя Мидаса, носили несколько фригийских царей), выходец из крестьян, овладевший «всей Азией» и завязавший знаменитый гордиев узел.

При сыне Гордия **Мидасе I** (ок. 725–696 гг. до н. э.) Фригия переживала наивысший расцвет. Этот царь так славился своим богатством, что, по греческой легенде, одно его прикосновение превращало любой предмет в золото. Около 717 г. до н. э. Мидас подчинил княжества Тавра и Киликии и вступил из-за них в войну с Ассирией, заключив против нее союз с Урарту. Однако из-за внезапного вторжения кочевников (ираноязычных киммерийцев с северо-востока и фракийцев-треров с запада) уже в 713 г. до н. э. Фригия, отброшенная на исходные рубежи, была принуждена к миру с Ассирией.

С этого момента начинается закат Фригии. **Мидас II** (ок. 685? – 675 г. до н. э.) еще пытался лавировать между Ассирией, ее непокорными вассалами, Урарту и продолжавшими свои набеги киммерийцами, но в 675 г. до н. э. был окончательно разгромлен союзными силами киммерийцев и Урарту. Фригийская держава утратила бо́льшую часть владений и до середины VII в. до н. э. страдала от набегов киммерийцев, а в конце VII в. до н. э. подчинилась Лидии.

В воспоминаниях древних греков Фригия навсегда осталась первой известной им «великой», всеазиатской державой. Фригийская религия с ее культами *Аттиса* и *Великой Матери Кибелы* оказывала сильнейшее воздействие на античную культуру вплоть до римских времен.

Корни лидийской государственности восходят, по-видимому, к XII в. до н. э. Она была создана вскоре после эгейско-балканских нашествий начала этого столетия двумя группами населения: хеттскими колонистами и местным лувийским племенем меонов. Лидийский язык ближе к хеттскому, чем к лувийскому. Лидийское царство со столицей в Сардах охватывало долину Герма. Богатство *Лидии* опиралось на плодородные долины золотоносных рек Западной Малой Азии.

В VIII в. до н. э. Лидия подчинялась фригийцам. Около 685 г. до н. э. престол захватил царский дружинник **Гиг** (Гуг), основавший новую династию Мермнадов, при которой Лидия стала великой державой. С разгромом Фригии киммерийцами (ок. 675 г. до н. э.) Лидия обрела независимость, однако вскоре киммерийцы обрушились и на нее. Гиг вынужден был обратиться за помощью к Ассирии и, признав формально верховную власть Ашшурбанапала (667 г. до н. э.), в союзе с ним отразил киммерийцев. Вскоре после этого (ок. 654 г. до н. э.) Лидия отложила от Ассирии и заключила военный союз с Египтом, который только что сверг ассирийское иго. Этот союз оставался в силе вплоть до конца лидийской истории.

В середине VII в. до н. э. Гиг завоевал Троаду, Мисию, Карию и часть Фригии. С этого

времени важнейшей целью внешней политики Лидии стало покорение греческих городов малоазиатского побережья: уже Гиг воевал с Милетом и Смирной и захватил Колофон. В 644 г. до н. э. киммерийцы разорили Сарды, Гиг был убит, а его преемнику пришлось опять покориться Ашшурбанпалу, после чего киммерийцев разгромили союзники ассирийцев – скифы (ок. 643 г. до н. э.).

Скифо-ассирийская война (кон. 630-х гг. до н. э.) позволила Лидии восстановить полную независимость, и конец VII в. до н. э. стал временем ее безудержной экспансии на восток, где около 600 г. до н. э. царь **Алиатт** контролировал уже все бывшие фригийские владения (в том числе остаток киммерийцев на Галисе), города Понта и Киликийское царство (Табал). Развивая эти успехи, в конце 590-х гг. до н. э. Алиатт вторгся в сферу влияния Мидии. На его сторону перешло древнеармянское царство Армина и часть подвластных мидянам скифов. Между Мидией и Лидией началась война (ок. 590–585 г. до н. э.), в ходе которой Киаксару Мидийскому удалось оттеснить лидийцев за реку Галис; Киликия и Понт восстановили независимость. Солнечное затмение 28 мая 585 г. до н. э. напугало врагов и заставило их прекратить войну и заключить союз, установив границу по Галису. После этого Алиатт вновь обратился на запад, покорил карийское, пафлагонское и вифинское побережье и взял Колофон. Наконец, **Крезу** (561–547 гг. до н. э.) удалось завершить покорение всех азиатских греков, после чего в составе Лидии оказалась вся Малая Азия к западу от Галиса, кроме Ликийи.

В середине VI в. до н. э. Лидия достигла наивысшего могущества. Золотоносная река Пактол позволила лидийцам первыми в мире начать чеканку монеты (из электра – природного сплава золота и серебра – в VII в. до н. э. и из золота – в VI в. до н. э.). Пословицей стало выражение «богат как Крез». Военные успехи династии Гига прогремели на всю Переднюю Азию и отразились в библейском образе северного колосса «Гога и Магога», т. е. «[рода] Гига и страны Гига» – Лидии. Греки считали Креза самым удачливым («счастливейшим») человеком в мире.

Наконец, в 547 г. до н. э. Крез двинулся за Галис против Кира Персидского, однако вынужден был отступить и потерпел полное поражение при Сардах. Победители чудом помиловали его, но Лидия была аннексирована Ахеменидами. По преданию, перед походом оракул Аполлона предсказал Крезу, что, перейдя Галис, он разрушит великое царство. Понадеявшись на это предсказание, Крез и начал войну. Предсказание оправдалось: Крез разрушил собственное великое царство.

Лидия была достаточно архаичной военной державой, чей общественный строй держался на налоговой государственной эксплуатации свободного населения. Царь опирался на гвардию-дружину и регулярную армию (Лидия славилась своей кавалерией). Значительную роль играли царские соправители из аристократических родов. При царе существовали аристократический совет и народное собрание, что весьма напоминает древнехеттскую практику. Лидия вошла в историю как страна исключительной музыкальной культуры («лидийские инструменты», «лидийская музыка», «лидийские напевы» – знаковые выражения в античной традиции).

Армянское нагорье в I тыс. до н. э. Урарту, Армина

Урартские (уруатрийские) племена, родственные хурритам, но обособившиеся от них еще к середине III тыс. до н. э., заселяли бассейн озера Ван и область истоков Верхнего Заба. Около 1300 г. до н. э. большая часть урартов составила племенной союз Уруатри, в XIII–XI вв. до н. э. периодически сталкивавшийся с ассирийцами. В X–IX вв. до н. э. этот союз при неясных обстоятельствах (вероятно, со сменой или сменами ведущей племенной группы) превратился в прочное раннее государство с официальным названием Биайнели («Ванское»; ассирийцы, а вслед за ними и современные исследователи продолжали называть его Урарту). Центр государства находился на восточном берегу Вана, где располагалась урартская столица Ту(р)шпа.

Другая группа урартских племен, продвинувшись к югу, создала около XI–X в. до н. э. в долине Верхнего Заба государство Муцацир, обладавшее главной общеурартской религиозной святыней – храмом бога Халди в городе Ардини.

Урарту было типичной военной державой, в годы расцвета существовавшей ради непрерывных походов, целью которых была прежде всего добыча, приобретение данников и захват пленных (значительная их часть умерщвлялась, так как масштабы неразвитого хозяйства страны не давали возможности применять труд пленников). Прямые аннексии диктовались в основном стратегическими соображениями. Почти вся жизнь Урартского государства протекла в войнах с Ассирией. Характерно, что урарты очень широко копировали ассирийскую военную и административную, а иногда и культурную практику, и в каком-то смысле вся их государственность строилась по ассирийскому образцу.

Урартский царь **Ишпуини** (825–810 гг. до н. э.) и его соправитель и наследник **Менуа** (810–786 гг. до н. э.) перешли в решительное наступление против Ассирии, захватили ее верхнеевфратские и верхнетигрские владения, подчинили Муцацир, аннексировали богатый западный берег озера Урмия, ставший второй экономической базой страны, и начали наступление на север, в Закавказье, опираясь на основанный ими военный центр у горы Арарат.

Аргишти I (786–764 гг. до н. э.) полностью парализовал ассирийское сопротивление, распространил свое влияние на западе за Евфратом на позднехеттскую область Мелида (современная Малатия на Верхнем Евфрате), на востоке – на весь приурмийский бассейн вплоть до реки Диялы, а на севере включил в состав Урарту закавказские территории вплоть до Чороха, истоков Аракса и Куры и озера Севан, основав там крепости Эребуни и Аргиштихинели, образовавшие третью административно-хозяйственную базу Урарту наряду с районом Тушпы и приурмийским. Как уже упоминалось, ассирийцы боялись Аргишти и называли его «урартом, чье именование страшно, как тяжелая буря».

Сардури II (764–735 гг. до н. э.), развивая эти успехи, включил в сферу влияния Урарту союз позднехеттских государств в Северной Сирии, однако должен был вести ожесточенную борьбу в приурмийском районе, а затем проиграл решительную войну с Ассирией (743–735 гг. до н. э.). В итоге в бассейне Урмии образовалось откровенно враждебное Урарту царство **Манна** с хурритской династией, Сирия и области Верхнего Тигра перешли к Ассирии; ряд областей, покоренных Урарту, восстановили независимость.

Руса I (735–713 гг. до н. э.) консолидировал положение и, прекратив на время борьбу с Ассирией, расширил урартские владения на северо-востоке, в Закавказье, а затем смог отразить нашествие киммерийцев с севера. Однако его попытки вырвать из-под ассирийского контроля Муцацир и Манну привели в конце концов в 714 г. до н. э. к прямой схватке с Саргоном II, полностью разгромившим и Урарту, и Муцацир. Руса покончил жизнь самоубийством, и Урарту больше никогда не нападало на своего главного врага. Преемники Русы I пытались с известным успехом вести завоевания в других направлениях – на восток, к берегам Каспийского моря (**Аргишти II** в 690-х гг. до н. э.; впрочем, большая часть этих территорий была утрачена, когда сюда ок. 680 г. до н. э. вторглись скифы), а затем на запад, против владений Фригии и государств Тавра (**Руса II** в 670-х гг. до н. э.), где урарты пытались опереться на союз с киммерийцами.

Для общественного строя урартов характерны обширные и многочисленные царские хозяйства. Их центрами часто становились города-крепости, в цитаделях которых размещались гигантские хранилища государственных запасов продуктов, оружия и утвари. Главной трудовой силой в царских и храмовых хозяйствах были государственные рабы. Со всей территории державы собиралась дань. Верхушку общества образовывала служилая знать, большинство населения составляли свободные общинники. Держава включала множество полузависимых царств и племен. Для культуры урартов (как и хурритов) характерна тяга к тяжелой пышности и декоративности.

Переломным рубежом урартской истории стало опустошительное нашествие скифов, врагов киммерийцев и союзников Ассирии (сер. 640-х гг. до н. э.). Ослабевшее Урарту

признало себя ассирийским вассалом (643 г. до н. э.). В этом качестве Урарту было втянуто на стороне Ассирии в еще более ослабившую его войну с Вавилонией и Мидией (616–610 гг. до н. э.). Около 610 г. до н. э. Урарту покорилось Мидии, а затем было напрямую аннексировано мидянами около 590 г. до н. э. в ходе лидийско-мидийской войны. Точно такая же судьба постигла в середине VII – начале VI в. до н. э. Манну.

Еще до этих событий рядом с Урарту выросло могущественное древнеармянское царство – *Армина*. Как уже упоминалось, в XII в. до н. э. регион Верхнего Евфрата заняли фрако-фригийские племена, так называемые восточные мушки, пришедшие с Балкан. Частично они основали здесь собственные княжества, а частично селились на территории соседних местных государств, признавая их власть. В 1-й половине I тыс. до н. э. на основе этнической общности верхнеевфратских мушков сложилась древнеармянская народность. Античная традиция какое-то время еще сохраняла утраченную позднее память о ее происхождении, сообщая, что армяне – «отселенцы от фригийцев». Историческая традиция армян сохранила предание о борьбе их предков с ассирийской царицей Шаммурамат-Семирамидой (ок. 800 г. до н. э.). Его реальная историческая основа – оборона верхнеевфратских мушков от ассирийских нашествий IX в. до н. э.

С течением времени основным центром сосредоточения древних армян стало позднешеттское царство со столицей в Мелиде при Верхнем Евфрате, официально именовавшееся «Хатти». По-видимому, во времена нашествия скифов (ок. 630 г. до н. э.) и не без их участия власть в Мелиде перешла к армянской династии Ервандидов. Тем самым было создано первое древнеармянское царство, сохранявшее старое название «Хатти» (откуда самоназвание армян – «хай-к»), а соседям известное как «Армина» (откуда привычное античное «Армения»), по названию одной из его пограничных областей Арме (в свою очередь, Арме получило свое название по группе арамеев, пришедших сюда во время их великого переселения из Сирии к верховьям Тигра во 2-й четв. – сер. XI в. до н. э.).

В конце VII – начале VI в. до н. э., в период утверждения мидян на Армянском нагорье, Армина расширила свою территорию на восток за счет гибнущего Урарту, но должна была после нескольких столкновений окончательно признать зависимость от Мидии, а затем от Ахеменидов. После восстания в 522 г. до н. э. Армина была разгромлена и превращена персами в сатрапию.

В V–IV вв. до н. э. большинство населения Армянского нагорья было ассимилировано армянами, но часть урартов сохраняла свой язык до конца I тыс. н. э. Тогда, наконец, остатки урартов и хурритов были ассимилированы ираноязычным населением. В результате этой ассимиляции сформировался ираноязычный по языку, но фактически хуррито-урартский по происхождению народ – *курды* (сам этноним курдов – иранский, он происходит от названия иранского племени куртиев-киртиев, расселившегося на стыке Иранского и Армянского нагорий еще в сер. I тыс. до н. э.).

Глава 17 **Восточное Средиземноморье и Северная Аравия**

Источники и историография

Источники по истории Восточного Средиземноморья можно разделить на комплексы совершенно разного характера и происхождения, отражающие разные аспекты и периоды истории региона. Сопряжение настолько различных и независимых друг от друга блоков данных представляет собой постоянную и сложную проблему для специалистов.

Древнейшую историю региона освещают только *археологические материалы*, позволяющие судить о становлении городской цивилизации. Памятники раскопанного около 30 лет назад сирийского города Эбла (в частности, архив Эблы с несколькими десятками тысяч клинописных табличек, составленных в 3-й четв. III тыс. до н. э.) и отрывочные

упоминания в месопотамских и египетских источниках позволяют судить о жизни региона в III тыс. до н. э.

Письменные памятники, обнаруженные в соседних странах (египетские, месопотамские, хеттские; особо надо отметить клинописные тексты архивов в Мари, Телль-Амарне и Богазкёе) – главные источники по всей последующей этнополитической истории Восточного Средиземноморья. Их существенно дополняют материалы, происходящие из самого региона, прежде всего тексты архива в северосирийском Угарите (3-я четв. II тыс. до н. э.) и несущие историческое содержание разделы Танаха (Ветхого Завета) – Священного Писания древних евреев, сформировавшегося в середине I тыс. до н. э., но включающего также племенные предания и государственные хроники, восходящие к предшествующим векам.

В целом письменные источники по истории региона распадаются на две группы: современные описываемым в них событиям (прежде всего чужеземные) и позднейшие традиции о прошлом (прежде всего библейские), записанные – с той или иной степенью переработки – на сотни лет позже того, когда могли происходить отраженные в них события. Различить в подобных традициях возможное историческое ядро, исконные пласты чисто легендарного и мифологического характера и, наконец, позднейшие добавления – чрезвычайно сложная и не всегда разрешимая задача.

Интенсивные археологические исследования, ведущиеся в регионе в последнее столетие, дали огромный материал по истории Леванта во II–I тыс. до н. э., однако до сих пор не решенной проблемой является сопряжение этого материала с данными, известными по письменным источникам – как современным описываемым в них событиям, так и позднейшим. Так, например, по археологическим данным выяснено, что в XVI–XV вв. до н. э. города Ханаана претерпевают серию разрушений, однако до сих пор неизвестно, кому именно надо приписать их. Хотя этнополитическая история того же времени достаточно хорошо представима по иноземным источникам и возможные кандидаты на роль искомым разрушителей выявляются легко, остается неясным, кто же из них совершил эти разрушения на деле.

Подобные проблемы особенно остро и часто встают при изучении самой библейской традиции и сопряжении ее с данными археологии. Именно в этой сфере наблюдаются основные противоречия в подходах и выводах специалистов по истории региона, что привело к формированию нескольких несовместимых друг с другом направлений в его *историографии*. В XIX – начале XX в. сформировалась научная традиция библейской критики (среди ее основателей следует выделить **Ю. Велльгаузена**). Крупнейшим из ее начальных достижений было выделение в Пятикнижии – главной части Ветхого Завета – нескольких разновременных источников, сведенных в единый текст существенно позже своего формирования и отличающихся даже по терминологии (так, один из этих источников устойчиво называет верховное древнееврейское божество именем «Яхве», а другой – «Элохим»). В XX в. выделились умеренно-критический и более радикальный подходы к библейскому материалу (оппоненты последнего называют его «гиперкритическим», т. е. «чрезмерно критическим»), различающиеся по оценке историчности и характера библейских текстов. Так, с точки зрения «умеренной критики» ветхозаветные повествования о древнейших племенных предках, вождях и царях древних евреев (от Авраама и Моисея до Давида и Соломона) содержат некое историческое ядро и отражают предания, восходящие ко временам, когда происходили соответствующие события; с точки зрения «гиперкритики» все это – чистые литературно-исторические фикции, впервые сочиненные древнееврейскими авторами середины и 3-й четверти I тыс. до н. э. с сугубо идеологическими целями и без оглядки на реальную историю.

Полемика сторонников умеренно- и радикально-критического подходов приобрела особый масштаб в связи с анализом растущего потока археологических данных, поскольку они часто не содержат явных точек соприкосновения с данными библейской традиции. Так, согласно древнееврейской традиции, племенная общность древнейших евреев переселилась

в Восточное Средиземноморье из Южной Месопотамии и после вторжений в Палестину обосновалась на ее нагорье, где с тех пор и обитала. Между тем археология действительно фиксирует в соответствующее время (4-я четв. II тыс. до н. э.) на Палестинском нагорье быстро растущую новую группу поселений, однако не находит там проявлений какой-то специфической культуры, отличной от культур Леванта. Следов же каких-либо переселений, соответствующих «библейским» миграциям евреев из Месопотамии на нагорье, археологи также не выявили.

«Гиперкритики» отсюда заключают, что библейская традиция обо всех указанных миграциях фиктивна, а на деле древние евреи являлись постепенно обособившейся частью местного населения Палестины. «Умеренные критики» указывают в ответ, что обсуждаемые миграции вообще не могли отразиться в обнаруженном археологическом материале, имея место или нет (так как перемещения малой племенной группы по нагорьям и полупустыням, да еще в родственной им этнокультурной среде, археологических следов оставлять и не должны, а Библия отнюдь не приписывает древнейшим евреям каких-то резких культурных отличий от родственных им западносемитов Леванта).

К умеренно-критическому направлению принадлежали крупнейшие специалисты по истории древнего Восточного Средиземноморья – **У. Олбрайт**, **М. Кэньон**, **М. Нот**; к гиперкритическому – большинство современных англо-американо-израильских ученых. Особняком стоят крупнейшие специалисты по древней истории Сирии (**Х. Кленгель**) и Палестины (**Г. Альштрём**). В отечественной историографии (**Ю. Ш. Шифман**, **И. М. Дьяконов**, **Ю. Б. Циркин**, **Н. Я. Мерперт** и др.) утвердился умеренно-критический подход.

Территория, население, древнейшая история

По традиционному, восходящему к грекам географическому делению в регион Восточного Средиземноморья, простирающегося от предгорий Тавра и большой излучины Евфрата до Синая, входят: Сирия (с горами Аманус на севере и Ливан и Антиливан на юге) и Палестина; полоса побережья выделяется как Финикия. Во II тыс. до н. э. Палестина и южные районы Сирии рассматривались как регион Ханаан («Кенаан, Кинаххи»), а прочая Сирия – как продолжение западноцентральной Верхней Месопотамии и Сирийской (Сирийско-Месопотамской) степи, объединенное с ней под общим наименованием («Амурру», «Хурри», «Нахрайна»).

Водных ресурсов здесь мало, самые большие реки – Иордан в Палестине, Оронт в Сирии. Рельеф и бесплодные земли делили Восточное Средиземноморье на множество отдельных микрорегионов. Большое количество удобных бухт способствовало развитию мореплавания. В степных и пустынных областях на рубежах Аравии обитали скотоводческие племена, то и дело вторгавшиеся в оазисы.

Сама Аравия делилась в древности на три региона, известные античным авторам как Аравия Каменистая (Северо-Западная), Аравия Пустынная (Центральная и Северная, куда включалась иногда Сирийская степь вплоть до границы Сирии – Палестины и верхнего течения Евфрата) и Аравия Счастливая (Южная, где, возможно, было развито земледелие). Хозяйственной и геополитической базы для создания крупного объединенного государства здесь не было, а периодические волны миграций с эпицентром в полупустынях и степях Аравии существенно тормозили развитие регионов. Залежи медной и железной руды, обширные леса, в том числе знаменитые ливанские кедры, и выход к торговым путям притягивали сюда экспансию Месопотамии и Египта.

Восточное Средиземноморье в древности

В VIII–IV тыс. до н. э. население Восточного Средиземноморья и Северной Аравии

составляли племена – потомки носителей местной мезолитической культуры, так называемой натуфийской. Уже в IX–VIII тыс. до н. э. *натуфийцы* собирали дикорастущие злаки. Их потомки перешли к земледелию, что известно по культуре Иерихона (VII тыс. до н. э.). Население здесь обитало в небольших поселках, состоявших из глинобитных домов. Некоторые из таких поселков, в частности сам Иерихон, окружали каменные стены, так как богатство земледельческих общин и беспокойное соседство воинственных степняков вызывали необходимость в оборонительных сооружениях. В Иерихоне их оказалось недостаточно: протогород пал под ударами извне.

В VII–VI тыс. до н. э. неолитическая революция охватила весь регион. В V–IV тыс. до н. э. в Северную Сирию проникли *убейдцы* и убейдская культура. Аравию в VI–IV тыс. до н. э. занимает семитская этнокультурная общность. *Семитские племена*, по-видимому, пришли сюда из Восточной Сахары через Эфиопское нагорье и Баб-эль-Мандеб (согласно реконструкции И. М. Дьяконова) и, продвигаясь на север, ассимилировали обитающих здесь потомков натуфийцев. В IV тыс. до н. э. внутри этой общности обособились несколько ареалов – к Среднему Евфрату выходили восточное семитские племена (предки аккадцев), впоследствии переселившиеся в Месопотамию; у рубежей Сирии обитали так называемые северные семиты, или эблаиты; в североцентральной Аравии – западные семиты (предки ханаанеев, амореев, древних евреев и т. д.), в южноцентральной – носители так называемых южноцентральных семитских диалектов (прямые этнические предки исторических арабов), крайний юг занимали носители южнопериферийных семитских диалектов («южные арабы», создатели первой цивилизации в Аравии; ассимилированы историческими арабами они были только в I тыс. н. э.).

В конце IV – начале III тыс. до н. э. племенной семитский мир Северной Аравии пришел в движение. Восточные семиты (протоаккадцы) проникли на Средний Евфрат, а оттуда – в Нижнюю Месопотамию, северные семиты расселились в Сирии и Верхней Месопотамии (проникнув даже за Тигр). Раскалывается западносемитское единство: часть западносемитских племен отселяется в Сирию, а оттуда распространяется в Палестину, переходя к оседлому земледелию, в то время как другая остается в степях и занимается подвижным скотоводством. На основе отселившихся на запад западносемитских групп сформировался этнос *ханаанеев*, а на основе тех, что остались в степях, – этнос так называемых *сутиев-амореев* (самоназвание – *сутии*; амореями они стали именоваться значительно позже). Сутии-амореи уже около 2400 г. до н. э. были известны шумерам как их южные соседи.

Эти процессы нашли отражение в мифологии: еще во времена западносемитского единства его представители называли себя сутиями по своему легендарному предку Суту, библейскому Шету-Сифу. Эпонимом ханаанейских групп был известный по Библии Каин (досл. «Кузнец»). Ханаанеи, помня о своем происхождении из общезападносемитской среды, объявляли Каина потомком Суту, в то время как оставшиеся в степях группы, прямо продолжавшие былую общность «сутиев» и удерживавшие соответствующий этноним, враждебно относились к оседло-городским жителям (обычное явление для подвижных скотоводов). Они считали, что отселенцы изменили добрым обычаям предков, и объявляли их эпонима – Каина – не потомком, а злым братом-земледельцем доброго скотовода Суту, виновным в убийстве другого доброго брата-скотовода – Авеля. Скотоводы-сутии и отселившиеся основатели городов ханаанеи тем самым противопоставлялись друг другу как потомки достойного и скверного братьев. В итоге этот миф попал в библейскую традицию в обоих вариантах.

К середине III тыс. до н. э. на территории Северо-Восточной Аравии обособилась еще одна ветвь западных семитов, известная впоследствии под названиями *арамеи* и *ахламеи*. Их легендарным первопредком считался, видимо, некий Сахламу.

С появлением ханаанеев в Сирии и Палестине произошел резкий прогресс в ремесленном производстве, прежде всего металлургии; начался так называемый *Раннебронзовый период* в истории Восточного Средиземноморья (III тыс. до н. э.). В это

время на Средиземноморском побережье возникли основные города будущей Финикии (финикийцами называли именно прибрежных ханаанеев) – собственно Библ (археологический «Библ VI»), Тир и др. (ок. XXIX–XXVIII в. до н. э.).

По-видимому, одновременно в Северной Сирии аналогичный процесс происходит с северными семитами, или *эблаитами*, названными так современными учеными по Эбле, их крупнейшему центру в Сирии. В Шумере их именовали «марту» – не исключено, что по среднеевфратскому Мари, частично заселенному ими. Аккадским эквивалентом этого слова было «амурру», т. е. амореи. В прибрежных городах интенсивно шла социальная дифференциация и складывались классы, как видно из наличия крупных жилых строений, по размерам и богатству явно принадлежавших городской верхушке, и монументальных храмов на каменном фундаменте. Библ в середине III тыс. до н. э. уже стал номовым государством, подобным ранним государствам Южной Месопотамии, и вскоре попал под политическое и культурное влияние Египта.

Аналогичные процессы формирования городских центров, превращающихся в города-государства, и сложения классового общества происходили и в глубине страны. Так, в северосирийском городе Алалахе уже в конце IV – 1-й трети III тыс. до н. э. был храм, располагавшийся на высокой платформе, а в XXVIII–XXIV вв. до н. э. рядом с ним появился дворец с парадной колоннадой, постепенно увеличивающийся в размерах, что свидетельствует о возрастании могущества алалахского царька.

В Северной Сирии уже в конце IV тыс. северные семиты основали протогородское поселение *Эбла*. К середине III тыс. до н. э. оно превратилось в крупный городской центр с населением около 30 тыс. человек. В XXV–XXIV вв. до н. э. Эбла была центром крупного государства, охватывавшего всю Сирию вместе с предгорьями малоазиатского Тавра и соперничавшего с Мари на Среднем Евфрате – столицей еще одного раннего государства, заселенного аккадцами и, видимо, другой группой северных семитов. В XXIII в. до н. э. Эбла становится объектом завоевания аккадских царей – Саргона, а затем Нарамсуэна, разрушившего ее в отместку за бунт. Впоследствии, при III династии Ура, Эбла возрождается как город, но ее могущество навсегда уходит в прошлое. В социальном плане Эбла представляла собой типичное номовое государство во главе с царем, при котором существовал административный аппарат. В хозяйствах, за счет которых жила верхушка общества, трудились подневольные работники и собственно рабы.

Небольшие городки Палестины в III тыс. до н. э. обносились стенами, укрепленными овальными или прямоугольными башнями (Мегиддо, Иерусалим, Лахиш и др.), наряду со святилищами, в них уже появляются резиденции местных правителей. С середины III тыс. до н. э. сюда начали совершать первые походы египетские фараоны.

Захват северосемитских областей Сирии и Верхней Месопотамии аккадцами и последующее разрушение самой Аккадской державы (1-я треть XXII в. до н. э.) создали известный вакуум силы в упомянутых регионах, что вызвало перемещение сюда населения из смежных областей: с северо-востока – хурритов, с юга – сутиев. В середине XXII в. до н. э. сутии заняли нагорье Джебель-Бишри близ Среднего Евфрата, а затем центр Верхней Месопотамии и рубежи Сирии, ассимилировав местных северо-семитов. Отныне именно на сутиев переходит бывшее месопотамское обозначение северных семитов – «марту» или «амурру» (амореи), и в науке сутии известны, как правило, под этим последним наименованием. Со своей стороны, хурриты, двигаясь на запад вдоль Верхнего Тигра и Евфрата, уже в XXI в. до н. э. заселили Северную Сирию. В XXI в. до н. э. вся Сирия и часть более южного побережья с Библом вошли в зону влияния III династии Ура.

Восточное Средиземноморье во II тыс. до н. э.

Во 2-й половине XXI в. до н. э. произошло великое расселение сутиев-амореев от Среднего Евфрата и Хабура: одна часть их устремилась в Месопотамию, круша державу Ура, другие огнем и мечом прошли по всей Сирии – Палестине и плотно заселили Сирию и

Заиорданье. С этого момента начался так называемый *Среднебронзовый период* истории Восточного Средиземноморья (XX–XVI вв. до н. э.), когда регион представлял собой совокупность аморейских и ханаанейских племенных княжеств и городов-государств, отличающихся в целом невысоким уровнем развития и преобладанием кочевников. Исключение составляют города побережья, прежде всего Библ. Довольно скоро они, а вместе с ними и большая часть Палестины попали под верховное владычество египтян. Библ даже формально был включен в состав Египетской державы, и его правители считались наместниками фараона.

В конце XIX в. до н. э. одна из племенных групп сирийских амореев создала крупное государство, известное под названием *Ямхад* с центром в Халпе (Алеппо, современный Халеб). Ямхад контролировал территорию Сирии от предгорий Тавра до рубежей южносирийского номового государства Катны – злейшего врага Ямхада. В конце XVIII – начале XVII в. до н. э. через все Восточное Средиземноморье с севера на юг прошли племена хурритов, широко расселявшиеся в это время по территории Плодородного Полумесяца. Особенно плотно хурриты (и следовавшие в их потоке отдельные индоарийские группы) заселили Сирию и Южную Палестину. В ходе бурных потрясений, сопровождавших это передвижение, на Синае и в Южной Палестине возникло так называемое *гиксосское объединение*, возглавляемое семитскими племенами Синая – *шасу* (откуда само слово «гиксосы», т. е. «цари-шасу»), по-видимому, тождественными амалекитам Библии. У хурритов, живших рядом с этим объединением, а частично и вошедших в него, гиксосы заимствовали искусство колесничного боя. В XVII в. до н. э., опираясь на свое колесничное войско, они без труда завоевали Нижний Египет и разместили свою столицу в Аварисе, в Восточной Дельте.

Главными центрами собственно Гиксосской державы были Аварис, а также Газа и Шарухен в Южной Палестине, но зависимость от гиксосских царей Авариса признавали другие гиксосские, египетские и кушитские княжества долины Нила (вплоть до 3-го порога), а также, по-видимому, племена и области Сирии – Палестины и прилегающих районов Сирийской степи вплоть до Евфрата. На севере тем временем Ямхад (теперь значительно хурритизированный по составу населения) около 1600 г. до н. э. захватили после нескольких войн хетты.

В середине XVI в. до н. э. и гиксосская, и хеттская зоны власти в Восточном Средиземноморье сменили хозяев: Палестина и Южная Сирия с изгнанием гиксосов из Египта и падением Шарухена перешли под власть египетского фараона Яхмоса I (гиксосское объединение немедленно распалось, но отдельные племена амалекитов-шасу сохранялись на Синае вплоть до I тыс. до н. э.), а в Северной Сирии хеттское владычество рухнуло из-за набегов верхнемесопотамских хурритов, и вскоре она попала под верховную власть возглавившего этих хурритов государства Митанни.

Таким образом, к концу XVI в. до н. э. Восточное Средиземноморье оказалось поделено между Египтом и Митанни. Этот геополитический переворот, а также примерно одновременные перемены в металлургии и других ремеслах (в частности, открытие производства пурпурной краски финикийцами) позволяют выделять несколько последующих веков (кон. XVI–XII в. до н. э.) в *Позднебронзовый период* истории Сирии – Палестины. Первое его столетие велась почти непрерывная борьба между Египтом и Митанни за безраздельный контроль над Восточным Средиземноморьем. Однако, несмотря на периодическую реализацию планов обеих сторон, ни египтяне не смогли удержаться на Евфрате, ни митаннийцы – в Палестине. Осознав это, в конце XV в. до н. э. воюющие стороны договорились об устойчивом разделе Восточного Средиземноморья на митаннийскую Северную Сирию и египетскую Южную Сирию – Палестину.

С другой стороны, с середины XV в. до н. э. самостоятельные попытки отобрать у митаннийцев сирийские владения предпринимали хетты. В итоге в 3-й четверти XIV в. до н. э. хеттский царь Суппилулиума разгромил Митанни, и Египет и овладел практически всем Восточным Средиземноморьем. К этому времени египетское господство в Азии по большей

части превратилось в фикцию из-за раздоров вассальных царьков и вселия орд *хапиру* – своего рода «казаков» Сирии – Палестины, бежавших в горы Ливана от двойного гнета этих царьков и египетских фараонов. Часть хапиру под водительством удачливого вожака Абди-Аширты создала государство *Амурру* в Северном Ливане, а другая вторглась при фараоне Эхнатоне в Палестину и основательно разорила ее.

Существенные перемены произошли и в этническом составе населения региона. Еще около 1400 г. до н. э. из Вавилонии были изгнаны местные сутии-амореи, поселившиеся там шесть столетиями ранее. Изгнанники, преследуемые касситскими войсками, пересекли Сирийскую степь и обосновались у рубежей Южной Сирии, образовав новую общность, именовавшую себя *ибри* (откуда привычное «еврей», досл. «перешедшие из-за реки», т. е. Евфрата). К ним и восходят древнееврейские племена. Соответственно ветхозаветная легендарная традиция говорит, что евреи произошли от некоего вождя Авраама, переселившегося на запад, через Евфрат, из южной части Нижней Месопотамии. Сохранились рудименты древнейшей еврейской легенды о том, что он стал князем области Дамаска, а не передвинулся в Палестину (как сказано в итоговом ветхозаветном предании).

Таково представляющееся нам наиболее вероятным решение проблемы происхождения древних евреев – вопроса, по которому в науке выдвинуто множество гипотез, от той, что древние евреи – это обособившаяся по религиозным или социальным причинам от своего народа группа ханаанеев, много позже измыслившая себе происхождение из Месопотамии, до той, что это потомки хапиру или группы амореев, пришедших в Палестину из Двуречья еще в начале II тыс. до н. э. Однако, согласно сохранившимся в Библии ветхозаветным генеалогиям, переселение евреев в Палестину состоялось за 13 поколений до царя Давида (ок. 1000 г. до н. э.), т. е. не ранее 1400 г. до н. э., а египетские источники уже знают Израиль и родственные ему племенные союзы (Моав, Эдом) в Палестине и Заиорданье XIII в. до н. э., но еще не упоминают их в XV – середине XIV в. до н. э.

В середине XIV в. до н. э. семитские кочевники-арамеи (ахламеи), жившие до того в Северо-Восточной Аравии, двинулись на северо-запад и заселили Сирийскую степь и долину Среднего Евфрата, оказавшись на рубежах Сирии. Примерно одновременно с этим передвижением, если не под его напором, племена ибри стали смещаться на юго-запад, в Палестину и Заиорданье. К 1300 г. до н. э. здесь уже сформировались их основные племенные союзы – Моав, Аммон, Эдом и Израиль (первые три – к востоку и югу от Мертвого моря, последний – в Палестине). Израильская традиция сохранила воспоминания о взаимодействии древнееврейских вождей с хеттами, господствовавшими над Палестиной в последней трети XIV в. до н. э. Другие племена ибри продвинулись еще дальше на юг и широко расселились в Аравии вплоть до ее южного побережья.

После новых хетто-египетских войн в 1-й трети XIII в. до н. э. враждующие стороны заключили прочный мир, вновь закрепив раздел Восточного Средиземноморья. Большая часть Сирии, включая Кадеш и Амурру, отошла хеттам, Южная Финикия, Дамаск и Палестина – египтянам (впоследствии именно Египетская Азия этого времени воспринималась евреями как географическая «страна Ханаан»).

Типичным городом-государством этого периода являлся *Угарит*. Он вел обширную торговлю с Двуречьем, Египтом и Малой Азией, Палестиной, а также заморскими странами. В городе имелся особый квартал, населенный микенскими греками. Отсюда микенские изделия ввозились в глубь страны и далее в Месопотамию. Товарные отношения в Угарите достигли такого масштаба, что цари собирали с сельских общин подати металлами – медью и серебром.

Все свободное население страны делилось на три сословия: 1) «сыны страны Угарит» – земледельцы-общинники, роль которых постоянно уменьшалась; 2) «царские рабы» – приближенные царя, получавшие от него земельные наделы (многие из них сохраняли свои

общинные наделы и формально не порывали связи с сельской общиной); 3) «рабы царских рабов» – лица, не имевшие своей земли и сидевшие на землях служилой знати (это были разорившиеся земледельцы, утратившие свои земли и связь с общиной, и частично пришлые люди, чужеземцы-изгои – хапи-ру). На царской службе, кроме крупных и средних землевладельцев, находились также купцы и откупщики, называвшиеся, как и в Вавилонии, тамкарами. Рабов в прямом смысле слова было мало. Политически Угарит подчинялся царям удельного хеттского царства со столицей в Каркемише, а через него – великим царям Хатти.

Угаритский Баал

«Народы моря» и история Палестины в конце II тыс. до н. э.

В начале XII в. до н. э. Восточное Средиземноморье подверглось нашествию эгейско-анатолийских народов (так называемых народов моря). Их первые появления в регионе отмечены еще в конце XIII в. до н. э. (набеги ахейцев на Кипр и Египет). После «Троянской войны» часть победителей-ахейцев («денены» – данайцы) и другие народы бассейнов Эгейского и Ионического морей («теккер» – тевкры Трояды, «пелесет» – пеласты с южных Балкан, «шекелеш» – сикулы Южной Италии – Сицилии) прошли Юго-Западную Малую Азию и Киликию и обрушились на Восточное Средиземноморье.

Они разгромили Кипр, Каркемиш, флот Угарита (сам Угарит был разрушен землетрясением), уничтожили государство Амурру в Ливане, разорили Сидон и Тир и, наконец, напали на Египет (ок. 1190 г. до н. э.), но были отброшены египтянами и осели на побережье Палестины. Здесь пришельцы, понемногу слившиеся в единую массу «филистимлян» (т. е. «пелесет»; впрочем, в течение столетия еще вели обособленное существование «теккер»), основали так называемую *филистимскую конфедерацию*. Вскоре они усвоили культуру и язык местного населения. От названия «пелесет» происходит само слово «Палестина».

Между тем Рамсес III восстановил египетскую власть над побережьем Восточного Средиземноморья, а хеттская династия в Каркемише пережила нашествие «народов моря» и объединила Сирию и юго-восток Малой Азии под своей властью (впрочем, к кон. XII в. до н. э. это царство распалось на осколки, так называемые позднихеттские царства). Оправились и финикийские города: уже в XII в. до н. э. Сидон отстроился, а группа высленцев из него заняла и обустроила Тир (после чего все финикийцы стали обобщенно именоваться сидонянами).

В Палестине тем временем утвердился *израильский племенной союз*, переживший в конце XIII в. до н. э. серьезные перемены. Его основная часть в 1220 г. до н. э. была разгромлена египетским фараоном Мернептахом, вытеснена из Палестины и, возможно, распалась. Однако другая группа израильтян еще раньше осела в Египте, а в конце XIII в. до н. э. в последние годы правления XIX династии, когда страну охватили смуты, покинула Египет и заняла часть территории шасу-амалекитов Синая, что отразилось в древнееврейском предании об Исходе евреев из Египта.

В смутные для Восточного Средиземноморья времена рубежа XIII–XII вв. до н. э. израильские группы воссоединились (по-видимому, при значительной культурной и организационной гегемонии евреев, «вышедших» из Египта), а около 1170 г. до н. э. вновь вторглись в Палестину из-за Иордана и захватили значительную ее часть. Впоследствии древнееврейская традиция связывала Исход и новое оформление израильского союза племен с Моисеем, заключившим на Синае договор с Яхве, а вторжение в Палестину – с Иисусом Навином. Судя по тому, что среди областей шасу Синая египетские источники XIV–XIII вв. до н. э. знают «страну шасу-яхве», Яхве был местным синайским богом, почитавшимся в одной из областей амалекитов-шасу, и занявшие эту область при Моисее израильтяне избрали его в качестве своего нового племенного бога-покровителя.

В XII в. до н. э. в результате смешения пришлых кочевых израильтян как доминирующей силы и местных ханаанцев (а смешение достигло такого масштаба, что сложившийся в итоге язык израильтян, т. е. древнееврейский, сами же израильтяне звали ханаанейским) **Израиль** окончательно сформировался на территории Палестины в виде союза двенадцати племен. Выборные вожди – «шофеты» («судьи») являлись верховными жрецами, командовали племенными ополчениями, а в мирное время разбирали тяжбы. Израильские культы в это время, несомненно, носили обычный для региона языческий характер (в том числе культ верховного племенного бога-покровителя Яхве).

К концу XII в. до н. э. Египет утратил власть над Азией. В следующие десятилетия финикийцы (прежде всего Тирское царство «сидонян») осуществляли так называемую *великую финикийскую колонизацию* Западного Средиземноморья (в Восточное, исключая Кипр, финикийцев обычно не пускали греческие пираты). Около 1100 г. до н. э. молодежь Тира основала крупный город Утику в Северной Африке, примерно в то же время была основана тирская колония в Испании – Гадир (Гадес, современный Кадис), а затем финикийцы появились на западе Сицилии, на Сардинии, Мальте и Балеарских островах.

Одновременно, на рубеже XII–XI вв. до н. э., Тиглатпаласар I Ассирийский на короткое время подчинил поздnehеттские царства Сирии и Финикию, где ему покорился Сидон. Однако ассирийская власть здесь оказалась эфемерной: арамеи Южной Сирии во 2-й четверти – середине XI в. до н. э. двинулись на север и вышли к Евфрату, заняв значительную часть североцентральной Сирии и потеснив «поздnehеттских» князей (это было начало великого арамейского расселения, в X в. до н. э. чуть не погубившего саму Ассирию). В середине XI в. до н. э. в Сирии образовались ранние арамейские царства. Примерно в то же время, около середины XI в. до н. э., Тир подчинил себе Сидон и другие города, объединив всю южноцентральную Финикию в «царство сидонян» (в общем значении «финикийцы»). В науке его называют Тиро-Сидонским царством.

В начале XI в. до н. э. в Палестине установилась военная гегемония филистимлян, лидировавших в металлургии железа, а значит, в производстве вооружения. Израильская племенная система продемонстрировала свою неспособность к сопротивлению им. В борьбе с филистимлянами выдвинулись удачливые военные предводители или просто разбойники, поставившие себя вне традиционных племенных отношений. Одного из них, **Саула**, израильские племена избрали первым царем Израиля, т. е. надплеменным наследственным правителем (кон. XI в. до н. э.). Как обычно, царская власть была установлена при поддержке основной племенной массы, вопреки сопротивлению аристократии.

Однако Саул после первых военных успехов потерпел сокрушительное поражение от филистимлян при Гильбоа и покончил с собой. На исходе XI в. до н. э. царство было заново собрано выдвинувшимся из рядовых воинов еще при Сауле **Давидом** – человеком бурной судьбы, успевшим и послужить Саулу, и повоевать против него в ходе смут конца его правления, и оказаться на стороне филистимлян, а потом порвать с ними и одолеть их. Так в результате двухвековых потрясений сформировалась новая карта Восточного Средиземноморья: поздnehеттские царства Северной Сирии, арамейские – в центре и на юге Сирии, Тиро-Сидонское царство на побережье, Израиль и Филистия в Палестине, Аммон, Моав и Эдом, основанные когда-то другими группами ибри, – в Заиорданье.

Восточное средиземноморье в 1-й четверти i тыс. до н. э.

Тиро-Сидонское царство стало монополистом международной торговли в масштабах всего Средиземноморья. Наивысшего расцвета оно достигло при царе **Ахираме** (Хираме, 969–936 гг. до н. э.), эффективно контролировавшем заморские колонии подвластных ему финикийских городов. На востоке Ахирам дипломатическим путем приобрел часть Палестины. На острове Кипр правитель города Кития именовал себя его слугой. При Ахираме широко развернулось строительство в островной цитадели Тира. Показательно, что в X–IX вв. до н. э. тиро-сидонские цари не вели ни одной войны на

материке. Все их внимание было сосредоточено на морских путях.

В IX в. до н. э. финикийцы были изгнаны греками из Эгеиды. Узурпатор **Итобаал** (с 879 г. до н. э.) упрочил положение Тира и возобновил колонизацию, на этот раз только Западного Средиземноморья (в том числе Сардинии), где появилось много новых финикийских центров, одним из которых был знаменитый Карфаген (823 г. до н. э.). Цари стремились установить деспотическое правление, что вызывало противодействие в среде купцов и рабовладельцев. Олигархические тенденции возобладали, и в конце IX в. до н. э. царская власть в Тире ослабела.

Главные города Финикии – Тир, Сидон и Библ – богатели за счет транзитной торговли, перепродавая египетские и вавилонские товары в Грецию, а греческие – на восток. По-прежнему вывозился в Египет и Месопотамию лес, но особенное значение приобрел вывоз ремесленных изделий (пурпурной краски из Тира, стекла и стеклянных изделий из Сидона). Где это было возможно, финикийские купцы легко превращались в пиратов или силой похищали людей, чтобы продать их в рабство. «Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик лукавый, злобный хитрец, от которого много людей пострадало», – говорится в поэме Гомера. Часть рабов доставлялась в Финикию, и их направляли в мастерские в качестве чернорабочих, в гавани, где они работали грузчиками, и на корабли, где их использовали как гребцов. Рабов-военнопленных практически не было – финикийцы не вели завоевательных войн. Также нет сведений и о рабах-должниках.

Среди арамейских государств Сирии на первое место вскоре вышло **Дамасское царство** (Арам-Дамаск), претендовавшее на гегемонию в сопредельных областях. Его экономика строилась на развитом скотоводстве, знаменитом на весь Ближний Восток производстве оружия и транзитной торговле «шерстью блистательной белизны», которую в Дамаске покупали у степных кочевников и перепродавали в Тир. Цари Дамаска часто носили имя-титул «Сын бога бури» («Бен-Хадад»), воспроизводившее старый титул хурритских царей, унаследованный в Дамаске от хурритов Южной Сирии.

В середине IX в. до н. э. Дамаск сыграл решающую роль в борьбе с ассирийскими нашествиями Ашшурнацирапала II и Салманасара III на Сирию. В 853 г. до н. э. коалиция, возглавленная дамасским **Бенхададом II** и израильским царем Ахавом, отразила в битве при Каркаре 120-тысячную армию Салманасара. Правда, тот в 841 г. до н. э. разгромил силы Дамаска и осаждал город, но не смог взять его. Вплоть до начала VIII в. до н. э. Ассирия пыталась покорить Восточное Средиземноморье, но закрепиться там ей не удалось.

Во 2-й половине IX в. до н. э. дамаский царь **Бенхадад III** овладел заиорданскими владениями Израильского царства, проник в Южную Палестину и получил дань от Иудеи. На некоторое время почти весь хинтерланд Восточного Средиземноморья оказался под влиянием Дамаска, однако сопротивление другого арамейского царства – Хамата на Оронте – привело к распаду дамаской коалиции. Истощенный войнами Дамаск был в 796 г. до н. э. осажден и принужден к выплате дани ассирийским царем Ададнерари III. При Ададнерари III Ассирия контролировала все Восточное Средиземноморье, но уже в начале VIII в. до н. э., ослабев под ударами Урарту, ассирийцы потеряли все владения к западу от Евфрата.

В **Израиле** **Давид** (ок. 1010–970 гг. до н. э.) проводил политику создания централизованной надплеменной военно-бюрократической монархии. Был присоединен Иерусалим, ставший столицей нового царства, создан государственный аппарат, во главе которого стоял верховный сановник. При царе состояла его гвардия из наемников-чужеземцев – «критян» (скорее всего, ахейцев Кипра, переселившихся туда с Крита еще в XII в. до н. э.) и филистимлян. По-видимому, Давид хотел создать ближневосточную наднациональную империю от Евфрата до Синая. Он действительно достигал Евфрата, и одно время от него зависели все арамейские объединения этой территории, но из-за восстания арамейцев Давид так и не смог закрепиться на этих рубежах, и в итоге его держава представляла собой Израиль с некоторыми присоединенными и зависимыми внешними владениями, охватывающими Заиорданье, Филистию и область расселения южносирийских арамейцев.

Преемником Давида стал младший сын **Соломон** (ок. 970–930 гг. до н. э.). Библейская традиция прославляет его за мудрость, изображает проникательным и справедливым судьей и объявляет автором ряда литературных произведений, вошедших в Библию. В действительности же Соломон был властолюбивым и тщеславным монархом, отказавшимся от проведения активной внешней политики и растратившим политический капитал, оставленный ему Давидом. Опору своей власти он видел не в военной знати, а в гражданско-храмовой бюрократии, существенно увеличившейся в связи со строительством в Иерусалиме роскошно украшенного храма бога Яхве. Соломон усилил налогообложение и тяжесть повинностей израильтян.

Наконец, если Давид, происходивший из южноизраильского племени Иуда, смог стать надплеменным царем, то при Соломоне засилие его соплеменников в государстве стало очевидным. Недовольные этим десять северных израильских племен вскоре после смерти Соломона отложились от Иерусалима и образовали особое царство, принявшее название *Израиль*. Столицей его несколько позднее (в IX в. до н. э.) стал город Самария. За царством со столицей в Иерусалиме, где правила династия Давида, закрепилось название *Иудея*, по его главному племени.

Оба царства считали это раздробление единого по природе своей Израильского государства нетерпимым и временным, и то враждовали друг с другом, то создавали нечто вроде бинарной конфедерации (как при Ахаве Израильском – Иосафате Иудейском в сер. IX в. до н. э. и при Иеровоаме II Израильском – Узии Иудейском в 1-й пол. VIII в. до н. э.; в обоих случаях союзники быстро достигали контроля над всей Палестиной и Заиорданьем). Разделением бывшего Израиля сразу воспользовался Египет: фараон Шешонк около 926 г. до н. э. совершил опустошительный поход в Палестину, разорив и подчинив и Израиль, и Иудею. Однако с его смертью оба царства немедленно вышли из египетской зависимости, а у Египта не было сил на новые походы в регион.

В эпоху разделенных Северного и Южного царств древнееврейское общество постепенно входило в полосу кризиса. Как и в большинстве кочевых обществ, перешедших к оседлости и выработавших свою государственность, у евреев в 1-й половине I тыс. до н. э. бурно развивались *частновладельческие отношения и частная эксплуатация*. Этот процесс шел как за счет растущих притеснений, чинимых племенной и надплеменной столичной верхушкой над народной массой, так и за счет естественной дифференциации и развития товарно-денежных отношений. То и другое приводило к концентрации имущества и земли, разорению и закабалению рядовых общинников.

Пропасть между государственно-племенной аристократией и ее рядовыми соплеменниками быстро росла. Одновременно слабел сам общинный строй: земли общины стали продаваться посторонним лицам (не родственникам и даже не соседям). Общинные участки, перешедшие в частные руки, а также земли государственного фонда, розданные придворным, составили сектор частного землевладения, прежде всего крупного.

Источники VIII–VI вв. до н. э. упоминают четыре сословия, на которые делилось свободное население страны: 1) светская аристократия (вельможи и князья); 2) жреческая аристократия (жрецы и профессиональные пророки); 3) так называемый народ земли (основная масса свободного населения), владевший общинными наделами и обязанный служить в ополчении и платить налоги; 4) чужеземцы (пришельцы и поселенцы), ограниченные в правах. На самой низшей ступени социальной лестницы стояли рабы и кабальные должники, число которых постоянно возрастало.

Главным объектом эксплуатации была масса рядовых общинников, и это воспринималось тем более остро, что в обществе еще сохранялся племенной уклад и порождаемые им традиции клановой солидарности, на фоне которых социальное расслоение воспринималось как отход от основных норм общежития. Особое неприятие у рядовых общинников вызывала связанная с царем властная верхушка, использовавшая как частные, так и государственные методы эксплуатации, а также храмы, вписанные во властную систему общества.

В «верхах» общества положение осложнялось межплеменными противоречиями в Израиле, израильско-иудейским противостоянием, сложностями взаимодействия царской власти с военной знатью и жречеством и, наконец, собственно проблемами культа. Для древних евреев, осознававших себя в Палестине пришельцами, вопрос об обращении за покровительством к тем или иным местным божествам стоял гораздо острее, чем для аборигенов, уже многие столетия связанных с определенными культурами. Для царей Израиля эта проблема имела особый аспект: сохранение центра почитания бога Яхве в иудейском Иерусалиме побуждало их особенно напряженно искать иных покровителей (хотя бы на случай войны с той же Иудеей). Наиболее могущественный царь Израиля **Ахав** (сер. IX в. до н. э.) использовал в этом качестве финикийского бога Баала, а заодно строил жертвенники многим другим ближневосточным божествам.

На фоне развернувшегося таким образом религиозного поиска и связанного с ним противостояния храмов разных богов друг другу сформировался в конце концов так называемый *жреческий монотеизм*. Заключался он в том, что жрецы Яхве настаивали на необходимости обеспечить ему особое положение в израильско-иудейском культе и исключали возможность почитания других богов на общегосударственном уровне. Параллельно формировалась концепция соединения царской и высшей жреческой власти.

Социальные противоречия израильско-иудейского общества того времени отразились в мощном общественно-идеологическом процессе – *«пророческом движении»* VIII–VI вв. до н. э. Библейские пророки, входившие первоначально в особую категорию храмовых прорицателей, по неясным причинам порвали с храмами и возглавили социальный протест. Именно они выработали представление о Яхве как об абстрактно абсолютном и универсальном божестве, источнике этики и творце истории, которая воспринималась как процесс религиозного воспитания древних евреев – «избранного» самим Яхве народа. В «конце времен» ожидалось появление посланца Яхве – мессии, которому суждено было окончательно спасти Израиль от языческой скверны и социальной несправедливости и приобщить весь мир к почитанию единого бога Яхве. Этот «пророческий монотеизм», составивший впоследствии ядро иудаизма, и был первой догматической религией, подчинявшей этику и образ жизни своих носителей «сверхценной» норме, ориентирующей их на иррациональное откровение и эсхатологические ожидания и объявлявшей себя абсолютно истинной.

Во всех этих отношениях «пророческий монотеизм» принципиально противостоял общей религиозной практике Ближнего Востока, в том числе древнееврейской. Именно поэтому до поры до времени он не был широко распространен в Израиле и Иудее. Искреннюю приверженность к нему проявляли только наиболее радикальные, маргинализованные элементы древнееврейского общества. В условиях растущей общественной нестабильности такие элементы, однако, стали грозной силой, тем более что «пророческий монотеизм» оказывал, по-видимому, известное концептуальное влияние на «жреческий».

Данная картина развития монотеизма в древнееврейской среде разделяется не всеми историками: историки-традиционалисты, следуя самой ветхозаветной традиции, считают, что теоцентрический догматический иудаизм был введен уже Моисеем, а все дальнейшие языческие практики еврейского общества и государства были лишь периодическими отступлениями от него. С социально-психологической точки зрения это едва ли вероятно. Ветхозаветные книги пророков приводят многочисленные примеры ярко негативных реакций древнееврейского населения на проповедь иудаизма, отражающих продуманную и последовательную «языческую», т. е. рационально-релятивистскую, идеологию, типичную для всего древнего Ближнего Востока.

Следует подчеркнуть, что евреи, подвергающиеся поношениям пророков, как явствует из самих поношений, почитают Яхве и клянутся его именем и жизнью. С точки зрения пророков, они не имеют на это права, так как почитают его как

обычное, конечное божество, и в контакт с ним хотят вступать только ради собственного блага, как они определили его сами, без оглядки на мнение божества. Таким образом, конфликт происходит не между мифическими «яхвизмом» и «баализмом» (как иногда полагают), а между опытно-логическим/релятивистским и сверхценностным, теоцентрическим подходами к одному и тому же божеству.

Представление об относительности, конечности и несовершенности всего существующего – включая божество и все, что от него исходит! – выражено в народной поговорке: «Много дней пройдет, и любое пророчество утратит силу (досл. «исчезнет»)» (Иез. 12:22; конкретный смысл: в любом пророчестве изначально обязательно есть элемент ошибки, так что с течением времени расхождение между ним и реальностью будет автоматически нарастать, пока оно окончательно не утратит практической ценности. Общий смысл: «все относительно, ничто не вечно»). Бог через пророка Захарию горестно упрекает народ в том, что обряды проводятся им лишь ради собственного блага: «Когда вы поститесь и плачете в пятый и седьмой месяц вот уже семьдесят лет, для меня ли вы поститесь? Для меня ли? И когда вы едите и пьете, не для себя ли вы едите и пьете?» (Зах. 7:5–6).

Восточное Средиземноморье во 2-й четверти – середине I тыс. до н. э.

В середине VIII в. до н. э. в Северную Сирию начали проникать урарты, но против них выступила Ассирия, усилившаяся при Тиглатпаласаре III. В 743–740 гг. до н. э. он покорил Северную Сирию (аннексия ее затянулась до 717 г. до н. э., когда в ассирийскую провинцию был превращен Каркемиш) и Финикию, а в 734–732 гг. до н. э. аннексировал Дамасское царство и большую часть Израиля, подчинил Филистию, остаток Израиля и Иудею.

Попытка Израиля после смерти Тиглатпаласара отложиться от Ассирии привела к карательному походу, осаде Самарии (725–722 гг. до н. э.) и полной аннексии Израильского царства ассирийцами с массовой депортацией его населения. Остатки израильтян смешались с пригнанными сюда на освободившиеся места ассирийскими подданными, образовав новую общность *самаритян*.

Иудея, отложившись было от Ассирии в 704 г. до н. э., была приведена к покорности карательным походом Синаххериба в 701 г. до н. э. Отчаянное сопротивление ассирийцам оказали финикийцы: за сто лет Тир пять раз пытался сбросить ассирийское ярмо. Подавление второго такого восстания Синаххерибом в 701 г. до н. э. привело к отторжению от Тира всех прочих финикийских городов, ранее подвластных ему. Тиро-Сидонское царство с заморскими владениями перестало существовать.

Грабительское нашествие скифов на западную часть ассирийских владений, в том числе на Сирию и Палестину (кон. 630-х гг. до н. э.), уничтожило ассирийскую власть в регионе. Все его территории восстановили независимость, и воспользовались этим больше всего Тир, Иудея и Египет. **Иосия**, царь Иудеи (640–609 гг. до н. э.), не только вернул Иудее свободу, но и присоединил к ней все бывшие земли царства Давида и Соломона. Египтяне, со своей стороны, подчинили своей власти Филистию и Сирию вплоть до Евфрата, откуда в 616 г. до н. э. египетские войска двинулись в Месопотамию помогать ассирийцам против вавилонян. Тир на время стал гегемоном всей Финикии. Тирские купцы в конце VII – начале VI в. до н. э. проникали на восток Малой Азии, в далекую Южную Аравию, вывозили серебро из Испании, а, возможно, также олово из Британии.

Иудея при царе Иосии вновь обрела самостоятельность и расширилась на север и запад за счет ассирийских владений. В 622 г. до н. э. в стране произошла настоящая революция. Царская власть, до того по большей части борющаяся с «пророческим монотеизмом», теперь приняла решение возглавить его. Было объявлено, что в иерусалимском храме при ремонтных работах якобы случайно найдены древние забытые законы, требующие единобожия и централизации культа. Под лозунгами «пророческого монотеизма» было истреблено древнееврейское жречество всех культов, за исключением культа Яхве, и ряд

категорий заклинателей. Все культы, кроме культа Яхве, были запрещены. Это первый случай религиозного террора и утверждения догматической религии на Древнем Востоке.

После гибели Ассирии Восточное Средиземноморье стало «яблоком раздора» между Египтом и Вавилонией. В 609 г. до н. э. фараон Нехо II, стремясь накануне решающей схватки с Вавилоном уничтожить самостоятельную силу в тылу грядущей борьбы, напал на Иудею, разбил ее войско, убил царя Иосию в битве при Мегиддо и принудил Иудею признать его верховную власть. Дальнейшая борьба, как указывалось выше, привела к гибели Иудеи в 587 г. до н. э., разрушению Иерусалима и храма Соломона и депортации иудеев вавилонянами, а также к утверждению вавилонского владычества над всем Восточным Средиземноморьем.

Со сменой вавилонского владычества властью персов (539 г. до н. э.) депортированные получили возможность вернуться на родину, а в V в. до н. э. Ахемениды санкционировали создание иудеями-чиновниками Эзрой и Неемией в Иерусалиме и его округе *гражданско-храмовой автономии*, основанной на жестких началах канонического иудаизма (религии, развившейся за предыдущий век на базе «пророческого монотеизма»). Руководителям этой автономии Ахемениды предоставили духовную власть над всеми жителями империи, желающими считаться иудеями.

Культура и религия Восточного Средиземноморья

Главным культурным достижением жителей этого региона было создание *алфавитного письма*, к которому восходят все современные алфавиты мира. Во II тыс. до н. э. в небольших городах-государствах Восточного Средиземноморья шли интенсивные поиски наиболее рациональных систем письменности, подходящих для массового, однозначного и быстрого ведения коммерческих записей и потому более простых, чем письменности Месопотамии и Египта с их сотнями знаков, которые могли читаться по-разному.

В Библие появилось слоговое письмо упрощенного типа (так называемое протобиблиское), имевшее около 100 знаков. В Угарите в XV–XII вв. до н. э. употреблялся клинописный алфавит из 30 знаков. Наиболее совершенной системой оказался финикийский алфавит. Применение этого алфавита (воспринятого впоследствии с некоторыми изменениями греками) сделало грамотность доступной любому гражданину, что имело огромное значение для развития торговли и мореплавания.

Для религий Восточного Средиземноморья характерны культы плодородия с умирающими и воскресающими божествами и сезонными празднествами, обеспечивающими плодородие. Под влиянием хурритов в середине II тыс. до н. э. сложился западно-семитский миф о смене царствований на небесах, по которому бог неба *Баал-шамем* («Господин Небес»), он же «Ил [бог] отцовский» был сменен *Илом* (верховным божеством западных семитов до середины II тыс. до н. э.), а тот – богом бури *Баалом* (Алийян-Баал, реально выдвинувшийся на первое место в пантеоне во 2-й пол. II тыс. до н. э.).

Угаритские тексты, реликтовые элементы Ветхого Завета и античные авторы дают представление о развитии ханаанейской (финикийской) мифологии. В каждом городе почитался прежде всего местный бог-покровитель, именовавшийся обычно эпитетом Баал («владыка») или Эл («бог»), иногда Мелек («царь», вариант – Молох), а в Тире – Мелькарт («царь города»). Чаще всего эти боги были солнечными. Все это не мешало существованию особых общезападносемитских богов с именами Эл (Ил) и Баал. Супруга главного бога также порой именовалась просто Баалат («владычица»), но чаще носила более конкретное имя *Астарта*, что соответствовало ассиро-вавилонской Иштар. Астарта ассоциировалась, в отличие от Иштар, с Луной, а не Венерой.

Древнееврейская религия на первых порах не отличалась от прочих западносемитских религий, в том числе ханаанейской. Главным общеплеменным богом израильтян с конца XIII в. до н. э. считался *Яхве*, до того – местное божество областей Синая и Южной Палестины, владыка грома и огня, посылающий на землю благодатный дождь. Иных богов не просто

признавали, но и почитали, в том числе на государственном уровне.

Западным семитам была присуща концепция «берита» (завета, т. е. особого договора) народа с его богом-покровителем. В то время как у их соседей связь данной общины и ее бога-покровителя считалась изначальной и неразрывной, западные семиты видели в ней результат сознательного договора общины с богом. Этот договор обе стороны могли пересмотреть, если он не оправдывал надежд. Именно от этой концепции отталкивались ветхозаветные пророки, движение которых, как говорилось выше, привело в конце концов к формированию *догматического сверхценного монотеизма*.

Как и в других религиозных системах I тыс. до н. э. (буддизм, зороастризм), отношение к Богу в учении пророков носит сугубо личный характер (каждый предстоит перед Ним персонально) и жестко связывается с этикой (в частности, пророки резко осуждали закабаление бедноты, скупку земель и несправедливую наживу богачей). В центре учения пророков стоит Яхве, традиционный верховный Бог евреев, а первыми вероучителями своего толка пророки объявляли величайших легендарных героев древних евреев: Авраама – родоначальника ибры, переселившегося некогда из-за Евфрата в Палестину, и Моисея.

В действительности отношение «пророческого монотеизма» к Богу было принципиально новым: в былые времена Яхве не представляли себе ни всемогущим, ни всезнающим. Раньше считалось, что понятия о добре и зле принадлежат самим людям, которые вырабатывают их, руководствуясь собственным желанием, опытом и вкусом. Боги могут надзирать за выполнением этих правил, но не являются их источником (точно так же, как человеческая власть). Согласно иудаизму, требования морали исходят от Бога, т. е. предписаны людям извне. Люди должны безукоризненно выполнять их исключительно потому, что это требования божества. Сам Бог вне критики. В отличие от былых времен, человек вступает в общение с Богом не для реализации своих собственных устремлений, а для самодовлеющего выполнения его воли. Наконец, религиозные представления предшествующих эпох никогда не претендовали на абсолютную истину, где нет места сомнению, исправлению и пересмотру. Именно поэтому на Древнем Востоке господствовала полная веротерпимость, а внутри каждой религии мирно уживались спорящие друг с другом течения. Иудаизм был первым вероучением, основанным на *догмах* – положениях, априори считающихся абсолютно истинными, невзирая на любые доводы и контрдоводы.

Древнееврейская литература известна в основном в том виде, в каком сохранила ее Библия. Само это слово по-гречески означает «книги» (в данном случае книги, канонизированные иудеями и христианами).

Иудейское Писание (Танах) почти полностью совпадает с Ветхим Заветом, первой частью христианской Библии. Этот свод текстов, сформировавшийся в V–III вв. до н. э., представлен еврейским Писанием и выполненным еще до его кодификации греческим переводом – «Септуагинтой». По традиции он делится на три раздела: Учение (оно же Закон и Пятикнижие Моисеево, древнееврейская Тора), Пророки и Писания, каждый из которых включает тексты разного времени и характера.

Пятикнижие излагает переработанные в монотеистическом духе фрагменты общеизраильского предания о происхождении мира, людей вообще и западносемитских племенных союзов (в том числе Израиля) в частности. Многие из этих преданий отражают ближневосточные мифы или подверглись их сильному влиянию. Так, рассказ о сотворении первочеловека Адама из земли происходит из аморейского предания, согласно которому Адам тоже считался предком всех людей, но при этом его отцом был бесплотный дух Арар, а мать – мать-земля Маддар. Унаследовавшие этот миф от своих аморейских предков, евреи видоизменили его, превратив отца Адама в Бога-творца, а мать-землю – в глину, материал для творения. История о Всемирном потопе также перешла к евреям от их предков-амореев, а к тем – от шумеро-аккадцев Южной Месопотамии. Значительную часть Пятикнижия составляют жреческие установления и догматизированные моральные предписания («десять заповедей Моисея» и др.). Пятикнижие окончательно сложилось в конце VII – середине V в. до н. э.

В раздел *Пророки* входят произведения действительных пророков VIII–VI вв. до н. э. (Исайи, Иеремии, Иезекииля и др.) или приписывавшиеся им. К ним примыкают по концепции и времени составления «исторические книги» (Иисуса Навина, Судей, Самуила, Царей и др.), излагающие историю древних евреев XII–V вв. до н. э. в рамках особой идеологической концепции, согласно которой евреи периодически отпадали от монотеизма и вновь возвращались к нему; первое карается Яхве, второе вознаграждается им. Материалом для «исторических книг» послужили в основном летописи и несохранившиеся сборники эпических песен о славных деяниях предков. Некоторые из них по своему духу прямо противоположны детально разработанной религиозной концепции составителей Танаха.

Откровенно фольклорный характер носит предание о Самсоне – удачливом богатыре, сражавшемся с филистимлянами.

Старинный дружинный эпос об Ахаве, в целом прославляющий этого царя, ненавистного монотеистической традиции, лег, по-видимому, в основу нескольких эпизодов Книги царей (царств): редакторы-компиляторы не осмелились пренебречь им и лишь сопроводили его несколькими главами, рисуящими неблагоприятное изображение этого царя, его готовность почитать самых разных богов (засвидетельствованную и археологически) и его враждебность к попыткам монотеистической проповеди (впрочем, сомнительно, что в IX в. до н. э. такая проповедь вообще имела место). В итоге сложилась парадоксальная ситуация: в Ветхом Завете Ахав характеризуется крайне отрицательно, в том числе при первом же упоминании, но при этом в целом ряде эпизодов он восхваляется (т. е. они заимствованы из некоей более ранней, положительно относящейся к Ахаву традиции) – оказывается, этот царь стоял за свою страну с неизменной доблестью и великодушием.

Наконец, раздел *Писания* является пестрым собранием различных по жанру и времени произведений. Сюда входит и произведение свадебной лирики, созданное под явным египетским влиянием – Песнь песней, и религиозные гимны-псалмы, приписанные царю Давиду и несущие ряд черт первоначального языческого облика религии Израиля, и размышления о жизни, прямо продолжающие месопотамскую «литературу мудрости» (Екклесиаст) либо полемизирующие с ней и преодолевающие ее идеи в новом, монотеистическом духе (Книга Иова), либо, наконец, вполне свободные от ее влияния. Большая часть Писаний относится ко 2-й половине I тыс. до н. э., и некоторые из них были причислены к каноническим лишь после существенных колебаний.

Ветхий Завет можно считать комплексным памятником древнееврейской литературы. Многие произведения попали в его состав только из-за своих литературных достоинств (содержательно они мало совместимы с ветхозаветным мировоззрением). Очевидно, считалось необходимым так или иначе отразить в нем весь «золотой фонд» литературы Израиля, в том числе устной. Но при этом тексты часто были фрагментированы и почти всегда радикально переработаны в духе иудейской догмы.

Северная Аравия в I тыс. до н. э.

С массовым движением арамеев из Сирийской степи в Северную Сирию и Месопотамию (XI–X вв. до н. э.) в Северной Аравии освободились обширные территории. С юга сюда стали выдвигаться недавно одомашнившие верблюда и ставшие настоящими кочевниками племена двух этносов – собственно *арабов*, или так называемых южноцентральных семитов, и потомков ибри (племена аморейского происхождения, имеющие общие этноисторические корни с древними евреями), расселившихся в Аравии с севера в XIV в. до н. э.

В ходе их взаимодействий и перемещений сложилась этнокультурная общность исторических арабов, состоявшая из многих независимых племен и унаследовавшая язык от южноцентральных семитов (название «арабы» – от одного из их племен), а легендарную племенную генеалогию – в основном от аравийских ибри. Именно арабизированные племена ибри составили основную массу позднейших арабов, в то время как большинство исконных

южноцентральнoсемитских племен в течение I тыс. до н. э. либо смешалось с ними, либо исчезло из истории (как это случилось с самим исконным «титულным» племенем «арабов»). Ветхозаветные тексты начиная с X в. до н. э. и греческие ученые середины I тыс. до н. э. уже знают широкую общность «арабов» в целом от Синая (где в ее состав влились амалекиты) до Евфрата.

В итоге на севере и в центре Аравии известно несколько основных племенных союзов: исконно арабский Ариби (исчез, т. е. вошел в состав других племен к сер. I тыс. до н. э.); восходящие по происхождению к группам ибри Дедан, Кедар и Небайот (последний в нач. VI в. до н. э. захватил Эдом на южной окраине Мертвого моря и образовал могущественное *Набатейское царство*); переселившийся с крайнего юга Самуд и др.

В VI–V вв. до н. э. кочевые арабские племена *скенитов* заселили долину Среднего, частично Нижнего Евфрата и большую часть Верхней Месопотамии. В IV–III вв. до н. э. арабы Набатейского царства окончательно поглотили Аммон и Моав и заняли Дамаск, превратившийся еще ранее в крупнейший арабский центр, который одно время был главным городом Аравии Каменистой. Арабы поддерживали более или менее напряженные отношения с Ассирией и более поздними великими державами (Вавилонией, Персией, эллинистическими царствами, Парфией и Римом). Римляне, в частности, пытались проникнуть в Йемен и в 106 г. н. э. аннексировали Набатейское царство.

Глава 18 Южная Аравия в древности

Источники и хронология

Посольство «царицы Савской» к царю Соломону и «Счастливая Аравия», описанная в греческой географической и мифологической литературе (где на краю земли жили счастливые и благополучные люди), аравийские благовония и пряности прославили в древности Южную Аравию. Подлинная история Южной Аравии стала предметом пристального изучения лишь в последние несколько десятилетий.

История древней Южной Аравии прослеживается в основном по результатам археологических раскопок, а также по данным эпиграфики (надписям на камне, металле, черенках пальмовых листьев), сведениям античных авторов, средневековых арабских географов и историков. Среди *южноаравийских надписей* наиболее полно представлены три типа: посвящения в храмы, погребальные надписи и памятные надписи о постройках. Стоимость изготовления надписи была столь велика, что лишь малая, очень обеспеченная, часть населения или такие учреждения, как храмы, могли позволить себе подобный заказ.

Южноаравийский алфавит происходит, как почти все современные системы письма, из финикийской письменности, но в отличие от последней он содержит не 22, а 29 знаков. Древнейшие южноаравийские надписи относятся к середине VIII в. до н. э., но их появлению предшествовал длительный период формирования южноаравийской системы письма. Позднейшая надпись датируется 559–560 гг. н. э. Самые ранние надписи характеризуются монументальностью исполнения и геометричностью шрифта. Со временем стилистика написания менялась, принимая весьма разнообразные формы.

Древняя южноаравийская надпись

Для истории древней Южной Аравии до сих пор *не выработано абсолютной хронологии*. Даже установление относительной хронологии – последовательности событий без фиксации точных дат по годам – для многих периодов представляет значительные сложности. Надписи – основной источник датировки древней южноаравийской истории –

для почти тысячелетнего периода дают только относительную хронологию (их стиль и палеографический анализ позволяют определить лишь последовательность, в которой они были выполнены); монеты, появившиеся в Южной Аравии в IV в. до н. э., дают возможность только уточнить последовательность правителей. Лишь со II в. н. э. южноаравийская хронология вырисовывается достаточно определенно на основе местных источников: надписи датируются по конкретной эре, последовательность правителей становится вполне ясна. Их датировка не может быть уточнена на основе установленной хронологии других регионов.

Саба упоминается в десятой главе ветхозаветной книги Бытия. Другие библейские книги (1 Цар. X. 1–13; 2 Хроник. 9.1–9.12) упоминают посольство царицы Савской к царю Соломону. Эти сведения, однако, не могут являться отправной точкой для выработки южноаравийской хронологии, так как местные источники не знают ни одной женщины на сабейском троне, и о ком идет речь под именем царицы Савской, до сих пор не установлено. Более полезны в этом отношении упоминания сабейцев в ассирийских текстах Тиглатпаласара III (744–727 гг. до н. э.), Саргона II (722–705 гг. до н. э.) и Синнаххериба (705–681 гг. до н. э.). Последний упоминает царя Карибила, известного из собственно сабейских надписей (мукарриб Карибил Ватар Великий, сын Дхамарали). Датировку усложняет и то обстоятельство, что фактически невозможно установить четкую последовательность правления южноаравийских царей: встречаются большие разрывы в династиях, многие правители носили одинаковые имена.

Проследить точную хронологическую параллель отчасти возможно, начиная лишь с I в. н. э., когда в античной географической литературе («Перипл Эритрейского моря», «Естественная история» Плиния Старшего, «География» Клавдия Птолемея) появляются первые точные описания Южной Аравии и упоминаются ее цари.

В целом история древней Южной Аравии делится на шесть основных этапов: около 1200–700 гг. до н. э. – «протоюжно-аравийский» – рождение государства Саба; около 700–110 гг. до н. э. – «период караванных царств» – доминирование Сабы и Катабана; около 110 г. до н. э. – 300 г. н. э. – «период сражающихся царств» – попеременное доминирование Сабы и Химйара; около 300–525 гг. н. э. – объединение всей Южной Аравии под властью Химйара; около 525–571 гг. н. э. – доминирование Аксума; 570–632 гг. н. э. – преобладание сасанидского Ирана.

Историография

Долгое время реальная Южная Аравия оставалась практически неизвестной в Европе. Скучность сведений античных авторов об этом регионе, удаленность от Средиземноморья, тяжелый климат, трудное для навигации Красное море и пустынный ландшафт Аравийского полуострова обусловили то, что история государств этого региона практически была забыта.

В X в. йеменский ученый **аль-Хамдани** составил энциклопедию «аль-Икиль», один из томов которой был посвящен Южной Аравии. Его можно считать первым ученым, обратившимся к истории этого региона. Впоследствии европейские исследователи пользовались его книгой как путеводителем. Первым европейским путешественником, посетившим в 1500–1505 гг. нынешнее государство Йемен, был итальянский мореплаватель **Л. ди Вартема**.

В XVI в. Южная Аравия стала объектом борьбы Португалии и Османской империи. Португальский мореплаватель Васко да Гама в 1507 г. сумел на время занять остров Сокотра. Его попытки овладеть портом Аден – важнейшим при выходе из Красного моря в Аравийское – не увенчались успехом, и в 1538 г. Аден перешел под власть турецкого султана. Португальский священник **Паэз** посетил в 1589–1594 гг. до н. э. Хадрамаут, описал богатство Мариба и даже провел некоторое время в неволе в Сане. Он был одним из первых, кто прославил Йемен как родину лучшего кофе.

В декабре 1762 – августе 1763 г. датский путешественник **К. Нибур** совершил

несколько путешествий по Южной Аравии, положив начало ее научному изучению. Из шести человек, начавших путешествие вместе с ним, выжил и вернулся в Копенгаген только он один. Его книга «Описание Аравии» на протяжении целого столетия оставалась основной по истории и географии этого региона.

К. Нибур был первым европейцем, изучившим южноаравийские надписи культового и светского характера, но впервые скопировал их **У. -Я. Зеетцен**, в июле 1810 г. в Зафаре – древней столице Химйара. Интересно, что приблизительно в то же время, 12 мая 1810 г., **Г. Салт** обнаружил первую южноаравийскую надпись в Эфиопии. В течение 30 лет эти и последовавшие за ними находки волновали умы европейских филологов, пока в 1841 г. **В. Гезениус** в Галле и **Э. Рёдигер** в Гёттингене, опираясь на копии южноаравийского алфавита, оставленные в арабских средневековых рукописях, не расшифровали две трети знаков древнего южноаравийского алфавита. Лишь к концу XIX в. южноаравийский алфавит был расшифрован полностью.

6 мая 1834 г. английские морские офицеры во главе с Дж.-Р. Уэллстедом посетили главный порт древнего Хадрамаута – Кану. Знакомство с руинами Райбуна – крупнейшего земледельческого оазиса Хадрамаута – начинается с путешествия **А. фон Вреде**, отчет о котором был опубликован в 1870 г. Притоку европейцев в Южную Аравию способствовало и открытие в 1869 г. Суэцкого канала.

Систематическое изучение надписей – главного источника по истории древней Южной Аравии – началось в 1870 г. Французский исследователь **Ж. Галеви** был отправлен Французской академией надписей и изящной словесности в Йемен собирать материал для готовившегося «Корпуса древнеюжноаравийских надписей». В 1882–1892 гг. австрийский ученый **Э. Глазер** продолжил его работу. Он составил грамматику сабейского языка и подготовил собрание надписей.

Фактически в течение всего XX в. в Южной Аравии не было сделано выдающихся археологических открытий, таких как в Египте, Месопотамии, Иране, Индии, Китае. Первые археологические раскопки были проведены в 1928 г. немецким исследователем **К. Раттеном**, обнаружившим небольшое святилище аль-Хукка в 23 км к северо-западу от Саны. Наибольший вклад в изучение древней Южной Аравии в довоенный период внесли австрийский географ **Х. фон Виссманн**, англичане археолог **Г. Катон-Томпсон** и путешественник **Дж. Филби**.

Систематическое и масштабное археологическое, лингвистическое, этнографическое изучение древней Южной Аравии началось только в последней четверти XX в. В 1983 г. была создана Российско-Йеменская археологическая экспедиция, приоритетным направлением деятельности которой является изучение древней истории и языков Хадрамаута (порт Кана, земледельческий оазис Райбун) и острова Сокотра.

Природные условия и население

Государства Южной Аравии концентрировались на юго-западе Аравийского полуострова. (В настоящее время данную территорию занимает Республика Йемен.) Этот регион окаймлен прибрежной равниной Тихама, протянувшейся вдоль Красного моря на 400 км в длину и на 50 км в ширину. В ее западной прибрежной части практически нет природных запасов воды, температура воздуха достигает 55°C при почти 100% влажности. Восточная часть Тихамы, примыкающая к горному массиву, имеет лучшее естественное орошение, к тому же с гор в Тихаму стекает дождевая вода. Горные массивы Хаулан, Джебель Наби Шоб и Серат, тянущиеся к востоку от Тихамы, достигают в высоту 3760 м. Их разделяют ущелья и *вади* – сухие русла рек, заполняемые дождевой водой, которую приносят летние муссоны.

Южная Аравия в I–III вв. до н. э.

Центральную часть Йемена занимает горное плато высотой до 3000 м. С юга от Аравийского моря его окаймляет прибрежная равнина, отделяемая от центральной пустынной части страны – пустынь Рамлат ас-Сабатейн и Руб эль-Хали – горным массивом. Эту часть Аравийского полуострова также пересекают многочисленные вадии, наполняющиеся водой только в краткий период сезонных дождей. Крупнейшая вадия Южной Аравии – вадия Хадрамаут, расположенная в восточной части Йемена. Влажные и жаркие прибрежные равнины соседствуют с высокими горными хребтами, за которыми тянутся бескрайние пустыни.

Наличие крупных оазисов, таких как Мариб и Наджран, способствовало тому, что пустыня не была совершенно безлюдной. Оазисы служили важнейшими перевалочными пунктами в караванной торговле, в них развивалось скотоводство и земледелие.

Климат в Южной Аравии всегда был засушлив. Однако засуха сменялась более влажными периодами. Последний такой период относится к 8000–5000 гг. до н. э. В это время в Южной Аравии встречались растения и животные, которые затем исчезли из-за наступившей впоследствии засухи. Ныне сухие русла рек – вадии Джоуф и Хадрамаут – составляли некогда единую реку, питаемую водами, которые стекали с гор на северо-западе региона. Эта река впадала затем на юге в Индийский океан.

Наличие воды и камня, легко поддававшегося обработке, позволило человеку начать освоение территории Южной Аравии в самой глубокой древности. Древнейшая палеолитическая стоянка датируется приблизительно 1 млн лет до н. э. Палеолитический инвентарь впервые был обнаружен в 1937 г. в Хадрамауте. В период неолита у древнего человека появились стрелы, что говорит о развитии навыков охоты. Люди стали заниматься скотоводством и земледелием. К VII тыс. до н. э. относятся древнейшие образцы наскального изобразительного искусства, достигшего наибольшего расцвета в период бронзового века во II тыс. до н. э.

Наиболее изученной и масштабно представленной для бронзового века является недавно открытая *археологическая культура Сабир*. Ее носители занимали Тихаму и ограничивающие ее с востока и юга предгорья вплоть до побережья Аравийского моря западнее современного Адена. Сабирцы, знакомые уже с городской жизнью, говорили, вероятно, на языке кушитской группы. Их основными занятиями были ирригационное земледелие, скотоводство и рыболовство. Культура Сабир была тесно связана с Восточной Африкой. Ее упадок приходится на первые столетия I тыс. до н. э. Вполне оправданной для II тыс. до н. э. является идентификация территории, занятой носителями культуры Сабир, со страной Пунт, прославленной в египетских текстах как источник благовоний и родина диковинных животных. Материальная культура поселений Южной Аравии III–II тыс. до н. э. радикально отличалась от последующего периода. Это связано с приходом племен, говоривших на семитских языках южноаравийской группы.

Процесс заселения Южной Аравии происходил в разных регионах неодинаково. На западе к началу XII в. до н. э. устанавливается *сабейская культура*. На востоке, в Хадрамауте, к концу II тыс. до н. э. появляются племена, материальная культура которых тесно связана с Южной Палестиной и Северо-Западной Аравией. К концу VIII в. до н. э. Хадрамаут подпадает под влияние Сабы.

Первые государства на территории Южной Аравии

Из полутора десятка древних южноаравийских государств только Саба, Катабан, Маин, Химйар, Хадрамаут, процветавшие в разное время с начала I тыс. до н. э. по VI в. н. э., оставили заметный след в истории. Развитие этих государств определялось их географическим положением: на юго-западе Аравийского полуострова на побережье Красного и Аравийского морей между прибрежными равнинами, окружающими их горами,

возвышенностями и пустыней.

Несмотря на то что в Южной Аравии использовалась одна письменность, население в древности говорило и писало на нескольких, весьма отличавшихся друг от друга языках, относившихся к семитской языковой семье. Основными языками были сабейский, минейский (язык населения Маина), катабанский и хадрамаутский. Все они родственны между собой. Доминирование какого-либо языка говорит о политическом преобладании того или иного из царств. Последняя надпись на минейском относится ко II в. до н. э., на катабанском – ко II в. н. э., на хадрамаутском – к III в. н. э. В царстве Химйар был принят катабанский язык, сменившийся по достижении этим государством доминирующего положения сабейским. Сабейский язык вышел из употребления в устной речи в IV в.

Саба

Первое в Южной Аравии государство *Саба* со столицей в Марибе возникло приблизительно к IX в. до н. э., а первые городские поселения могут датироваться несколькими веками раньше. Первые правители Сабы не носили никакого титула или называли себя *мукаррибами* Сабы. Согласно наиболее вероятному предположению, это слово можно перевести как «собиратель», «объединитель», но точное его значение не установлено. По другой гипотезе, мукаррибами называли глав нескольких племенных образований, стоявших у истоков государства. По своим функциям мукаррибы более всего напоминали царей-жрецов. Интересно, что мукаррибами себя называли только сами носители этого титула, население же обращалось к ним по имени.

Правители других царств, например Аусана и Хадрамаута, также претендовали на этот титул, который принадлежал царям Сабы приблизительно до 550 г. до н. э. Вероятно, его носили цари, сумевшие распространить свою власть на всю Южную Аравию. С I в. до н. э. титул «мукарриб» заменяется в титулатуре на эпитет «царь», который не нес никакого культового или «объединительного» смысла.

Южноаравийский правитель

В начальный период своего существования Саба контролировала небольшую территорию оазиса Мариб и южные склоны плато Джауф. Победа в войне над главным соперником Сабы в ту пору – царством Аусан, расположенным в вади Марха, дала возможность добавить мукаррибу Сабы к своему титулу эпитет «Великий»: мукарриб **Карибил Ватар** Великий, сын Дхамарали. В начале VII в. до н. э. он совершил несколько успешных походов и объединил под властью Сабы всю Юго-Западную Аравию. Эпоха после правления Карибил Ватара плохо освещена в источниках, поэтому последовательность мукаррибов в точности определить невозможно.

Основой благосостояния Сабейского государства была развитая система искусственного орошения и караванная торговля благовониями – ладаном, миррой, а также алоэ. Примечательно, что ни в одной надписи из Мариба (как и из столицы Хадрамаута – Шабвы) не упоминается о наличии развитых торговых навыков у сабейской (и хадрамаутской) элиты, ориентированной преимущественно на военное ремесло. Развитие морской торговли со Средиземноморьем в первые века нашей эры перенесло центр тяжести в торговле благовониями с караванных путей на морские, от которых Саба была отрезана. Это привело к тому, что сабейские цари, стремясь получить доступ к морскому побережью и контролировать торговые потоки, в первые века нашей эры постоянно провоцировали столкновения с Химйаром.

Столица Сабы, Мариб, была расположена в 130 км на восток от нынешней столицы Йемена – Саны. Городское поселение в Марибе ведет свою историю с IV тыс. до н. э. С середины VIII в. до н. э. Мариб был главным экономическим и культурным центром Южной

Аравии. Его население достигало 50 тыс. человек. Город был расположен на холме, занимая 1,5 км в длину и 1 км в ширину. Его окружала стена длиной 4,3 км и толщиной от 7 до 14 м. Внутри городской стены археологических исследований пока не проводилось. Наличие городских построек вне этой стены может говорить о том, что она окружала только его центральную часть. В 3,5 км от города было расположено главное сабейское святилище – храм, посвященный божеству Альмаках. В III в. н. э. в результате поражения Сабы в войне с Химйаром Мариб потерял статус столицы. В VI в. была разрушена марибская плотина, и жители оставили город.

Руины марибской дамбы

Марибский оазис орошался паводковыми водами вадии Дхана – самой полноводной речной долиной в Южной Аравии. Он располагался с обеих сторон речной долины, обеспечивая пропитанием 50 тыс. человек. В нем возделывались злаки и финиковые пальмы. Воду в оазисе нужно было не просто сохранять, а поднимать до уровня полей. Специальный бассейн служил для того, чтобы мутная вода могла отстояться, а система каналов вела воду от плотин на поля, где ее распределяли специальные механизмы. Поля покрывались водой на 50 см в высоту. Лишняя вода на верхних полях переносилась на поля, расположенные ниже. Оставшаяся после орошения вода сбрасывалась в вадии.

Катабан

Это государство занимало территорию к востоку от Сабы и к западу от Хадрамаута. Столицей **Катабана** был город Тимна, расположенный в вадии Бейхан. Впервые Катабан упоминается в сабейских надписях в VII в. до н. э. как союзник Сабы и Хадрамаута. Государство Катабан представляло собой союз племен, наиболее сильное из которых дало название всему царству. Все племена Катабана были связаны единым культом и подчинялись одному правителю. Кроме того, существовал совет племенных старейшин.

Обстоятельства, при которых Катабан стал доминирующей политической силой, пока еще в достаточной степени не прояснены. В период после правления мукарриба Карибил Ватара Саба разорвала союз с Катабаном, переманившим на свою сторону племена, враждебные Сабе. С VI по I в. до н. э. правители Катабана носили титул мукарриба. Первым мукаррибом Катабана был **Хауфиамм Йуханим**. Территория царства быстро увеличилась от Мариба на северо-западе вплоть до Баб-эль-Мандебского пролива на юго-западе.

В истории Катабана, реконструируемой по местным надписям и по данным античных авторов, имеются значительные пробелы. После разрыва союза с Сабой в начале VI в. до н. э. Катабан в течение целого столетия вел с ней продолжительные войны. После того как титул мукарриба окончательно утвердился за катабанскими правителями, царство вступило в период расцвета. В городах строятся храмы и дворцы, увеличивается количество надписей, расцветает изобразительное искусство.

С I в. н. э. начался период упадка. Территория царства резко сократилась, а в конце II в. н. э. Катабан был окончательно поглощен царством Хадрамаут. Столица Катабана – Тимна занимала доминирующую позицию в вадии Бейхан. Город находился на высоте 25 м над уровнем речной долины, что было удобно для ведения искусственного орошения и торговли. В результате раскопок в Тимне были обнаружены первые законодательные южноаравийские надписи мукарриба Шахр Хилала – «Катабанский торговый кодекс». Римский писатель-энциклопедист Плиний Старший сообщал, что в Тимне имелось 65 храмов.

Маин

Государство **Маин** (столица – Карану) располагалось на небольшой части плато

Джоуф между пустынями Руб эль-Хали и Рамлат ас-Сабатейн. Основой его существования была караванная торговля. Первые сведения о Маине восходят к VII в. до н. э. В VI–II вв. до н. э. после падения могущества Сабы Маин полностью контролировал экспорт традиционных аравийских благовоний на Ближний Восток и в Восточное Средиземноморье.

Маинские торговцы основали ряд колоний в Северо-Западной Аравии. Важный перевалочный пункт находился в Дедане (ныне оазис аль-Ула) – области к северу от Хиджаза. Маинские кочевники вели караванную торговлю, оседлое население занималось земледелием.

В источниках нет никаких упоминаний о наличии военных навыков у маинцев. Правители государства Маин никогда не называли себя мукаррибами и не чеканили собственную монету. Маинский пантеон возглавляла триада астральных божеств во главе с Ваддом, предположительно богом луны. Маинский алфавит восходит к финикийскому, надписи выполнялись как справа налево, так и в обратном направлении и даже *бустрофедоном* – способом письма, при котором первая строка пишется справа налево, вторая – слева направо, третья – снова справа налево и т. д.

Развитие прямой морской торговли Средиземноморья с Южной Аравией в обход караванных путей и напор кочевников к началу I в. до н. э. совершенно подорвали могущество Маина.

Хадрамаут

Государство *Хадрамаут* располагалось на востоке Южной Аравии вдоль берега Аравийского моря. Оно занимало плато Хадрамаут, пересеченное многочисленными вади. Основой его благосостояния было земледелие, а также сбор благовоний и их продажа. Хадрамаут был начальной точкой караванных путей, пересекавших весь Аравийский полуостров в западном и восточном направлениях.

Расположенная на краю пустыни Рамлат ас-Сабатейн столица Хадрамаута Шабва находилась в районе, наименее обеспеченном водой, но именно в Шабве происходило разветвление караванных путей, ведущих в Мариб и Наджран.

История города восходит к середине II тыс. до н. э. Этим временем датируется древнейший из исследованных слоев. Шабва являлась важнейшим центром поставок ладана во все регионы Южной Аравии. Вся собранная весной и осенью смола благовонных деревьев доставлялась в Шабву, оттуда ладан развозился по караванным тропам в двух основных направлениях: на северо-запад и северо-восток. Во 2-й половине II в. н. э. при сабейском царе Шаире Аутаре вспыхнула война между Сабой и Хадрамаутом; Шабва была разграблена и сожжена. В IV в. Шабву в очередной раз сожгли химйариты, и она окончательно потеряла свое политическое и торговое значение.

Одними из важнейших портов на южноаравийском побережье, наряду с Аденом – «Счастливой Аравией», были хадрамаутские порты Мосха Лимен и Кана. Кана служила главным пунктом перевозки товаров из Индии и Восточной Африки на материк.

Основание Каны (кон. I в. до н. э.) и Мосха Лимен (III в. до н. э.) по всей вероятности было связано с развитием морской торговли вдоль южноаравийского побережья. Хорошие дороги связывали Кану со столицей Хадрамаута Шабвой. Располагавшиеся в бухте Каны острова и скалистый мыс делали ее привлекательной стоянкой для морских торговцев. Процветанию города способствовала и близость рынков на африканском побережье, поставлявших пряности и благовония. Кана торговала со множеством стран от Испании на западе до Индии на востоке. Древнейшими зданиями в Кане были хранилища ладана. Период с конца II по V в. н. э. стал пиком расцвета Каны: территория стремительно росла. В III в. н. э. Кана, как и Шабва, была разрушена войсками Сабы, однако город очень быстро был отстроен заново. В последний период истории Каны (VI – нач. VII в. н. э.) отмечается интенсивная миграция населения из Восточной Африки и почти полностью прекращаются торговые контакты с Индией.

Порт Мосха Лимен (гр. «Гавань Мосха») был расположен в местности Хор Рори неподалеку от современного города Салала, столицы провинции Дофар Султаната Оман. В 600 м от берега гавани Мосха находился форт Самхарам – крепость, стоявшая на высоком холме. Самхарам-Мосха Лимен был политическим и военным центром восточной области Хадрамаута, которая охватывала Дофар, включая ладаноносные высокогорья. Там были обнаружены фрагменты средиземноморской керамики I в. н. э. Само поселение было основано в III в. до н. э., а заброшено в V в. н. э. В это время Хадрамаут потерял статус главенствующей политической силы в Южной Аравии, и более не было необходимости охранять его границы; кроме того, сказался упадок транзитной торговли.

К I в. до н. э. значение караванной торговли резко упало. Центр торговой активности переместился в южноаравийские порты: Музу, Аден («Счастливую Аравию»), Кану и Мосха Лимен. Государства Катабан и Саба пребывали в состоянии упадка, так как были отрезаны от морского побережья, зато резко возросло значение Хадрамаута.

Вершины своего политического и экономического могущества Хадрамаут достиг в начале II в. н. э. Царям Хадрамаута, принявшим титул мукарриба, удалось даже захватить значительную часть катабанской территории. В это время на престоле находился царь **Иллиазз Йалит**. Он заключил союз с Сабой и укрепил его династическим браком. Царь Сабы в 222–223 гг. помог ему подавить восстание, но затем сам провел против недавнего союзника успешную кампанию. Иллиазз Йалит был взят в плен, столица Шабва и порт Кана были захвачены и разграблены. К 300 г. Хадрамаут вошел в состав государства Химйар.

Химйар

Около 110 г. до н. э. обширная территория на юго-западе Аравии, подконтрольная Катабану, была объединена под властью союза племен зу-Райдан, главным из которых было племя химйар. Оно и дало название появившемуся царству. Райданом назывался дворец в Зафаре – столице **Химйара**, а понятие «зу-Райдан» (досл. «тот, кому принадлежит Райдан») стало обозначать династию, правившую в нем, и сам племенной союз. Этот союз был построен на новых, «федеративных» основаниях: каждое племя более не было обязано почитать богов наиболее могущественного племени, а сохраняло свои собственные культы. Распространение власти Химйара можно определить датировкой надписей по эре Химйара. Катабанский язык был предан забвению, ему на смену пришел сабейский, катабанские божества также уступили свое место сабейским. Государство Химйар изначально занимало юг Йеменского нагорья. Постепенно Химйар подчинил своей власти многочисленные мелкие племена, окружавшие его.

В течение I в. н. э. царям Химйара удавалось удерживать Сабу под своим контролем. Саба не была территориально включена в состав Химйара, но управлялась из Райдана, сохраняя свое политическое и религиозное единство. В конце I в. н. э. началась череда войн между Сабой и Химйаром. Владыки обоих царств одновременно претендовали на двойной титул «царя Сабы и зу-Райдана».

Во II в. н. э. Саба переживала период подлинного политического ренессанса: восстанавливались старые святилища, развивалась сабейская монетная чеканка, строилась новая столица – Сана. В это время царям Сабы удалось заключить союз в борьбе против Химйара с правителями **Аксума** – царства на восточном побережье Африки. Между 200 и 275 гг. до н. э. Аксум занимал западную часть Йеменского нагорья. В 275 г. до н. э. Саба изгоняет войска Аксума из Аравии, и Аксум заключает союз с Химйаром.

В последней четверти III в. н. э. Химйар в результате нападения на Сану присоединил Сабейское царство к своей территории. Подчинив к 300 г. н. э. Хадрамаут, Химйар, впервые в истории Южной Аравии, объединил под своей властью все ее земли. Огромная территория подчинялась единой центральной власти, использовался единый сабейский язык, единая система письма, была распространена единая для всей страны религия – иудаизм.

В VI в. н. э. Южная Аравия стала ареной столкновения интересов Византии и Ирана,

боровшихся за контроль над морскими торговыми путями. Воспользовавшись истреблением христиан в Наджране в 521–523 гг. как предлогом, византийский император Юстин (518–527) заставил царя Аксума Калед Элла Асбеха вторгнуться в Южную Аравию. Войска Химйара были разбиты, Калед Элла Асбеха погиб в бою. Страна была разграблена. С 570 до 632 г. Южная Аравия находилась под властью Сасанидского Ирана.

Путь благовоний

Древнюю Аравию пересекали караванные тропы – «дороги благовоний». Южная Аравия являлась основным поставщиком специй и благовоний. Начиная с VIII в. до н. э. основными статьями вывоза из Южной Аравии в Средиземноморье и на Ближний Восток были ладан, мирра и алоэ.

Ладан с древнейших времен применялся для воскурения при культовой практике, а также в медицине и парфюмерии. *Мирра* и получаемое из нее масло использовались в парфюмерии, медицине, кулинарии как пряность, в культовой практике и при погребальных ритуалах. Произрастает мирра в северо-западных частях современного Сомали, в области Дофар, в районе между Мукаллой и Вади Хадрамаут, в древности мирра также росла в Катабане. Лучшей считалась мирра из Сомали, поэтому ее вывозили и в Аравию, а оттуда – в Средиземноморье. *Алоэ* стало известно в римском мире не ранее времени правления Августа и сразу приобрело репутацию отличного средства для лечения кожных раздражений, ожогов, ран. Его поставляли с юга Аравии и с острова Сокотра.

Курительница благовоний

Сухопутные маршруты длиной 2500 км вели из Хадрамаута – ладаноносной страны античных географов – на восток и на запад Аравии: первый путь вел в Герры, на Средний Евфрат, а затем в ближневосточные «караванные города» – Дура-Европос и Пальмиру. Второй путь пролегал вдоль западных границ аравийских пустынь в Петру, Газу, откуда товары попадали в Египет и Палестину. В порты Хадрамаута – Кану и Мосха Лимен – отправные пункты караванных маршрутов – также свозили специи и ароматы из Восточной Африки и Индии.

Путь в Герры по восточному маршруту занимал приблизительно 40 дней. От столицы Катабана Тимны по западному пути караван доходил до Газы за 70 дней. Изначально этот путь контролировался сабейцами, а с V в. до н. э. – жителями Маина. Через Катабан и Сабу караваны с хадрамаутским ладаном достигали оазиса в Эль-Джоуфе. Здесь, видимо, оплачивались таможенные пошлины и услуги проводников. Этот путь лежал вдоль западной границы пустыни Раммат-ал-Сабатейн. Другой, более короткий, но и более опасный путь вел из Шабвы в северо-западном направлении. От оазиса Эль-Абр он выводил к Наджрану, крупнейшему торговому центру Юго-Западной Аравии, находившемуся на пересечении главных караванных путей.

Религия древней Южной Аравии

Основным источником знаний о религии древней Южной Аравии являются оставленные в храмах надписи, посвященные определенным божествам. Надписей, в которых говорилось бы о культовых ритуалах, очень мало. Молитв, плачей, панегириков, благословений, характерных для других древневосточных культур, не сохранилось вовсе. С другой стороны, имеются надписи, в которых упоминаются культовые паломничества и трапезы, жертвоприношения богам, с тем чтобы они ниспослали дождь в период засухи. Отчасти недостаток информации из эпиграфических источников дополняется изобразительным искусством.

Южноаравийские божества обладали астральной природой, что следует из их имен: *Шамс* (солнце), *Руб* (четверть Луны), *Сахар* (рассвет). Бог *Астар* (воплощение Венеры) сохранял свое имя в пантеонах всех южноаравийских царств. В иерархии южноаравийских божеств он занимал первое место. Несмотря на то что его имя родственно имени месопотамской богини Иштар и ханаанейско Астарты, это божество мужского пола. Он являлся богом плодородия и дождя.

Надгробная плита с изображением усопшего

Руины храма Альмакаха в Марибе

В каждом царстве почитали свое династическое божество. Главным сабейским божеством, упоминаемым в древнейших надписях, был *Альмаках*. Люди считались его детьми, из которых первым и главнейшим был мукарриб. Именно мукаррибы поддерживали связь между миром богов и людьми, они руководили постройкой храмов и ритуальной охотой. В марибском оазисе Альмакаха были посвящены два храма.

Наиболее почитаемым божеством Маина был *Вадд*, имя которого означает «любовь». В храмовых надписях по всей территории Южной Аравии встречается формула «Вадд – отец». В Хадрамауте династическим богом был *Син*, к имени которого добавляли эпитет *Алим* по имени центра его культа в столице царства Шабве. В Шабве и Райбуне, крупнейшем земледельческом оазисе Хадрамаута, были возведены храмы, посвященные Сину. Это имя, должно быть, родственно имени месопотамского бога луны – Сина, хотя символом хадрамаутского божества был орел, что указывает, скорее, на связь его с солнцем. Женским божеством солнца была *Зат-Химьям*, мужским – *Шамс*. В Катабане наиболее почитался бог *Амм*.

Длительное время существовала гипотеза, согласно которой единый южноаравийский пантеон возглавляла триада богов, во главе которой стоял бог луны (отец). Богиня солнца считалась матерью, а бог Венеры Астар был их сыном. В настоящее время эта гипотеза подвергается сомнению.

Наиболее почитаемым южноаравийским святилищем был Аввам – храм Альмакаха в Марибе – овальной формы с обширным внутренним двором, окруженным 32 монолитными колоннами. Его изучение началось в 50-е гг. XX в., но назначение многих зданий вокруг храма до сих пор не прояснено. Это самое крупное святилище в Южной Аравии. Высота его стен достигала 13 м.

Человеческие жертвоприношения в Южной Аравии неизвестны, кроме тех случаев, когда речь шла о военнопленных. Судя по распространенности магических знаков на наскальных граффити, магия занимала важное место в религиозных представлениях Южной Аравии. Вера в посмертное существование также была их характерной чертой.

С IV в. н. э. на территории Южной Аравии начинают распространяться иудаизм и христианство. К этому времени в надписях уже встречаются упоминания некоего «единого бога», что дает основание предполагать наличие монотеистических тенденций в религиозной жизни. Первая монотеистическая надпись датируется серединой IV в. н. э. К V в. н. э. упоминания об астральных божествах практически исчезают, хотя древние верования еще долгое время сохранялись, даже в период утверждения ислама. Последние сабейские надписи были оставлены в 1-й половине VI в. н. э. христианами или иудеями.

Глава 19

Иран и Средняя Азия в древности

Источники и историография

Древнейшими источниками по истории Ирана являются *эламские и месопотамские тексты* III тыс. до н. э. и *археологические памятники* IV–III тыс. до н. э., отображающие существовавшую тогда развитую доиндоевропейскую цивилизационную ойкумену, охватывающую всю территорию Ирана и сопредельных районов Средней Азии и включающую множество ранних городов и государств. Месопотамские и эламские тексты – важнейший источник по истории Ирана и для следующих полутора тысяч лет.

Крупнейшими письменными источниками более позднего времени являются *клинописные надписи* персидских царей из династии Ахеменидов. Всего известно более двухсот таких надписей, в том числе и Бехистунская надпись Дария и так называемая Антидэвовская надпись его сына Ксеркса.

Первая из них была написана на трех языках: древнеперсидском, аккадском и эламском – и рассказывала о смуте, разразившейся в Иране в 522 г. до н. э., и о приходе к власти в лице Дария новой, младшей ветви династии Ахеменидов. Бехистунская надпись необычайно пространна и дает важнейшую информацию не только о политической истории, но и о политическом строе, идеологии и культуре Персидской державы. Другие надписи Дария найдены в скалах Накш-и-Рустама и отражают политическую концепцию Ахеменидов. В «Антидэвовской надписи» Ксеркс запрещает одной из областей своей державы почитать неких богов, которых он объявляет «дайвами» (дэвами, т. е. злыми, не подлежащими почитанию богами в иранской терминологии). Что это была за область и какие боги имелись в виду, остается пока предметом дискуссии.

Тысячи *клинописных табличек* хозяйственного содержания на эламском языке найдены в Персеполе – столице державы Ахеменидов и дают развернутое представление об экономике, социальном строе, административной системе и организации царского хозяйства в Персидской державе. Аналогичное значение имеет архив персидского наместника в Египте Аршамы (V в. до н. э.) с документами на арамейском языке.

Однако большую часть информации по истории великих держав Ирана – Мидии и Персии – мы по-прежнему получаем от *античных авторов* («История» Геродота, «История» Фукидида, «Греческая история» и «Анабасис» Ксенофонта, «Историческая библиотека» Диодора, сочинения Арриана, Курция Руфа и других авторов о походе Александра). Для изучения истории северо-восточной (среднеазиатской) окраины Ирана важно также сочинение Юстина – Помпея Трога.

Особняком стоит священная книга зороастризма *«Авеста»*. Записанная гораздо позже своего создания, она включает в себя разнородные памятники, восходящие к разным эпохам, – от 2-й четверти I тыс. до н. э. (*Гаты* – проповеди Заратуштры и *Яшты* – гимны иранским божествам) до первых веков I тыс. н. э. «Авеста» зафиксировала исторические воспоминания и представления различных эпох истории иранцев, в том числе память об их степной прародине на территории современного Казахстана и о более позднем существовании оседлого общества так называемых авестийских ариев на юге Средней Азии (название их объясняется тем, что именно в их среде оформилась религиозно-историческая традиция «Авесты»).

Активное изучение древней истории Ирана стало возможным после того, как в научный оборот, помимо античных источников, были введены письменные и археологические памятники Месопотамии и Ирана. Среди авторов обобщающих трудов можно назвать **Ж. де Моргана** (кон. XIX в.), **Р. Гиршмана**, **Р. Фрая** (XX в.); выдающимися достижениями мировой иранистики являются первые, посвященные древности тома «Cambridge History of Iran» («Кембриджская история Ирана», 1970-е гг.) и статьи в монументальной, издающейся в Иране при участии ведущих мировых специалистов по его истории «Encyclopaedia Iranica» («Энциклопедия Ирана», издание ее все еще продолжается).

Отечественная школа иранистики сформировалась в середине XX в. (**В. И. Абасов**, **М.**

А. Дандамаев, И. М. Дьяконов, Э. А. Грантовский, В. Г. Луконин, Г. А. Кошеленко, И. В. Пьянков, В. М. Массон, В. И. Сариниди и др.). Особое внимание уделяется социально-экономической проблематике, а также истории и культуре Средней Азии.

Остановимся на наиболее сложных и спорных вопросах древней истории Ирана. Это прежде всего вопрос о локализации и времени распада индоиранской общности, о локализации выделившихся из нее индоарийской и ираноязычной общностей, о реконструкции маршрутов, хода и хронологии их расселения и проникновения в Иран и Индию. В частности, многие отечественные археологи соотносят общеиндоиранский ареал с ареалом андроновской культуры на территории Казахстана (2-я четв. – сер. II тыс. до н. э.). Однако эта гипотеза очень спорна, так как в Северной Месопотамии того же времени уже присутствовали ярко выраженные митаннийские индо-арии, и распад индоиранской общности нужно, таким образом, отнести к куда более раннему времени.

Дискуссионным остается вопрос и о локализации первичных ареалов индоариев и иранцев; лингвист **О. Н. Трубачев** доказывал, что первый из них находился в Предкавказье, однако другие иранисты (прежде всего **Д. С. Раевский**) его аргументы оспаривали. Что касается маршрутов расселения индоариев и иранцев, то распространенные ранее гипотезы об их прямом пути из степей через Среднюю Азию – на юго-восток в Индию и на юго-запад в Иран – представляются несовместимыми с археологическими данными, указывающими на совершенно иной путь – через Кавказ в Северный Иран и далее на восток к Индии и Амударье; существенных же миграций с территории Казахстана на юг, по-видимому, не было.

Дискуссии возникают и в ходе изучения «Авесты»: уточняется ее состав и хронология формирования. Спорным остается вопрос о том, в какой степени воспоминания «Авесты» о былой державе «авестийских ариев» отражают реальную историю. Долгое время обсуждалась проблема локализации этой державы и ее областей, а также смежных областей, упоминаемых в «Авесте» (в общем, можно считать доказанным, что «Авеста» повествует прежде всего о событиях и народах ареала бассейна Амударьи и Хильменда, но более точные реконструкции остаются спорными).

Исключительно сложен вопрос о времени скифских набегов на Ближний Восток и формирования Мидийской державы (VII в. до н. э.): основная трудность здесь заключается в необходимости сопягать подробные, но не всегда внятные (и кажущиеся многим недостоверными) рассказы Геродота с данными ассиро-вавилонских текстов и археологии Ирана и Причерноморья.

Немало споров вызывает зороастрийская проблематика: время и место деятельности Заратуштры, формирования зороастрийского канона, включая «Авесту»; действительный характер оригинального учения Заратуштры («Авеста» содержит множество позднейших наслоений); идентификация «дайвов» – тех злых богов, чей культ Заратуштра призывал запретить; время и ход проникновения его учения в Мидию и Персию; соотношение учения Заратуштры о почитании Ахурамазды с тем почитанием Ахурамазды, которое зафиксировано в надписях Ахеменидов, начиная с Дария I (диапазон мнений тут может простирается от того, что Дарий принял зороастризм, до того, что указанная религия и зороастризм представляют собой независимые версии некоего общего почитания Ахурамазды – «маздеизма»).

Природа и древнейшее население

В древности Ираном (от «Ариана» – «страна ариев») именовалась территория, раскинувшаяся от западных рубежей современного государства Иран на восток и включающая также часть Пакистана, Афганистана и юг Средней Азии. Она ограничена Загросом на западе, Армянским нагорьем на северо-западе, Туркмено-Хорасанскими горами и Копетдагом, пустынями Средней Азии – Каракумами и Кызылкумами, Сырдарьей, Памиром и бассейном Инда на востоке. Центральное место здесь занимает Иранское плато,

значительную часть которого составляют жаркие бесплодные районы. Горы, опоясывавшие и пересекавшие плато, первоначально изобиловали лесом и рудами, но в результате изменения климата на рубеже III–II тыс. до н. э. леса начали постепенно исчезать.

Земледелие здесь по большей части требовало искусственного орошения, для которого лучше всего обеспечена водой была Сузиана (современный Хузестан) – область плодородной долины крупных рек Керхе и Карун на юго-западе Ирана. На территории современного Афганистана добывали многие металлы и минералы, в том числе лазурит, очень ценившийся на Древнем Востоке.

К северо-востоку от Иранского плато находится Туранская низменность, которую пересекала Амударья с ее золотоносным притоком Зеравшан и Сырдарья, а также периодически пересыхающий, но в древности, как правило, функционировавший Узбой – ответвление Амударьи, впадающее в Каспий. Большую часть Туранской низменности занимают пески. К востоку от Иранского плато лежат бассейны рек Мургаб, Теджен-Герируд и Гильменд. Вдоль всех рек тянутся пригодные для земледелия оазисы, особенно богатые в междуречье Амударьи и Сырдарьи.

Иран в древности

В V–IV тыс. до н. э. климат Ирана был более мягким и влажным, чем нынешний. В III и II тыс. до н. э. он стал сухим и жарким, что немало затрудняло связи между наиболее пригодными для жизни областями этого огромного пространства. Это способствовало распаду его некогда непрерывной ойкумены на несколько относительно изолировавшихся друг от друга субрегионов.

В древнейшие времена в Западном Иране жили неиндоевропейские племена, из языков которых хорошо известен только эламский – язык племен Юго-Западного Ирана, родственного языку дравидов. По-видимому, в V–IV тыс. до н. э. племена *эламо-дравидской группы* почти сплошь заселяли все огромное пространство Ирана, Средней Азии и Северо-Западной Индии. Со стороны Закавказья в Иран проникают в конце IV–III тыс. до н. э. представители восточнокавказской языковой группы – племена *кутиев* и *хурритов*. С IV тыс. до н. э. степи, лежавшие к северу от Кавказа и Средней Азии, занимали индоевропейцы *индоиранской группы* – *древние арии*. Во II тыс. до н. э. *индоиранцы* широко расселились на территории Ирана, причем к концу II тыс. до н. э. большую часть ее заняли носители языков иранской ветви этой группы, в то время как индоязычные арии сместились дальше на восток, в Индостан. В течение 1-й половины – середины I тыс. до н. э. большая часть неиндоевропейских аборигенов Ирана была ассимилирована ираноязычными племенами, хотя в виде этнических реликтов они сохраняли прежнюю этническую идентичность в труднодоступных местах вплоть до рубежа I–II тыс. н. э.

Древнейшая цивилизация Ирана. Элам

В IV–III тыс. до н. э. территория Ирана была достаточно плотно заселена родственными друг другу племенами, близкими по происхождению к своим восточным соседям – дравидам долины Инда. К государственности первыми из них перешли племена страны **Элам**, занимавшей юго-запад Ирана (это укоренившееся в науке имя ей дали месопотамцы в подражание эламскому самоназванию «Халтемпт» – «Страна Бога»). Крупнейшими центрами Элама были Сузы на западе, в долине реки Керхе, и Анчан на востоке (современный Тепе-Мальян в Фарсе).

Завершающий импульс государствообразованию эламитов дали шумеры, в IV тыс. до н. э. подчинившие Сузиану и основавшие в Сузах колонию, которая стала центром распространения культуры и политического опыта Месопотамии в Эламе. В это время

эламиты овладели письмом, а с уходом шумеров создали собственное государство, быстро подчинившее почти все Иранское плато. Основными центрами государства стали его колонии, известные по эламским административным документам начала III тыс. до н. э. Внешние владения эламиты утратили уже через несколько веков, но собственное этнополитическое единство и государственность удержали на тысячелетия.

Элам представлял собой федерацию нескольких «стран»-княжеств, то объединявшуюся под властью династии одного из них, то вновь распадавшуюся. Откуда бы ни вышла правящая династия, столицей Элама обычно являлись Сузы – крупнейший город Элама, лежавший в наиболее плодородной части страны и контролировавший пути из Элама в Месопотамию. В фазах прочного объединения эламиты обычно покоряли обширные внутренние районы Ирана, а иногда и значительную часть Месопотамии; в фазах распада страна приходила в упадок, теряла все завоевания и прекращала активную внешнеполитическую деятельность.

Постоянными геополитическими противниками Элама были государства Месопотамии. Причем если могущественные месопотамские империи, такие как державы Аккада и Ура, Вавилония Хаммурапи, Новоассирийская и Нововавилонская державы, быстро добивались устойчивого преобладания над Эламом и часто оккупировали Сузиану, то в периоды хозяйственного и политического упадка Месопотамии перевес в этом противоборстве переходил к эламитами.

Для Элама были характерны архаические обычаи родоплеменной древности, в частности, соправительства-троевластия, браков с сестрами и *левирата* – наследования братом умершему брату с одновременной женитьбой на вдове покойного. Основными ячейками общества являлись большесемейные общины с коллективным землевладением и землепользованием. Однако постепенно они распадались на мелкие частные хозяйства. Особняком стояли царские и храмовые хозяйства. Месопотамские источники рисуют Элам страной демонов и злого колдовства, а его обитателей – жадными до месопотамских богатств грабителями-горцами.

К середине III тыс. до н. э. процессы государствообразования охватили всю территорию Ирана, и она оказалась покрытой десятками «номовых» царств и их объединений, поддерживавших тесные контакты друг с другом и в большинстве своем родственных по этносу и культуре (их народы, как правило, относились к эламо-дравидской общности). В совокупности все эти образования представляли особую региональную ойкумену, посредничавшую в контактах между аналогичными «соседними» ойкуменами – месопотамской и индской, и добившуюся экономического процветания благодаря этому посредничеству и высокому уровню производящего хозяйства. Эти три мира – месопотамский, иранский и индийский – и составляли непрерывный пояс цивилизованных обществ Азии в середине – 2-й половине III тыс. до н. э.

Из этнополитических образований Ирана той эпохи, помимо Элама, следует упомянуть *Аратту* в Центральном Иране, а также известную своими контактами с Шумером особую этнокультурную общность на севере Ирана, занимавшую Сиалк и Гиссар и оставившую памятники так называемой *астрабадской бронзы*. Предположительно это были племена *кастиев*, от которых еще в глубокой древности получило свое название Каспийское море. Кроме того, в горах Загроса жили племенные объединения *кутиев* и *луллубеев*, в Юго-Восточном Иране возникло могущественное царство *Варахше*, контролировавшее все территории между Эламом и зоной Индской цивилизации, а на северо-востоке Ирана существовала обширная культурная область Анау – *Намазги* (страна *Харали* в месопотамских источниках). Территории, лежавшие далее на восток, входили в сферу культурных влияний дравидов Индской цивилизации, порой простиравших свою власть до Амударьи.

В XXIII в. до н. э. западная и южная части этой древнейшей иранской ойкумены (в том числе регион Загроса, Элам, Варахше и Аратта) подверглись военному натиску Аккадской державы и временами признавали верховное владычество ее царей, от Саргона до

Нарамсуэна. Однако прочной власти над этими территориями аккадские цари так и не добились. Держава III династии Ура в XXI в. до н. э. ценой многократных военных походов установила временный контроль над западноцентральной Ираном и Эламом, однако вскоре Элам восстал против ее власти и после ожесточенной войны уничтожил Урскую державу: эламиты разгромили ее столицу Ур и угнали в плен последнего царя Ура Иббисуэна (2003 г. до н. э.).

Около 1775–1765 гг. до н. э. при царе **Сивепалархупаке** Элам, вмешавшись в усобицы месопотамских царей, даже осуществлял верховное владычество почти над всей Месопотамией, в том числе над знаменитым Хаммурапи Вавилонским. В это время эламитов стали призывать на помощь друг против друга уже и сирийские князья. Объединенная эламо-месопотамская армия под командованием эламского династа **Кутир-Лагамара** совершила вылазку в Восточное Средиземноморье вплоть до Заиорданья (вспоминание об этом сохранилось в Библии, Быт. 14). Однако этот высший взлет эламской мощи оказался эфемерным. В 1764 г. до н. э. Хаммурапи сверг эламское господство, в длительной войне разбил эламитов и их союзников и сам оккупировал Сузиану.

В XVIII–XVII вв. до н. э. древнейшая цивилизованная ойкумена Ирана перестала существовать в результате массового переселения индоевропейцев-ариев (индоиранцев) и вызванных их натиском цепных смещений самого аборигенного населения. Эта же цепь переселений погубила на своем излете Индскую цивилизацию. Тогда была полностью уничтожена североиранская культурная общность «астрабадской бронзы», бежали на восток носители культуры Намазги, запустели и другие старые центры. Сохранились только окраинные государства прежнего Ирана – загросские «номовые» княжества, Элам и Варахше. Вторая волна индоиранского расселения в регионе (сер. – 3-я четв. II тыс. до н. э.) привела к тому, что и из них уцелел только один Элам. Прочих индоевропейцев Ирана пришельцы-арии частично истребили, но в основном ассимилировали или оттеснили в труднодоступные и малопродуктивные местности, где они в качестве племенных реликтов просуществовали еще много столетий. Так, еще в середине I тыс. до н. э. Белуджистан был заселен родственными дравидам аборигенами, известными греческим историкам как «азиатские эфиопы».

Элам в конце II тыс. до н. э. переживал новую пору расцвета, связанную с тем, что в стране на время было установлено единодержавие и единонаследие царей вместо привычного соправительства. В конце XIII в. до н. э. Элам совершал успешные набеги на Касситскую Вавилонию, а в середине XII в. до н. э. совершенно опустошил и частично оккупировал ее, одновременно нанеся победоносный удар Ассирии (при династии Шутрукидов, ок. 1205–1075 гг. до н. э., в том числе **Шутрук-Наххунте**, 1185–1145 гг. до н. э., **Кутир-Наххунте III**, 1145–1140 гг. до н. э. и **Шилхак-Иншушинаке**, 1140–1120 гг. до н. э.). В это время экспансия Элама достигла своего апогея, а сам он в наибольшей степени приблизился к обычному типу ближневосточной империи. Однако неожиданно воспрянувшие вавилоняне смогли при Навуходоносоре I разбить эламитов близ Дера (ок. 1115 г. до н. э.) и так разгромить Элам, что это государство на 300 лет исчезло из месопотамских источников.

К середине XI в. до н. э. Эламское царство распалось. *Новое общеэламское царство*, династия которого возводила себя к Шутрукидам, но при этом восстановила режим троевластия, было создано только около середины VIII в. до н. э. и никогда не могло полностью преодолеть раздробленность страны. Его внешнеполитическая история – история непрерывных войн с Ассирией, которые, несмотря на прочный антиассирийский союз Элама с Вавилонией, шли в целом неблагоприятно, а после разгрома Вавилона в 689 г. до н. э. – катастрофически для Элама. Внутренняя история изобиловала смутами, дворцовыми переворотами и соперничеством соправителей. В итоге около середины VII в. до н. э. ираноязычные племена персов захватили один из важнейших регионов страны – Анчан, а в 644 г. до н. э. Элам был временно аннексирован Ассирией.

Персидский данник из Элама. Рельеф (ок. 500 г. до н. э.)

В период ослабления и кризиса Ассирии около 624 г. до н. э. Эламское царство было восстановлено, однако вскоре оно признало верховную власть мидян, а в конце 590-х гг. до н. э. под ударами Навуходоносора II Вавилонского потеряло Сузиану, а в 549 г. до н. э. Кир Великий превратил его в сатрапию Персидской державы, что и подвело черту под трехтысячелетней историей эламской государственности. Тем не менее иранизация основной массы эламитов произошла не ранее I в. н. э., а их родной язык сохранялся вплоть до X в. н. э. Иранизированными потомками эламитов являются современные горцы Юго-Западного Ирана – бахтиары и луры.

Общество и культура древних ариев

Современное население Ирана и Индии в большинстве своем этнически происходит от особой ветви индоевропейцев – носителей языков так называемой индоиранской группы индоевропейских языков, делящейся, в свою очередь, на две подгруппы – иранскую и индоарийскую. Выяснение прародины общеиндоиранского единства, истории его распада на общности индо-ариев и ираноязычных племен, их местообитания и хода расселений – одна из самых сложных проблем в истории древности. Общепринятого и вполне доказанного решения этих проблем в настоящее время не существует. Достаточно уверенно можно говорить лишь о том, что к концу III тыс. до н. э. индоиранское этноязыковое единство еще существовало и занимало обширные пространства степей, тянувшихся от Дуная до Алтая через Северное Причерноморье и современный Казахстан.

В конце III – начале II тыс. до н. э. внутри этого единства обособились друг от друга протоиранская и протоиндоарийская племенные общности, в результате чего их языки к середине II тыс. до н. э. окончательно разделились на индийские и иранские. Общим самоназванием индоиранцев, сохранившимся у обеих ветвей, было *ариш*, что значит «ритуально чистый, лучший человек». Такие термины с дословным значением «настоящие люди» принимали в качестве самоназвания многие этнические группы древности.

Древние арии этого времени были скотоводами, стоявшими на предгосударственной стадии развития. Ранее их главным занятием было земледелие, об этом свидетельствует индоевропейская земледельческая терминология, долгое время сохранявшаяся у них. Но из-за климатических перемен оно отошло на второй план.

В течение II тыс. до н. э. племена ариев несколькими волнами расселились на юг, заняв территории Ирана и Северной Индии. Археологические и лингвистические материалы позволяют исследователям утверждать, что иранцы попали в Иран скорее через Кавказ, чем из Средней Азии. По-видимому, в начале II тыс. до н. э. предки индоариев расселялись в западной части степей, в Предкавказье, а предки ираноязычных племен – на востоке. Судя по реликтовым представлениям, уцелевшим в «Авесте» – священной книге зороастризма – поздней религии иранцев, изначально известный ираноязычной традиции мир простирался от Алтая и Тянь-Шаня до бассейна Волги с востока на запад и от Западно-Сибирской равнины до Амударьи с севера на юг. Это огромное пространство делилось на семь частей, центральной из которых была Хванирата – родина самих иранцев. Археологически это время господства *катакомбной культуры* между Днепром и Кавказом.

В XVIII–XVII вв. до н. э., как показывают данные раскопок, происходит массовое переселение племен через Кавказ на юг, по маршруту Предкавказье – Северный Иран – далее на восток вплоть до Инда. Решающую роль в нем сыграли, по-видимому, протоиндоарии Предкавказья. На своем пути они разорили аборигенов Ирана, те, в свою очередь, сместились на восток, тесня друг друга и вызывая новые цепные переселения. В итоге возникла *полоса индоарийского расселения*, простиравшаяся от Кавказа через северно-центральный Иран и Афганистан до рубежей Индии, которых достигли передовые

отряды индоарийской миграции.

По дороге некоторые группы индоариев отстали от основного потока. В частности, одна из них в это время попала на Армянское нагорье и поселилась на Верхнем Евфрате, у рубежей Верхней Месопотамии. Переднеазиатские источники XVIII–XVII вв. до н. э. называют ее «воины манда» (в науке они известны как переднеазиатские арии). Отсюда арии-«манда», слившись с хурритами, проникли в хурритский мир. Из их среды в XVII–XVI вв. до н. э. вышли династы Митанни и некоторых царств хурритской Палестины. За верхнеевфратской областью ариев сохранилось название «Манда», и правивший ею много веков спустя армянский княжеский род назывался по ней Мандакуни. Часть индоариев так и осталась в Предкавказье и существовала там еще в античную эпоху (как показали исследования О. Н. Трубочева, реликтовыми индоариями оказались хорошо известные по античным источникам синды и меоты).

В результате во 2-й четверти – середине II тыс. до н. э. зона протоиндоарийского расселения лежала в основном к югу от линии Кавказ – Каспий, а протоиранская – к северу от этой линии, так что между ними образовался существенный территориальный разрыв. Именно в это время их языки, по-видимому, разошлись окончательно. Для степи это было время существования двух главных археологических культур: *многоваликовой* в степях к западу от Урала – Волги и *андроновской* на территории Казахстана. Есть все основания связывать андроновскую культуру с общеиранским этнокультурным единством.

В XVI/XV–XIV вв. до н. э. происходит *второе крупное переселение древних ариев* примерно по тому же маршруту, что и первое. Андроновские племена продвигаются из-за Волги на запад и, смешиваясь с местными племенами, образуют здесь особую *срубную культуру*, в то время как к востоку от Волги продолжается собственно андроновская традиция.

Одновременно ираноязычные племена распространяются из-за Кавказа в Северо-Западный и Северный Иран. Эти племена уже знают железо, и для них характерна особая серая керамика. В конце этого периода миграций ираноязычные племена продвинулись через Иран на восток вплоть до позднейшей Бактрии и долины Амударьи включительно. (Само название «Бактрия», возможно, означает по-ирански «восточная страна», так как сюда иранцы пришли с запада.) Вероятно, именно под их постепенно усиливающимся давлением индоарии и смещаются в Северную Индию в XIV–XIII вв. до н. э.

В Иране индоарии были в основном вытеснены или ассимилированы своими пришлыми ираноязычными родственниками, хотя на стыке их ареалов сохранялась некая область смешанного иранско-индоарийского заселения, занимавшая значительную часть современного Афганистана. Так, одна и та же территория с центром в позднейшем Кандагаре известна по индийским источникам как индоарийское царство Камбоджа, а по иранским – как страна с иранским названием Харахвати (античная Арахосия). По индоарийской именователю основе «камбодж-» вообще можно опознать трассу индоарийских миграций (ср. область Камбисену в Восточном Закавказье, упоминаемую античными авторами, царское имя Камбуджия [Камбиз] у персов и упомянутое царство Камбоджа на территории современного Афганистана, не говоря о занесении индийскими колонистами этого названия на территорию Индокитая, откуда пошло современное употребление этого названия).

В результате второго цикла арийских миграций расселение ираноязычных племен приняло следующий вид, сохранявшийся в общих чертах в конце II – начале I тыс. до н. э.: 1) к востоку от рек Урал и Волга обитали носители андроновской культуры – предки скифо-сакских племен, известных прежде всего по античным данным, и племен *тура*, о которых повествует «Авеста»; 2) степь к западу от Урала и Волги занимали носители срубной культуры – непосредственные предки племен, которых греки обобщенно именовали «киммерийцами»; 3) большая часть западно-центрального и Северного Ирана была занята общностью, из которой позднее вышли мидийские и персидские (западноиранские) племена;

4) при Амударье – Хильменде обособилась группа племен, получившая в науке название *авестийские арии* (сами себя они называли «арья», свою территорию – «Арйанам-Вайджа», досл. «Простор Ариев», и «Арйошяна», досл. «Страна Ариев», и именно с ними происходили события, отраженные в «Авесте», ядро которой формировалось в их же среде).

Авестийские арии были потомками авангардной, дальше всего продвинувшейся на восток части того же миграционного потока, основная часть которого, оставшаяся в Центральном Иране, была представлена мидо-персидскими племенами. Однако авестийские арии, продвигаясь на восток, оторвались от своих западноиранских родственников и оказались отделены от них областями Юго-Восточного Прикаспия (Варна в авестийской терминологии), где обитали аборигены, которых авестийская традиция описывает как страшных и могущественных врагов, и соляной пустыней Дешт-и-Кевир. Это не позволяло авестийским ариям поддерживать контакт с ираноязычными племенами Иранского плато и привело к тому, что в следующие века они развивались независимо друг от друга.

В результате постепенной ассимиляции аборигенного населения Ирана ираноязычными племенами все пространство между Тигром, Индом и Амударьей около середины I тыс. до н. э. стало именоваться Арйана (досл. «Арийская [земля]»; поздней формой этого слова и является современное «Иран»).

Для ранних иранских (как и индоарийских) обществ характерна одна и та же, восходящая к общеиндоиранской практике, *трехсословная организация*: общество делилось на наследственные сословия жрецов, воинов и рядовых общинников – скотоводов и земледельцев. На уровне племенных союзов соответствующие роли часто присваивались целым племенам: так, в шестиплеменном союзе мидян жреческие функции были монополизированы племенем магов (откуда значение слова «маг» в европейских языках).

Менталитету индоиранцев была присуща ритуально-языковая этническая самоидентификация: те, кто осуществлял правильные ритуалы на чистом языке, почитая соответствующих богов, считались этнически «своими» независимо от кровного родства. Это существенно облегчало ассимиляцию аборигенного населения. Жрецы являлись наиболее почитаемым сословием, но власть вождя (впоследствии царя), согласно нормативному кодексу, должен был осуществлять кто-либо из сословия воинов. Вождь и рассматривался в первую очередь как глава военной организации племени.

Религиозные представления индоиранцев реконструируются по данным о верованиях отдельных индоиранских народов. Боги делились на два «класса» – *дайвов* и *ахур* (инд. асуры), в какой-то мере противопоставленных друг другу. Аналогичное деление известно во многих мифологиях, в том числе в шумеро-аккадской. К началу II тыс. до н. э. у индоариев и независимо от них у иранцев это деление было переосмыслено как ценностное: боги одного из «классов» стали рассматриваться как «добрые» (распространяющие радость, жизнь, созидание), а другого – как «злые» (насаждающие смерть, страдания и разрушения). При этом иранцы считали ахур добрыми богами, а дайвов злыми, в то время как индоарии – наоборот. Соответственно наиболее могущественные и однозначно благодетельные боги, как, например, *Митра*, бог солнца и человеческой справедливости, охранитель клятв, зачислялись разными народами в разные категории: у иранцев Митра – ахура, у индоариев – дайва. Все индоиранцы почитали *Яму* (Йиму), первопрядка человечества и владыку Царства мертвых, а также поклонялись ветру, солнцу, луне и огню. Исключительное значение придавалось ритуальным формулам и правильному их произнесению.

Иран в начале I тыс. до н. э. Мидийская держава

Первая половина I тыс. до н. э. была временем нарастающей иранизации аборигенного населения и на западе, и на востоке Ирана. На основе взаимодействия пришлых иранцев с местными кутийско-каспийскими племенами к началу IX в. до н. э. в долине реки Кызыл-Узен и сопредельных областях сложился *мидийский союз племен* («Мадай» в ассирийских источниках). Его территория рассматривалась как некий срединный,

центральный ареал мира ираноязычных племен Иранского плато. Области племен, живших к западу, югу и востоку от мидян, получали названия от иранского корня «парс» (досл. «бок»), т. е. «Окраинная земля, Украина» по-ирански. Известны три такие иранские «Украины»: *Парсуа* в долине Дияла, *Парса-Персия*, лежавшая при Загросе, между Мидией и Эламом, и *Парфия* в предгорьях Копетдага.

История мидян и всего Западного Ирана в течение нескольких веков сводилась в основном к обороне от ассирийских нашествий. В 834–788 гг. до н. э. ассирийские войска систематически вторгались на территорию мидян. К концу этого периода при Семирамиде (Шаммурамат) и Ададнерари III (810–783 гг. до н. э.) Ассирии покорились все земли региона вплоть до Каспия и Дешт-и-Кевира. Только резкое ослабление Ассирии под ударами Урарту в 770-х гг. до н. э. привело к освобождению Мидии. Однако новая череда ассирийских походов (744–737 гг. до н. э.) привела к вторичному включению мидийского союза и соседних областей в Ассирийскую державу, причем на этот раз уже в виде провинций, а не зависимых владений.

На Востоке, при Амударье – Хильменде, в начале I тыс. до н. э. сложилась, по-видимому, *ранняя держава авестийских ариев*. Ее цари носили титул «кави» (первоначально – верховный жрец, руководитель общинного культа и тем самым всей общины), что свидетельствовало об их связи с общинными структурами. Оседлые авестийские арии вынуждены были постоянно обороняться от совершавших на них набеги с севера кочевников – *тура*, потомков андроновских племен. Воспоминания о царях авестийских ариев (в науке за ними укрепилось обозначение «кейаниды», от поздней формы слова «кави») и их борьбе с тура образуют один из важнейших содержательных пластов «Авесты». «Линия фронта» этой борьбы, пролежавшая между Амударьей и Сырдарьей, хорошо известна по археологическим данным: это граница между южным и северным вариантами археологической культуры раннего железного века Средней Азии. Авестийские арии совершали походы и на запад, против неиндоевропейских аборигенов Юго-Восточного Прикаспия (страна «Варна» в «Авесте»), но не добились здесь успеха. В результате эти области были иранизированы пришельцами из центральноиранского очага расселения иранцев.

Важной вехой в истории и запада, и востока Ирана стало большое цепное *переселение степных кочевых иранцев*, начавшееся около 3-й четверти VIII в. до н. э. Существенные, хотя и неполные сведения о нем сообщает Геродот. В целом миграции, занявшие несколько десятилетий, были направлены с востока, от Алтая и Тянь-Шаня, на юго-запад – в Среднюю Азию и на запад – за Волгу и на Кавказ. Сталкивая и разбивая друг друга, кочевые племена с восточной окраины степного ираноязычного ареала, обобщенно именующиеся у греков «скифы», а у персов «саки», устремились в указанных двух направлениях, иногда сами раскалываясь по дороге. К их числу относились в первую очередь собственно скифы (так называемые скифы царские или просто «скифы» у Геродота) и массагеты.

Группа «скифов», о которой сообщает Геродот, перешла Волгу и, обрушившись на местные ираноязычные племена, известные как киммерийцы, заставила часть их уйти на юг от Кавказа (ок. 720 г. до н. э.), а остальную подчинила, добившись доминирования в Северном Причерноморье и Предкавказье. После этого все ираноязычные кочевники этого региона стали обобщенно именоваться по новой доминирующей силе скифами, точно так же, как ранее они именовались киммерийцами по предыдущему доминирующему племени.

Киммерийцы ушли в Переднюю Азию и держались в Западном Закавказье и Восточной Малой Азии около 80 лет, опустошая своими набегами Анатолию от Урарту до Эгейского моря и нападая на границы Ассирии. В 675 г. до н. э. киммерийцы разрушили Фригийскую державу.

Около 680 г. до н. э. часть предкавказских скифов перевалила Кавказ и основала собственное царство на северо-западном рубеже Ирана. Население этого царства было позднее известно Геродоту как «прямошапочники», в то время как некие «прямошапочные саки» – другая ветвь той же самой племенной общности скифов, о которой повествует

Геродот, фиксируются надписями Ахеменидов уже на территории Средней Азии, куда они, как видно, попали, рано отделившись от основного маршрута своей племенной группы, описанного у «отца истории».

Массагеты заняли степи между Каспийским и Аральским морями, включая бассейн Узбоя. В ходе того же цикла миграций кочевники-тура разгромили державу авестийских ариев, распавшуюся на несколько царств, крупнейшим из которых было Бактрийское, считавшееся в VI в. до н. э. одной из великих держав Азии. Но и сами тура исчезли из истории, сменены новой, «скифо-сакской» волной ираноязычных кочевников.

О киммерийцах и скифах в Передней Азии мы знаем прежде всего по месопотамским источникам, где всех этих кочевников обобщающе именовали то «гимиррай» (по киммерийцам, явившимся на юг от Кавказа первыми), то старым термином, обозначающим варваров из-за северного края мира, – «умман-манда». Появление Скифского царства на северо-западе Ирана угрожало ассирийскому могуществу и дало импульс к новому витку государствообразования у мидян.

Уже в 673 г. до н. э. мидяне, подвластные Ассирии, с помощью скифов свергли ассирийское господство и сформировали самостоятельное государство со столицей в Экбатанах. Первым его царем стал **Хшатрита** (ок. 673–653 гг. до н. э.). **Мидия** быстро объединила Северный Иран, но скифы неожиданно заключили союз с Ассирией. Когда Хшатрита в 653 г. до н. э. напал на нее, угрожая Ниневии, скифы разгромили его и подчинили себе Мидию, после чего стали главной силой на севере Передней Азии.

В следующее десятилетие скифы контролировали значительную часть Закавказья, опустошали набегами Урарту и большую часть Малой Азии, где полностью уничтожили киммерийцев (кон. 640-х гг. до н. э.), а затем обратились против самой Ассирии и безнаказанно разорили ее западные провинции (630-е гг. до н. э.). В это время скифам никто не мог противостоять на всем Ближнем Востоке, однако это могущество оказалось эфемерным. В 625 г. до н. э. вожди скифов были истреблены во время какого-то праздника взбунтовавшимися против них местными предводителями. Впоследствии этот подвиг приписывался обычно правителю Мидии Киаксару.

Все покоренные скифами страны немедленно обрели независимость, и больше всех от этого выиграла Мидия. **Киаксар**, правивший как независимый царь в 625–585 гг. до н. э., организовал по ассирийскому образцу новую, регулярную армию, заменив ею бывшее племенное ополчение, и приступил к собственным широкомасштабным завоеваниям. В первое же десятилетие своего правления он покорил большую часть Иранского нагорья, в том числе Персию и Элам.

Ассирия, вечный враг мидян, в это время все больше увязала в войне с восставшей против нее Вавилонией; Киаксар вмешался в эту войну, в 615 г. до н. э. напал на Ассирию, а в 614 г. до н. э. заключил антиассирийский союз с вавилонянами и разрушил древнюю столицу Ассирии – Ашшур. К 605 г. до н. э. Ассирия была полностью уничтожена, а ее территория поделена между Вавилонией и Мидией, присоединившей к своим владениям северную полосу Верхней Месопотамии, в том числе область Ниневии и крупнейший город Верхней Месопотамии Харран. Одновременно Киаксар покорил государства Армянского нагорья, в том числе Скифское царство, Урарту и древнеармянское государство Армину.

Как часто бывает, Вавилония и Мидия, разделив ассирийское наследство, вскоре оказались на грани войны друг с другом. В 590-х гг. до н. э. начались приграничные столкновения. Царь Элама, являвшийся вассалом Мидии, напал на Вавилонию, но был разгромлен Навуходоносором II, захватившим Сузиану. Полномасштабный конфликт казался неизбежным, но обе стороны втянулись в другие войны: Вавилония – с Египтом, а Мидия – с Лидией (Лидия попыталась, воспользовавшись напряженной ситуацией, оспаривать у Мидии влияние на Армянском нагорье, укрыла орду скифов, взбунтовавшуюся против Киаксара, и заключила союз с Арминой, на все это Киаксар немедленно отреагировал войной).

Решающая схватка Ирана и Вавилонии была отсрочена на полвека, а необычайно

кровавопролитная война Мидии с лидийцами (590–585 гг. до н. э.) шла с переменным успехом. Завершилась эта война сражением, во время которого случилось солнечное затмение. Обе стороны сочли это знаменем и заключили компромиссный мир, скрепленный браком сына Киаксара и индийской царевны. Граница между державами была проведена по реке Галис, к Мидии, таким образом, отошла Каппадокия.

Ближний и Средний Восток в середине VI в. до н. э.

Киаксар оставил в наследство своему преемнику **Астиагу** (585–550 гг. до н. э.) огромную централизованную державу с хорошо организованным государственным аппаратом, включая корпорацию государственных жрецов-магов. Большую же часть присоединенных территорий мидяне поделили на свои наместничества-сатрапии, и лишь немногие области – Армина, Персия и Элам – были оставлены на вассальном положении. Еще важнее было то, что в 613 г. до н. э. Киаксар, по-видимому, сменил титул «царь Мидии» на титул «царь народов» и принял совершенно новую концепцию государства как мировой деспотии, где царская власть была принципиально неограничена, универсальна, стояла над любыми национально-государственными традициями, в том числе собственного народа, и претендовала на весь мир. Эту концепцию от мидийских царей позже унаследовали Ахемениды.

«Мировая» держава Ахеменидов

В горном краю между юго-восточными рубежами Мидии и Эламом еще в IX в. до н. э. сформировался союз ираноязычных племен, чья область обитания называлась «Парсой» (откуда античное «Персия»), т. е. «окраиной». Сам этот союз вошел в историю под названием «персы». В VII в. до н. э. его возглавляли наследственные вожди из рода Ахеменидов – потомков некоего **Ахемена** (ок. 700 г. до н. э.). Внук Ахемена **Кир I**, воспользовавшись ассирийским разгромом Элама, в 640-х гг. до н. э. занял важнейшую эламскую область – Анчан (античная «Персида», современный Фарс), перевел туда большую часть персов и одновременно, чтобы обезопасить свои владения, признал себя вассалом Ассирии. Позднее Ахемениды попали в зависимость от Мидии.

В 553 г. до н. э. очередной династ-Ахеменид **Кир II**, объединив вокруг себя все персидские племена, поднял их на мятеж против мидийского царя Астиага и после трех лет рискованной войны в 550 г. до н. э. низверг его и захватил престол Мидийской державы – отныне державы Ахеменидов. Ее государственный строй и имперская политическая концепция не претерпели особых изменений, лишь «имперским народом» вместо мидян стали персы, а правящей династией – Ахемениды. Впрочем, часть мидийской знати сохранила свое положение. Характерно, что еще три четверти века спустя, во время греко-персидских войн, эллины обобщенно называли население державы Ахеменидов мидянами, а сами эти войны – мидийскими.

Гробница Кира II в Пасаргадах

Мидийская столица Экбатаны осталась одной из царских резиденций державы наряду с персидскими Пасаргадами. Официальным названием всей державы стало «Царство Персии и стран», т. е. «мировое государство». Из числа персов отныне выходила высшая знать, и они были освобождены от налогов. Кир II был безусловным харизматическим лидером, гениальным государственным строителем и полководцем, бесстрашным, динамичным и безгранично честолюбивым человеком, хотя при этом он славился великодушием,

щедростью, простотой в общении с подданными, охотно щадил побежденных врагов. Персы еще много десятилетий спустя называли его Отцом. Выходец из среды племенных вождей, по отношению к персидской знати Кир в большей степени был патриархальным предводителем, чем деспотом-автократом.

Захватив Мидийскую державу, Кир немедленно перешел к невиданным дотоле завоеваниям. В 549–548 гг. до н. э. были аннексированы все бывшие владения Мидии, не доставшиеся Киру во время войны с Астиагом, в том числе Элам. В 547 г. до н. э. царь Лидии Крез напал на державу Ахеменидов, но потерпел полное поражение, после чего не только Лидия, но и вся Малая Азия, вместе с прибрежными греческими городами, попала под власть персов. В следующие несколько лет Кир обратился на восток и подчинил политические образования Восточного Ирана – осколки былой общности «авестийских ариев», в том числе крупное царство Бактрию с его владениями в Согде, а вместе с ним ближайшее индоарийское царство Гандхару и припамирских кочевников саков-хаумаварга. Границы державы были доведены до Средней Сырдарьи и Верхнего Инда.

В 539 г. до н. э. Кир двинулся в поход против Вавилонии и овладел ею без особого труда. Городская верхушка Вавилона и часть знати готова была видеть в нем покровителя и освободителя от тирании собственного царя. С падением Вавилона Киру достались и все его владения вплоть до Средиземного моря. В 530 г. до н. э. он вернулся на восточные границы своего государства и обратился против приузбойских кочевников-массагетов, но в решающей битве потерпел полное поражение и погиб сам. По преданию, царица массагетов бросила отрубленную голову Кира в бурдюк, наполненный кровью, со словами: «Ты хотел крови, Кир, пей же ее досыта!»

Киру наследовал его старший сын **Камбиз**, завоевавший в 525 г. до н. э. Египет. Как и в Вавилоне, значительная часть египетской знати поддержала персов. Этому не помешали даже жестокие казни, учиненные Камбизом во взятой египетской столице Мемфисе. С покорением Египта его соседи – ливийцы и греки Киренаики – подчинились Камбизу. Он оставался в Египте до 522 г. до н. э., когда в Персии произошел политический переворот. Возглавил его человек, который объявил себя младшим братом Камбиза, Бардией. Камбиз двинулся против него, но внезапно умер при загадочных обстоятельствах, а узурпатор был повсеместно признан царем.

Бардия начал проводить политику, направленную на уничтожение исключительного положения персидской знати как знати «имперского народа» и на обеспечение поддержки населения присоединенных территорий. Иными словами, он хотел сломить единственную силу, способную на тот момент фактически ограничивать власть царя, – персидскую знать и опереться на завоеванные владения, чья воля и возможности противостоять царю были ничтожно малы.

Дарий I на троне. Рельеф (ок. 500 г. до н. э.)

Персидская знать оказала Бардии сопротивление, и в том же 522 г. до н. э. царь был убит заговорщиками – представителями семи знатнейших родов персидской аристократии. По их соглашению престол получил один из них, представитель младшей ветви рода Ахеменидов **Дарий** (Дарий I, 522–486 гг. до н. э.). Привилегии персидской знати были восстановлены, а погибшего царя Дарий официально объявил самозванцем, мидийцем Гауматой из племени магов, обманно выдававшим себя за Бардию. Настоящий же Бардия был якобы тайно убит по приказу Камбиза еще в начале его правления. Скорее всего, это ложное утверждение: в трагедии Эсхила «Персы» свою жертву сам Дарий называет «Бардией, опозорившим трон». Такую оценку этого правителя греки могли слышать только от сторонников Дария, но тогда выходит, что и последние в неофициальной обстановке признавали убитого Бардией.

После двух государственных переворотов в течение одного года и свержения Бардии,

популярного в присоединенных странах, многие из них (а также и сама Персида!) восстали против Дария и выдвинули собственных правителей. В течение года с небольшим Дарий и его полководцы, действуя с необычайной быстротой и напряжением сил, смогли подавить все многочисленные восстания. Об этом достижении Дарий составил особый манифест, содержащий официальную версию предпринятого им переворота. Манифест был высечен на огромной скале (так называемая Бехистунская надпись) и в копиях разослан по всей империи.

Восстановив державу Кира и Камбиза, Дарий попытался упрочить свое положение на престоле серией новых завоеваний, подчиненных грандиозному замыслу – захватить чуть ли не весь известный Ахеменидам мир. В 519 г. до н. э. он покорил присырдарьинских «прямошапочных саков», в 517 г. до н. э. – долину Среднего и Нижнего Инда и остров Самос, около 516–515 гг. до н. э. – Фракию и Македонию с прилежащими греческими городами.

Около 514 г. до н. э. Дарий с огромной армией двинулся на северо-восток от Дуная, намереваясь покорить причерноморские степи и, видимо, вернуться в Иран с востока, замкнув круг ахеменидских владений. Но, дойдя до Северного Приазовья, он был вынужден повернуть назад и едва смог вывести остатки своих войск за Дунай. Воевать в бескрайних степях, не имея баз снабжения, с неуловимой скифской конницей оказалось невозможным. Впрочем, какие-то незначительные территории севернее Нижнего Дуная (на территории современной Румынии), частично населенные скифами, остались за персами, и Дарий официально хвалился покорением «заморских саков».

К 500 г. до н. э. были покорены еще кочевники-дахи («саки засогдийские») на Сырдарье и высокогорья в верховьях Инда (Акауфака). Однако начавшееся в 500 г. до н. э. восстание ионийских городов втянуло персов в неудачную войну с балканскими греками и прекратило дальнейшие завоевания Дария. Борьба с греками привела к тому, что персы лишились большей части своих европейских владений. В 486 г. до н. э. Дарий умер, оставив своего сына Ксеркса разрешать конфликты с греками.

Держава Ахеменидов

Внутри страны Дарий провел серию *административных реформ*, которые привели к той самой цели, которой пытался добиться Бардия, – ограничивая персидскую аристократию, поставить царскую власть неизмеримо выше нее. Дарий избрал для этого собственный путь: он сохранил за персами их старые привилегии, но существенно увеличил прочность и ресурсы самой царской власти. Он организовал 20 сатрапий, границы которых не совпадали с границами исторически сложившихся областей, и оставил за наместниками-сатрапами только гражданские функции, отобрав у них военные полномочия и передав их особым командующим, подчинявшимся не сатрапу, а напрямую царю. Десятитысячная гвардия «бессмертных», названная так, потому что выбывшие гвардейцы тут же заменялись новыми, и много десятков тысяч воинов в других отрядах стали надежной опорой царского могущества. Чиновничий аппарат был существенно увеличен и разветвлен, причем в государственных канцеляриях дела велись по-арамейски, алфавитным письмом. Была создана особая служба тайной полиции, которая включала контролеров с чрезвычайными полномочиями («глаза и уши царя»).

Большое внимание в огромной державе уделялось связи: были проложены новые и улучшены старые дороги, налажена государственная эстафетная почта, вдоль дорог сооружены укрепленные пункты, своего рода «блок-посты». Были упорядочены и приведены к единообразию законы, действовавшие в различных областях империи.

Особую важность имела *налоговая реформа* Дария: для каждой сатрапии впервые устанавливались строго фиксированные суммы податей, не изменявшиеся до конца

существования державы Ахеменидов. Хотя общая сумма податей со всей империи доходила до громадных размеров, но из-за большой численности населения державы в пересчете на человека она обычно оказывалась не особенно обременительной.

Ахеменидские воины. Рельеф (ок. 500 г. до н. э.)

При Дарии все подати, которые ежегодно платила держава в царскую казну, составляли 232 т серебра (не считая более 8 т золота, которые вносила одна Индия, добывавшая его с территорий золотоносной пустыни Тар), что равнялось 41,4 млн вавилонских серебряных сиклей (весом 5,6 г). При этом в Месопотамии ежедневный паек раба (т. е. минимальная сумма трат на одного человека в день, позволяющая ему выживать на грани недоедания) был равен по стоимости примерно 1/30 вавилонского серебряного сикля или, что то же самое, 5 л ячменя, а на земляных и строительных работах платили по 2,5–4 сикля в месяц. Учитывая примерную численность населения державы, даже самый низкооплачиваемый работник (которому платили в день не больше, чем выдавали рабу), чтобы заработать на подать (если даже считать, что ее раскладка была равной и независимой от дохода, что невероятно), должен был потратить всего лишь около 1/12 – 1/10 своего общего рабочего времени, а землекоп или строитель – менее 1/30. Поэтому греки, например, находили, что даже заурядные жители Персидской державы чересчур изнеженны и непривычны к тяжелому труду.

Для всей империи царем была введена новая основная монета – золотой дарик весом 8,4 г. Чеканка денег являлась государственной монополией. Государство, со своей стороны, обеспечивало чистоту дарика, и примесей в нем было не более 3%. Все это давало казне огромные доходы, намного превышавшие затраты на армию, строительство и двор. Излишки накапливались в царской казне в виде неисчислимых слитков драгоценных металлов.

Прочный имперский мир, установленный Ахеменидами на огромных пространствах Азии, способствовал развитию хозяйства и торговли. Священной столицей империи при Дарии стал Персеполь, административной – Сузы, в меньшей степени Экбатаны и Вавилон, где царь пребывал летом и осенью. Реформы Дария сделали царскую власть настолько могущественной, что он мог обращаться с персидскими аристократами как ему заблагорассудится. Не случайно персидская знать недолго любила его, отрицательно относилась к его реформам и прозвала за них Дария «торгашом».

Однако в империи Дарий слыл справедливым царем (эта его репутация отражена даже в «Персах» грека Эсхила, младшего современника Дария, который сам сражался против персов), и этому не мешало то, что он порой свирепо расправлялся с ослушниками или лицами, обращавшимися к нему по своей инициативе с незаконными просьбами.

Согласно Геродоту, некий Эобаз, царский приближенный, у которого по закону все три сына должны были быть призваны в армию для похода на скифов, пользуясь своей близостью к царю, просил Дария оставить ему хоть одного сына, освободив того от призыва. Разъяренный в душе Дарий ответил, что оставит ему всех троих сыновей – и действительно оставил, но казненными.

Привычка персов считать ложь мировой стихией зла приводила к тому, что они не раз прибегали к таким изощренно-издевательским и жестоким, но формально не нарушающим данного ими слова способам «выполнения» обещаний, которые кто-либо пытался у них исторгнуть без должных оснований, по своей инициативе претендуя на то, чтобы в его пользу был нарушен закон. Дарий обещал оставить Эобазу его сыновей, не взяв их в поход, – и сдержал слово; а оставить их именно живыми он не обещал. (Позднее сходным образом поступил в аналогичной ситуации Ксеркс: когда во время войны с греками некий человек попытался хитростью выманить у него освобождение от призыва на войну одного из своих сыновей, Ксеркс казнил именно этого сына.)

Сам Дарий, пожалуй, по праву написал о себе в одной из надписей: «Не таково мое

желание, чтобы слабый терпел несправедливость ради сильного, но и не таково мое желание, чтобы сильный терпел несправедливость ради слабого. Мое желание – справедливость».

Заложенный Дарием порядок оказался необычайно прочным, несмотря на ошибки преемников. Его сын **Ксеркс** (486–465 гг. до н. э.), крайне малоспособный и неудачливый правитель, привел к полной катастрофе успешно начатую кампанию в Балканской Греции (480–479 гг. до н. э.), что повлекло за собой утрату всех европейских владений персов, а затем и отказ их от власти над греческими полисами эгейского побережья Малой Азии по Каллиеву миру (449 г. до н. э.).

Царский прием (за спиной у Дария – царевич Ксеркс). Рельеф

При последующих царях постепенно нарастал внутренний упадок – смуты и борьба за престол, пассивность царской власти, своеволие и усобицы сатрапов, отложение некоторых провинций, прежде всего Египта, долины Инда и саков Средней Азии. Однако границы империи почти не менялись, и на протяжении полутора веков никто не осмеливался вторгаться во внутренние области державы. Еще в середине V в. до н. э. персы, по свидетельству Геродота, чувствовали себя в полном смысле слова «имперским народом». О нравах и обычаях персов Геродот сообщает:

«По своему собственному мнению персы во всех отношениях далеко превосходят всех людей на свете... [В то же время] они больше всех склонны к заимствованию чужеземных обычаев. Персы предаются всем наслаждениям и удовольствиям по мере знакомства с ними. Главная доблесть персов – мужество. После военной доблести большой заслугой считается иметь как можно больше сыновей. Детей они обучают только трем вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости. Ни сам царь, ни кто другой из персов не имеет права казнить человека за единичный проступок. Только если по зрелому размышлению он найдет, что слуга совершил больше важных преступлений, чем оказал услуг, тогда господин может излить на него свой гнев. <...>

Нет для них ничего более позорного, чем лгать и делать долги; последнее – особенно потому, что должнику, по их мнению, неизбежно придется лгать».

Для *общественно-экономического строя* державы Ахеменидов характерно сочетание огромного сектора царской земли, на которой сидели мелкие государственно-зависимые землепользователи и арендаторы, крупных, освобожденных от налогов вотчин, розданных царем в полную частную собственность членам династии, вельможам и т. д., и земли автономных городских общин и храмовых корпораций. Особняком стояли централизованные крупные царские хозяйства в Иране, где работали многочисленные бригадники-*куртаиш* (в основном подневольники рабского типа, но частично и наемные работники). Частное рабовладение большой роли в производстве не играло. В крупных городских общинах бурно развивались частнособственнические и товарно-денежные отношения со своими неизбежными издержками в виде ростовщичества, долговой кабалы и долгового рабства, причем самую активную роль здесь играли крупные землевладельцы – вотчинники и сановники, жившие в городах. Частные владения таких магнатов могли быть разбросаны по всей империи.

В IV в. до н. э. держава Ахеменидов добилась некоторых политических успехов: по Анталкидову миру (387 г. до н. э.) персы вернули контроль над греческими приэгейскими полисами Малой Азии, в 343–342 гг. до н. э. энергичный **Артаксеркс III** (359–338 гг. до н. э.) снова захватил Египет, отделившийся в 404 г. до н. э. Однако сила империи к этому времени уже несколько десятилетий держалась главным образом на греческих наемниках, а население было совершенно отчуждено от правящей верхушки.

Войны с армией Александра Македонского (334–330 гг. до н. э.) Ахемениды не

выдержали. Не последнюю роль в этом сыграли личные качества трусливого и бездарного ахеменидского царя **Дария III** (336–330 гг. до н. э.). Проиграв генеральные сражения при Иссе (333 г. до н. э.) и Гавгамелах (331 г. до н. э.), Дарий оставил Александру столицы империи и бежал в Северо-Восточный Иран, где был убит приближенными. В 330–328 гг. до н. э. Александр подавил последние попытки сопротивления в восточных владениях Ахеменидов и воссоединил их державу под своей властью.

Исследователи не зря называют иногда Александра «последним Ахеменидом». Подобно Киру, он в основном сохранил государственный строй и политическую концепцию захваченной им державы. Только первое место в составе «имперского народа» заняли теперь греко-македоняне, хотя и старая знать Ахеменидской державы, к неудовольствию македонян и греков, нашла место на службе нового царя, открыто покровительствовавшего ей. Была даже сфабрикована легенда о том, что Дарий успел назначить Александра своим законным преемником.

В исторических воспоминаниях иранской элиты Александр остался великим и справедливым национальным правителем Ирана. Лишь впоследствии фанатичное зороастрийское жречество эпохи Сасанидов стало изображать его злейшим врагом Ирана и его веры, но так и не смогло искоренить традиционного образа «хорошего» Александра из иранской культуры. После смерти Александра Македонского державу поделили между собой его полководцы. Они приняли царские титулы и взаимно признавали их (т. е. отказались от концепции мирового владычества), опирались на греко-македонскую армию и рассматривали местное население почти исключительно как свою кормовую базу. Государственная традиция «мировой державы с ирано-месопотамским центром», основанная некогда мидянами и продолженная Ахеменидами, а вслед за ними Александром, перестала существовать. Формальным концом державы можно считать 301 г. (гибель Антигона, последнего претендента на империю Александра в полном объеме).

Культура и мировоззрение древних иранцев. Зороастризм

Иранская цивилизация была относительно молодой: иранцы овладели письмом лишь незадолго до создания своей «мировой» державы. С другой стороны, они широко использовали возможности взаимодействия с неиндоевропейскими культурами, в чьей среде иранцы оказались, перенимая их достижения. Особого размаха процесс культурного синтеза достиг в рамках мировой державы Ахеменидов.

Монументальное строительство дворцовых комплексов в Пасаргадах, Сузах и особенно Персеполе (VI–V вв. до н. э.) считается наиболее ярким проявлением имперской ахеменидской культуры. Новые скульптурные и архитектурные стили органично сочетали влияния разных восточных цивилизаций. В ападану (парадный дворцовый зал) Дария I в Персеполе вели лестницы, украшенные рельефами с изображениями царя, его придворных, армии и представителей тридцати трех народов империи с характерными особенностями их облика и подати каждого из них.

Еще более важные и при этом вполне оригинальные достижения иранской культуры были связаны с развитием мировоззрения и религиозного учения *зороастризма*. Его основатель Заратуштра жил на востоке Ирана, в областях бывшей общности авестийских ариев, в VII в. до н. э., вскоре после крушения объединения этих ариев под ударами кочевников. К тому времени, как уже упоминалось, иранцы выделяли два класса богов: ахур, защитников и строителей природного и человеческого космоса, и дайвов, сеющих хаос и смерть. Ложь и правда считались особыми мировыми началами, питательными стихиями, соответственно, злых и добрых божеств. Вероятно, традиционной религии иранцев принадлежит и мысль о том, что каждая из групп богов имеет верховного предводителя: *Ахура-Мазда* возглавлял ахур, *Анхро-Манью* – дайвов.

Ахура-Мазда. Рельеф (ок. 500 г. до н. э.)

Сами иранцы, как правило, почитали богов обеих групп: добрых – чтобы те даровали им добро, злых – чтобы те не причиняли им зла или причинили зло их врагам. Именно против этой практики выступил со своей проповедью Заратуштра. В отличие от большинства религиозных реформаторов, он не утверждал онтологических богооткровенных догм и стремился поменять не столько картину мира, существовавшую у иранцев до него, сколько их ценностную ориентацию в рамках этой картины.

Согласно Заратуштре, сутью движения всей Вселенной является противоборство равных по силе Ахура-Мазды и Анхро-Манью, т. е. доброго и злого начал. Все зло и боль в мире существуют по желанию Анхро-Манью, все радости и жизнь – по воле Ахура-Мазды.

«Авеста» гласит: «Два изначальных духа принесли: первый – жизнь, второй – разрушение жизни. Между ними дэвы сделали выбор: они выбрали духа разрушения и все вместе портят жизнь людей... Поклонники дэвов стали злейшими врагами мирных скотоводов. Они не находят для себя жизни без насилия над мирным пастухом, хотя тот не делает никакого зла ни скоту, ни людям.

Оба изначальных духа явились, как пара близнецов, добрый и злой – в мысли, в слове, в деле. И между ними мыслящие добро сделали правильный выбор, [а] не мыслящие зло. И когда те два духа встретились, они установили – один жизнь, а другой разрушение жизни».

(Пер. по В. И. Абаеву)

Для людей недостойно и губительно почитать, из страха или ради сиюминутной выгоды, дайвов – всеобщих врагов, стремящихся лишь к хаосу и разрушению. Человек должен занять свое место в битве вселенского Добра и Зла, участвуя в ней тремя орудиями – добрым словом, добрыми помыслами и добрыми делами – и признавая верховным владыкой одного лишь Ахура-Мазду, отрекаясь от всякого общения с дайвами и их почитателями; такой человек обеспечит себе воздаяние в загробном мире.

Хозяйственные занятия оседлых авестийских ариев, к миру которых принадлежал Заратуштра, и разрушительные для этого мира нашествия кочевников существенно сказались на его проповеди: прилежное занятие земледелием и бережное отношение к скоту объявлялись важными добродетелями, а кочевники – дайвопоклонниками и последователями Анхро-Манью.

Зороастризм запрещал человеческие жертвы и требовал от своих адептов соблюдать жесткий принцип взаимного ненападения. В целом он был проявлением типичной для «осевого времени» тенденции к этизации картины мира и религиозной практики.

Хотя представители традиционной системы культа оказывали новому учению сопротивление (по преданию, сам Заратуштра был убит жрецом старой веры), оно победило в Иране быстро и почти бескровно. Большинство иранских обществ само отказалось от культа дайвов, а Ахура-Мазда отныне почитался как их верховный бог и единственный повелитель.

К середине VI в. до н. э. зороастризм распространился в Мидии, и его основными носителями на западе Ирана стали мидийские жрецы – маги. Около 520 г. до н. э. Дарий I возвел зороастризм в ранг государственной религии Ахеменидской державы и уже в Бехистунской надписи приписывает все свои победы воле Ахура-Мазды. Однако этический компонент в понимании зороастризма при этой адаптации был резко сокращен: если в основном тексте Бехистунской надписи Дарий заявляет, что Ахура-Мазда помогал ему, так как сам он, Дарий, был носителем правды, а его враги – обманщиками, то в приписке помощь Ахура-Мазды объясняется уже просто тем, что Дарий поддерживает культ Ахура-Мазды, а его враги – нет.

В первых четырех столбцах Бехистунской надписи употребляется формула: «Ахурамазда мне помог. По воле Ахурамазды войско мое разбило мятежное войско наголову. Мои враги обманывали народ, они поднимали мятежи ложью – поэтому Ахурамазда предал их в мои руки. Потому мне помог Ахурамазда, что я не был злодеем, не был лжецом, не был обманщиком». Через несколько лет Дарий добавил к этой надписи пятый столбец, и там употреблялась уже другая формула: «Те мои враги не знали Ахурамазды – были неверующими [в Ахурамазду] и не чтит Ахурамазду. А я почитал Ахурамазду. По воле Ахурамазды я поступил с ними, как хотел».

Около 485 г. до н. э. преемник Дария Ксеркс запретил культ дайвов в одной из областей империи, где его еще практиковали (очевидно, это была недавно присоединенная страна, возможно, индоарийская Акауфака), и составил об этом особую, так называемую антидэвовскую, надпись. Помимо Ахура-Мазды, в Иране особо почитался *Митра*, считавшийся одним из его главных слуг, и повелительница рек и плодородия *Ардвисура-Анахита*.

Священной книгой зороастризма является «Авеста». Дошедший до нас текст «Авесты» оформился во времена династии Сасанидов (III–VII вв. н. э.), но содержит фрагменты текста и традицию куда более древних эпох; древнейшая часть «Авесты» – *Гаты* – ритмические проповеди Заратуштры – восходят к VII в. до н. э., если не ранее, в других частях «Авесты» встречаются реликты мифологических представлений и исторического эпоса ариев-иранцев II – начала I тыс. до н. э. «Авеста» написана на особом, очень архаическом «авестийском» языке (самом древнем из письменных иранских языков). Датировка и интерпретации текстов «Авесты» – предмет нескончаемых споров в иранистике.

Дух – хранитель царя. Рельеф (V в. до н. э.)

Источники и литература

- Авеста* / Пер. И. Стеблин-Каменского. М., 1993.
- Арриан*. Поход Александра / Пер. М. Е. Сергеенко. М., 1963. («Литературные памятники»; переиздание с сокращенным научным аппаратом – М., 1993).
- Ветхий Завет* (любое издание).
- Греческие* и римские авторы о евреях и иудаизме / Введ. и комм. М. Штерна. Рус. изд. под ред. Н. В. Брагинской. Т. 1: От Геродота до Плутарха. М.; Иерусалим, 1997. («Библиотека Флавиана», 5).
- Дьяконов И. М.* Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // Вестник древней истории. 1951. № 2–3.
- Иосиф Флавий*. Иудейские древности / Пер. Г. Г. Генкеля. СПб., 1900. Т. 1–2. (Переизд. – Минск, 1994).
- Иосиф Флавий*. О древности иудейского народа. Против Апиона. М.; Иерусалим, 1994. («Библиотека Флавиана», 3).
- Квинт Курций Руф*. История Александра Македонского: С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / Под ред. А. А. Вигасина. М., 1993.
- Ксенофонт*. Анабасис / Пер. и комм. М. И. Максимовой. М.; Л., 1951. («Литературные памятники»; репр. М., 1994).
- Ксенофонт*. Киропедия / Изд. подг. В. Г. Борухович и Э. Д. Фролов. М., 1977. («Литературные памятники»; репр. 1993).
- Луна*, упавшая с неба: Древняя литература Малой Азии / Пер. и комм. В. В. Иванова. М., 1977.
- Меликишвили Г. А.* Урартские клинообразные надписи. М., 1960.

- Рак И. В.* Мифы древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб., 1998.
- Угаритский эпос* / Пер. и комм. И. Ш. Шифмана. М., 1993.
- Учение* : Пятикнижие Моисеево (От Бытия до Откровения) / Пер. и комм. И. Ш. Шифмана. М., 1993.
- Южная Аравия.* Памятники древней истории и культуры. М., 1978. Вып. 1. СПб., 1998. Вып. 2.
- Mercer S. A. B.* The Tell el-Amarna Tablets. Vol. 1–2. Toronto, 1939.
- Zend-Avesta* . Oxford, 1880–1887 (Sacred Books of the East, 4, 23, 31).
- Амусин И. Д.* Проблемы социальной структуры обществ древнего Ближнего Востока (I тысячелетие до н. э.) по библейским источникам. М., 1993.
- Ардзинба В. Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
- Арутюнян Н. В.* Бийнили (Урарту): Военно-политическая история и вопросы топонимики. Ереван, 1970.
- Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2-е изд. М., 1984.
- Вильхельм Г.* Древний народ хурриты: Очерки истории и культуры. М., 1992.
- Гельцер М. Л.* Финикия на рубеже VII–VI вв. до н. э. // Краткие сообщения Института народов Азии. 1962. Вып. 46.
- Герни О. Р.* Хетты. М., 1987.
- Гиндин Л. А., Цимбурский В. Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.
- Гиоргадзе Г. Г.* Вопросы общественного строя хеттов. Тбилиси, 1991.
- Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Средней Азии. М., 1970.
- Дандамаев М. А.* Имперская идеология и частная жизнь в Ахеменидской державе // Вестник древней истории. 1998. № 1.
- Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
- Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
- Довгяло Г. И.* К возникновению царской власти у хеттов. Минск, 1965.
- Древняя Анатолия:* Сб. ст. М., 1985.
- Древняя Эбла (раскопки в Сирии)* / Сост. П. Маттиэ; Под ред. И. М. Дьяконова. М., 1985.
- Дьяконов И. М.* Восточный Иран до Кира: (К возможности новых постановок вопроса) // История Иранского государства и культуры. М., 1971.
- Дьяконов И. М.* История Мидии с древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.; Л., 1956.
- Дьяконов И. М.* Малая Азия и Армения ок. 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей // Вестник древней истории. 1981. № 2.
- Дьяконов И. М.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
- Дьяконов И. М.* Предыстория армянского народа: (История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хурриты, лувийцы, протоармяне). Ереван, 1968.
- Кобищанов Ю. М.* Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире. М., 1980.
- Кортаев А. В.* Сабейские этюды: Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации. М., 1997.
- Лундин А. Г.* Государство мукаррибов Саба (сабейский эпонимат). М., 1971.
- Масон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1966.
- Меликишвили Г. А.* Древневосточные материалы из истории народов Закавказья: Наири-Урарту. Тбилиси, 1954.
- Мерперт Н. Я.* Очерки археологии библейских стран. М., 2000.
- Немировский А. А.* У истоков древнееврейского этногенеза: ветхозаветное предание о патриархах и этнополитическая история Ближнего Востока. М., 2001.
- Периханян А. Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский период. М., 1983.

- Пиотровский Б. Б.* Ванское царство (Урарту). М., 1959.
- Пиотровский Б. Б.* Южная Аравия в раннее Средневековье. М., 1985.
- Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
- Пьянков И. В.* Зороастр в истории Средней Азии: Проблема места и времени // Вестник древней истории. 1996. № 3.
- Саркисян Д. Н.* Страна Шубрия. Ереван, 1989.
- Седов А. В.* Древний Хадрамаут. Очерки археологии и нумизматики. М., 2005.
- Тураев Б. А.* Остатки финикийской литературы. СПб., 1903. (Сообщения Российского Палестинского общества. Т. 13).
- Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972.
- Хинц В.* Государство Элам. М., 1976.
- Циркин Ю. Б.* История библейских стран. М., 2003.
- Циркин Ю. Б.* Карфаген и его культура. М., 1986.
- Циркин Ю. Б.* От Ханаана до Карфагена. М., 2001.
- Шифман И. Ш.* Ветхий Завет и его мир. М., 1988.
- Шифман И. Ш.* Культура древнего Угарита. М., 1987.
- Шифман И. Ш.* Набатейское государство и его культура. М., 1976.
- Шифман И. Ш.* Угаритское общество XIV–XIII вв. до н. э. М., 1982.
- Шпигельберг В.* Пребывание Израиля в Египте в свете египетских источников. СПб., 1908.
- Allstrom G. M.* The History of Ancient Palestine from the Palaeolithic Period to Alexander's Conquest. Sheffield, 1993.
- Amiet P.* L'age des echanges inter-iraniens 3500–1700 avant J. C. P., 1986.
- Bryce Trevor .* The Kingdom of the Hittites. Oxford, 1998.
- The Cambridge History of Iran.* Vol. 1: The Land of Iran. Ed. W. B. Fischer. Cambridge, 1968. Vol. 2: The Median and Achaemenian Periods / Ed. I. Gershevitch. Cambridge, 1985.
- Carter E., Stolper M. W.* Elam: Surveys of Political History and Archaeology. Berkeley, 1984.
- Cook M.* The Persian Empire. L., 1983.
- Freu J .* Histoire du Mitanni. P., 2003.
- Gelb I. J.* Hurrians and Subarians. Chicago, 1944.
- Gnoli Gh.* Zoroaster's Time and Homeland. Naples, 1980.
- Hagenbuchner A.* Die Korrespondenz der Hethiter. Heidelberg, 1989. Т. 1–2.
- Harrak A .* Assyria and Hanigalbat: A Historical Reconstruction of Bilateral Relations from the Middle of the Fourteenth to the End of the Twelfth Centuries B. C. Hildesheim, 1987.
- Herzfeld E.* The Persian Empire: Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East. Wiesbaden, 1968.
- Herman P .* Das alte Vorderasien und die Achämeniden: Ein Beitrag zur Herodot-Analyse. Weisbaden, 1992.
- Kitchen K. A.* Ancient Orient and Old Testament. L., 1966.
- Klengel H.* Geschichte des hethitischen Reiches. Leiden, 1999.
- Klengel H.* Syria 3000 to 300 B. C. B., 1992.
- Lang D. L.* Armenia, Cradle of Civilization. L., 1970.
- Olmstead A. T.* History of the Persian Empire. Chicago, 1959.
- Parrot F., Chebab M. H., Moscati S.* Les Pheniciens. P., 1975.
- Petit Th.* Satrapes et satrapies dans l'empire achemenide de Cyrus le Grand a Xerxes Ier. Paris, 1990.
- Regford D.* Egypt, Canaan and Israel in Ancient Times. Princeton, 1994.
- Schachermeyer F.* Hethiter und Achämer. Osnabruck, 1972.
- Spanuth J.* Die Philister: Das unbekannte Volk. Osnabruck, 1980.
- Vaux R de.* History of Ancient Israel. L., 1965. Vol. 1–2.

Раздел 4 Южная Азия в древности

Глава 20 Источники и историография

Древняя история Южной Азии – территории, в настоящее время занимаемой Индией, Пакистаном, Бангладеш, Непалом, Бутаном и Шри-Ланкой, – делится на четыре основных этапа: эпоху Индской цивилизации, ведийский период, эпоху Маурьев и период Гуптов. Первый этап соответствует времени расцвета городской цивилизации в долине Инда (кон. III – нач. II тыс. до н. э.); второй – времени прихода и распространения в Индии племен индоариев (сер. II тыс. до н. э. – IV в. до н. э.); третий – возвышению династии Маурьев и распространению буддизма (IV–II вв. до н. э.); четвертый – утверждению в Индии династии Гуптов и расцвету «классической» индийской культуры (IV–VI вв. н. э.).

Между маурийским и гуптским периодом Индия переживала длительную эпоху нашествий могущественных завоевателей – греко-бактрийцев, саков, парфян, кушан. Их культуру нельзя назвать собственно индийской, поэтому этот период можно рассматривать как переходный или назвать его периодом завоеваний.

Источники и хронология

Письменность Индской цивилизации до сих пор остается нерасшифрованной. Поэтому богатая материальная культура, выявляемая в процессе археологических раскопок – единственный источник наших знаний об истории Индии этого периода. Кочевые индоарийские племена – создатели «классической» индийской культуры – в ведийский период обладали довольно примитивной материальной культурой. Никаких точно определяемых ее следов до сих пор не найдено.

Важнейшим источником по ее истории остаются *ведийские тексты*. Древнейшие из них – *самхиты* («собрания»), состоящие из «Ригведы» – собрания гимнов богам (риг – стих), «Самаведы» – собрания гимнов, положенных на определенную мелодию и отчасти повторяющих «Ригведу» (сама – мелодия), «Яджурведы» – собрания формул, употребляемых во время ритуалов жертвоприношения (яджус – жертвенная формула), и «Атхарваведы» – собрания магических формул (атхарва – магическая формула). Ведийские тексты составляют следующие циклы: *брахманы* – сочинения в прозе, комментирующие самхиты и относящиеся к определенным ведам; *араньяки* («лесные книги») – посвященные не жизни лесных отшельников, как долгое время предполагалось, а сокровенному знанию, укрываемому от «простолюдинов»; упанишады – философские сочинения, комментирующие брахманы.

Эдикт царя Ашоки из Гирнара

В качестве источника по истории ведийского периода отчасти может использоваться эпическая поэма «*Махабхарата*» (досл. «Сказание о великой битве потомков Бхараты»), отражающая процесс распространения и утверждения индоариев на территории Индо-Гангской равнины. Однако окончательно ее текст оформился только в первые века нашей эры.

В маурийский период появляется сразу несколько новых видов источников. Так, основным вкладом археологии в пополнение источниковой базы по древнеиндийской истории является огромная коллекция *надписей*, большая часть которых, однако, относится

уже к Средним векам. Для маурийского периода важнейшее значение имеют *эдикты царя Ашоки Маурья*, высеченные на скалах, камнях и колоннах письмом брахми. Отсутствие определенного автора у огромного количества ведийских текстов, эпоса и произведений других жанров (оформление их окончательного текста занимало много веков) обусловило сложность датировки древнеиндийской истории I тыс. до н. э. В связи с этим эдикты Ашоки приобретают особое значение, так как это первые точно датированные источники по истории Индии.

В период после индийского похода Александра Македонского Индия начинает налаживать контакты с античным миром. Сюда от эллинистических царей прибывает несколько посольств. Наиболее ценную информацию из *сочинений античных авторов*, писавших об Индии, представил **Мегасфен** – посол Селевка I Никатора, неоднократно посещавший Индию в конце IV – начале III в. до н. э. К I в. н. э. Индия стала хорошо известна и в античной географической литературе.

Лучшему знакомству с политической историей Индии этого и последующего периодов способствовало появление сочинений жанра *пурана* (досл. «сказания о древности»), в которых приводятся древнейшие династические списки. Распространение буддизма на юге Индии вызвало к жизни новый жанр, схожий с пураническим, – *исторические хроники*. Он был особенно развит на Шри-Ланке, откуда происходят два главных сочинения такого рода: «Махавамса» («Великая хроника») и «Дипавамса» («Хроника острова»).

К концу маурийского периода в полном объеме расцветает поздневедийская литература *сутр* (название этого жанра происходит от санскритского глагола *su* – слышать). Сутры наряду с ведами составляли цикл сочинений *шрути* (досл. «услышанное»), их авторами считались небесные мудрецы риши. Авторами сочинений цикла *смрити* (досл. «запомненное») считались люди.

Сутра – жанр сочинений, регламентирующих весь цикл человеческого существования с точки зрения правильно устроенного миропорядка. Они писались в основном в прозе. Среди них имелись «ритуальные» сочинения: *шраутасутры* регламентировали торжественные жертвоприношения и ритуалы, совершаемые от имени общины; *грихьясутры* определяли проведение домашних ритуалов; *дхармасутры* регламентировали «правовую» сторону жизни – *дхарму* (досл. «установленное») как отдельного человека, так и всего мира (чисто правовым жанром дхармасутру назвать нельзя, так как право не было абсолютно оторвано от религиозных представлений). Среди сочинений жанра сутры имелись труды по астрономии, фонетике, этимологии, грамматике, геометрии. «Камасутра» (наиболее известное сочинение этого жанра приписывается легендарному мудрецу Ватсьяне) охватывала весь круг вопросов, связанных с отношениями мужчины и женщины.

Шастры (досл. «наука») развивали традицию сутры, включая в рассмотрение с точки зрения дхармы все новые грани – суд, наказание, обычаи, частные и общинные религиозные обязанности. Наиболее известным сочинением этого жанра является «Дхармашастра Ману», или «Манусмрити». Оно известно еще как «Законы Ману». Из жанра *артхашастры* (досл. «наука о пользе») сохранилось только одно сочинение – «Артхашастра Каутильи». Оно по праву считается одним из важнейших для реконструкции взглядов на основные политические и административные вопросы, характерных для Индии конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э. Рукописи артхашастры стали известны только в начале XX в.

Бесценным источником конца I тыс. до н. э., и прежде всего о языке, является сочинение по санскритской грамматике **Панини** и комментарии к нему, составленные **Патанджали**. На рубеже нашей эры кодифицируется буддийский канон «*Типитака*» (досл. «Три корзины») – основной источник наших знаний об индийском буддизме. История Греко-Бактрийского царства, индо-скифских и индо-парфянских царей реконструируется в основном по их монетам, а кушан – по монетам и надписям.

К переходному и Гуптскому периодам, освещенным надписями богаче, чем предыдущие, можно отнести окончательное формирование другой эпической поэмы – «*Рамаяна*» («Колесница Рамы»), отражающей вхождение мира индоариев в контакт с

коренным дравидийским населением юга Индии. В это время расцветает классическая индийская литература, представленная драмой и поэзией. Наибольший вклад в ее развитие внесли поэт **Ашвагоша** (I в. н. э.), составивший поэтическую биографию Будды, и драматург **Калидаса** (V в. н. э.).

При Гуптах расцветают науки: математика, астрономия, грамматика. Сохранились сочинения различных религиозно-философских школ. Существенное значение имеют и записки китайских путешественников **Фа-Сяня**, прошедшего в начале II в. Центральную Азию, Северо-Западную, Центральную и Восточную Индию, и **Хуан-Цзяна**, прошедшего в Индии долгое время между 629 и 645 гг.

История изучения

Первые научные сведения об Индии появились в Европе лишь в 1630 г., после издания книги **Г. Лорда** «Описание двух неизвестных сект в Восточной Индии». В 1690 г. вышло в свет «Путешествие в Сурат» англиканского священника отца **Овингтона**, в котором содержалось немало интересной информации о современных ему индийских религиях. Немногочисленные представители ордена иезуитов, работавшие в Индии, предпринимали попытки изучить санскрит. Так, первая грамматика санскрита на европейских языках была составлена отцом **Ганксledenом**, проповедовавшим в Индии в 1699–1732 гг. В 1716 г. вышла в свет первая грамматика тамильского языка, составленная саксонским миссионером **Цигенбальгом**. Другой иезуит, отец **Кёрду**, видимо, был первым, кто в 1767 г. определил родство санскрита с европейскими языками.

В 1726 г. в Россию в числе первых членов Петербургской академии наук был приглашен немецкий ученый **Т. З. Байер** (1694–1738). Он занимался изучением восточных языков – китайского, монгольского, калмыцкого, маньчжурского, тибетского. Под руководством приехавшего в Россию индийца Сонбхары он одним из первых начал изучать санскрит. В 1732 и 1735 гг. Байер опубликовал на латыни две работы по литературе и грамматике «браминского» языка, т. е. санскрита.

В 1783 г. в Калькутту приехал сэр **У. Джонс** (1746–1794), назначенный на должность судьи Верховного суда. К моменту своего прибытия в Индию он не только владел ивритом, арабским, персидским, турецким, китайским, но уже определил родство между персидским и европейскими языками. Джонс приступил к изучению санскрита, а в 1784 г. по его инициативе было основано Азиатское бенгальское общество – первое объединение востоковедов. Печатным органом нового общества стал журнал «Азиатские исследования».

В 1784 г. вышел английский перевод священного индийского текста «Бхагаватгиты» **Ч. Вилкинса** (1749–1836) – единственного подлинного знатока санскрита среди европейцев в ту пору. С этого момента начинается настоящее знакомство европейцев с индийской историей и культурой. В 1787 г. выходит его же перевод «Хитопадешы», а в 1789 г. У. Джонс переводит драму Калидасы «Шакунтала», в 1792 г. – «Гитаговинду», а в 1794 г. – «Законы Ману». Изучение Законов Ману было обусловлено необходимостью знакомства с традиционным индийским правом.

В 1785 г. в Индию приехал музыкант из Ярославля **Г. С. Лебедев** (1749–1817). В Мадрасе он изучил тамильский язык, но «к распознаванию брагменских наук определить не смог», т. е. не нашел учителя по санскриту. В 1798 г. Лебедев перебрался в Калькутту, где изучил бенгальский, разговорный язык хиндустани и санскрит. В 1801 г. он выпустил в Лондоне грамматику хиндустани – первую отечественную индологическую работу. Интерес к Индии в России был в то время во многом подогрев желанием императора Павла I захватить эту страну и тем самым ослабить Англию. Перед самой кончиной он даже отправил войска в индийский поход, прерванный Александром I.

В 1802 г. Лебедев на казенные средства открыл типографию, где впервые в Европе был отлит санскритский шрифт. С его помощью в 1805 г. было напечатано «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брагменов, священных обрядов и их народных

обычаев, Всеавгустейшему монарху посвященное», опередившее на три года санскритскую грамматику Вилкинса, вышедшую в Европе в 1808 г. Тогда же, в 1805 г., Лебедев написал работу о родстве санскрита и других языков. Между 1806 и 1809 гг. появился первый рукописный санскритско-русский словарь. Его автором был генерал-лейтенант **Н. И. Ахвардов**. Этот словарь лег в основу вышедшего затем анонимного труда о родстве русского языка и санскрита. Позже было установлено, что его автором был **Ф. Аделунг** (1768–1843).

К следующему поколению исследователей-индологов нужно отнести англичан **Г. Кольброка** (1765–1837), **Г. Уилсона** (1789–1860), француза **А.-Г. Анкетилья-Дюперрона** (1731–1805) – знаменитого первооткрывателя «Авесты». Анкетилья-Дюперрон в 1786 г. опубликовал перевод персидской версии четырех упанишад. В 1801 г. был издан перевод всей рукописи, содержащей тексты пятидесяти упанишад. Распространение знаний об Индии привело к тому, что в 1795 г. во Франции была основана Школа живых восточных языков, существующая и поныне. **А. Гамильтон** (1762–1824), член Азиатского бенгальского общества, был первым, кто в 1803 г. начал преподавать санскрит в Европе. Во время Наполеоновских войн Гамильтон оказался в Париже, там он занимался разбором санскритских рукописей во Французской национальной библиотеке. У него учил санскрит первый немецкий индолог **Ф. Шлегель**. В 1814 г. в Коллеж де Франс была основана первая европейская университетская кафедра по изучению санскрита. Ее руководителем стал **Л. де Шези**. В Англии преподавание санскрита велось с 1805 г., а в 1832 г. в Оксфорде была основана первая университетская кафедра соответствующего профиля.

В 1816 г. немецкий ученый **Ф. Бопп** (1791–1867), следуя указаниям У. Джонса, обосновал родство санскрита, древнегреческого и латинского языков, что привело к формированию сравнительного языкознания как независимой научной дисциплины. В 1818 г. открылся Азиатский музей в Санкт-Петербурге (ныне филиал Института востоковедения), в 1821 г. в Париже было основано Азиатское общество, а в 1823 г. – Королевское Азиатское общество в Лондоне. С этого времени начинается масштабная работа по изданию древнеиндийских текстов. Активную роль в этом процессе играл ученик Боппа **Р.-Х. Ленц** (1808–1836), опубликовавший несколько работ об индийских рукописях, хранившихся в Азиатском музее.

В 30-е гг. XIX в. начинается научно-преподавательская деятельность **П. Я. Петрова** (1814–1875), с именем которого связано начало систематического изучения и преподавания санскрита в России. В 1842 г. в Казанском университете была основана кафедра санскритского языка, которую и возглавил П. Я. Петров. С 1852 г. он занимал соответствующую кафедру в Московском университете. Среди его учеников были такие выдающиеся в будущем востоковеды, как **Ф. Е. Корш**, **Ф. Ф. Фортунатов**, **В. Ф. Миллер**. Преподавание санскрита и изучение истории и культуры Индии осуществлялось не только в Казани и столицах, но и в Харькове, Киеве, Юрьеве, Одессе.

Главным достижением европейской индологии XIX в. можно считать издание семитомного «Санскритско-немецкого словаря», выпущенного в Санкт-Петербурге при участии Российской императорской академии наук в 1852–1875 гг. немецкими учеными **О. Бётлингом** (1815–1904) и **Р. Ротом** (1821–1895). Другой выдающийся немецкий индолог – **М. Мюллер** (1823–1900) большую часть своей научной жизни провел в Оксфорде. Там он впервые издал главный памятник ведийской литературы «Ригведу» и в 1875 г. основал серию «Священные книги Востока», сделавшую доступной массовому читателю индийскую литературу.

Первые материальные свидетельства присутствия человека на территории современной Индии были получены только в 1863 г., когда геолог **Б. Фут** обнаружил предметы материальной культуры эпохи палеолита в местечке Паллаварам около Мадраса. В 1861 г. была основана Археологическая служба Индии, но ее деятельность началась только в 1870 г. Ее первым директором вплоть до 1885 г. был генерал **А. Кеннингхем**. Он приехал в Индию в 1831 г. в качестве инженера, но все свободное время отдавал сбору и изучению

материальных остатков Древнеиндской цивилизации. Его по праву можно считать отцом индийской археологии, эпиграфики и нумизматики.

Английский вице-король Индии **лорд Керзон**, проявлявший подлинный и глубокий интерес к ее истории, расширил Археологическую службу Индии и в 1902 г. назначил на пост ее директора 26-летнего **Дж. Маршалла**. В 20–30-е гг. XX в. было положено начало археологическому изучению Индской цивилизации. Блестящую страницу в историю археологического изучения Индии вписал англичанин **А. Стейн** (1862–1943). Он начал раскопки в Белуджистане, открыл целый ряд важнейших археологических культур, таких как Кулли. Работы индийского археолога **Н.-Ч. Маджумдара** показали, что Индская цивилизация возникла не на пустом месте и не исчезла бесследно. В результате раскопок в деревне Амри были обнаружены культурные слои, идентичные открытым А. Стейном в Белуджистане и предшествующие культурным слоям, обнаруженным в долине Инда. Древнейшие слои Амри датируются рубежом IV–III тыс. до н. э. Раскопки, проведенные Маджумдара на поселениях Трихни и Джангар, показали, что в Индии развивались и другие культуры, не родственные городским цивилизациям, открытым в Пенджабе (Хараппа) и долине Инда (Мохенджо-Даро в провинции Синд).

Мощным толчком к дальнейшему развитию индологии послужило провозглашение независимости Индии в 1947 г. Ярким ее представителем был **П.-Д. Канне** (1880–1972) – автор фундаментальной «Истории дхармашастры» – базового труда для понимания индийского права и религии. Политическая история древней Индии наиболее полно представлена в работах **Р. Тхапар**. Наибольшим авторитетом в европейской индологии пользовались работы исследователей из Франции – **Ж. Филлиоза**, в частности «Классическая Индия», написанная в соавторстве с **Л. Рену**, и труды **К. Кайя** по религиоведению и литературоведению, Великобритании – **К.-Р. Нормана** по истории правления Ашоки Маурья, Германии – **Х. Бехерта** по истории буддизма, Италии – **О. Ботто** по истории литературы и философии, Нидерландов – **Я. Гонды** по религиоведению. Важную роль в развитии современной буддологии играет японская индологическая школа.

Установление тесных дружеских отношений между СССР и Индией вызвало резкий прогресс отечественных индологических исследований в послевоенный период. В 1950 г. продолжается издание «Махабхараты» (**В. И. Кальянов**, **Я. В. Васильков**, **С. Л. Невелева**), изданы основные памятники древнеиндийской литературы – «Ригведа» и «Атхарваведа» (**Т. Я. Елизаренкова**), «Упанишады» (**А. Я. Сыркин**), «Законы Ману» (**Г. Ф. Ильин**), многие памятники правовой (**А. А. Вигасин**) и философской мысли (**В. Г. Лысенко**, **Е. П. Островская**, **В. И. Рудой**, **А. А. Терентьев**, **В. К. Шохин**).

Как и в дореволюционной российской индологии, изучение буддизма продолжает играть значительную роль в современном российском востоковедении. Трехтомное издание «Памятники индийской письменности из Центральной Азии» (1985–2004), подготовленное **Г. М. Бонгард-Левиным**, **М. И. Воробьевой-Десятовской** и **Э. Н. Темкиным**, является достойным продолжением традиций **С. Ф. Ольденбурга** – одного из столпов российской буддологии. Успехи отечественной индологии послужили основой для создания таких монументальных трудов, как «Индия в древности» (1985, авторы – **Г. М. Бонгард-Левин**, **Г. Ф. Ильин**), ставших надежным ориентиром для изучения древней истории Южной Азии.

Глава 21

Территория и население

Географическое положение

Развитие древней цивилизации в Индии происходило в относительной изоляции от остального мира при многообразии климатических и географических условий. С запада Индийский полуостров ограничен Аравийским морем, с востока – Бенгальским заливом, с

юга – Индийским океаном. С северо-востока его окаймляют непроходимые горы Гималаи. На северо-западе естественной границей между Индией и Иранским плато является река Инд с многочисленными притоками, занимающими современную территорию индийского штата Пенджаб (досл. «Пятиречье»). Санскритское название Инда – sindhu (река), попавшее в древнегреческий язык через персидский в форме Indos, и дало Индии ее современное европейское название.

На северо-востоке определяющим климатическим и географическим фактором является крупнейшая река Южной Азии Ганг, образующая дельту в устье Бенгальского залива. Между Индом и Гангом располагается Индо-Гангская равнина – сердце «классической» Индийской цивилизации. С запада от Инда ее отделяет пустыня Тар, на юге река Нармада является границей между ней и Деканом – нагорьем, тянущимся до самой южной точки Индии – мыса Кумари. Его пересекают как в западном, так и в восточном направлении многочисленные реки, впадающие в море. На востоке Декана вдоль Малабарского побережья располагаются горы Гхаты.

Индия в древности

Природные условия

Определяющим фактором развития цивилизации на территории Индии были и остаются дожди и ветра. Высочайшие горы на севере и востоке, бескрайнее Иранское плато на западе не пропускают дожди на территорию Индии. Только регулярные юго-западные муссоны приносят дожди с мая по ноябрь. В это время существенно понижается температура. Уровень воды в реках, в особенности в Инде и Ганге, поднимается, что способствует увлажнению прилегающих равнин. В остальное время на северо-западе господствует сильная жара и засуха. Восточный Декан и Коромандельское побережье на востоке Индии увлажняются в основном в октябре – ноябре «малым муссоном».

Многообразие природных условий создало благоприятные предпосылки для возникновения цивилизации на территории Индостана. Крупные реки служили естественным средством сообщения. В лесах, покрывавших Индо-Гангскую равнину, водилось множество видов животных; удобные выходы к морю обеспечивали раннее развитие навыков мореходства и рыболовства. Индия богата полезными ископаемыми: золотом, серебром, алмазами, бериллами, свинцом, оловом, железом. Это обстоятельство обеспечило быстрое развитие технических навыков, торговли драгоценными металлами и камнями.

Население

Как и в настоящее время, население Южной Азии в древности характеризовалось разнообразием языков и антропологических типов. Точное определение этапов формирования «этнической карты» Индостана и прилегающих областей для доведийской эпохи едва ли возможно из-за отсутствия письменных источников и трудностей в интерпретации археологических находок.

Можно лишь с некоторой уверенностью предполагать, что язык населения Индской (Харрапской) цивилизации принадлежал к дравидийской языковой группе, доминирующей в настоящее время на юге Индии. В Белуджистане сохранились изолированные языки брагуи и курди, имеющие определенные сходства с дравидийскими языками. Однако носители этих языков не родственны дравидам в антропологическом отношении. Изучение погребений в Мохенджо-Даро позволило определить, что в долине Инда существовали самые различные расовые типы: средиземноморский, монголоидный, альпийский,

протоавстралоидный. Доминирования типов, свойственных современной дравидийской Индии, не выявлено.

Дравидийские языки обнаруживают определенное сходство с эламским, и принято считать, что на рубеже IV–III тыс. до н. э. *дравиды* мигрировали из Передней Азии в восточном направлении. Вопрос об антропологической принадлежности дравидов также представляет значительную сложность.

Некоторые выводы о составе населения древней Южной Азии можно сделать по неиндоевропейским словам в языке ведийских ариев. Так, слово «плуг» было заимствовано ими из языка мунда – одной из групп австроазиатских языков, распространенных в Юго-Восточной Азии. Древнейшее же, додравидийское, население Южной Индии, как показали антропологические и лингвистические исследования, обладало чертами сходства с австралоидами. На северо-востоке Индии жили монголоиды, говорившие на сино-тибетских языках. Таким образом, население древней Южной Азии формировалось «волнообразно». Эти «волны» переселенцев, не родственных между собой в языковом и в антропологическом отношении, накатывались как с юга – австралоиды, востока и юго-востока – монголоиды синотибетцы и мунда, так и с северо-запада – дравиды и европеоиды индоевропейцы.

Древнейшие находки эпохи палеолита, сделанные на территории Индии, относятся к Ашельскому периоду. Они имеют точные параллели среди ашельских находок из Европы, Западной Азии и Африки. Количество поселений эпохи мезолита – времени перехода от охоты и собирательства к производству продуктов питания – значительно возрастает по сравнению с палеолитическими.

С начала VII тыс. до н. э. можно говорить о развитии *сельскохозяйственного производства* в предгорьях Белуджистана, на поселении Мехргарх. На рубеже VIII–VII вв. до н. э. происходят первые контакты жителей таких поселений, как Мехргарх, и охотников, живших к востоку от Инда. Это в значительной мере способствовало распространению там сельскохозяйственных навыков.

В VIII–VI тыс. до н. э. в Белуджистане и долине Инда развиваются докерамические неолитические культуры. В VI–IV тыс. до н. э. распространяются орудия из бронзы, появляется керамика. Приблизительно в это же время племена, живущие в долине Ганга, осваивают культуру риса. К рубежу V тыс. до н. э. в долине Инда распространяются и халколитические культуры. Уже в период неолита были одомашнены зебу и буйвол, возделывались зерновые культуры, например ячмень. К середине IV тыс. до н. э. на берегах Инда появились первые деревни. С этого времени начинается освоение заболоченной и покрытой джунглями долины Инда.

Глава 22 **Индская цивилизация**

Открытие и датировка индской цивилизации

Индскую цивилизацию принято называть Хараппской по названию первого города, в котором были начаты систематические раскопки, – Хараппы. Однако территория, занимаемая этой цивилизацией, оказалась столь велика, что именовать одну из величайших культур древности по имени одного только города, хотя и весьма важного, представляется неверным. К тому же Хараппа моложе другого важнейшего центра этой цивилизации – Мохенджо-Даро. То, что долина Инда была колыбелью этой цивилизации, оправдывает ее название – Индская. В настоящее время известно около 300 городищ, прямо или косвенно связанных с миром Индской цивилизации. Город Мохенджо-Даро («Холм мервых»), расположенный на правом берегу Инда в 320 км от берега Аравийского моря, и Хараппа, стоящий на берегу реки Рави в Пенджабе, в 600 км от Мохенджо-Даро, – главные центры

Индской цивилизации.

Открытие Индской цивилизации стало возможным благодаря работам по прокладке железной дороги между городами Карачи и Лахор в 1856 г. Постройкой дороги на двух разных участках руководили братья Дж. и У. Брайтоны. **Дж. Брайтон** для своих внуков написал книгу, в которой изложил следующую историю. Оба брата столкнулись с проблемой закрепления почвы, содержащей много песка. Его участок находился рядом с руинами средневекового города Брахминабад. Эти руины он решил использовать как источник камня для руководимой им стройки. Своей идеей он поделился с братом, участок которого находился рядом с маленькой деревней Хараппа в Пенджабе, также богатой камнями. Источник оказался настолько обширным, что бульжником, привезенным из Хараппы, удалось выложить 150 км дороги.

А. Кеннингхем – неугомонный путешественник и в то время директор Археологической службы Индии – обнаружил в этой «каменоломне» печать с изображением единорога и надписью на неизвестном языке. В 1906 г. **Дж. Маршалл** обнаружил в Британском музее печати, очень напоминавшие находку А. Кеннинггема. Как только Дж. Маршаллу представилась возможность, он купил землю в Хараппе с тем, чтобы начать там раскопки. Работы начались в 1921 г.

В то же самое время сотрудник Археологической службы Индии **Р.-Д. Банерджи** проводил раскопки буддийской ступы в 600 км от Хараппы – в Мохенджо-Даро, расположенном в Синде. Под слоями, современными времени постройки ступы, он обнаружил слои, принадлежавшие цивилизации, аналогичной Хараппской. В Мохенджо-Даро археологические раскопки начались в 1922 г. Первые известия об открытии новой цивилизации были опубликованы Маршаллом в журнале «Illustrated London News» 20 сентября 1924 г.

Под напором Дж. Маршалла работы приняли исключительно интенсивный масштаб. Они проводились на обоих городищах одновременно в 1922–1931 гг. в Мохенджо-Даро и в 1921–1936 гг. в Хараппе. На раскопках Хараппы трудилось до 3000 рабочих! Главным результатом этих работ явилось открытие городской цивилизации бронзового века, расположенной на территории более 1600 км в длину, типологически идентичной тем, что были известны в Египте и Месопотамии. В 1931 г. правительство Индии прекратило финансирование археологических работ. На смену английским археологам пришла американская экспедиция, работавшая под руководством **Э. Маккея** в Мохенджо-Даро и Чанху-Даро. Работа в Чанху-Даро была важна тем, что в ходе раскопок были установлены периоды, когда город переживал серьезные кризисы, вплоть до полного прекращения жизни в нем.

Работы, проводившиеся в 1940–1950-е гг., связаны с именем **М. Уилера**, в 1950–1960-е – **Дж. Дейлса** (Мохенджо-Даро), **Б. де Карди** (работы в Белуджистане), **Ж.-М. Казала** (Амри), **В. Файрсервиса**. Важное значение имело открытие крупнейшего морского порта Индской цивилизации в Лотхале (Камбейский залив), изучение которого связано с именем **Б.-Б. Лала**.

Индские печати

Исследование Индской цивилизации осложняется рядом обстоятельств: самые нижние слои (15 м в глубину!) древнейшего ее города – Мохенджо-Даро – затоплены грунтовыми водами, и дата его основания остается предположительной. Раскопки, проводившиеся в 20–30-е гг. XX в., не были должным образом задокументированы.

Датировка Индской цивилизации чрезвычайно осложняется и тем обстоятельством, что до сих пор не расшифрована ее письменность. Нет возможности установить последовательность событий, культурных слоев на основе собственно хараппских письменных документов. Для датировки предметов, найденных на поселениях Индской

цивилизации, применяется метод радиоуглеродного анализа и сравнительный метод. Первый метод не может быть абсолютно точным, его применение все же ограничено из-за приблизительного характера датировки в 100–200 лет. В настоящий момент абсолютную датировку может дать только сопоставление хараппских находок с аналогичным материалом из Месопотамии. Месопотамская хронология выработана как радиоуглеродным методом, так и на основе месопотамских письменных источников, определяющих внутреннюю хронологическую шкалу.

Как правило, выделяют Ранний, Переходный (период расцвета) и Поздний периоды развития Индской цивилизации. Каждый из них подразделяется на несколько этапов, перемежающихся двумя-тремя перерывами, вызванными наводнениями. Время зарождения Индской цивилизации можно установить только с помощью сопоставления находок из древнейших слоев с материалом из соседних городищ: Амри, Кот-Диджи, которые имеют свою, независимую от культур долины Инда хронологию. К концу раннего периода развития Амри (2600–2500 гг. до н. э.) относятся первые, пока еще скромные, находки красной керамики с черным рисунком из городов долины Инда. Видимо, началом III тыс. до н. э. и нужно датировать зарождение городской жизни в долине Инда. Расцвет Индской цивилизации можно отнести к последним векам III тыс. до н. э., закат – к началу, а окончательный упадок – к середине II тыс. до н. э.

Геологические и археологические исследования показали, что климат долины Инда вряд ли мог претерпеть существенные изменения. Он должен был быть аналогичным современному. Как и в настоящее время, главной проблемой жителей долины Инда была борьба с наводнениями, и можно предположить, что она стала основой развития общества и экономики, формируя организующую политическую силу, а также навыки мелиорации и ирригации. Индийский геолог **М.-Р. Сахни** и американский инженер-гидролог **Р.-Л. Райкс** независимо друг от друга выдвинули и обосновали гипотезу, согласно которой к моменту развития Индской цивилизации долина нижнего течения Инда располагалась значительно севернее. Ее современную территорию покрывал огромный залив. На севере он достигал Амри. В нижних слоях Амри были обнаружены ракушки, которые живут только в соленой воде. Другим подтверждением этой теории является открытие на пакистанском побережье Аравийского моря (Мекран) поселений, расположенных в настоящее время на расстоянии 15–60 км от берега. Вероятно, эти поселения были 5000 лет назад небольшими портами, обеспечивавшими доступ к морю. На месте огромной равнины, располагавшейся вдоль нынешнего течения Инда, была узкая полоса земли, пригодная для земледелия.

Рождение и развитие цивилизации долины Инда

Основываясь на археологических данных, можно сделать вывод, что цивилизация в долине Инда родилась внезапно и исключительно быстро. В отличие от Месопотамии или Древнего Рима, ни на одном поселении, датирующемся временем Индской цивилизации, не обнаружено культурных слоев, относящихся к примитивной стадии развития общества.

Известно очень немного сельских поселений, развившихся в долине Инда до того, как возникла сама городская цивилизация долины Инда, т. е. до 2600–2500 гг. до н. э. Культура Амри могла предшествовать ей лишь на несколько веков. Цитадель Хараппы была построена на месте деревни, культура которой резко отличается от хараппской.

Существует мнение, что основатели Индской цивилизации были выходцами из Месопотамии, тем более что движение племен во 2-й половине III тыс. до н. э. в направлении с запада на восток четко прослеживается археологически. Однако градостроительные навыки жителей Двуречья резко отличаются от того, что обнаружено в долине Инда. В Месопотамии использовался кирпич-сырец, в долине Инда – обожженный; в Месопотамии – арки с клинчатым кирпичом, в долине Инда – только прямоугольные выступающие конструкции; план городов Месопотамии отличался беспорядочностью застройки, тогда как в долине Инда, несмотря на частую перестройку городов, план застройки всегда следовал одному и

тому же строгому правилу деления городов на квадратные блоки. Механизм перехода от маленьких деревень к крупным городским поселениям остается пока не выявленным.

Индская цивилизация в пору своего расцвета занимала огромную территорию: от Камбейского залива на востоке до Мекрана на западе, от подножий Гималаев до современного Дели. Она развивалась в рамках *активной колонизации* окружающего пространства, исходившей из одного главного центра. Вероятно, Хараппа была основана выходцами из Мохенджо-Даро в Переходный период, когда в борьбе с наводнениями они ушли с берегов Инда в более спокойный регион. Там они в точности воспроизвели план родного города. Другая часть выходцев из главного и древнейшего ее центра направилась вниз по Инду, уничтожив местную культуру Амри и основав город Чанху-Даро. Третья волна ушла в долину Сарасвати, где было основано городское поселение в современном Калибангане.

Еще одна мощная волна переселенцев направилась на юг водным путем: в ту пору Индский залив еще не пересох. Добравшись до первого же крупного острова (ныне полуостров Катхьявар) в Камбейском заливе, ими был основан будущий крупный порт Лотхал. Береговая линия современного Камбейского залива в ту пору еще не сформировалась, нынешний Качский залив представлял собой огромное болото, заполненное песком, а оба полуострова – Кач и Катхьявар – были еще островами. Часть переселенцев, отправившаяся в южном направлении, видимо, не была столь многочисленна, как, например, переместившаяся в Пенджаб. В Лотхале отмечается самое длительное на протяжении всей истории города сосуществование индских и местных традиций. Так, впервые знакомство носителей индской культуры с рисом произошло в Лотхале именно благодаря местным жителям.

Развитие цивилизации в долине Инда, в частности в ее крупнейшем и самом древнем городе Мохенджо-Даро, проходило в постоянной борьбе с наводнениями. Город неоднократно затоплялся. Ниже Мохенджо-Даро в нескольких десятках километров по течению Инда происходили выбросы земной породы, которые формировали естественную плотину. Этот процесс, развивавшийся со скоростью до 20 см в высоту в год, привел к формированию озера, уровень воды в котором достигал самого города. Под давлением массы воды в сочетании с постоянным движением почв в этой плотине образовывались бреши, через которые стекала вода. Но всякий раз воды Инда оставляли на берегу новые массы ила, повышая уровень равнины. Таким образом, Мохенджо-Даро должен был успеть достичь статуса развитого города достаточно быстро, еще до того, как он был в первый раз затоплен.

Постоянная угроза наводнений заставляла жителей долин Инда предпринимать масштабные работы по укреплению города, созданию продовольственных запасов. Эти меры могли позволить избежать затоплений и выжить. После очередного наводнения в Мохенджо-Даро перестраивались снесенные здания. Жители окружавших город деревень не были в состоянии совладать со стихией, в случае опасности они укрывались в нем. После наводнения, когда почва немного высыхала, равнина вокруг города становилась еще более плодородной, что позволяло быстро восстановить сельскохозяйственное производство.

Города индской цивилизации

К сожалению, почти ничего не известно об *устройстве общества* Индской цивилизации. Необходимость проведения масштабных работ по борьбе с наводнениями заставляет предполагать наличие авторитарной власти, сущность которой остается неизвестной. Предположение о наличии в обществе большого количества рабов, необходимых для постоянных реконструкций городов, отчасти подтверждают обнаруженные в Хараппе 76 терракотовых фигурок людей, сидящих на корточках. Возможно, так изображались рабы.

Гораздо лучше изучены *градостроительные навыки* жителей долины Инда. Планировка всех городов Индской цивилизации одинакова. Города имели одну и ту же

ориентацию в пространстве и состояли из двух частей – цитадели и «нижнего города». На западе на некотором возвышении стояла прямоугольная цитадель. На востоке на более низком холме располагался город. Этот план характерен как для главных центров, расположенных в долине Инда, так и для периферийных поселений, например Калибангана, Лотхала или прибрежных поселений в Мекране. Все города, как правило, строились на месте деревенских поселений, не связанных с миром Индской цивилизации, но быстро ею поглощенных.

Цитадель в Мохенджо-Даро представляла собой платформу, защищенную насыпью из необожженных кирпичей толщиной 10 м и высотой 4 м. Эта насыпь должна была предохранять цитадель от наводнений. На платформе были выстроены все важнейшие здания цитадели.

Среди зданий в цитадели выделяется «Большой бассейн», построенный из обожженных кирпичей. Его глубина – 2,4 м. Бассейн заполнялся водой из колодца, расположенного в одном из помещений на его восточной стороне. Вода из колодца выливалась на пол и поступала по специальному желобу в бассейн. Для слива воды использовался водосток в западной стенке бассейна. Вероятно, «Большой бассейн» имел религиозное предназначение, обеспечивая соблюдение жрецами ритуальной чистоты. Помещения, расположенные вдоль северной стенки бассейна, могли предназначаться именно для них. Интересно, однако, что до сих пор ни одно здание в Мохенджо-Даро не может быть идентифицировано как храм.

Среди других монументальных построек в Мохенджо-Даро выделяются так называемые резиденция правителя и зал собраний. Стены первого здания достигают 1,2 м в толщину. Здание занимает площадь 70 × 25 м, образуя башню, в которую ведет единственный вход. Второе здание состоит из зала, каждая сторона которого равна 30 м. Зал разделен на пять нефов четырьмя рядами колонн по пять колонн в каждом. Предназначение этих помещений точно не выяснено.

Первые обитатели Хараппы сразу же предприняли строительство огромного размаха на месте, где стояла деревня, родственная по своей культуре поселениям Белуджистана. Они построили из необожженных кирпичей и принесенной земли террасу высотой 3 м. Она была окружена стеной толщиной 12 м у основания, сужавшейся кверху. Изнутри стена была выложена обожженным кирпичом и землей так, что она находилась на высоте 6 м над уровнем равнины. Эта терраса много раз перестраивалась.

Внутри цитадели существовали колодцы и система канализации по водостоку, выложенному из того же материала. Между цитаделью и рекой находились продовольственные склады. Они располагались на приподнятой террасе, предохранявшей их от наводнения. Склады были устроены так, чтобы между полом и фундаментом мог свободно циркулировать воздух, обеспечивая вентиляцию. Рядом со складами располагалась своего рода «мельница» и выстроенные по строгому плану «рабочие кварталы».

Цитадели Хараппы и Мохенджо-Даро дают основание предполагать наличие строго организованного, структуризованного и иерархизированного общества. Население Мохенджо-Даро в пору расцвета города, по всей вероятности, составляло несколько десятков тысяч человек.

«*Нижний город*» характеризуется строгостью планировки: широкие улицы, ориентированные с севера на юг и с запада на восток, образовывали квадратные кварталы, размером, приблизительно 240 × 360 м. Особенностью этих кварталов было то, что ни одна дверь не выходила на главные улицы. Вероятно, вывод дверных проемов в маленькие переулки внутри квартала должен был предохранять их обитателей от пыли и грязи, которыми покрывались улицы в период засухи и дождей. Каждый дом имел свой водосток. Система все утолщающихся водостоков выводила поток нечистот в центральную канализацию. Водостоки были выложены из обожженных кирпичей и скрыты от пешеходов и жителей кварталов. Для очистки городов использовались также урны. Они представляли собой кирпичные резервуары, прикрепленные к стенам домов.

В «Нижнем городе», как и в цитадели, имелись постройки общественного назначения.

Так, в Мохенджо-Даро было найдено большое помещение, находившееся на одной из центральных улиц. В углу был вырыт колодец, а вдоль стены расставлялись подставки под кувшины с водой. Возможно, здесь располагалось нечто вроде столовой, где можно было выпить воды или пальмового вина.

Средний дом в Мохенджо-Даро представлял собой строение размером 25 × 30 м, плотно прижатое к соседнему дому, для того чтобы избежать накопления мусора между ними. Первое помещение в доме предназначалось для «привратника»: дверь в него была особенно широка, и можно было с легкостью наблюдать за всеми, кто входит и выходит. Помещение «привратника» выводило в широкий коридор, вдоль которого располагалось несколько жилых комнат. В доме имелась туалетная комната, снабженная даже душем, и кухня. Семья жила на втором этаже, который, вероятно, полностью строили из дерева, о чем можно судить по большому количеству древесных остатков, обнаруженных при раскопках городов.

Крупные города Индской цивилизации были основными центрами потребления сельскохозяйственной продукции, производимой окрестными деревнями. С основанием городов резко возрастает количество деревень вокруг них. Наиболее полно исследованы поселения Джукар и Лохумджо-Даро. Небольшое количество деревень, обнаруженных вокруг Мохенджо-Даро, объясняется тем, что их остатки смыты водами Инда.

Развитие внешних связей не было бы возможно без крупного порта, такого как Лотхал (находился на современном полуострове Катхьявар), и портов в Мекране – на пакистанском и иранском побережье Аравийского моря – Суткаген-Дор, Сотка-Кох, Балакот. Они служили перевалочными пунктами на пути в Месопотамию и Иран и обеспечивали выход к морю поселениям, расположенным в глубине материка.

Планировка Лотхала напоминает схему, известную из городов долины Инда и Пенджаба, хотя отдельно стоящая цитадель в нем отсутствует. Жилые кварталы организованы в виде квадратных островков, разделенных большими улицами (4–6 м шириной) и отгороженными от них высокими заборами. В Лотхале был обнаружен огромный док 213 × 36 м. Высота бортов бассейна достигала 4 м. В восточной стене этого сооружения имелся вырез, через который корабли могли войти внутрь. Именно на территории Лотхала были сделаны находки (печать, модель корабля, слитки меди), свидетельствующие об активных контактах Индской цивилизации с Ближним Востоком.

Повседневная жизнь и культура в долине Инда

В качестве транспортных средств в городах Индской цивилизации использовали в основном повозки, запряженные быками. В Хараппе были обнаружены отпечатки следов колес, затвердевшие в уличной грязи. Расстояние между этими колесами почти в точности соответствует современным повозкам. То, что главные города Индской цивилизации выросли на берегах рек Инда и Рави, свидетельствует о развитии навигации. В Мохенджо-Даро была обнаружена печать с изображением весельной лодки, управляемой кормовым рулем. В центре лодки размещалась пассажирская кабина, прислоненная к мачте.

Фигурка буйвола (сер. II тыс. до н. э., Хараппа)

На всем протяжении существования Индской цивилизации для производства инструментов активно использовался камень. Из металлов были известны золото, серебро, медь, бронза, электрум – природный сплав золота и серебра. Из этих металлов делали украшения, из серебра иногда изготавливали сосуды. Кухонные предметы и посуда, строительные инструменты и оружие делались из меди и бронзы.

Несмотря на наличие запасов меди и серебра в Раджпутане и Белуджистане, наиболее вероятным источником поступления этих металлов был Афганистан и Оманский полуостров,

олово ввозилось из Ирана. Дороговизна металлов объясняет широкое применение камня для производства ножей. Бронза использовалась для изготовления топоров, бритвенных лезвий, ножниц, оружия, пил.

Одежду шили из хлопка и джута. Хлопок служил также для изготовления веревок, кроме того, из него добывали хлопковое масло. Для пропитания возделывали ячмень и пшеницу, следов разведения риса в долине Инда не обнаружено. Также выращивали горох и сезам, ценившийся благодаря маслу, которое из него получали. В пищу шли финики, арбузы и дыни.

Индская керамика отличается разнообразием форм. Именно находки керамики позволяют, как правило, определить принадлежность того или иного поселения к миру Индской цивилизации, выявить внутреннюю эволюцию и относительную хронологию самих поселений. Практически повсеместно керамика производилась при помощи гончарного круга.

Декор индской керамики уникален. Роспись полностью покрывает сосуд, не оставляя на нем пустого места. Рисунок, как правило, линейный, соединяет в себе геометрические и природные мотивы. Особой популярностью пользовались контрастные по цвету квадраты, треугольники в самых различных комбинациях, пересекающиеся круги. Природные мотивы также очень разнообразны – деревья и растения, нередко стилизованные. Особенно часто встречается изображение смоковницы, листья которой напоминают перевернутое сердце. Эти рисунки, несомненно, имели сакральное значение. Из животных чаще всего изображали птиц, в особенности павлинов, оленей, рыб и даже крокодилов. Изображения человека крайне редки.

Расписная керамика представляет собой лишь мизерную часть находок, большинство сосудов повседневного пользования оставались нерасписанными. Среди наиболее характерных типов выделяются следующие: блюдо на подставке, курительница и «индский бокал». Первый тип сосудов известен еще из Амри, но именно индские ремесленники придали ему столь утонченную форму. Такие сосуды достигают 45–50 см в высоту, в стенках сделаны отверстия. Находки индских бокалов относятся к Переходному и Позднему периодам Индской цивилизации, но обнаруживаются почти во всех ее поселениях. Бокал представляет собой небольшую вазу на сужающейся ножке высотой 13–15 см.

Огромное распространение имели фигурки из обожженной глины – терракоты. Из нее делали предметы самого разнообразного применения: от водосточных труб до украшений (кольца, браслеты), игрушек и даже клетки для птиц и мышеловки. Среди игрушек выделяются своим разнообразием фигурки животных, детские мячи, встречаются даже наборы для игры в домино.

Известного мастерства индские ремесленники достигли в *изобразительном искусстве*. Среди наиболее примечательных находок стоит упомянуть скульптурные изображения танцовщицы и царя-жреца из Мохенджо-Даро. Бронзовая фигурка танцовщицы найдена в слоях Переходного периода, т. е. времени наибольшего процветания города. Фигурка царя-жреца выполнена из стеатита, покрытого прочной беловатой глиной.

Танцовщица из Мохенджо-Даро

Если фигурки, обнаруженные в поселениях Индской цивилизации, все же довольно грубы, то *индские печати* свидетельствуют о высоком мастерстве индских граверов. На прямоугольную поверхность размером несколько сантиметров индские мастера ухитрились нанести рисунок глубочайшего содержания, владея техникой композиции. Изготавливались печати из стеатита. В основном они были квадратные (известно несколько треугольных образцов), их размеры варьировались от 17 до 30 мм. На реверсе имеется отверстие для шнура: возможно, печати носили в качестве амулетов. На аверсе обычно изображалось какое-либо животное: чаще всего единорог. Его тело и голова напоминают бычьи, на

некоторых печатях он походит на осла. Вполне возможно, это какое-то давно исчезнувшее животное. Среди других животных изображались буйволы, зебу, носороги, тигры, слоны, крокодилы. Все рисунки обязательно сопровождались надписями, все еще неразгаданными. Количество печатей столь велико, что можно предполагать наличие у каждого городского жителя своей собственной.

Печати являются важнейшим источником для изучения письменности и языке жителей долины Инда. Известно около 400 знаков, наносившихся на печати. То, что надписи остаются нерасшифрованными, объясняется их краткостью (они содержат от 4 до 10 знаков), отсутствием точной информации о лингвистической принадлежности носителей этих печатей, отсутствием параллелей в иных системах письма.

Кроме того, печати являются одним из немногих источников информации о *верованиях*, распространенных в то время. По всей вероятности, обилие изображений животных на печатях свидетельствует о развитии культа животных. Наличие того или иного изображения может свидетельствовать о принадлежности ее владельца к тому или иному клану, восходящему к определенному мифическому предшественнику. Весьма распространены на печатях изображения «Великой богини», известной и по терракотовым фигуркам. Ее величие и божественность подчеркиваются наличием разветвляющихся рогов. Встречаются и изображения «Великого бога» – сына, супруга и отца женских божеств, застывшего в медитации. У верховного бога хараппцев огромные рога и тройное лицо, как позднее у главы индуистского пантеона Брахмы. Он сидит в окружении четырех разных животных. Возможно, такое изображение верховного бога воплощает в себе идею господства над четырьмя сторонами света, которые олицетворяют эти животные.

С обнаружением в 1946 г. в Хараппе кладбища стали ясны *погребальные обряды* хараппцев. Тела лежали либо на боку, либо на спине, за редким исключением голова была обращена на север. Могилы выкапывались значительно просторнее, чем было нужно для погребения: до 4,5 м в длину и до 4 м в ширину. В могилы укладывались вещи, привычные в земной жизни для их владельца, – еда, питье, одежда, украшения, предметы туалета. В одном из погребений были обнаружены остатки гроба, использование которого совершенно нехарактерно для Индской цивилизации. С другой стороны, погребение в гробу в III тыс. до н. э. было широко распространено в Двуречье. Эта и другие находки говорят о наличии тесных контактов жителей городов долины Инда с внешним миром. Вполне возможно, что в этой могиле был похоронен торговец из долины Тигра и Евфрата.

Цивилизация долины Инда и внешний мир

Носители цивилизации долины Инда довольно быстро подчинили себе соседние поселения – такие крупные деревни, как Амри, Кот-Диджи и др., связанные с культурами Белуджистана и Афганистана. Довольно быстро, в течение первых веков III тыс. до н. э., они продвинулись на Иранское плато. Следы их присутствия обнаруживаются там весьма отчетливо, особенно на таких крупных поселениях, как Шахр-и-Сохта и Тепе-Яхья. Поддерживались тесные связи и с поселениями, расположенными в Средней Азии, где они даже основали собственную колонию в Шортугае (Северный Афганистан). Наиболее полно изучены контакты Индской цивилизации с Месопотамией, Восточной Аравией (Маккан/Маган – территория современного Омана) и побережьем Персидского залива (Дильмун с центром на территории современного острова Бахрейн).

Носители Индской цивилизации были активными торговцами и мореходами. Интересно, что находки индской керамики концентрируются в основном на юго-востоке Аравии, постепенно уменьшаясь в центральных и северных районах; глиптика, гирьки, сырье распределяются противоположным образом. Наличие большого количества индских предметов в этих регионах и единичные находки предметов из Месопотамии и с берегов Персидского залива в долине Инда позволяют сделать вывод о культурном и экономическом влиянии Индской цивилизации на ее западных соседей.

Долина Инда и Восточная Аравия

Если природные условия, в которых зародились цивилизации Двуречья и Хараппы, в чем-то похожи, то климат Аравии мало напоминает долину Инда. Различия природной среды обусловили возможность и необходимость обмена собственными «достижениями»: Аравия с ее пространственно ограниченным оазисным земледелием дала Индии просо и сорго, заимствованные из Африки финики, а также верблюдов. Изучение костного материала, добытого в ходе работ итальянской археологической экспедиции в одном из поселений Рас эль-Хамра, показало, что все виды одомашненных животных были завезены в Восточную Аравию из Ирана или других районов морским путем. В конце IV тыс. до н. э. в Восточной Аравии усваивается техника производства, форма и роспись керамики от жителей поселений Юго-Восточного Ирана и Белуджистана. Эта керамика просуществовала до начала III тыс. до н. э.

В культурных слоях на поселениях Оманского полуострова, соответствующих XXIV в. до н. э., появляется керамика, привезенная из долины Инда. Она не выходила из употребления вплоть до первых веков II тыс. до н. э. Появление индской керамики в Восточной Аравии совпадает по времени с периодом максимального подъема Хараппской цивилизации. Индская керамика использовалась либо в домашнем хозяйстве, либо в погребальных целях. Вместе с появлением индской исчезает месопотамская керамика. На мысе Рас эль-Джунайз – самой восточной точке Аравийского полуострова – были обнаружены фрагменты сосудов с индскими надписями, вероятно с именами владельцев. В таких сосудах из долины Инда в Восточную Аравию привозили продукты питания, в частности молочные. Судя по количеству поселений, на которых была обнаружена индская керамика, и количеству самой керамики, связи с долиной Инда для Восточной Аравии в этот период были более важными, чем контакты с Персидским заливом и Месопотамией.

Помимо керамики, о присутствии торговцев из долины Инда в Аравии говорят находки бронзового оружия и инструментов, печатей, жемчуга и даже гребней из слоновой кости. К началу II тыс. до н. э. местная техника керамического производства претерпевает явные изменения под влиянием индской традиции, т. е. происходило не просто взаимодействие, а взаимное обогащение культурными достижениями. Главный интерес для индских торговцев в Восточной Аравии представляла медь. Вывозились также морские раковины, из которых мастера долины Инда делали украшения.

В начале II тыс. до н. э. интенсивность контактов Восточной Аравии и долины Инда падает: лишь единичные хараппские находки в этом регионе можно отнести к этому периоду.

Долина Инда и Месопотамия

О существовании налаженных контактов между Индской цивилизацией и Месопотамией уже в 1-й половине III тыс. до н. э. говорят находки бусин индского происхождения в виде вытянутых цилиндров, сделанных из сердолика и лазурита. Они были обнаружены в Сузах, Кише и Уре – городах, расположенных на западе от главных очагов Индской цивилизации. В Мохенджо-Даро нашли фрагменты сосудов, аналогичные находкам из Ура Раннединастического периода. Стилистическое сходство скульптурных изображений, найденных в городах Месопотамии в слоях, относящихся к началу III тыс. до н. э., со скульптурой долины Инда предполагает наличие уже в этот период культурного взаимовлияния.

Аккадский царь Саргон сообщал в своих надписях о том, что корабли из Мелуххи – земли к востоку от его владений, а также из Дильмуна и из Маккана (Магана) – стран с запада – бросали якорь в его гаванях. Под Мелуххой Саргон определенно имел в виду долину Инда. Между временем правления Саргона и началом III династии Ура долина Инда

снабжала Месопотамию и регион Персидского залива слоновой костью, золотом, сердоликом и другими драгоценными камнями, прочной древесиной, редкими животными, а также рабами. Индские торговцы поставляли в Месопотамию лазурит с территории современного Бадахшана (Афганистан), олово из иранских рудников.

Контакты между долиной Инда и Месопотамией продолжались вплоть до упадка Хараппы. Об этом свидетельствует находка индской печати в слоях XIV в. до н. э. в Ниппуре.

Долина Инда и Дильмун

Регион Оманского полуострова и острова Бахрейн имел прочные контакты с Индской цивилизацией уже до 2500 г. до н. э. В последние века III тыс. до н. э. происходит подъем Дильмуна.

Он был обусловлен его исключительно выгодным географическим положением: товары из Маккана (в основном медь) и долины Инда доставлялись в Дильмун, обменивались и перепродавались местными торговцами в Месопотамии. На смену прямой торговле между долиной Инда, Восточной Аравией и Месопотамией пришла посредническая деятельность жителей Дильмуна.

Своего апогея величие Дильмуна достигло в первые века II тыс. до н. э. В этот период прекратились интенсивные контакты выходцев из долины Инда с Восточной Аравией, а центр тяжести индской торговли переместился в Дильмун. Как и жители Восточной Аравии, дильмунцы приняли индский весовой стандарт, который через Дильмун попал в Месопотамию. Из Дильмуна в Мелухху поставлялись в основном сельскохозяйственные товары. Впоследствии возросло значение Дильмуна как посредника в торговле сырьем. Маккан был более важен как производитель сырья (медь, диорит), вывозившегося в огромных количествах. Схожие товары предлагались Мелуххой – главным поставщиком экзотических товаров (лазурит, полудрагоценные камни, драгоценные металлы, олово, слоновая кость и т. д.). Последнее упоминание о Дильмуне в связи с торговыми операциями в письменных источниках относится к XVIII в. до н. э.

Упадок индской цивилизации

Примерно к концу XVIII в. до н. э. в хараппской культуре назрел кризис. Упадок цивилизации долины Инда – такая же загадка, как и ее рождение. Серьезных климатических изменений не произошло, и причины должны были быть неоднородными. Среди них выделяется и физико-географический фактор: модификация поверхности земли, вызванная постоянными наводнениями, приводила к «увязанию» Мохенджо-Даро в земле. Жизнь в главном городе Индской цивилизации из-за наводнений стала невозможна. Изменение береговой линии явилось одним из важнейших факторов упадка Лотхала.

Другой возможной причиной считают пришествие завоевателей. Кто это был, до сих пор точно не установлено, но, как правило, в них видят среднеазиатских кочевников, предшествовавших вторжению индоариев, или самих индоариев. Эта гипотеза не находит прочного археологического подтверждения, так как к индоариям нельзя с уверенностью отнести ни одну известную археологическую культуру. Кроме того, в Хараппе они пришли на место заброшенного города после того, как прошло несколько столетий с момента ухода его прежних обитателей. Более вероятно, что в период упадка городской жизни в долине Инда основные ее центры подверглись нашествию жителей Южного Белуджистана, идентифицируемых с носителями культуры Джукар.

Среди причин упадка выделяют и экономические факторы: введение в оборот риса и сорго потребовало, с одной стороны, изменения ирригационной техники, а с другой – позволило ввести в оборот значительные более засушливые площади, на которых стало

возможным разведение сорго.

Вероятно, упадок Индской цивилизации можно представить как распад городской общности на множество региональных подразделений, жизнь которых основывалась на сельском хозяйстве, а значение торговли упало до нуля. Этот процесс не был одновременным для всей ее территории. В Хараппе он произошел резко и неожиданно, тогда как жизнь в Мохенджо-Даро агонизировала достаточно долго. В ту пору, когда Хараппа уже не существовала, а поселение в Мохенджо-Даро было практически заброшенным, активная жизнь продолжалась в Лотхале. Но, как и в долине Инда, природа и здесь одержала победу. Из-за постоянных наводнений город все дальше отодвигался от береговой линии, док пришел в упадок, торговая активность, а с ней и жизнь в городе, замерла.

Глава 23 Ведийский период

Период индийской истории, следующий за упадком Индской цивилизации, принято называть *ведийским* по названию литературного цикла, который служит основным источником для его изучения – *ведам*³⁷. Ведийский период длился приблизительно с середины II до середины I тыс. до н. э. В это время в Северо-Западную и Центральную Индию проникают индоарийские племена.

Индоарии и индоевропейцы

Племена, говорившие на индоарийских языках, составляли часть носителей языков индоиранской группы индоевропейской языковой семьи. К моменту наступления бронзового века она уже распространилась на большей части евразийских степей от Балкан до Алтая. Термин «арья» появился уже после того, как индоиранские племена отделились от более крупных образований и устремились в юго-восточном и юго-западном направлениях на территорию современных Средней Азии, Ирана и Индии. «Арья» означает «свободный», «благородный», обладатель этого статуса противопоставляется иноплеменникам и рабам.

Индоарии отделились от общего индоиранского субстрата, распавшегося на две ветви: иранскую и индийскую. Во 2-й половине II тыс. до н. э. индоарийские племена дошли до Индии. Первоначальный очаг их распространения охватывал Восточный Пенджаб; на юге индоарии расселились до гор Виндхья.

Единственным источником наших знаний о них является ведийская литература. Ведийские тексты вплоть до XIX в. до н. э. сохранялись благодаря устной передаче. Первое упоминание о записанном ведийском тексте принадлежит, вероятно, аль-Бируни (XI в.). Колоссальный объем, который было необходимо запомнить, требовал выработки специальных навыков тренировки памяти.

Ведийская литература. Санскрит

Веды – сборники текстов, составленных на языке, который принято называть ведийским санскритом. *Санскрит* (досл. «очищенный», «составленный по предписанным правилам») был языком «священных текстов». Он противопоставлялся *пракрита* (досл. «природный») – разговорным наречиям, родственным в лингвистическом отношении санскриту, но имевшим отличия в зависимости от того или иного региона.

По мере того как индоарийские племена продвигались дальше на восток и юг, в санскрит попадало все больше неиндоевропейских слов. Обогащение санскрита за счет

³⁷ Слово «веда» родственно русскому «ведать» и означает «знание».

местных, в основном дравидийских, языков отражает процесс взаимодействия индоариев с другими племенами, их интеграции в новую для себя среду. Этот процесс заметен уже по «Ригведе». Не знавшие земледелия, индоарии заимствовали плуг и само это слово (*lanqaala* – плуг) у встретившихся на востоке Индии племен мунда.

Веды – самый значительный памятник древнеиндийской культуры. Наиболее древней и самой важной их составляющей является текст «Ригведа» – собрание гимнов, обращенных к различным богам. Чаще всего они адресованы богу дождя и грозы Индре (250 гимнов), чуть меньше гимнов посвящено богу огня Агни. Повествования о деяниях богов составляют большую часть «Ригведы». Также «Ригведа» содержит молитвы, просьбы о даровании блага, о помощи в борьбе против врагов.

«Ригведа» состоит из 1028 гимнов, разделенных на 10 книг (*мандал*), различных по объему и составленным в разное время. Вероятно, вслед за книгами 2–7 была составлена книга 8. Первая часть книги 1 напоминает строение книги 8, но вторая – более поздняя. Самой молодой из всех книг «Ригведы» является десятая мандала. Гимны содержат от 1 до 58 строк, всего «Ригведа» насчитывает 10 462 строфы.

В наиболее древней части «Ригведы» – мандалах со второй по седьмую – гимны распределяются по божествам, к которым они адресованы, в девятой мандале – по стихотворным размерам. Внутри этих подразделений гимны следуют в порядке убывания количества строк. Если гимны содержат одинаковое количество строк, они следуют в порядке уменьшения длины стихотворного размера. Следование этим принципам составляет основу ведийского литературоведения.

Согласно индийской литературно-мифологической традиции, распределил гимны «Ригведы» по книгам небесный мудрец Вьяса. Авторами же гимнов считались небесные мудрецы риши. На самом деле они создавались внутри строго ограниченной корпорации «бардов», принадлежавших к кланам племенных вождей. Исполнители гимнов «Ригведы» стремились не только умиловить богов, но и завоевать авторитет среди племенных вождей, одержать победу в публичном поэтическом соревновании.

Веды сформировались уже в период расселения индоариев по территории Индии, но наиболее ранние пласты ведийских текстов восходят к более древним периодам индоиранского и индоевропейского языкового и культурного единства. Во всяком случае, «Ригведа» была кодифицирована гораздо позже составления ее отдельных частей. Отдельные гимны являются довольно поздними вставками в более древний текст. Каждая книга внутри древнейшей части «Ригведы» относится к определенной жреческой семье, которую можно связать с тем или иным племенем.

Точное время составления «Ригведы» определить невозможно. Можно лишь с уверенностью утверждать, что «Ригведа» – более древнее сочинение, чем другие ведийские тексты. В целом ведийская литературная традиция сформировалась между эпохой прихода индоариев в Северо-Западную Индию и начальным этапом развития буддизма. По всей вероятности, фиксация ведийских текстов произошла ко времени сложения брахманизма, в таком случае составление их древнейшей части должно относиться к гораздо более ранней эпохе. Эти гимны выявляют значительное родство с «Авестой» в мифологии и лексике. Предположительно это древнейшее ядро «Ригведы» относится к III–I тыс. до н. э.

Ведийские гимны по их функциям подразделяются на несколько групп. К первой относятся ритуальные гимны, произносимые в момент зажигания огня, жертвоприношения или возлияния *сомы* – галлюциногенного напитка, использовавшегося в ведийских ритуалах. Ко второй группе – исторические. В них отображается история расселения ведийских ариев по Северо-Западной и Центральной Индии. Выделяется группа космогонических гимнов, наиболее поздних, входящих в основном в десятую мандалу. В них повествуется о зарождении и развитии Вселенной. Встречаются и гимны, составленные в форме диалога. Происхождение диалогической формы точно не выяснено. Возможно, она ведет свое начало от поэтических состязаний авторов и исполнителей гимнов, имевших ритуальное значение.

«Ригведа» имеет скорее литературное, чем практическое, ритуальное значение. Ведийский ритуал сложился позже фиксации ее текста, но в значительной степени ритуальные тексты и ритуальная практика основывались на «Ригведе». Риши – «авторы» гимнов – стремились найти соответствие между жертвоприношениями, совершаемыми людьми, и их небесными прототипами, отражающими природные явления. «Ригведа» не могла иметь широкого распространения. Знание ведийских гимнов в целом, и гимнов «Ригведы» в частности, ограничивалось тем племенным «жреческим» слоем, который отвечал за осуществление культовой практики.

В отличие от «Ригведы», дошедшей до наших дней в одной версии, «Самаведа» сохранилась в трех вариантах, отличающихся друг от друга по количеству строф. Назначение «Самаведы» состоит в передаче мелодий – *саман*, на которые были положены ведийские гимны. Их перемежали восклицаниями или магическими формулами, определявшими ритм или мелодию. Большая часть стихов «Самаведы» заимствована из «Ригведы».

Самхита «*Яджурведа*» – собрание жертвенных формул – известна в пяти версиях: четыре относятся к традиции черной «Яджурведы», пятая – к белой, более молодой. Черная «Яджурведа» состоит из молитв, жертвенных формул и пояснений к ним. В белой «Яджурведе» смесь молитв и формул не отягощена пояснениями. Яджус (досл. «заклинание») описывает то, чего можно достичь с помощью этого заклинания. Назначение «Яджурведы» ритуальное.

«*Атхарваведа*» дошла до нас в двух версиях и представляет собой сборник гимнов и заклинаний в 20 книгах в прозе и в стихах. Их авторами, как и в случае с остальными ведийскими текстами, считаются мифологические персонажи. Всего «Атхарваведа» насчитывает 731 текст из 6000 строф. Первые 18 книг делятся еще на три группы: книги 1–7 содержат краткие молитвы на различные, четко определенные сюжеты. Торжественные гимны, встречающиеся в «Ригведе», здесь редки и подчинены потребностям магии. Книги 8–12 состоят из гимнов также на различные темы, но эти гимны большего объема. Здесь встречаются гимны, посвященные растениям, камням, не свойственные другим частям «Атхарваведы» и определенно использовавшиеся при совершении тех или иных ритуалов. Книги 13–18 сгруппированы по определенному сюжету: каждая книга посвящена одной теме; книга 19 составлена из текстов, заимствованных из первых 18, книга 20 – самая «молодая», в основном повторяет «Ригведу».

Датировать «Атхарваведу» можно лишь сопоставляя ее с «Ригведой». Судя по уровню развития языка, ссылкам на новое географическое пространство, «Атхарваведа» была составлена в период, значительно отстоящий от эпохи формирования «Ригведы». Определить хронологическое отношение «Атхарваведы» к другим ведийским текстам невозможно.

«*Брахма#769;ны*» – собрание текстов, в которых излагается сущность понятия «бра#769;хман» и ведийских ритуалов. Это достигается двумя способами: предписаниями и объяснениями.

Каждый текст цикла «брахма#769;н» относится к определенной веле: брахма#769;ны «Ригведы» – к общинным культам, брахман#769;ы «Яджурведы» – к домашним, брахма#769;ны «Самаведы» используются ведийскими певцами, еще один текст относится к «Атхарваведе». Размеры брахма#769;н значительно разнятся: тексты, относящиеся к «Самаведе», – краткие, они представляют собой разновидность указателя, другие брахма#769;ны значительно большего объема. Самой важной считается «Айтарея-брахма#769;на», относящаяся к «Ригведе». Она посвящена комментированию ритуала возлияния сомы. Из остальных текстов этого круга важнейшим является «Шатапатхбрахма#769;на» («Брахма#769;на ста дорог», соответствующих ста «главам»), которая относится к черной «Яджурведе». В «Шатапатхбрахман#769;е» разбираются тонкости царских ритуалов, в частности посвящение на царство. Брахманическая проза отличается исключительным своеобразием стиля, но, как и в случае с другими ведийскими

текстами, точная датировка брахманы не представляется возможной.

Араньяки (досл. «лесные книги») содержат в основном заклинания. Обладание ими считалось опасным для непосвященных. Их нужно было хранить вне общины, «в лесу». Время составления этих книг относится к эпохе, следовавшей за периодом формирования брахманы.

Иной жанр литературы ведийского периода представляют *упанишады*. Известно более 100 текстов, относящихся к жанру упанишад (от санскр. *upasiḍ* – «сидеть вокруг»). Основное их назначение – трактовка космогонических и психологических аспектов понятий «атман» и «брахман». Как следует из названия самой традиции, они формировались в кругу определенного учителя, создававшего ту или иную школу. Наибольшим авторитетом пользуются 16 главных упанишад. В отличие от других ведийских текстов они представляют собой практические инструкции по овладению сакральным знанием. Весьма небольшие по объему, упанишады составлены в прозе и в стихах в форме свободного разговора, диалога, загадок, афоризмов, часто развивая темы, поднятые в брахманах.

Упанишады относятся к традиции «веданты» (досл. «конец веды»). Ее цель состоит в том, чтобы помочь в освоении сакрального знания. Датировка упанишад представляет такие же сложности, как и определение времени составления других ведийских текстов. Можно предположить, что упанишады формировались незадолго до времени рождения Будды, с учением которого их многое объединяет.

Ведийский пантеон

Древнеиндийские боги имеют многочисленные параллели в культурах других народов – иранских, греческих, славянских. Так, божество грозы *Парджанья* соответствует древнеславянскому Перуну, а бог неба *Варуна* – древнегреческому Урану. Очень близки веды к культуре Древнего Ирана. И в Индии, и в Иране поклонялись богу *Митре*, во время религиозных церемоний пили сому – священный напиток, видимо, обладавший наркотическим действием.

Помимо богов, в ведах активно действуют негативные персонажи более низкого ранга: *асуры* – главные противники богов и *ракшасы* – главные противники людей. Их мир менее известен, функции и взаимосвязи не вполне ясны.

Индийцы эпохи вед не делили природу на живую и неживую. Они считали, что их окружает мир, в котором живут не только люди, звери, птицы, растения, но и предметы – алтари, оружие, домашняя утварь, мази и даже игральные кости. Природные явления индийцы отождествляли с определенным божеством: солнечный свет – с богом *Сурьей*, порывы ветра – с богом *Ваю*. Сверкающие на небе молнии, дожди или засуха, мерцание звезд – все это вызывало в них восторг или ужас. Свои чувства ведийский поэт выражал в гимнах, которыми он пытался умиловить того или иного бога, или воспеть его красоту, силу и могущество, или попросить у него что-либо. При этом индоарии наделяли своих богов вполне человеческими страстями: любовью, ревностью, жадностью.

Четкой иерархии богов не существовало. Родственные отношения между ними не были упорядочены, да и точное количество богов установить невозможно. Чаще всего говорится, что богов было три раза по одиннадцать, т. е. 33: 11 на небе, 11 между небом и землей и 11 на земле. Часто бог, воспеваемый в том или ином гимне как самый могущественный и незаменимый, в другом гимне оказывался на втором плане. Такой «беспорядок» в мире богов отражал и неустоявшуюся общественную жизнь самих индоариев, не знавших еще четкой иерархии внутри своих племен.

Самым старым богом, согласно ведам, был *Дьяус*; его еще называли Отец-Дьяус. Различные индоевропейские народы почитали это божество еще до прихода индоариев в Индию. На это указывает то, что грекам он был известен как Зевс, римлянам – как Юпитер, древнегерманским племенам – как Зий. Дьяус олицетворял собой небо в различных состояниях: ночное небо представлялось в образе черного коня, украшенного жемчугом,

грохочущее небо, испускающее молнии, – в образе мычащего и разъяренного быка. Женой Дьяуса была *Притхви* (Земля), и они воспевались как прародители мира.

Варуна – создатель мира – изначально занимал главнейшее место в ведийском пантеоне. Он жил во дворце на небе в окружении других богов. Затем он был свергнут Индрой. Ведийские гимны содержат намеки на то, что Индра, сам сотворенный богами, убил своего отца, а в одном гимне боги обвиняются в том, что они «ушли от отца Варуны к сыну Индре». Таким образом, Индра занял главенствующее место. Варуна был богом, наказывавшим за преступления. В его функции входило распределение воды, дарование дождя. Варуна – владелец священного напитка сомы, покровитель луны, ночное божество. Ему противостоял бог солнца Митра.

Самым воинственным богом ведийского пантеона был *Индра* – царь богов, бог грозы и дождя, наделенный другими богами безграничной силой и несокрушимым оружием – ваджрой – молнией. Индра – единственный из ведийских богов, о рождении которого известно что-то определенное.

Имена родителей Индры разнятся, видимо, на эту роль претендовали разные боги. Ему посвящено наибольшее количество гимнов в «Ригведе». В них воспевается его физическая сила и воинские подвиги. Индра вызвал на поединок и победил злого дракона Вритру, который «сковал» воды. Воды были освобождены, хаос уступил место организованному миропорядку. Царству Индры противостояли злые демоны – асуры и ракшасы. И когда во главе богов стал Индра, боги сумели их одолеть. «Он убил змея, он просверлил отверстие для рек, он рассек чресла гор... и перехитрил хитростью хитрецов», – сказал об Индре ведийский поэт. Индра перенял функции хранителя священного напитка сомы, он прятал его у себя в животе.

Войско Индры составляли *Маруты* – сыновья другого божества – *Рудры*. В «Ригведе» Рудра занимает подчиненное место, но его свирепый вид, мощное оружие, прежде всего лук со стрелами, заставляли относиться к нему с большим почтением. Рудра был не только богом-разрушителем, но и целителем. Он жил в лесах и горах, внушал людям страх и карал за нарушение запретов. Часто Рудра ассоциируется и даже отождествляется с ведийским богом огня Агни.

Агни – один из главных ведийских богов – рождался из небесных вод и летел на землю в виде молнии. Также он мог рождаться от трения сухого дерева. Агни был щедрым хранителем домашнего очага, он даровал здоровое потомство, служил посредником между небом и землей и передавал жертвоприношения людей богам – в этом состоит важнейшая роль Агни в ведийском пантеоне.

О Агни, иди со [своей] службой вестника – Не потерпи
неудачи! —

К богам, [посланный] толпой [певцов,] творящих молитвы!
Почти Сарасвати, Марутов, Ашвинов...
Всех-Богов, чтобы они одарили сокровищем!

(Пер. Т. Е. Елизаренковой)

Ведийские поэты воспевали его золотые волосы, три или семь языков, пожар, который он производит. Агни – сын Дьяуса, но и другие боги претендовали на роль его отца. Впрочем, в некоторых гимнах он сам выступает их отцом.

В поздних ведийских текстах на первый план выходит *Вишну*, хотя в «Ригведе» его роль еще не очень ясна. О нем известно, что он пересек тремя шагами пространство. Третий шаг Вишну ведет в мир богов. В иранской «Авесте» также есть миф о трех шагах божества Амеша Спента через пространство. Вишну помог Индре одолеть злого демона Вритру. Для Индры же он приготовил напиток сомы, с которым сам часто отождествляется.

Вишну в образе человека-льва

В ведийских жертвоприношениях большое значение придавалось опьяняющему напитку соме. И бог *Сома* в ведийском мире богов занимает одно из самых главных мест. Так как время сбора и приготовления сомы зависело от лунного цикла, Сома почитался как бог луны. Сама луна представлялась чашей, наполненной сомой – напитком бессмертия. Сома – «владыка областей», наделенный воинской силой, ездит на своей колеснице в образе покорителя света. Место рождения Сома находилось на земле, на горе Муджавант. Однако он почитается и как «сын неба».

Одной из самых красивых и любимых индийцами богинь была *Ушас* – богиня утренней зари и дочь неба. Каждое утро в образе прекрасной и вечно молодой девушки она приходила в блестящих одеждах, чтобы прогнать свою сестру ночь и появиться в сияющей колеснице, запряженной огненными конями. Вот как ее воспевал ведийский поэт:

Вот в соответствии с [божественным] порядком
зажглась Ушас, рожденная на небе.
Она пришла, являя [свое] величие.
Она раскрыла злых духов [и] безрадостный мрак.
Лучшая из Ангирасов, она пробудила пути.
Будь нам сегодня на великую удачу!
О Ушас, одари [нас] на великое благо!
Дай нам блестящее почетное богатство,
Создающее славу среди смертных, о человеческая богиня!

(Пер. Т. Е. Елизаренковой)

В ведийский период вплоть до появления упанишад понятие «душа» известно не было. Ведийские индийцы упоминали *asu* – жизненную силу и *manas* – дух. После смерти в обряде кремации человек получал новое тело, свободное от недостатков, с которым он переходил на небо. Там он обретал блаженство, выраженное в виде материального достатка. В упанишадах этот небесный рай трансформируется в «переходную» область, откуда души начинают процесс перерождения.

Согласно другому, более древнему взгляду, подтверждаемому иранской традицией, после смерти человек переходил в подземное царство мертвых, где царствовал бог *Яма* (досл. «близнец») – одно из древнейших ведийских божеств (его иранское соответствие – Ями). Первый владыка царства людей, равный другим богам, любитель сомы, он превращается в царя мертвых, сам становится воплощенной смертью, владыкой подземного мира.

Функции ведийских богов были весьма четко распределены по трем направлениям. Варуна – бог воды, хранитель правильно совершаемого ритуала – выполнял основные магические и ритуальные функции; он был непременным участником всех совершаемых обрядов. Аналогичные функции были у бога огня Агни и Сома. Индра являлся основным воинским божеством, а дети Отца-Дьяуса – братья-близнецы Ашвины – «отвечали» за обеспечение небожителей различными материальными богатствами.

Ведийская космогония

По ведийским представлениям, Вселенная состояла из трех частей: небесной, земной и подземной. Землю представляли в виде диска, покоящегося в океане, разделенном на два, три или четыре моря. Воды окружали и Солнце. С неба на землю нисходили семь рек. Небо и земля представлялись в виде двух тел, противопоставленных друг другу. В более поздних текстах – в образе двух половинок яйца, лежащих друг на друге. Ведийские поэты описывали небо в виде камня, в котором были просверлены отверстия для звезд – дверных

проемов для Солнца и Луны. В араньяках появляется образ космического центра Вселенной – земной горы Меру.

Сотворение мира описывается как ремесленный акт. Этому посвящен отдельный гимн в десятой, самой «молодой» книге «Ригведы». Этот процесс предстает как акт жертвоприношения космического гиганта – первочеловека Пуруши, расчлененного богами и мудрецами. Два ведийских гимна обращены к «Творцу всего» – *Вишвакарману*, который в акте жертвоприношения создал мир. Последняя мандала «Ригведы» уже противопоставляет «бытие» и «небытие».

В литературе брахман акт миротворения воплощен в двуполом божестве *Праджапати*. Одержимый «желанием» и боящийся одиночества, он испускает «жар», раздваивается, выделяя женское начало в виде «священной речи» или богини *Ушас*.

В результате этого появляются все прочие жизненные субстанции. Окончательная деперсонализация акта рождения мира оформляется в упанишадах.

Ведийские культы

Постоянную связь между небесной и земной сферами ведийские арии поддерживали посредством жертвоприношений. С их помощью пытались задабривать богов, обращать божественную мощь на врага, передавали богам просьбы о даровании потомства или дождя и многом другом. Богов приглашали сесть на подстилку из священной травы у костра и угощали как почетных гостей едой и питьем. В огонь лили масло, бросали зерна, и бог огня Агни уносил эти дары на небеса в обители богов.

Самым распространенным ритуалом, совершаемым в течение всей жизни каждого человека, был *агнихотра* – домашнее жертвоприношение огню. В качестве подношения предлагалось очищенное расплавленное масло. Ритуал исполнялся сразу после восхода или заката солнца. Также жертвовались рис и ячмень. Помимо жертвоприношений, следовало обязательно исполнять множество домашних обрядов при рождении, смерти, погребении, заключении брака.

Также проводились торжественные *общинные жертвоприношения*. Следуя детально разработанным правилам, сооружался алтарь, разжигались жертвенные костры, а в самом ритуале принимали участие целые группы жрецов. Эти жертвоприношения (даже самые торжественные и обильные с участием множеств жрецов) всегда совершались по чьему-либо заказу. Жертвователю принимал на себя все расходы по их организации и осуществлению. Как правило, в жертву приносили какое-либо животное.

Самым торжественным было «царское» *жертвоприношение*, сопровождаемое *гекатомбой* – жертвой ста коней. Оно длилось три дня, но подготовительные процедуры могли занимать до двух лет.

Наиболее характерный ведийский ритуал – *жертвоприношение сомы*, священного дурманящего напитка. Оно длилось целый день и повторялось ежегодно, как правило весной, для поддержания правильного хода событий и явлений в течение всего наступавшего года. Возлияние сомы являлось основой ритуала посвящения на царство. Рецепт изготовления этого напитка держался в строжайшей тайне и так и остался неизвестным. Сому готовили из грибов и трав, до сих пор с точностью не определенных. Доставка, очистка, отжим, просеивание сомы, смешивание с водой и молоком – все это проводилось по строгим предписаниям и чрезвычайно торжественно. Употреблять сому вне связи с жертвенными ритуалами было запрещено. Возлияние сомы – один из древнейших ритуалов. Среди иранских ариев этот напиток был известен как хаома.

Лишь абсолютная точность исполнения ритуала, пения гимнов, произнесения магических формул гарантировала успех жертвоприношения. Поэтому жрецом мог быть только глубокий знаток священных обрядов. Жречество превращалось в замкнутую группу профессиональных жрецов, принадлежность к которой определялась фактом рождения в жреческом роде. Главным жрецом во время ритуала был *хотр*. Его функции оформились

еще в период индоиранского единства. Хотр осуществлял возлияние сомы, он зачитывал необходимые гимны. Другой жрец – *адхварью* – мог зачитывать только заклинания (*яджус*). Он должен был осуществлять все действия, связанные с перемещениями во время ритуала, поддерживать священные огни, подготавливать алтари.

Ведийский культ не знал храмов. Ритуалы осуществлялись либо в доме заказчика жертвоприношения, либо на свободном месте, где устраивались три священных очага. В центре находился алтарь. На нем размещали предлагавшиеся богам дары. Во время жертвоприношения сомы использовалось несколько алтарей.

Ведийское общество

Составить точное представление о структуре ведийского общества очень трудно. Для этого необходимо обратиться к миру богов, воспетых в ведах, отражавшему вполне земную реальность. Как и собрание небожителей, общество ведийских ариев разделялось на три группы: первая отвечала за магически-религиозную сторону жизни, вторая – за воинскую, третья – за продовольственное и ремесленное обеспечение.

Постепенно эти группы оформились в три *варны* : *брахманов* (жрецов), *кшатриев* (воинов) и *вайшьев* (земледельцев). Слово «варна» означает «цвет»: возможно, члены ведийского общества отличали себя от чужаков по цвету кожи. Варны являются основой классификации общества в Индии вплоть до наших дней. Значительно позднее к этим трем сословиям добавилась варна *шудр* , в которую первоначально входили представители неарийских народов. Трехчастное деление общества восходит еще к периоду индоевропейского единства.

Представители двух первых варн, вероятно, с древности наследовали жреческое и воинское ремесла. Брахманы получили свое название как обладатели брахмана – мистической силы, сакральной формулы, связывавшей мир людей и богов. Жреческие семьи вели свое происхождение от определенного небесного мудреца-риши. Наименование «кшатрий» (досл. «обладатель воинской власти») появляется только в «Атхарваведе». Главным кшатрием был царь; он считался отцом остальных членов общины. Термин «вайшья» (досл. «общинник», от «виша» – «семейный клан», «община») впервые встречается в «Яджурведе». Представители этих трех сословий и могли называться ариями.

Основной структурной единицей индоарийского общества было племя (*джана*), возглавляемое *раджой* . Ведийский раджа больше напоминал племенного старейшину. Аппарат принуждения в раннем ведийском обществе практически отсутствовал. Государство в ведийский период еще не сложилось, племена жили по принципам «военной демократии» и постоянно враждовали друг с другом, стремясь занять более плодородные земли. Союзы племен воевали и с неарийскими народностями – их описывали как обладателей «черной кожи» или «безносых». Можно предположить, что это были представители дравидийских племен на западе и монголоидов на востоке Индии. В результате столкновений с ними в ведийском обществе появились первые рабы.

Племя состояло из больших патриархальных семейных кланов (*виша*). Царские семьи могли строиться по принципу полигамии: так, в ритуале жертвоприношения коня должны были участвовать четыре жены царя. Несколько кланов формировали деревню (*грама*).

Так как ведийские арии вели кочевой образ жизни, они не использовали в строительстве прочные материалы, например камень. Городов они не знали, в ведах фигурируют или временные укрепленные стоянки, или огороженные загоны для скота. Первые упоминания о настоящих городах встречаются только в брахманах. В ведийских гимнах есть упоминания о товарообмене, единицей стоимости являлась корова, позже в качестве средства обмена использовались золотые украшения.

Основным занятием индоариев было *скотоводство* , а скот – главным мерилom богатства. Коровы давали молоко – основу пропитания; в ход шли и шкуры, использовавшиеся для производства одежды и в строительстве жилья. В ведах содержится

множество обращенных к богам гимнов с мольбой об увеличении стад своих племен и истреблении вражеских. Коровы были главной и самой желанной добычей на любой войне. Также очень высоко ценились лошади. Лошадей использовали как транспортное средство, рабочую силу и для передвижения военных колесниц. В ведийских гимнах упоминаются даже беговые состязания на колесницах. Разводились и другие домашние животные: козы, овцы, ослы. Возможно, уже в ведийский период была одомашнена кошка.

Частые войны и необходимость осваивать новые земли приводили к быстрому прогрессу *ремесла*. В ведийских гимнах упоминаются плотники и изготовители колесниц, а затем и кузнецы. С развитием кузнечного дела получают широкое распространение инструменты из меди и железа, развивается производство оружия. Упоминаются также мастера по обработке кожи и ткачи. Ткачество считалось женским ремеслом.

Переходя постепенно к оседлому образу жизни, смешиваясь с местным населением, ведийские арии перенимали у коренных жителей навыки *земледелия*. Основным злаком был ячмень. Освоение железа позволило перейти к обработке земли не только мотыгой, но и плугом. Ведийским ариям было известно две его разновидности: тяжелый (такой плуг тянули 24 быка) и легкий (для работы с ним требовалось всего 2 барана). Осваивая речные долины, ведийские арии сталкивались с необходимостью овладевать навыками осушения, а переходя на более засушливые земли – *ирригацией*.

Дом простого общинника представлял собой весьма примитивную конструкцию. Каркас из вертикально поставленных балок скреплялся сверху горизонтальными планками, покрытыми соломой. Внутренние перегородки делались из циновки. Кирпич использовался в ведийский период только для сооружения алтарей. Одежду изготавливали из шкур, шерсти, льна и хлопка. Помимо молока – основы ежедневного меню, в пищу употребляли и мясо. Излюбленной игрой простых людей были кости.

Впрочем, игра в кости имела ритуальное значение, являясь элементом гадания. Гонки на колесницах были доступны лишь очень богатым племенным вождям. Высокого уровня достигло искусство танца, так как танец использовали во многих ритуалах. Было высоко развито и пение, чему способствовала необходимость зачитывания нараспев ведийских гимнов. Из музыкальных инструментов использовались ударные и, возможно, примитивные струнные.

Глава 24 Индия периода Маурьев

Образование первых государств. Ашока Маурья

Детальная реконструкция и точная датировка событий политической истории Индии середины I тыс. до н. э. невозможны из-за отсутствия источников. В период между временем Будды (ок. 500 и 430 гг. до н. э.) и индийским походом Александра Македонского (327–325 гг. до н. э.) наиболее могущественные государства складываются на северо-востоке Индии. Царства *Магадха* и *Кошала* занимали территорию вдоль среднего течения Ганга, *Вамса* – в междуречье Ганга и Ямуны. Некоторые из этих первых государств имели не монархический, а «олигархический» строй. Они управлялись ассамблеями из наиболее знатных общинников. Основой этих государств оставалась племенная структура. Четких границ они не имели, и зачастую власть царей над той или иной территорией носила декларативный характер.

Постепенно возвышается царство Магадха. К IV в. до н. э. в ожесточенной борьбе с другими царствами оно объединило под своей властью всю долину Ганга. Стремясь к созданию единого государства, цари Магадхи безжалостно смещали с престола правителей покоренных царств и ставили там своих наместников. **Бимбисара** – один из первых царей Магадхи – покорил несколько соседних племенных союзов, но был убит своим сыном

Аджаташатрой, отличавшимся суровым воинственным нравом и непомерными амбициями. При нем была построена крепость Паталиграма (досл. «деревня в дельте»), из которой впоследствии выросла новая столица Магадхи – Паталипутра (досл. «Сын дельты»). С переменным успехом Аджаташатра вел борьбу со всеми своими соседями. Завершить ее он не сумел, поскольку его постигла участь отца – он был убит своим сыном **Удайбхарой**.

Дальнейшая династическая история Магадхи вплоть до прихода к власти династии Маурьев известна очень плохо, источники часто противоречат друг другу. На некоторое время над Магадхой установилась власть династии Шишунагов, ей на смену пришла династия Нандов. Об этой династии, которой подчинялась большая часть Северной Индии, известно не много. Последний царь династии Нандов – **Дханананда** прославился как обладатель огромного войска, устранившего даже армию Александра Македонского, вступившего в Индию в 327 г. до н. э. Одни местные племена добровольно покорились греко-македонцам, другие были сокрушены силой. В трудной войне Александр Македонский подчинил бассейн Инда, тем самым ликвидировав его раздробленность. Однако дальше Александр не пошел и покинул эти земли, оставив там несколько своих гарнизонов.

Антимакедонское движение возглавил **Чандрагупта Маурья**. После изгнания греко-македонцев он повел борьбу против династии Нандов. Его поход на восток Индии начался из Пенджаба. Индийская традиция объясняет успехи Чандрагупты умом и хитростью его советника Чанакьи, которому, под именем Каутильи, приписывается составление «Артхшастры» – знаменитого трактата о политической мудрости и основах управления идеальным государством. Заключив союз с вождем горного племени абисаров, Чандрагупта совершил с ним совместный поход в долину Ганга. Огромное войско Дханананды было разгромлено, Паталипутра – столица Магадхи – осаждена и взята. В период между 315 и 312 гг. до н. э. произошла коронация Чандрагупты Маурья. Он правил до 298 (288) г. до н. э.

Правление **Биндусары** – сына и преемника Чандрагупты – длилось 25 (28) лет, его окончание датируется с наибольшей вероятностью 263 г. до н. э. Следовательно, 262 г. до н. э. можно считать началом правления самого знаменитого индийского царя **Ашоки Маурья**.

При Ашоке держава Маурьев достигла наибольшего расцвета. И в настоящее время национальным гербом Индии является изображение львов, украшавшее одну из колонн, установленных во время его правления. В состав государства Маурьев при Ашоке вошла центральная часть Индии, ряд областей на востоке. Проведя кровопролитную войну против царства **Калинга**, лежавшего на юго-востоке от Магадхи, Ашока затем стремился управлять своим государством, не применяя силу. Такая политика получила название «*дхармавиджая*» – «завоевание законом». Понятие «дхарма» включает в себя правильные основы миропорядка, «то, что установлено». Однако дхарма Ашоки не имела четко выраженной религиозной направленности. Провозглашенные им принципы относились в равной степени к приверженцам всех учений, как основанных на ведах, так и противоречащих им.

Ашока Маурья зафиксировал основы своей новой политики в особых *эдиктах*, высеченных на скалах, камнях, специально установленных для этого столбах. Эдикты содержат нормы благочестивого поведения, которым должны были следовать и царь, и все прочие жители его страны.

В одном из эдиктов, высеченном на скале, было сказано: «Пусть устраиваются праздники, но они имеют мало смысла. Лишь те праздники приносят большой плод, которые являются моральными праздниками. Хорошее отношение к рабам и слугам, уважение к учителям, непричинение вреда живым существам – в этом и заключается смысл морального праздника».

Эдикты Ашоки – первые памятники индийской письменности (весь массив ведийской литературы заучивался жрецами наизусть). Большая часть эдиктов составлена на местных разговорных наречиях – пракритах – и записана письмом брахми. Надписи

Ашоки, обнаруженные в Северо-Западной Индии, выполнены письмом кшароштхи, а также на арамейском и древнегреческом языках. Надписи на брахми читаются слева направо, на кшароштхи – справа налево. Считается, что шрифт кшароштхи произошел от арамейского письма, поэтому он должен быть древнее брахми.

Одним из первых, кто пытался расшифровать письменность брахми, был знаменитый индолог XIX в. **Х. Лассен** (1800–1876). Норвежец по происхождению, Ласен много лет проработал на кафедре индийских языков и литературы Боннского университета. Он учил санскрит под руководством одного из первых немецких индологов **А.-В. фон Шлегеля**. Ни разу так и не побывав в Индии, всю свою жизнь Лассен испытывал глубочайший интерес к истории этой страны. Ему принадлежит один из первых научных трудов по древнеиндийской истории «К истории греческих и индо-скифских царей в Бактрии, Кабуле и Индии в свете расшифровки древнекабульских легенд на их монетах» (Бонн, 1838). Огромное значение для индологии XIX в. имело монументальное четырехтомное исследование «Индийские древности» общим объемом более 4000 страниц (1847–1861). Главной движущей силой развития истории, и не только индийской, в соответствии с философией Гегеля, Лассен считал «диалектические» процессы: восприятие обычаев иных народов, смешение различных народов в единое человечество. Важнейший вклад в развитие истории внес, по мнению Х. Лассена, Александр Македонский.

Первым расшифровать письменность брахми и прочесть один из эдиктов Ашоки в 1837 г. сумел служащий Калькутского монетного двора **Дж. Принсеп**.

Несмотря на то что эдикты рисуют образ сильного государства с крепкой властью, в действительности обширная держава Ашоки была рыхлой и непрочной. Власть могущественного царя носила, скорее, декларативный характер. Огромные размеры государства при отсутствии хороших дорог, необходимых для передвижения войска и связи между отдаленными регионами страны, разнообразие племен и народов, наличие множества полунезависимых царьков делали невозможным полное объединение страны.

Сам Ашока называл себя царем Магадхи – столичной части державы – и, таким образом, отделял свои личные владения от остальных. Во многих областях продолжали править местные династии, которые номинально признавали власть царя Магадхи над собой, но фактически оставались независимыми. Реальной властью царь обладал лишь в столичной области. Он был окружен советом из 500 человек – родственников и представителей наиболее знатных семей, которые занимали главнейшие посты в государстве. Царь считался «владельцем» или «отцом» всей страны. Однако земельные наделы могли иметь разных хозяев, как частных, так и коллективных, например религиозные или деревенские общины, распределявшие участки между своими членами.

Ашока Маурья правил 36 или 37 лет, т. е. до 227–226 гг. до н. э. О последних годах его жизни практически ничего неизвестно, как неизвестна ни последовательность преемников Ашоки, ни их число. Уже к началу II в. до н. э. династия Маурьев пала. Можно предположить, что государство было разделено между несколькими наследниками, которые смогли удержать за собой лишь те области, которые были объединены еще до Маурьев. Последний царь Магадхи, относивший себя к династии Маурьев, был убит около 176 г. до н. э. На смену Маурьям пришли династии Шунга и Канва. Магадха потеряла былое значение политического центра Индии – отныне он переместился в Центральную Индию.

Огромный вклад в изучение политической истории и религий Индии, в особенности периода Маурьев, внес бельгийский ученый **Л. де ла Валле-Пуссен** (1869–1938). Ученик выдающихся французских индологов **Э. Сенара** и **С. Леви**, большую часть жизни он занимал пост профессора сравнительной грамматики греческого и латинского языков в Гентском университете. Из увлечения древними языками родилась его страсть к Индии. Основные ранние работы этого ученого

посвящены буддийской философии. Ревностный католик, де ла Валле-Пуссен подходил к рассмотрению буддийского мировоззрения с точки зрения средневековой схоластики.

В серии «История мира» им было опубликовано три книги: «Индоевропейцы и индоиранцы» (1924, переиздана в 1936), «Индия во время Маурьев» (1930) и «Династии и история Индии» (1935). Все вместе они дают исчерпывающий анализ политической истории Индии вплоть до периода распространения ислама.

Сам себя Л. де ла Валле-Пуссен историком не считал. В предисловии к своей первой работе он писал, что он слишком заморожен махаяной, «чтобы испытать ремесло историка». Свое призвание он видел в том, чтобы составить своего рода воспоминание, «очень сухое, но... полное и достаточно точное».

Религиозные учения древней Индии. Буддизм

Одно из главных событий в истории Индии маурийского периода – возникновение и распространение *буддизма*. Особенную поддержку это учение получило при Ашоке Маурья.

Само слово «Будда» (санскр. buddha) означает «просветленный» или «пробужденный». Основателем буддизма считается царевич **Сиддхарта Гаутама**, который и стал «Просветленным», т. е. Буддой. Время его жизни точно неизвестно, но, вероятнее всего, он жил между 500 и 430 гг. до н. э. Отец Сиддхарты был царем области Капилавасту (в настоящее время находится на территории Непала), заселенной племенем шакьев. Поэтому Будду еще звали Шакьямуни – «мудрец из племени шакьев». Жизнь Будды протекала на северо-востоке Индии, заселенном в основном неарийскими племенами. Возможно, этим объясняется то, что именно в этом регионе появились учения, отрицавшие авторитет вед.

Рождение Будды. Рельеф (VI–VII вв.)

Родился будущий Будда в местечке Лумбини. Согласно легенде, он вышел из правого бока своей матери Майадеви. До 29 лет Будда следовал всем предписаниям вед. Его отец старался оградить молодого царевича от всех несчастий и выстроил для него огромный дворец, окружил сына множеством слуг, угождавших любым его капризам. Всюду царевича сопровождали танцовщицы и поэты, в саду росли самые диковинные растения. Но однажды принц Сиддхарта встретил несчастного старика и тяжело больного человека и узнал, что в мире есть не только радость и счастье, но и горе, и страдание. Эти встречи навели его на размышления о причинах несчастий. Он сбежал из своего дворца с верным ему возницей и стал скитаться по Магадхе. И однажды под огромной смоковницей около города Варанаси на него снизошло просветление. Он понял, в чем заключался смысл жизни, – и тогда стал Буддой. Он обратился с проповедью к пяти странствующим аскетам-брахманам. С этой проповеди начинается история буддийского учения.

Будда утверждал, что богов никто не видел, и поэтому их существование не может быть доказано. Он отрицал важность ведийских ритуалов, необходимость соблюдать долг, предписываемый человеку его варной, так как и шудра, и брахман добродетельным поведением могут достичь смысла жизни. Самого Будду, его учение и основанную им общину называли и почитали как «три драгоценности» буддизма.

Одним из основоположников научного изучения буддизма по праву можно назвать **И. П. Минаева** (1840–1890). Ученик лучших европейских востоковедов своего времени Минаев с 1869 г. преподавал на восточном и историко-филологическом факультетах Санкт-Петербургского университета. В результате трех его путешествий в Индию и Бирму он собрал огромную коллекцию рукописей и фольклорного материала, которую обработал и издал. Им был написан и издан выдающийся труд по истории буддизма «Буддизм. Исследования и

материалы», переведенный на французский язык, грамматика пали (языка «Типитаки») и множество других работ. Его ученики – **Ф. И. Щербатской** (1866–1942) и **С. Ф. Ольденбург** (1863–1934) – внесли важный вклад в изучение прошлого Индии в целом и буддизма в частности.

Будда назвал четыре «благородные истины». Он говорил, что жизнь в мире полна страданий, что существует причина этих страданий, что можно прекратить страдания и что есть путь, который ведет к прекращению страданий. Причиной страдания Будда называл пристрастие к земным удовольствиям, которое ведет к длинной цепи перерождений и повторению страдания. Путь освобождения от страданий ему виделся в полном контроле человека над своим духом и поведением, в конечном счете это должно привести к *нирване* – состоянию, когда жизнь прекращается, но смерть не наступает, так как она может привести к новому перерождению.

Буддийский рельеф

Распространение буддизма по всей территории Индии и на Шри-Ланке вызвало к жизни множество толкований учения Будды, его искажения. Это обстоятельство диктовало необходимость в точности записать то, что было сказано самим основателем учения, отделить изначальное от привнесенного. Эта задача была выполнена во время буддийского собора в монастыре Алувихара на Шри-Ланке между 35 и 32 гг. до н. э.

Буддийский канон был сформирован в виде трех «корзин» – собраний текстов. Поэтому он получил название «*Типитака*» (на пали – языке буддийского канона – «Три корзины»). В первую – «*Винаяпитаку*» вошли тексты, трактующие буддийские нормы поведения. Во вторую – «*Суттапитаку*» – тексты, фиксирующие буддийское вероучение. В нее входит самое известное буддийское сочинение «*Дхаммапада*» («Шаги закона»), в котором собраны вероучительные наставления самого Будды. Третья корзина – «*Абхидхармапитака*» содержит тексты, в которых излагается буддийское философское мировоззрение, трактовка основных вопросов отношения к окружающей действительности.

То, что Будда отрицал авторитет вед, необходимость сложных обрядов и ритуалов, долг варны и касты, обращал свои проповеди к каждому отдельному человеку, обеспечило ему большую популярность среди простого народа. Но и народные верования оказали сильное влияние на буддизм, и постепенно из религии без бога и без души учение Будды превратилось в сложную систему с большим количеством главных и подчиненных божеств.

Автор более 400 работ, **С. Ф. Ольденбург** был основателем и руководителем серии «*Bibliotheca Buddhica*», организатором двух экспедиций по Центральной Азии (1909–1910 гг. и 1914–1915 гг.), в результате которых была собрана огромная коллекция рукописей, настенной живописи, археологического материала. В 1904–1929 гг. С. Ф. Ольденбург занимал пост неперменного секретаря Академии наук, а в 1930 г. основал Институт востоковедения и стал его первым директором.

К рубежу нашей эры буддийская община разделилась на две части. Одна признавала возможность спасения от страданий только для тех, кто стал монахом-аскетом. Это учение называли *хинаяна* («узкая колесница»). Последователи другого, более молодого, направления утверждали, что и простому мирянину оно доступно, если он будет соблюдать нехитрые правила: быть честным, не убивать, не воровать, не пьянствовать и т. д. Это направление в буддизме называлось *махаяна* («широкая колесница»). Сторонники махаяны считали, что идеи сторонников хинаяны достойны презрения, что их собственное учение превосходит теории противников, поэтому им и было дано обидное, на их взгляд, название «хинаяна». Само буддийское учение, зафиксированное в «Типитаке», называлась *тхеравада*

(«Учение древних»).

Буддизм получил распространение не только в Индии: сотни монахов преодолевали огромные расстояния, стремясь донести учение Будды до самых отдаленных регионов Средней Азии, Китая и Шри-Ланки. Однако индуизм оказался более популярной и традиционной для Индии религией, основанной на авторитете вед, и во 2-й половине I тыс. н. э. буддизм в Индии почти исчез. О его существовании напоминают многочисленные ступы, в которых хранятся останки Будды. Причудливый облик ступ имеет свое объяснение. Их венчают три или семь зонтов, обозначающих либо три небесные сферы, либо семь ступеней на небо, а многочисленные фигуры людей, животных, богов изображают различные события из жизни Будды и основанной им общины.

Ступа в Санчи

Ученик И. П. Минаева и лучших европейских санскритологов Г. Бюлера (Вена) и Г. Якоби (Бонн), **Ф. И. Щербатской** в 1905 г. совершил путешествие в Монголию, где он провел длительное время в общении с далай-ламой. По просьбе далай-ламы Щербатской переводил монгольские стихи на санскрит, а все поступавшие новости – на тибетский. В результате он стал первым распространителем в России знаний о современном тибетском языке.

В 1910 г. Ф. И. Щербатской отправился в Индию, где совершенствовал свои знания, живя в течение двух лет в доме брахмана. В результате он не только глубоко изучил грамматику языка, но и свободно говорил на нем. Во время торжественного приема в Калькутте во дворце местного раджи Щербатской произнес речь в стихах на санскрите, за что был удостоен титула «Украшение логики». Капитальные труды Ф. И. Щербатского по буддийской философии, издания буддийских текстов, подготовленные им, до сих пор пользуются высочайшим авторитетом в индологии.

Джина (VIII в.)

Среди новых религиозно-философских учений, появившихся в Индии в середине I тыс. до н. э., помимо буддизма, наибольшим распространением и влиянием пользовалось учение современника Будды – **Вардхаманы Махавиры**. Ему было дано прозвище Джина («Победитель»), от которого получило название само учение – *джайнизм*.

Судьба Махавиры похожа на жизненные перипетии Будды. Он также вырос в семье знатного кшатрия, царя личчавов – местного племени, чуждого миру ведийских ариев. Окружающий мир произвел на него схожее действие. Возможно, Махавира даже встречался с будущим Буддой. На обоих проповедников мог оказать сильное влияние знаменитый аскет **Макхали Госала** – основатель учения *адживиков*.

Покинув родной дом в 30 лет, Махавира 70 лет предавался аскезе, после чего сформулировал основы нового понимания дхармы – «Вселенского закона». Целью жизни Махавиры провозгласил достижение «Совершенства», к которому должны были вести правильное знание, правильный взгляд и правильное поведение. Совершенная душа достигала правильного перерождения. Основой поведения джайнов была *ахимса* – непричинение вреда живым существам.

Как и буддизм, джайнизм пережил раскол на два направления, периоды гонений. Наиболее известным сторонником джайнизма в истории Индии был основатель династии Маурьев Чандрагупта. В настоящее время в Индии насчитывается около 3 млн сторонников джайнизма.

Индия и античный мир. Индийский поход Александра Македонского

Связи Индии с античным миром фиксируются начиная с VI в. до н. э. Эти контакты развивались вплоть до конца истории античного мира. Периодом до индийского похода Александра Македонского (VI в. до н. э. – 20-е гг. IV в. до н. э.) датируются отрывочные сведения в греческой мифологической и географической литературе преимущественно о северо-западе Индии, входившем в состав Ахеменидской державы. Именно тогда впервые сформировались два главных мотива античной традиции об Индии: это страна сокровищ и чудес, а также родина «индийских мудрецов».

Подлинным открывателем Индии для греков был **Скилак из Кариадны**. По приказу персидского царя Дария I в конце VI в. до н. э. он совершил плавание вниз по Инду, а затем морем до Египта. На сообщения Скилака опирался, в частности, **Геродот** (V в. до н. э.), который первым в античной литературе дал связное описание Индии. К началу IV в. до н. э. относится сочинение об Индии **Ктесия Книдского**, личного врача персидского царя Артаксеркса II, при дворе которого Ктесий прожил несколько лет. К сожалению, оно сохранилось только во фрагментах, которые содержат в основном свидетельства легендарного характера.

Второй период ознакомления античного мира с Индией связан с походом Александра Македонского. В 327 г. до н. э. на территорию Индии вторглась его армия. Участники похода – кормчий Онесикрит, флотоводец Неарх, Аристокбул, Птолемей и др. оставили сочинения, которые также дошли до нас только в пересказе более поздних авторов Страбона, Диодора, Арриана, Курция Руфа, Плутарха и др. Сведения историков похода Александра также относятся к северо-западу Индии.

В античном мире Индия уже давно считалась «страной чудес», мудрецов и несметных богатств. Легенды о муравьях, выкапывающих золото из земли, о необыкновенных животных, отличавшихся редкой силой, и гигантских растениях, диковинных народах волновали воображение великого царя. Греческие географы помещали Индию на самый край земли. Александр Македонский, пройдя со своим войском через всю известную тогда территорию Азии, надеялся, что, завоевав Индию, подчинит себе весь мир и превзойдет славою своих подвигов не только всех царей, но даже богов. Он считал себя потомком Диониса и Геракла, а они, по легенде, также совершали походы в Азию.

Перейдя Инд в 326 г. до н. э., непобедимое войско Александра встретило жестокое сопротивление в царстве **Таксила**, а затем в царстве **Пуру**, расположенном на левом берегу Гидаспа – притока Инда. С огромным трудом преодолев притоки Инда вплоть до Гидаспа, войско Александра, утомленное долгим походом, болезнями, жарой, воспротивилось идти на восток Индии.

В феврале 325 г. до н. э. было объявлено об отступлении. Достигнув в июле дельты Инда и разделившись на две части, войско отправилось домой. Отступление по суше проходило под командованием самого царя, экспедицию по морю возглавлял флотоводец Неарх.

Третий период оформления образа Индии в античной литературе – «период посольств» (кон. IV – нач. III в. до н. э.) – связан с именами **Мегасфена** и **Деймаха**. Если от труда Мегасфена «Индика» сохранились многочисленные фрагменты, то от сочинения Деймаха «О благочестии», посвященного верованиям индийцев, до нас практически ничего не дошло. Труд Мегасфена оставался главным источником сведений об Индии на протяжении всего эллинистического и римского времени.

В следующий, четвертый период античный мир воспринимал Индию уже не только и не столько как страну несметных богатств, диковинных растений и животных. Появление и развитие христианства, активное проникновение других ближневосточных языческих и монотеистических учений обусловили особо пристальный интерес к «индийской мудрости».

Известный оратор **Дион Хрисостом** (кон. I в. н. э.) отразил новые веяния в духовной атмосфере римской эпохи – разочарование в ценностях античной цивилизации и стремление вырваться из круговорота жизни. В своих речах он упрекает соотечественников и всячески превозносит индийцев как самый счастливый и одухотворенный народ на земле. Глубокий интерес к Индии как источнику духовного перерождения заметен в сочинении **Флавия Филострата** «Жизнь Апполония Тианского», в трудах последователей неоплатонизма и некоторых раннехристианских авторов (**Климент Александрийский**, **Ипполит**, **Евсевий**).

Глава 25 Период завоеваний

Упадок династии Маурьев, отсутствие политической силы, способной объединить под своей властью Северо-Западную и Центральную Индию, облегчили процесс проникновения в Индию новых завоевателей. Здесь возникают *новые царства* – Греко-Бактрийское и Кушанское, появляются индоскифские и индо-парфянские владения. Одной из главных политических сил этого периода было царство Андхра, расположенное на востоке Индии. В этот же период укрепляются первые государства на юге Индии – Чола, Чера и Пандья.

Греко-бактрийское царство

Образованию *Греко-Бактрийского царства* на территории Индии способствовало то, что еще в 305 г. до н. э. Чандрагупта Маурья заключил мирный договор с Селевком I Никатором – сподвижником Александра Македонского и основателем державы Селевкидов. Согласно этому договору, восточные владения Селевкидов перешли под управление маурийской короны. Но и Маурьи не были в состоянии контролировать эти земли.

В 248–247 гг. до н. э. одновременно с образованием государства парфян, окончательно отрезавших Селевкидов от их бывших восточных владений, сатрап Бактрии **Диодот** объявил о своей независимости от селевкидского царя Антиоха II. Его сын **Диодот II** уже принимает царский титул и становится союзником парфян. Около 225 г. до н. э. он был убит, и трон перешел к **Евтидему**.

Селевкидский царь Антиох III предпринял поход, нацеленный на подчинение отпавшей сатрапии и парфян. В результате осады и последовавших переговоров в 208 г. до н. э. Евтидем получил царский титул уже от самого Антиоха III. Греко-Бактрия сохранила независимость, и вскоре началось ее дальнейшее усиление.

Деметрий, сын Евтидема, занял трон около 189 г. до н. э. и завоевал часть областей, ранее входивших в состав державы Маурья. Наиболее известны из греко-бактрийских царей два наследника Деметрия: Аполлодот и Менандр. **Аполлодот I Великий**, или Спаситель, правил в 180–160 гг. до н. э. Его власть распространялась на территории нескольких областей, занимавших территорию современного Афганистана, Пакистана и Северо-Западной Индии.

Менандр I Спаситель – самый знаменитый греко-бактрийский правитель. Время его жизни и правления до сих пор в точности не определено. С некоторой вероятностью его можно датировать 150–130 гг. до н. э. Менандр родился в Каласигаме, расположенной при слиянии рек Панджшир и Горбанд. Столицей государства Менандра была Сангала. Именно здесь проходили знаменитые диспуты Менандра с буддийским монахом Нагасеной. Они составили знаменитый трактат «Вопросы Милинды» (т. е. Менандра). Однако несмотря на поражение, которое потерпел в диспуте Менандр, в буддизм он не перешел.

Греко-бактрийская монета

Монеты Менандра находят в районе Кабула (Беграм), в Свате, Гандхаре, в Таксиле, к востоку от Матхуры, Гуджарате, Пенджабе. Его власть распространялась на территорию Парапамисад, Арахозии, Гандхары, Западного и Восточного Пенджаба вплоть до реки Ямуна на юге, Паталипутры на востоке и Кабула на западе. Это подтверждает сообщения античной традиции о том, что область завоеваний Менандра была более обширной, чем Александра Македонского.

Пока Менандр был занят захватом долины Ганга, в его владения вторгся греко-бактрийский царь Евкратид I. Решающее сражение Менандр проиграл, и ему удалось сохранить только Сангалу и ее округу. Все остальные земли занял Евкратид I. После того как он был убит, Менандру удалось вернуть потерянные земли. Умер Менандр внезапно в военном лагере, возможно, что его убила собственная жена Агафоклея, которая после смерти мужа стала регентшей.

О наследниках Менандра фактически ничего не известно, кроме имен. Вероятно, многие из них правили одновременно, разделив между собой территорию царства. Последним греко-бактрийским царем был **Гермай** (75–55 гг. до н. э.).

Индопарфяне и индоскифы

На рубеже нашей эры группа иранских племен, которую принято называть индопарфянами, положила конец правлению греко-бактрийцев на территории Индии. Наиболее известным из индопарфянских правителей Индии был **Гондофар** (20–46 гг. н. э.), центр владений которого находился в Таксиле.

В 40-е гг. I в. н. э. к нему прибыл апостол Фома. Гондофар отправил на запад своего купца с просьбой привезти архитектора, способного возвести царский дворец. В качестве такового и был привезен апостол Фома, проданный на родине в рабство. Позднейшая легенда повествует о том, что апостол Фома обратил Гондофара в христианство.

Последние годы его правления были сопряжены с непрерывной борьбой за престол. Кроме того, ему приходилось вести постоянные войны с саксами. После Гондофара восстановить последовательность индо-парфянских царей можно лишь приблизительно. Не исключено, что уже при нем несколько царей одновременно претендовали на трон. К 60-м гг. I в. н. э. эта династия исчезла. Еще ранее в Индию пришли племена скифов (саков).

Одна из групп племен иранского происхождения, составлявшая часть скифского мира, жила на восточной периферии державы Ахеменидов. Под названием саков они встречаются уже в надписях Дария I. Во II в. до н. э., уступая давлению соседей, *саки* начали движение в Восточный Иран и Кашмир. В индийских источниках они упоминаются чаще всего вместе с парфянами («сака-пахлава»), что может говорить о зависимости некоторых сакских правителей от парфян. В I в. до н. э. саки уже прочно обосновались на западных и северо-западных границах Индии. В 58 г. до н. э. **Викрамадитья**, правитель царства **Мальва** из династии Сатаваханов, разбил саков в Западной Индии и установил в честь этого события эру, названную его же именем (часто его имя сокращают до формы «Викрама»). По эре **Викрама** датируется множество надписей, как древних, так и средневековых. Она служит одним из главных оснований для установления хронологии индийской истории на протяжении более чем 1500 лет.

На 136 г. эры Викрама, т. е. в 78 г. н. э., новая волна сакских племен вторглась в Западную Индию. Их вожди называли себя сатрапами. Сатрап **Чаштана** основал новую эру, названную сакской. По ней также датируется большое количество событий, описанных в древних и средневековых надписях.

Сакское государство не было единым. За контроль над портами Западной Индии боролись несколько групп сакских вождей. Главным противником Чаштаны – сатрапа Удджайна в середине I в. н. э. – был кшахарата (этот титул носили представители династии западных сатрапов) **Нахапана**. Он правил в 40–70 гг. н. э., его власть распространялась на область Саураштра. Установить, где располагалась столица Нахапаны Миннагара, до сих пор

не удалось. Нахапана овладел портом Баригаза в устье Нармады в Камбейском заливе – главным портом на западном побережье Индии, через который в первые века нашей эры проходила торговля Индии с античным миром. Главным противником саков в Западной Индии была династия Сатаваханов из царства Андхра, расположенного на востоке Индии. Именно они и положили конец власти Нахапаны, династия которого вскоре оборвалась. Гораздо дольше продержалась династия сатрапов Удджайна, свергнутая Гуптами только к концу IV в. н. э.

Царство Андхра

Царство *Андхра* зародилось на востоке Индии, южнее области Калинга, на территории между реками Годаври и Кришна. Согласно индийским династическим спискам, сохранившимся в пуранах, власть Андхры пришла на смену власти династии Канва – наследников Маурьев. Цари Андхры носили два династических имени: Шатакарни и Сатавахана. Вероятно, за трон Андхры боролись две ветви одной династии. Восточная, изначально подчиненная часть царства возобладала и передала династическое имя всем его правителям. Первым царем Андхры был **Симука Сатавахана**, правивший в I в. до н. э.

Довольно быстро Сатаваханы завоевали окружающие их царства на востоке. К середине I в. до н. э. они уже продвинулись в Центральную Индию. В частности, **Викрамадитья** носил династическое имя Шатакарни. Он же выбил из Мальвы последних представителей династии Шунгов.

Наибольший след в политической истории Андхры оставил **Готамипутра Шри Шатакарни** (ок. 50–70 гг. н. э.), разбивший сакского сатрапа Нахапана в борьбе за контроль над портом Баригаза, и его сын **Васиштхипутра Шри Пулумава** (ок. 70–95 гг. н. э.). При них Андхра претендовала на контроль над всей территорией Декана, за исключением крайнего юга. В течение II – начале III в. н. э. царство Андхра постепенно распалось.

Кушанское царство

Между 140 и 100 гг. до н. э. Бактрия была полностью подчинена кочевыми племенами юэчжи, часть из которых позднее стала именоваться кушанами. При правителе **Куджуле Кадфизе**, вставшем во главе кушан около 30 г. до н. э., складывается подлинная *Кушанская империя*. Под предлогом защиты последнего греко-бактрийского царя **Гермая** они разбили индопарфян, занимавших территорию современного Афганистана и дельту Инда, к 25 г. н. э. кушане перешли Гиндукуш и заняли Пенджаб, а к 50 г. н. э. при царе **Виме Кадфизе** под их власть переходит территория Таксилы и Гандхары. При царе **Виме Такто** начинается чеканка кушанской монеты, а при его внуке **Канишке I Великом** держава кушан достигает своего расцвета.

Дата правления Канишки I является предметом острых дискуссий на протяжении нескольких последних десятилетий. В настоящее время наиболее правдоподобным предположением представляется период между 100–126 или 126–146 гг. Основой Кушанского царства при Канишке была территория Гандхары. Здесь располагалась его зимняя столица Пурушапура (современный Пешавар), летней столицей была Капиша (Беграм). Однако власть Канишки простиралась вплоть до Восточной Индии. Вероятно, он смог подчинить какую-то часть Декана.

Буддийская традиция описывает Канишку как почитателя буддизма и ревностного его распространителя. Ему приписывают сооружение ступ, большую материальную помощь буддийской общине. Канишка первым начал чеканить монеты с буддийской символикой, однако наличие на его монетах символов иранских божеств заставляет предположить, что религиозные предпочтения самого Канишки не были чисто буддийскими, а в кушанский пантеон входили божества самых различных народов. Тем не менее период правления Канишки совпадает с эпохой процветания учения Будды в Индии и его активного

распространения в Средней Азии.

Одной из основ благоденствия Кушанского государства была развитая морская торговля со Средиземноморьем. При Канишке из Индии в Рим вывозили железо, драгоценные камни (бадахшанский лазурит, рубин, бирюза, горный хрусталь), специи, слоновую кость. В обратном направлении шли не только товары, но и идеи.

Часть фигуры Канишки I

Кушанские золотые монеты

При кушанах, и в особенности при Канишке, расцветает *искусство Гандхары*. Его особенность состоит в соединении средиземноморских и индийских традиций, появлении реалистичного портретного жанра. Искусство Гандхары зародилось еще в I в. до н. э., благодаря последним греко-бактрийским и пришедшим им на смену индопарфянским царям – носителям начал эллинистической культуры. Эта школа сохраняла свое влияние в Индии на протяжении II и III вв. н. э. Помимо гандхарской скульптуры, в царствование Канишки развиваются и другие искусства. При его дворе находился выдающийся индийский поэт Ашвагоса, написавший поэтическую биографию Будды, и прославленный индийский врач Чарака.

Во время военного похода по северу Индии Канишка I был убит кем-то из своего окружения. Правление его преемников не было выдающимся. Постепенно влияние кушанской династии падало, пока во 2-й половине IV в. н. э. в Северо-Западной Индии не закончилось правление последнего кушанского царя Кипунады. На смену кушанам пришла династия Гуптов, правление которой ознаменовано подлинным расцветом «классической» Индской цивилизации.

Южноиндийские царства

На рубеже нашей эры юг Индии находился под контролем трех тамильских царств: Чола, Чера и Пандья, упоминавшихся уже в эдиктах Ашоки. Царство **Пандья** со столицей в Мадурай находилось на крайнем юго-востоке Индии. Царство **Чера** со столицей в Каруре занимало территорию, приблизительно соответствующую современному штату Керала на юго-западе Индии. Царство **Чола** со столицей в Урейуре располагалось севернее Пандьи вплоть до границ с Андхрой по реке Кришна.

Эти царства принимали активное участие в торговле с античным миром. Именно оттуда в Средиземноморье поступали лучшие индийские специи, в частности перец и жемчуг. Выходцы из античного мира также жили в этом регионе. Античные мастера были известны в тамильской традиции как умелые ремесленники и архитекторы, на территории Черы даже имелся храм Августа. Политическая история южноиндийских царств – это бесконечные войны, которые они вели между собой и с царями Шри-Ланки. Однако никому из них не удавалось достичь решающего преимущества. В этих царствах сложилась своеобразная поэтическая школа «Сангам», произведения которой являются главным источником сведений по истории Южной Индии в древности.

Глава 26 Гуптский период

К III в. н. э. новый подъем переживала Магадха. Спустя 400 лет после упадка Маурьев Магадха дала начало новой великой индийской династии Гуптов. Держава Гуптов

просуществовала недолго, но ее вклад в историю Индии значителен, и не только политическим объединением большей части страны. В этот период окончательно складывается привычный образ древнеиндийской цивилизации: стабилизируется варново-кастовая структура общества, происходит подъем индуизма – религии, основанной на авторитете вед, фиксируется древнеиндийский эпос, подлинный расцвет переживают науки, искусства и ремесла. Недаром эту эпоху в истории Индии называют классической.

Династия Гуптов

Начало истории Гуптов относится к середине III в. н. э. Первым царем этого периода был **Гупта**, давший название всей династии. В 320 г. на индийский престол восходит его внук **Чандрагупта I** (320 – ок. 335). Как и другие великие цари прошлого, свое правление он начал с основания новой эры – *эры Гупта*. Власть Чандрагупты I на востоке Индии была столь значительной, что, в отличие от своего отца и деда, он уже мог именовать себя «великим царем». Умер он после 335 г.

Наследовал престол Чандрагупты I его сын **Самудрагупта** (ок. 335 – ок. 375), прославившийся не только как воинственный самодержец, но и как поэт и музыкант. Он оставил подробную надпись на одной из колонн Ашоки Маурья, благодаря чему история его правления хорошо известна. Самудрагупта сумел заключить союзы с наиболее могущественными племенами Северной Индии и объединить этот регион под своей властью.

Центральная Индия, несмотря на победоносные походы и торжественные декларации, в состав империи Самудрагупты не вошла. У него не хватило сил, чтобы удержать ее под своей властью. Однако многие цари Центральной Индии признали себя вассалами Самудрагупты. Их владения занимали территорию вплоть до южноиндийских тамильских царств Пандья и Чола. Царства, располагавшиеся на севере и востоке от Магадхи, завоеваны не были, но их цари также признали зависимость от Самудрагупты.

При **Чандрагупте II** (ок. 375 – ок. 414) – сыне Самудрагупты – держава Гуптов еще более окрепла и увеличилась территориально. К 390 г. ему удалось окончательно разбить Сатрапов Удджайна и заключить союз с несколькими влиятельными владыками Декана. Спокойствие в тылу дало ему возможность осуществить поход на запад вплоть до Бактрии, а на восток – до Бенгальского залива. Именно при Чандрагупте II государство Гуптов достигло пика своего могущества.

Блестящая эпоха правления Гуптов охватывает и время правления **Кумарагупты I** (ок. 414–455) – сына Чандрагупты II. Но ему уже пришлось отражать первые набеги новых волн кочевников – гуннов-эфталитов. Начиная с последних лет правления следующего царя **Скандагупты** государство Гуптов переживает сильнейший кризис. Его история восстанавливается лишь фрагментарно, последовательность царей и даты их правления в точности установить невозможно. Династия разделилась на две ветви, контролировавшие западные и восточные рубежи. В VI в. держава Гуптов распалась на несколько мелких царств, ставших объектом атак для все более усиливавшихся *гуннов-эфталитов*.

В конце IV в. н. э., когда Европу захлестнула волна нашествия гуннов, народ *хуа*, составлявший часть гуннской племенной общности, подошел к восточным границам Сасанидского Ирана. Сами хуа отличали себя от гуннов, наводнивших Европу при Атилле. Царь хуа, при котором этот народ дошел до Ирана, носил имя Гефтал, от которого и пошло название всего народа.

Вероятно, гунны-эфталиты вели не кочевой, а полуоседлый образ жизни. Санскритские источники называли их «белыми гуннами» за светлый цвет кожи, противопоставляя «черным гуннам», населявшим монгольские степи. Некоторые исследователи видят в эфталитах носителей индоевропейского языка, родственного тому, на котором говорили кушанские племена. Согласно другой гипотезе, эфталиты говорили на монгольском языке. Монетные легенды эфталитов выполнены на иранском языке греческими буквами.

Разбив сасанидского царя Фероза, эфталиты заняли северные и восточные рубежи

Ирана. К середине V в. они проникли на территорию Индии и к началу VI в. уже прочно владели Гандхарой и Кашмиром, заняли территорию на востоке вплоть до Магадхи, на юге, согласно легендарным сведениям, – до Шри-Ланки. Однако под их властью Северная Индия оставалась недолго – до середины VI в. Этому способствовало то, что Сасанидский Иран в союзе с тюркскими кочевыми племенами нанес гуннам-эфталитам сокрушительный удар в тылу. Тем не менее власть династии Гуптов была сметена, на востоке Индии доминирующей политической силой стало государство *Гауда*, на юге – *Паллава* и *Чалукья*.

Древнеиндийский эпос

Процесс расселения индоарийских племен по Индостану окончательно завершился еще в маурийскую эпоху. Центральные же события древнеиндийского эпоса восходят к поздневедийской эпохе. Но именно в гуптский период окончательно складывается текст двух эпических поэм, отразивших основные события, связанные с освоением индоариями нового пространства: «Махабхараты» и «Рамаяны». Рождение таких эпических персонажей, как Кришна и Рама, – воплощений бога Вишну, характерно именно для эпохи расцвета индуизма.

Традиция, связанная с сочинением и исполнением эпических поэм, уходит своими корнями в глубь периода индоевропейского единства. Древнегреческие поэмы, приписываемые Гомеру, – произведения, родственные по жанровой принадлежности индийскому эпосу. Сказания о богах и героях исполняли во время совершения жертвоприношений, обрядов погребения и поминовения. Для этого приглашались профессиональные певцы-сказители. Разные племена и союзы племен имели свою собственную эпическую традицию – *итихаса* («сказания о былом»). Все эти традиции нашли отражение в окончательном тексте «Махабхараты» и «Рамаяны».

Индийская историческая традиция выделяла две главные династии: Лунную и Солнечную. События, отраженные в индийском эпосе, группируются именно вокруг представителей этих двух семей.

У «*Махабхараты*», как и у всякой эпической поэмы, нет единого автора. Индийская мифологическая традиция приписывает авторство поэмы мудрецу Вьясе, земному воплощению бога Вишну. Написание 18 книг, содержащих почти 90 тыс. двустиший, у него ушло всего три года. Вкрапления прозы в тексте «Махабхараты» весьма редки. Текст «Махабхараты» складывался, вероятно, на протяжении всего I тыс. до н. э. В ней упоминается и начальный период истории индоарийских племен в Индии, и вторжения кочевников, предшествовавшие подъему Гуптов.

Главными действующими лицами «Махабхараты» являются два кшатрийских рода – Пандавы и Кауравы – из Лунной династии. Братья из родовых кланов Панду и Куру, представлявших племя Бхарата, состояли в двоюродном родстве и претендовали на превосходство друг над другом. Борьба за доминирование на Индо-Гангской равнине в процессе расселения индоарийских племен – главная историческая составляющая «Махабхараты».

Вишну на змее Шешу (VI в.)

Старший из братьев Кауравов – Дурьодхана, завистливый и злобный, пытался погубить своих братьев Пандавов. Кауравы, обыграв Пандавов в кости, заставили тех отправиться в тридцатилетнее изгнание – таковы были условия игры. Долгим и тяжелым был их путь в изгнании, часто им грозила смерть, и только честность и самоотверженность, верность своему слову выручали их. Когда Пандавы вернулись из изгнания, они начали готовиться к сражению с Кауравами. Но один из Пандавов – Арджуна был сильно удручен тем, что ему придется сражаться против своих двоюродных братьев. Тогда верховный бог Вишну,

превратившись в земного царя Кришну, обратился к Арджуне с пламенной проповедью, взывая к его воинскому долгу. Эта проповедь составляет ядро «*Бхагаватгиты*» – «Песни благословенного».

Несколько книг «Махабхараты» посвящены описанию кровопролитной битвы между Пандавами и Кауравами на поле Куру. В ней принимали участие едва ли не все племена, жившие тогда в Индии, и множество богов. Мелькали колесницы, на которых сражались герои, блестели мечи, звенела тетива лука, небо затмевали тучи стрел, от которых не спасало никакое укрытие. Кауравы были побеждены, и тогда царем стал старший из Пандавов – Юдхиштхира, справедливое правление которого завершилось восхождением братьев на небо.

«*Рамаяна*», как и «Махабхарата», создавалась бродячими поэтами-сказителями и передавалась в течение веков изустно. В ней рассказана история другого царского рода – Солнечной династии. Авторство поэмы приписывается мудрецу Вальмики. «*Рамаяна*» – менее объемное произведение. Она состоит из 7 книг и содержит около 24 тыс. двустиший. Ее текст более однородный, его сложение заняло значительно меньше времени, чем в случае с «Махабхаратой», но абсолютная датировка «*Рамаяны*» все равно невозможна. Эта поэма также отражает реальные исторические события – проникновение индоарийских племен на юг Индии и их столкновение с местными племенами, выведенными в поэме в образе злых демонов-ракшасов.

Повествовательная канва «*Рамаяны*» строится вокруг злоключений царя Рамы – воплощения Вишну. С юных лет Рама отличался необыкновенной силой и отвагой. Он совершил множество подвигов, защищал лесных отшельников от набегов злых ракшасов. В состязании женихов он завоевал руку и сердце прекрасной Ситы. Но в результате придворных интриг его отец был вынужден отправить Раму в изгнание на 14 лет. Вместе с ним в нелегкий путь отправились его брат Лакшмана и жена Сита. Злой демон Равана похитил Ситу и спрятал ее на острове Ланка в Южном океане. Тогда вождь обезьян и друг Рамы Хануман перелетел по воздуху на Ланку и нашел там Ситу. Между обезьянами и ракшасами завязалась жестокая битва. Обезьяны метали в ракшасов деревья и скалы, те прибегали к колдовским приемам. Наконец, в поединке сошлись главные герои поэмы – Рама и Равана. Долгое время Рама не мог одолеть злого демона. Тогда ему на помощь пришли боги и даровали волшебное оружие, с помощью которого он и победил Равану.

Как и «Махабхарата», «*Рамаяна*» содержит много фантастического, но Рама на все времена остался воплощением идеала воина, а верность и сила любви Ситы, ее готовность разделить с любимым все тяготы и тревоги, посылаемые судьбой, преданность Лакшманы своему брату, а Ханумана – своему другу Раме сделали «*Рамаяну*» любимейшим сказанием Индии, таким оно является и сейчас.

Индуизм

Постепенно индоарии все теснее сливались с местным неарийским населением, изменялся их образ жизни, менялась и религия. К середине I тыс. до н. э. начали формироваться основы индуизма. В отличие от беспорядочного ведийского пантеона, в индуизме выделялись главные боги, которым подчинялись бесчисленные менее значительные божества, а их «родственные» отношения стали более определенными. Главные герои ведийского пантеона потеряли свое былое значение, и на первый план вышла фигура вездесущего бога-творца. Все иные божества являлись или его перевоплощениями, или его свитой. Божества уже не отождествлялись с природными явлениями, а принимали человеческий облик. Все множество богов подчинялось триаде Брахма – Вишну – Шива. *Брахма* почитался как верховный бог-творец, а *Вишну* и *Шива* как его воплощения.

Одно направление в индуизме почитает в качестве воплощения верховного бога Вишну. Он чаще всего предстает в роли охранителя. По легенде, он принимал земные воплощения ради того, чтобы спасти Вселенную от катастрофы. Его изображали

темно-синим и четырехруким. Он мог предстать в облике различных животных – вепря, рыбы, черепахи или человека (например, Рамы или Кришны в образе темнокожего царя или пастуха). Часто Вишну представляли в виде прекрасного юноши, возлежащего на мифическом змее Шеше, который плавает в водах космического океана. Это направление в индуизме называется *вишнуизмом*. Священной основой вишнуизма является Бхагаватгита.

Однажды Вишну, обратившись в карлика, пришел к царю злых демонов Бали и попросил его подарить ему столько земли, сколько он покроет тремя шагами. Рассмеявшись, Бали дал ему такое обещание. Тогда Вишну вырос до гигантских размеров и первым же шагом покрыл небо, а вторым – землю. Третьего шага Вишну, увидев ужас Бали, делать не стал.

Другая группа индуистов – *шиваиты* — признает воплощением верховного бога Шиву. В отличие от Вишны – охранителя, Шива – бог разрушитель. Его изображали по-разному: то в виде аскета, увешанного черепахи, то в виде танцора. По преданию, Шива обитает высоко в Гималаях на горе Кайласа. В руках он держит трезубец, и его всегда сопровождает бык Нандин. Свой свирепый облик Шива заимствовал у ведийского Рудры.

Один из сыновей Шивы – *Ганеша* – четырехрукий человек с головой слона, едущий на крысе. Его почитали как бога мудрости и удачи. *Дурга* – супруга Шивы – почиталась как главное женское божество. Наиболее распространенное среди ее других имен – *Парвати* («Горная»).

Особенных различий между шиваитами и вишнуитами нет, спор ведется лишь вокруг того, какого бога считать самым главным, Шиву или Вишну, и какое божество первично.

Тримурти

Помимо вед, основой индуизма стали *пураны* («сказания о прошлом»). Они являлись священными книгами наравне с ведами. Считалось, что пураны составляют отдельную веду для шудр и женщин. В отличие от «Махабхараты» и «Рамаяны», эпическая составляющая пуран не развилась в последовательное повествование – они не были тщательно стилистически обработаны. Пураны составлены простым стихом, прозаические вкрапления редки, их язык прост. Известно 18 основных пуран, пользующихся наибольшим авторитетом.

Упоминаются сочинения жанра пуран начиная приблизительно с IV в. до н. э. Авторство первых пуран также приписывается Вьясе – легендарному сочинителю «Махабхараты». Содержание пуран состоит в том, что риши – небесные мудрецы – приглашают рассказчика поведать им о начале и конце мира. Рассказчик излагает события, связанные с пятью основными темами: творением мира, возрождением мира, генеалогией богов и героев, эрами Ману и земными царскими династиями. К основным темам всегда добавляется множество иных. Пураны делятся на вишнуистские и шиваистские.

Основой *индуистской космогонии*, изложенной в пуранах, является идея бесконечно повторяющихся циклов. Один цикл – *кальпа* – равен одному дню Брахмы, т. е. 4320 млн земных лет. Ночь Брахмы длится столько же. 360 таких суток составляют год Брахмы, а его жизнь длится 100 лет (в настоящее время Брахме, по индуистской традиции, 51 год). Таким образом, один земной цикл длится 311 040 000 млн лет, после чего мир приходит в состояние хаоса, пока не будет заново воссоздан богом-творцом. Каждая кальпа, в свою очередь, делится на 14 меньших периодов, соответствующих появлению нового *Ману* – прародителя человеческой расы.

Брахма (VI в.)

Сейчас идет седьмой такой период, соответствующий эре Ману Вайвасваты. Каждый

подобный период подразделяется на 71 махаюгу («великую эпоху»), которые состоят из четырех «веков»: Крита, Трета, Двапара и Кали. Их продолжительность равна, соответственно, 4800, 3600, 2400 и 1200 лет богов, каждый из которых равен 360 человеческим годам. Каждый «век» (*юга*) являет собой постепенный регресс человечества в добродетели. В настоящее время длится Кали-юга, начавшаяся в 3102 г. до н. э. В конце Кали-юги мир будет разрушен потопом и огнем для того, чтобы на его месте был воссоздан новый космический порядок.

Индуизм складывался под влиянием верований многочисленных неарийских народов, населявших Индию. Они почитали деревья, реки, горы, растения, животных, таких как змеи, слоны, обезьяны, а коровы, которых особо чтит индоарии, до сих пор считаются в Индии священными. Постепенно развивалось строительство храмов, которые часто украшали скульптурными изображениями на различные мифологические сюжеты. Значительный вклад в развитие храмовой архитектуры в Индии внес буддизм. Фигуры царей, богов, героев различных сказаний напоминали людям о главных событиях их жизни.

Широкое распространение получили народные праздники. Толпы народа сопровождали изображения любимых божеств. Раздавалась веселая музыка, певцы пели песни, группы танцоров, живших при храмах, исполняли танцы, изображавшие разные эпизоды из жизни богов и героев. Особой популярностью пользовался праздник весны – *холи*. Громоздкие ведийские ритуалы и жертвоприношения все дальше уходили в прошлое.

Одной из главных особенностей индуистской доктрины является учение о религиозной заслуге – *карме* и перерождении души, которое карма обуславливает. Эти идеи зародились уже в упанишадах, источник их появления в поздневедийской литературе неясен. Некоторые исследователи предполагают, что они были заимствованы у неарийских народностей северо-востока Индии. Наиболее полного развития это учение достигло в первые века нашей эры.

Согласно учению о карме, человек, совершая добрые дела, мог в следующей жизни улучшить свое положение, а образ жизни, не соответствующий долгу варны, мог привести даже к потере человеческого облика. «Законы Ману» точно указывали, кем родится в будущей жизни праведник или грешник. Например, брахману-пьянице придется побывать червем, насекомым, молью или питающейся навозом птицей. Тот, кто похитил зерно, превращался в будущей жизни в крысу, воду – в водяную птицу, мед – в комара, молоко – в ворону, сок – в собаку, мясо – в коршуна, жир – в чайку, соль – в сверчка и т. д. Зато вайшья, честно исполнявший свой долг, вполне мог возродиться героем-кшатрием. Праведный брахман мог достичь уровня риши – небесного мудреца. Добрые дела вели к накоплению положительной кармы, обеспечивавшей перерождение с повышением «статуса».

Индийское общество в гуптский период

Формирование социальных структур – варн и каст – обусловило окончательное оформление ритуалов и обрядов, связанных с прохождением каждым членом общества строго определенного жизненного круга. Каждый представитель трех первых варн, составлявших общество ариев, должен был пройти определенные этапы жизненного пути – *ашрамы*. Их соблюдению придавалось важнейшее значение.

Сначала он обучался ведам в доме учителя. Ученик жил в доме своего *гуру* («наставника»), прислуживал ему, получал пищу, разучивал священные гимны, осваивал тонкости ритуалов. Иметь ученика мог только брахман, поэтому такой ученик назывался *брахмачарин* – «ученик брахмана». После завершения обучения брахмачарин возвращался домой и проходил обряд посвящения «второго рождения», чтобы быть причисленным к одной из первых трех варн. На мальчике, прошедшем обучение в доме учителя-брахмана, завязывали священный шнур. Поэтому брахманов, кшатриев и вайшьев называли «дваждырожденными».

Затем наступала пора жизни в качестве домохозяина. После того как вырастали дети и

приходила старость, благочестивый брахман должен был стать лесным отшельником.

Некоторые тексты добавляли в эту схему четвертую стадию: жизнь странствующего аскета. Древний путешественник мог встретить этих знатоков йоги³⁸ в лесах, у дорог, застывших в диковинных позах, годами не произносивших ни единого слова, питавшихся в основном лесными плодами. Такой образ жизни должен был помочь аскетам накопить добрую карму и достичь благоприятного перерождения.

Одна из основ древнеиндийского общества – преданность его членов своей *дхарме* – общественному и религиозному долгу. Однако долг у каждого человека был разный, в зависимости от того, к какой варне и касте он принадлежал. Варны сформировались еще в ведийский период, но именно к началу гуптского периода особенно развилась традиция *шастр*, трактующих *дхарму*.

«Законы Ману» говорят, что бог Брахма создал из своих уст, рук, бедер ступней варны брахманов, *кшатриев*, *вайшьев* и *шудр*. И каждой варне он повелел заниматься только одним видом деятельности. *Брахманам* было положено учить ведам и совершать жертвоприношения, *кшатриям* – заниматься воинским делом, *вайшьям* – скотоводством, торговлей и земледелием, а *шудрам* – быть в услужении у трех высших варн. Ману почитался как потомок верховного бога Брахмы и прародитель всего живого на земле. Поэтому законы, установленные им, считались теми, кто чтит авторитет вед самыми важными.

Варна *шудр* состояла из представителей неарийских племен, из тех, кто выпадал из общины, кто по необходимости занимался обслуживающим трудом, запрещенным для представителей трех высших варн, например кузнечным делом. Наибольшим почетом в обществе пользовались брахманы. «Ведь брахман, рождаясь для охранения сокровищницы закона, занимает высшее место на земле как владыка всех существ», – говорят «Законы Ману». На втором месте по важности стояла варна *кшатриев*, на третьем – *вайшьев* и на четвертом – *шудр*. «Законы Ману» говорят: «Величие достигается не годами, не сединами, ни богатством, ни родственниками... Старшинство у брахманов зависит от знания, у *кшатриев* – от доблести, у *вайшьев* – от богатства зерном и только у *шудр* – от возраста».

Почет, оказываемый обществом представителям разных варн, налагал и разную степень ответственности. Так, вина брахмана считалась в два раза большей вины *кшатрия*, в четыре – *вайшьи* и в восемь – *шудры* при совершении одного и того же проступка. Но и наказание за преступление против брахмана всегда было выше, чем против *кшатрия* или *шудры*. Например, *кшатрий*, обругав брахмана, подлежал штрафу в 100 монет, *вайшья* в 250, а *шудра* – телесному наказанию. Поддержание установившегося варнового строя считалось одной из самых главных обязанностей царя.

Положение человека в обществе определялось не только его варновым статусом, но и принадлежностью к той или иной касте. Например, человек мог принадлежать к касте горшечников, что определяло его принадлежность к варне *вайшьев*. Многочисленные касты существуют в Индии и сейчас. Главными признаками, определяющими отношение к касте в настоящее время, являются общая профессия и территория проживания.

В древности же главным было общее происхождение членов касты. Племя состояло из нескольких родов, живших на одной территории. Общность этих родов и составляла касту.

Члены касты оказывали различную помощь друг другу: в распашке земель, в строительстве дома, деньгами. Браки могли заключаться только в пределах одной касты. Смешение каст, как и варн, не допускалось. Самым страшным несчастьем, которое могло постигнуть человека, считалась потеря касты. Такой человек назывался «выпавшим» из касты и

³⁸ Йога (досл. «связь», «сосредоточение», «усилие») – одна из шести систем классической индийской философии. Ее основателем считается Патанджали. Основные задачи йоги – постижение природы человеческой психики и физиологии и овладение методами управления ими, основные методы – статические физические упражнения («асаны») и дыхательная гимнастика. Йога связывает психическое и физическое состояние человека с космосом.

терял всякую надежду на ее помощь. Он был вынужден жить самыми неуважаемыми занятиями и занимал место на нижней ступени общества. Это и определило прочность кастовой системы, сохранившейся до наших дней.

Для того чтобы обеспечить себе накопление благоприятной кармы, требовалось точно исполнять множество обрядов, которыми была насыщена жизнь каждого индийца еще до его появления на свет и до самой смерти – с утра и до поздней ночи. Правильной стрижке или полосканию рта придавалось не меньшее значение, чем ритуальным омовениям и правилам совершения жертвоприношений. После рождения ребенка такие события в его жизни, как выбор имени, появление первых волос, первое кормление, первая стрижка, были обставлены сложными ритуалами. Ничуть не легче приходилось и дальше. Изучение алфавита, повязывание священного шнура, начало изучения вед, свадьба и даже бритье бороды были строго определены специальными ритуалами. Ежедневно по несколько раз следовало чтить богов возлиянием жертвенного масла в огонь.

Одним из наиболее характерных обрядов в индуизме является обычай самоубийства (чаще всего самосожжения) вдовы (*сати*) в случае смерти мужа. Однако еще на раскопках погребений в Хараппе было установлено, что во всех случаях двойных захоронений мужское погребение всегда сопровождается женским. Можно предположить, что это обстоятельство является древнейшим подтверждением существования этого обряда и свидетельством реального взаимодействия двух цивилизаций.

Среди всех великих цивилизаций древности Индия уникальна тем, что на ее территории появились, развились и обогатили друг друга несколько совершенно разных миров. Сначала неизвестные пришельцы создали вместе с коренным населением величественную Хараппскую цивилизацию с многочисленными городами, огромными дворцами, неразгаданной письменностью. Ей на смену пришли индоарии.

В результате взаимного влияния хараппцев и индоариев родилась новая цивилизация, возникли новые, не похожие на прежние города. Это был новый мир со смелыми, трудолюбивыми богами, жадными и трусливыми демонами, с удивительной поэзией величественных вед и неустрашимыми героями «Махабхараты» и «Рамаяны», брахманами и бродячими аскетами.

Позже явился Будда с проповедью о равенстве всех людей и бесполезности почитания огня или дождя для обретения смысла жизни. Вновь родился новый мир – мир активных проповедников нового учения, неутомимых путешественников, открывших для Индии новые страны и народы. Но и прежние миры, более «пожилые» культуры, в Индии не умирали. Все существовали вместе. Жизнь учила уживаться в мире кроткого буддиста с воинственным кшатрием-индуистом, важного брахмана с тем, чьи далекие предки возводили стены Мохенджо-Даро. Один мир отдавал другому все лучшее, что имел, из многих непохожих культур формировалась единая Древнеиндийская цивилизация. Сосуществование в мире – ее главный завет.

Четкую границу между периодом древности и Средневековья в истории Индии провести невозможно. На протяжении I тыс. н. э. она не знала принципиальных экономических, социальных и политических изменений. Но именно упадок блестящей эпохи «классической» Индийской цивилизации после Гуптов является логичным рубежом для отсчета нового исторического цикла.

Источники и литература

- Артхашастра* / Пер. А. И. Вострикова и др. М.; Л., 1959.
Атхарваведа. Избранное / Пер. Т. Я. Елизаренковой. М., 1976, 1996.
Бхагавадгита / Пер., исследование и примечания В. С. Семенцова. 2-е изд. М., 1999.
Ватьсьяяна Малланага. Камасутра / Пер. А. Я. Сыркина. М., 1993.
Вопросы Милинды / Пер. А. В. Парибка. М., 1989.

- Дхармашастра* Нарады / Пер. и комм. А. А. Вигасина и А. М. Самозванцева; вступ. ст. А. А. Вигасина. М., 1998.
- Законы Ману* / Пер. С. Д. Эльмановича; пров. и испр. Г. Ф. Ильиным. М., 1960.
- Калидаса* . Род Рагху / Пер. В. Г. Эрмана. СПб., 1996.
- Классическая* йога («Йога-сутры» Патанджали и «Вьяса-бхашья») / Пер., введение, комментарии и реконструкция системы Е. П. Островской и В. И. Рудого. М., 1992.
- Махабхарата*: [В 18 кн.]. М.; Л.; СПб., 1950–2005. Кн. 1–11, 14–18.
- Ригведа* / Изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. 3-е изд. М., 1999.
- Упанишады* / Пер., предисл. и комментарий А. Я. Сыркина. М., 1991.
- Альбедиль М. Ф.* Протоиндийская цивилизация: Очерки культуры. М., 1994.
- Андросов В. П.* Будда Шакьямуни и индийский буддизм: Современное истолкование древних текстов. М., 2001.
- Бонгард-Левин Г. М.* Древнеиндийская цивилизация. 2-е изд. М., 1993.
- Бонгард-Левин Г. М.* Индия эпохи Маурьев. М., 1972.
- Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия в древности. М., 1985.
- Бонгард-Левин Г. М., Бухарин М. Д., Вигасин А. А.* Индия и античный мир. М., 2002.
- Бэшем А.* Чудо, которым была Индия. 2-е изд. М., 2001.
- Вигасин А. А., Самозванцев А. М.* «Артхашастра»: проблемы социальной структуры и права. М., 1984.
- Дандекар Р.Н.* От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология. М., 2002.
- Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
- Индуизм, джайнизм, сикхизм: Словарь.* М., 1996.
- Кейпер Ф.-Б.-Я.* Труды по ведийской мифологии. М., 1986.
- Лысенко В. Г., Терентьев А. А., Шохин В. К.* Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М., 1994.
- Невелева С. Л.* Махабхарата: Изучение древнеиндийского эпоса. М., 1991.
- Темкин Э. Н., Эрман В. Г.* Мифы Древней Индии. М., 1982.
- Шарма Р. Ш.* Древнеиндийское общество. М., 1987.
- Шохин В. К.* Брахманистская философия. М., 1994.
- A Source-Book of Indian Archaeology.* Delhi, 1979–1997. Vol. 1–2.
- Auboyer J.* Daily Life in Ancient India: from Approximately 200 BC to AD 700. New Delhi, 1994.
- Bechert H.* (ed). Dating of the Historical Buddha. Goettingen, 1991.
- Chakraborti D. K.* The Archaeology of Ancient Indian Cities. Delhi, 1998.
- Ghosh A.* (ed.). An Encyclopaedia of Indian Archaeology. Delhi, 1989. Vol. 1–2.
- Guruge W. P.* Asoka. Definitive Biography. Colombo, 1997.
- Harappan Civilization. A Recent Perspective.* New Delhi-Bombay-Calcutta, 1993.
- Maity S. K.* The Imperial Guptas and Their Times (ca. A. D. 300–550). Delhi, 1975.
- Scharfe H.* The State in Indian Tradition. Leiden, 1989.
- Singh G. P.* Republics, Kingdoms, Towns and Cities in Ancient India. New Delhi, 2003.
- Thapar R.* Asoka and the Decline of Mauryas. New Delhi, 1987.

Раздел 5 Древний Китай

Глава 27 Источники и историография

Источники

Для исследователя древней истории Китай уникален не только огромным количеством письменных памятников, но главным образом наличием собственной развитой исторической традиции. В то время как в своем большинстве древние цивилизации не выработали исторического самосознания в современном понимании этого термина, т. е. не стремились выстраивать обобщающую непрерывную картину собственного прошлого и осознавать себя в сравнении и связи с этим прошлым, в Китае подобное восприятие сложилось уже к середине I тыс. до н. э. В результате мы располагаем рядом древнекитайских исторических сочинений, служащих основными источниками по истории Восточной Азии.

Прежде всего это «*Чуньцю*» («Весны и Осени») – летопись, составленная в царстве Лу и отражающая события VIII – V вв. до н. э.; согласно китайской традиции, ее автором был сам **Конфуций** (Кун-цзы) – крупнейший мыслитель Древнего Китая. В «Чуньцю» он стремился не просто перечислить события, но и дать им оценку, в том числе нравственно-политическую (за счет варьирования терминологии, в которой он их описывал), а также представить их в виде непрерывной линии развития. Поэтому с «Чуньцю» берет начало классическое китайское историописание. Существовали и более примитивные хроники.

Важнейшим источником является свод «*Шаншу*» («Шуц-зин») – записи действительных и вымышленных речей правителей и сановников и «*Шицзин*» – свод песен, в основном народных. Песни «Шицзин» отражают и самые различные стороны народного быта, и придворную жизнь, и отдельные яркие события (например, одна из самых знаменитых песен, «Иволга», оплакивает возобновленный очередным правителем царства Цинь обычай хоронить лучших сановников умершего правителя вместе с ним самим).

В I в. до н. э. придворным историографом **Сыма Цянем** была составлена первая из классических династийных историй Китая – «*Шицзи*» («Исторические записки»), вобравшая в себя колоссальный материал. Она систематически излагает всю предшествующую историю Китая начиная с легендарных времен. Кроме подробного описания последовательных правлений всех китайских государей (с обширными цитатами из их эдиктов и т. д.), так называемых «Основных записей», «Шицзи» включает историю крупнейших аристократических родов разных эпох, биографии наиболее ярких исторических деятелей, очень подробные хронологические таблицы (не только политической, но и административной истории) и обобщающие трактаты по отдельным вопросам (истории кочевников, финансам и т. п.). Этой схеме следовали все позднейшие династийные истории Китая, прежде всего «История Ханьской династии» **Бань Гу** (I в. н. э.) и «История поздней Ханьской династии» (V в. н. э.), продолжающие труд Сыма Цяня и доводящие непрерывное изложение истории Китая до III в. н. э.

Другой важнейший пласт письменных источников составляют *политико-философские трактаты* мыслителей V–III вв. до н. э. и их продолжателей – основателей таких направлений китайской общественной мысли, как конфуцианство, легизм, даосизм.

Гораздо хуже обстоит дело с первичными письменными источниками – надписями и документами. Среди эпиграфических источников важнейшее место занимают *гадательные надписи* Шан-Иньского периода (XIV–XI вв. до н. э.) на бараньих лопатках, найденные при раскопках китайской столицы этого времени. Правители государства Шан-Инь задавали в этих надписях вопросы богам по самым разным сферам жизни, что и делает их незаменимым источником по социальной и политической истории этого периода. Ряд имен и фактов, содержащихся в надписях, совпадает с теми, что приводит Сыма Цянь, и это стало одним из ключевых доказательств добротности китайской исторической традиции.

Из прочих письменных источников следует отметить *надписи на ритуальных сосудах* чжоуского времени (X–VII вв. до н. э.) и *официальную административную и деловую документацию* III в. до н. э. – III в. н. э. на деревянных планках.

Серьезные *археологические раскопки* в Китае начались в 20-е гг. XX в. и продолжаются в огромных масштабах с послевоенного периода. Еще в начале раскопок

была обнаружена неолитическая культура Яншао – культура непосредственных предков древних китайцев исторического периода, а потом, в 1928 г., и столица Шан-Иньской династии близ Аньяна (одно из крупнейших археологических открытий в мировой истории). Еще одно яркое открытие – погребение объединителя Китая – императора Цинь Шихуана, найденное и исследованное в 1970-х гг. В частности, там были обнаружены сотни портретных терракотовых статуй его гвардейцев в натуральную величину, выставленных в полном строевом порядке. Эта терракотовая армия должна была служить охраной императору в загробном мире. Из прочих достижений археологии надо отметить раскопки более древнего, чем Аньян, шанского центра в Эрлитоу, находки упомянутых выше чжоуских бронзовых сосудов, богатых погребений III в. до н. э. в Чанша с полностью сохранившимся инвентарем, некрополей простого люда и погребений знати и членов царского дома II в. до н. э. (Ханьская эпоха).

История изучения

Если реальная история древнего Ближнего Востока уже в начале новой эры была практически неизвестна, в том числе в самих странах Ближнего Востока, и ее пришлось заново восстанавливать европейской науке в XIX–XX вв. по материалам, добытым при раскопках, то в Китае с древности и по сей день существовала непрерывная традиция развитой исторической рефлексии и ее письменного выражения, в том числе собственно историописания. Династийные истории, освещающие китайскую древность, комментарии к ним и другие источники, дошедшие в рамках этой непрерывной традиции, образуют колоссальный по объему массив текстов, до сих пор не введенный до конца в оборот мировой науки (достаточно сказать, что даже династийные истории не переведены полностью на европейские языки), но во все времена хорошо известный образованным людям самого Китая.

В противоположность древней истории всех остальных регионов Востока китайская древность не была «открыта» современной наукой после многовекового перерыва, поскольку никогда и не была забыта. Можно говорить только о постепенном открытии китайской истории для европейской науки (оно окончательно состоялось в XIX в.) и о произошедшей в результате интеграции изучения древнекитайской истории в самом Китае с усилиями недавно возникших школ китаистов других стран (XX в.). В ходе этой интеграции китайская историография усвоила современные научные методы, предоставив в то же время мировой науке огромный, хорошо подготовленный исторический материал.

Первые нелегendarные сведения о Китае попали в Европу в результате объединения Евразии монголами (путешествие Марко Поло к монгольским владыкам Китая, 1271–1294). Однако специальные сведения об истории и культуре Китая, в том числе древней, были принесены в Европу только в XVIII – начале XIX в. христианскими миссионерами, присланными в Китай (прежде всего иезуитами и сотрудниками Русской духовной миссии в Пекине: один из ее сотрудников **И. Я. Бичурин** [Иакинф] стал основателем русской синологии в 1-й пол. XIX в.). Благодаря их трудам основы традиционного китайского исторического и культурного канона стали известны в Европе; они же были первыми переводчиками текстов этого канона на европейские языки.

С «открытием» Китая в ходе колониальной экспансии началось активное освоение китайских источников собственно академической наукой Европы, и к концу XIX в. сформировались основные школы мировой синологии. В первые десятилетия XX в. китайские историки стали активно осваивать методы современной науки, в 20-е гг. западные археологи начали раскопки в Китае, сразу давшие важнейший материал по древнейшим этапам его истории (особо надо отметить открытие протокитайской неолитической культуры Яншао **Ю. Андерсеном**), и уже в середине XX в. сформировалась мировая синология, прежде всего на базе взаимодействия китайского, американско-европейского и японского изучения древней истории Китая.

Одной из самых комплексных проблем изучения Китая является вопрос о том, насколько можно доверять гигантским письменным компиляциям древнекитайских историков (особенно в той части, где они сами опирались не на документы, а на предания) и тенденциозным философско-политическим трактатам. Популярными около века назад гиперкритические взгляды на эти источники как на крайне недостоверные, отошли в прошлое, когда археологические раскопки показали, что династии II тыс. до н. э., о которых сообщает традиционная китайская историография, действительно существовали. Однако необходимость видеть историческую реальность сквозь призму вторичных, обобщающих источников, особенно официальных, подчиненных определенной концепции, по-прежнему порождает немало трудностей. Яркий пример: источники одинаково говорят о «династиях» и «императорах», идет ли речь о полубогатых племенных вождях III тыс. до н. э. или о бюрократической централизованной монархии рубежа эр. Когда источники, наоборот, говорят о фундаментальных переменах в прошлом или о характере целых эпох, далеко не всегда можно понять, насколько это отражает реальность, а насколько – оторванное от нее позднее теоретизирование, подогнанное под ту или иную концепцию.

Наконец, необходимо выделять искажения, связанные с официальными или идеологическими фикциями (если источник говорит, что такой-то иноземный народ признал зависимость от Китая, это может отражать и действительное признание зависимости, и присылку обычного посольства, и даже появление простых купцов с подарками властям). В итоге спор идет даже вокруг фактов на первый взгляд очевидных: так, китайские переписи населения и официальные истории сообщают о колоссальном сокращении населения в эпохи смут. Это казалось вполне естественным, пока синолог **Г. Билленштейн** в середине XX в. не выяснил, что сокращения эти в реальности были куда меньше, чем свидетельствуют переписи: просто в эпохи нестабильности администрация контролировала население куда хуже и значительная его часть оставалась непереписанной (переписи проводились с целью налогообложения, и по возможности население от них пыталось уклониться).

Второй комплекс проблем, активно изучаемый китаеведами-«древниками», – это установившаяся к рубежу эр специфика китайской цивилизации, история ее становления и развития, та роль, которую она играла в истории Восточной и Центральной Азии в целом. Традиционная китайская историография (до нач. XX в.) отличалась тщательным комментированием древних источников и исходила из двух концепций: *китаецентризма* (представление о том, что Китай есть центр мира; китайскому правителю само Небо отдало весь мир во власть – просто сам мир не всегда знает и признает это, а официальная культура Китая есть высшая и единственная нормативная культура мира, так что все те, кто не принял ее и не подчинился ее нормам и власти Китайского государства, оказываются «варварами») и *династических* циклов (любая династия правит, пока Небо, от которого исходит всякая власть, сохраняет за ней «небесный мандат» на правление; рано или поздно династия погрязает в грехах и небрежении своими обязанностями перед страной, и тогда Небо лишает ее «мандата» и передает его следующей династии, которая в результате и приходит к власти путем смуты или переворота). Обе эти концепции были выработаны и стали нерушимыми государственными доктринами еще во времена Сыма Цяня.

Китайская историография последних ста лет является составной частью современной науки и применяет ее методы. Особенно тщательно изучает она социально-экономическую историю древности (хотя в свое время не обходилось здесь без вульгаризации) и занимается обработкой результатов раскопок (в частности, раскопок целых поселений на больших площадях). Исключительно развито изучение Древнего Китая в Японии, с давних времен находившейся под влиянием китайской культуры. У истоков европейского изучения Древнего Китая стоит французская школа синологии конца XIX – начала XX в. (**Э. Шаванн**, **П. Пеллио**, **А. Масперо**).

В России начало современному научному китаеведению положили ученые 1-й половины XX в., прежде всего **В. М. Алексеев**. К настоящему времени отечественная школа изучения Древнего Китая (**К. В. Васильев**, **Л. С. Васильев**, **В. М. Крюков**, **Л. С.**

Переломов , С. И. Кучера , Т. В. Степугина и др.) – одна из ведущих в мировой науке. Для нее характерен критический перевод и научное комментирование основных письменных источников. К сожалению, за сто с лишним лет эта работа прошла только свои первые стадии (крупным вкладом в нее явился первый в мире полный перевод «Исторических записок» Сыма Цяня, начатый в 1970-х гг. **Р. В. Вяткиным** и продолженный его сыном).

Периодизация

Периодизация древнекитайской истории строится на сочетании традиционной китайской периодизации собственной истории по династиям и современной периодизации по стадиям экономического и социального развития. В традиционной китайской историографии счет времени начинался с мифической эпохи создания и устройства мира, завершившейся временем правления «пяти императоров» (мифологические культурные герои, которые в позднейшие эпохи считались реально существовавшими правителями; такое объявление мифологического персонажа – бога или героя – правителем былых времен называется *эвгемеризацией*. Обычно это явление в древних культурах было исключительным, но китайская традиция прибегала к эвгемеризации в очень широких масштабах).

Затем следовала эпоха *«трех династий»*: «династия» Ся (ок. 2000 г. до н. э.), династия Шан-Инь (XVII–XI в. до н. э.), династия Чжоу (XI вв. до н. э. – 256 г. до н. э.).

Эпоха «династии Ся» реально, по-видимому, отвечает времени существования протокитайского племенного объединения, возглавлявшегося кланом Ся. Победившие их правители из клана *Шан* (второе название – *Инь*), как показали раскопки, действительно возглавляли уже достаточно развитое и большое по территории государство.

Затем власть над этим государством, свергнув династию Шан, захватил клан *Чжоу*. Время его правления делится на два подпериода: Западное Чжоу (XI в. – 771 г. до н. э.), когда чжоуские правители действительно контролировали страну, и Восточное Чжоу (770–256 гг. до н. э.), когда Китай распался и фактически представлял собой конгломерат враждующих царств, лишь номинально признававших (а иной раз и не признававших) верховный авторитет чжоуского правителя. Особо выделяются два этапа противоборства этих царств: Чуньцю («Весны и Осени», 722–403 гг. до н. э.; название периода воспроизводит название знаменитой летописи царства Лу – одного из соперничавших китайских государств) и Чжаньго («Воюющие царства», 403–221 гг. до н. э.). Границу между ними проводят по распаду другого крупного царства – Цзинь (403 г. до н. э., иногда период Чуньцю обрывают годом окончания одноименной летописи царства Лу – 481 г. до н. э.).

В ходе усобиц времени Чжаньго династия Чжоу была уничтожена (256 г. до н. э.), и с династической точки зрения финальная часть времени Чжаньго (256–221 гг. до н. э.) оказалась своего рода междоцарствием: в это время Китай даже номинально не признавал власти одного правителя.

С объединением Китая правителем царства Цинь начинаются периоды династии *Цинь* (221–206 гг. до н. э.) и сменившей ее династии Хань (206/202 г. до н. э. – 220 г. н. э.). Эпоха *Хань* делится на времена правления старшей ветви династии (Западная, или Старшая, Хань, 206/202 г. до н. э. – 9 г. н. э.) и младшей ветви (Восточная, или Младшая, Хань, 25–220 гг. н. э.), разделенные узурпацией Ван Мана, единолично представляющего так называемую династию Синь (9–23 гг. н. э.), и общей смутой.

С точки зрения современной науки выделяются следующие периоды древнекитайской истории: эпоха формирования и существования ранних государств (II тыс. до н. э. – VIII в. до н. э.; соответствует династическим эпохам Шан-Инь и Западной Чжоу); эпоха раздробленности (VIII–III вв. до н. э.; соответствует эпохам Восточной Чжоу и Чжаньго); эпоха централизованных империй с тремя подпериодами: Цинь, Ранняя Хань и Поздняя Хань, – совпадающими с правлениями соответствующих династий.

Глава 28 Страна и население

Географическое положение

Цивилизация Древнего Китая сложилась, как и другие ранние цивилизации, в бассейне великой реки: Хуанхэ несла свои воды по лессовому плато, с крайне неустойчивым, часто меняющимся руслом в нижнем течении. В древности вся ее долина была покрыта лесами, здесь водились слоны, носороги и тапиры. Климат был влажным и дождливым. Пойменные почвы идеально подходили для занятия земледелием и не требовали изнурительного труда при их обработке. С другой стороны, жизнь в пойме при постоянной угрозе наводнения и смены речного русла была очень рискованна. Лишь распространение железных орудий труда в I тыс. до н. э. позволило китайцам выйти за пределы пойм.

Китай в древности

С севера и северо-запада к бассейну Хуанхэ прилегает восточная часть евразийской Великой степи, откуда на Китай систематически совершали набеги полукочевые и кочевые племена. На западе Китай был ограничен почти непроходимыми горными хребтами. Все это привело к географической изоляции оседлой земледельческой зоны в бассейнах Хуанхэ и Янцзы от остального мира, с трудом да и то не полностью преодоленной лишь в конце I тыс. до н. э. В свою очередь, такая географическая картина способствовала выработке классического китайского представления о своей стране как о культурном центре мира, окаймленном варварской периферией.

В VI–V тыс. до н. э. бассейны Хуанхэ и Янцзы, как и более южные районы, были заселены племенами австронезийской группы (родственными современным вьетнамцам и малайцам). На юго-западе жили *австроазиаты*, реликты которых и сейчас обитают в этом регионе, на западе, в Тибете и смежных районах – *протосинотибетцы* (предки носителей китайского, тибетских и бирманских языков).

Лингвистика предполагает, что первые носители протосинотибетских диалектов были европеоидами и прибыли в Тибет с далекого запада, но здесь полностью монголоизировались. По-видимому, в V тыс. до н. э. группа протосинотибетцев расселилась с запада по верхнему и среднему течению Хуанхэ и дала начало *культуре Яншао*. Эта группа и обособилась как *протокитайцы*.

Постепенно протокитайцы ассимилировали австронезийцев долины Хуанхэ, в низовьях которой те, впрочем, жили еще в I тыс. до н. э. (китайские источники описывают их как восточных варваров «и»). Собственно китайская этническая общность складывается в I-й половине I тыс. до н. э.; в середине I тыс. до н. э. она ассимилировала и включила австронезийское население долины Янцзы. На этом формирование древнекитайского этноса завершилось; около рубежа эр он принял сохраняющееся до сих пор самоназвание «хань» (по имени правившей тогда династии).

Глава 29 Древнейшая история Китая

Формирование Древнекитайской государственности

В V–III тыс. до н. э. бассейн среднего течения Хуанхэ занимала этнокультурная

общность, характеризующаяся археологическими культурами Яншао и Луншань (в которую переросла культура Яншао). На луншаньском этапе (2-я пол. III тыс. до н. э.) возникает имущественная дифференциация. Яншаоско-луншаньские племена и были той основой, из которой впоследствии выросла историческая общность древних китайцев.

Согласно древнекитайской историко-литературной традиции, первой наследственной династией правителей Китая была Ся (по традиционной хронологии – кон. III – нач. II тыс. до н. э.), основанная неким **Ци**. Китайская традиция считает Ци сыном мифологического культурного героя, Великого Юя, спасшего людей от Всемирного потопа, тем самым объединяя начало династийного, т. е. исторического прошлого своей страны, с мифологическим прошлым божественных перволюдей и культурных героев (переосмысленных как древнейшие, ненаследственные правители страны, предшествующие цепочке ее династий). При очевидной неисторичности такого приема предание о самой династии Ся, скорее всего, достоверно, и за ним стоят два взаимосвязанных явления: 1) создание какого-то раннего объединения племен луншаньского ареала вокруг одного из таких племен – ся; 2) превращение власти вождя в наследственную, взамен былым выборам.

Заведомо исторический характер, подтвержденный письменными и археологическими данными, носит правление следующей династии китайской традиции – Шан (Инь). По преданию, последний правитель Ся был очень жесток. **Чэн Тан**, вождь племени шан, одного из зависимых от Ся племен, возглавил недовольных, уничтожил весь клан Ся и сплотил вокруг шанцев остальные племена. Так возникло *шанское политическое образование*, просуществовавшее до 1027 г. до н. э. Племя шан неоднократно переселялось по равнинам в среднем течении Хуанхэ, пока при правителе **Пань Гэне** не осело в районе современного Аньяна, где была основана новая столица – Великий Город Шан (ок. 1300 г. до н. э.). С этого времени государство получает второе название – *Инь* (видимо, так назывался правящий род) и начинается последний период шанской истории (XIV–XI вв. до н. э.), представленный археологическими находками и ценнейшими иероглифическими гадательными надписями – первыми памятниками древнекитайской письменности. Широкое распространение в этот период получила бронза, однако в земледелии, главной сфере производства, она не применялась, а использовалась для изготовления оружия и предметов ритуала.

Шан-Иньское объединение было раннеклассовым государством, но это раннее государство не ослабляло разграничения племенных и родовых структур, сохранявшихся в полной неприкосновенности и служивших главными составными частями общества. Государственность выражалась в том, что власть правителя носила бюрократический характер и не зависела от институтов родоплеменного самоуправления: ван («царь») мог повелевать любым человеком, находящимся на его землях. Классовый характер общества выражался в налоговой и отработочной эксплуатации основной массы населения со стороны правителя, а также в выделении неравноправных сословий внутри племени.

Во всем этом проявился один из самых важных феноменов всей истории Китая – устойчивость и значение родовых структур; даже впоследствии, когда они полностью потеряли властное и хозяйственное значение и распространилась частная собственность, род тысячелетиями оставался главной ячейкой общества. Особенно ярко это отразилось в типичных для Китая наказаниях родственников за проступок одного из них; за тяжелое политическое преступление рода как целого, согласно стандартным правовым нормам, мог быть уничтожен весь род, и именно так оформлялись обычно династические перевороты. За преступление любого лица вместе с ним могли быть наказаны его ближайшие родственники, независимо от их причастности к делу. Еще одним примером устойчивости родовых структур является деление китайцами своей истории на династические циклы, т. е. на периоды правления членов одного рода.

Общественно-политический строй и падение Шан-Иньского государства

Ядром Иньского государства была территория племени шан. Судя по находкам в гробницах Аньяна, у шанцев этого времени выделялись четыре довольно четко отграниченные друг от друга по сословному и имущественному положению страты: род правителя (вместе с его представителями хоронили и часть их челяди), знать, рядовые общинники и бесправные лица, оказавшиеся вне общинно-родовых структур. Государственная эксплуатация самих шанцев выражалась, по-видимому, в привлечении их к отработкам на полях правителя и храмов и иным общественным работам.

Раскопки царского некрополя в Аньяне

Правитель – ван – осуществлял военную, исполнительную и высшую жреческую власть, считаясь главным посредником между людьми и космическими силами, уполномоченным последними на управление страной. Только он мог осуществлять гадания, выясняющие волю божества (таковые предпринимались при принятии почти любого решения), и его участие в той или иной деятельности магически способствовало ее успеху и часто рассматривалось как необходимое условие. Поэтому все жизнеобеспечивающие сельскохозяйственные работы начинались по специальному приказу вана, который, в свою очередь, отдавал его только после выяснения воли богов на этот счет посредством гадания.

Представление о том, что статусу правителя имманентно присуще уникальное свойство служить проводником космической жизнеобеспечивающей энергии на землю, без чего приходит в упадок вся жизнь, сохранялось впоследствии на протяжении тысячелетий. Правда, правитель исполнял роль такого проводника тем хуже, чем безответственнее относился к своим обязанностям; с какого-то момента китайская официальная общественная норма требовала устранить и заменить такого правителя силами его подданных. Благоговение питали, строго говоря, к институту власти, а не к личности ее носителя. О единоличном характере власти вана говорит его стандартный эпитет – «единственный среди людей».

При ване сформировался примитивный государственный аппарат и зародыш постоянной армии – колесничная дружина, сопровождавшаяся пешим племенным ополчением. Ван, его двор и дружина существовали за счет отработок шанцев на их полях, дани зависимых племен и, вероятно, привлечения труда лиц, попавших в частную зависимость от них. Главными государственными делами в древнекитайской традиции считались жертвоприношения и войны. Так обстояли дела уже в иньскую эпоху. Войны велись с целью обложения данью других племен и ради массового угона пленных, которые предназначались для жертвоприношений усопшим предкам, а не для обращения в рабство, институт которого еще не сформировался (у иньцев не было даже специального термина для обозначения рабов).

Вожди племен, признавших зависимость от иньского вана, получали от него титулы, номинально включавшие их в административную структуру возглавляемого им государства. Они должны были регулярно являться в Великий Город Шан с дарами, присылать туда дань, предоставлять вану свои племенные ополчения и информировать его о положении дел на своих границах. Внутренние проблемы они решали самостоятельно.

В иньскую эпоху уже сформировалась концепция, согласно которой собственное государство является центром мира и имеет «мандат» от космических сил на управление всей землей; те, кто признает это право, образуют окультуренное пространство, остальная часть мира прозябает в ритуальной нечистоте и варварстве. Эта концепция безраздельно господствовала в официальной идеологии Китая следующих тысячелетий. Государственным культом Шанской державы являлся культ предков (прежде всего предков правящего государя).

Великий Город Шан был окружен стенами толщиной 6 м и насчитывал множество больших дворцов и храмов, возведенных на искусственных платформах, а также

ремесленных мастерских, обслуживавших заказы правившей верхушки. Близ города находились гробницы ванов и их ближайших родственников – огромные подземные сооружения, где вместе с умершими хоронили их богатства и слуг.

Пик иньского могущества приходится на правление **У-дина** (ок. 1200 г. до н. э.). При нем были совершены обширные завоевания и построены новые дворцы и храмы в Великом Городе Шан.

Одним из племен, живших по соседству с иньцами на западе, было племя чжоу, то воевавшее с Иньским государством, то признававшее зависимость от него. Когда на престоле оказался последний правитель Инь, считающийся в китайской традиции безответственным, капризным и праздным тираном, вождь чжоусцев **У-ван** возглавил коалицию западных племен, разгромил иньцев в битве при Муе (1027 г. до н. э.) и захватил территорию Иньского государства. С этого времени отсчитывается эпоха династии Чжоу.

Позднеиньский бронзовый сосуд

Глава 30 Политическая история Древнего Китая

Эпоха Западного Чжоу

Первый период правления династии Чжоу, когда ее столица размещалась в западной части страны, рассматривается китайской традицией как *эпоха Западного Чжоу* (1027–770 гг. до н. э.). Захват власти над древнекитайским государством достаточно примитивной племенной группой чжоусцев привел к существенным изменениям в социально-политическом строе. Новая династия, не имевшая опыта управления крупным государством, предпочла раздать все подконтрольные ей родовые группы вместе с занятыми ими территориями в наследственные владения членам правящего дома и отдельным представителям знати (в том числе некоторым племенным вождям, перешедшим на сторону Чжоу; за ними были признаны их племенные территории). Все такие владельцы именовались *чжухоу*; верховный правитель делегировал им практически полную власть во внутренних делах их уделов (которых в XI в. до н. э. насчитывалось 200–300), а сам непосредственно управлял лишь оставшимся у него доменом – «столичной областью». Обязанностью чжухоу было предоставлять вану определенную долю податей и воинские контингенты.

Былое административное деление по племенам перестало существовать, сменившись территориальным (к тому же некоторые враждебные племена были переселены на новые места). Чжоусцы ввели сословное деление всего свободного населения на пять рангов: единственным обладателем первого ранга был чжоуский ван, второй принадлежал чжухоу, третий – *дафу*, главам родовых групп, из территорий которых складывались уделы чжухоу, четвертый – *ши*, главам больших семей, из которых состояли указанные группы, пятый – простолюдином. Образовалось нечто вроде феодальной лестницы, определявшей систему власти и собственности: «ван считает своим слугой чжухоу, чжу-хоу считает своим слугой дафу, дафу считает своим слугой ши». Владелец каждого ранга передавал бо́льшую часть своей земли в держание владельцам следующего ранга, а те передавали наверх долю достающейся им земельной ренты, созданной в конечном счете трудом простолюдинов.

Верховным собственником всей земли считался чжоуский ван, доход с нее дробился между владельцами разных рангов, делегировавшими право распоряжаться ей сверху вниз. В связи с такой раздачей земли династия Чжоу постепенно отказалась от системы выделения особых государственных полей, которые должны были возделываться соседними общинами в порядке государственной повинности-отработки (урожай при этом целиком поступал в распоряжение государства), и перешла на взимание обычных податей. Для каждого ранга

был жестко установлен предельный уровень потребления: «потребление богатств зависит от вознаграждения, соответствующего рангу».

Объем присваиваемой земельной ренты и землевладения, допустимое количество пищи, скота и рабов, вид одежды и утвари, размеры и убранство дома и даже гроба и могилы были свои для каждого ранга. Так, простолюдины вообще не имели права есть мясо и рыбу, ши – любое мясо, дафу запрещалось любое мясо, кроме свинины, чжухоу – кроме говядины, и только ван мог питаться каким угодно мясом. Иногда одно и то же понятие представители разных рангов обязаны были выражать разными словами, своими для каждого ранга. Ранг наследовался старшим сыном, прочие сыновья получали ранг одной ступенью ниже (кроме, разумеется, простолюдинов).

«В зависимости от ранга... различно количество еды и питья, покроя одежды, размеры жилища, численность скота и рабов, существуют запреты на использование определенных форм лодок, колесниц, домашней утвари. Как бы мудр и благороден ни был человек, он не осмеливается носить одежду, не соответствующую его разряду».

(Гуань Чжун, мыслитель VII в. до н. э.)

Другим новым явлением было рабство. Теперь значительная часть пленных обращалась в рабов, однако в производстве рабский труд особенной роли не играл. В зачаточных формах стала развиваться торговля: вместо денег применялись раковины-каури. Чжоусцы унаследовали и развили иньскую идеологию. В государственной религии главное место заняло Небо – почти безличное и всемогущее вселенское начало. Ван получил титул «Сын Неба», что выражало принадлежавшую только ему, по статусу, способность ретранслировать космоупорядочивающую энергию Неба на благо представляемого им сообщества и всей земли.

По территории государство Чжоу вскоре существенно превзошло Шан-Инь. Унаследованные чжоусцами хозяйственные достижения иньцев (прежде всего использование бронзы) распространились на новые земли.

Распад Китая и эпоха Чуньцю

Система «наследственных владений» с неизбежностью приводила в течение веков к росту самостоятельности их владельцев и ослаблению власти чжоуского вана. Резкий импульс этому процессу придал внешнеполитический кризис, вызванный вторжениями полукочевых племен *жунов*, населявших верхнее течение Хуанхэ, западных соседей Чжоуской державы.

Отдаленно родственные чжоусцам, жуны стояли еще на родоплеменной стадии развития. Первые десятилетия VIII в. до н. э. стали временем все усиливавшегося натиска жунов на Чжоу; в тот же период происходили мятежи владетельных князей. В 771 г. до н. э. чжоуский **Ю-ван**, неудачно боровшийся с жунами, был убит союзными им мятежными владетелями, а его преемник **Пин-ван** в 770 г. до н. э. был вынужден бросить столичный район, превратившийся в арену безнаказанных набегов жунов, и переехать со своим двором на восток, в район Лояна. Этот момент в китайской традиции принято считать концом периода Западного Чжоу (последующее время существования династии выделяется в эпоху *Восточного Чжоу*, 770–256 гг. до н. э.).

Бегство от жунов привело к окончательному ослаблению власти вана. Он больше не вмешивался во взаимоотношения чжухоу, и те стремительно превращались в фактически независимых государей. Уменьшился домен вана (как за счет новых пожалований чжухоу, так и под их ударами), прекратилась регулярная выплата дани вану со стороны чжухоу.

К концу VIII в. до н. э. Китай фактически распался на тысячу с лишним самостоятельных владений, между которыми немедленно началась борьба за поглощение и подчинение соседей. С другой стороны, номинально продолжала признаваться верховная

власть безвластного чжоуского вана как традиционное воплощение единства страны, тем более что почти все местные владетели происходили из династии или очень тесно были породнены с ней браками. За ваном остался и его исключительный сакральный статус как посредника между людьми и Небом.

На чжоуский престол никто не посягал, и только за его обладателями оставался титул «Сын Неба» и вана.

Чжухоу стремились представить свои действия как направленные на служение интересам вана. Период, когда местные правители разной степени могущества боролись за гегемонию друг над другом, признавая верховную сакральную, но номинальную власть чжоуского вана, называется *Чуньцю* («Весны и Осени», 722–403 гг. до н. э.). Это был один из самых мрачных периодов в истории Китая, полный бесконечными войнами между владениями, смутами и переворотами. В этой борьбе всех против всех нередким делом стали убийства ближайших родственников и предательства любых союзов и соглашений. С распадом страны было почти утрачено осознание ответственности власти и знати перед населением.

Литература без всякого осуждения описывает следующие эпизоды: один из правителей публично горевал о том, что ему приходится дышать тем же воздухом, что и простолюдиям, и придворный мудрец утешил своего государя, объяснив, что его овеивает неизмеримо более благоуханный ветер, чем его подданных; гость другого правителя, услышав от него предложение принять в дар наложницу, сказал из желания вежливо отказаться от столь ценного дара, что у той ему понравились только руки, и тут же получил на блюде отрубленные руки наложницы (эпизод относится к III в. до н. э., более позднему этапу эпохи междоусобиц, но отражает психологию, характерную для всего периода в целом).

В конце VIII – конце VII в. до н. э. Китай испытывал на себе восточные импульсы того переселения кочевых народов Великой степи, западными звеньями которого были рассматривавшиеся выше миграции скифов. С северо-востока в долину Хуанхэ прорывались кочевые племена *ди* (включавшие, по-видимому, ираноязычные группы), опустошая центральные районы страны, включаясь в усобицы князей и выступая как союзники одних и враги других.

В этот период изменился характер *самоидентификации древнекитайской общности*. В эпохи Шан-Инь и Западного Чжоу она носила политический характер: противопоставление «мы – они» отталкивалось от того, подчинялись ли соответствующие группы власти вана или нет. Теперь сформировалась новая этнокультурная самоидентификация: общность носителей древнекитайского языка, ритуала и социокультурных норм (в том числе определенного земледельческого хозяйственного типа), занимавшая среднее течение Хуанхэ, получила особое самоназвание *хуася* (или *чжуся*) и противопоставила себя всем инокультурным соседям, которых рассматривала как некое единство «варваров четырех сторон света».

Считалось, что хуася связаны между собой родством (что закреплялось идеей об их общем происхождении от мифического Хуанди – легендарного первого владыки Поднебесной). Их княжества рассматривались как «Срединные», а они сами – как «свои» друг для друга (в отличие от чужаков-«варваров») уже независимо от их политической ориентации: «Варвары – это шакалы и волки, им нельзя идти на уступки; чжуся – это родственники, и их нельзя оставлять в беде». Этому противопоставление имело и этическую окраску: «варвары не придают значения нравственному началу», а хуася следуют законам справедливости, исходящим от Неба.

Менталитету хуася действительно был присущ особый этический комплекс, восходящий, возможно, еще к чжоуским временам. Авторитет социально-этических норм мотивировался тем, что они являются единственно возможным средством согласовать желания и потребности отдельных людей и помешать им уничтожить друг друга в смутах. Таким образом, смысл самой нормы измерялся тем, что она обеспечивает, насколько это возможно, удовлетворение потребностей каждого отдельно взятого человека. В то же время

парадоксальным образом утверждалось, что удовлетворить их возможно лишь в том случае, если сами люди будут как можно меньше думать о себе, стараясь заботиться лишь о выполнении своего долга перед другими как о безусловном самоудовлетворяющем приоритете; окружающие, со своей стороны, позаботятся о них. Считалось, что общественная санкция заботы о себе тут же привела бы к тому, что люди вообще пожелали бы отбросить любые ограничения и погрузились в хаос.

Необходимость борьбы с нашествиями племен ди вызвала к жизни определенную политическую интеграцию, однако уже не вокруг фигуры чжоуского вана: тот или иной крупный чжухоу добивался съезда князей, на котором его признавали «гегемоном», *ба*, что подразумевало лидерство по отношению к прочим владетелям, обычно осуществлявшееся под стандартными лозунгами «заставить всех уважать вана» и «отразить угрозу варваров». На деле главным здесь было стремление к политическому господству, однако достаточными силами для его достижения не располагало еще ни одно владение. «Гегемонии» добивались князья то одного, то другого из них, и ни один не мог добиться покорности от всех владений.

Эпоха «гегемонов» началась в 1-й половине VII в. до н. э., в период особой угрозы ди, и завершилась в начале VI в. до н. э., практически сразу после решающей победы над ними (594 г. до н. э.), покончившей с их набегами. Выдвижение «гегемонов» еще больше ослабило престиж чжоуских царей: в конце VII в. до н. э. правитель **Чу** принял титул вана, открыто отвергнув номинальный авторитет Чжоу, и это не помешало ему добиться того, что остальные князья, хоть и лояльные Чжоу, признали его тем не менее «гегемоном»!

К V в. до н. э. общность хуася охватила новые территории, благодаря колонизации, направленной на относительно менее заселенные окраины – на восток, к берегам Тихого океана, и на юг, в бассейн Янцзы, а также культурной ассимиляции местного населения. К этому времени из противоборствовавших княжеств уцелело немногим более десятка – они и делили между собой всю территорию хуася. В частности, к «Срединным государствам» были теперь отнесены сильные окраинные владения с населением, частично имевшим не китайские этнические корни: **Чу** на юге, **Янь** на северо-востоке и **Цинь** на западе.

Социокультурные перемены эпохи Чжаньго

С распада в 403 г. до н. э. одного из крупнейших противоборствующих владений – Цзинь – китайская традиция условно отсчитывает новый период своей истории – *Чжаньго* (досл. эпоха «Воюющих государств», 403–221 гг. до н. э.).

Середина I тыс. до н. э. действительно была временем перемен во всех сферах жизни страны. В VI–IV вв. до н. э. в Китае появилось и распространилось (в том числе в земледелии) железо. Железные пахотные орудия вызвали подъем производства, так как позволили возделывать не только мягкие речные поймы, но и твердые почвы (появилось искусственное орошение – прежде, когда хозяйство велось в поймах, проводить имело смысл только водоотводные каналы для борьбы с наводнениями). В качестве тягловой силы при запашке впервые стали применять скот.

Рост продукции, прогресс агротехники, распашка новых земель, а также общая нестабильность, вызванная войнами и не позволявшая эффективно контролировать выполнение ранговых ограничений и запретов, привели к грандиозным *социальным переменам*. Исчезла старинная чжоуская система общинного землепользования: в середине I тыс. до н. э. повсеместно утверждается частная собственность на землю с правом свободно покупать и продавать ее. Община окончательно становится соседской, а государства переходят к новой форме податного обложения – поземельному налогу, начисляемому на площадь обрабатываемой данным собственником земли.

Чжоуские наследственные сословия ремесленников и торговцев, причислявшиеся к рангу простолюдинов и тем самым обреченные на невысокий уровень жизни, ушли в прошлое. Купцы и ремесленники были теперь вольны накапливать любые богатства. Это привело к формированию зажиточной ремесленно-торговой верхушки (представители

которой по рангу все же оставались простолюдинами). С другой стороны, за века нестабильности многие носители высших рангов разорялись. Таким образом, нарушался основной принцип традиционного порядка: «богат, кто знатен, беден, кто незнатен [по рангу]». В городском производстве стали широко применяться рабы, общее число которых резко возросло. Количество городов и плотность населения, значительную часть которого составляли ремесленники, также возросли.

В *товарно-денежные отношения* стала втягиваться деревня, в связи с чем к концу периода Чжаньго в Китае сложились регионы различной хозяйственной специализации. В IV–III вв. до н. э. уже была распространена металлическая монета, причем внутри хозяйственных регионов происходила стихийная унификация монетных систем.

В ответ на социально-экономические перемены и перманентные усобицы в Китае появились новые *направления общественной мысли*: конфуцианство, легизм, моизм, даосизм – все основные учения Китая (в последующие эпохи они только развивались и дополнялись, и ничего похожего на инновационный взрыв эпохи Чжаньго не происходило). Мыслители пытались решить, каким образом можно восстановить общественный порядок, т. е. устранить проблемы, вызванные расхождением знатности и богатства, и прекратить смуты, иными словами, добиться от людей забвения своих личных выгод и самоотверженного исполнения общественной нормы. Рецепты, предложенные ими, разительно отличались друг от друга.

Учение **Конфуция** (Кун-цзы, 551–479 гг. до н. э.) основывалось на представлении о том, что человек по своей природе добр, т. е. в рамках китайской системы понятий, готов к самоотверженному служению долгу, если вышестоящие не подадут ему разрушительных примеров обратного. Образцом для всех общественных отношений, по мнению Конфуция, должна быть патриархальная семья, в которой старшие призваны заботиться о младших и воспитывать их, а младшие – почитать и слушаться старших; в государстве народ выступает в роли «детей», а правитель – «отца». Не случайно важнейшими задачами конфуцианцы считали укрепление семьи, почитание предков, неукоснительное повиновение старшим, самоотречение во имя долга. Отсюда, в частности, происходит сложный конфуцианский этикет, призванный выразить власть долга над отдельным человеком и подчеркнуть его положение в иерархии «старших» и «младших». В этом конфуцианцы следовали еще более древним, общепринятым китайским представлениям. Правитель, согласно Конфуцию, обязан заботиться не о личных выгодах, а о благе народа и исполнении воли Неба, народ – беспрекословно повиноваться правителю.

Ключевые понятия конфуцианства – «способность вести себя по-людски» – *жэнь* (неверный, но распространенный перевод – «гуманность», на деле речь идет о добровольной готовности исполнять внешнюю норму), «верность» – *чжун*, «долг» – *и*, «почтительность к старшим» – *сяо* и «нормы поведения» – *ли*. Особенно подробно Конфуций развивал учение о воплощении своего идеала – «благородном муже» цзюнь-цзы, живущем для одного лишь бескорыстного, бесстрашного и принципиального исполнения своего общественного долга. Забота о себе и реализация собственно личных чувств конфуцианством всячески дискредитируется. Вот две характерные выдержки из конфуцианского трактата:

«В детстве был смиренным, слушался приказов, гулять ходил только в определенную сторону, пребывал в строго определенном месте, любил учиться и не шалил. В отрочестве обладал твердой волей и выполнял приказы, усердно соблюдал то, чему его учили, и не был распушен. Став совершеннолетним, любил почтительность, не имел своевольных мыслей, менял взгляды только из чувства долга, действовал только по приказу высших. <...>

Разве у благородного мужа бывают близкие люди? У благородного мужа бывают близкие люди, но не в том смысле, что они словно в одной команде друг с другом, а в том, что он сближается с ними на основе добродетели, чтобы помогать друг другу служить правителю, и только в этом смысле они для него близкие» («Го Юй»).

Наконец, с точки зрения конфуцианцев, в древности уже существовало идеальное состояние общества, когда праведным ванам помогали в управлении «благородные мужи»; их законы и надлежит без размышлений восстановить и соблюдать, не допуская никаких новшеств (отсюда постулат: «благородный муж передает, а не создает»; тут сказалось враждебное отношение Конфуция к социальным переменам его эпохи, прежде всего обогащению хотя бы некоторых простолюдинов). Главный путь к восстановлению порядка – воспитание новых «благородных мужей»; им занялся было сам Конфуций, но, по его собственному признанию, ему так и не удалось воспитать «благородного мужа», да и себя он таковым не считал. Позднее конфуцианцы **Мэн-цзы** (IV в. до н. э.) и **Сюнь-цзы** (III в. до н. э.) систематизировали учение Конфуция и развили его в стройную всеобъемлющую доктрину.

Следует, однако, помнить, что вся конфуцианская система самоотречения и исполнения долга номинально считалась не самоцелью, а средством – единственно возможным средством удовлетворить потребности самих же людей, насколько это вообще возможно. Именно это удовлетворение – сытая и спокойная жизнь населения – и считалось конечной задачей государства, главной целью существования самого общества и общественных норм. Поэтому при всем уважении к правителям конфуцианцы открыто заявляли, что если государь по собственной вине правит несправедливо и бедственно, то он не выполняет своего предназначения и должен быть насильственно свергнут сановниками, а то и народом. Приведем характерные конфуцианские положения.

«Ничтожный человек стремится к выгоде, а благородный – к справедливости.

Благородный передает созданное предками, а не создает новое.

Ученый живет со своими современниками, но сверяет поступки с древними» (*Конфуций*).

«Вражда может быть только между занимающими равное положение... Когда низшие проявляют жестокость к высшему, это называется преступным убийством господина, а когда высшие проявляют такую же жестокость к низшему, это является законной карой. Когда господин карает слугу, какую это может вызвать вражду? Ведь если все в таких случаях будут считать господ своими врагами и мстить им, разве сохранится различие между высшими и низшими?» («Го Юй», пер. по *В. С. Таскину*).

«Как появились правила поведения? Отвечаю: человек от рождения обладает желаниями; когда эти желания не удовлетворяются, неизбежно возникает стремление добиться их удовлетворения; когда в этом стремлении человек не знает границ и пределов, неизбежно возникает беспредельное соперничество. Это приводит к смуте, а смута приводит к нищете. Цари-предки ненавидели смуту, поэтому они создали правила поведения и долг перед другими, чтобы в соответствии с ними поделить людей [на начальников и подчиненных] и удовлетворить, насколько возможно, их желания и стремления – добиться того, чтобы желания не превосходили количества вещей, нужных для их удовлетворения, а вещей всегда было бы достаточно для удовлетворения желаний, когда желания и наличные вещи соответствуют друг другу и взаимно растут – такова причина появления правил поведения!» («Сюнь-цзы», пер. по *В. Ф. Феоктистову*).

В то же время представление об «отце»-правителе и «ребенке»-народе открывало большой простор для произвола властей: теперь они могли оправдывать самые обременительные для населения меры, заявляя, что народ, как ребенок, не понимает собственного блага и должен быть приведен к нему против своего желания. В результате, заявляя о долге правителей, конфуцианство на деле в последующие века часто оправдывало их безответственность и притеснения интересами государства.

Не менее опасным стало твердое требование Конфуция назначать на все посты, включая военные, только высокоученых людей – знатоков традиционной китайской культуры, едва ли пригодных для реального командования. Это требование, как и традиционное конфуцианское миролюбие и пренебрежение к «грубой» военной силе (вместо которой рекомендовалось по возможности действовать чистой силой императорской благодати дэ) было основной причиной сравнительной военной слабости Китая. Конфуцианцы считали, что если император в достаточной мере пестует, развивает и применяет свое дэ, то «варвары» будут умиротворены и покорятся Китаю прямым ритуальным действием этого дэ, без всякого применения физической и военной силы). На протяжении всей его дальнейшей истории огромные китайские армии почти постоянно терпели поражения от небольших степных орд и в борьбе с ними опирались исключительно на численный и технический перевес.

Другой китайский мыслитель – **Мо Ди** (ок. 400 г. до н. э.) выступал с требованиями, навеянными идеализацией первобытного общества, где господствовала коллективистская взаимопомощь, а потребление было крайне скудным. Он утверждал, что преодолеть кризис можно только опираясь на принципы равной «всеобщей любви» людей друг к другу, не различающей своих и чужих, отказа от любой обособленности – семейной, индивидуальной – и жесточайшего ограничения потребления и производства: все, что превышало рамки минимально необходимого удовлетворения простейших физических потребностей, он считал вредным.

В IV–III вв. до н. э. распространилось учение *школы «правительственных распоряжений»* (так называемого *легизма*). Легисты полагали, что по своей природе человек – существо «злое», т. е. не способное по доброй воле подчинить всего себя исполнению долга перед высшими. На него остается воздействовать страхом перед невиданно жестокими наказаниями. Легисты прямо призывали правителей не оставлять подданных времени для отдыха и возможности иметь какие-либо запасы или излишки; иначе, не занятые по необходимости изнурительным трудом, люди непременно затеют смуту. По той же причине рекомендовалось вести непрерывные завоевательные войны, укрепляющие повиновение и поглощающие силы народа.

Легисты выдвигали принцип всевластия государства, воплощенного в правителе, чьи распоряжения не должны быть скованы какими бы то ни было традиционными нормами, в том числе моральными. Он мог руководствоваться лишь интересами приумножения своего могущества и казны (соответственно, легисты призывали поощрять частную торговлю и ремесло), а все его распоряжения подлежали беспрекословному выполнению. Трактат легиста Шан Яна гласит:

«Могущественное государство закрывает частные пути осуществления желаний, оставляя лишь одну лазейку для осуществления желаний “через службу государству”; тогда люди, ради достижения собственных целей, прежде всего будут делать даже то, что им ненавистно, и у государства будет много силы... Если желания людей осуществляются, то появляется корысть, а раз появляется корысть, появляется и слабость... О государстве, добившемся господства, говорят: “Оно не накапливает силы [людей, а полностью тратит их], а семьи там не накапливают дома зерна [так как у них попросту не остается излишков: те целиком отходят государству, а людям остается лишь самое необходимое]”. Слова “государство не накапливает силы” означают: силы подданных используются правильно [т. е. изнуряются целиком, так что не остается неиспользованных сил для накопления]; слова “семьи не накапливают зерна” означают, что правитель хранит все зерно в государственных житницах... Когда люди горюют, они задумываются, а когда они задумываются, они становятся законопослушными. Когда люди наслаждаются, они развращаются, а когда люди развращаются, рождается лень.

(Пер. по Л. С. Переломову)

Сформировавшееся одновременно учение *даосизма*, чье авторство приписывается легендарному мудрецу **Лао-цзы** (жил якобы в VI в. до н. э.), изложено в «Трактате о дао и дэ» («Даодэцзин»). Отталкиваясь от своей интерпретации общекитайских категорий дао (досл. «путь», имманентные законы мира, согласно которым разворачивается его движение, принципиально непознаваемое первоначало) и дэ («благодать, благодатная сила», отражение дао, способность человека вступать с ним в гармонию и проводить в мир его благую космоупорядочивающую энергию), даосы призывали к «недеянию», отказу от резкого вмешательства в миропорядок и попыток изменить стихийно складывающийся ход вещей.

Объединение Китая. Империя Цинь

В IV в. до н. э. в нескольких крупных княжествах были проведены реформы легистского образца, окончательно уничтожившие обломки старого социального порядка, увеличившие социальную мобильность и поощрявшие частную инициативу, собственность и торговлю. В то же время был расширен административный аппарат и усилилась государственная эксплуатация общинников.

Лао-цзы. Раннесредневековая скульптура

Подробные сведения сохранились о реформах, предпринятых сановником-легистом **Шан Яном** в горном княжестве Цинь на западе Китая. Была введена широчайшая круговая порука (семьи объединялись в «пятки» и «десятки», подвергавшиеся коллективному наказанию за провинность любого своего члена), разрешена свободная купля-продажа земли, принудительное дробление земельного надела неразделенной семьи на индивидуальные; ликвидированы привилегии лиц знатного происхождения, не имевших индивидуальных заслуг перед правителем; проведена унификация мер и весов; введено единообразное административное деление, а также новая система рангов, присваивавшихся за военные заслуги или за денежный взнос в казну.

Реформы Шан Яна вызвали стремительный рост циньской экономики, доходов и централизации власти правителя, что вскоре сделало Цинь сильнейшим из китайских владений. Характерно, что два наиболее могущественных циньских сановника-легиста (сам Шан Ян и более поздний Ли Сы) сами пали жертвой того режима, который создавали. По бездоказательным обвинениям их подвергли жестокой казни, но это не уменьшило рвения их последователей.

Экономический рост и развитие металлургии железа позволили китайским владельцам содержать более многочисленные и прекрасно вооруженные армии и вести напряженные военные действия. Присвоение рангов за военные заслуги перед правителем способствовало притоку в войска смелых и амбициозных людей. Все это делало войны между княжествами, которых к началу III в. до н. э. осталось всего семь, более масштабными, динамичными и кровопролитными, что, в свою очередь, увеличивало возможности одного владения добиться полной победы над другим. Перевес в этих войнах получили княжества Чу и Цинь; последнее в 256 г. до н. э. уничтожило саму династию Чжоу, что свидетельствовало о кардинальных изменениях в идеологии. При ване **Ин Чжэне** (246–210 гг. до н. э.) Цинь менее чем за десять лет аннексировало все остальные китайские царства. В 221 г. до н. э. Китай впервые за несколько сот лет был объединен под одной властью.

После этой невиданной победы Ин Чжэн принял новый титул «Цинь Шихуанди» («Первый властитель-император династии Цинь») и провел широкие преобразования в стране, превратив ее в *бюрократическую централизованную империю*. Она была поделена на 36 административных округов, причем особое внимание уделялось тому, чтобы границы между ними не совпадали со старыми границами между царствами или естественными этнографическими и географическими рубежами – так император пытался преодолеть

традиции локального сепаратизма. Был сформирован разветвленный государственный аппарат, причем в каждом округе гражданская власть была сосредоточена в руках одного чиновника, а военная – другого, и оба подчинялись непосредственно императору.

Округа делились на уезды. Начальников уездов назначал гражданский наместник округа, а еще более мелкие административные единицы управлялись выборными старейшинами общин, таким образом традиционное общинное самоуправление становилось низовым уровнем государственного аппарата. Надзор за чиновниками и страной в целом осуществлялся особой службой инспекторов – доверенных лиц императора. Государство подчинило строгому административному контролю все стороны жизни людей, у населения отобрали все оружие и перелили его на колокола.

По всей стране была унифицирована письменность, денежное обращение (в частности, из него были изъяты все нециньские монеты), единицы меры и веса, введено единое законодательство, выдержанное в обычном легистском циньском духе и отличавшееся непомерной жестокостью наказаний. За любое преступление наказывали всю семью преступника, обычно обращением в государственных рабов. Смертная казнь применялась за всевозможные провинности, в том числе мелкие административные упущения. В массовом порядке людей ссылали на каторжные работы. Если имелись основания считать, что виновник серьезного политического преступления проживает в определенной деревне, но точно опознать его было невозможно, могли истребить всех жителей этой и близлежащих деревень, чтобы только не упустить преступника.

Уничтожались и преследовались все культы, которые могли быть связаны или были связаны с местным сепаратизмом. Приказано было уничтожить все произведения доциньской письменной традиции Китая, чтобы людям неоткуда было узнать об иных временах и порядках (однако многие китайцы, рискуя жизнью, укрыли и сохранили для будущих поколений запретные сочинения). За приверженность древности были казнены сотни ученых-конфуцианцев. Сам Цинь Шихуанди считал свои реформы эсхатологическим спасением Китая. Он заявлял в своих надписях:

«Все совершается как надо, и ничего не происходит иначе, как по намеченному плану. Прозорливость императора достигает всех четырех сторон света, проникает повсюду. Теперь ни высший, ни низший, ни знатный, ни простой человек – никто не нарушает порядка. В больших и малых делах люди напрягают силы, никто не смеет лениться и быть нерадивым. Далеко ли, близко ли, даже в глухих и уединенных местах все усердно трудятся, со строгостью и требовательностью друг к другу. Смирненно и радостно люди принимают наставления, полностью понимают законы и правила. Улучшения распространятся, и им не будет конца!»

(Пер. Р. В. Вяткина)

В соответствии с принципами легистов создание империи Цинь Шихуанди считал лишь началом новых грандиозных деяний, призванных еще больше усилить власть правителя и занять тяжкими трудами народ. В 215–214 гг. до н. э. огромные армии были посланы на северных кочевников-хунну и страны вьетов – Аулак и Намвьет между бассейном Янцзы и Южно-Китайским морем, в которые еще никогда не проникали китайские войска. Ценой неисчислимых жертв были произведены обширные завоевания.

Император развернул невиданное строительство: была возведена Великая Китайская стена продолжительностью около 4 тыс. км и гигантская подземная императорская усыпальница. Гробница представляла собой целый мир с реками из ртути и звездами из драгоценных камней. В ней разместили 6 тыс. терракотовых воинов-гвардейцев в натуральную величину, чтобы они охраняли загробный покой правителя. Мастера, строившие гробницу, были захоронены в ней заживо, чтобы никто не мог разгласить тайны погребения императора.

Глиняная армия Цинь Шихуанди

Для сооружения Великой стены в северные районы переселяли людей и направляли каторжников. Ее строительство осталось в памяти народа страшным бедствием, возникло множество легенд, согласно которым при постройке в стену замуровывали живых людей. В военном отношении стена оказалась почти бесполезной: впоследствии кочевники без особого труда преодолевали ее. Масштабные свершения империи осуществлялись за счет жесточайшей эксплуатации крестьян, налоги на которых при Цинь Шихуанди резко возросли и достигли 2/3 урожая.

Династия Цинь вызывала всеобщую народную ненависть, и после смерти Цинь Шихуанди в 210 г. до н. э. сразу начались восстания по всей стране. В 207 г. до н. э. отряды восставших, во главе которых стояли и крестьянские вожаки, и представители старых аристократических родов, взяли циньскую столицу, свергли сына Цинь Шихуанди и положили конец правлению династии. Возвращаться к былой раздробленности, однако, никто не хотел.

В 202 г. до н. э. в развернувшейся между повстанческими руководителями борьбе за контроль над всей страной победил бывший мелкий чиновник, выходец из крестьян Лю Бан, покровительствовавший общинам и пресекавший попытки своих войск грабить подчинившееся ему население; он провозгласил себя императором (тронное имя **Гао-цзу**, 202–195 гг. до н. э.) и дал основанной им династии название Хань. Период правления прямой линии его потомков именуется эпохой *Старшей Хань* (202 г. до н. э. – 9 г. до н. э.).

Империя Хань

Эпоха Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.) – время наивысшего политического развития Древнего Китая. Правда, Гао-цзу не полностью воссоздал централизованную систему власти: часть территории страны была превращена в уделы, отданные некоторым родственникам и соратникам императора. Однако уже в середине II в. до н. э. после нескольких вспышек сепаратизма с самостоятельностью уделов (и значительной частью их самих) было покончено. Гао-цзу предпринял ряд мер, резко улучшивших положение народа и поощрявших развитие производства, и направил все силы на восстановление страны после бедственных времен конца III в. до н. э.: он вернул права тем свободным людям, кто за это время был вынужден продать себя в рабство под угрозой голода, предоставлял общинам временные льготы и снизил налоги по сравнению с циньскими в 10 раз, до крайне необременительной 1/15 урожая. При преемниках Гао-цзу эта ставка обычно сохранялась.

Сяо Вэнь-ди (180–157 гг. до н. э.), сын Гао-цзу, пошел еще дальше: он вновь сократил расходы на содержание своего двора, вовсе перестал брать налоги с крестьян, отменил телесные наказания и наказания за вину родственника, а также за хулу на императора, объявив, что простолюдины могут свободно бранить его в частных разговорах. Это был первый и последний подобный случай в истории Китая. По-видимому, вся традиционная китайская парадигма почтительности и исполнения долга перед высшими вызывала у Вэнь-ди сознательное отторжение, и он полагал, что народ не столь уж необходимо воспитывать в духе самоотречения и что люди должны жить в свое удовольствие, пока это совместимо с общественным порядком.

При этом Сяо Вэнь-ди вовсе не был «философом на троне». Этот талантливый полководец и администратор успешно боролся с кочевниками, молниеносно подавлял мятежи удельных князей и чрезвычайно умело, обходясь без казней и опал, манипулировал сановниками. После смерти этого необычного правителя налоги были несколько увеличены, а отмененные им наказания – восстановлены, но все же Ханьская империя не угнетала народ так, как империя Цинь.

В целом, по выражению Сыма Цяня (I в. до н. э.), при первых императорах Хань

«простой народ смог избавиться от тягот эпохи Чжаньго. И правители, и подданные вместе стремились к отдыху. Наказания всякого рода применялись редко. Народ усердно занимался хлебопашеством, одежды и пищи было вдоволь». Развитию экономики способствовало и то, что во II в. до н. э. сложился так называемый *Великий шелковый путь* – караванная дорога из Китая в страны Средней и Передней Азии, которая пролегла от Желтого до Средиземного моря. В следующие десятилетия вновь возросла централизация и налоговый гнет.

Китайский наблюдательный пункт на Великом шелковом пути

В середине II в. до н. э. конфуцианство (правда, вобравшее в себя многие черты легизма) было объявлено единственным истинным учением и единственной идеологией, поддерживаемой государством. Сановники заявляли: «Все, что не соответствует учению Конфуция, должно быть искоренено, только тогда управление станет единым, законы – ясными, а народ будет знать, чему следовать». (Такое положение конфуцианство сохраняло вплоть до XX в.)

Позднее, при **У-ди** (140–87 гг. до н. э.), был воссоздан циньский институт инспекторов и введена новая система подготовки чиновников. В их число мог попасть только тот, кто закончил особое учебное заведение в столице, где изучали прежде всего конфуцианский канон, и сдал соответствующие экзамены. Право на попытку поступить в подобные заведения имел любой свободный человек. Кроме того, чиновники на местах были обязаны разыскивать и выдвигать по службе способных юношей.

Впрочем, конфуцианское представление о том, что «отец»-правитель должен подавать подданным-«детям» пример добродетели, т. е. отсутствия заботы о собственных выгодах, иной раз создавало парадоксальные ситуации. В I в. до н. э. конфуцианцы упорно требовали отменить государственные монополии, прибыль от которых шла на поддержание пограничной армии, – главным образом потому, что самим фактом такой заботы о пополнении казны государство показывало народу пример погони за прибылью, т. е. за выгодой. На вопрос, как же в таком случае оборонять Китай от кочевников, конфуцианцы отвечали: «Если император откажется от погони за прибылью, а будет только проявлять скромность и самоотверженность, совершенствовать и упражнять свою энергию дэ, то северные варвары сами откажутся от нападений, обезоруженные непобедимой магической силой добродетели императора».

В конце II в. до н. э. воинственный У-ди попытался развернуть широкомасштабные внешние завоевания. Дальние походы совершались на север, против хунну, на запад, на территорию Восточного Туркестана вплоть до Ферганы (здесь особенно отличился дипломат и полководец Чжан Цянь), на юг и юго-восток, к пределам современных Вьетнама и Мьянмы, и на северо-восток, в Корею. Почти всюду китайцы одерживали победы. В общей сложности территория державы увеличилась на треть.

Однако войны У-ди, в основном сугубо престижные и ненужные стране (например, из Ферганы император хотел получить местных коней, славившихся своей породой), стоили ей огромных людских жертв и материального истощения. Они не только не приносили добычи, но и требовали усиления налогового гнета для своего финансового обеспечения. В сельском хозяйстве начался кризис, крестьянские семьи разорялись, стали сокращаться посевные площади. На исходе своего правления У-ди в официальном эдикте признал, что войнами лишь зря «утомил Поднебесную», и раскаялся в них.

В I в. до н. э. начинает складываться ситуация, которой еще не раз суждено было повториться в истории Китая, каждый раз с одинаковыми последствиями. Речь идет о попадании масс обедневшего населения в социально-экономическую зависимость от крупных частных собственников. Поскольку в Китае еще с IV в. до н. э. почти все ценности, от земли до сословного ранга, были объектом свободной купли-продажи, процессы

концентрации богатств у одних собственников и разорения других приняли широкий масштаб. Вновь оживилась самопродажа и продажа родственников в рабство за долги или из-за голода. Количество рабов-китайцев постоянно росло, приближаясь к количеству рабов-чужеземцев; богатые сановники и купцы могли иметь по несколько сотен рабов. Стремительно увеличивалась доля обезземеленных и малоземельных крестьян, вынужденных в качестве арендаторов садиться на землю богатой знати, сконцентрировавшей в своих руках обширные угодья. Арендная плата была очень высока и достигала половины урожая. В силу тех же причин распространился наемный труд.

Династия осознавала, что рост крупного землевладения ставит под угрозу ее могущество, но все попытки законодательно ввести предельный размер частного владения провалились из-за сопротивления крупных землевладельцев, к числу которых относились и сановники в столице и на местах. Самую неудачную попытку справиться с ростом частного землевладения и частного рабства предпринял узурпатор **Ван Ман** в начале I в. н. э. Он попытался запретить работорговлю, не возвращая, однако, рабам свободу, и провести земельный передел, наделив каждую семью мелким участком и запретив куплю-продажу земель. Реформа вызвала сопротивление крупных собственников и проводилась с такими идеологическими погрешностями против здравого смысла и злоупотреблениями чиновников, что породила хаос в экономике и еще больше ухудшила положение народа. Повсеместно начались восстания.

Повстанческие армии воевали с силами Ван Мана, а после его гибели в этой борьбе – друг с другом. Из семилетней смуты в 25 г. н. э. победителем вышел Лю Сю из правящего рода Хань. Он объявил себя императором **Гуан У-ди** (25–57 гг.) и перенес столицу на восток, в Лоян. Время правления его дома именуется эпохой *Поздней, или Восточной, Хань* (25–220 гг.).

История этого периода в основных своих чертах циклически повторяет правления Старшей Хань. Гуан У-ди, как некогда Гао-цзу, провел широкие преобразования, направленные на оживление экономики и сельского хозяйства. По эдикту императора подавляющее большинство рабов, китайцев по происхождению, получило свободу, поработать китайцев было запрещено, а рабовладельцев лишили права клеймить и убивать своих рабов. Налоги и повинности были снижены. Особенное внимание уделялось освоению новых земель на юге Китая, в бассейне Янцзы и южнее; государство поощряло здесь создание оросительных систем. Одновременно широкие государственные мероприятия по ирригации проходили и в исконных земледельческих районах.

Все эти меры вновь укрепили положение основной массы крестьянства и стабилизировали ситуацию в империи. Пользуясь этим, потомки Гуан У-ди через некоторое время перешли к активной внешней экспансии. Во 2-й половине I – начале II в. н. э. войны велись то с хунну, то с государствами Восточного Туркестана, то с проникающей туда Кушанской державой. Большую часть II в. н. э. Поздняя Хань проводит уже в оборонительных войнах против новых орд северных кочевников и западных горных племен бассейна Кукунора.

Население империи, как и в конце периода Старшей Хань, достигло 60 млн человек. И снова повторился кризис: все больше власти стали сосредоточивать в своих руках крупные земельные собственники и их кланы (так называемые сильные дома), втянувшие в зависимость от себя большие массы крестьян.

На этот раз ситуация была серьезнее, чем при Старшей Хань: если тогда обычной формой такой зависимости была свободная аренда, не менявшая статуса арендатора как лично свободного человека, обязанного государству подушным налогом и повинностями, то теперь арендаторы стали лично зависимыми от «сильных домов», а те укрывали их от государственного учета и эксплуатации. Податная база государства сокращалась, и оно усиливало эксплуатацию тех крестьян, которых еще контролировало. Как следствие, государственные крестьяне разорялись и были вынуждены пополнять ряды зависимых от «сильных домов», способных предоставить им землю. Срачивание крупной земельной

собственности и высоких чинов, а также общая коррумпированность бюрократии стали еще одной бедой того времени.

По всей стране в течение четверти века вспыхивали организованные даосскими и близкими к ним сектами восстания, самым мощным было восстание «желтых повязок» (184). Подавили его не столько императорские войска, сколько «сильные дома», получившие в ходе этих смут полную власть на местах, а потом и начавшие бороться за императорский престол. После 192 г. император Хань уже был марионеткой в руках их соперничавших группировок, а после его смерти в 220 г. Китай распался на три царства, в каждом из которых главной силой были магнаты – главы «сильных домов», составлявшие государственную верхушку. Этот распад условно считается концом древней истории Китая.

В целом ханьская эпоха по праву славится как классический, «золотой» век китайской истории. Именно тогда, по сути, окончательно сложился сам китайский народ, и самоназванием китайцев до сих пор является термин «хань», т. е. «люди Ханьской империи».

Глава 31 Культура и менталитет Древнего Китая

Мифоритуальная картина мира, литература, ученость

В центре мифологических представлений Древнего Китая стояли архаические сказания о предках, в том числе о героях, спасающих человечество от всевозможных бедствий (наводнений, засухи, вызванной появлением разом десяти солнц, от которой людей спас стрелок И, сбивший лишние солнца из лука, и т. д.) и приносящих ему различные навыки и умения (добывать огонь, строить жилища, выращивать злаки и т. д.). Впоследствии эти герои были переосмыслены как первые правители Китая, но даже тогда их облик по-прежнему описывался как частично зооморфный. Это явно указывает на их исконную мифологическую и тотемистическую природу. Для мифов о первопредках характерен мотив непорочного зачатия матерью от божественного существа.

Космогонические мифы обычно отталкивались от концепции двух взаимодополняющих и в то же время противопоставленных друг другу мировых начал – *инь* (темное женское начало) и *ян* (светлое мужское начало). В середине I тыс. до н. э. эти мифы были преобразованы в стройную схему происхождения мира из хаоса, которая с тех пор не изменялась. Согласно этой схеме, первоначально мир представлял собой единую субстанцию из мельчайших частичек *ци*, т. е. нечто вроде хаоса. Ци постепенно расходились: легкие светлые частицы *ян* поднялись вверх и образовали небо, тяжелые темные частицы *инь* опустились и образовали землю. В разных комбинациях *ян* и *инь* образовали пять мировых стихий: вода, огонь, дерево, металл, земля. Дальнейшее взаимодействие *ян* и *инь* привело к возникновению всех объектов в пространстве между небом и землей, в том числе и человека.

Вселенная в целом представлялась в виде двух сфер: круглое небо и квадратная земля, между ними находился мир, населенный людьми. В *иньский* период считалось, что Вселенная подчиняется всемогущему верховному божеству – *Ди* («Владыке»). Свиту *Ди* составляли усопшие предки вана, служащие посредниками между ваном и *Ди*. Существовал культ природы, в частности высоких гор, сопровождавшийся человеческими жертвоприношениями.

В *чжоуское* время китайцы отказались от представления об усопших предках как о свите богов, обособив их культы друг от друга. Место *Ди* в представлении о богах заняло Небо – *Тянь*. По более позднему выражению, «только Небо осуществляет наблюдение за народом, ведает справедливостью, посылает урожай и неурожай. Без Неба погибнет народ. От милости Неба зависит его судьба».

Ван рассматривался как Сын Неба (*Тянь цзы*) и для общения с ним не нуждался в посредниках. Считалось, что ван получал от самого Неба мандат на царствование (*Тянь мин*)

и что он обладает исключительной «благой силой» дэ, т. е. способностью настраиваться в резонанс Небу и проводить его энергию на благо жителей земли. Поле действия дэ правителя охватывало весь мир, поэтому выполнение им соответствующих ритуалов вело к постоянному возобновлению порядка и мироустройства во всей Поднебесной (Тянься). Если правитель безответственно относился к своим обязанностям, его возможность использовать собственное дэ уменьшалась, если же он стремился к праведности – повышалась.

Необычайно подробные представления китайцев о загробном мире и загробном суде приводили к тому, что подготовке гробниц и погребальным церемониям в Китае уделяли внимания немногим меньше, чем в Египте.

Письменная традиция Китая представлена различными памятниками начиная с иньских гадательных надписей. Применявшимся тогда иероглифическим письмом китайцы с некоторыми изменениями пользуются до нашего времени. Каждый иероглиф обозначает какой-то предмет или действие, а сложное понятие выражают, составляя один знак из нескольких простых. В иньский период письменность использовалась, видимо, только в ритуале; при Чжоу грамотность широко распространилась среди населения, включая простолюдинов. Наиболее широкая унификация китайской письменности произошла при Цинь Шихуанди; с того времени идет прямая линия развития к современному письму. На рубеже нашей эры китайцы изобрели бумагу, вскоре заменившую все старые материалы для письма.

Из *памятников литературы* следует отметить упоминавшийся выше «Шицзин» – сформировавшийся в середине I тыс. до н. э. свод наиболее знаменитых произведений народной и авторской поэзии, как лирической, так и эпической, а также храмовых песнопений. Среди многочисленных *произведений философских школ* особую роль сыграли сборник высказываний Конфуция «Луньюй» и даосский трактат «Даодэцзин».

С иньских времен в Китае существовали традиции *летописания*. На основе различных летописей и других источников, включая надписи и документы правителей, китайский придворный историограф Сыма Цянь, по убеждениям умеренный даос и бесстрашный в исполнении своего гражданского долга чиновник, в I в. до н. э. создал знаменитый свод истории Китая вплоть до своего времени – «Шицзи» («Исторические записки»). Этот труд послужил образцом для всех последующих династийных историй.

Ученые Древнего Китая достигли серьезных успехов в прикладных естественных науках, в частности в *медицине*. Во всеобъемлющем труде «Хуанди нэйцзин» (сер. I тыс до н. э.) подробно описаны физиология и способы лечения многих болезней. **Чжан Чжунцин** (150–219 гг.) разработал метод диагностики по пульсу, начали применять иглоукалывание. Китайские медики использовали для лечения многие травы, а также чай, который применялся как тонизирующее средство.

Необходимость ритуальной синхронизации сроков сельскохозяйственных работ с небесными циклами предопределила развитие *астрономии*. Китайские астрономы создали первый в мире звездный каталог (V в. до н. э.), вычисляли сроки солнечных и лунных затмений, фиксировали появление комет. **Чжан Хэн** (78–139 гг.) соорудил небесный глобус, описал 2500 звезд из 320 созвездий и выдвинул теорию безграничности Вселенной. Он же создал уникальный сейсмограф. *Математики* Древнего Китая использовали отрицательные числа и десятичные дроби.

Одна из первых китайских *энциклопедий*, созданная в начале нашей эры, охватывала многие научные отрасли. Она насчитывала 22 927 «томов» (хотя размеры «томов» того времени были невелики). Традиционными были каталоги-описания соседних стран, самый известный из которых – «Каталог гор и морей». Также в Китае был изобретен компас.

Некоторые категории мировоззрения

Древний Китай породил множество философских учений, одно из которых – *конфуцианство* – к концу II в. до н. э. стало государственной идеологией. К этому времени

оно впитало некоторые черты легизма, сохраняя жесткое противостояние легизму как таковому. Однако при всех их разногласиях и прямой противоположности ряда ключевых постулатов и конфуцианство, и легизм отталкиваются от некоторых общих понятий, превратившихся еще к середине I тыс. до н. э. в основные категории древнекитайского мировоззрения. Далеко не всегда эти понятия находят прямые соответствия в привычной нам культуре, что заставляет рассмотреть их подробнее.

Дао (досл. «путь») – имманентно присущие всем вещам и миру в целом векторы и закономерности их развития, заложенные в природе миропорядка законы, образно представляемые китайцами как некий поток, несущий и направляющий все. Дао непознаваемо и невыразимо, но только действуя в согласии (своего рода резонансе) с дао, можно достичь успеха; идя наперекор дао, человек обрекает себя на неудачу.

Дэ (условный перевод «добродетельность», «благодать», реально – «особая энергия благораспространения и благоустройства») – присущая всякому человеку природная энергия и возможность «правильного» (т. е. соответствующего пути-дао) устройства самого себя и окружающего мира. Впрочем, человек может злонамеренно противостоять своей дэ, заглушая в себе ее проявления и исчерпывая ее запасы. Между тем дэ вписана в природу человека Небом и представляет собой реализацию или прорыв невидимого и неосязаемого дао в вещный, осязаемый мир (точнее, в природу человека как его часть, а через нее – в мир вообще).

Понятия «дао» и «дэ» в рамках общекитайских представлений можно перевести на русский язык как «правило» и «правильность»: «Правило»-дао, лежащее в основе движения и бытия всего сущего и подспудно направляющее его, и «правильность»-дэ как свойство и способность человека действовать согласно «правилу», устраивать себя и окружающее «правильным» образом. В то же время «правильность» сама является единственным проявлением «правила» в наблюдаемом мире.

Дэ правителя особенно сильно, и если сам правитель поддерживает и «совершенствует» ее (т. е. правильно направляет этот поток энергии, ревностно исполняя свой долг), то тем самым генерируется всеобщее поле дэ, в котором только и может упорядоченно существовать общество. Именно это обстоятельство делает фигуру правителя сакральной, превращая его в связующее звено между Космоначалом и миром человека.

И – долг человека перед другими людьми (прежде всего вышестоящими и старшими) в рамках китайской этики становится самодовлеющим началом, его исполнение любой ценой само по себе считается главным смыслом человеческой жизни.

Ли – нормы человеческой жизни и поведения (обычный условный перевод «ритуал», «норма» или «церемониал», реально – «правила достойного поведения»; ли осмысливается как актуализация законов миропорядка – дао – в части, касающейся человеческих взаимоотношений) связаны по своей природе прежде всего с концепцией долга. Каково бы ни было и к чему бы ни относилось конкретное требование ли, оно призвано в первую очередь самыми разными способами подчеркнуть, выразить или воплотить готовность человека к преодолению своих личных чувств и интересов во имя выполнения долга. Таким образом, перевод слова «ли» как «норма» не вполне точен: более правильно было бы переводить его «нормы [самоотречения, преодоления собственной самости]», помня при этом, что именно такие нормы, по мнению китайцев, составляли суть социального нормирования вообще.

Суть ли заключается на деле в следовании «почтительности» – *сяо*. «Почтительность» (собственно, почтительность к тем, по отношению к кому на тебе лежит долг) – это способность воспринимать свой долг (и), как главную личную ценность и подчинять все остальное его истовой бескорыстной реализации.

Жэнь – «свойство вести себя “как люди”, преданность социальной норме» (производное от однокоренного слова «жэнь=человек», откуда условные и, в сущности, некорректные переводы «человечность», «человеколюбие», «любовь к людям»), дословно означает способность вести себя «по-людски». Однако для древних китайцев «людское»

поведение подразумевает в первую очередь отнюдь не «человечность» в европейском смысле слова, а именно готовность к выполнению нормы ради нее самой. Так что жэнь требует скорее перевода «высоконравственность, пристойность».

К человечности в смысле милосердия, жалостливости, товарищества и снисходительности жэнь может и не иметь особого отношения. Так, традиция устойчиво противопоставляет друг другу аристократа Сян Юя и простолюдина Лю Бана (основателя династии Хань), столкнувшихся в борьбе за императорский престол. Аристократ, как подчеркивает источник, в высокой мере исполнен начала жэнь, но при этом, согласно тому же источнику, для него характерны постоянные притеснения и преследования других, которых он в массовом порядке и с необычайной жестокостью убивает. Простолюдин Лю Бан совершенно лишен начала жэнь и ведет себя грубо и непристойно, однако щедро делится добычей со своими приверженцами и, в общем, человек не злой, а иногда даже на редкость снисходительный. В частности, сторонники Лю Бана говорили ему прямо в лицо:

«Вы, государь, были горделивы и относились к людям свысока, а Сян Юй был исполнен начала жэнь и осуществлял жэнь по отношению к людям; однако Вы, государь, посылая своих людей на штурм городов и захват земель, отдавали своим людям все, что захватывалось, и всех, кто сдавался, значит, с Поднебесной у Вас был общий интерес. Сян Юй же завидовал мудрым и ненавидел способных, он вредил тем, кто добивался успеха... одерживая победы, не награждал людей за заслуги, приобретая земли, не одарял выгодами других» <...> Вы, великий ван, до сих пор несдержанны в своих поступках, не соблюдаете этикета/ритуала [досл. норм “ли”]... Вместе с тем Вы, великий ван, умеете быть щедрым к людям, награждаете их... <...> Такой род жэнь [как у Сян Юя] заслуживает того, чтобы его назвали разве что бабьим!.. Сян Юй учиняет резню и опустошение всюду, где проходит. Большая часть Поднебесной его ненавидит. Простые люди не подчиняются ему из преданности, но лишь боятся его силы. ...Сян Юй предательски вырезал более двухсот тысяч солдат Циньской армии, которые уже сдались [и сдача которых была принята]... Вы же, когда перешли проход У и вошли в Цинь, не причинили [покоренным] ни малейшего вреда... так что не было ни одного циньца, который не хотел бы видеть Вас своим государем!»

На этих примерах ясно видно, что жэнь – это прежде всего стремление соблюдать некую формальную возвышенность в манерах: отсутствие жэнь тождественно несдержанности и неисполнению этикета! На самом деле наиболее точным переводом на современный язык термина «жэнь» было бы выражение «приверженный к исполнению общественной нормы поведения».

Итак, скрытая сущность космической устроенности, законов космоса – дао раскрывается в человеке в виде личной благой энергии дэ, позволяющей, соответственно, ему самому участвовать в космоустройстве, упорядочивая себя и мир. Если в человеке воспитана готовность к человеческой пристойности, жэнь, то он использует и развивает свою дэ, что реализуется как постоянное выполнение норм поведения ли, дух которых состоит в почтительности сяо, а цель – в самоотверженном исполнении самодовлеющего долга, и. Выполнять же свой долг человеку позволяет и вменяет в необходимость лишь все та же дэ.

Такая система соответствует общим основам древнекитайской культуры в целом (изложенное только что соотношение этих понятий разделяли чжоуская, раннеконфуцианская и развитая конфуцианская идеологии, частично – легизм). Были, разумеется, и исключения – от философий, призывающих к имморалистическому наслаждению любой ценой, или даосизма с его недеянием, до моизма с его принудительно-всеобщей взаимной «любовью» (и принудительным же ограничением индивидуальной самореализации и индивидуального потребления до физиологического минимума), однако они оставались исключениями.

Социально-этическая концепция Древнего Китая к концу I тыс. до н. э.

По своим теоретическим основам «философия жизни» чжоуского и конфуцианского Китая имеет вид *положительного эвдемонизма (гедонизма)*. Иными словами, ее построения исходят из того, что первичной целью жизни людей является удовлетворение их собственных потребностей, прежде всего в безопасном и благополучном (а тем самым, с неизбежностью, коллективном) выживании. Общественные и государственные структуры существуют именно для того, чтобы обеспечивать оптимальное удовлетворение этих потребностей. В силу этих воззрений конфуцианство сосредоточивается на взаимных обязанностях государя и народа и не видит теоретических препятствий к лозунгу силового низвержения несправедливого государя, разрушающего спокойствие и благоденствие народа.

Однако отличительной особенностью этого китайского «эвдемонизма» – особенностью, в значительной степени аннулирующей сами его основы, была специфическая концепция долга. Согласно этой концепции, люди смогут по-настоящему достичь своей цели – личного и семейного процветания – лишь в том случае, если сами не будут думать об этом, не станут прямо преследовать свои выгоды, а, наоборот, сосредоточатся на преодолении собственной «самости» и исполнении своего долга перед другими людьми, связанными с ними узами взаимного попечения, – как этот долг определяется общественным положением каждого лица. Тогда каждый человек будет подчеркнуто заботиться не о себе (и даже не о других – сами по себе они его не так уж интересуют), а об исполнении своих обязанностей перед другими, зато другие точно так же позаботятся о нем. В конечном итоге каждый из участников этой системы достигнет куда более прочного и мирного благополучия, чем если бы он стремился преследовать собственные интересы и вследствие этого постоянно вступал в конфликты с другими. В классическом конфуцианском трактате «Сюнь-цзы» (III в. н. э.) на этот счет сказано:

«Когда человек видит лишь жизнь и стремится сохранить ее любой ценой, он непременно умрет; когда человек видит лишь выгоду и стремится сохранить ее любой ценой, он непременно понесет ущерб; когда человек ради своего спокойствия ленится и трусит, он непременно попадет в опасное положение; когда человек ради своего удовольствия дает волю чувствам, он непременно погибнет. Поэтому тот, кто сосредоточивается на соблюдении норм [самоотверженности и приличия], ли, и выполнении долга перед другими и добивается двух результатов [и соблюдения этих норм, и удовлетворения желаний], тот же, кто сосредоточивается на своих чувствах, теряет и то, и другое... Полное соблюдение норм [самоотверженности и приличия] – ли, и неуклонное выполнение долга перед другими – и, неуклонное совершенствование этих качеств и превращение их в высшую степень преклонения составляют начало совершенного человека».

Итак, исходя в теории из того, что людям естественно заботиться о собственном процветании, традиционная мысль Китая именно по этой причине и внешне парадоксальным образом предъявляет к человеку прямо противоположные непосредственные требования – требования скромности, самоотвержения, самоограничения, «почтительности», концентрации на исполнении своих обязанностей перед внешним миром. Отсюда берет начало множество феноменов китайской культуры – от демонстративного самоуничужения, как обязательной составной части этикета, до невероятного по европейским меркам внимания политической мысли к технологии управления и тонкостям административного строительства (в самом деле, в рамках приведенной выше системы «взаимного попечения» все будет зависеть именно от того, как задействованные в ней люди «расставлены» друг относительно друга – т. е. от кадров и связывающей их структуры).

Следует подчеркнуть, что изложенная концепция «долга» вписана не только в человеческий мир, но и в Космос в целом, так что в ней нераздельно сливается «мирское» и «сакральное» европейской терминологии: дао (внутренне присущие природе миропорядка законы) с точки зрения конфуцианства как раз и вмещает людям изложенные выше начала

как единственно правильные и возможные основы общежития. Тем самым эти начала приобретают не условный, зависящий от человеческих желаний и договоренностей, а сакрализованный и «объективный» характер. Люди не могут изменить этих «правил игры», им остается только применяться к ним.

В теории все это было нужно как раз для того, чтобы люди могли удовлетворять свои желания в той мере, в какой это вообще возможно без смуты и нищеты (трактат мудреца Сюнь-цзы), но на практике официальное влияние общества на людей зачастую сводилось к непрерывной дискредитации, подавлению и ограничению личных желаний, потребностей и прав в воспитательных целях. Тот же Сюнь-цзы, который открыто провозглашал, что нормы ли и долг и нужны только для того, чтобы люди могли наилучшим из доступных образом удовлетворять свои желания, одновременно полагал, что низший не может не то что уклониться от тяжелой работы, предписанной ему высшим, но не должен даже «осмеливаться просить об отдыхе, устав от работы»!

В одном из назидательных текстов «Го Юй» правителю стоило поглядеть на землю с высоты своего дворца и сказать: «Как радостно видеть зажиточность населения!» – как мудрец-советник тут же сказал ему: «Это действительно радость, но вы ведь еще не испытали радости от добродетели и соблюдения долга!» Добродетель и соблюдение долга здесь противопоставляются уже достигнутому всеобщему благосостоянию и довольству как принципиально иные по природе и притом более высокие ценности.

Традиционная древнекитайская культура так боится преступной реализации желаний, что считает: чем больше их подавлять, тем лучше. А иначе человек, дав себе волю хоть в чем-то и одоблив и санкционировав заботу о себе (а не рассматривая ее как наименьшее зло, необходимую уступку собственному несовершенству и слабости, при одновременном убеждении в том, что чем меньше таких уступок, тем лучше), немедленно начнет попирать все нормы вообще.

Вот несколько ярких примеров реализации всей этой системы в памятниках древнекитайского права и философии. В передававшемся из века в век «списке десяти тягчайших злодеяний» (один из основных элементов уголовного права Китая) почти полностью отсутствует соразмерность тяжести преступления и реального ущерба, который от него понесли жертвы. Ношение нарядной одежды в срок траура по близким родственникам осуждается больше, чем покушение на убийство более дальних родственников, а неоплакивание мужа считается не менее тяжким грехом, чем убийство губернатора. Обычные и наиболее опасные уголовные преступления – убийство, изнасилование, разбой, воровство в перечень вообще не попали. Иными словами, убить первого встречного считалось менее тяжким преступлением, чем нарушить долг почтительности по отношению к близкому родственнику.

В целом из перечня видно, что тягчайшими преступлениями китайцы считали те проступки, что были направлены против субъектов, по отношению к которым человек нес наиболее ответственные и тесные обязательства «долга» (и). Такими субъектами являлись (в порядке убывания статуса их самих и значимости долга по отношению к ним): 1) наиболее сакрализованные институты, в том числе сакральная составляющая государственности и правителя; 2) государство как политический институт; правитель как физическое лицо; 3) родственники; 4) непосредственные начальники (как квазиродители/наставники); 5) все прочие соподданные (независимо от ранга). При этом подавляющее большинство «злодеяний» направлено строго снизу вверх, обратные акции такого возмущения не вызывают. Обиды, чинимые не только младшим, но даже и равным, воспринимаются гораздо спокойнее, чем те, где физический и политический ущерб оказывается сопряжен с неповиновением. Приведем назидательный рассказ из конфуцианского трактата «Го Юй».

Некий сановник способствовал назначению на пост одного военачальника. В битве, где участвовали оба, сановник умышленно послал доверенного человека нарушить колесницей ряды войск военачальника. Военачальник немедленно казнил нарушителя, хотя и знал, что это доверенное лицо его

благодетеля-сановника. Многие упрекали военачальника в неблагодарности, но сам сановник вызвал и расхвалил его: оказывается, сановник всего лишь испытывал таким образом своего протеже и теперь был вполне удовлетворен тем, что военачальник предпочел сурово покарать нарушителя дисциплины, хотя и знал, что это доверенное лицо его покровителя. Таким образом военачальник доказал, что служит делу, а не лицам, и его покровитель-сановник убедился, что продвигал его не зря. Финал этот рассматривается как положительный, о казненном, которого обрели на смерть ради такой проверки служебных качеств военачальника, никто и не вспоминает.

Характерно, что аналогичные по духу рассказы встречаются в сочинениях легистов: речь идет об инварианте традиционной китайской ментальности (получившем впоследствии конфуцианскую обработку и оформление). В общественную практику Китая вошли всего три учения – даосизм, легизм и конфуцианство – и все они в разной степени принимали этот инвариант.

Конфуцианство и легизм прямо исходили из того, что оптимальный порядок в обществе возможен только в том случае, если никто не будет думать о себе, а всякий станет в первую очередь заботиться исключительно о выполнении своего долга перед другими. Различались они в основном представлениями о том, какие методы нужны для обеспечения такого положения дел – принудительно-воспитательные или чисто устрашительные.

Даосы же полагали, что самореализация полноценного, разумного человека вообще лежит вне общественной жизни; однако для обычных, во многом деградировавших людей общество нужно, а уж оно само по себе существует (и может существовать) только на описанной основе. При этом, конечно, даосы считали общество институтом, хоть и необходимым для нынешнего деградировавшего мира, но в принципе неискоренимо искаженным, и рекомендовали правителям и вообще всем людям «плыть по волне», стараясь как можно больше использовать естественно сложившуюся конфигурацию и динамику событий и как можно меньше ей противостоять, не вмешиваясь резко в сложившиеся и естественно развивающиеся отношения и не пытаясь переломить их (последнее у даосов называлось «искусственно выпрямлять естественное отвесом и изгибать по крюку» и активно осуждалось).

Однако естественно сложившаяся этика Китая и предусматривала описанную выше систему; поэтому в той мере, в какой это вообще касалось общественной практики, даосизм по меньшей мере не отрицал описанной выше общекитайской системы ценностей. Даосы звали людей вернуться к «природной простоте», отказавшись от «искусственного» иерархического общества, но уж до тех пор, пока оно существует, они не призывали, допустим, отказываться от репрессирования родственников преступника вместе с самим преступником и т. д. По мнению конфуцианцев и легистов, напротив, общество – институт позитивный и в высшей степени необходимый самым совершенным людям (и само их совершенство только обществом может быть налажено, воспитано и обеспечено), а поддержание общественного порядка требует от всех ответственных лиц, особенно от правителей, непрерывных активных действий.

Источники и литература

- Антология* древнекитайской философии. М., 1972. Т. 1. М., 1973. Т. 2.
Антология китайской поэзии / Пер. под общей редакцией Го Можо и Н. Т. Федоренко. М., 1957. Т. 1.
Бамбуковые страницы: Антология древнекитайской литературы / Сост. И комм. И. С. Лисевича. М., 1994.
Древнекитайская философия: В 2 т. М., 1972.
Древнекитайская философия. Эпоха Хань: Антология / Сост. Ян Хиншук. М., 1990.

- Книга* правителя области Шан / Пер. и комм. Л. С. Переломова. М., 1968.
Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Пер. и комм. Р. В. Вяткина. М., 1972. Т. 1.
- Шицзин*. Книга песен. Избранное. М., 1986.
Legge J. The Chinese Classics. Hong Kong, 1972. Vol. 1–8.
- Васильев Л. С.* Аграрные отношения и община в Древнем Китае (XI–VII вв. до н. э.). М., 1961.
Го Можо. Эпоха рабовладельческого строя. М., 1956.
Древние китайцы в эпоху централизованных империй / М. В. Крюков, Л. С. Переломов, М. В. Софронов, Н. Н. Чебоксаров. М., 1983.
Крюков М. В. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967.
Кучера С. Китайская археология. М., 1977.
Малявин В. В. Гибель древней империи. М., 1983.
Литература Древнего Китая. М., 1969.
Переломов Л. С. Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае (221–202 гг. до н. э.). М., 1962.
Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
Переломов Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993.
Рубин В. А. Идеология и культура Древнего Китая. М., 1970.
Синицын Е. П. Бань Гу – историк Древнего Китая. М., 1975.
Смолин Г. Л. Источниковедение древней истории Китая. Л., 1987.
Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая. М., 1958.
Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М., 1987.
Янишина Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., 1984.
Bodde D. China's First Unifier. Leiden, 1938.
Bodde D. China's Cultural Traditions. N. Y., 1957.
The Cambridge History of China. L.-N. Y., 1986. Vol. 1: The Ch'in and Han Empires. Ed. D. Twitchett and M. Loewe.
Chang K. Ch. Shang Civilisation. New Haven-L., 1980.
Gernet J. Ancient China: From the Beginnings to the Empire. L., 1968.
Loewe M. Everyday Life in Early Imperial China during the Han Period. L., 1968.
Rawson J. Ancient China: Art and Archaeology. L., 1980.

Заключение

История Древнего Востока предстала перед нами как история большей части человечества на первом этапе его существования в рамках цивилизации. Несмотря на всю этнокультурную пестроту древневосточных обществ, многочисленные народы Востока имели общие судьбы. Они все шагнули из первобытной эпохи на более высокую ступень цивилизационного развития, а затем последовательно прошли сложный путь от зарождения к зрелым формам древних цивилизаций. Общие закономерности исторического процесса были обусловлены природно-исторической средой обитания на Востоке. Кроме того, практически все древневосточные цивилизации существовали в зоне субтропического климата.

Типологически однородной была и социальная структура, устойчиво сохранявшая архаические черты с резким разделением на знать, как правило, родовитую, обладавшую властью и богатством, и простолюдинов. Несмотря на наличие городов, на Древнем Востоке основой жизнедеятельности выступало сельское хозяйство и сельская община, во многом предопределившая медленный эволюционный процесс развития и сохранение традиционных форм жизни.

Общим фоном древневосточной истории стало возникновение деспотии в рамках

речных долин. Для древневосточных деспотий характерна абсолютная власть монарха и сакрализация его личности, доходящая порой (как в Египте и Китае) до обожествления. Влияние этой формы политического устройства на соседние государства было столь значительным, что черты деспотии в той или иной мере проявились во многих древневосточных царствах. Это привело к особой (только на Древнем Востоке встречающейся) форме взаимоотношений между правителем и обществом. Ее главная особенность заключается в том, что при наличии правовых систем подданные не имели нормальных правовых гарантий защиты от монарха.

Специфически древневосточной чертой является и слабое развитие (вплоть до заключительного этапа древней истории) частной собственности и, как отражение этого, порождение широкого спектра различных форм зависимости и подневольного труда. На Древнем Востоке сложились самые примитивные и порой грубые формы эксплуатации подневольных работников, ими были как соплеменники, так и захваченные в плен иноземцы. Внеэкономическое принуждение, выступавшее в различных формах контроля (физического и идеологического), было господствующим во всех цивилизациях Древнего Востока, что, впрочем, не мешало существованию многообразных хозяйственных укладов, среди которых рабовладельческий не был ведущим и структурообразующим. Этот факт не позволяет нам характеризовать древневосточное общество как рабовладельческое³⁹.

Соотношение государственной и частной эксплуатации вообще было самым болезненным социально-экономическим вопросом для любого древнего общества. Дело в том, что всякая эксплуатация может быть социально полезна только в той мере, в какой изъятый с ее помощью продукт вкладывается затем в торговлю, производство, политическое и культурное обеспечение общества, т. е. в сферы жизни, полезные в конечном счете для всей страны.

В обществах древности, с неразвитым обменом и доминированием натурального хозяйства, богатство частного лица либо «проедалось», либо омертвлялось в виде сокровища, либо умножало само себя ростовщическим путем, но почти никогда не вкладывалось в общественно-полезные процессы (единственным серьезным исключением могла быть внешняя торговля). Добывалось же частное богатство, как правило, путем успешного использования имущественного неравенства, втягиванием в долговую кабалу и концентрацией земли.

Государственная эксплуатация, напротив, обеспечивала функционирование необходимых всей стране институтов. Важнейшими задачами государства, которые оно везде выполняло, были оборона страны, поддержание внутреннего мира и законности, организация необходимых для жизни общественных работ – строительства и ремонта храмов и ирригационных сооружений (на эти работы государство мобилизовывало по повинности любые категории населения и тратило значительные собственные средства).

Таким образом, для аграрного общества древности частная эксплуатация была в больших масштабах всегда вредна, государственная же могла быть весьма полезна (в зависимости, правда, от доли продукта, взыскиваемого государством), а в определенных размерах – необходима. Поэтому жизнь многих стран Древнего Востока колебалась от разрушительного усиления частной собственности и частной эксплуатации (приводивших к разорению и порабощению огромной массы лиц) к их ограничению государством и

³⁹ Отметим, что вопрос о существовании на Древнем Востоке так называемого азиатского способа производства (это предположение выдвинул Маркс), вызывавший бурные дискуссии не только в отечественной, но и в мировой науке, является надуманным, так как этот термин описывает сочетание трех явлений: 1) «долевой» эксплуатации, при которой отчуждается часть продукта у работника, ведущего отдельное хозяйство; 2) преобладания общинников среди непосредственных производителей; 3) роли государства как главного эксплуататора (государство собирает ренту-налог с общин, и это является главным источником его богатств и главным видом эксплуатации в стране). Но на Древнем Востоке, в том числе в Месопотамии, эти явления существуют то вместе, то по отдельности, не образуя единой системы, что снимает сам вопрос о выделении «азиатского способа производства».

укреплению государственного сектора экономики.

Общими чертами характеризуется и духовная жизнь общества на Древнем Востоке. Отличительной особенностью большинства древневосточных культур являлось внешне парадоксальное сочетание крепости и заглавной роли иерархических и корпоративных отношений в социальном быту с довольно высоким уровнем личного сознания и индивидуализации. Соответственно, на первый взгляд социальные установки воспроизводят «коллективизм», а тексты отражают «индивидуализм». В действительности речь идет о специфических взаимоотношениях личности и общества, не схожих ни с античными, ни с феодальными. Это обеспечивало устойчивость традиционных форм культуры. Духовный расцвет древних цивилизаций Востока был связан с мифологической картиной мира, которая не исключала накопления обширных научных знаний и появления интересных изобретений.

Но, помимо общего, типологически однородного, каждая цивилизация продемонстрировала неповторимое своеобразие исторического пути развития. На протяжении более четырех тысячелетий народами обширных регионов Азии и Африки были испробованы многообразные пути и варианты развития во всех сферах жизни и деятельности. Уже пестрота природно-климатических регионов диктовала людям различные формы хозяйственной деятельности – от ирригационного земледелия до кочевого скотоводства. Особенности производственной деятельности, в свою очередь, оказывали влияние на формы социальных связей и структуру общества, которые в каждом отдельном случае представляли по-новому, со своими нюансами. А своеобразная социально-экономическая модель формировала адекватную ей политическую модель устройства. В истории государства, его взлетах и падениях наиболее ярко проявлялось своеобразие и уникальность исторической судьбы каждого народа.

Свои коррективы в пути и темпы развития древневосточных цивилизаций вносило и то, какой материал для изготовления орудий труда и оружия освоило общество. Эпоха бронзы обуславливала замедленные темпы развития. Железный век, наоборот, оказал непосредственное влияние на ускорение и динамику исторического прогресса прежде всего тех народов, которые вышли на историческую арену именно в этот период. Однако у подавляющего большинства народов, которые вступили на путь цивилизационного развития в эпоху бронзы, быстрых и радикальных изменений не произошло. Этому мешала традиционность мышления, господствовавшая в древневосточном обществе, благодаря которой сохранялись те социально-экономические и политические институты, которые пришли из прошлого, были анахронизмами, но освящались авторитетом предков, продолжали функционировать, мешая историческому прогрессу.

Наиболее наглядно особенности историко-культурного развития каждой цивилизации отражали многообразные системы письменности, созданные на Востоке на протяжении многовекового развития. Иероглифическое, слоговое письмо и, наконец, алфавитная система письма были разработаны в различных культурах. Развитые системы письменности позволили каждой цивилизации Древнего Востока создать свою уникальную письменную культуру. Она зафиксировала прежде всего ту своеобразную картину мира, в основе которой лежали особенности религиозной системы языческих верований и развитой на ее основе мифологии. Именно благодаря письменности были зафиксированы все стороны активной, богатой и многосторонней духовной деятельности общества цивилизаций Древнего Востока.

В каждой цивилизации была создана уникальная и многообразная по жанрам литература. Яркие образы, богатый язык отражают этнокультурную неповторимость народов Востока. Еще ярче своеобразие каждой цивилизации и ее культуры передает архитектура, своеобразно отразившая господствовавшие в обществе духовные представления и ценности. Неповторимые архитектурные формы дворцов, храмов и гробниц через тысячелетия сохранили в себе достижения гениальных творцов древних цивилизаций.

Своеобразие черт каждой цивилизации выросло не только из внутренних основ развития, но и из естественно складывавшихся многочисленных форм контактов и связей древневосточных народов. Политические (в том числе и военное насилие), экономические и

культурные контакты добавляли к автохтонным формам новые черты и существенно влияли на направление и темпы исторического развития.

Особенно плодотворными были многообразные культурные контакты, которые приводили к различным результатам. В одних случаях происходило взаимопроникновение и обогащение культур контактирующих обществ. В других – осуществлялось одностороннее заимствование отдельных элементов культуры у более развитых соседей: сюжетных линий, художественных образов, элементов языка, технических достижений и т. п., которые творчески перерабатывались и усваивались. Это добавляло культуре новые черты, не нарушая ее своеобразия. Наконец, случалось и полное слияние культур соседних народов: художественной, повседневной, религиозной. В результате возникал культурный синкретизм и образовывались «надэтнические» культуры, как это произошло в истории цивилизации народов Месопотамии.

Итогом таких контактов стало распространение передовых достижений по всему древневосточному ареалу и ускорение (правда, весьма относительное) темпов исторического развития, а также историко-культурная преемственность как в материальной, так и в духовной сфере. Феномен историко-культурной преемственности в значительной мере повлиял на медленное эволюционное развитие Древнего Востока без резких революционных скачков и разрывов в традиции при поступательном развитии всех социально-экономических и политических институтов. Этим же феноменом объясняется наличие при многообразии форм жизни общества определенной социокультурной целостности Древнего Востока, в том числе общность отдельных черт государственного строя и соотношение личности и общества, которые были рассмотрены выше. В этом его принципиальное отличие от древних обществ Запада.

Народы Древнего Востока первыми вступили на путь цивилизационного развития и оказали огромное влияние на своих соседей. Именно они создали материальные и духовные основы жизни человечества и предопределили дальнейший ход истории.

Фотографии с цветной вкладки

Стела с именем царя Джета (ок. XXXI в. до н. э.)

Великий сфинкс и пирамида Хуфу в Гизе. *Фотография*

Ментухотеп I – объединитель Египта. *Статуя из погребального комплекса в Дейр эль-Бахри* (XXI в. до н. э.)

Царица Исида, мать Тутмоса III. *Скульптурное изображение из Карнака* (XV в. до н. э.)

Нефертити – супруга Эхнатона (XIV в. до н. э.)

Золотая маска Тутанхамона (XIV в. до н. э.)

Заупокойный храм царицы Хатшепсут в Дейр эль-Бахри. *Фотография*

Фараон Тутмос III приносит жертву богу Амону. *Роспись* (ок. XV в. до н. э.)

Крепостные стены Ниневии. *Фотография*

Руины дворца Дария I в Персеполе. *Фотография*

Врата Иштар. *Фотография*

Лев, напавший на быка. *Рельеф* (Персеполь, V в. до н. э.)

Плоскогорье, прорезанное речными долинами-вади. *Фотография*

Руины Мариба – столицы Сабы. *Фотография*

Капитель львиной колонны Ашоки из Сарнатха (III в. до н. э.)

Жрец из Мохенджо-Даро (III тыс. до н. э.)

Индуистский храм (VII в.). *Фотография*

Танцующий Шива. *Бронза* (X в.)

Кришна, побеждающий змея Калию. *Миниатюра* (XVIII в.)

Великая Китайская стена. *Фотография*

Китайская керамика (III тыс. до н. э.)

Китайский сановник в карете. *Фреска из гробницы эпохи Хань*

Конфуций. *Средневековый портрет*

Сцена из китайской мифологии. *Позднесредневековое изображение*

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://royallib.ru)

Оставить отзыв о книге
Все книги автора